

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2009

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev13gess

P
4 Slav
A
3635
I
3

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. Гессеномъ

XIII

БЕРЛИНЪ 1924

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ Издательству «СЛОВО».

Защита Всероссійскаго Учредительнаго Собранія

Бориса Соколова

Въ оцѣнкѣ происходившихъ за послѣдніе годы событій россійскихъ, въ опредѣленіи величины и значенія движущихъ силъ, я въ значительной мѣрѣ не могу солидаризироваться съ существующими на эти событія взглядами. Ибо положеніе, неоспоримое для меня въ жизненныхъ процессахъ, въ біологіи, что въ борьбѣ за существованіе побѣда остается за носителями наибольшей activité vitale — это положеніе я распространяю и на процессы историческіе. Развѣ политическія партіи и группировки, наиболѣе активныя, не являются чаще всего и наиболѣе вліятельными? Развѣ не элементарная истина, такъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось и кажется, что первѣйшей и неотложнѣйшей задачей руководителей всякой политической партіи является сохраненіе и увеличеніе динамической энергіи послѣдней, охрана ея активности?

И, однако, эта, казалось, элементарная истина всегда считалась и считается весьма необязательной для большинства русскихъ политическихъ партій. Хорошо разработанная программа, тщательно отшлифованныя резолюціи, и многое другое считается неизмѣримо важнѣе партійной активности. Отсутствіе политической гибкости, отсутствіе реализма въ политикѣ, того честнаго политическаго реализма, который отстаиваетъ въ Чехо-Словакіи группа Масарика и котораго совершенно не было у русскихъ политическихъ партій, стоявшихъ у власти послѣдніе годы россійской жизни.

И, вѣроятно, именно поэтому въ тактикѣ этихъ партій замѣчалась извѣстная нерѣшительность, неувѣренность, именно въ моменты, особенно острые, требовавшіе дѣйствій активныхъ и смѣлыхъ. Вмѣсто нихъ мы чаще всего слышали и «Да» и «Нѣтъ», обрекавшія насъ, исполнителей, а не руководителей, на бездѣйствіе, нейтралитетъ, выжиданіе, однимъ словомъ, на пассивность, вредную по своимъ послѣдствіямъ и разрушающую иногда настроенія крѣпкія и цѣлостныя.

Эта ирреальность нашихъ политическихъ партій и, скажемъ прямо, лидеровъ, руководителей этихъ послѣднихъ, особенно проявилась въ жестокіе дни россійскаго кризиса. Въ дни, когда была поставлена на карту идея, выношенная поколѣніями русской интеллигенціи, идея о Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи, о Всенародномъ Собраніи, и когда эту идею пришлось отстаивать, защищать передъ натискомъ большевиковъ.

Для меня разгонъ Учредительнаго Собранія, неудача въ его защитѣ, представляется фактомъ гораздо болѣе крупнымъ и значительнымъ, чѣмъ это принято считать въ извѣстныхъ политическихъ кругахъ. И не только потому, что вслѣдъ за октябрьскимъ переворотомъ и 5-мъ январемъ пришло торжество большевиковъ, разрушеніе россійскаго государства, гибель милліоновъ русскаго народа — не только потому! Для меня кажется истиной непреложной, что неумѣніе защитить Учредительное Собраніе знаменовало собой глубочайшій кризисъ русской демократіи. Это былъ поворотный пунктъ. Послѣ 5-го января для прежней идеалистически настроенной россійской интеллигенціи не стало мѣста въ исторіи, въ русской исторіи. Ей принадлежало прошлое.

Это смутно и неясно я чувствовалъ въ январскіе дни.

И только теперь, спустя свыше чѣмъ пять лѣтъ послѣ этихъ событій, мнѣ кажется необходимымъ привести факты, участникомъ которыхъ я былъ и которые имѣли мѣсто въ тѣ дни, и подвести итоги, до сихъ поръ далеко не подведенные. Во многое, что казалось нерушимымъ и непреложнымъ, что покоилось на авторитетѣ десятилѣтій переживаній интеллигентско-россійскихъ, многое изъ того, къ чему прикоснуться не смѣла рука критикующая, — теперь кажется недоразумѣніемъ, ошибкой, и подвергается жестокой критикѣ

ЧАСТЬ I-ая

БЫЛЪ ЛИ БОЛЬШЕВИЗМЪ НЕМИНУЕМЪ И НЕИЗБѢЖЕНЪ?

Выпущенный большевиками изъ Бутырской тюрьмы — это было въ 1920 г. — я провелъ одинъ вечеръ въ разговорахъ и бесѣдѣ съ Е. Д. Кусковой. Я былъ преисполненъ еще настроеній тюремныхъ, конкретныхъ и ясныхъ. Тѣмъ любопытнѣе для меня была встрѣча съ представительницей, и притомъ видной, русской интеллигенціи.

Нѣсколько часовъ внимательно я слушалъ Е. Д. И чѣмъ дальше я слушалъ, тѣмъ я все болѣе и болѣе недоумѣвалъ: такою оторванностью, такимъ несоотвѣтствіемъ между ея планами и идеями и существующей дѣйствительностью вѣяло на меня отъ ея красиво построенныхъ рѣчей. Точно три года большевизма прошли незамѣченными. Кускова мечтала о смѣшанномъ правительствѣ — большевистско-демократическомъ, мечтала о многомъ другомъ...

Наряду съ этой оторванностью отъ дѣйствительности и идеализмомъ прежнимъ, неизжитымъ, меня поражалъ въ Кусковой рѣзко выраженный фатализмъ.

Все должно было устроиться какъ-то само собой. Бороться? Вести активную политику? Устраивать заговоры? Все это считала Кускова безполезнымъ, лишнимъ и вреднымъ. По существу она проповѣдывала пассивность въ политикѣ.

Кускова не была исключеніемъ. Это стремленіе къ пассивности, эту проповѣдь мирнаго дѣйствія, насквозь пропитанную фаталистическими тенденціями, я встрѣтилъ въ различныхъ кругахъ интеллигенціи. Въ этомъ было меньше всего симпатіи къ большевизму или любви къ коммунистическому строю. Эта пассивность прекрасно уживалась бокъ-о-бокъ съ ненавистью къ большевикамъ, съ презрѣніемъ къ ихъ поступкамъ. И этотъ фатализмъ отнюдь не былъ результатомъ усталости отъ большевистскаго режима. Мнѣ онъ былъ знакомъ еще по прежнимъ впечатлѣніямъ, которыя у меня остались отъ конца семнадцатаго года. Сколько разъ въ

эти критическіе дни, въ декабрѣ и въ январѣ, въ дни и часы, когда жизнь и событія требовали величайшей активности, быстроты рѣшеній и непрерывности въ своемъ стремленіи — я наталкивался на глухую стѣну пассивныхъ настроеній, лейтъ-мотивомъ которыхъ было вѣчное русское «авось» и «все образуется». Сколько разъ не только широкая обывательская масса, но и руководители и виднѣйшіе лидеры политическихъ партій возражали противъ активности, называя послѣднюю «авантюризмомъ» и «вспышкопускательствомъ».

Поэтому мнѣ кажется весьма существеннымъ, прежде чѣмъ перейти къ актамъ и событіямъ, связаннымъ съ защитой Учр. Собранія, посвятить первую часть моей статьи выясненію вопроса: «да былъ ли дѣйствительно большевизмъ неизбѣженъ, какъ это думаютъ весьма и весьма многіе».

ГЛАВА I

РАЗЛОЖЕНІЕ ФРОНТА

Существуетъ мнѣніе, далеко не обоснованное, что Россію и «русскую революцію» погубилъ фронтъ, погубило то обстоятельство, что произошло разложеніе воинскихъ фронтовыхъ частей, каковой фактъ и послужилъ причиной многочисленныхъ послѣдующихъ печальныхъ событій. Мнѣ, который провелъ почти весь 1917 годъ на фронтѣ, кажется это мнѣніе неправильнымъ и заслуживающимъ опроверженія. Въ той общей дезинтеграціи, которая охватила разнообразнѣйшіе слои Россіи, наиболѣе здоровымъ, — такъ мнѣ казалось и такъ мнѣ кажется, — былъ все-таки фронтъ. И то разложеніе, то его распаденіе, которое постепенно и съ различной силой въ различныхъ его частяхъ охватывало его — было только отголоскомъ событій, происходившихъ внутри страны.

По существу большинство воинскихъ фронтовыхъ частей было не только чуждо, но и враждебно большевизму, большевистскимъ тенденціямъ и большевистской программѣ. И это, несмотря на то, что послѣднія были, казалось, созданы въ соотвѣтствіи съ затаеннымъ желаніемъ и инстинктомъ солдатскихъ массъ. И, однако, несмотря на это, несмотря на монгочисленныя печальныя событія на фронтѣ, можно было наблюдать даже послѣ большевистскаго переворота во фронтовыхъ частяхъ своеобразное, плохо оформленное «чувство долга», и это наряду съ вакханаліей безудержной и ничѣмъ не прикрытой тыловой разнузданности, тылового «все позволено».

Солдаты не хотѣли воевать — это былъ фактъ неоспоримый. Солдаты не хотѣли наступать—можно ли противъ этого возражать? И, однако, какъ въ сущности рѣдки были случаи, когда солдаты «втыкали штыкъ въ землю» и, бросая позиціи, открывали фронтъ.

Что имъ мѣшало это дѣлать? —я говорю объ октябрѣ—ноябрѣ 1917 года. Никакой власти надъ ними уже не было. Никакого карательнаго аппарата не существовало, и все же даже въ эти дни на призывы безотвѣтственныхъ демагоговъ бросить фронтъ и идти по домамъ солдаты, далеко не въ меньшей своей части, упрямо возражали: «А какъ же фронтъ, а какъ же позиціи».

Нѣкоторыя стороны фронтовой жизни этого періода заслуживаютъ своего освѣщенія и описанія и, можетъ быть, помогутъ опровергнуть легенды о томъ, что фронтъ погубилъ Россію.

«Идеализмъ погубилъ русскую революцію, идеализмъ русской демократіи, идеализмъ революціонныхъ россійскихъ дѣятелей» — это мнѣніе чешскаго президента Масарика особенно правильнымъ оказывалось въ отношеніи фронта.

Солдатская масса, составленная на 99% изъ крестьянъ, неграмотныхъ или полуграмотныхъ, уставшихъ отъ войны, тоскующихъ по семьѣ и по роднымъ мѣстамъ, не знающихъ элементарныхъ политическихъ истинъ и обладающихъ лишь однимъ качествомъ, помогающимъ имъ разбираться въ происходящихъ событіяхъ — здравымъ смысломъ. Офицерство — также утомленное войною, лишенное зачастую необходимой выдержки, недовольное тыломъ и штабами, живущее отличной отъ солдатскихъ массъ жизнью и настроеніями.

Наконецъ, генералитетъ, не желающій пріять ничего новаго, борющійся всѣми допустимыми и недопустимыми мѣрами за свои привилегіи, — тупой и ограниченный.

И къ такой оторванной отъ всего міра массѣ людей, разбросанной по окопамъ, деревушкамъ, полуразрушеннымъ и грязнымъ, мѣсяцами ютящейся въ неудобныхъ, наскоро сколоченныхъ блиндажахъ, массѣ, которая жила тяжелыми ежедневными настроеніями «быть или не быть», «жить или не жить», «сегодня-завтра» — къ этой массѣ пріѣжали революціонные представители изъ центра, изъ тыла, — и большаго взаимнаго непониманія, чѣмъ то, что существовало между этими двумя сторонами, трудно было себѣ представить.

Возбужденные революціонными настроеніями столицы, настроеніями радостными и глубокими, преисполненные вѣры въ свои лозунги, со словами «власть народу», «народъ господинъ», съ тенденціей идеализировать этотъ народъ — они пріѣзжали на фронтъ... Какъ говорили они съ солдатской массой? Лѣтопись Особой Арміи (Юго-Западнаго Фронта), близко мнѣ знакомая, полна многочисленныхъ образцовъ взаимнаго непониманія идеалистически настроенныхъ революціонныхъ представителей и усталой, замкнутой въ себѣ, солдатской и офицерской массой. Эта масса расцѣнивалась пріѣзжающими, какъ конгломератъ политически зрѣлыхъ людей, сознательныхъ гражданъ россійской республики, съ которыми достаточно говорить прежде всего объ ихъ правахъ и меньше всего объ ихъ обязанностяхъ, вытекающихъ неумолимо изъ ихъ правъ. Положеніе усугублялось тѣмъ, что пріѣзжавшіе были весьма не чужды столь характернаго для русской интеллигенціи качества — вѣры въ лозунги, въ то, что сказанное равносильно сдѣланному...

«Мы ничего не понимаемъ», говорили солдаты, въ этотъ первый періодъ россійской революціи. «Говорятъ, что мы всѣ равны, а офицеры небось получаютъ во много разъ больше насъ жалованья. Ихній паекъ и нашъ паекъ развѣ можно сравнить? Посмотрите, какъ живутъ наши генералы. А изъ деревни пишутъ, что тамъ по прежнему помѣщики, пишутъ, чтобы мы скорѣе пріѣзжали». И, какъ результатъ непониманія, росли нелѣпыя требованія, нарушавшія весь строй фронтовой жизни. Когда эти желанія встрѣчали отпоръ со стороны революціонныхъ представителей, находящихся на верху, это порождало волну недовѣрія. На этотъ разъ направленную уже противъ революціонной демократіи, противъ интеллигенціи вообще.

Въ Н..... полку, стоявшемъ въ резервѣ подъ Ковелемъ, произошли волненія. Солдаты отказались идти на позиціи, пока не будутъ исполнены ихъ требованія. Они не отказывались вообще идти на позиціи и считали это своимъ долгомъ, неизбѣжной необходимостью, но только прежде всего они хотѣли, чтобы были исполнены ихъ, казалось имъ, вполнѣ разумныя требованія. Здѣсь было и уравненіе пайковъ,

окладовъ, и выдача новыхъ сапогъ, и отпуска внѣ очереди, и прекращеніе имперіалистической войны. Все слышанное ими преломилось въ ихъ умѣ, по своему, примитивно, зато конкретно и ясно. Не было мѣста отвлеченности, абстрактному идеализму.

Комиссаромъ Особой Арміи въ то время былъ Борисъ Моисеенко, милѣйшій и культурнѣйшій человѣкъ, впослѣдствіи убитый въ Омскѣ. Пріѣхалъ онъ на автомобилѣ, собралъ полкъ и два часа съ нимъ бесѣдовалъ. Онъ имъ разсказалъ о своемъ прошломъ каторжномъ стажѣ, о томъ, какъ онъ страдалъ въ царскихъ тюрьмахъ, говорилъ о разницѣ между лозунгами и дѣйствительностью, говорилъ о томъ, что ихъ требованія неисполнимы и что они должны, не разсуждая, идти на позиціи. Нѣсколько мѣсяцевъ раньше такая бесѣда могла бы имѣть благопріятные результаты, но здѣсь жизнь столкнулась съ отвлеченными настроеніями. Настроеніе толпы становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ, рѣчь комиссара все чаще прерывалась возгласами и криками «долой», «вретъ», полетѣли отдѣльные камни... Благодаря энергіи полкового комитета, Моисеенкѣ удалось уѣхать. По просьбѣ послѣдняго, капитанъ Базилевичъ и я посѣтили этотъ полкъ на слѣдующій день. Возбужденіе въ немъ царило огромное. Солдаты собирались группами, говорили объ избіеніи офицеровъ и вообще интеллигенціи, отказывались исполнять боевыя предписанія. Солдатская масса была преисполнена чувства величайшаго недовѣрія къ комиссару Моисеенко: «Ишь, что онъ говоритъ, слушайтесь офицеровъ, а самъ небось настоящій баринъ, пріѣхалъ на автомобилѣ и говоритъ то по барскому». Такой пустякъ, какъ желтые гетры, вывезенные въ свое время Моисеенко изъ Франціи, оказали особое неблагопріятное впечатлѣніе на солдатъ. «Настоящій баринъ и интеллигентъ».

И такихъ фактовъ рождающагося недовѣрія, взаимнаго непониманія я могъ бы привести во множествѣ. Этому недовѣрію весьма способствовало поведеніе офицеровъ и генералитета. Первые, усталые отъ войны, разочарованные, при первомъ же проявленіи враждебности со стороны солдатъ отходили въ сторону: дѣлайте, какъ знаете, мы здѣсь не при чемъ. Генералитетъ, на рѣдкость реакціонно настроенный; онъ, какъ правило, злонамѣренно покровительствовалъ всякому затрудненію, возникающему въ подчиненныхъ ему частяхъ: вотъ, молъ, до чего довело фронтъ Временное Правительство и революція.

И, такимъ образомъ, процессъ шелъ по путямъ, предначертаннымъ всѣмъ ходомъ прошлой исторіи, и постепенно неприязнь къ барину, рожденная вѣками, выливалась въ форму недовѣрчивости и вражды къ офицерству и къ интеллигенціи вообще.

Существованіе самой арміи, какъ цѣлостной боеспособной единицы какъ таковой, становилось невозможнымъ. Это дѣлалось яснымъ каждому, находившемуся на фронтѣ.

И, однако, идеализмъ, лозунги владѣли по прежнему нераздѣльно руководителями россійской политической жизни 1917 года. Факты жизни, существующая реальная дѣйствительность считалась чѣмъ то второстепеннымъ. Это особенно ярко проявилось въ дни іюньскаго наступленія. Ибо была это попытка словомъ, лозунгомъ побѣдить жестокую дѣйствительность. При чемъ попытка съ явно негодными средствами, такъ какъ для борьбы съ этой дѣйствительностью ничего не было мобилизовано, кромѣ все тѣхъ же словъ, все тѣхъ же лозунговъ. Не было даже тенденціи иммунизировать разлагающійся фронтъ отъ болѣзни, его охватившей.

Въ тотъ періодъ многочисленныя обвиненія и упреки сыпались на фронтъ. Это лишній разъ подчеркиваетъ, сколь велико было взаимное непониманіе. Фронтовая

масса, да позволено будетъ это мнѣ утверждать, болѣе чѣмъ кто либо въ россійскомъ государствѣ, оставалась носительницей чувства долга передъ Родиной, правда, чувства долга редуцированнаго, уменьшеннаго, искаженнаго. Этого чувства долга у фронтовыхъ массъ хватало ровно настолько, чтобы не бросать фронтъ, не оголять границъ россійскихъ передъ непріятелемъ.

«Мы должны держать фронтъ, не пускать германца въ страну».

Но исполнить свой долгъ солдатская масса хотѣла съ наименьшимъ разрушеніемъ своихъ интересовъ. Солдаты готовы были стоять на фронтѣ, занимать позиціи, и продолжали это дѣлать вплоть до Брестъ-Литовскаго мира. Но не всякія позиціи солдаты хотѣли держать. Какъ въ случаѣ съ полкомъ, который увѣщевалъ Моисеенко, солдаты отказывались отъ опасныхъ позицій, такъ въ описываемомъ случаѣ позиціи были особенно тяжелы, и разстояніе между непріятельскими и нашими окопами исчислялось въ нѣсколько шаговъ. Постоянно происходилъ обстрѣлъ ручными гранатами, и частыя раненія находившихся въ окопахъ людей.

Отказываясь отъ опасныхъ позицій, конечно, солдаты тѣмъ болѣе не могли и не хотѣли принять наступательной войны, ибо... «мы хотимъ жить, не хотимъ умирать теперь, когда получаемъ и землю, и волю, а наступленіе ведетъ къ большимъ жертвамъ съ нашей стороны». Такъ гласила одна изъ резолюцій 100 дивизіи.

Это примитивное и вполнѣ понятное человѣческое желаніе жить, было прикрыто зачастую разнаго рода пышной фразеологіей, нерѣдко даже по своему искренно воспринятой и исповѣдуемой ими.

Лозунгъ «Миръ всему міру», «братство народовъ» было особенно популярнымъ прикрытіемъ эгоистическихъ желаній фронтовыхъ массъ. Какъ ни проста, ни элементарна была солдатская психологія, какъ ни хотѣлось имъ попросту, безъ излишнихъ разговоровъ уйти съ фронта, но чувство долга, вѣрнѣе, тотъ остатокъ чувства долга, о которомъ я уже говорилъ, не только мѣшалъ имъ послѣдовать своему инстинкту, но властно требовалъ какихъ то объясненій, прикрытій, своеобразной идеологіи.

Здѣсь умѣстна небольшая поправка. Часто говорятъ объ особомъ, болѣе чѣмъ у другихъ народовъ, выраженномъ миролюбіи русскихъ. Разложеніе фронта, его распаденіе объясняется пацифизмомъ солдатскихъ массъ. Это вѣрно, поскольку вообще относительное миролюбіе является качествомъ русскаго крестьянина и насколько пассивность его натуры доминируетъ надъ всѣми его чертами.

Но совершенно не къ чему подчеркивать идеологическій пацифизмъ русскаго солдата, ибо подоплекой его было инстинктивное, ясно намѣченное и весьма однообразно проявляемое стремленіе спасти свою жизнь, сохранить себя.

Одна черта, одно качество поражало меня въ русскомъ солдатѣ. Черта, впрочемъ, свойственная и вообще русскому человѣку. Это удивительнѣйшая его пассивность. Пассивность каждаго взятаго въ отдѣльности и, особенно, пассивность массы, толпы. Вѣроятно, ни въ одномъ другомъ европейскомъ народѣ пассивность массъ не является столь сильно выраженной. Множество примѣровъ, множество отдѣльныхъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе, вынесъ я изъ фронтовой жизни.

Вотъ Рѣжица — большой прифронтовой центръ, въ которомъ скапливалось до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ солдатъ. Сюда отводились резервныя части, здѣсь стояли обозы, лазареты, были этапы. Въ маѣ—іюнѣ 17 года начинаютъ говорить о Рѣжицѣ, какъ о центрѣ большевистскаго движенія, въ полкахъ броженіе, ежедневные митинги въ полуразрушенной кирхѣ, вмѣщающей тысячи посѣтителей, выносятся резолюціи съ требованіемъ немедленнаго мира и т. д.

Въ чемъ дѣло? Оказывается въ Рѣжицѣ появился нѣкій капитанъ Лебединскій, хорошій ораторъ, несомнѣнный карьеристъ и совершенно безпринципный человѣкъ. Объявляя себя безпартійнымъ, не защищая никакой опредѣленной программы, онъ говорилъ то, что нравилось солдатскимъ массамъ, что вызывало ихъ бурный восторгъ. Всѣ митинги, всѣ собранія происходили при неизмѣнномъ одобреніи всѣхъ резолюцій, предлагаемыхъ Лебединскимъ.

Начальство безпокоится, пріѣзжаютъ комиссары... Но вотъ Лебединскій уѣзжаетъ въ Кіевъ. На смѣну ему пріѣзжаетъ докторъ Х., ярый оборонецъ, опытный агитаторъ, весьма активный человѣкъ. И черезъ мѣсяцъ Рѣжицы нельзя было узнать. Рѣжица становится центромъ патріотически настроенныхъ солдатскихъ массъ, гнѣздомъ «контръ-революціи», Рѣжицкій совѣтъ дѣлается послушнымъ орудіемъ въ рукахъ доктора Х., и не только выносятся соотвѣтствующія резолюціи, но и принимаются весьма рѣшительныя мѣры противъ тѣхъ, кого считаютъ большевиками, кто защищаетъ такъ называемыя большевистскія тенденціи, большевистскіе лозунги. Цѣлый рядъ полковъ, попадая въ раіонъ Рѣжицы, переживали соотвѣтствующія метаморфозы.

Такими примѣрами, и еще болѣе яркими, можно было бы заполнить нѣсколько страницъ исторіи Особой Арміи. Полкъ, до того принадлежавшій къ наиболѣе боевымъ единицамъ Особой Арміи и даже всего Юго-Западнаго Фронта, неожиданно для команднаго состава въ продолженіе нѣсколькихъ дней совершенно разлагается, воспринимаетъ большевистскіе лозунги и лишается всей своей боеспособности. И это происходитъ въ результатѣ того, что въ пополненіи, присланномъ изъ тыла, оказывается одинъ или два активныхъ и умѣлыхъ агитатора-большевика.

Конечно, пассивностью далеко не исчерпывается вся совокупность причинъ, вызывавшихъ измѣненія въ фронтовыхъ настроеніяхъ. Пассивность россійскихъ солдатскихъ массъ была не больше, чѣмъ фонъ, чѣмъ канва, на которыхъ событія рисовали свой сложный узоръ. Но здѣсь я считаю не лишнимъ особенно подчеркнуть это качество русской толпы, прекрасно учтенное большевистскими дѣятелями и которое не достаточно принималось во вниманіе демократическими партіями. Нерѣдко въ идеологіи послѣднихъ «толпа» олицетворялась «народомъ», которому, такъ считалось, должна принадлежать высшая власть въ странѣ.

Здѣсь было два разныхъ подхода, двѣ различныхъ точки зрѣнія. Для однихъ — для большевиковъ «толпа-народъ» не ассоціировалось ни съ какими дорогими для нихъ идеалами, народъ былъ для нихъ не больше, чѣмъ средствомъ, тѣстомъ или глиной, изъ которой они лѣпили нужныя имъ фигуры. Другіе — революціонная демократія, подходила къ «народу-толпѣ» съ неизжитыми положеніями о священныхъ правахъ народныхъ, о народоправствѣ, о томъ, что народъ долженъ быть самодовлѣющимъ въ своихъ рѣшеніяхъ и желаніяхъ... Этими двумя точками зрѣнія опредѣлялись и двѣ совершенно противоположныя тактики: большевистская и демократическая. И если и были изъ этого общаго правила исключенія, и если иногда демократія, казалось, пользовалась большевистской тактикой, большевистскимъ подходомъ къ толпѣ, то эти исключенія, немногочисленныя, не могли измѣнить предначертанныхъ путей.

Я началъ главу съ указанія неправильности положенія, что разложеніе фронта погубило страну. Событія на фронтѣ были только отраженіемъ того, что происходило въ странѣ, но отраженіемъ, воспринятымъ по своему, измѣненнымъ и реконструированнымъ. Хотя тылъ вліялъ чрезвычайно сильно на фронтъ, все же фронтовая жизнь этого періода была жизнью весьма отличной отъ жизни, которую вела

вся страна. И здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, казалась правильной мысль, что исходъ событій въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ людей, отъ ихъ доброй воли, отъ ихъ активности. И нерѣдко мнѣ казалось, что тотъ фатализмъ, которому не были чужды многіе и многіе общественные русскіе дѣятели, имѣлъ въ своей основѣ опять таки ту пассивность, которая такъ поражала всякаго наблюдателя на фронтѣ.

Итакъ, на фронтѣ росло постепенно и неумолимо недовѣріе солдатскихъ массъ не только къ командному составу, но и къ интеллигенціи вообще, революціонной демократіи и къ Временному Правительству въ частности. Что же дѣлалось, чтобы преодолѣть это недовѣріе, чтобы его побѣдить? Что дѣлалъ для этого тылъ, высшее начальство, руководители страны? Вѣдь не могли же они не знать о томъ, что дѣлалось на фронтѣ, хотя бы потому, что объ этомъ неоднократно доводилось до ихъ свѣдѣнія разнообразнѣйшими фронтовыми организаціями.

Послѣ короткаго періода, тотчасъ же вслѣдъ за революціей, періода, когда посѣщеніе фронта считалось модой и пріятнымъ развлеченіемъ, наступилъ періодъ, о которомъ можно сказать, что фронтъ былъ позабытъ тыломъ, что фронтъ былъ предоставленъ самому себѣ. Возьмемъ для примѣра опять таки Особую Армію, жизнь которой этого времени я знаю до мельчайшихъ подробностей. Начиная приблизительно съ іюня мѣсяца и до послѣднихъ дней фронта, никто, за рѣдчайшими исключеніями, не пріѣзжалъ къ намъ. Не только столичные политическіе дѣятели не безпокоили себя для «какого-то фронта», но даже дѣятели близъ лежащихъ центровъ, какими являлись Кіевъ, Могилевъ и Житоміръ, предпочитали вариться въ соку провинціальной политики. Конечно, большого вреда отъ этого не было бы, если бы дѣло ограничивалось только фактомъ непріѣзда политическихъ дѣятелей. Но это забвеніе было и глубже, и шире. Газеты, книги, подарки солдатамъ — все это доставлялось поразительно неаккуратно и въ дозахъ до смѣшного микроскопическихъ. Примѣру демократическихъ партій слѣдовало и высшее начальство.

Въ Особой Арміи было нѣсколько случаевъ отказа воинскихъ частей выступить на позиціи. Всѣ эти случаи были мною обслѣдованы и по возможности объективно освѣщены. Почти какъ общее правило, помимо общихъ причинъ, о которыхъ говорилось выше, солдаты не хотѣли идти на позиціи изъ за недостатка пополненія. Число штыковъ въ нѣкоторыхъ ротахъ доходило до 25—30, всѣ просьбы, всѣ мольбы о пополненіи были тщетными. Если же, наконецъ, и удовлетворялась фронтовая просьба и присылалось пополненіе, то кромѣ вреда это ничего не приносило: приходили солдаты не обутые, деморализованные, лишенные элементарныхъ понятій о воинской дисциплинѣ, полные одного лишь желанія уйти обратно въ тылъ. Этотъ фактъ дѣйствовалъ чрезвычайно губительно на самыя лучшія, даже на наиболѣе боеспособныя воинскія части: «Насъ тамъ позабыли, тыловики веселятся и пьянствуютъ» — такъ говорили солдаты.

Создавалась дѣйствительно странная конъюнктура. Правительство въ странѣ считалось оборонческимъ, все ставилось на карту во имя войны, которую защищали множествомъ резолюцій и словъ, и между тѣмъ забывалось самое главное — прямое орудіе войны — фронтъ! Какъ ни относиться къ Временному Правительству, отрицательно или положительно, но приходится признать непреложнымъ фактомъ, что для реальнаго поддержанія фронта Правительство и высшее военное командованіе ничего не сдѣлали.

Фронтъ, предоставленный своимъ силамъ и своимъ настроеніямъ, дѣлалъ что могъ, чтобы разобраться въ тѣхъ противорѣчіяхъ и въ тѣхъ вопросахъ, которые

ставила ему русская дѣйствительность. И здѣсь не лишне будетъ остановиться въ нѣсколькихъ строкахъ на дѣятельности демократіи, демократическихъ элементовъ на фронтѣ. Опять таки то, что я говорю, относится лишь къ Особой Арміи. На Румынскомъ и на Юго-Западномъ фронтахъ была приблизительно, съ нѣкоторыми варіаціями, та же самая картина. Но на сѣверномъ фронтѣ близость Петрограда совершенно мѣняла картину, дѣлая фронтъ ареной всевозможныхъ политическихъ страстей.

Два обстоятельства заслуживаютъ быть отмѣченными. Первое — это ярко выраженныя оборонческія тенденціи демократическихъ элементовъ. Даже тѣ немногочисленные члены Армейскаго Комитета, которые причисляли себя къ большевистской фракціи, стояли на опредѣленно оборонческой позиціи. Такъ было съ докторомъ Войтоловскимъ и другими. Оборончество Армейскаго Комитета Особой Арміи было яркое, активное и исключающее всякое подозрѣніе въ неискренности. Большинство даже высказывалось за наступленіе Арміи и предполагало идти въ ряды передовыхъ частей. Второе обстоятельство — это было чрезвычайно небольшое количество въ арміи партійныхъ лицъ, т. е. тѣхъ, кто принадлежалъ къ партіямъ до революціи. Такъ, старыхъ партійныхъ дѣятелей соціалистовъ-революціонеровъ было только шестеро въ Особой Арміи, да и то изъ нихъ двое очень скоро уѣхали въ Петроградъ. Меньшевиковъ было семь или восемь, въ большинствѣ своемъ пребывавшихъ въ Армейскомъ Комитетѣ въ Луцкѣ. Общая же масса Армейскаго Комитета была безпартійная, сочувствующая или только что вновь записавшаяся въ политическія группировки. Второе изъ перечисленныхъ обстоятельствъ было вѣроятно причиной того, что междупартійныхъ разногласій почти не существовало. Фракціи внутри партіи отсутствовали, и царило относительно дѣловое настроеніе въ стѣнахъ Армейскаго Комитета.

Этому соотвѣтствовала и работа, которая велась внутри Арміи демократической интеллигенціей. Очень скоро, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, соціалъ-демократическій и соціалъ-революціонный комитеты, а другихъ партійныхъ комитетовъ въ Особой Арміи не было, встали на точку зрѣнія, что «въ виду общей неграмотности солдатскихъ массъ не только по вопросамъ обще-политическимъ, но и въ особенности въ области элементарнаго знанія, въ первую очередь необходимо организовать въ Арміи культурно-просвѣтительную работу». Былъ организованъ въ Луцкѣ Народный Университетъ, гдѣ преподавались исторія, географія и только между прочимъ политическая грамота. То же самое, но въ меньшемъ размѣрѣ организовывалось при отдѣльныхъ дивизіяхъ и въ центрахъ большого скопленія воинскихъ частей, въ Рѣжицѣ, въ Ровно и т. д. Передовое офицерство весьма охотно откликнулось на эти начинанія и какъ общее правило лекторами были офицеры или вольноопредѣляющіеся. Конечно, размѣры этой культурной работы не были достаточными, нерѣдко дѣлались досадныя ошибки, отсутствіе средствъ, книгъ, и въ особенности образованныхъ людей-интеллигентовъ, которые всѣми правдами и неправдами стремились въ столицы, въ центры политической жизни — не позволяло поставить эту работу на должную высоту. Но, тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что эта работа не была безрезультатной. Тамъ, гдѣ она велась достаточно продолжительное время, тамъ образовывались культурныя ячейки среди солдатъ, создавалась необходимая спайка между интеллигенціей и массой... Именно эти части оказывались наименѣе поддающимися разложенію, въ нихъ рѣже всего были инциденты и они дольше всего оставались на фронтѣ. Понтонная рота, гдѣ велись такія школьныя занятія, въ которыхъ принималъ участіе весь командный составъ названной роты, сохранила свою боеспособность до самаго Брестъ-Литовскаго мира. Другой примѣръ 111-ая дивизія, гдѣ былъ убитъ помощникъ комиссара Линде, дивизія, которая пришла изъ другой

арміи и гдѣ не велись никакія школьныя занятія. Въ этой дивизіи пропасть между интеллигенціей и солдатской массой была настолько велика, что члены Армейскаго Комитета не рѣшались въ нее пріѣзжать, а офицеры боялись оставаться съ солдатами. Помимо общей культурной работы партійными комитетами, особенно эсэрами, велась интенсивная партійная работа, но о ней въ слѣдующей главѣ, такъ какъ эта работа была связана съ выборами въ Учредительное Собраніе и была пріурочена къ этимъ послѣднимъ.

Разложенію фронта предшествовало разложеніе страны, распаденіе ея центральныхъ органовъ, психологическая дезагрегація ея интеллигенціи. И даже тогда, когда на смѣну Временному Правительству пришла большевистская власть и въ порядкѣ дня стоялъ вопросъ о немедленномъ мирѣ, «мирѣ во что бы то ни стало», большинство фронтовъ оставалось еще органическимъ цѣлымъ и среди нихъ болѣе другихъ Юго-Западный фронтъ. И только тогда, когда Брестъ-Литовскій миръ сталъ совершившимся фактомъ и существованіе самихъ фронтовъ оказывалось величайшей нелѣпостью, только тогда фронты послѣдовали примѣру тыла.

Можно ли, умѣстно ли утверждать, что фронтъ погубилъ страну?

Не правильнѣе ли въ сотни разъ будетъ положеніе, мною защищаемое, что наиболѣе здоровымъ органомъ въ странѣ былъ все таки фронтъ.

Несмотря ни на что... Несмотря на то, что онъ былъ покинутъ всей страной... Несмотря на то, что солдаты хотѣли воевать «постольку, поскольку», что чувство долга у нихъ оставалось въ микроскопическихъ доляхъ...

Это худшее все таки было лучшимъ въ странѣ, въ которой сотни тысячъ разъ и на разные лады говорилось о правахъ и ни разу не было сказано объ обязанностяхъ — революціонныхъ, гражданскихъ и просто человѣческихъ...

Нѣсколько словъ о тѣхъ симпатіяхъ, которыми были преисполнены фронтовыя массы. Весь семнадцатый годъ у солдатъ и у большей части офицерства кумиромъ и любимцемъ былъ Керенскій. Въ его лицѣ совмѣщались для нихъ всѣ чаянія революціи, ея прошлое и ея будущее. На него возлагали надежды самыя неоправдываемыя, неисполнимыя.

Другіе дѣятели революціонной демократіи, Черновъ, Зензиновъ, Церетелли и т. д., совершенно стушевывались передъ личностью Керенскаго. О нихъ мало что знали, рѣдко говорили.

И даже іюньское наступленіе, это «великое пораженіе идеалистической революціи», было прощено ему. Ибо, какъ говорили на фронтѣ, сдѣлалъ онъ это отъ «большой своей честности».

И только послѣ Корниловскихъ дней рѣзко отъ него отхлынула офицерская масса. Ибо былъ для нихъ Корниловъ символомъ арміи. Но солдатская масса продолжала и послѣ того стоять за него горой. Но вотъ произошелъ октябрьскій переворотъ, и только тогда рѣзко и какъ то сразу пришло разочарованіе и у солдатъ. Не было прощено Керенскому его слабости въ отношеніи большевиковъ, можетъ быть, и больше всего, его бѣгство.

Наряду съ симпатіями къ А. Ф. Керенскому, съ самаго начала существовала большая, ничѣмъ не прикрытая и по своему странная, антипатія къ Милюкову. Мнѣ не было понятно, да непонятно и теперь, почему этотъ почтенный общественный дѣятель былъ такъ непопуляренъ. И, однако, это былъ фактъ, который могутъ подтвердить всѣ находившіеся на фронтѣ. Генералитетъ, офицерство и солдаты сходились въ своемъ чувствѣ къ Милюкову. Гдѣ причины этой антипатіи? Я не могъ вполнѣ ясно и опредѣленно ихъ понять.

Генералы видѣли въ немъ виновника февральской революціи, одного изъ тѣхъ, кто вызвалъ къ жизни революціонную волну.

Офицерство считало его «человѣкомъ слова», правда слова весьма умнаго, но безплоднаго въ той обстановкѣ, въ которой находилась тогдашняя Россія. Они подозрѣвали его въ неискренности, въ томъ, что онъ способенъ предать фронтъ и офицерство, не только ради интересовъ своей партіи, но даже ради личныхъ интересовъ. Имъ казалось страннымъ, что онъ, который еще 1 марта хотѣлъ возвести на престолъ Великаго Князя Михаила, второго и третьяго весьма поспѣшно отъ этого отказался и сталъ подтягивать революціоннымъ напѣвамъ петроградскаго Совѣта.

Солдаты — его мало знали, но почему-то считали его «бариномъ», тяготѣвшимъ къ германцамъ, который говоритъ притомъ рѣчи, имъ непонятныя, туманныя, и который, какъ они выражались, «все ходитъ вокругъ да около».

ГЛАВА III

ФРОНТЪ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ

Изо всѣхъ политическихъ партій, съ идеей Учредительнаго Собранія узами особенно тѣсными, я бы сказалъ кровными, была связана партія соціалистовъ-революціонеровъ. Учредительное Собраніе, воплощающее въ себѣ главныя требованія революціоннаго народа, концентрирующее вокругъ себя основныя положенія демократизма, притомъ демократизма, являющагося не средствомъ, какъ это исповѣдуетъ либерализмъ, а самоцѣлью, таковы тѣ тезисы, которые заставляли соціалистовъ-революціонеровъ, да заставляютъ и теперь отстаивать идею Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

Для нихъ не было мыслимо народоправство безъ Учредительнаго Собранія, а сама революція, казалось имъ, должна имѣть своей вершиной изъявленіе народной воли, провозглашенное черезъ Учредительное Собраніе.

Съ нѣжностью своеобразной, съ трогательнымъ идеализмомъ относилось большинство соціалистовъ-революціонеровъ къ Учредительному Собранію. Имъ казалось, да и не имъ однимъ впрочемъ, что все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы «довести страну до Учредительнаго Собранія».

Это самое важное, это самое главное. Остальное — все вещи второго порядка, которыя будутъ улажены, урегулированы этимъ грядущимъ великимъ въ своей идеѣ Собраніемъ народныхъ избранниковъ. Достаточно прочесть рѣчи, которыя произносились руководящими лицами какъ партіи эсэровъ, такъ и правительства. Лейтъ-мотивомъ ихъ было всегда это Учредительное Собраніе, «до котораго надо довести страну». Вопросы и проблемы текущаго дня, неотложные въ своей важности, требовавшіе разрѣшенія немедленнаго, откладывались до этого времени. Вопросовъ войны и мира, земельныхъ вопросовъ, о которыхъ кричали, казалось, сами камни россійскіе, считалось невозможнымъ касаться, ибо разрѣшить ихъ было призвано только Учредительное Собраніе.

Теоретически, быть можетъ, даже навѣрное, въ этомъ была величайшая истина, но практически этотъ своеобразный идеализмъ былъ чреватъ послѣдствіями, неудобствами величайшими и осложненіями досаднѣйшими.

Тѣмъ болѣе, что народъ далеко не былъ такъ проникнутъ этой вѣрой въ спасительность Учредительнаго Собранія. Быть можетъ, это печальный фактъ, быть можетъ, горькая правда, — но я предпочитаю сказать объ этомъ, чѣмъ умолчать.

Вначалѣ, въ первые мѣсяцы послѣ революціи, Учредительное Собраніе было для фронтовыхъ солдатскихъ массъ чѣмъ-то абсолютно неизвѣстнымъ, неяснымъ, безусловной terra incognita.

Ихъ симпатіи тяготѣли вполнѣ опредѣленно и нескрываемо къ Совѣтамъ. Эти послѣдніе были для нихъ институціями близкими имъ и родными, напоминающими имъ ихъ деревенскіе сходы. Засѣданія прифронтовыхъ Совѣтовъ привлекали съ первыхъ же дней большое количество постороннихъ слушателей, которые вмѣшивались въ дѣла совѣтскія, вліяя нерѣдко на ихъ рѣшенія. Какъ Армейскій Комитетъ, который солдаты называли «нашимъ Совѣтомъ», такъ и столичные Совѣты казались имъ близкими, а дѣятельность ихъ имъ понятной.

Не разъ въ первые мѣсяцы мнѣ приходилось слышать отъ солдатъ, и притомъ наиболѣе интеллигентныхъ, возраженія противъ Учредительнаго Собранія. Для большинства изъ нихъ это послѣднее ассоціировалось съ Государственной Думой, учрежденіемъ имъ далекимъ.

«Къ чему какое-то Учредительное Собраніе, когда есть наши Совѣты, гдѣ засѣдаютъ наши депутаты, которые могутъ все разрѣшить, во всемъ разобраться».

И въ той борьбѣ, которая велась сначала между Думскимъ Комитетомъ и Совѣтами, а впослѣдствіи между правительственными кругами и совѣтской лѣвой оппозиціей, солдатская масса всей своей душой была на сторонѣ этой послѣдней — интуитивно, плохо разбираясь, только потому, что «Совѣты-де наши». Постепенно, путемъ продолжительной пропаганды и частыхъ разъясненій, причемъ не малую роль сыграли въ этомъ рѣчи общественныхъ дѣятелей и литература, посвященная этому вопросу, постепенно въ сознаніе солдатскихъ массъ начала проникать мысль о правдѣ, заключенной въ идеѣ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Уже въ іюнѣ—іюлѣ пропаганда идеи Учредительнаго Собранія принесла свои плоды, и нерѣдко первымъ пунктомъ резолюцій, выносимыхъ воинскими частями, бывало требованіе о немедленномъ созывѣ этого послѣдняго. И та надежда, та вѣра, которою была проникнута русская интеллигенція въ спасительность Учредительнаго Собранія, передалась и солдатскимъ массамъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше, что именно Учредительное Собраніе должно принести имъ миръ, ликвидировавъ войну и распустивъ ихъ по домамъ.

Резолюціи этого періода пестрятъ постановленіями, что «мы, молъ, согласны стоять на позиціяхъ, но не позже ноября-мѣсяца, когда соберутся депутаты». Когда же ставился вопросъ, — а что если Учредительное Собраніе рѣшитъ воевать, — то это вызывало нѣкоторое смущеніе, и чувствовалось, что вѣра въ Учредительное Собраніе имѣетъ свои границы, довольно рѣзко очерченныя и связанныя въ сущности съ вопросомъ весьма животрепещущимъ, съ вопросомъ о войнѣ. Идея же народоправства все же казалась имъ болѣе родной и понятной, въ приложеніи къ Совѣтамъ.

Какъ же отнесся русскій народъ къ выборамъ въ Учредительное Собраніе. Противники послѣдняго, — а кто не принадлежитъ въ настоящее время къ числу ихъ, — весьма склонны утверждать, что выборы эти были сплошнымъ недоразумѣніемъ, что народъ не зналъ, за кого и почему голосуетъ.

Это утвержденіе въ значительной мѣрѣ невѣрно. Именно простой народъ, особенно крестьянство отнеслось къ этимъ выборамъ съ большей честностью и серьезностью, чѣмъ многіе другіе слои населенія государства Россійскаго.

Развѣ не секретъ полишинеля, что круги монархически и реакціонно настроенные не только голосовали за большевистскіе списки, но и подъ сурдинку агитировали за нихъ? А тактика такъ называемыхъ лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ? Или поведеніе особенно усердствовавшихъ украинскихъ націоналистовъ? Или,

наконецъ, агитаціонные пріемы большевиковъ? Развѣ это не дѣлалось все для всякаго посрамленія, дискредитированія Учредительнаго Собранія?

Именно фронтовые выборы показали, сколь серьезно было отношеніе солдатско-крестьянской массы къ тому самому Учредительному Собранію, идеи котораго оно восприняло съ нѣкоторымъ трудомъ и пожалуй раздумьемъ.

Выборы происходили въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда центральная власть была въ рукахъ большевиковъ. Слѣдовательно, все благопріятствовало тому, чтобы выборная кампанія прошла въ пользу коммунистической партіи. Мало того, вѣдь именно фронтъ, больше чѣмъ кто либо другой, хотѣлъ мира, ибо этотъ вопросъ касался его непосредственно, касался его шкурно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это общеизвѣстно, большевистскіе предвыборные лозунги били именно въ эту точку солдатской психологии. Ихъ плакаты, предназначенные для фронта, говорили прежде всего объ этомъ, больше всего.

«Мы вамъ дадимъ немедленный миръ».

«Миръ всему міру».

«Братство народовъ» и т. д., безъ конца, все въ томъ же духѣ.

Наряду съ этимъ конкурировавшія съ ними на фронтѣ политическія партіи занимали позиціи оборонческія, болѣе того, рѣзко оборонческія.

Напримѣръ, резолюція Армейской Конференціи соціалистовъ-революціонеровъ, происходившей въ городѣ Луцкѣ въ концѣ октября, гласитъ чрезвычайно опредѣленно и ясно:

«Конференція высказывается противъ немедленнаго мира и особенно противъ «мира во что бы то ни стало», защищаемаго большевиками. Мы предлагаемъ нашимъ избранникамъ настаивать въ Учредительномъ Собраніи о возможно скоромъ перемиріи, которое должно быть заключено съ непремѣннаго согласія союзныхъ державъ».

Какъ видно изъ этой резолюціи, оборончество эсэровъ Особой Арміи было весьма недвусмысленное.

Къ этому надо прибавить, что интернаціоналистически настроеннымъ лицамъ, а ихъ было два—три человѣка на Конференціи, — не давали говорить.

Итакъ, теоретически казалось, что успѣхъ заранѣе обезпеченъ за большевиками; вѣдь, они овладѣли властью въ странѣ, они обѣщаютъ немедленный миръ усталымъ солдатскимъ массамъ. И однако, народъ, — солдатская масса высказалась далеко не за нихъ. Почему? Происшедшее кажется мнѣ величайшимъ признакомъ того, что солдатская масса въ большей своей массѣ отнеслась сознательно къ выборамъ.

Нѣсколько цифръ могутъ многое объяснить. По Особой Арміи число избирателей считалось въ 352,000 человѣкъ. Подано было бюллетеней немного больше чѣмъ 280,000. Изъ нихъ голосовало за соціалистовъ-революціонеровъ 210,000, а за большевиковъ 45,000, а остальные голоса дѣлятся между украинцами, кадетами и другими списками. На кого же падаютъ тѣ 45,000 голосовъ, что были поданы за большевистскій списокъ?

По свѣдѣніямъ Армейской избирательной комиссіи, въ боевыхъ частяхъ число поданныхъ голосовъ за большевиковъ не превышало 5%, исключеніе составляла 111-ая дивизія, гдѣ два полка подали во множествѣ свои бюллетени за большевистскій списокъ (45%).

Но уже въ обозахъ и въ паркахъ число голосовавшихъ за большевиковъ превышаетъ мѣстами 20%. И, наконецъ, мѣста скопленія тыловыхъ частей, какъ напр., Ровно, дали наибольшій процентъ голосовавшихъ за большевиковъ.

Эти цифры позволяютъ мнѣ утверждать, что армія, въ боевой своей части, голосовала не только противъ большевиковъ, но за опредѣленно оборонческіе списки.

Иначе говоря, она голосовала не за тѣхъ, кто отвѣчалъ ея инстинктивнымъ, шкурнымъ вожделѣніямъ, но за тѣхъ, кто по ея разуму могъ наилучшимъ образомъ представлять народные интересы въ Учредительномъ Собраніи. И развѣ правы тѣ, кто упрекаетъ фронтовыя арміи въ неразумномъ отношеніи къ выборамъ въ Учредительное Собраніе! Но предложатъ, и вполнѣ правильно, нѣкоторые вопросъ: почему же солдатская масса, та часть массы, которая сумѣла воздержаться отъ заманчивыхъ лозунговъ большевизма, почему она голосовала за списокъ № 1, т. е. за соціалистовъ-революціонеровъ?

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые утверждають, что народъ хорошо разбирался, да и разбирается и теперь, въ программахъ нашихъ политическихъ партій, и что голосованіе за списокъ соціалистовъ-революціонеровъ было актомъ продуманной и осознанной народной мудрости. Наоборотъ, я убѣждался неоднократно, что не только народъ, но и интеллигенція весьма поверхностно знакома съ платформами политическихъ партій, и что голосованіе при выборахъ въ Учредительное Собраніе было въ значительной мѣрѣ неразумнымъ и непродуманнымъ. И были однако серьезныя причины, почему побѣда осталась именно за эсэрами. Побѣда не только на фронтѣ, но и почти по всей странѣ. Двѣ причины...

Первая — это то, что крестьянско-солдатская масса, я говорю о выборахъ въ арміи, считала партію соціалистовъ-революціонеровъ своей, крестьянской. Ее убѣждало въ этомъ то обстоятельство, что списокъ № 1 былъ общимъ отъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ и отъ армейскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. А то, что эсэры больше всего и любовнѣе всего бесѣдовали о земельномъ вопросѣ и о крестьянскихъ дѣлахъ, говорило солдатамъ о правильности ихъ мнѣнія.

Голосуя за партію соціалистовъ-революціонеровъ, солдаты-крестьяне считали, что голосуютъ за свою партію.

Вторая причина стояла въ непосредственной связи съ предыдущей. Благопріятная почва позволила весьма широко и полно развить партійную работу въ арміи. Уже съ апрѣля мѣсяца мы начали готовиться къ выборамъ, поставивъ себѣ неотложной задачей организацію непремѣнно во всѣхъ, даже въ самыхъ малыхъ, воинскихъ частяхъ партійныхъ ячеекъ. Эта организаціонная работа дала чрезвычайно продуктивные результаты во время выборной кампаніи, что особенно наглядно видно при сравненіи хода выборовъ съ тѣми арміями, гдѣ не было планомѣрной партійно-организаціонной работы. Насколько широко велась эта послѣдняя въ Особой Арміи, я позволю себѣ иллюстрировать нѣсколькими статистическими данными.

Въ апрѣлѣ 17-го года насчитывалось только три партійныхъ ячейки эсэровъ. Въ іюнѣ число это поднялось до тридцати двухъ, въ іюлѣ до шестидесяти, въ сентябрѣ до восьмидесяти трехъ. Число дѣйствительныхъ членовъ партіи было съ самаго начала и до конца невелико и не превышало 2—3000. Зато число такъ называемыхъ «сочувствующихъ» или «испытуемыхъ», которые платили регулярно членскіе взносы, было зарегистрировано: въ маѣ мѣсяцѣ 8000, въ іюнѣ 85,000, а въ сентябрѣ, къ началу выборной кампаніи, число ихъ поднялось до 135,000.

Съ достаточнымъ основаніемъ можно утверждать, что именно благодаря партійно организаціонной работѣ, мы были обязаны въ Особой Арміи успѣху списка № 1. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сосѣдней Арміи, въ 11-ой, такъ-же какъ и въ 7-ой, гдѣ не было сѣти широко разбросанныхъ партійныхъ ячеекъ, число голосовавшихъ за списокъ № 1 было приблизительно въ два раза меньше.

Надо отмѣтить тотъ фактъ, что успѣху большевиковъ, успѣху относительному, не мало способствовало то постепенно прогрессирующее недовѣріе къ интеллигенціи,

о которомъ я говорилъ выше. Считаясь съ этой рознью, большевики весьма умѣло составили свой избирательный списокъ по нашему фронту: въ него были помѣщены исключительно солдаты. Этого нельзя было сказать ни о спискѣ № 1, ни тѣмъ болѣе о спискѣ меньшевиковъ или кадетовъ. Всѣ эти списки были интеллигентскіе. Такъ въ спискѣ № 1-омъ, эсэровскомъ, на первомъ мѣстѣ шелъ Борисъ Моисеенко, далеко не популярный въ солдатскихъ кругахъ, на второмъ мѣстѣ — я, потомъ лейтенантъ Филипповскій, совершенно неизвѣстный въ арміи кандидатъ Центра, потомъ поручикъ Лишевъ и т. д. Изъ прошедшихъ по Юго-Западному фронту депутатовъ только двое носили солдатское званіе, да и то они были настоящими интеллигентами, притомъ работавшими въ фронтовомъ Комитетѣ.

Эта своеобразная интеллигентность списковъ была широко использована большевиками и, думается мнѣ, оставила нѣкоторый слѣдъ въ психологіи солдатской массы, и безъ того настороженно относившейся къ власти интеллигенціи.

Выборы въ арміи въ Учредительное Собраніе происходили только, когда центральная власть была большевистской. Это обстоятельство не могло пройти безслѣдно ни на солдатскихъ настроеніяхъ, ни на ихъ психологіи. Число большевистски настроенныхъ элементовъ медленно, но постепенно все увеличивалось, пропаганда коммунистическая велась все энергичнѣе и открытѣе, и мѣстами, тамъ, гдѣ не было спайки между интеллигенціей и солдатами, тамъ происходили эксцессы, нерѣдко кровавые и кошмарные.

Тѣмъ не менѣе отношеніе въ общей своей массѣ солдатъ Особой Арміи къ Учредительному Собранію осталось прежнимъ. Дивизіонныя и армейскія конференціи, имѣвшія мѣсто въ ноябрѣ мѣсяцѣ, свидѣтельствовали о томъ, что солдаты не только вѣрятъ по прежнему въ спасительность Учредительнаго Собранія, но и считаютъ необходимымъ защищать его «вооруженными силами».

Именно въ этотъ періодъ въ партійный комитетъ, такъ-же какъ и въ обще-армейскій, неоднократно обращались представители отдѣльныхъ боевыхъ частей съ предложеніями вполнѣ конкретными, опредѣленными и отнюдь не иллюзорными о защитѣ Учредительнаго Собранія. На томъ, было ли использовано это настроеніе и эти предложенія, мнѣ придется остановиться въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Здѣсь же приходится лишь отмѣтить, что аналогичныя настроенія, въ той или иной степени выраженныя, существовали и въ другихъ арміяхъ нашего фронта. Лишь ситуація въ Особой Арміи была болѣе опредѣленной и ясной, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ фронта. Какъ это и проявилось на Фронтовомъ Съѣздѣ, имѣвшемъ мѣсто въ концѣ ноября въ Бердичевѣ.

ГЛАВА III

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОВОЙ СЪѢЗДЪ

(Учредительное Собраніе и Совѣты. Авксентьевъ и Крыленко)

Нынѣ не только въ кругахъ лѣво-демократическихъ, но и въ монархическихъ вновь вызвали къ жизни старый споръ, который былъ такимъ острымъ въ 17—18 году, споръ о преимуществѣ Совѣтовъ передъ Учредительнымъ Собраніемъ и Парламентомъ — о преимуществахъ Совѣтской системы передъ парламентаризмомъ.

Я не буду здѣсь касаться теоретическихъ предпосылокъ, которыя защищаютъ сторонники той и другой системы. Это вывело бы меня изъ рамокъ моей статьи. Но есть рядъ положеній, недостаточно подчеркнутыхъ и въ то же время не маловажныхъ съ исторической точки зрѣнія. Прежде чѣмъ остановиться вкратцѣ на этихъ положеніяхъ, я считаю нужнымъ подчеркнуть, что я былъ, и до сихъ поръ являюсь безусловнымъ противникомъ Совѣтской системы въ томъ видѣ, какъ она существовала въ качествѣ государственнаго аппарата на рубежѣ 18-года, или какъ она существуетъ въ нынѣшнее время.

Фактъ, который трудно оспаривать, это то, что Совѣты суть дѣтище февральской революціи; скажемъ точнѣе, русской революціонной идеологіи. И если народныя массы крестьянскія, солдатскія и рабочія симпатизировали больше идеѣ Совѣтовъ, то не только потому, что совѣтская система была имъ понятнѣе въ своей примитивности, но и потому, что они слѣдовали въ этомъ только примѣру революціонной интеллигенціи.

Весь семнадцатый годъ по существу являлъ собою борьбу скрытую и явную между Совѣтами и Временнымъ Правительствомъ, которое представляло собою своего рода носителя идеи «парламента». Въ центрѣ и на мѣстахъ, въ тылу и на фронтѣ, въ вопросахъ второстепенныхъ и въ вопросахъ важности первѣйшей, сталкивались эти двѣ стороны. И антагонизмъ между ними былъ по существу гораздо большій, чѣмъ это принято думать и говорить, и самая власть Совѣтовъ во многихъ областяхъ жизни совершенно парализовала и подавляла правительственные органы. Трагизмъ положенія усугублялся тѣмъ фактомъ, что и въ Правительствѣ, и въ Совѣтахъ были приблизительно тѣ же самые люди, нерѣдко совмѣщавшіе въ себѣ функціи совѣтскія съ функціями правительственными. Но это-то совмѣщеніе функцій и должностей усиливало въ значительной мѣрѣ престижъ Совѣтовъ, демонстрируя нерѣдко передъ народомъ силу Совѣтовъ и безсиліе Правительства. Хуже же всего было то, что нерѣдко одно и то же лицо вступало съ самимъ собою въ конфликтъ: лицо совѣтское съ лицомъ-носителемъ правительственной власти.

Сколько разъ резолюціи Совѣтовъ сводили на нѣтъ постановленія Правительства. И на мѣстахъ это было не менѣе чувствительно, чѣмъ въ центрѣ. Сколько разъ Правительство должно было въ безсиліи отступать передъ построеніями и рѣшеніями Совѣтовъ!

Мнѣ думается, что лидерами, руководящими лицами революціонной демократіи, не была сознаваема, да и не сознана и теперь, вся двусмысленность положенія, существовавшаго въ 17-омъ году. Съ одной стороны, они были всецѣло и нераздѣльно связаны съ Совѣтами, составляя Президіумъ и Исполнительные Комитеты Совѣтовъ. Съ одной стороны, они всѣми легальными, и нерѣдко и нелегальными мѣрами защищали престижъ какъ центральнаго, такъ и мѣстныхъ Совѣтовъ. Съ одной стороны, они ежеминутно и ежесекундно пропагандировали съ большимъ успѣхомъ Совѣтскую систему, выступая на собраніяхъ и митингахъ съ докладами и рѣчами въ качествѣ представителей Совѣтовъ.

А съ другой стороны, они же отъ лица Правительства говорили о Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи, о спасительности этого послѣдняго, о томъ, что оно должно придти на смѣну Совѣтовъ (по существу именно такъ) и что Совѣты могутъ функціонировать лишь до того времени, пока не соберется Учредительное Собраніе.

Быть можетъ, эта двойственность имѣла свои логическія основанія, быть можетъ, она казалась вполнѣ разумной и неизбѣжной тѣмъ, кто ее создалъ. Но какъ это преломлялось въ сознаніи народныхъ массъ? Съ одной стороны онѣ видѣли

Чернова и другихъ въ роли министровъ и тутъ же слышали дискуссіи, нерѣдко преисполненныя критики правительственныхъ мѣропріятій тѣхъ же любимыхъ ими лидеровъ, но выступавшихъ уже въ качествѣ представителей Совѣтовъ. Для народа нужна всегда ясность и опредѣленность въ положеніяхъ. Здѣсь же была двойственность, которая ему казалась непонятной, странной и которая вызывала въ его сознаніи весьма противоположныя желанія.

Съ одной стороны — «Да здравствуетъ власть Совѣтовъ!», съ другой стороны — «Вся власть Временному Правительству!», и, наконецъ, съ третьей стороны — «Вся власть Учредительному Собранію!»

Большевистская партія чрезвычайно умѣло воспользовалась этой двойственностью революціонной демократіи и, выдвигая лозунги, то одинъ, то другой, углубляла тотъ конфликтъ, который назрѣвалъ между сторонниками парламентаризма и совѣтовъ.

Въ концѣ 17-го года, когда выявилось съ особенной ясностью, что борьба вступаетъ въ новую фазу, гдѣ сторонами являются Совѣты и Учредительное Собраніе, тогда въ народныхъ массахъ, въ ихъ психологіи можно было наблюдать любопытныя колебанія, нерѣшительность при выборѣ тѣхъ, кого надо защищать.

Совѣты или Учредительное Собраніе?

Это былъ вопросъ, который интересовалъ и города, и деревни, и рабочихъ, и крестьянъ.

Не избѣжалъ общей участи и фронтъ, и этотъ вопросъ былъ поставленъ въ порядокъ дня Юго-Западнаго Фронтового Съѣзда.

Юго-Западный Фронтовой Съѣздъ происходилъ въ обстановкѣ особенно тревожной и бурной.

Это было время, когда Временное Правительство пало, въ Петроградѣ властью завладѣли большевики, а къ Могилеву, не признавшему этихъ послѣднихъ, подходили красныя войска во главѣ съ Крыленкой. Въ Петроградѣ должно было въ ближайшіе дни собраться Учредительное Собраніе. И учитывая, что большинство депутатовъ этого послѣдняго будетъ принадлежать къ эсэровской партіи, большевики круто измѣнили недавно выброшенному ими лозунгу «немедленный созывъ Учредительнаго Собранія», и снова на всѣ лады начали пропагандировать положеніе, что «вся власть Совѣтамъ», ибо имъ казалось несомнѣннымъ, что легче будетъ фальсифицировать мнѣніе Совѣтовъ, чѣмъ настроеніе Учредительнаго Собранія.

Большинство съѣзда принадлежало къ эсэровской партіи, составляя приблизительно двѣ трети его делегатовъ. Остальная треть примыкала къ большевикамъ и въ небольшомъ количествѣ къ украинцамъ. Но часть эсэровъ, присланныхъ главнымъ образомъ тыловыми частями фронта, стояли на двусмысленной позиціи, которую они называли почему-то Черновской и которая сводилась къ тому положенію: что такъ какъ Временное Правительство больше не существуетъ и такъ какъ Учредительное Собраніе еще не успѣло открыться, то вся власть въ странѣ должна принадлежать Совѣтамъ.

Пренія, которыя развернулись по этому вопросу, какъ въ фракціяхъ Съѣзда, такъ и въ пленумѣ, показали, сколь сбивчиво настроеніе даже у делегатовъ.

Обсуждался вопросъ о законности Временнаго Правительства, которое упрекали въ контръ-революціонности, корниловщинѣ и безволіи.

Обсуждались преимущества совѣтской системы надъ парламентаризмомъ и подчеркивали фактъ, казавшійся многимъ неоспоримымъ, что Совѣты лучше Временнаго Правительства, такъ какъ «Совѣты, молъ, наши».

Мнѣ врѣзалась въ память рѣчь одного безпартійнаго солдата-делегата, рѣчь наивная по своему содержанію и примитивная по своему построенію, имѣвшая тѣмъ не менѣе, можетъ быть именно поэтому, необыкновенный успѣхъ въ общемъ засѣданіи Съѣзда. Рѣчь сводилась къ тому, что въ странѣ есть только двѣ стороны, двѣ партіи — народная и барская. Къ народной партіи принадлежатъ Совѣты, большевики, Керенскій, Черновъ, Брешковская. Вся эта партія хочетъ немедленнаго мира, хочетъ отдать всю землю крестьянамъ, а фабрики рабочимъ, но имъ мѣшаетъ вторая партія, барская, буржуазная, въ которой главную роль играютъ кадеты, Временное Правительство, генералы и евреи... Здѣсь все спутано, все понято по своему. И однако это былъ делегатъ, т. е. болѣе другихъ интеллигентный солдатъ.

На второй день Съѣзда прибылъ въ Бердичевъ Авксентьевъ.

Скрывшись изъ Петрограда, принужденный сбрить бороду, чтобы не быть узнаннымъ — Авксентьевъ пріѣхалъ на Съѣздъ создавать обстановку, благопріятную для свергнутаго Временнаго Правительства.

И здѣсь уже во фракціи онъ натолкнулся на указанное мною умонастроеніе, противополагающее Совѣты и Правительство, Совѣты и Учредительное Собраніе. Онъ, который совмѣщалъ въ одномъ лицѣ предсѣдательство крестьянскаго Центральнаго Совѣта съ должностью министра Временнаго Правительства, могъ убѣдиться воочію, сколь сложна и запутанна обстановка въ Россіи и психологія рядового гражданина.

Авксентьевъ говорилъ о необходимости защищать Временное Правительство.

Меньшинство во фракціи и большинство на Съѣздѣ въ отвѣтъ упрекало его и Правительство въ контръ-революціонности, въ продажности, въ затягиваніи войны.

Онъ убѣждалъ защищать единый лозунгъ: «Вся власть Учредительному Собранію», говорилъ объ историческимъ значеніи идеи народоправства, о недопустимости узурпаторскихъ тенденцій большевиковъ, о томъ, что безъ Учредительнаго Собранія нельзя разрѣшить ни одного основного вопроса россійской жизни.

Ему отвѣчали: А кто выбралъ Временное Правительство? Развѣ не тѣ же Совѣты выбрали въ свое время Временное Правительство, развѣ не Совѣты свергли это же Правительство и развѣ не Совѣтамъ должна принадлежать вся власть въ странѣ? Такъ отвѣчали ему большевики и большевиствующіе при сочувствіи и одобреніи безпартійной массы.

И всѣ его резоны, всѣ его стремленія выяснить суть большевистскаго переворота и показать, что этотъ переворотъ направленъ прежде всего противъ принципа народоправства и Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, разбивались о каменную стѣну взаимнаго непониманія большей части Фронтового Съѣзда.

Но если было въ порядкѣ вещей враждебное отношеніе къ Авксентьеву со стороны большевистско настроенной половины Съѣзда, то болѣе досаднымъ и непріятнымъ былъ фактъ непониманія его тезисовъ эсэровской фракціей. Сколько энергіи пришлось потратить Авксентьеву, чтобы убѣдить своихъ единомышленниковъ по фракціи, что нельзя совмѣщать и сливать воедино два лозунга: «Вся власть Совѣтамъ» и «Вся власть Учредительному Собранію».

И когда, наконецъ, большинство фракціи согласилось съ положеніемъ, защищаемымъ Авксентьевымъ, то меньшинство откололось, образовавъ несуществовавшую до тѣхъ поръ на Съѣздѣ фракцію лѣвыхъ эсэровъ.

Наши фронтовые лѣвые эсэры не только были лишены партійныхъ лидеровъ, но и были чужды интернаціоналистическихъ тенденцій лѣвыхъ эсэровъ, внутри

страны находящихся. Они хотѣли одного, чтобы вся власть принадлежала Совѣтамъ до созыва пресловутаго Учредительнаго Собранія.

Многіе упрекали во фракціи Авксентьева въ томъ, что онъ способствовалъ и даже вызвалъ расколъ, въ томъ, что онъ принесъ въ жертву чистотѣ лозунговъ и ясности позиціи возможную побѣду на Фронтовомъ Съѣздѣ.

Но по существу дѣло было значительно глубже, такъ какъ лозунгъ «Вся власть Совѣтамъ до созыва Учредительнаго Собранія» былъ выдвинутъ большевиками. Не увѣренные въ сочувствіи солдатскихъ массъ ихъ диктаторскимъ наклонностямъ и ихъ отрицательному отношенію къ Учредительному Собранію, большевики выдвинули промежуточный лозунгъ, въ качествѣ лозунга сегодняшняго дня, дабы дипломатическимъ путемъ обойти плохо разбиравшіяся въ ихъ казуистикѣ народныя массы. Въ этомъ отношеніи показательно было поведеніе Крыленко, который пріѣхалъ на Фронтовой Съѣздъ вскорѣ послѣ Авксентьева. Его пріѣзду предшествовало извѣстіе о взятіи красными войсками Ставки и объ убійствѣ генерала Духонина. Это убійство произвело большое впечатлѣніе на делегатовъ Съѣзда. Увеличилась безпартійная группа, тяготѣвшая къ большевикамъ, за счетъ эсэровской партіи, съ другой стороны, настроеніе во фракціи стало и болѣе подавленнымъ, и болѣе оппозиціоннымъ противъ большевиковъ.

Тактика Крыленко и другихъ большевистскихъ дѣятелей на Съѣздѣ была прямой противоположностью принципіальной позиціи Авксентьева.

«Мы всѣми силами стремимся къ созыву Учредительнаго Собранія, ибо только оно можетъ успокоить разоренную имперіалистической войной страну.

Да, мы свергли Временное Правительство. Но свергли потому, что оно не хотѣло созывать именно это Учредительное Собраніе. Развѣ не прокламировало оно этотъ созывъ на сентябрь мѣсяцъ, потомъ на октябрь... Да, мы его свергли потому, что оно было буржуазное по своему духу и контръ-революціонное по своей тактикѣ. Мы это сдѣлали потому, что этого хотѣлъ петроградскій гарнизонъ и петроградскій пролетаріатъ. Лакеямъ буржуазіи и соціалъ-предателямъ нѣтъ мѣста во главѣ Россійской Соціалистической Республики... Теперь у власти мы, т. е. Совѣты, — правда, Совѣты, очищенные отъ буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ элементовъ. И мы хотимъ, чтобы Совѣты правили бы страной до того дня, когда соберется Всероссійское Учредительное Собраніе, до того дня, когда раздастся властный голосъ послѣдняго. И мы хотимъ, мы требуемъ отъ васъ, товарищи-солдаты, чтобы вы поддержали насъ, чтобы вы утвердили лозунгъ «Вся власть Совѣтамъ до дня созыва Учредительнаго Собранія. Поддержите насъ, товарищи-солдаты, во имя вашихъ же интересовъ!»

И Фронтовой Съѣздѣ большинствомъ, правда незначительнымъ, высказался за формулировку, предложенную большевиками. Высказался за власть Совѣтовъ, — за власть, по существу, большевистскую.

Голосовала противъ только эсэровская фракція. Изъ делегатовъ Особой Арміи только 20, изъ общаго ихъ числа больше, чѣмъ въ 200 человѣкъ, голосовавшихъ за эту формулировку.

ГЛАВА IV

НАСТРОЕНІЯ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

(Народъ и «Народъ». Петроградскій гарнизонъ. Настроенія рабочихъ.)

Короленко въ одномъ изъ своихъ очерковъ касается весьма сложнаго и запутаннаго понятія «народъ». Его соображенія и размышленія не лишены и по сей часъ злободневности. Онъ считаетъ, что всякое обобщеніе, всякое желаніе слить воедино весьма разнообразные психологически и соціально различные элементы, образующіе народъ, всякое такое обобщеніе нужно дѣлать съ великой осторожностью. Сколь часто употребляютъ выраженіе «крестьянство» или «пролетаріатъ», приписывая имъ тѣ или иныя хорошія или плохія качества, тѣ или иные вожделѣнія и запросы! И между тѣмъ, какъ въ томъ же крестьянствѣ, такъ и въ пролетаріатѣ, существуютъ настолько различные между собой слои населенія, что всякое обобщеніе, всякая унификація чертъ этого класса должна быть исключена.

Въ нынѣшнее время нерѣдко слышишь изъ устъ обозленныхъ эмигрантовъ выраженія, которыя носятъ всѣ слѣды непродуманности и одіозности, «русскій народъ грабитель», «русскій народъ хамъ», «русскій народъ разнузданное грубое животное».

Но если эта хула полна величайшей несправедливости, то нельзя не признать, что неправильны были и тѣ преисполненные идеализма обощенія, которыя были приняты въ 17-омъ году по отношенію русскаго народа — «народа-господина».

«Народъ хочетъ», «крестьянство рѣшило», «пролетаріатъ постановилъ» и т. д. безъ конца.

И сколь часто эти желанія и рѣшенія, будто бы народныя, признавались священными, неподлежащими измѣненіямъ, чуть ли не общеобязательными.

И забывалось, почти забывалась одна, казалось, элементарная истина, что внутриклассовая дифференціація несравненно крупнѣе и значительнѣе, чѣмъ междуклассовая. Но не только это забывалось, совершенно не учитывалось и то, о чемъ я уже говорилъ выше: поразительная пассивность россійская.

Да, между народомъ и «народомъ» надо провести рѣзкую границу, границу вполнѣ опредѣленную и ясную. Надо сказать то, что до сихъ поръ еще не было сказано, или если и было сказано, то полушопотомъ, между прочимъ. Надо подчеркнуть то, представляющееся мнѣ несомнѣннымъ, обстоятельство, что русскій народъ, крестьянство, солдаты и рабочіе въ большей своей части были чужды и не причастны къ тѣмъ разрушеніямъ Россійскаго Государства, которыя имѣли мѣсто, начиная съ 18-го года. Они были чужды и даже враждебны большевизму, и множество фактовъ это доказываетъ, и даже мнѣніе нѣкоторой части россійской интеллигенціи, утверждающей, что русскій народъ-большевикъ, не сможетъ поколебать неоспоримость этого факта.

И наибольшее, въ чемъ можно упрекнуть русскій народъ — это въ великомъ его попустительствѣ, въ его поразительной пассивности, въ томъ, что онъ ежеминутно и ежесекундно готовъ утверждать, что «его хата съ краю».

Мы видѣли фронтъ, гдѣ усталая и измученная, сѣрая солдатско-крестьянская масса голосовала. Голосовала безъ принужденія, такъ, какъ ей показывалъ здравый смыслъ. И этотъ здравый смыслъ высказался опредѣленно и ясно противъ большевизма. Всякій бывшій на фронтѣ можетъ разсказать о тѣхъ многочисленныхъ эксцессахъ, которые имѣли тамъ мѣсто въ 17—18 гг., объ избіеніяхъ и объ убійствахъ

командного состава, о крови, пролитой во множествѣ, обо всемъ томъ, что является до сихъ поръ неизжитымъ кошмаромъ. И, однако, если поставить вопросъ: повиненъ ли во всемъ этомъ весь русскій народъ въ его цѣломъ, не должно быть иного отвѣта, какъ опредѣленное и ясное: нѣтъ. Большинство народа, то большинство, которое сохранило въ себѣ частицу здраваго смысла и немного отъ человѣческой души, оставалось въ сторонѣ отъ всего этого...

Вотъ въ Особой Арміи, въ III-ей дивизіи, происходитъ звѣрское убійство помощника комиссара Линде и дивизіоннаго генерала. Я тщательно опрашивалъ многочисленныхъ свидѣтелей этого дѣла, и неизмѣнно рисовалась картина въ такомъ видѣ: 100 активно настроенныхъ злоумышленниковъ, вполнѣ сознательно и, повидимому, преднамѣренно, окружили комиссара, увлекли его въ лѣсъ и тамъ убили. А остальная солдатская масса — тѣ 3900 солдатъ, которые составляли контингентъ двухъ взбунтовавшихся полковъ — что дѣлала эта масса? Она робко жалась по опушкѣ лѣса, пряталась въ кустахъ и больше всего боялась быть вовлеченной въ это дѣяніе.

Она была пассивна, и можетъ быть, въ этомъ, въ ея пассивности, въ ея попустительствѣ и былъ элементъ преступности. Ибо есть положенія, когда формула «моя хата съ краю» заслуживаетъ жестокаго порицанія.

Подъ Луцкомъ, въ X-омъ полку, былъ растерзанъ толпой нелюбимый солдатами офицеръ. Снова и здѣсь картина рисовалась все та же. Пять, самое большее десять, процентовъ солдатъ активно принимало участіе въ убійствѣ, а остальная масса... робко жалась. Молчала. Отмалчивалась.

И этой пассивностью были преисполнены и петроградскія настроенія.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, съ первыхъ дней моего пріѣзда въ столицу, мнѣ пришлось неоднократно посѣщать полки, по преимуществу запасные гвардейскіе. И всюду я наталкивался на то же самое явленіе. Общая масса, на 9/10 скорѣе сочувствующая Учредительному Собранію, чѣмъ большевикамъ, и во всякомъ случаѣ безпартійно безразличная и пассивно настроенная. Рядомъ съ этимъ небольшая группа лицъ, чрезвычайно активныхъ, партійныхъ большевиковъ, повидимому связанныхъ съ центральными ихъ организаціями и образующихъ имѣющую огромное вліяніе на жизнь полка ячейку. Эта ячейка ведетъ ежедневную, упорную пропаганду, во время собраній владѣетъ вниманіемъ толпы, проводитъ нужныя ей резолюціи и постепенно создаетъ гипнозъ, что общая масса полка не только не сопротивляется ихъ большевистскимъ тенденціямъ, но даже всецѣло раздѣляетъ убѣжденія большевистской партіи.

Вотъ, напримѣръ, Измайловскій полкъ. Неоднократно въ эти дни и недѣли мнѣ приходилось посѣщать казармы этого полка, бесѣдовать съ отдѣльными солдатами, съ членами Комитетовъ — полкового и ротныхъ.

«Будете защищать Учредительное Собраніе?»

«Да намъ то что. Какъ велятъ».

«Да вы за или противъ него?»

«Конечно, за, только не знаемъ, какъ и быть. Одни говорятъ выступать на защиту, а другіе — «не ваше, молъ, дѣло, сидите въ казармѣ, какъ разсудитъ полковой комитетъ».

Въ полковомъ же комитетѣ было нѣсколько человѣкъ убѣжденныхъ большевиковъ, которые на одномъ изъ засѣданій комитетскихъ, не скрываясь, изложили свою точку зрѣнія.

«Большинство нашего полка принадлежитъ къ крестьянской массѣ, по существу своему глубоко контръ-революціонной и тяготѣющей въ своихъ симпатіяхъ къ

народническимъ партіямъ. Въ сущности, мы это признаемъ вполнѣ открыто, если бы произвести свободное голосованіе по вопросу объ Учредительномъ Собраніи,—то вся эта масса, вѣроятно, высказалась бы за него... Но спасаетъ наше положеніе необыкновенная забитость и поразительная стадность нашего солдата-мужика. Благодаря этимъ качествамъ, весь полкъ пойдетъ за нами, надо лишь, чтобы мы хорошенько распропагандировали солдатъ, вбили бы имъ въ головы правильность нашихъ положеній».

«Вы убѣждены, что солдаты-измайловцы пойдутъ за вами, вплоть до разгона Учредительнаго Собранія?»

«Нѣтъ, такихъ иллюзій мы и не строимъ. Мы знаемъ и хотимъ не больше того, чтобы солдатская масса защищала доброжелательный нейтралитетъ въ отношеніи насъ и предпринятой нами борьбы противъ россійской буржуазіи. Мы большаго не хотимъ, какъ только того, чтобы солдаты послушались насъ и не стали бы защищать Учредительнаго Собранія».

Знакомые солдаты Петроградскаго полка просили меня прочесть имъ докладъ, посвященный вопросу: «Быть или не быть Учредительному Собранію». Докладъ происходилъ въ одномъ изъ ротныхъ помѣщеній. Было тѣсно. Душно. Говорить приходилось въ обстановкѣ взаимнаго недовѣрія между интеллигентной частью солдатъ, обще-солдатской массой и большевистской ячейкой.

Интеллигенты переругивались съ большевиками, тѣ не давали себя въ обиду, пересыпали свои рѣчи и реплики отборными революціонными выраженіями, къ сожалѣнію, вошедшими въ россійскій обиходъ.

А солдатская масса апплодировала и тѣмъ, и другимъ, и трудно было разобрать, на чьей сторонѣ ея подлинныя и искреннія симпатіи.

«Учредительное Собраніе — наше, родное, кровное!»

«Вѣрно, правильно!»

«Въ Учредительное Собраніе проникли буржуи, соціалъ-предатели, его надо разогнать палками!»

«Не позволимъ! Ложь! Правда!»

«Такъ какъ же, товарищи-солдаты, пойдете разгонять Учредительное Собраніе?»

«Нѣтъ, не пойдемъ. Клянемся. Вотъ те крестъ!»

«А будете защищать Учредительное Собраніе, если кто-нибудь посягнетъ на него?»

Неопредѣленные возгласы. Смутные и неясные.

Изъ отдѣльныхъ бесѣдъ выясняется, что большинство солдатъ весьма дружелюбно настроено не только къ Учредительному Собранію, но и къ свергнутому Временному Правительству. Это дружелюбное отношеніе не могли поколебать ни энергичная ежедневная агитація большевиковъ, ни пассивное поведеніе интеллигенціи и эсэровъ, ни наконецъ неопредѣленность общаго политическаго положенія.

Но это дружелюбное отношеніе было преисполнено пассивности и отнюдь не сулило какихъ либо активныхъ выступленій въ защиту Учредительнаго Собранія или Временнаго Правительства.

Настроенія, которыя господствовали въ петроградскомъ гарнизонѣ, были приблизительно тѣ же, что и среди рабочихъ. Только общая рабочая масса была болѣе распропагандирована большевиками, и дружелюбное отношеніе у нея уступило мѣсто скепсису и безразличію. И все таки, какъ это показали рабочія собранія Франко-Русскаго завода, Адмиралтейства и Галернаго Островка, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ петроградскіе рабочіе не только не были большевиками и большевиствую-

щими, но склонны были къ выжидательному и благожелательному нейтралитету по отношенію къ Учредительному Собранію.

Такъ, на Франко-Русскомъ заводѣ, по свѣдѣніямъ фабрично-заводского комитета, не болѣе 15 % голосовало за резолюціи большевиковъ и за кандидатовъ послѣднихъ въ фабричныя учрежденія.

Къ рабочимъ этого завода я имѣлъ довольно близкое отношеніе, работая до того нѣсколько лѣтъ въ ихъ кооперативахъ. Неоднократно поэтому я имѣлъ возможность вести групповыя собесѣдованія съ франко-руссцами въ дни, предшествовавшіе январскимъ событіямъ. Собесѣдованія эти были закрытыми, носили они характеръ дружескій, посѣщали ихъ разнообразнѣйшіе слои рабочихъ, и тѣмъ цѣннѣе и показательнѣе они были для выясненія подлинныхъ настроеній рабочихъ массъ. И здѣсь такъ же, какъ и въ полкахъ, я встрѣтился съ пассивнымъ настроеніемъ массъ, разочарованныхъ и растерянныхъ, не рѣшавшихся идти поддерживать Временное Правительство и въ то же время чуждыхъ большевистскимъ тенденціямъ.

Пассивность, разочарованіе въ своихъ недавнихъ руководителяхъ, индифферентизмъ — таково было настроеніе большей части петроградскихъ рабочихъ. А на ряду съ этимъ незначительная, но сплоченная и прекрасно организованная большевистская партія, которая сумѣла противопоставить вялости и расплывчатости въ своихъ дѣйствіяхъ эсэровской и меньшевистской партіи чрезвычайную активность, умѣлую агитацію и планомѣрное гипнотизированіе рабочихъ массъ.

Картину, аналогичную той, которую я встрѣтилъ на Франко-Русскомъ заводѣ, я наблюдалъ также и на другихъ заводахъ Коломенскаго и Нарвскаго раіоновъ.

Мой товарищъ по раіонной работѣ, впослѣдствіи разстрѣлянный большевиками, Борисъ Флеккель, слѣдующимъ образомъ характеризовалъ мнѣ существовавшее въ то время въ рабочемъ Петроградѣ положеніе:

«Приходится признать тотъ печальный фактъ, что рабочія массы Петрограда ушли изъ подъ нашего и меньшевистскаго вліяній. Почему это такъ произошло? Прежде всего, благодаря недостаточной организаціонной работѣ нашихъ раіоновъ: наидѣятельнѣйшіе партійные работники ушли или въ Центръ, или въ муниципалитеты; послѣдніе шесть мѣсяцевъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова многіе раіоны дышатъ на ладанъ. Далѣе — расколъ въ нашей партіи, въ результатѣ котораго не малое количество нашихъ клубовъ попало въ руки лѣвыхъ эсэровъ, и наконецъ общее положеніе въ странѣ, неудачная политика Временнаго Правительства, которому рабочіе больше всего вмѣняютъ въ вину отсутствіе рѣшительности, неопредѣленность дѣйствій, безконечныя колебанія. Но значитъ ли это, что рабочія массы стали большевистско-думающими, большевистско-вѣрующими? Мое мнѣніе вполнѣ опредѣленно: рабочія массы ушли изъ подъ нашего вліянія и даже, можетъ быть, пойдутъ нѣкоторое время за большевиками, но онѣ сами не большевики и даже не большевиствующія».

ГЛАВА V

НАСТРОЕНІЕ ОБЫВАТЕЛЕЙ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ

Я думаю, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что петроградскій обыватель былъ настроенъ рѣзко противо-большевистски.

И тѣмъ не менѣе, этотъ его антибольшевизмъ представлялъ собою сырой матеріалъ, который могъ бы быть использованъ политическими партіями. Я полагаю, что нѣтъ необходимости останавливаться подробнѣе на обывательскихъ настроеніяхъ

— они извѣстны всякому петроградцу. Нѣкоторое недовольство свергнутымъ уже Временнымъ Правительствомъ, недовольство изъ за лѣвизны и слабохарактерности послѣдняго, враждебное отношеніе къ Совѣтамъ за тѣ преимущества, которыя предоставлялись пролетаріату за счетъ обывателя, страхъ передъ большевизмомъ, и надъ всѣмъ этимъ пассивность, чуть ли не возведенная въ принципъ.

«Намъ, молъ, надоѣла политика, пусть другіе борются съ большевиками».

«Посмотримъ, молъ, какъ они справятся съ большевиками!»

«Мы, молъ, что... Наша хата съ краю!»

Но, несмотря на эту очевидную и всюду проникающую пассивность россійскаго обывателя, потенціально онъ представлялъ собой несомнѣнную, значительную антибольшевистскую силу. Только эту силу надо было растолкать, растормошить, объединить вокругъ тѣхъ лозунговъ, которые имъ были цѣнны и дороги.

Обывателю надо было бы сдѣлать извѣстныя уступки его консерватизму, его буржуазности, его косности. Отвлеченные и порой радикальные лозунги соціалистическихъ партій ничего или мало что говорили его сердцу.

Были ли эти уступки сдѣланы? Были ли даже попытки ихъ сдѣлать? Я думаю, что нѣтъ. Мы хотѣли, чтобы тому, чему поклонялись мы, поклонился бы и обыватель, чтобы въ нашу вѣру увѣровалъ и онъ. Но, право, я не знаю, чему надо болѣе удивляться: пассивности и безразличію обывателя къ судьбамъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, или тому, что, несмотря ни на что, все же вышли 5-го января на улицу десятки тысячи петроградскихъ обывателей.

Теперь не болѣе, чѣмъ секретъ полишинеля, тотъ фактъ, что немало монархистовъ изъ группировокъ наиболѣе реакціонныхъ помогали большевикамъ въ ихъ борьбѣ съ Временнымъ Правительствомъ. Но этотъ фактъ, самъ по себѣ не маловажный, развѣ не долженъ былъ бы быть учтеннымъ еще въ тѣ дни демократическими партіями. Къ чему были иллюзіи, что идея Учредительнаго Собранія въ одинаковой мѣрѣ родна и близка душѣ всякаго россіянина. Точный учетъ враговъ и друзей не только не былъ сдѣланъ, но даже и попытки къ этому были незначительны и немощны.

Несомнѣнно, что Учредительное Собраніе, идея о немъ была дѣтищемъ россійской интеллигенціи, которая десятилѣтія лелѣяла мысль о томъ времени, когда весь народъ будетъ призванъ сказать свое слово. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Всероссійское Учредительное Народное Собраніе было лозунгомъ интеллигенціи, было для нея тѣмъ волшебнымъ царствомъ, куда революціей будетъ призванъ русскій народъ. Правда, что разочарованіе въ спасительность Учредительнаго Собранія началось уже среди интеллигенціи еще въ 17-омъ году, правда и то, что нѣтъ сейчасъ идеи, менѣе популярной, чѣмъ идея объ Учредительномъ Собраніи.

Но чья это вина? Не мы ли, русскіе интеллигенты, которые поклонялись этой идеѣ, которые несли ее на протяженіи десятковъ лѣтъ, которые сдѣлали ее лозунгомъ февральской революціи и которые не сумѣли отстоять этой идеи и провести ее въ жизнь, не мы ли главные виновники этого разочарованія?

Мнѣ придется впослѣдствіи не разъ возвращаться къ описанію того, какъ русская интеллигенція защищала свою идею въ эти приснопамятные дни. Здѣсь мнѣ лишь хочется конкретизировать одно общее положеніе, которое представляется мнѣ особенно важнымъ.

Какъ въ дни, предшествовавшіе октябрьскому перевороту, такъ и въ дни разгона Учредительнаго Собранія, среди петроградской интеллигенціи, въ частности среди представителей ея лѣваго крыла, среди такъ называемой демократической интелли-

генціи, царилъ всеподавляющій фатализмъ. Развертывающіяся событія, октябрьскій переворотъ, власть большевиковъ, все это казалось точно заранѣе предначертаннымъ, неизбѣжнымъ и неумолимымъ.

Вѣрилось въ то, что кто-то долженъ защитить Учредительное Собраніе, что иначе быть не можетъ, что народъ, великій русскій народъ, не допуститъ такой профанаціи величайшей идеи, порожденной революціями. Вѣрилось въ то, что посягательство со стороны большевиковъ на существованіе Учредительнаго Собранія — это не больше, чѣмъ жалкая шутка, не болѣе, чѣмъ кривая усмѣшка судьбы.

Этотъ фатализмъ держалъ въ своихъ цѣпкихъ рукахъ центральные органы политическихъ партій, онъ доминировалъ при всѣхъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ, онъ парализовалъ всякую активность, всякую организаціонность, направленную противъ большевиковъ работу.

Это была совершенно особая психологія, зачастую неосознанная и непризнаваемая нами. Но послѣдствія этой психологіи были очевидны. Это была пассивность, которая въ дополненіе къ основной россійской инертности и привела большевизмъ, большевиковъ къ несомнѣнному и полному торжеству. Но побѣда большевиковъ меньше всего проистекала отъ ихъ силы, меньше всего отъ того, что за ними пошло большинство страны. Ихъ сила, сама по себѣ ничтожная и заключающаяся въ ихъ необыкновенной активности, вышла побѣдительницей изъ этой борьбы единственно благодаря пассивности русской интеллигенціи, въ частности демократической интеллигенціи, благодаря тому, что активному Ничтожеству было противопоставлено пассивное Величіе.

ЧАСТЬ II

ДЕКАБРЬ 1917 ГОДА. ЯНВАРЬ 1918 ГОДА

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ ноября я, оставивъ юго-западный фронтовой Съѣздъ въ состояніи полной анархіи, пріѣхалъ въ Петроградъ. Здѣсь тѣ восемь недѣль, что мнѣ пришлось провести, я всецѣло посвятилъ себя защитѣ Учредительнаго Собранія, иначе говоря, принималъ ближайшее участіе во всѣхъ тѣхъ организаціяхъ, которыя были созданы, чтобы помѣшать большевикамъ «посягнуть на Народное Собраніе».

ГЛАВА VI

НА БОЛОТНОЙ УЛИЦѢ

Съ середины ноября начался Съѣздъ лицъ, выбранныхъ въ члены Учредительнаго Собранія. Кромѣ большевиковъ, которые направлялись въ Смольный и которые по пріѣздѣ своемъ въ Петроградъ получали всевозможныя удобства отъ Совѣтскаго Правительства, положеніе депутатовъ остальныхъ фракцій было не изъ пріятныхъ. Большая часть изъ нихъ — была провинціалами, мало знакомыми съ Петроградомъ. Прибывали они зачастую безъ денегъ, въ полной увѣренности, что тамъ, въ столицѣ, ихъ ожидаютъ, что имъ тамъ все будетъ устроено.

Съ большимъ трудомъ для этихъ провинціаловъ было организовано общежитіе на Болотной улицѣ.

Большой неуютный домъ — бывшій лазаретъ Земско-Городского Союза. Всюду больничныя койки, не успѣвшій еще испариться запахъ лѣкарствъ. Общую унылую картину депутатскаго общежитія дополняла нѣкоторая растерянность, царившая среди членовъ бюро эсэровской фракціи. Справочный отдѣлъ функціонировалъ плохо. Денегъ не было или почти не было. Наконецъ, питаніе пріѣзжающихъ также встрѣчало нѣкоторыя затрудненія.

Чуть ли не съ первыхъ же дней существованія этого общежитія мрачные слухи не переставали циркулировать: большевики рѣшили закрыть общежитіе, большевики приказали выселить депутатовъ.

Пріѣзжавшіе депутаты располагались по пяти-десяти человѣкъ въ комнатахъ, гдѣ кромѣ простыхъ госпитальныхъ коекъ почти не было другой мебели. Въ нижнемъ этажѣ, въ маленькой комнатѣ съ однимъ окномъ, была устроена столовая. Какъ обитатели общежитія, такъ и живущіе на волѣ депутаты, могли здѣсь получать весьма скромный изъ двухъ блюдъ обѣдъ и не менѣе скромный ужинъ. При этомъ сама процедура выдачи блюдъ была утомительно длинна, приходилось безконечно ждать и зачастую уходить съ пустымъ желудкомъ.

Съ первыхъ же дней существованія общежитія начались безконечныя засѣданія. Происходили они большей частью въ маленькихъ комнатахъ верхняго этажа. Всегда было страшно тѣсно, невыносимо душно, сидѣли присутствовавшіе на кроватяхъ, подоконникахъ и т. д. И только впослѣдствіи, это было въ концѣ декабря, когда число съѣхавшихся депутатовъ достигло внушительныхъ размѣровъ, бюро удалось достать для засѣданій большую залу.

Надо учесть и хорошо понять психологію обывателей общежитія на Болотной улицѣ. Въ станѣ враговъ, въ сущности въ полной власти большевиковъ, въ большей части своей жители глухихъ провинцій, — они пріѣхали на Всероссійское торжество, которое волею судебъ превратилось въ Всероссійскій позоръ.

Ощущеніе беззащитности, ощущеніе, что «мы находимся въ рукахъ своихъ враговъ» — господствовало съ перваго до послѣдняго дня на Болотной улицѣ. Для многихъ казалось, что сама идея организаціи общежитія при существовавшихъ условіяхъ неудачна и неумѣстна.

«Вѣдь, насъ всѣхъ смогутъ забрать голыми руками».

Но не только то обстоятельство, что большевики легко могутъ арестовать большую часть оппозиціонныхъ депутатовъ, дѣлало психологически неудобнымъ существованіе общежитія, но главнымъ образомъ то, что благодаря послѣднему вся дѣятельность противобольшевистскихъ фракцій была совершенно на виду у большевистскаго Правительства. Послѣднее было въ курсѣ всѣхъ фракціонныхъ дѣлъ, оно знало, что и о чемъ постановила фракція, каковы настроенія депутатовъ, однимъ словомъ, было освѣдомлено обо всемъ въ совершенствѣ. Объ этой освѣдомленности большевиковъ не разъ намъ сообщали наши доброжелатели, случайно попавшіе въ Смольный.

Не лишне, впрочемъ, отмѣтить, что этому весьма способствовало отсутствіе контроля для лицъ, посѣщавшихъ общежитіе. Приходили самыя разнообразныя лица, Богъ вѣсть, зачѣмъ, бродили по всему зданію, заходили въ комнаты депутатовъ, иногда даже на комиссіонныя засѣданія, и никто ихъ не останавливалъ, никто не опрашивалъ. Не разъ можно было замѣтить блуждающія по лѣстницѣ весьма подозрительныя личности. О томъ, что телефонъ фракціи былъ взятъ подъ наблюденіе, стало извѣстнымъ лишь значительно позже. А сколько разговоровъ, важныхъ и отнюдь не предназначенныхъ для большевистскихъ ушей, говорилось въ эти дни по телефону!

Впрочемъ, очень трудно поставить въ вину бюро фракціи или ея руководителямъ это отсутствіе конспиративности. Ибо вся обстановка этому способствовала. Въ продолженіе всего 17-го года всѣ антибольшевистскія партіи и въ особенности эсэры вели столь легальную и открытую дѣятельность, всѣ ихъ представители и руководители были такъ на виду и такъ далеки отъ конспираціи, что послѣ большевистскаго переворота имъ было трудно, почти невозможно уйти обратно въ подполье.

Вся эта обстановка способствовала усиленію ощущенія беззащитности. И понимая это, понимая невозможность законспирироваться отъ большевиковъ, отъ этихъ враговъ, съ которыми предстояла борьба не на жизнь, а на смерть, обитатели общежитія на Болотной улицѣ говорили:

«Мы не скрываемся, мы не хотимъ скрываться...»

«Мы — народные избранники, пріѣхали отстаивать свои права и борьбу съ узурпаторами будемъ вести открыто, съ высоко поднятымъ забраломъ».

Конечно, это было сказано красиво, но въ самой этой красотѣ таилась безпомощность, слабость людей, не учитывающихъ всѣхъ силъ своего противника.

И большевики смѣялись и говорили — это было еще въ декабрѣ:

«Достаточно десяти красныхъ матросовъ, чтобы ликвидировать всю эсэровскую фракцію. Мы ее можемъ взять голыми руками... Мы этого не дѣлаемъ, потому что не хотимъ. Не къ чему».

И дѣйствительно въ январѣ мѣсяцѣ, когда большевики захотѣли, они пришли на Болотную и арестовали добрыхъ двѣ трети всей эсэровской партіи.

И прошелъ этотъ арестъ гладко, ровно, безъ всякихъ инцидентовъ.

Послѣ этого ареста общежитіе существовало еще нѣсколько дней и потомъ закрылось, не вписавъ въ исторію ни яркихъ страницъ, ни красивыхъ воспоминаній, оставивъ у насъ впечатлѣніе сѣрости, скуки и неопредѣленности.

ГЛАВА VII

ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ ИЛИ АВАНТЮРИЗМЪ

«Какъ же мы будемъ защищать Учредительное Собраніе? Какъ будемъ самозащищаться?»

Съ такимъ вопросомъ я обратился чуть ли не въ первый день къ отвѣтственному руководителю фракціи X. Онъ сдѣлалъ недоумѣвающее лицо.

«Защищать? Самозащищаться? Что за нелѣпость. Понимаете ли Вы, что Вы говорите?.. Вѣдь, мы народные избранники... Мы должны дать народу новую жизнь, новые законы, а защищать Учредительное Собраніе — это дѣло народа, насъ избравшаго».

И это мнѣніе, мною услышанное и весьма меня поразившее, отвѣчало настроенію большинства фракціи.

Вопросъ, затрагиваемый мною въ настоящей главѣ, принадлежитъ въ значительной своей части исторіи. Но потерялъ ли онъ вполнѣ свою злободневность? Не является ли онъ и понынѣ вопросомъ, который вызываетъ у однихъ волненія и сомнѣнія, у другихъ — ироническое удивленіе.

Этотъ вопросъ, который къ сожалѣнію никогда не былъ предметомъ достаточно глубокаго обсужденія въ русскихъ политическихъ партіяхъ, меня не мало въ свое время смущалъ: ибо моя точка зрѣнія по этому вопросу была почти діаметрально противоположной таковой моихъ товарищей по фракціи.

Въ современной реакціонной печати не разъ съ изумленіемъ иронически спрашивалось:

«Почему это партія соціалистовъ-революціонеровъ, столь революціонная въ прошломъ, партія, вышедшая изъ подполья, нынѣ въ борьбѣ съ большевиками такъ чуждается мѣръ нелегальныхъ, такъ далека по существу отъ методовъ революціонной борьбы?»

И мнѣ думается, что этотъ вопросъ требуетъ отвѣта.

Въ 1917 году, выйдя изъ революціоннаго подполья на арену государственности, эсэры, въ особенности лидеры и отвѣтственные руководители этой партіи, вполнѣ проникли сознаніемъ, что:

«Съ прошлымъ надо покончить» и что «отнынѣ государственность должна стоять въ одномъ изъ пунктовъ ихъ программы». Такъ разсуждало большинство эсэровъ. И они не только разсуждали, но и поставленные ходомъ событій къ управленію страной, они быстро и рѣшительно эволюціонировали.

Между эсэрами до 17 года и эсэрами конца 17 года цѣлая пропасть. Такъ мнѣ казалось, такъ кажется мнѣ и теперь. Снова повторяю, что это касается лишь извѣстной части партіи, главнымъ образомъ ея верхушки, главнымъ образомъ той группы, которая въ 17 году была у власти и которую въ повседневности называютъ правыми эсэрами.

Именно эта группа и имѣла преобладающее значеніе въ Учредительномъ Собраніи. Но даже и тѣ эсэры, которые причисляли себя къ лѣвому крылу, такъ называемые черновцы, психологически также претерпѣли въ продолженіе 17-го года весьма крупную метаморфозу, утеряли свою революціонную психологію, пріобщились къ «государственности» и къ «власти». Результатомъ этой эволюціи, далеко не осознанной и не признаваемой нами, эсэрами, явилось и совершенно особое отношеніе къ Учредительному Собранію.

Какъ бюро фракціи, такъ и большинство съѣзжавшихся депутатовъ, стояли на позиціи «чистаго парламентаризма». Они полагали, что споръ между большевиками и остальными партіями долженъ быть разрѣшенъ чисто парламентарскимъ путемъ, въ стѣнахъ Учредительнаго Собранія, что именно здѣсь, гдѣ соберутся представители всей Россіи, долженъ быть рѣшенъ въ ту или иную сторону вопросъ.

Съ Учредительнымъ Собраніемъ связывались надежды, которыя ни въ какой мѣрѣ не оправдались. Имѣла мѣсто идеализація этого учрежденія, идеализація безмѣрная и недопустимая для политиковъ.

Въ эти дни, въ эти недѣли, я неоднократно имѣлъ случай разговаривать съ пріѣхавшими депутатами и выяснять ихъ точку зрѣнія на тактику, которой должны мы придерживаться. Какъ общее правило, позиція большинства депутатовъ сводилась къ слѣдующему.

«Мы должны всѣми мѣрами избѣгать авантюризма. Если большевики допустили преступленіе противъ русскаго народа, свергнувъ Временное Правительство и самовольно захвативъ власть въ свои руки, если они прибѣгаютъ къ пріемамъ некорректнымъ и некрасивымъ, это еще не значитъ, что и мы должны слѣдовать ихъ примѣру. Отнюдь нѣтъ. Мы должны идти путемъ исключительной законности, мы должны защищать право путемъ единственно допустимымъ для народныхъ избранниковъ, путемъ парламентарскимъ. Довольно крови, довольно авантюръ. Споръ долженъ быть перенесенъ на разрѣшеніе Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, и здѣсь, передъ лицомъ всего народа, всей страны, онъ получитъ свое справедливое разрѣшеніе».

Этой позиціи, этой тактики, которую я затрудняюсь назвать иначе какъ «сугубо парламентарской», придерживались отнюдь не только правые эсэры и центровики, но и черновцы. И черновцы, быть можетъ, даже болѣе остальныхъ.

Ибо, именно, В. Черновъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ гражданской войны и однимъ изъ тѣхъ, кто надѣялся на мирную ликвидацію конфликта съ большевиками, вѣря въ то, что «большевики спасуютъ передъ Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ».

Именно онъ, объ этомъ будетъ рѣчь впереди дальше, возражалъ противъ вооруженной демонстраціи по мотивамъ:

«Нельзя проливать народную кровь. Народъ самъ разсудитъ. Съ оружіемъ въ рукахъ не докажешь правды... Тѣмъ болѣе, что большевики — это тотъ же народъ. Это надо помнить».

«Сугубый парламентаризмъ» отстаивало огромное большинство фракціи эсэровъ Учредительнаго Собранія. Лицъ, которыя не соглашались съ этой тактикой и которыя призывали къ активнымъ дѣйствіямъ, было ничтожное меньшинство. Удѣльный вѣсъ этого меньшинства во фракціи былъ весьма невеликъ. На нихъ смотрѣли какъ на людей, зараженныхъ авантюризмомъ, недостаточно проникнутыхъ государственностью, недостаточно зрѣлыхъ политически.

Эту группу оппозиціонеровъ составляли главнымъ образомъ депутаты фронта или лица такъ или иначе причастныя къ великой войнѣ. Среди нихъ можно назвать Д. Сургучева (впослѣдствіи разстрѣляннаго большевиками), Фортунатова, лейтенанта Х., Сергѣя Маслова, члена Ц. К. П., нынѣ разстрѣляннаго, Онипко. Къ этой группѣ примыкалъ и я.

Говоря объ эволюціи эсэровской психологіи, весьма необходимо отмѣтить, что эта эволюція коснулась главнымъ образомъ верхнихъ слоевъ партіи. Низы партіи, такъ называемые рядовые работники ея, въ значительной мѣрѣ сохранили свою активность и стремленіе къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Это замѣчалось и въ концѣ 17-го года, замѣчалось и позднѣе въ годы борьбы съ большевиками. Болѣе того, эсэровская масса до извѣстной степени сохранила прежніе навыки и традиціи и въ дни, въ годы большевизма довольно охотно уходила въ подполье. Мнѣ думается, именно разностью психологіи можно объяснить то обстоятельство, что за послѣдніе годы не малое число рядовыхъ членовъ партіи отошло отъ послѣдней. Во всякомъ случаѣ, сидя въ московской Бутырской тюрьмѣ, не разъ мнѣ приходилось выслушивать отъ заключенныхъ тамъ рядовыхъ эсэровъ упреки въ чрезмѣрномъ тяготѣніи партіи къ государственности и парламентаризму.

Весь бытъ и укладъ жизни эсэровской фракціи въ декабрьскіе дни семнадцатаго года прекрасно иллюстрируютъ сказанное. Интенсивно по различнымъ многочисленнымъ комиссіямъ шла подготовительная законодательная работа. Готовились всевозможные проекты законовъ. Обсуждались вопросы, имѣвшіе огромное государственное значеніе.

Комиссія земельная, народнаго образованія, иностранныхъ дѣлъ, комиссія перваго дня открытія Учредительнаго Собранія ... какихъ только тамъ комиссій не было!

Маркъ Вишнякъ, молодой, но весьма ярый парламентарій, особенно позаботился о томъ, чтобы ни одна сторона государственнаго строительства не была позабыта.

Всѣ эти комиссіи весьма энергично работали, засѣданія ихъ были многолюдны и по своему интересны. Вызывались эксперты, которые читали доклады, предназначавшіеся какъ базисъ, какъ канва для новыхъ законопроектовъ. Случайно мнѣ пришлось посѣтить засѣданіе военно-иностранной комиссіи, посвященной докладу

Верховскаго. Докладъ трактовалъ, если мнѣ не измѣняетъ память, о возможности сепаратнаго мира съ точки зрѣнія военнаго спеціалиста.

Пренія въ этихъ комиссіяхъ нерѣдко были весьма оживленныя и продолжительныя.

Иногда казалось, что все идетъ прекрасно, что нѣтъ никакого большевистскаго правительства, что нелѣпы слухи о возможномъ разгонѣ Учредительнаго Собранія и что тихая парламентарская жизнь потечетъ послѣ 5-го января. Вѣдь, столько заготовлено законопроектовъ... Всѣ ихъ надо провести черезъ пленумъ. Въ мою память особенно врѣзалась дѣятельность комиссіи, посвященной первому дню, такъ называемой комиссіи открытія. Здѣсь было все учтено. Кто долженъ открыть собраніе, какіе ораторы должны выступать и какъ, кто долженъ руководить фракціей; было учтено все, кромѣ банды пьяныхъ матросовъ, заполнившихъ галлереи Таврическаго Дворца, и непарламентарскаго цинизма большевиковъ.

Иногда мы, оппозиціонеры, спрашивали нашихъ коллегъ по фракціи:

«Къ чему вы строите эти иллюзіи? Къ чему эти законопроекты, которые вы такъ старательно обсуждаете, когда неизвѣстно даже, состоится ли У. С. Мы не понимаемъ, какъ можно въ такихъ кошмарныхъ условіяхъ заниматься мирной законодательной работой».

Отвѣтъ бывалъ неизмѣненъ и по своему логиченъ:

«Мы не знаемъ точныхъ намѣреній большевиковъ, но мы убѣждены, что они не осмѣлятся посягнуть на прерогативы высокаго учрежденія, выбраннаго всѣмъ народомъ. А если такъ, если есть шансы, что сессія Учредительнаго Собранія состоится, то мы должны придти въ нее во всеоружіи нашего политическаго опыта, съ полнымъ сознаніемъ важности задачи, возложенной на наши плечи русскимъ народомъ. Мы должны дать въ законномъ порядкѣ народу землю и основныя права».

Въ то время, какъ на Болотной улицѣ посвящали всѣ дни и часто ночи выработкѣ законопроектовъ, въ это время большевистскіе депутаты, съѣхавшіеся также къ этому времени въ Петроградъ, были распредѣлены властной рукой своего центральнаго комитета по заводамъ и казармамъ Петрограда. Они вели энергичную агитацію противъ того Учрежденія, въ члены котораго они были избраны. Они, вѣроятно, очень мало думали о парламентаризмѣ, еще менѣе о государственности и о законности. Передъ ними была поставлена конкретная и ясная задача: добиться того, чтобы власть въ странѣ осталась въ рукахъ ихъ партіи. И они этого добивались всѣми позволенными и непозволенными средствами. Добивались и добились.

Очень трудно произвести правильную оцѣнку позиціи, занятой большинствомъ эсэровской партіи. Да и нужна ли эта оцѣнка? Умѣстна ли критика? Развѣ не лежатъ корни этой тактики въ прошломъ этой партіи, въ ея своеобразномъ идеализмѣ въ ея тягѣ къ отвлеченной идеологіи? И развѣ, наконецъ, не была и не есть эта партія дѣтищемъ русской интеллигенціи, дѣтищемъ по своему любимымъ этой послѣдней. И во всякомъ случаѣ меньше всего въ задачи моей настоящей статьи входитъ критика той или иной тактики или позиціи, занятой эсэровской или другой партіей. Слишкомъ сложными и невыясненными исторически кажутся мнѣ измѣненія, которыя претерпѣла русская интеллигенція за десятилѣтія, предшествовавшія февральской революціи. Именно въ этихъ измѣненіяхъ и лежатъ нити и архицинизма большевиковъ, и ультраидеализма эсэровъ. Эти нити, быть можетъ, будутъ распутаны какимъ-нибудь историкомъ, но во всякомъ случаѣ не изъ числа тѣхъ историковъ, которые сами, благодаря своему участію въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, несутъ отвѣтственность за грѣхи и пробѣлы событій россійскихъ.

Принятіе парламентарской тактики влекло за собою вполнѣ опредѣленныя логическія послѣдствія. Борьба съ большевиками представлялась не иначе, какъ въ стѣнахъ Таврическаго Дворца, а сама защита Учредительнаго Собранія — руками тѣхъ, кто послалъ своихъ избранниковъ устанавливать новыя формы жизни. И по существу было вполнѣ логично, когда депутаты возражали противъ вовлеченія ихъ въ ту или иную форму активной борьбы съ Совѣтскимъ Правительствомъ.

«Если народъ за насъ, онъ долженъ насъ защитить, ибо онъ насъ сюда послалъ».

Между тѣмъ, жизнь предъявляла свои права, и вопросъ о защитѣ Учредительнаго Собранія, вопросъ о самозащитѣ неоднократно поднимался во фракціи. Поднимали его оппозиціонеры, въ томъ числѣ раза два и я. Поднимали его и тѣ многочисленныя депутаціи, которыя посѣщали въ эти дни фракцію. Но неизмѣнно, какъ бюро фракціи, такъ и пленумъ его, оставались при томъ убѣжденіи, что фракція въ ея цѣломъ должна стоять внѣ той борьбы, которая ведется и будетъ вестись во имя существованія Учредительнаго Собранія. Что фракція должна ограничить арену своей борьбы стѣнами Таврическаго Дворца.

И съ этой позиціи невозможно было сдвинуть фракцію.

Одинъ изъ энергичнѣйшихъ и наиболѣе реалистически настроенныхъ — В. В. Рудневъ, обычно предсѣдательствовавшій въ пленумѣ, вполнѣ раздѣлялъ точку зрѣнія большинства. Ему также казалась авантюрой, вредной по своимъ послѣдствіямъ, внѣпарламентская борьба фракціи съ большевиками.

И вполнѣ понятно, что такая позиція влекла за собой пассивность. Когда, — это было въ послѣднихъ числахъ декабря, — во фракціи Биркенгеймъ и Н. В. Чайковскій, пришедшіе въ качествѣ делегаціи Всероссійскаго Союза Служащихъ, заявили, что они уполномочены десятками тысячъ интеллигентныхъ тружениковъ предоставить всѣ силы послѣднихъ на защиту Учредительнаго Собранія и что они думаютъ, что всеобщая забастовка вполнѣ реализуема — отвѣтъ фракціи, послѣ преній бурныхъ и продолжительныхъ, былъ весьма уклончивъ:

«Мы, молъ, не возражаемъ противъ всеобщей забастовки, но руководить ею мы не будемъ и даже непосредственное отношеніе къ ней считаемъ нежелательнымъ».

Аналогичные отвѣты давались и другимъ депутаціямъ, разочарованно покидавшимъ скромныя стѣны общежитія на Болотной улицѣ. И въ той борьбѣ незримой, но весьма энергичной, которая велась большевиками во всѣхъ углахъ Петрограда, лишь небольшое число депутатовъ принимало персональное участіе. Неоднократно раздавались жалобы изъ раіонныхъ партійныхъ комитетовъ, что нельзя заполучить никого съ Болотной улицы. Депутаты выступали неохотно и рѣдко. Чаще другихъ отзывались на эти призывы Брушвитъ, Гуревичъ, Утгофъ. И развѣ не характерно, не показательно, что на митингахъ, организованныхъ 6-го января большевиками во имя санкціи разгона Учредительнаго Собранія, только два эсэровскихъ депутата сочли нужнымъ выступить!!...

Такова общая картина жизни эсэровской фракціи. Между тѣмъ, въ виду немногочисленности кадетской и эсдековской партій, въ У. С. роль эсэровской фракціи была преобладающей. И фактически антибольшевистская коалиція ею не только возглавлялась, но почти что ею олицетворялась.

Какъ бы то ни было, но фактъ былъ непреложнымъ. Фракція, или вѣрнѣе, антибольшевистскія фракціи не принимали участія во внѣпарламентской борьбѣ за Учредительное Собраніе. Эта борьбы шла безъ нихъ, даже иногда внѣ ихъ непосредственнаго вліянія. И только благодаря персональному вмѣшательству отдѣльныхъ депутатовъ, принимавшихъ активное участіе въ этой защитѣ, поддерживалась живая связь и съ Болотной улицей, и съ фракціей.

ГЛАВА VIII

КОМИТЕТЪ ЗАЩИТЫ У. С. ЕГО РОЛЬ

Такимъ образомъ защиту Учредительнаго Собранія взяли на себя рядъ партійныхъ и межпартійныхъ организацій. Среди послѣднихъ видное мѣсто занималъ такъ называемый Комитетъ Защиты. Детали и подробности о дѣятельности послѣдняго я дать не въ состояніи, такъ какъ не входилъ въ означенный комитетъ. Но общій характеръ его дѣятельности, приблизительный составъ его участниковъ, достаточно былъ мнѣ извѣстенъ.

Несомнѣнно этотъ Комитетъ былъ преобладающе интеллигентскій. Объединялъ онъ вокругъ себя большую часть демократической интеллигенціи и нѣкоторые круги изъ либеральной буржуазіи. Персонально входили въ него эсэры (крайне праваго толка), меньшевики-оборонцы, большую роль въ немъ играли народные соціалисты во главѣ съ Н. В. Чайковскимъ, имѣли касательство кооператоры, союзы служащихъ и кое-кто изъ кадетовъ. Нужно отдать справедливость, что дѣятельность этого комитета была весьма энергичной. Помимо множества листовокъ и обращеній, помимо пропаганды, порою недурно поставленной, со стороны его были попытки проникнуть въ рабочую и солдатскую массу.

Я думаю, немало петроградцевъ помнятъ объ организованныхъ Комитетомъ рабочихъ конференціяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ одномъ изъ домовъ на Забалканскомъ проспектѣ. Если не ошибаюсь, всего были три конференціи, изъ которыхъ послѣдняя, происходившая уже въ январѣ мѣсяцѣ, была заарестована большевиками. Я присутствовалъ на одной изъ этихъ конференцій въ качествѣ представителя отъ Военной Комиссіи и, признаюсь, былъ пораженъ ея многолюдствомъ и темпераментомъ ея участниковъ. Несмотря на всю свою энергію, Комитету все же удалось очень мало проникнуть внутрь рабочихъ массъ, и пропаганда его въ этомъ направленіи была ничтожна и, боюсь сказать, почти безслѣдна.

Еще менѣе удалась работа въ Петроградскомъ гарнизонѣ. Можетъ быть потому, что было приступлено къ этой работѣ чуть ли не передъ самымъ разгономъ Учредительнаго Собранія. Во всякомъ случаѣ, хотя въ отчетахъ комитетскихъ и фигурировала «военная работа», но, какъ мнѣ пришлось въ этомъ впослѣдствіи убѣдиться, трудно было относиться къ этой работѣ въ серьезъ.

Среда, въ которой сѣмена, посѣянныя Комитетомъ, дали богатую жатву, была обывательская: Потому ли, что это была наиболѣе благодарная почва для противобольшевистской агитаціи, потому ли, что эта среда была наиболѣе близка и родственна Комитету, во всякомъ случаѣ, работа, сдѣланная послѣднимъ въ этомъ направленіи, была весьма значительна и реальна. И мнѣ кажется, въ фактѣ, что десятки тысячъ обывателей вышли 5-го января на улицы Петрограда, извѣстную и немалую роль сыграла и дѣятельность Комитета. И я не сомнѣваюсь, что если бы Комитетъ имѣлъ возможность и право немного болѣе конкретизировать анти-большевистскіе лозунги, если бы онъ могъ говорить болѣе смѣло, чувствуя за собой менѣе идеалистически настроенное Учредительное Собраніе, возможно, кто знаетъ, что его пропаганда вылилась бы во что-нибудь болѣе крупное и серьезное.

Надо ли говорить, что и большая часть дѣятельности Комитета протекала на виду у большевиковъ. Двери Комитета, засѣдавшаго на Литейномъ проспектѣ, были настежь открыты. Въ пріемной постоянно толпилось нѣсколько подозрительныхъ субъектовъ, и наблюденіе, какъ тайное, такъ и явное, со стороны большевиковъ было несомнѣннымъ. У входныхъ дверей торчали болѣе или менѣе постоянно филеры. Теле-

фонные разговоры внимательно подслушивались, какъ объ этомъ сообщали намъ антибольшевистски настроенныя телефонистки. Но думать о конспираціи, о нелегальной работѣ было невозможно. Всѣ попытки въ этомъ направленіи не удавались. Даже съ трудомъ удавалось наиболѣе скомпрометированнымъ членамъ Комитета жить полулегально. И при арестѣ, имѣвшемъ мѣсто вскорѣ послѣ разгрома Учредительнаго Собранія, большая часть членовъ Комитета была захвачена большевиками.

Среди попытокъ, заслуживающихъ быть отмѣченными по своей курьезности и неудачливой анекдотичности и сдѣланныхъ Комитетомъ ради успѣшной защиты У. С., было предпринято имъ «собираніе военныхъ дружинъ національныхъ меньшинствъ». Иниціаторомъ этого любопытнаго предпріятія былъ членъ Комитета Петръ Шаскольскій, нынѣ погибшій въ Совдепіи. По его почину было созвано совѣщаніе, на которомъ я присутствовалъ представителемъ отъ эсэровъ и на которое были приглашены отвѣтственные лидеры національныхъ партій. Кто только тамъ не присутствовалъ! Грузины, армяне, эстонцы, литовцы; были представители различныхъ еврейскихъ партій... Лишь отказались придти поляки и финны. «Мы, молъ, уже самоопредѣлились и къ россійскимъ дѣламъ никакого отношенія не хотимъ имѣть».

Шаскольскій поставилъ вопросъ весьма конкретно, ребромъ:

«Сколько вооруженныхъ солдатъ можетъ выставить каждая отдѣльная національность для защиты Всероссійскаго Учредительнаго Собранія?»

Но такой простой подходъ къ данному вопросу встрѣтилъ рѣшительную оппозицію со стороны большинства присутствующихъ. Потребовали, чтобы сначала были разрѣшены такъ называемые программные вопросы.

«Какъ отнесется Учредительное Собраніе къ самоопредѣленію народностей?»

«Стоитъ ли оно за федерацію или за полную независимость окраинъ?» — и такъ безъ конца, цѣлый рядъ вопросовъ, которые требовали немедленнаго отвѣта, немедленнаго разрѣшенія и безъ коихъ ни одинъ солдатъ, какъ гордо выразился литовскій представитель Булатъ, «не подниметъ штыка на защиту этого Учредительнаго Собранія». Между прочимъ, особенно горячился и возмущался простотой постановки вопроса именно Булатъ. Его рѣчи были пропитаны совершенно нескрываемымъ руссофобствомъ.

Послѣ долгихъ и безплодныхъ споровъ это Совѣщаніе было закрыто. Было назначено новое, на которое представители національностей приглашались придти съ конкретными данными о томъ, сколько солдатъ они могутъ вывести 5-го января на защиту Учредительнаго Собранія.

Второе Совѣщаніе было гораздо менѣе многолюдное и менѣе оживленное, чѣмъ первое. Отсутствовали самые ярые сепаратисты. Не было ни литовцевъ, ни латышей, кажется, не пришли и украинцы.

Подсчеты дали весьма печальные результаты. У грузинъ было нѣсколько вооруженныхъ людей, у эстонцевъ была довольно многолюдная дружина, которую эстонскіе лидеры отказывались впутывать въ россійскія дѣла, и наконецъ, весьма охотно предоставляли въ распоряженіе Учредительнаго Собранія свои формированія армяне и евреи. Армяне были хорошо вооружены и, какъ съ гордостью заявилъ ихъ представитель, имѣли даже два пулемета. Что же касается евреевъ, то вновь сформированная ихъ дружина насчитывала до двухъ сотъ человѣкъ, но ... у нихъ былъ только нарядъ на ружья, а самыя ружья не были имъ выданы «изъ за медлительности Временнаго Правительства». Къ тому же большинство дружинниковъ были штатскіе люди, не причастные къ военному дѣлу.

Послѣ засѣданія мы возвращались вмѣстѣ съ П. Шаскольскимъ. Онъ былъ грустенъ и молчаливъ.

«Всѣ надежды мною возлагались на инородцевъ. Теперь эти надежды рухнули».

ГЛАВА IX

ВОЕННАЯ КОМИССІЯ

Война породила революцію, и та же война была однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ октябрьской революціи, паденія Временнаго Правительства и прихода большевиковъ къ власти.

Дѣтищемъ войны была армія, и эта же армія была тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго совершилась революція. Можно придерживаться того мнѣнія, что въ основѣ своей россійская революція была крестьянской, можно говорить о томъ, что монархія и бюрократія россійскія насквозь прогнили и что именно онѣ привели страну къ революціи и къ анархіи.

Это все первопричины. Ихъ было множество. Но единая, видимая и вполнѣ конкретная второпричина — была все же война. И слѣдствія логическія, которыя вытекаютъ изъ этой предпосылки, повидимому, неоспоримыя — весьма существенны.

Всѣ ли они были учтены нами, россійскими интеллигентами, въ частности Временнымъ Правительствомъ? Думается мнѣ, что нѣтъ. Не было учтено, не было глубоко прочувствовано среди движущихъ силъ революціи все огромное значеніе арміи, — арміи, какъ таковой, какъ боевой единицы, какъ комплекса вооруженныхъ солдатъ. Развѣ не казалось яснымъ самому ненаблюдательному зрителю, насколько въ русской революціи было много военнаго элемента. Развѣ не казалось очевиднымъ, что тотъ долженъ побѣдить, за кѣмъ пойдетъ эта вооруженная масса, населяющая безконечныя казармы Петрограда и Москвы. Не та фронтовая, организованная армія, которая недоумѣнно прислушивалась къ голосамъ, раздававшимся въ тылу и которая жила отголосками столичныхъ настроеній, нѣтъ, а тѣ десятки тысячъ вооруженныхъ солдатъ, распущенныхъ, деморализованныхъ, убѣжденныхъ въ своей безнаказанности, которые составляли петроградскій гарнизонъ.

Вѣдь именно благодаря помощи этого гарнизона произошла февральская революція и неменьшую роль игралъ онъ въ дни побѣды большевиковъ, въ дни борьбы за Всероссійское Учредительное Собраніе. Вѣдь то, что я говорю, — это азбучныя истины, которыя были очевидны всякому петроградцу. И, однако, именно онѣ какимъ-то чудеснымъ образомъ ускользнули изъ поля зрѣнія нашей интеллигенціи, той, которая стояла у власти, которая составляла Временное Правительство.

Было ли что либо сдѣлано, чтобы завоевать эту силу — петроградскій гарнизонъ? А если нельзя было завоевать, если пути и вкусы интеллигенціи и петроградскихъ солдатъ слишкомъ расходились другъ съ другомъ, то было ли что-либо предпринято, чтобы уничтожить, раздавить эту силу, чтобы противопоставить ей нѣчто болѣе реальное, чѣмъ женскій ударный баталіонъ.

Увы, въ этомъ надо честно признаться, что ничего не было въ этомъ направленіи сдѣлано. Не было сдѣлано ни Временнымъ Правительствомъ, ни тѣми демократическими и соціалистическими партіями, которыя были у власти. И въ то время, какъ большевики, крича о пролетаріатѣ, о своихъ симпатіяхъ къ рабочему классу, безпрестанно и неутомимо, чуть ли не съ первыхъ дней появленія своего на петроградскомъ горизонтѣ, работали среди полковъ Петрограда и Москвы, въ это

время мы болѣе интересовались мирно организаціонной работой, весьма рьяно уйдя въ административный аппаратъ. И дѣятельность Военной Комиссіи при эсэровскомъ центральномъ комитетѣ являетъ собой наилучшее доказательство величайшаго безразличія со стороны революціонной демократіи къ весьма реальной силѣ, каковымъ являлся въ то время петроградскій гарнизонъ.

Совѣтское Правительство, предавая суду членовъ комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ, пыталось доказать на основаніи словъ провокатора Гр. Семенова, что эсэры были преисполнены величайшимъ авантюризмомъ, тяготѣніемъ къ заговорамъ и тому подобнымъ «преступленіямъ».

На судѣ была выяснена несуразность этихъ обвиненій. Было доказано обратное: стремленіе эсэровскихъ лидеровъ всѣми мѣрами препятствовать «авантюризму» и революціонизму рядовыхъ членовъ. Главы мои, посвященныя дѣятельности Военной Комиссіи при Ц. К. С. Р., должны дополнить фактическія данныя, нарисовать въ деталяхъ ту общую весьма интересную ситуацію, въ которой протекала дѣятельность этой комиссіи въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го годовъ. Изъ этихъ главъ будетъ до очевидности яснымъ, что большей нелѣпости, чѣмъ обвиненіе эсэровскихъ лидеровъ въ авантюризмѣ, нельзя себѣ представить. Скорѣе ихъ можно было бы обвинить въ другомъ. Въ чрезмѣрномъ тяготѣніи къ государственной законности, въ настроеніяхъ парламентарскихъ, въ боязни активности и революціонности. Но во всякомъ случаѣ не большевикамъ обвинять ихъ въ этомъ...

До самого ноября 17-го года эсэровская Военная Комиссія была въ стадіи анабіоза. Была она пасынкомъ партіи: денегъ ей не давали, вниманія на нее не обращали, и нерѣдко бывала она предметомъ ироническихъ шутокъ и замѣчаній. Представлялъ эту комиссію Утгофъ, который издавалъ по преимуществу военные сборники полубеллетристическаго характера, разсчитанные на ограниченный кругъ военной интеллигенціи. Связи съ фронтами почти не было, такъ, напр., наша армія и не подозрѣвала о существованіи этой комиссіи. Петроградскимъ гарнизономъ интересовались весьма мало, и кромѣ нѣсколькихъ листовокъ, и то впрочемъ, кажется, изданныхъ Петроградскимъ Комитетомъ, ничего сдѣлано не было. Избирательная комиссія немного встряхнула ихъ отъ этой спячки. Но даже въ самые отвѣтственные дни октября-ноября 17-го года дѣятельность Военной Комиссіи была весьма скромна по своимъ размѣрамъ и еще болѣе незначительна по своимъ результатамъ. Конечно, трудно обвинять, да этого никто и не предполагаетъ дѣлать, центральную эсэровскую Военную Комиссію въ томъ, напр., что петроградскій гарнизонъ въ громадномъ своемъ большинствѣ голосовалъ за большевиковъ, или въ томъ, что большевики въ десятки разъ были болѣе энергичны, чѣмъ эсэры въ военной пропагандѣ. Было бы нелѣпостью обвинять, ибо заброшенность Военной Комиссіи являлась отзвукомъ, была логическимъ послѣдствіемъ общей позиціи, занятой эсэровской партіей. Какъ бы то ни было, можно сказать, что въ сущности говоря Центральная Военная Комиссія до конца ноября почти не существовала.

Въ концѣ ноября, съ пріѣздомъ въ Петроградъ членовъ Учредительнаго Собранія и когда выяснилась сугубо парламентарская позиція эсэровской фракціи, именно въ эти дни, по настоянію главнымъ образомъ фронтовыхъ депутатовъ, была реорганизована означенная выше Военная Комиссія. Расширенная въ своемъ объемѣ, она получила извѣстную автономію отъ Ц. К. Въ нее вошли представители военныхъ депутатовъ фракціи Учредительнаго Собранія, между ними я, два члена Ц. К., а

также рядъ энергичныхъ военныхъ эсэровъ. Въ президіумъ ея вошли Сургучевъ, членъ Ц. К., и я (на правахъ предсѣдателя). Деньги на ея дѣятельность были даны фронтовыми организаціями. Работа Комиссіи, какъ это совершенно правильно указалъ въ своей брошюркѣ Семеновъ, велась по отдѣльнымъ секціямъ, другъ отъ друга независимымъ и до извѣстной степени законспирированнымъ.

Конечно, ни въ какой мѣрѣ нельзя назвать работу вновь организованной комиссіи сколь нибудь совершенной или мало-мальски удовлетворительной, въ ея распоряженіи было слишкомъ мало времени, и дѣятельность ея протекала въ обстановкѣ очень тяжелой. Тѣмъ не менѣе кое-что было достигнуто.

Собственно, говорить можно только о двухъ сторонахъ дѣятельности этой комиссіи: ея работѣ въ петроградскомъ гарнизонѣ и ея боевыхъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ.

Здѣсь не лишне отмѣтить, что въ этотъ періодъ своей дѣятельности, съ декабря 17-го по конецъ января 18-го, небезызвѣстные провокаторы Семеновъ, Коноплева, Дашевскій и Маевскій, въ Военную Комиссію не входили, а были только ея сотрудниками, исполняя рядъ второстепенныхъ порученій. Въ это время они держали себя вполнѣ лойяльно, проявляли рѣзкій антибольшевизмъ и не лишены были извѣстнаго революціоннаго мужества. Впослѣдствіи они заняли отвѣтственныя мѣста въ самой Военной Комиссіи, но это уже было въ серединѣ 18-го года.

ГЛАВА X

СЕМЕНОВСКІЙ И ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ ПОЛКИ. ГАЗЕТА «СѢРАЯ ШИНЕЛЬ»

Состояніе петроградскаго гарнизона къ днямъ, предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ за октябрьскимъ переворотомъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Огромное большинство полковъ и воинскихъ частей было совершенно деморализовано, и воинская дисциплина въ нихъ отсутствовала. Офицерство, послѣ Корниловскаго дѣла взятое подъ особое подозрѣніе солдатскими массами, было настроено пассивно оппозиціонно и къ свергнутому Временному Правительству, и къ демократіи, и къ Учредительному Собранію. Въ полкахъ всѣ партійныя организаціи, кромѣ большевистскихъ, распались и условія отнюдь не благопріятствовали организаціи новыхъ. Настроеніе солдатъ было достаточно опредѣленно большевиствующее, но большевизмъ ихъ былъ пассивный, и они были лишены какихъ либо тенденцій къ активнымъ вооруженнымъ выступленіямъ. Вообще, какъ это подтверждали многіе военные спеціалисты — реальная боевая величина петроградскаго гарнизона была ничтожна, и одного-двухъ полковъ, вполнѣ преданныхъ и боеспособныхъ, было бы достаточно, чтобы держать въ своемъ повиновеніи весь гарнизонъ. И тѣмъ не менѣе, на фонѣ общей пассивности, растерянности и распыленности все же солдатская масса Петрограда представляла опредѣленную силу. Это была сила, проистекающая изъ безсилія противника, — сила толпы вооруженной, разнузданной и увѣренной въ своей безнаказанности. Болѣе другихъ были организованы и настроены активно большевистски матросы. Но совершенно напрасно нѣкоторые склонны были переоцѣнивать ихъ силу и значеніе. Огромное большинство петроградскихъ матросовъ стояло на позиціи выжидательной и нейтральной. Я лично посѣтилъ наканунѣ 5-го января 2-ой и 1-ый Балтійскіе Экипажи, такъ же какъ и Гвардейскій Экипажъ, и точно установилъ, что, какъ ихъ Комитеты, такъ и матросская масса, ни въ коемъ случаѣ не

намѣрены выступать активно противъ Учредительнаго Собранія, иначе говоря, на сторонѣ большевиковъ.

Значительно позже мнѣ пришлось говорить съ однимъ военнымъ, исконнымъ большевикомъ, который принималъ дѣятельное участіе въ командованіи большевистскими вооруженными силами 5-го января. Это былъ Кузьминъ. По его словамъ, въ этотъ день большевики располагали до смѣшного малымъ количествомъ солдатъ и матросовъ, которые были на ихъ сторонѣ и на которыхъ они могли вполнѣ положиться. Число это во всякомъ случаѣ не превышало трехъ съ половиной-четырехъ тысячъ штыковъ. Правда, помимо этого, большевики располагали такъ называемыми красноармейцами, т. е. вооруженными дружинниками, набранными изъ числа рабочихъ и люмпенъ-пролетаріата. Правда и то, что имъ благопріятствовалъ, какъ это было мною отмѣчено, доброжелательный нейтралитетъ солдатскихъ массъ. Но по отзыву того же Кузьмина боевая способность тѣхъ пяти тысячъ красногвардейцевъ рабочихъ, которыхъ большевикамъ удалось набрать, была невелика. Многіе изъ нихъ не умѣли стрѣлять, и ихъ настроеніе было далеко не героическимъ.

Развѣ не видѣли тѣ, кто принималъ участіе въ демонстраціи, шедшей по Литейному проспекту, красногвардейцевъ, которые съ трясущимися руками и искаженными отъ страха лицами стрѣляли въ толпу.

Снова и снова приходится отмѣтить, сколь сила большевиковъ проистекала отъ безсилія нашего, отъ насъ, ихъ противниковъ.

Задачей Военной Комиссіи было выдѣлить изъ петроградскаго гарнизона тѣ части, которыя были наиболѣе боеспособны и въ то же время наиболѣе антибольшевистски настроены. Въ первые же дни нашего пребыванія въ Петроградѣ, мои товарищи и я посѣтили большую часть воинскихъ частей, расположенныхъ въ Петроградѣ. Кое-гдѣ мы устроили небольшія собранія съ цѣлью выяснить настроенія солдатъ, но въ большинствѣ случаевъ ограничивались бесѣдами съ Комитетами и съ группами солдатъ. Положеніе совершенно безнадежное было въ Егерскомъ полку, такъ же какъ и въ Павловскомъ, и въ другихъ. Болѣе благопріятная ситуація намѣчалась въ Измайловскомъ полку, а также въ рядѣ техническихъ и артиллерійскихъ частей. И лишь въ трехъ частяхъ мы нашли то, что искали. Сохранившуюся боеспособность, наличіе извѣстной дисциплины и не поддающійся сомнѣнію антибольшевизмъ.

Это были полки Семеновскій и Преображенскій и броневой дивизіонъ, расположенный въ ротахъ Измайловскаго полка. Какъ полковой, такъ и ротные Комитеты первыхъ двухъ полковъ, въ большинствѣ своемъ состояли изъ лицъ безпартійныхъ, но настроенныхъ рѣзко и сознательно противъ большевиковъ. Въ полкахъ было немалое число георгіевскихъ кавалеровъ, раненыхъ въ германскую войну, а также недовольныхъ большевистской разрухой. Отношеніе между командныхъ составомъ, полковыми Комитетами и солдатской массой было вполнѣ дружелюбнымъ.

Мы рѣшили именно эти три части избрать какъ центръ боевого антибольшевизма. Черезъ нашихъ какъ эсэровскихъ, такъ и родственныхъ фронтовыхъ организацій, мы вызвали въ экстренномъ порядкѣ наиболѣе энергичный и боевой элементъ. Въ продолженіе декабря прибыло съ фронта свыше 600 офицеровъ и солдатъ, которые были распредѣлены между отдѣльными ротами Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Причемъ большинство прибывавшихъ было направлено въ Семеновскій полкъ, а меньшинство, приблизительно ⅓, въ Преображенскій полкъ. Нѣкоторыхъ изъ вызванныхъ намъ удалось провести въ члены какъ ротныхъ, такъ и полковыхъ Комитетовъ. Нѣсколько человѣкъ спеціалистовъ, по преимуществу бывшихъ студентовъ, мы пристроили въ броневой дивизіонъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ декабря мы въ значительной мѣрѣ увеличили какъ боеспособность, такъ и антибольшевизмъ вышеупомянутыхъ частей.

Чтобы поднять настроеніе «нашихъ» частей, а также и для того, чтобы создать въ петроградскомъ гарнизонѣ недоброжелательное къ большевикамъ настроеніе, было рѣшено издавать ежедневную солдатскую газету. Исторія ея весьма любопытна и мало кому извѣстна, кромѣ небольшого ряда заинтересованныхъ лицъ.

Газета была названа «Сѣрая шинель».

Издателемъ былъ коллективъ солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Точнѣе сказать, эти полки въ ихъ полномъ составѣ отвѣчали за изданіе этой газеты. Большую часть денегъ дали солдаты семеновцы. Въ редакціонный коллективъ вошли: вольноопредѣляющійся семеновецъ Б. Петровъ (разстрѣлянный большевиками при наступленіи Юденича), вольноопредѣляющійся того же полка К. (по слухамъ тоже разстрѣлянный большевиками), преображенецъ Г-скій и, наконецъ, я.

Первый номеръ газеты былъ составленъ въ тонахъ боевыхъ, рѣзко противобольшевистскихъ, были помѣщены карикатуры на Ленина и красногвардейцевъ. Напечатанный въ количествѣ 10,000 экземпляровъ, этотъ номеръ былъ распроданъ въ два—три часа. Это были послѣдніе дни декабря, время, когда вся оппозиціонная печать была задушена большевиками. Появленіе газеты «Сѣрая шинель» вызвало переполохъ въ Смольномъ и весьма рѣзкую статью въ «Петроградской Правдѣ», въ которой говорилось о подставныхъ семеновцахъ, о томъ, что деньги даны буржуазіей и т. д. Второй номеръ, вышедшій на другой день, имѣлъ не меньшій успѣхъ въ петроградскомъ гарнизонѣ. Издать третьяго номера не удалось. Въ два часа ночи, когда газета была только что сверстана, явился отрядъ красногвардейцевъ — дѣло происходило въ типографіи на Чернышевой площади, — съ ордеромъ, подписаннымъ Ленинымъ, о пріостановкѣ «Сѣрой шинели» и объ арестѣ за контръ-революцію Б. Петрова и Б. Соколова.

Мы не сдались.

Собрали полковые комитеты обоихъ полковъ и рѣшили защищать газету вооруженной силой.

2-го января мы выпустили «Простреѣлянную сѣрую шинель». Газета была составлена въ прежнихъ рѣзкихъ тонахъ. Въ типографіи съ 10 час. вечера и до выхода газеты въ свѣтъ дежурилъ вооруженный отрядъ преображенцевъ и семеновцевъ съ двумя пулеметами.

Въ ту ночь большевики не явились. Видимо, Смольный боялся обостренія конфликта съ оппозиціонно къ нему настроенными полками. Но 2-го января вечеромъ преображенскій и семеновскій полки посѣтилъ Крыленко. Онъ потребовалъ созыва общаго собранія.

Въ продолженіе часа онъ убѣждалъ семеновцевъ отказаться отъ ихъ симпатій къ «буржуазіи» и отъ изданія столь вредной для дѣла «соціальной революціи» газеты «Сѣрая шинель».

Солдаты встрѣтили и проводили весьма сухо Главковерха. Полковой комитетъ дипломатически ему обѣщалъ выполнить распоряженіе Смольнаго. Несмотря на это обѣщаніе, и 3-го, и 4-го января «Прострѣлянная сѣрая шинель» выходила безпрепятственно при все увеличивающемся тиражѣ. Успѣху газеты способствовалъ юмористическій тонъ и насмѣшки, допущенныя надъ лидерами большевизма и надъ красногвардейцами. 4-го января ночью помѣщеніе типографіи вновь было окружено небольшимъ отрядомъ красногвардейцевъ, но послѣдніе, узнавъ, что выходъ газеты защищаютъ семеновцы, не рѣшились приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ и,

потолкавшись у входныхъ дверей, ушли, не выполнивъ порученія Смольного объ арестѣ редакціи.

Послѣдній номеръ нашей газеты вышелъ 5-го января. Онъ былъ посвященъ всецѣло Учредительному Собранію и выяснялъ замыслы большевистскаго Правительства. Это былъ послѣдній номеръ, ибо 6-го января произошло два событія. Усиленный отрядъ матросовъ занялъ предъ разсвѣтомъ типографію, въ которой печаталась газета, а наканунѣ вечеромъ полковые комитеты Семеновскаго и Преображенскаго полковъ отказались отъ дальнѣйшей поддержки газеты. О мотивахъ этого рѣшенія мнѣ придется сказать немного дальше.

Подводя итоги нашей дѣятельности въ петроградскомъ гарнизонѣ, я долженъ отмѣтить, что намъ удалось, правда, въ незначительной степени, провести работу по защитѣ Учредительнаго Собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ко дню открытія Учредительнаго Собранія, т. е. къ 5 январю, въ распоряженіи народныхъ избранниковъ было два полка, относительно боеспособныхъ и безусловно готовыхъ, рѣшившихся съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту. Почему же этого вооруженнаго выступленія не произошло 5-го января? Почему? Этотъ вопросъ болѣе, чѣмъ своевременно теперь поставить и не менѣе своевременно на него отвѣтить. Тѣмъ болѣе, что онъ всецѣло принадлежитъ исторіи.

ГЛАВА XI

ОРГАНИЗАЦІЯ БОЕВЫХЪ ДРУЖИНЪ. ЛУЖСКІЙ ГАРНИЗОНЪ. ПОПЫТКА АРЕСТА ЛЕНИНА

Большевики не только вели энергичную пропаганду среди петроградскаго гарнизона, но, пользуясь имѣвшимися въ ихъ распоряженіи богатыми боевыми запасами, форсировали всевозможныя боевыя, такъ называемыя, красногвардейскія части. Примѣру ихъ пробовали послѣдовать и мы. Увы, наши начинанія въ этомъ направленіи были далеко не блестящи. Въ то время, какъ весь Петроградъ былъ въ полномъ смыслѣ слова переполненъ всякаго рода оружіемъ, въ нашемъ распоряженіи послѣднее было въ весьма ограниченномъ количествѣ. И потому получалось, что наши дружинники были безоружны или снабжены столь примитивнымъ оружіемъ, что оно не могло идти въ счетъ. Да, впрочемъ, рабочіе, ибо именно среди нихъ велась вербовка нашихъ дружинниковъ, относились безъ особаго энтузіазма къ поступленію въ боевыя дружины. Какъ разъ мнѣ пришлось работать въ этомъ направленіи въ Нарвскомъ и Коломенскомъ раіонахъ.

Собраніе рабочихъ Франко-Русскаго завода и Новаго Адмиралтейства. Конечно, собраніе рабочихъ, сочувствующихъ намъ, вписанныхъ въ партіи противобольшевистскія.

Объясняю положеніе и общую необходимость, съ моей точки зрѣнія, защищать вооруженной рукой Учредительное Собраніе.

Въ отвѣтъ рядъ вопросовъ, сомнѣній.

«Не довольно ли было пролито братской крови?»

«Четыре года была война, все кровь и кровь...»

«Большевики дѣйствительно подлецы, да только врядъ ли они посягнутъ на У. С.»

«А по моему, — заявилъ одинъ изъ молодыхъ рабочихъ — надо, товарищи, подумать не о томъ, чтобы ссориться съ большевиками, а какъ съ ними сговориться. Все же, вишь, они защищаютъ интересы пролетаріата. Кто сейчасъ въ комиссаріатѣ Коломны? Все наши франко-руссцы, большевики. Вотъ Смирновъ, Шмаховъ и др.»

Это было еще время, когда рабочіе, даже тѣ изъ нихъ, что были настроены опредѣленно оппозиціонно въ отношеніи большевиковъ, питали нѣкоторыя иллюзіи насчетъ этихъ послѣднихъ и ихъ намѣреній. Въ результатѣ въ дружинники записалось около пятнадцати человѣкъ. У большевиковъ на томъ же заводѣ было дружинниковъ раза въ три больше.

Итоги нашей дѣятельности въ этомъ направленіи свелись къ тому, что на бумагѣ у насъ числилось до двухъ тысячъ рабочихъ дружинниковъ.

Но именно только на бумагѣ. Ибо большинство изъ нихъ не было вооружено, весьма многіе изъ нихъ не являлись на явки и вообще были проникнуты духомъ безразличія и унынія. И при учетѣ силъ, которыя бы могли защищать У. С. съ оружіемъ въ рукахъ, эти боевыя дружины мы не принимали въ счетъ. Впрочемъ и большевики, какъ намъ передавали, не особенно надѣялись и на свои дружины.

Помимо вербовки дружинниковъ среди петроградскихъ рабочихъ, были попытки съ нашей стороны къ организаціи дружинъ изъ фронтовиковъ, изъ фронтовыхъ солдатъ и офицеровъ.

Какъ было мною отмѣчено въ первыхъ главахъ настоящей статьи, нѣкоторыя изъ нашихъ фронтовыхъ организацій были достаточно сильны и дѣятельны. Особенно можно было это сказать про Комитеты Юго-Западнаго и Румынскаго фронтовъ. Еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ Военная Комиссія прибѣгла къ помощи этихъ комитетовъ, и тѣ начали направлять въ Петроградъ фронтовиковъ, наиболѣе надежныхъ, хорошо вооруженныхъ, посланныхъ какъ бы въ командировку по служебнымъ дѣламъ.

Часть изъ этихъ фронтовиковъ, какъ это было сказано, была направлена въ «укрѣпленіе» Семеновскаго и Преображенскаго полковъ. Но часть изъ прибывающихъ солдатъ мы хотѣли оставить въ непосредственномъ нашемъ распоряженіи, сформировавъ изъ нихъ боевые летучіе отряды. Съ этой цѣлью нами были предприняты шаги, чтобы по возможности конспиративно размѣстить ихъ въ самомъ Петроградѣ, не вызвавъ до поры до времени подозрѣній большевиковъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній мы остановились на мысли открыть солдатскій народный университетъ. Въ серединѣ декабря таковой и былъ открытъ въ стѣнахъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Само открытіе состоялось съ вѣдома и санкціи большевистскихъ властей, ибо программа въ немъ указанная была и вполнѣ невинная, общекультурно-просвѣтительная, и среди руководителей и лекторовъ университета были указаны лица, завѣдомо лойяльныя по отношенію къ большевистскому Правительству.

Въ нашихъ интересахъ было держать этихъ курсантовъ боевиковъ вмѣстѣ, дабы въ случаѣ неожиданнаго ареста они могли бы оказать противодѣйствіе и дабы легче ихъ было использовать въ случаѣ выступленія противъ большевиковъ. Послѣ долгихъ поисковъ мнѣ удалось, благодаря содѣйствію извѣстнаго общественнаго дѣятеля К., устроить таковое общежитіе, разсчитанное на двѣсти человѣкъ, въ помѣщеніи Краснаго Креста на Фонтанкѣ.

Прибывающіе фронтовики являлись на курсы и отсюда шли въ общежитіе. Какъ правило, пріѣзжали они съ ружьями, снабженные нѣсколькими ручными гранатами. Къ концу декабря такихъ курсантовъ набралось уже нѣсколько десятковъ человѣкъ. И такъ какъ были это все люди боевые и рѣшительные, то они представляли собой несомнѣнную силу.

Это дѣло не было развернуто въ полномъ масштабѣ, такъ какъ Центральный Комитетъ эсэровъ усмотрѣлъ въ немъ слишкомъ рискованную авантюру. Намъ было предложено пріостановить это начинаніе. Мы это и сдѣлали.

Вскорѣ послѣ разгона Учредительнаго Собранія большой отрядъ красноармейцевъ явился какъ въ зданіе Университета, такъ и въ общежитіе. Большинство курсантовъ было арестовано, обезоружено и посажено въ тюрьму. Не обошлось при этомъ, видимо, безъ провокаціи. Въ числѣ сотрудниковъ регистрировавшихъ фронтовиковъ была Лидія Коноплева, которая впослѣдствіи перешла къ большевикамъ. Вся обстановка ареста была болѣе, чѣмъ странной, причемъ сама Коноплева не была даже арестована, хотя она и продолжала жить долгое время послѣ того въ Петроградѣ.

Каковы были настроенія пріѣзжающихъ фронтовиковъ? Это были все люди, такъ мнѣ казалось, искренно переживавшіе россійскую трагедію, храбрые солдаты, не понимавшіе интеллигентской вялости и интеллигентскихъ колебаній.

«Вѣдь, большевики беззастѣнчиво и нахально прибѣгаютъ къ вооруженной силѣ... Почему мы этого не можемъ? Почему мы этого не дѣлаемъ?»

Они хорошо понимали, хотя и были людьми политически неграмотными, значеніе разгона Учредительнаго Собранія.

«Много въ немъ (т. е. въ У. С.) неправильности. Но если его не будетъ, то еще тяжелѣе станетъ. Пойдетъ развалъ и Богъ знаетъ, что станетъ со всѣми нами».

Разгонъ Учредительнаго Собранія на нихъ страшно подѣйствовалъ. Словно они получили ударъ кнутомъ отъ того, за кѣмъ они шли. Вмѣсто того, чтобы негодовать на большевиковъ, разогнавшихъ Учредительное Собраніе, они возмущались нами за то, что мы допустили этотъ разгонъ.

«Развѣ можно идти за вами?..»

Нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ пришлось встрѣтить впослѣдствіи. Они служили въ красной арміи и были одними изъ самыхъ ярыхъ красныхъ командировъ, — можетъ быть, тѣми, кто составили ея ядро и принесли Совѣтскому Правительству побѣду надъ бѣлыми арміями...

Въ концѣ декабря я замѣтилъ за собою слѣжку. Съ утра и до вечера по самой серединѣ узкой улицы ходилъ взадъ и впередъ нѣкто. Сомнѣній на этотъ счетъ не могло быть никакихъ. Ибо онъ не только подолгу и пристально разсматривалъ окна моей квартиры, но и заходилъ въ дворницкую, разспрашивая дворничиху о моихъ привычкахъ и навыкахъ.

Слѣжка была поставлена нарѣдко грубо, и трудно было предполагать, судя по ней, что большевики сумѣютъ создать образцовѣйшее въ Европѣ охранное отдѣленіе. Въ эти же дни добрые друзья увѣдомили меня о состоявшемся распоряженіи о моемъ арестѣ. И мнѣ пришлось, хотя это и было далеко не пріятно, перейти на нелегальное положеніе. И до самого моего отъѣзда изъ Петрограда, состоявшагося въ концѣ января, я мыкался по чужимъ квартирамъ и по чужимъ людямъ.

Въ одномъ изъ засѣданій Военной Комиссіи дѣятельнѣйшій членъ послѣдней Д. Сургучевъ сообщилъ намъ нѣкоторыя важныя данныя о Лужскомъ гарнизонѣ. По его словамъ, большинство этого гарнизона, особенно артиллерійскія части, были настроены весьма противо-большевистски. Цѣлыя группы солдатъ этого гарнизона обратились въ мѣстный партійный Комитетъ съ просьбой привлечь ихъ къ участію въ защитѣ Учредительнаго Собранія. Эти солдатскія группы выражали желаніе прибыть въ томъ или иномъ видѣ въ Петроградъ къ 5-му январю. Посланные наши представители выяснили правильность въ значительной мѣрѣ сообщенныхъ Сургучевымъ свѣдѣній. Съ состояніемъ Лужскаго гарнизона ознакомился лично членъ нашего Ц. К. Г-чъ.

Военная Комиссія послѣ всесторонняго и детальнаго обсужденія склонилась къ тому, чтобы использовать настроеніе лужанъ. Но на пути этого постановленія встало два препятствія. Во-первыхъ, мы никакъ не могли сговориться съ Викжелемъ, иначе-Центральнымъ Органомъ Желѣзнодорожниковъ. Это учрежденіе было хуже, чѣмъ большевистское. Ибо, будь оно большевистское, было бы оно для насъ опредѣленнымъ врагомъ, съ которымъ можно и должно бороться. Викжелисты же на словахъ выражали симпатіи демократіи и интеллигенціи, а на дѣлѣ оказывали всякое противодѣйствіе малѣйшимъ попыткамъ использовать желѣзнодорожный аппаратъ для борьбы съ совѣтской властью. При этомъ ихъ лойяльность ограничивалась лишь одной стороной. Большевики превосходно и безпрепятственно имѣли возможность использовать для своихъ нуждъ тотъ же желѣзнодорожный аппаратъ.

Второе препятствіе было болѣе значительнымъ и непреодолимымъ, ибо съ первымъ мы могли надѣяться такъ или иначе справиться. Второе препятствіе это было отношеніе членовъ Ц. К. къ нашему предпріятію, или какъ они называли къ нашей «очередной авантюрѣ». Мнѣ неизвѣстны точно мотивы постановленія Ц. К. и тѣ пренія, которыя развернулись вокругъ него, но во всякомъ случаѣ Г-чъ сообщилъ намъ, что намъ придется отказаться отъ желанія использовать лужскій гарнизонъ. Посколько мнѣ извѣстно, это рѣшеніе было продиктовано боязнью кровопролитія, нежеланіемъ вмѣшивать въ политическую борьбу армію, и, что самое главное, неувѣренностью въ успѣхѣ предложенной Д. Сургучевымъ экспедиціи.

Какъ бы то ни было, но мы оставили Лужскій гарнизонъ въ покоѣ.

Помимо чисто «военной работы», т. е. работы въ воинскихъ частяхъ, наша Военная Комиссія не была чужда и боевой дѣятельности. Только послѣдняя была тщательно законспирирована отъ большинства членовъ Комиссіи и протекала до извѣстной степени автономно отъ насъ, подъ руководствомъ весьма энергичнаго и смѣлаго Онипко. Послѣдній по слухамъ разстрѣлянъ большевиками, хотя точныхъ свѣдѣній о его смерти въ моемъ распоряженіи нѣтъ. Насколько мнѣ извѣстно (непосредственнаго отношенія къ боевой дѣятельности я не имѣлъ), Онипко поддерживалъ близкую связь съ Комитетомъ Защиты, пользуясь помощью послѣдняго и содѣйствіемъ. Свою дѣятельность велъ онъ въ относительно небольшихъ размѣрахъ, лишь изрѣдка докладывая о ней президіуму Военной Комиссіи.

Въ одномъ изъ засѣданій, это было въ серединѣ декабря, Онипко сдѣлалъ слѣдующій докладъ, чрезвычайно интересный и требовавшій санкціи Военной Комиссіи.

Еще въ концѣ ноября Онипко подобралъ небольшую группу лицъ, въ большинствѣ своемъ военныхъ. Это все были, по его словамъ, безстрашные и честные люди, принципіальные противники большевиковъ и стоявшіе на той точкѣ зрѣнія, что въ отношеніи большевиковъ все позволено. По своимъ убѣжденіямъ они примыкали къ эсэрамъ, но были безпартійными. Послѣ нѣкотораго обсужденіи формъ возможной боевой работы Онипко и они пришли къ тому заключенію, что наиболѣе цѣлесообразнымъ представляется срѣзать «большевистскую головку». Они мало дебатировали вопросъ, какимъ способомъ надо ее срѣзать. Имъ представлялось яснымъ, что наиболѣе зловредными и важными большевиками являются Ленинъ и Троцкій. Надо начать именно съ нихъ. Весьма быстро они выработали планъ практичный и вполнѣ реальный. Въ тѣ дни въ Смольномъ происходила не малая сумятица, и они этимъ воспользовались. Двое изъ нихъ поступили на службу въ Смольный, двое попали въ шоферы.

Скоро ими было выяснено, что почти ежедневно Ленинъ ѣздитъ къ своей сестрѣ, которая проживала на Васильевскомъ островѣ. Здѣсь онъ остается нѣкоторое время,

иногда ужинаетъ и возвращается обратно въ Смольный или къ себѣ на квартиру. Одному изъ боевиковъ удалось поступить дворникомъ въ тотъ домъ, гдѣ проживала сестра Ленина. Наконецъ, другому боевику посчастливилось: за свою примѣрную службу и распорядительность его назначили шоферомъ на автомобиль, въ которомъ ѣздилъ Ленинъ.

Одновременно другой ячейкой была сплетена не менѣе прочная паутина вокругъ Троцкаго.

Онипко предполагалъ не убивать Ленина и Троцкаго, но изъять ихъ «изъ употребленія» въ качествѣ заложниковъ. Но, какъ онъ намъ признавался, «мы не задумаемся и передъ болѣе рѣшительнымъ изъятіемъ этихъ вредныхъ лицъ».

Боевики хорошо понимали, что изъятіе двухъ лицъ врядъ ли принесетъ большіе результаты. Но они смотрѣли на этотъ актъ, какъ на проявленіе активности, для того чтобы поднять настроеніе населенія, запуганнаго большевиками.

Чтобы показать, «что есть еще люди, способные дать отпоръ зазнавшимся большевикамъ».

Они смотрѣли на это изъятіе, какъ на первое звено, первый шагъ своей дѣятельности. Ими былъ подготовленъ и практически детально разработанъ планъ изъятія «дѣйствительно всей большевистской головки». Для этого въ разныя отдѣленія Смольнаго ими были поставлены сотрудники, сумѣвшіе проникнуть въ самые затаенные уголки большевистскаго центра. Дѣло оставалось за небольшимъ.

Нужна была санкція этого, по существу террористическаго акта, Военной Комиссіей и Центральнымъ Комитетомъ с-ровъ.

Предполагалось изъять Ленина въ первый день Рождества.

Мы, обсудивъ въ своей комиссіи планъ Онипко, вполнѣ его одобрили. Ибо мы считали, что съ большевиками надо бороться ихъ же оружіемъ. Въ то время большевики уже достаточно себя проявили и, не стѣсняясь, арестовывали направо и налѣво. Мы не строили иллюзій насчетъ большевиковъ. Мы принадлежали къ числу тѣхъ, кто былъ вполнѣ убѣжденъ, что никакіе компромиссы съ большевиками невозможны. Многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, достаточно приглядѣлись къ большевикамъ во время войны, когда они вели свою демагогическую работу въ рабочихъ, кооперативныхъ и профессіональныхъ организаціяхъ.

Для насъ было ясно одно, что большевики стремятся къ власти. Ее хотятъ во что бы то ни стало. Ихъ революціонизмъ, ихъ пролетарскія тенденціи были для насъ миѳомъ: не болѣе, чѣмъ красивой одеждой, взятой ими напрокатъ до поры до времени.

Однимъ словомъ, мы хорошо понимали, что такое представляютъ собою большевики, и еще лучше знали, что въ борьбѣ съ ними надо пускать въ ходъ кулаки, руки, ноги и зубы. Надо пускать всѣ доступныя и возможныя средства. Надо быть сверхъ силъ активными. Иначе — они побѣдятъ. Иногда казалось, по крайней мѣрѣ мнѣ, что принципъ «поменьше милосердія — побольше жестокости» наиболѣе подходящъ къ той борьбѣ, которая выпала на нашу долю.

И потому безъ колебаній, съ твердымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своей, мы голосовали за планъ Онипко.

Если не ошибаюсь, на другой же день, наше постановленіе было доложено Ц. К. Тамъ оно вызвало рѣзкую оппозицію. Кромѣ двухъ-трехъ членовъ, склонявшихся въ нашу сторону, большинство въ формѣ категорической и непререкаемой высказалось противъ боевой дѣятельности, противъ плана, предложеннаго Онипко.

Это былъ голосъ благоразумія.

«Такое выступленіе съ нашей стороны вызоветъ, не можетъ не вызвать обратную волну террора со стороны большевиковъ».

Но не только это. «Важно и то обстоятельство..., что арестъ или убійство Ленина вызоветъ такое возмущеніе среди рабочихъ и солдать, что это можетъ окончиться всеобщимъ погромомъ интеллигенціи. Вѣдь для многихъ и многихъ Ленинъ и Троцкій популярные вожди. Вѣдь за ними идутъ народныя массы».

«Развѣ это не показали послѣдніе выборы по Петрограду, когда за Ленина голосовали тысячи человѣкъ!!!»

«Террористическіе акты, — заявилъ виднѣйшій лидеръ партіи эсэровъ, съ мнѣніемъ котораго особенно считался Центральный Комитетъ, — террористическіе акты при нынѣшней обстановкѣ абсурдны и нелѣпы. Ихъ допустить могутъ только безумцы. Вѣдь сейчасъ въ Россіи нѣтъ самодержавія и самодержавнаго полицейскаго гнета. Если мы допустимъ терроръ въ отношеніи большевиковъ, то это будетъ преступленіе, которое намъ не простятъ наши потомки... Это безуміе».

Почти единогласно, какъ это было намъ передано въ Военной Комиссіи, было рѣшено Центральнымъ Комитетомъ не допускать реализаціи плана, одобреннаго нами. Было рѣшено предложить Онипко ликвидировать свою организацію. Правда, послѣднее рѣшеніе осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что организація Онипко была въ сущности безпартійной, но самъ Онипко былъ эсэръ, входилъ во фракцію Учредительнаго Собранія и тѣмъ самымъ былъ подчиненъ партійной дисциплинѣ.

Конечно, послѣ этого изъятіе большевистскихъ лидеровъ стало невозможнымъ. Но, поскольку мнѣ извѣстно, отголоскомъ этого дѣла, этого плана было неудачное покушеніе на Ленина, имѣвшее мѣсто въ послѣднихъ числахъ декабря. Нѣсколько револьверныхъ пуль, пронизавшихъ автомобильный кузовъ. Впрочемъ, точное и детальное описаніе всего этого эпизода принадлежитъ будущему. Сейчасъ это было бы несвоевременнымъ. Участники этого покушенія живы и притомъ въ Россіи.

ГЛАВА XII

РѢШИТЕЛЬНЫЕ ДНИ. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ. ПО ФАБРИКАМЪ И КАЗАРМАМЪ

Эти дни я вспоминаю съ удовольствіемъ.

Это были послѣдніе дни передъ темными годами безпросвѣтнаго и безнадежнаго существованія, дни, когда вѣрилось, что можетъ быть удастся преодолѣть большевизмъ и остановить его разрушающую силу.

Въ эти дни, когда все готовилось къ борьбѣ съ большевиками, для меня по крайней мѣрѣ не было вопроса о томъ, кто побѣдитъ, безнадежна ли предпринятая нами борьба, разумно или нѣтъ проливать большевистскую кровь?

Въ эти дни я былъ вполнѣ увѣренъ, что мы должны побѣдить, что мы не можемъ не побѣдить. Ибо самый холодный и спокойный анализъ нашихъ и противника силъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Да и плохъ тотъ борецъ, что вступаетъ въ борьбу неувѣренный въ своей побѣдѣ. Было только одно сомнѣніе, одно мѣсто, которое мнѣ казалось слабымъ въ нашей позиціи, это тѣ внутреннія противорѣчія, которыя существовали въ демократіи, въ частности въ нашей фракціи. Противорѣчія меньше всего политическія или программныя, противорѣчія психологическія. Ибо столь велика была разность психологіи между отдѣльными членами послѣдней. Одни — преисполненные государственности, прошедшіе черезъ годъ работы у государственнаго аппарата, другіе, сохраняющіе почему либо свою прежнюю психологію, къ тому же испытавшіе войну.

Развѣ психологически могло быть что либо общее между Маркомъ Вишнякомъ, который въ эти дни съ такимъ упоеніемъ могъ цѣлые часы посвящать докладамъ о конституціи Россійской Республики, той конституціи, которую должно будетъ утвердить Учредительное Собраніе, и Онипко, который тщательно избѣгалъ Болотной улицы, скрывался по конспиративнымъ квартирамъ, преисполненный одной только мыслью объ активной борьбѣ съ большевиками.

Послѣдніе дни, передъ 5-мъ январемъ, проходили какъ въ Военной Комиссіи, такъ и въ Комитетѣ Защиты, въ лихорадочной работѣ. Масса народа постоянно толпилась въ пріемной Комитета на Литейномъ проспектѣ. Одни приходили за листовками и т. д., другіе за справками, наконецъ, немало лицъ являлось съ весьма конспиративнымъ видомъ и о чемъ-то шепталось съ отвѣтственными руководителями Комитета.

Аналогичная картина наблюдалась и въ помѣщеніи Военной Комиссіи на Галерной улицѣ. Жизнь начиналась здѣсь очень рано, и чуть ли не въ 7—8 ч. утра приходили къ намъ изъ разныхъ полковъ и частей солдаты за газетой, за воззваніями, наконецъ, со всякаго рода конспиративными порученіями. Нѣсколько комнатъ, занимаемыхъ нами, были постоянно заняты конспираторами, съ видомъ величайшихъ заговорщиковъ шопотомъ другъ съ другомъ разговаривавшими.

Между Военной Комиссіей и Комитетомъ Защиты было установлено единство дѣйствія и разработанъ общій планъ выступленія 5-го января. Этотъ планъ, детализированный до мельчайшихъ подробностей, сводился къ слѣдующему:

Рабочіе экспедиціи заготовленія бумагъ, настроенные особенно противо-большевистски, должны были собраться къ опредѣленному часу, если не ошибаюсь, къ 8-ми часамъ утра, на Фонтанкѣ, противъ зданія своей фабрики. Сюда же должны были быть направлены мобилизованные Комитетомъ Защиты въ Нарвскомъ и Коломенскомъ раіонахъ силы. Всю эту группу лицъ, которая по самому скромному разсчету должна была достигнуть 8—10 тысячъ, предполагалось двинуть къ помѣщенію, занимаемому броневымъ дивизіономъ въ одной изъ ротъ Измайловскаго полка. Броневой дивизіонъ былъ вполнѣ въ нашихъ рукахъ, среди офицеровъ и солдатъ былъ произведенъ тщательный отборъ, неугодный элементъ заранѣе былъ отпущенъ мѣстнымъ Комитетомъ въ отпускъ. Составъ Комитета былъ пополненъ нѣкоторыми вѣрными фронтовиками. Число броневыхъ машинъ, годныхъ къ употребленію и способныхъ принять участіе въ вооруженномъ выступленіи, было восемь или девять.

Демонстрація рабочихъ экспедиціи, пополненная столь внушительной силой, какъ девять броневыхъ машинъ, должна была двинуться по первой ротѣ къ Технологическому Институту. Противъ послѣдняго былъ назначенъ другой сборный пунктъ, куда должны были собраться окрестные обыватели, студенты технологи и рабочіе Московской части.

Центральнымъ пунктомъ, особенно важнымъ для всего выступленія 5-го января, былъ Семеновскій полкъ. Здѣсь въ его казармахъ, рядомъ съ Царскосельскимъ вокзаломъ, должна была разыграться одна изъ главнѣйшихъ исторій этого дня. Предполагалось, что вся демонстрація подойдетъ къ 10 часамъ утра къ Семеновскимъ казармамъ. Здѣсь къ этому времени долженъ былъ быть я, Б. Петровъ и рядъ другихъ членовъ Комиссіи. Съ помощью полкового Комитета полкъ долженъ былъ быть построенъ на площади. Онъ долженъ былъ присоединиться къ демонстраціи и ее возглавить. Въ тѣ дни число солдатъ семеновскаго запаснаго баталіона считалось, если не измѣняетъ мнѣ память, до 4-хъ тысячъ человѣкъ. По мнѣнію полкового Комитета, въ вооруженной демонстраціи приняло бы участіе не менѣе 3-хъ тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ и снабженныхъ пулеметами. Все руководство этой части выступленія возлагалось на Военную Комиссію.

Съ другой стороны, василеостровскія группы демонстрантовъ, соединившись съ выборгскими рабочими, которые частично предполагали принять участіе въ демонстраціи, должны были подойти къ казармамъ Преображенскаго Полка. Если почему либо имъ былъ бы прегражденъ доступъ на Литейномъ проспектѣ и они не могли бы выйти къ преображенцамъ, то считалось раціональнымъ направить ихъ по Владимирскому проспекту навстрѣчу первой демонстраціи.

Такимъ образомъ, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ выступленіе должно было быть внушительнымъ по своей силѣ и многолюдности. Весьма сомнительно, чтобы большевики рѣшились бы преградить путь вооруженнымъ демонстрантамъ. По частнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ В. К., въ случаѣ устрашающихъ размѣровъ демонстраціи большевики склонялись къ тому, чтобы 5-ое января прошло «прилично и мирно». И только впослѣдствіи они предполагали вернуть утраченную позицію.

Конечно, трудно сказать съ полной увѣренностью, чѣмъ бы окончилось это вооруженное выступленіе, если бы оно состоялось.

Среди насъ было немало сомнѣвающихся, какъ это и вообще характерно для русскихъ, въ частности для русскихъ интеллигентовъ: сомнѣваться во всемъ, а прежде всего въ своихъ силахъ. Но несомнѣнно, что эти сомнѣвающіеся имѣли извѣстныя основанія для своего колебанія, ибо они еще были всецѣло подъ своеобразнымъ гипнозомъ октябрьскихъ дней, когда съ такой легкостью, точно карточный домикъ, разсыпалось Временное Правительство. Эти сомнѣвающіеся говорили:

«Вотъ увидите, что ни Семеновцы, ни Преображенцы, да и вообще никто не выступитъ на защиту Учредительнаго Собранія. Почему въ октябрѣ кромѣ женскаго баталіона, юнкеровъ, да гласныхъ городской думы, никто даже не пошевельнулся? Что съ тѣхъ поръ перемѣнилось? И чѣмъ У. С. лучше Временнаго Правительства? Лучше и не стоитъ затѣвать это вооруженное выступленіе, разъ нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ въ успѣхѣ».

А другіе добавляли:

«Сейчасъ большевизмъ точно зараза захватилъ народныя массы. Съ этимъ надо считаться, это надо учесть. Всѣ эти ваши Семеновцы и Преображенцы чепуха — авантюра, изъ которой кромѣ бѣды ничего выйти не можетъ. Надо подождать...»

Чего подождать — объ этомъ умолчивалось или говорилось общими фразами.

Конечно, спокойное безпристрастіе заставляетъ насъ признать, что за сомнѣвающимися была извѣстная доля правды. Это были дни, когда люди, говорившіе утромъ «да», вечеромъ говорили «нѣтъ». Самые, казалось, твердые люди находились въ состояніи депрессіи и безконечныхъ сомнѣній. И, разумѣется, безусловной увѣренности не могло быть ни въ успѣшности вооруженнаго выступленія, ни въ томъ, что дѣйствительно Семеновцы и Преображенцы выступятъ 5-го января, что они не измѣнятъ своему рѣшенію въ послѣднюю минуту.

Это я считаю необходимымъ отмѣтить, дабы избѣжать упрековъ, вполнѣ справедливыхъ, въ излишнемъ оптимизмѣ.

Мои посѣщенія въ эти дни заводовъ и казармъ даютъ не мало данныхъ для характеристики этого времени, непосредственно предшествовавшаго пятому январю.

Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Въ большомъ театральномъ залѣ полнымъ-полно. Настолько полно, что многіе принуждены стоять въ коридорѣ. По приблизительному подсчету на собраніи свыше 4,000 человѣкъ. Это очень много, это есть показатель, что рабочіе Экспедиціи интересуются этимъ собраніемъ.

Вопросомъ основнымъ, который дискуссируется рабочими, является вопросъ о большевизмѣ, объ Учредительномъ Собраніи и о защитѣ послѣдняго.

Настроеніе единодушно антибольшевистское. Большевистскимъ ораторамъ не даютъ говорить, ихъ прерываютъ, угрожаютъ расправиться.

Раздаются возгласы:

«Вамъ мало того, что свергли Временное Правительство. Теперь хотите расправиться съ Учредительнымъ Собраніемъ. Сколько лѣтъ его ждали, наконецъ то дождались. Дорвались небось до власти — понравилось. Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!»

И тутъ же рядомъ въ воздухѣ: «Да здравствуютъ Совѣты!»

Но совѣты не большевистскіе, а «свои», «собственные».

И это единодушное настроеніе кажется искреннимъ. И не только кажется, оно и было въ дѣйствительности таковымъ, такъ какъ издавна Экспедиція славится у большевиковъ какъ гнѣздо мелкой буржуазіи и контръ-революціи.

И въ той же экспедиціи происходитъ митингъ 6-го января. Уже въ верхнемъ залѣ, столь же многолюдный, еще болѣе бурный. Но прежняго настроенія уже нѣтъ. Большевистскіе ораторы выслушиваются внимательно, хотя угрюмо и молча. Вѣдь большевики побѣдители, а демократія побѣжденная. При томъ побѣжденная въ условіяхъ, которыя кажутся рабочимъ непонятными и дикими. Сдача позицій почти безъ боя.

И въ психологіи рядового рабочаго невольно возникаетъ мысль: если такъ легко досталась побѣда большевикамъ, то не значитъ ли это, что за ними есть извѣстная доля правды?

И теперь среди рабочихъ экспедиціи я уже не могъ замѣтить ни возмущенія большевиками, столь рѣзко и ярко выраженнаго до 5-го января, ни того поклоненія передъ демократіей и идеей Учредительнаго Собранія, которое было характерно для этого фабричнаго центра.

Франко-Русскій заводъ былъ еще до войны мѣстомъ, въ которомъ гнѣздились большевики. Послѣ октябрьской революціи немало франко-руссцевъ заняло отвѣтственные, хотя и второстепенные посты. И общее настроеніе рабочихъ франко-руссцевъ было далеко не благопріятнымъ для Временнаго Правительства. Несмотря на это, даже они были передъ пятымъ январемъ въ нѣкоторой нерѣшительности.

Митингъ незадолго передъ пятымъ январемъ. Почти всѣ рабочіе присутствуютъ. Предсѣдательствуетъ большевикъ Смирновъ. Весьма ярый, энергичный и смѣлый.

«Товарищи, мы стоимъ передъ необходимостью, передъ возможностью разогнать это Учредительное Собраніе, ибо — это уже видно — оно насквозь пропитано буржуазными предразсудками и тяготѣетъ къ контръ-революціи».

«Нѣтъ, товарищи большевики. Вы это сдѣлать не сможете. Это неправильно. Ибо вы нарушаете прерогативы всего народа, который избралъ это Всероссійское Собраніе. Если вы такъ поступите, то помните, вамъ этого насилія никогда не проститъ русскій народъ, русскій пролетаріатъ», отвѣчаетъ Смирнову небезызвѣстный максималистъ, рабочій Шмаковъ.

И видно, что большинство, несомнѣнное и подавляющее, на сторонѣ этого послѣдняго. Не сочувствуя ни Временному Правительству, не тяготѣя особенно къ демократіи, франко-руссцы тѣмъ не менѣе противъ незаконныхъ поступковъ большевиковъ.

И на томъ же Франко-Русскомъ заводѣ митингъ шестого января.

Говоритъ Зиновьевъ. Говоритъ о томъ, почему «пролетарская власть» была принуждена разогнать «мелко-буржуазную Учредиловку».

И самъ Зиновьевъ встрѣчается рабочими какъ побѣдитель. А его рѣчи, демагогически-грубыя, принимаются съ энтузіазмомъ. И рабочіе, самые умѣренные, между собой толкуютъ:

«Вѣдь, никто собственно не разогналъ Учредиловку, она разошлась сама собой. Не много понадобилось большевикамъ, чтобы съ нею справиться».

Измайловскій полкъ принадлежалъ къ числу тѣхъ воинскихъ частей, которыя долго не могли рѣшить, за кѣмъ они пойдутъ: за большевиками или противъ нихъ. И агитаторы большевики постоянно и въ большомъ количествѣ посѣщали этотъ полкъ, въ которомъ они принимались то сочувственно, то безразлично. За нѣсколько дней до пятаго января имѣлъ мѣсто въ кинематографѣ полка грандіозный полковой митингъ. Со стороны большевиковъ выступали Крыленко, Пятаковъ, съ нашей стороны — Фортунатовъ, кажется — Вольскій, и я. Большевистскихъ ораторовъ солдаты встрѣчали весьма сочувственно и одобряли ихъ выкрики, направленные по адресу «имперіалистической войны», «антанты», «Клемансо», «буржуазнаго Временнаго Правительства» и т. д. Но лишь ораторъ касался вопроса объ Учредительномъ Собраніи (нужно отмѣтить, что по директивамъ сверху въ эти дни большевистскими агитаторами повсюду и весьма энергично подготовлялась почва для разгона У. С.) — сейчасъ же толпа его прерывала бурными и всегда единодушными возгласами.

«Не смѣй, не тронь, пущай будутъ и Совѣты, и Учредительное Собраніе. Зря что ли избирали депутатовъ...»

Видимо идея о необходимости Учредительнаго Собранія запала до извѣстной степени въ душу солдатскую, солдатамъ казалось, — такъ логически вытекало, — что только Учредительное Собраніе можетъ имъ дать и настоящій миръ, и настоящую землю. И само Учредительное Собраніе представлялось имъ своего рода сфинксомъ, значеніе и силу котораго они преувеличивали. И когда пятаго января этотъ сфинксъ такъ легко и грубо, а главное безнаказанно, былъ разрушенъ большевиками, то солдатскую душу постигло жестокое разочарованіе. И можно ли ихъ — солдатъ — обвинять за то, что шестого января на повсемѣстныхъ митингахъ, устроенныхъ большевиками, они апплодировали побѣдителямъ, которые такъ легко вышли изъ борьбы съ этимъ сфинксомъ. Вѣдь все происходившее преломлялось въ солдатской душѣ по своему, весьма примитивно и наивно... Да и помимо прочаго, болѣе всего имъ было близко положеніе: «побѣдителя не судятъ».

И шестого января на митингѣ въ Измайловскомъ полку я былъ очевидцемъ торжества большевиковъ. Ихъ встрѣчали съ энтузіазмомъ, провожали долгими и продолжительными апплодисментами каждаго изъ ораторовъ. Со стороны оппозиціи никто не выступалъ. Да впрочемъ, если бы и захотѣлъ выступить, ему не дали бы говорить.

Того же шестого января мнѣ удалось быть на митингѣ въ Преображенскомъ полку. О симпатіяхъ и настроеніяхъ преображенцевъ я уже говорилъ. Среди солдатъ этого полка у меня было много друзей, много учениковъ. Въ этотъ вечеръ они смущенно меня окружили и съ недоумѣніемъ меня спрашивали:

«Какъ же быть? Что теперь дѣлать? Кто дастъ теперь народу миръ? Кто ему дастъ землю? Почему никто не защищалъ У. С.?»

И тѣ же самые преображенцы, которые 2-го января не дали произнести ни одного слова большевику Пятакову, теперь съ растерянной молчаливостью выслушивали длинныя и дипломатическія разсужденія большевиковъ.

Преображенцы были выбиты изъ колеи. Они ничего не понимали, не могли понять. За кѣмъ имъ теперь идти, кому поклоняться? Болѣе другихъ были смущены члены полкового Комитета. Они растерянно меня все спрашивали: «Посовѣтуйте что теперь говорить солдатамъ? Какъ имъ объяснить столь легкую побѣду большевиковъ?»

Третьяго января пріѣхалъ въ Семеновскій полкъ самъ Крыленко. Пріѣхалъ онъ, чтобы подготовить почву для предстоящаго разгона Учредительнаго Собранія, чтобы разсѣять ту, какъ онъ выражался, «тяжелую атмосферу контръ-революціи, которая заполняетъ эти казармы». Но вмѣсто тріумфа, къ которому онъ такъ привыкъ, его ожидало пораженіе. Прежде всего полковой Комитетъ предупредилъ большевистскаго Главковерха, чтобы онъ былъ весьма и весьма остороженъ съ семеновцами. Что они даже боятся, захотятъ ли солдаты выслушать его. Тѣмъ не менѣе по распоряженію Крыленко было созвано общее полковое собраніе. Солдаты собирались молча, перекидывались ядовитыми замѣчаніями по поводу того, что «ихъ хотятъ застращать». Въ толпѣ раздавались возгласы:

«Не мѣшало бы этого парня пришибить. Ужъ больно онъ задается».

При такой неблагопріятной обстановкѣ началъ свою рѣчь Крыленко. Чуть ли не съ первой фразы его начали прерывать шумными и рѣзкими возгласами изъ толпы.

«Товарищи, я пріѣхалъ къ вамъ, чтобы побесѣдовать съ вами отъ имени рабоче-крестянскаго правительства...»

«Какое такое правительство... не признаемъ его.»

«Долой самозванца!»

«... Которое весьма обезпокоено настроеніями, царящими въ вашемъ полку. Мы освѣдомлены, что гидра контръ-революціи свила гнѣздо въ этихъ казармахъ...»

«Самъ ты гидра! Самъ буржуй! Долой его!»

«... Я пріѣхалъ къ вамъ, чтобы побесѣдовать о такъ называемомъ Учредительномъ Собраніи, ибо буржуазная и контръ-революціонная часть послѣдняго рѣшила свергнуть Совѣтское Правительство...»

«Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Долой большевиковъ!»

«... Я васъ предупреждаю... Помните. Именемъ Совѣтскаго Правительства объявляю, что если вы осмѣлитесь не повиноваться, вы будете жестоко и безжалостно наказаны...»

«Руки коротки. Мы тебѣ не Духонинъ. Съ семеновцами не такъ то легко раздѣлаться. Довольно.»

Свистъ. Шумъ. Крики.

Послѣднія слова Крыленки покрываются общимъ гамомъ, охватывающимъ залъ собранія.

Смущенный и раздосадованный Крыленко покидаетъ эстраду, направляется къ членамъ полкового Комитета и грозно имъ бросаетъ:

«Если что-либо произойдетъ... Если семеновцы осмѣлятся выступить, вы будете отвѣтственны... Со мною шутки плохи.»

Послѣ Крыленко экспромтомъ произноситъ нѣсколько словъ, посвященныхъ Учредительному Собранію, одинъ изъ солдатъ семеновцевъ.

Единодушно, бурно и долго продолжающіеся аплодисменты.

И въ томъ же полку послѣ 5-го января.

Смущенные, раздосадованные, злые на всю интеллигенцію, а больше всего на насъ, которые имъ столько говорили о необходимости для Россіи и для русскаго народа Учредительнаго Собранія и которые дальше словъ не пошли. Въ глазахъ семеновцевъ

мы «струсили», «пошли на попятный». И когда мнѣ пришлось раза два послѣ 5-го января посѣтить казармы Семеновскаго полка, столь мнѣ знакомыя, то встрѣчали меня молча, еле роняя слова, словно я былъ предателемъ или измѣнникомъ.

То, что казалось тамъ «на верху партіи» величайшей цѣлесообразностью и необходимостью, то на самыхъ низахъ народныхъ простыми и сѣрыми солдатами было учтено какъ величайшая слабость, какъ неумѣніе и нежеланіе бороться. И мнѣ думается, что въ разладѣ между интеллигенціей и народными массами день 5-го января сыгралъ еще худшую роль, чѣмъ октябрьская революція.

Наконецъ, еще одно воспоминаніе, по своему яркое и интересное.

Намъ было сообщено, что большевики хотятъ обязательно вывести на улицу для демонстрированія противъ Учредительнаго Собранія моряковъ I-го и II-го Балтійскихъ Экипажей. Среди матросовъ II-го Экипажа была у насъ небольшая организація, и даже предсѣдатель Экипажнаго Комитета Сафроновъ, интеллигентный матросъ, стоялъ горою за насъ.

Мы рѣшили устроить 3-го января Экипажное Собраніе. Было оно многолюднымъ. Послѣ рѣчей весьма проникновенныхъ Слонима, Сафронова и другихъ, какой-то матросъ энтузіастъ вскочилъ на эстраду и закричалъ:

«Братцы, товарищи, поклянемтесь, что не пойдемъ противъ народнаго собранія...»

«Клянемся...»

«На колѣни, товарищи, на колѣни.»

И вся эта многотысячная толпа матросовъ становится на колѣни и кричитъ:

«Клянемся не идти противъ Учредительнаго Собранія.»

Именно — «не идти противъ». О томъ, чтобы идти за Учредительное Собраніе они даже не думали. Ихъ энтузіазма, ихъ волеизъявленія хватило только на то, чтобы быть пассивными.

Мы, впрочемъ, были довольны и этимъ, ибо балтійцы не только сдержали свою клятву и не вышли 5-го января на улицу, но и склонили I-ый Балтійскій Экипажъ послѣдовать ихъ примѣру.

Матросы не избѣжали общей участи. Разгонъ Учредительнаго Собранія на нихъ подѣйствовалъ тягостно. И вмѣсто того, чтобы негодовать на тѣхъ, кто посягнулъ на народныхъ избранниковъ, вмѣсто возмущенія поведеніемъ большевиковъ, матросы, какъ и прочіе солдаты, апплодировали побѣдителямъ и осуждали побѣжденныхъ.

Врочемъ, я забѣжалъ немного впередъ, разсказывая о настроеніяхъ петроградскаго гарнизона послѣ разгона У. С. Но мнѣ хотѣлось показать не только подлинныя настроенія солдатъ, матросовъ и рабочихъ, не только выявить тотъ несомнѣнный фактъ, что даже наиболѣе изъ нихъ большевистски настроенные не были склонны принимать активное участіе въ разгонѣ Учредительнаго Собранія, но и то, что въ большой своей части петроградскій гарнизонъ и рабочіе связывали съ этимъ послѣднимъ рядъ надеждъ и ожиданій. И разгонъ У. С. былъ для нихъ большой неожиданностью, а произведенный въ такой грубой, демонстративной обстановкѣ, вызвалъ въ нихъ жестокое разочарованіе въ тѣхъ, кто былъ побѣжденъ.

Разочарованіе въ побѣжденныхъ и тяготѣніе къ побѣдителямъ.

Большевизмъ подлинный, настоящій, большевизмъ широкихъ массъ пришелъ только послѣ пятаго января.

ГЛАВА XIII

ЖИЗНЬ ФРАКЦІИ. ЗАКОННЫМЪ ПУТЕМЪ. РАЗОЧАРОВАНІЯ И СОМНѢНІЯ. ЛѢВЫЕ ЭСЭРЫ

Въ то время, какъ въ Военной Комиссіи и въ Комитетѣ Защиты шла интенсивная работа, участіе въ которой принимало не болѣе 8–10 членовъ У. С., въ это время жизнь фракціи текла своимъ довольно мирнымъ чередомъ.

Ежедненно, какъ это было уже мною сказано, происходили засѣданія комиссіи или пленума. Совѣщанія съ другими оппозиціонными фракціями, пріемы делегацій и депутацій. Все шло такъ же, какъ и въ первые дни декабря, лишь больше было съѣхавшихся депутатовъ, продолжительнѣй и бурнѣе шли засѣданія, и сложнѣе и темнѣе казалась общая политическая обстановка.

Фракція по прежнему стояла за неучастіе свое во внѣпарламентской борьбѣ за Учредительное Собраніе. Въ концѣ декабря пленуму былъ доложенъ планъ Военной Комиссіи и Комитета Защиты — выступить вооруженно противъ большевиковъ. Къ этому проекту большинство фракціи, особенно ея руководящіе персонажи, отнеслись недовѣрчиво и отрицательно.

«Мы весьма сомнѣваемся въ успѣхѣ этой затѣи, которая можетъ только дискредитировать и нашу фракцію, и Всероссійское Учредительное Собраніе. Мы должны держаться съ особой осторожностью, чтобы не давать большевикамъ повода упрекать насъ въ нелойяльномъ поведеніи».

Такъ заявилъ одинъ изъ важнѣйшихъ лидеровъ X...

«На насъ глядитъ вся Россія... Всѣ тѣ милліоны избирателей, которые послали насъ сюда. Недостойно нашего званія пускаться въ авантюру весьма сомнительной успѣшности, которая заставитъ потомъ насъ краснѣть передъ нашими избирателями».

Такова была позиція депутата В..ъ, — молодого, но весьма вліятельнаго во фракціи лица.

Многіе во фракціи пытались отстаивать болѣе активное участіе послѣдней въ происходившихъ событіяхъ. Но это были какъ на подборъ голоса съ мѣстъ, т. е. рядовыхъ депутатовъ, пріѣхавшихъ изъ глухой провинціи и мало кому извѣстныхъ, удѣльный вѣсъ коихъ во фракціи былъ весьма незначителенъ.

Въ итогѣ, и къ первымъ числамъ января позиція фракціи осталась прежней: если хотятъ насъ защищать — пусть защищаютъ, это не только право, но и долгъ нашихъ избирателей. Долгъ народный. И въ отношеніи проекта вооруженнаго выступленія установилась идентичная точка зрѣнія: мы не возражаемъ противъ такого выступленія, но непосредственнаго участія въ немъ принимать не будемъ. Не будемъ и не можемъ.

Долженъ оговориться.

Ни исторіи фракціи, ни тѣмъ болѣе исторіи У. С., я писать не предполагаю. Тема моей статьи значительно уже, если хотите, и шире. Да и былъ я очень далекъ отъ всей жизни фракціи, собраній комиссій почти не посѣщалъ и только раза два присутствовалъ на пленумѣ. Не сомнѣваюсь, что исторію У. С. напишетъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кто всей душой и тѣломъ принадлежалъ повседневнымъ вопросамъ и быту нашей фракціи. Напишетъ... Впрочемъ, кажется уже и написалъ.

Я же ограничиваюсь только нѣсколькими штрихами, наиболѣе характерными и важными. Тѣми штрихами, которые выясняютъ позицію, занятую фракціей въ вопросѣ, которому посвященъ мой очеркъ.

Мною было уже указано, что большинство фракціи было преисполнено сугубымъ парламентаризмомъ. Но помимо того, отношеніе этого большинства къ большевикамъ, къ Совѣтской Власти, наконецъ къ У. С., базировалось на своеобразной идеологіи. Глубоко вѣря въ правильность исповѣдуемыхъ ими демократическихъ принциповъ и видя въ Учредительномъ Собраніи необходимѣйшее и обязательнѣйшее учрежденіе, при посредствѣ котораго эти принципы могутъ быть реализованы наиполнѣйшимъ образомъ, они невольно придавали идеалистическій оттѣнокъ всему тому, что было связано съ У. С. и съ идеей его. Подобно тому, какъ монархисты считали особу государя священной, такъ и демократы, въ частности депутаты, видѣли въ Учредительномъ Собраніи нѣчто священное, посягательство на которое они не могли иначе расцѣнивать какъ преступленіе недопустимое, чуть ли не кошмарное. И вполнѣ логически отсюда вытекало, что ихъ психологія не хотѣла, не могла допустить, не могла даже предположить о возможности такого преступленія, о томъ, что могъ кто-нибудь наложить свою дерзновенную руку на дорогое имъ Всероссійское Народное Собраніе.

Сколько разъ и изъ самыхъ устъ различныхъ по темпераменту товарищей своихъ по фракціи, какъ впрочемъ и отъ представителей другихъ фракцій, мнѣ приходилось слышать:

«Вы говорите, что большевики хотятъ разогнать Учредительное Собраніе... Съ трудомъ въ это вѣрится. Вѣдь это логическая несообразность. Развѣ не сами же большевики всѣ эти послѣдніе мѣсяцы кричали о томъ, что необходимо созвать какъ можно скорѣе У. С...»

«Съ трудомъ вѣрится, — говорилъ какъ то Церетелли, — чтобы большевики осмѣлились разогнать У. С. Имъ ни народъ, ни исторія этого не простили бы. Десятилѣтія вся передовая россійская интеллигенція стремилась къ осуществленію своей идеи. Это было лозунгомъ не только нашихъ либераловъ, но прежде всего революціонеровъ. Я убѣжденъ, что большевики только пугаютъ, чтобы сдѣлать оппозицію болѣе уступчивой...»

И это говорилъ одинъ изъ наиболѣе реалистически настроенныхъ депутатовъ.

Правда, что чѣмъ ближе къ пятому январю, тѣмъ болѣе зловѣщими казались свѣдѣнія, получаемыя во фракціи изъ большевистскихъ сферъ. Это были уже не слухи. Болѣе чѣмъ слухи — это были факты. Во фракціи стало извѣстно, что большевики рѣшили не стѣсняться съ Учредительнымъ Собраніемъ, если только послѣднее не подчинится окончательно и безоговорочно большевистскому правительству, большевистской программѣ. Несмотря на всю достовѣрность этихъ свѣдѣній, оппозиціонныя фракціи, въ частности эсэровская, не сочли нужнымъ, не сочли возможнымъ сойти съ занятой ими позиціи, которую я охарактеризовалъ какъ сугубо-парламентарскую.

Быть можетъ, было уже и поздно.

Нѣсколько штриховъ, которые врѣзались въ мою память и которые лучше всего иллюстрируютъ настроенія, царившія въ эти дни во фракціи.

Съ первыхъ же дней существованія фракціи обрисовалось совершенно ясное отношеніе къ большевистской власти, обрисовалось какъ безусловно отрицательное. Былъ выдвинутъ лозунгъ:

«Ни въ какіе переговоры, ни въ какія сношенія не вступать съ большевиками. Ибо они узурпаторы. Ибо они предатели».

Но вскорѣ, это было въ серединѣ декабря, жизнь поставила фракцію лицомъ передъ печальной дѣйствительностью: вѣдь, какъ ни какъ, реальная власть была

въ рукахъ у большевиковъ, а послѣдніе въ лицѣ Урицкаго заявили въ оффиціальномъ порядкѣ: лишь тѣ депутаты будутъ признаны таковыми и будутъ допущены въ Таврическій Дворецъ, которые зарегистрируются у него, у Урицкаго, и получатъ соотвѣтственный (если не ошибаюсь — красный) билетъ. Билетъ за подписью самого Урицкаго, со штемпелемъ большевистской Комендатуры. Это объявленіе вызвало длинныя дискуссіи во фракціи. Вопросъ былъ поставленъ на принципіальную точку зрѣнія. «Допустимо ли, чтобы мы, народные избранники, подчинились этой по существу самовольной регистраціи? И не будетъ ли это полупризнаніемъ съ нашей стороны того, что большевики все-таки какая ни на есть власть». Теоретически вопросъ былъ вполнѣ ясенъ. Никакой регистраціи, никакихъ сношеній съ узурпаторами. И многіе изъ членовъ фракціи отстаивали эту «дѣвственную» позицію.

«Но — возражали нѣкоторые — это хорошо въ теоріи. А на практикѣ выйдетъ что изъ за такого, въ сущности, пустяка засѣданіе Учредительнаго Собранія откроется въ отсутствіи нашей фракціи, которая по чисто техническимъ причинамъ, непонятнымъ народнымъ массамъ, не будетъ допущена въ Таврическій Дворецъ. Нельзя, чтобы конфликтъ съ большевиками возникъ по такому пустому поводу».

«Это отнюдь не пустяки, — возражали другіе, — вся эта регистрація придумана большевиками, чтобы хотя внѣшне была бы признана ихъ власть, чтобы говорилось, что мы пошли на поклонъ къ совѣтско-большевистскому правительству. Нѣтъ, мы не должны регистрироватсья. Мы должны въ день открытія Учредительнаго Собранія пойти и потребовать властно, какъ подобаетъ народнымъ избранникамъ, чтобы насъ впустили въ засѣданіе. Вы увидите, что большевики струсятъ и не осмѣлятся насъ не впустить».

Несмотря на теоретическую логичность послѣдняго мнѣнія, на то, что оно вполнѣ отвѣчало чистотѣ позиціи, отстаиваемой фракціей, большинство все-таки склонилось къ противоположной точкѣ зрѣнія. И это былъ по существу компромиссъ. Это была уступка силѣ, та уступка, которая всегда влечетъ за собой рядъ другихъ аналогичныхъ уступокъ.

Какъ бы то ни было, всѣ мы получили билеты за подписью комиссара Урицкаго...

Встрѣча Новаго Года.

Душныя комнаты въ гимназіи Гуревича. Скверно освѣщенныя и пропитанныя табачнымъ дымомъ. Говорятся рѣчи, соотвѣтствующія моменту... Говоритъ Черновъ, Пумпянскій и многіе другіе, имена которыхъ стерлись въ моей памяти. И хотя рѣчи красивыя, проникнутыя вѣрой въ свѣтлое будущее, въ побѣду идеаловъ, хотя всѣ онѣ не лишены оптимизма, но въ нихъ нѣтъ одного — того, что особенно было необходимо въ эти дни: Дерзости, подлиннаго революціоннаго активизма. Бодрости, которой ничего не страшно.

Забывалось, что рѣчи произносятся подъ большевистской властью.

Забывалось, что это канунъ 1-го января 1918 года.

Забывалось даже и то, что мы члены Учредительнаго Собранія, которые должны будемъ спустя два—три дня рѣшать судьбы Россіи.

Ибо все то, что говорилось въ этотъ вечеръ, въ эту ночь, до смѣшного напоминало рѣчи, произносившіяся въ продолженіе всего 17-го года.

Нѣсколько лишнихъ словъ, два—три специфическихъ выраженія, и легко было себя вообразить въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ, однимъ словомъ, въ дни торжества россійской демократіи.

Я не знаю, съ какимъ чувствомъ уходили изъ гимназіи Гуревича мои товарищи. Вѣроятно — во всякомъ случаѣ большинство изъ нихъ — чувствовало такъ же, какъ и я.

Мнѣ же было очень тяжело, тяжелѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ изъ собраній этого времени.

Я говорилъ уже, что одной изъ важнѣйшихъ комиссій во фракціи была Комиссія Перваго Дня. По существу эта комиссія должна была все предусмотрѣть, обо всемъ подумать. Что дѣлать, если большевики не пойдутъ на смѣшанный президіумъ? Какъ поступить, если большевики не будутъ давать говорить оппозиціоннымъ ораторамъ? Что наконецъ дѣлать, если они будутъ разгонять непослушныхъ депутатовъ? Эти и имъ подобные вопросы становились передъ Комиссіей, и она должна была ихъ разрѣшить. По своему это она и попыталась сдѣлать.

Въ томъ, какъ обсуждался порядокъ дня перваго Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, въ его схемѣ, начертанной Комиссіей, въ проектахъ рѣчей, было одно общее, что больше всего бросалось въ глаза. Это желаніе удержать Учредительное Собраніе на елико возможной высотѣ. Не дать его уронить въ глазахъ народныхъ. Не позволить втоптать Великую Идею — Великое Учрежденіе въ грязь.

Что же предполагалось для этого сдѣлать? Что хотѣли противопоставить большевистскимъ посягательствамъ на священность У. С.?

Большинство мѣръ, предложенныхъ и принятыхъ Комиссіей, по своему раціональны, но ... если бы дѣло шло о парламентскомъ засѣданіи въ какой нибудь культурной странѣ и если бы противникомъ былъ кто-нибудь другой, а не большевистское, ничего не стѣсняющееся, Правительство.

Были выбраны особые старосты-руководители, по знаку которыхъ должно было идти голосованіе. Предусматривались шумная оппозиція, и знаки согласно этому были особые, нѣмые.

Прошли слухи, не вполнѣ достовѣрные, что большевики хотятъ въ самомъ началѣ засѣданія перерѣзать проводы и потушить свѣтъ въ залѣ засѣданія. И на этотъ случай предусмотрительно Комиссія распорядилась, чтобы мы запаслись свѣчами.

Было предусмотрѣно долгое ночное засѣданіе, возможность оставленія большевиками насъ безъ ѣды. И на этотъ случай было поручено Слетовой приготовить нѣсколько сотенъ (быть можетъ, тысячъ) бутербродовъ.

«А если большевистскіе наймиты по приказу своихъ лидеровъ рѣшатся на насиліе? Что если будутъ насъ избивать или быть можетъ убивать?»

Предлагался вопросъ многими изъ насъ нашимъ лидерамъ, нашимъ старостамъ-руководителямъ.

И на этотъ вопросъ былъ нами полученъ отвѣтъ опредѣленный и ясный, лучше всего характеризовавшій фракціонную идеологію.

«Мы должны помнить, что мы народные избранники. Мы должны высоко держать знамя У. С. И если большевики рѣшатся на насиліе, мы должны быть готовы на то, чтобы пожертвовать нашей жизнью».

«Товарищи, только держитесь въ этомъ случаѣ всѣ вмѣстѣ. Все таки будетъ легче».

Почему-то, признаюсь откровенно, мнѣ это не вполнѣ понятно, считалось чрезвычайно важнымъ провести непремѣнно до разгона У. Собранія, въ случаѣ, если послѣднее будетъ имѣть мѣсто, черезъ Пленумъ всѣ тѣ основные законы, которые были выработаны во всѣхъ многочисленныхъ Комиссіяхъ фракціи. Законъ о конституціи, законъ о землѣ и т. д. Мы, иначе говоря, фракція, были подъ гипнозомъ,

— я не могу этого опредѣлить другимъ словомъ, — того, что проведеніе основныхъ законовъ черезъ У. С. разрѣшаетъ запутанное общее положеніе и что это для блага россійскаго народа болѣе, чѣмъ существенно. И благодаря этому гипнозу, внушенному намъ нашими законниками, мы совершенно забывали дѣйствительность.

Забывали, что власть принадлежитъ большевикамъ. Забывали о томъ, кто такіе большевики. Забывали о томъ, что въ этомъ спѣшномъ проведеніи основныхъ законовъ есть источникъ для оспариванія законности этихъ послѣднихъ. Какъ бы то ни было, но разработанный Комиссіей планъ былъ и импозантнымъ, и не лишеннымъ красоты. Ибо кристаллизація его должна была происходить вокругъ Великой Идеи народоправства и подчеркнуть «священность Учредительнаго Собранія».

Увы, большевики противопоставили плану Комиссіи и стройной защитѣ Учредительнаго Собранія — злую гримасу надъ послѣднимъ, беззастѣнчиво проведенную ими при помощи банды пьяныхъ матросовъ.

Разсматривая тѣ настроенія, которыя господствовали во фракціи въ тѣ дни, невольно ставишь себѣ вопросъ: можно ли назвать поведеніе фракціи миролюбивымъ и соглашательскимъ въ отношеніи большевиковъ?

Этотъ вопросъ несомнѣнно первостепенной важности. И мнѣ кажется, что можно на него отвѣтить достаточно опредѣленно, достаточно конкретно.

Да — миролюбивымъ было настроеніе фракціи. Было оно не столько волеизъявленіемъ фракціи, сколько рѣшеніемъ и желаніемъ ея руководящихъ круговъ. Дѣлалось все, чтобы избѣжать конфликтовъ съ совѣтскимъ правительствомъ, часто въ ущербъ необходимой активности фракціи.

И это миролюбіе въ подоплекѣ своей зиждилось на томъ убѣжденіи, что, можетъ быть, удастся разрѣшить борьбу съ большевиками путемъ извѣстныхъ уступокъ съ ихъ стороны. До послѣдней минуты не терялась надежда ограничить конфликтъ стѣнами Таврическаго Дворца. Вѣрилось во всемогущество Учредительнаго Собранія, которое своимъ авторитетомъ должно заставить свернуть узурпаторовъ-большевиковъ съ занятаго ими незаконнаго пути. Наконецъ, и это быть можетъ самое главное, во фракціи царила глубочайшая вѣра въ демократію, въ сознательность всенародную, въ то, что разъ весь народъ голосовалъ, то онъ не позволитъ нарушагь его основныхъ гражданскихъ правъ.

Именно лидеры нашей партіи были — да, пожалуй, это есть и теперь — не чужды широчайшей и глубочайшей идеализаціи. И лишь, въ отличіе отъ идеализма стараго поколѣнія революціонеровъ, на мѣсто революціоннаго активизма пришли пассивность и фатализмъ. Были же послѣдніе прикрыты красивой тогой парламентаризма.

Отсюда проистекала и слабость нашего миролюбія, которое расцѣнивалось большевиками, какъ признакъ слабости и нерѣшительности. И, однако, по существу пятое января было завершеніемъ героическаго періода революціонной демократіи. Ибо готова была фракція во имя народа принести свои жизни на алтарь борьбы.

Нѣтъ — соглашательскимъ нельзя было назвать ни въ коемъ случаѣ поведеніе фракціи. Ибо была она съ перваго дня своего существованія преисполнена настроеній рѣзко оппозиціонныхъ къ большевикамъ. Считались послѣдніе нами нарушителями демократическихъ основъ, врагами народоправства, съ которыми никакіе компромиссы невозможны и недопустимы. И если и были на самомъ крайне лѣвомъ флангѣ нашей фракціи отдѣльные голоса, которые пытались говорить о большеви-

кахъ, какъ о все же революціонерахъ, то были эти голоса невліятельны, весьма робки и незамѣтны на общемъ фонѣ рѣзкой оппозиціонности фракціи. И всѣ тѣ упреки, которые раздавались послѣдніе годы со стороны право-думающей Россіи по адресу эсэровъ въ соглашательствѣ, ни въ коемъ случаѣ не отвѣчаютъ дѣйствительности въ отношеніи періода, нами описываемаго.

О жизни фракціи, объ ея повседневныхъ переживаніяхъ можно бы исписать цѣлыя страницы. Немало было въ нихъ чертъ, характеризующихъ весьма ярко и выпукло все это время и психологію интеллигенціи въ частности. Но, повторяю, я не пишу исторіи У. С. Сказаннаго мною, я думаю, вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ вполнѣ ясное представленіе о фракціи и о роли послѣдней въ той борьбѣ, которая велась вокругъ У. С. Здѣсь лишь совершенно необходимо отмѣтить то вліяніе, которое имѣлъ Центральный Комитетъ партіи на рѣшеніе фракціи. Въ сущности говоря, это вляніе было огромное. Вѣроятно, не меньшее, чѣмъ то, что мы видимъ у большинства европейскихъ партій. Въ большинствѣ случаевъ рѣшенія фракціи диктовались постановленіями Ц. К. Это сказалось особенно ярко въ вопросѣ, которому посвящена настоящая моя статья. Ибо парламентаризму фракціи отвѣчало тяготѣніе Ц. К. къ «принципіальной законности».

Въ предыдущихъ главахъ мною была обрисована дѣятельность тѣхъ организацій, которыя приняли на себя защиту У. С. Мною было отмѣчено, что эти организаціи пришли къ необходимости вооруженной демонстраціи въ день созыва Учредительнаго Собранія и проявленію наибольшей активности въ этомъ направленіи. Я указывалъ также и на то, что къ первымъ числамъ января эти приготовленія были до извѣстной степени закончены, что планъ выступленія былъ детально разработанъ и что дѣло стояло лишь за немногимъ: за санкціей этого выступленія Центральнымъ Комитетомъ.

Мы, я говорю о Военной Комиссіи, нисколько не сомнѣвались въ положительномъ отношеніи къ нашему плану дѣйствія со стороны Ц. К. И тѣмъ больше было разочарованіе... Третьяго января на засѣданіи Военн. К. намъ было сообщено о состоявшемся постановленіи нашего Центральнаго Комитета. Этимъ постановленіемъ категорически запрещалось вооруженное выступленіе, какъ несвоевременное и ненадежное дѣяніе. Рекомендовалась мирная демонстрація, причемъ предлагалось, чтобы солдаты и прочіе воинскіе чины приняли участіе въ демонстраціи невооруженными, «во избѣжаніе ненужнаго кровопролитія».

Мотивы этого постановленія видимо были довольно разнообразны. Намъ, непосвященнымъ, сообщили о нихъ въ значительно сокращенномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, это постановленіе было продиктовано самымъ лучшимъ намѣреніемъ.

Во-первыхъ, боязнь гражданской войны или, точнѣе, братоубійства. Именно Чернову принадлежитъ знаменитое изреченіе, «что мы не должны пролить ни одной капли народной крови».

«А большевики» — его спросили — «можно ли проливать кровь большевиковъ?»

«Большевики тотъ же народъ».

Вооруженная борьба съ большевиками въ это время разсматривалась какъ дѣйствительное братоубійство, какъ борьба нежелательная.

Во-вторыхъ, на памяти у многихъ были неудачи московскаго и петроградскаго вооруженныхъ выступленій на защиту Временнаго Правительства. Эти выступленія показали безсиліе и неорганизованность демократіи. Отсюда проистекала своего рода боязнь передъ новыми вооруженными выступленіями, неувѣренность въ своихъ силахъ, болѣе того, убѣжденность въ завѣдомомъ неуспѣхѣ такого рода выступленія.

Въ-третьихъ, безусловно господствовало то настроеніе, о которомъ я говорилъ въ началѣ этой статьи. Пропитанное фатализмомъ убѣжденіе о всесильности большевизма, о томъ, что большевизмъ это есть явленіе народное, которое захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе круги народныхъ массъ.

«Надо дать изжить большевизмъ».

«Дайте большевизму изжить самого себя».

Вотъ лозунгъ, выдвинутый именно въ это время, и думается мнѣ, онъ сыгралъ довольно печальную роль въ исторіи противобольшевистской борьбы. Ибо лозунгъ этотъ знаменуетъ собой пассивную политику.

Наконецъ, въ четвертыхъ, былъ все тотъ же идеализмъ, основанный на вѣрѣ въ торжество демократическихъ принциповъ, на вѣрѣ въ волю народа.

«Допустимо ли, — спрашивалъ видный лидеръ X. — чтобы мы навязывали народу свою волю, свое рѣшеніе. Если дѣйствительно большинство народа тяготѣетъ къ большевизму, то мы должны прислушаться къ гласу народному. Народъ самъ рѣшитъ, за кѣмъ Правда, и онъ пойдетъ за тѣми, кому онъ больше вѣритъ. Не надо насилія надъ волей народной».

«Мы—представители демократіи, и мы защищаемъ принципы народоправства. Допустимо ли, пока народъ не сказалъ своего слова, поднимать междуусобную гражданскую войну и проливать братскую кровь? Дѣло Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, въ которомъ какъ въ фокусѣ отразится мнѣніе всей страны, сказать «да» или «нѣтъ».

Очень трудно сказать, какой изъ только что перечисленныхъ мотивовъ явился рѣшающимъ для отказа отъ намѣченнаго нами вооруженнаго выступленнія. Боязнь авантюризма, которая вообще характеризуетъ всю дѣятельность П. С. Р. послѣ февральской революціи, стремленіе къ сугубой, возведенной въ принципъ законности, основанной на демократическихъ началахъ, неувѣренность въ своихъ силахъ, — все это тѣсно переплетенное другъ съ другомъ, мнѣ думается, сыграло одинаковую роль въ этомъ рѣшеніи. И когда большевистское правительство бросаетъ обвиненія эсэрамъ въ авантюризмѣ и въ активномъ революціонизмѣ (по ихъ терминологіи контръреволюціи), то это кажется полнѣйшимъ недоразумѣніемъ, если хотите, злостной клеветой. Впрочемъ, это съ достаточной выпуклостью выявилъ происходившій недавно процессъ.

Итакъ, мы стояли передъ запрещеніемъ вооруженнаго выступленія. Это запрещеніе застало насъ врасплохъ. Сообщенное же въ Пленумѣ Военной Комиссіи, оно породило немало недоразумѣній и недовольства. Кажется, удалось въ самую послѣднюю минуту предупредить о нашемъ перерѣшеніи Комитетъ Защиты. Имъ въ свою очередь были приняты спѣшные шаги и измѣнены сборные пункты. Больше всего волненія пришлось испытать семеновцамъ.

Борисъ Петровъ и я посѣтили полкъ, чтобы доложить его руководителямъ о томъ, что вооруженная демонстрація отмѣняется и что ихъ просятъ: «Придти на манифестацію безоружными, дабы не пролилась кровь».

Вторая половина предложенія вызвала у нихъ бурю негодованія.

«Что вы смѣетесь что ли надъ нами, товарищи? Вы приглашаете насъ на демонстрацію, но велите не брать съ собой оружія. А большевики? Развѣ они малые дѣти? Вѣдь будутъ, небось, непремѣнно стрѣлять въ безоружныхъ людей. Что же мы, разинувъ рты, должны будемъ имъ подставлять наши головы или же прикажете намъ улепетывать тогда, какъ зайцамъ?»

Мы ихъ успокаивали.

«Товарищи... Боязнь пролить народную кровь... Мы не имѣемъ права васъ втягивать въ гражданскую войну... Наши вожди говорятъ...»

Но ихъ было не легко успокоить.

«Да что вы, товарищи, въ самомъ дѣлѣ, смѣетесь что ли надъ нами? Или шутки шутите?.. Мы не малые дѣти и, если бы пошли сражаться съ большевиками, то дѣлали бы это вполнѣ сознательно... А кровь... Крови, можетъ быть, и не пролилось бы, если бы мы вышли цѣлымъ полкомъ вооруженные».

Долго мы говорили съ семеновцами и чѣмъ больше говорили, тѣмъ становилось яснѣе, что отказъ нашъ отъ вооруженнаго выступленія воздвигъ между ними и нами глухую стѣну взаимнаго непониманія.

«Интеллигенты... Мудрятъ, сами не зная что. Сейчасъ видно, что между ними нѣтъ людей военныхъ».

И несмотря на продолжительныя увѣщеванія, въ этотъ вечеръ семеновцы отказались отстаивать издававшуюся нами газету «Сѣрая шинель».

«Не къ чему. Все равно ее прикроютъ. Одна только канитель».

Въ заключеніе этой главы мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о той весьма некрасивой роли, которую играла такъ называемая партія лѣвыхъ эсэровъ въ защитѣ У. С.

Ихъ позиція была, какъ извѣстно, противобольшевиствующая, а по существу они въ этотъ періодъ довольно энергично поддерживали большевиковъ, пользуясь зато отъ послѣднихъ всякаго рода привилегіями и почетомъ. Но въ то же время они поддерживали отношенія и съ оппозиціонными партіями, въ частности съ правыми эсэрами. Дѣлали они это подъ благовиднымъ предлогомъ своихъ антипатій къ воинствующему коммунизму. Въ дѣйствительности же оказывались они передатчиками и соглядатаями большевистской партіи.

Такъ, напр., нѣсколько разъ мнѣ пришлось встрѣтить на Болотной улицѣ одного молодого и весьма шустраго лѣваго эсэра, небезызвѣстнаго своими неудачными философствованіями, который довольно внимательно прислушивался ко всему тому, что говорилось во фракціи.

Не менѣе незавидной ихъ роль была въ рабочихъ раіонахъ Петрограда. Здѣсь они, съ одной стороны, разлагали противобольшевистскіе элементы, внушая рабочимъ необходимость покончить съ буржуазными соціалистами, а съ другой, они не порывали связи съ послѣдними, посѣщали кое-гдѣ ихъ раіонные Комитеты и добросовѣстнымъ образомъ обо всемъ передавали большевикамъ.

Мнѣ пришлось столкнуться довольно близко съ дѣятельностью лѣвыхъ эсэровъ въ этотъ періодъ въ Коломенскомъ раіонѣ и въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Мнѣ трудно точно квалифицировать характеръ ихъ дѣятельности. Основными ея чертами были безпринципность, переплетенная довольно тѣсно съ своеобразнымъ юношескимъ революціоннымъ экстазомъ.

«Факелъ міровой революціи». И наряду съ этими мечтаніями о міровой революціи, факелъ которой они зажгутъ — провокація, подленькіе доносы о рабочихъ собраніяхъ и о томъ, что дѣлается нами для защиты Учредительнаго Собранія.

Да, своеобразна, весьма своеобразна была роль лѣвыхъ эсэровъ въ защитѣ Учредительнаго Собранія.

ГЛАВА XIV

ПЯТОЕ ЯНВАРЯ

Съ утра на улицахъ Петрограда собирались группы народа.

Были эти группы неопредѣленны по своему составу: чиновники, рабочіе, студенты и просто обыватели и интеллигенты.

Собирались вяло. Немного робко. Безъ энтузіазма, сколь нибудь замѣтнаго. Не чувствовалось во всякомъ случаѣ гнѣва народнаго. Недовольство было пассивное и злое.

На Рижскомъ проспектѣ я встрѣтилъ демонстрацію рабочихъ Экспедиціи. Много мужчинъ. Немало женщинъ. Даже нѣсколько дѣтей. Растянулись они тонкой цѣпью и съ пѣніемъ нескладнымъ революціонныхъ пѣсенъ шли по направленію къ Технологическому Институту. Впереди несли нѣсколько флаговъ. Флаги были красные. Съ надписями извѣстными.

«Да здравствуетъ Всероссійское Учредительное Собраніе!»

«Да здравствуетъ народоправство!»

«Земля и Воля.»

Я присоединился къ манифестаціи, вмѣшавшись въ ихъ среду.

Разговоры манифестантовъ были невеселые, ибо знали они, что вооруженная демонстрація отмѣнена.

«Идемъ точно бараны. Все равно разгонятъ эти подлецы большевики».

По пути къ манифестаціи присоединялись небольшія группы рабочихъ и обывателей. Нѣкоторые изъ нихъ были со значками: организованные манифестанты. Другіе — просто обыватели, нерѣшительно жались по бокамъ манифестаціи, словно оставляя себѣ пути отступленія открытыми.

Кое-гдѣ намъ встрѣчались одиночные красные солдаты, съ ногъ до головы вооруженные. Манифестанты провожали ихъ гнѣвными возгласами, криками: «Предатели».

Красногвардейцы поспѣшно скрывались въ боковыя улицы.

На первой ротѣ противъ казармъ Петроградскаго полка стояла большая группа солдатъ. Видимо ждали, предупрежденные о проходѣ здѣсь «контръ-революціонной» демонстраціи. Ругань самая площадная, россійская, обрушилась на наши головы.

«Буржуи проклятые, куда собрались идти?»

«Вотъ задастъ вамъ Ленинъ, будете знать.»

«Контръ-революціонеры. Прислужники Антанты...»

И многое другое изъ лексикона столь извѣстнаго въ то время.

Кое-кто изъ солдатъ угрожалъ ружьями, но своими же сотоварищами былъ останавливаемъ.

Встрѣча съ большевиками-солдатами была единственной въ этомъ раіонѣ, которая на нѣкоторое время нарушила мирное шествіе манифестантовъ.

Далѣе, до самаго Невскаго проспекта мы шли безпрепятственно. Два, три красногвардейскихъ патруля прошли мимо насъ, не обративъ на насъ вниманія.

Когда манифестація поравнялась съ казармами Семеновскаго полка, оттуда высыпало нѣсколько сотъ солдатъ, большинство неодѣтыхъ и безъ шапокъ и шинелей. Они провожали насъ сочувственными напутствіями и ироническими добродушными пожеланіями:

«Подай вамъ Богъ удачи. Разбейте большевиковъ».

«Берите въ плѣнъ самого Ленина».

«Смотрите, защищайте хорошо Учредительное Собраніе».

Рабочіе-манифестанты зовутъ идти за собой семеновцевъ. Тѣ отмахиваются, пожимаютъ плечами, смѣются.

«Не велѣно! Запрещено!»

Впрочемъ, нѣсколько десятковъ солдатъ присоединилось къ демонстраціи, затерявшись въ ней.

Въ это время на Невскомъ проспектѣ было уже полно. Десятки тысячъ демонстрантовъ и просто любопытныхъ непроходимой массой заполнили часть Невскаго и начало Литейнаго проспекта.

Но всѣ попытки толпы пройти по Литейному проспекту были неудачны. Онѣ разбивались о вооруженное сопротивленіе красныхъ патрулей.

Громче и сильнѣй раздавался рокотъ толпы.

Постепенно, медленно, минута за минутой, рождался гнѣвъ народный. Тотъ самый гнѣвъ, который разрушаетъ троны, свергаетъ Правительства, создаетъ новыя формы.

Сильнѣе и громче раздавались возгласы.

«Долой большевиковъ».

«Долой Совѣтское Правительство».

«Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!»

Все сильнѣе и сильнѣй напираютъ задніе ряды. Все смущеннѣе чувствуютъ себя красные матросы, постепенно отодвигаясь подъ натискомъ толпы вглубь по Литейному проспекту.

На Пантелеймоновской улицѣ, прорвавъ тонкую цѣпь красноармейцевъ, демонстранты, въ числѣ ихъ было немало выборжцевъ-рабочихъ, густою лавиной заполнили проспектъ.

Раздались выстрѣлы. Недружные и немногочисленные. Испуганная, взволнованная толпа побѣжала обратно, оставивъ на панели и на мостовой нѣсколько раненыхъ и убитыхъ. А стрѣлявшіе, ихъ было не больше двухъ-трехъ десятковъ, съ трясущимися руками, испуганные не меньше чѣмъ демонстранты, растерянно глядѣли по сторонамъ. Сила, противъ которой они шли, видимо, казалась имъ величино неизвѣстной: будетъ ли возмездіе или нѣтъ.

Снова качнулась толпа. Закричала. Застонала возмущенная. И люди точками различными кинулись впередъ, точно покатились, перегоняя другъ друга, выкрикивая слова незнакомыя, близкія:

«Дол...ой... Боль...шевиковъ... Бей... Да здра...»

Гдѣ-то затрещалъ пулеметъ. Быть можетъ, и не пулеметъ... Снова схлынула толпа.

Бѣгутъ люди. Останавливаются. Спорятъ другъ съ другомъ. Слова безсильнаго гнѣва.

«Ихъ много. Пулеметы. Ружья. Мы ... нѣтъ даже револьвера. Гдѣ бы достать? Гдѣ бы достать?»

Смѣшно, нелѣпо. Хотятъ невозможнаго.

Я пробираюсь съ трудомъ сквозь толпу. Подхожу къ красному патрулю. Разношерстные: солдаты, обвитые пулеметными лентами, въ сѣрыхъ, небрежно одѣтыхъ шинеляхъ, штатскіе съ красными повязками, и изящные точно разодѣтые кронштадтскіе матросы. Все это сбилось въ одинъ клубокъ. Ощетинившійся, какъ разъяренный ежъ.

У крыльца на тротуарѣ лежитъ студентъ. Лица не видно. Сбоку, точно всѣми забытое, брошено знамя, нескладно свернутое и изорванное. Остались отдѣльныя буквы, все тѣ же, знакомыя:

«Да... з... ву... Уч... е...»

Старушка, старенькая-престаренькая, шамкая и забывая слова, грозится красногвардейцамъ:

«Креста на васъ нѣтъ, проклятые. Душегубы.»

Я подхожу къ большевистскому патрулю. Прошу меня пропустить въ сторону Таврическаго Дворца.

«Съ какой стати, гражданинъ?»

«Я членъ Учредительнаго Собранія.»

Спросили билетъ. Пропустили безпрепятственно.

Чѣмъ ближе къ Таврическому Дворцу, тѣмъ меньше народа. Попадаются группы красногвардейцевъ, многолюдныя, вооруженныя съ ногъ до головы.

У воротъ Таврическаго Дворца толпа обывателей и зѣвакъ. Большой отрядъ красногвардейцевъ, который контролируетъ лицъ, проходящихъ внутрь Дворца.

Снова показалъ билетъ, подписанный Урицкимъ. Тяжелыя двери отворились, и я, народный избранникъ, наконецъ здѣсь, гдѣ будутъ рѣшаться судьбы русскаго народа, судьбы, уже предрѣшенныя и предначертанныя Злой Исторіей.

Общее впечатлѣніе, которое у меня осталось отъ этого утра, проведеннаго въ средѣ демонстрантовъ, создало во мнѣ увѣренность, что будь выступленіе вооруженнымъ, демонстрантамъ несомнѣнно удалось бы проникнуть до самаго Таврическаго Дворца. Въ этомъ меня убѣждаетъ не только растерянность, царившая среди красныхъ отрядовъ, но и тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ впослѣдствіи, въ кулуарахъ Таврическаго Дворца удалось почерпнуть изъ большевистскихъ источниковъ. Безусловно большевики боялись серьезнаго вооруженнаго столкновенія, связаннаго съ именемъ У. С. Въ это время они не чувствовали себя достаточно сильными, учитывая ту пассивность сочувствовавшихъ имъ рабочихъ и солдатскихъ массъ, о которой я говорилъ выше.

Качество и количество вооруженной массы, стоявшей на ихъ сторонѣ, было лишь достаточнымъ, чтобы сдержать и разогнать мирную демонстрацію. Но не болѣе. Таково было и мнѣніе большевика Пятакова, стоявшаго довольно близко къ Смольному. Таково было впечатлѣніе и нѣкоторыхъ моихъ коллегъ по фракціи.

Изъ кого состояла манифестація? Достаточно ли былъ въ ней великъ подъемъ и какъ согласовать послѣдній съ той пассивностью и индифферентизмомъ, которые проявлялись интеллигенціей и обывателемъ въ отношеніи Учредительнаго Собранія. Несомнѣнно, что подъемъ и настроеніе, оппозиціонное манифестаціи, были довольно значительны, особенно послѣ разстрѣловъ, произведенныхъ красногвардейцами. Рядовой обыватель, который утромъ колебался еще — примкнуть ему или нѣтъ къ демонстрантамъ, теперь составилъ наиболѣе активное ядро послѣднихъ.

Конечно, трудно предполагать, что большинство демонстрантовъ было на сторонѣ У. С. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что только незначительная часть демонстрировавшихъ была подлинными сторонниками послѣдняго. Но другое чувство, кромѣ любви къ демократическому У. С., владѣло толпой: это была ненависть къ большевикамъ. Ненависть, вскормленная за двухмѣсячное ихъ управленіе страной. Обыватель петроградецъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, готовъ былъ всколыхнуться отъ своей пассивности и пойти даже за У. С., если послѣднее найдетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы свергнуть большевистское правительство. Въ эти дни петроградецъ возлагалъ еще надежды на демократію, готовъ былъ пойти за ней — «постольку-поскольку» и строилъ нѣкоторыя иллюзіи насчетъ силы и мощи праваго сектора У. С.

Мы не сумѣли использовать настроенія петроградцевъ. Мы не сумѣли возглавить это противо-большевистское движеніе.

Пятое января, принеся намъ пораженіе въ стѣнахъ Таврическаго Дворца, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвало въ рядахъ петроградцевъ новое разочарованіе въ россійской демократіи.

Побѣжденные рѣдко внушаютъ симпатіи. Тѣмъ болѣе, когда пораженные оказываются въ смѣшномъ положеніи.

Неуютно и мрачно въ кулуарахъ Дворца.

Бродитъ нѣсколько иностранныхъ корреспондентовъ. Бродимъ мы, депутаты большинства, бродятъ многочисленные красногвардейцы и матросы, зѣвающіе и скучающіе.

Открытіе Учредительнаго Собранія все откладывается и откладывается.

Большевики засѣдаютъ. Говорятъ, ждутъ результатовъ демонстраціи. Побѣдятъ манифестанты — придется говорить однимъ языкомъ. Побѣдятъ красные — тогда будетъ языкъ другой. Языкъ твердый, рѣшительный, тогда не придется стѣсняться съ «контръ-революціонными» соціалистами.

Засѣдаютъ и лѣвые эсэры. Ихъ депутаты безпрестанно информируются въ большевистской фракціи.

Засѣдаемъ и мы. Но что мы можемъ сдѣлать? Мы, которые составляемъ большинство народныхъ избранниковъ, и которые не имѣемъ даже достаточно силы, чтобы проникнуть въ большой залъ засѣданій безъ разрѣшенія большевиковъ. Вѣдь, у дверей бѣлаго зала стоятъ вооруженные матросы.

Мы обсуждаемъ положеніе.

«Мы должны открыть засѣданіе безъ большевистской фракціи... Но больше ждать невозможно. Мы ихъ должны предупредить».

«Безполезныя попытки. Не слушаются, смѣются. — Начнемъ засѣданіе тогда, — говорятъ, — когда Ленинъ прикажетъ. Пока сидите смирно».

«Безобразіе. Позоръ. Надо предпринять рѣшительныя мѣры».

Но, что мы можемъ сдѣлать?

Вся галлерея полна «приглашенныхъ». Гости это особенные, пришедшіе по пригласительнымъ билетамъ большевистскаго коменданта.

Все большевистское дно здѣсь на-лицо. Рабочіе, вооруженные кронштадтцы, вооруженные солдаты различныхъ полковъ, съ красными звѣздами и также вооруженные красногвардейцы. Вся эта пестрая толпа шумитъ, грохочетъ, слоняясь изъ буфета въ буфетъ.

Имъ нѣтъ дѣла ни до Учредительнаго Собранія, ни до высшей политики, ни до борьбы партій. Они сюда пришли, ибо ихъ обѣщали напоить, накормить, наградить щедрой рукой. И они, зѣвая и скучая, ждутъ обѣщаннаго развлеченія, когда имъ позволено будетъ «разыграть» буржуазныхъ предателей, народныхъ избранниковъ.

Я брожу среди нихъ. Незамѣтный, законспирированный своей солдатской шинелью. Прислушиваюсь къ ихъ разговору и положительно теряюсь. Не понимаю, гдѣ я нахожусь. Въ Таврическомъ ли Дворцѣ, на открытіи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, среди революціоннаго народа, пришедшаго послушать своихъ избранниковъ, или же въ уголовной тюрьмѣ. Отборнѣйшая ругань, площадная и

совершенно нецензурная, виситъ въ воздухѣ. Добрая половина изъ гостей совершенно пьяна. Нѣкоторыхъ изъ нихъ рветъ тутъ же въ буфетѣ. Растянувшись на мягкихъ диванахъ, спятъ два матроса.

Только къ вечеру большевики окончили свое фракціонное засѣданіе. Свѣдѣнія къ этому времени, ими полученныя изъ города, были для нихъ болѣе, чѣмъ утѣшительныя. Демонстрація разогнана. Полки не выступили. Обыватель мирно разошелся по домамъ. Нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ — это пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить.

Положеніе ясное и опредѣленное: можно и должно разговаривать съ эсэрами языкомъ суровымъ и крѣпкимъ. Должно и можно распустить У. С.

Мы кончаемъ тоже засѣданіе. Нами получены свѣдѣнія, что большевиками рѣшенъ разгонъ Учредительнаго Собранія. Мы должны защищать ЕГО! Но какъ, какимъ образомъ? Что можемъ мы сдѣлать?

«Товарищи, въ залъ засѣданій, другая фракція уже тамъ».

«Товарищи, — говорятъ наши старосты, — только держитесь вмѣстѣ. Будутъ избивать-убивать, все же будетъ легче».

И мы съ чувствомъ обреченныхъ, мы — народные избранники, идеализировавшіе ЕГО, входимъ въ залъ.

Насъ встрѣчаетъ хохотомъ, дикимъ свистомъ и руганью полупьяная галерка.

Такъ состоялось открытіе Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

Справа въ одной изъ ложъ сидитъ Ленинъ. Онъ положилъ свою голову на руки, и издали кажется, что онъ спитъ. Видна только большая, круглая и блестящая лысая голова.

Говоритъ Церетели... Шумъ, гамъ, наведенныя винтовки.

Говоритъ Черновъ... Говорятъ многіе другіе. И рѣчи всѣхъ ораторовъ текутъ въ безудержномъ шумѣ, въ хаосѣ дикихъ звуковъ, которые рождаетъ галерка. И отъ этого всѣ рѣчи, даже самыя красивыя, самыя честныя и благородныя, кажутся ненужными, безпомощно-жалкими.

Хохотъ, пьяный хохотъ господствуетъ надъ всѣмъ. И только тогда, когда всходятъ на кафедру большевистскіе депутаты, бурными аплодисментами привѣтствуетъ ихъ галерка.

А мы ... молчимъ. Что же еще можемъ мы сдѣлать?

Далеко за полночь.

На кафедрѣ В. М. Черновъ, предсѣдатель собранія. Читаетъ декларацію. Читаетъ ее онъ быстро, спѣша, неразборчиво. Поминутно его прерываетъ возгласами галерка, уже уставшая и полусонная. Большевистская фракція уже давно покинула залъ засѣданія, и за ней послѣдовали и большинство лѣвыхъ эсэровъ.

Зато многіе изъ гостей, большей частью матросы, спустились изъ верхнихъ ложъ внизъ въ залъ засѣданій. И безцеремонно, точно это въ порядкѣ вещей, заняли депутатскія мѣста. Громко между собою переговариваютъ, шутятъ и нещадно курятъ. И тутъ же мы — безпомощные свидѣтели поруганія Великой Идеи, въ порядкѣ спѣшности проводимъ одинъ законопроектъ за другимъ. Голосуемъ молча. Безъ возраженій.

Только бы успѣть.

Ползутъ зловѣщіе слухи, которые мы передаемъ другъ другу шопотомъ.

Говорятъ, сейчасъ будетъ потушено электричество, и начнутъ избивать. Пусть... Мы пострадаемъ ради народа! Ради нашихъ идей...

Я поднимаюсь наверхъ. Большинство гостей спитъ или дремлетъ, не выпуская изъ рукъ своихъ винтовокъ. Въ буфетѣ все выпито. Но откуда-то привезли еще водки и вина, и большая компанія кронштадтцевъ шумно пьетъ, поднимая тостъ за здоровье Ленина.

Кое-кто изъ нихъ, зѣвая, ворчитъ.

«Скоро ли, пора кончать. Надо разогнать этихъ буржуевъ».

«Терпѣніе, товарищи. Ждите распоряженій».

Внизу волненіе.

Матросъ Желѣзнякъ подходитъ къ В. Чернову и что-то ему говоритъ въ полъ-голоса.

Намъ не слышно. Но видимъ мы волненіе нашего предсѣдателя. Встаемъ съ мѣстъ. Залъ засѣданія наполняется матросами и солдатами. Шумъ. Гамъ.

Наконецъ, все кончено... Законопроекты всѣ приняты. И подъ ироническіе возгласы пьяныхъ матросовъ, мы — народные избранники — слитной единой массой покидаемъ Бѣлый Залъ.

Позади осталось пятое января. Неудовлетворенная вѣра въ силу нашей Правды. Впереди — долгіе годы борьбы, неуспѣшной во имя той же Правды.

На другой день повсемѣстно: въ раіонахъ, на заводахъ и въ казармахъ были митинги. Организовало ихъ большевистское правительство, большевистская партія. Митинги были многолюдны и единодушны. Выступали лишь большевики ораторы. Нигдѣ не было видно оппозиціи, не было видно депутатовъ большинства. Съ трудомъ мнѣ удалось говорить на Галерномъ островѣ, возражая Зиновьеву.

Меня слушали небрежно. Съ досадой. Вѣдь мы были побѣжденные.

Побѣдителей не судятъ.

Въ примитивномъ умѣ народа-толпы логика сказала:

«Никто не защищалъ Учредительнаго Собранія. Почти никто. Значитъ, правда не на ихъ сторонѣ».

Двери Таврическаго Дворца наглухо закрыты. И красногвардейцы желѣзнымъ кольцомъ охраняютъ всѣ подступы къ нему.

Мы споримъ. Обсуждаемъ, какимъ путемъ продолжить засѣданія, такъ дерзко прерванныя вооруженной рукой большевистскаго правительства.

Разные проекты... Неисполнимые, нереализуемые. Собраться въ Финляндіи. Собраться на Украинѣ. Въ Сибири...

Но все тѣснѣе и тѣснѣе сжималось кольцо сыска и охраны вокругъ дома на Болотной улицѣ. Безцеремонно приходили агенты, стояли группами на углахъ, на перекресткахъ сосѣднихъ улицъ.

Что же мы могли сдѣлать?

За нами стояла Невооруженная Правда, которой большевики противопоставили Вооруженную Ложь.

Да, на нашей сторонѣ была законность, великіе идеалы и вѣра въ торжество демократіи.

На ихъ сторонѣ была активность, пулеметы, ружья.

За ними стояла толпа.

Черезъ нѣсколько дней подхожу подъ вечеръ къ дому на Болотной. Вся улица полна любопытными. Высыпали изъ подъ воротъ, толпятся кучками у подъѣздовъ. Смѣются. Перекликаются.

«Въ чемъ дѣло?» — «Да, вишь, пришли большевики арестовывать депутатовъ».

И тонкой цѣпью, окруженные плотнымъ кольцомъ красныхъ солдатъ, идутъ мимо меня мои товарищи по фракціи, тѣ, кто собрались со всей Россіи рѣшать ея судьбы. Было снѣжно и сѣро и по будничному скучно.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Мой очеркъ посвященъ небольшому и весьма ограниченному тѣсными рамками короткому періоду, непосредственно предшествовавшему пятому января.

Но не только временемъ, но и темою своей, мой очеркъ касается небольшого, въ сущности говоря, вопроса — защиты Учредительнаго Собранія.

Въ этомъ вопросѣ, помимо чисто фактической стороны, которую я постарался изложить съ возможной точностью, помимо голыхъ фактовъ, есть сторона принципіальная громаднѣйшаго значенія и интереса. Ибо вопросъ, мною затронутый, тѣснѣйшимъ образомъ переплетенъ съ позиціей россійской демократіи, съ тѣмъ кризисомъ, или, быть можетъ, переломомъ, который переживаетъ за послѣднія десятилѣтія россійская революціонная интеллигенція и не только революціонная, но и радикально-либеральная.

Объ этомъ я лишенъ былъ возможности высказаться, при всемъ къ тому великомъ соблазнѣ изъ-за узкихъ предѣловъ мною намѣченной темы. Только нѣсколько штриховъ общихъ и неполныхъ я далъ по этой проблемѣ. Быть можетъ, въ другомъ мѣстѣ мнѣ удастся до конца развить мои положенія, выявивъ вполнѣ мою какъ біолога-эволюціониста точку зрѣнія на то состояніе, въ которомъ находится нынѣ русская интеллигенція.

Несомнѣнно цѣлый рядъ вопросовъ и недоумѣній будутъ вызваны моимъ настоящимъ однобокимъ очеркомъ. Это тѣ же вопросы, которые не разъ предлагались за послѣднее время не только хулителями и поносителями демократіи, но и многими изъ насъ, чья принадлежность къ революціонной демократіи не подлежитъ сомнѣнію. Гдѣ корни того обстоятельства, что россійская революціонная интеллигенція, столь активная и непримиримая въ своемъ прошломъ, проявляетъ съ того момента, какъ она прошла черезъ горнило государственной власти, повышенное миролюбіе, пониженную активность, переходящую временами въ рѣзко выраженную пассивность и, наконецъ, нерѣшительность? Вѣдь, всѣ эти качества демократіи, вѣрнѣе, качества ея руководителей выявились не только при защитѣ Учредительнаго Собранія, выявлялись неоднократно до и послѣ этого періода. Эта пассивность въ политикѣ, осужденная навѣки европейскими политиками въ лицѣ ея лучшихъ представителей, до сихъ поръ неотъемлемо связана съ психологіей русской демократіи. Повторяю, не только революціонной демократіей, но и той радикальной демократіей, которая

группируется нынѣ вокругъ Милюкова. Неумѣніе отрѣшиться отъ давно выработанныхъ формулировокъ, тяготѣніе къ отвлеченности и къ рѣшенію принципіальныхъ вопросовъ, — все это на фонѣ неизжитаго идеализма создало ту обстановку, о которой мнѣ пришлось говорить и которая такъ губительно отразилась на судьбахъ русской революціи и россійскаго государства. Но переживаемое лѣвымъ крыломъ демократіи есть не больше чѣмъ отголосокъ, чѣмъ далекое эхо обще-интеллигентскихъ настроеній.

Вѣдь мы плоть отъ плоти, дитя родное этой самой интеллигенціи. То же отсутствіе реализма, погоня за абсолютами и т. д. безъ конца. Тѣмъ болѣе нелѣпы и никчемны упреки, которые посылаются весьма многими и многими революціонной демократіи за то, что она не сумѣла справиться съ большевиками. Эти упреки надо распространить на всю россійскую интеллигенцію. Да и не въ упрекахъ дѣло. Это тоже изъ области политическаго недомыслія. Передъ нами другая задача — воспитать новое поколѣніе политиковъ, новое поколѣніе интеллигенціи, чуждое чертъ прошлаго, проникнутое здоровымъ, всеорганизующимъ реализмомъ. Будемъ вѣрить, что этотъ процессъ уже начался.

Въ Крыму

(1916–1918 г.)

Н. Кришевскаго

I.

Въ Севастополѣ въ концѣ 1916 года. Формированіе морской дивизіи. Полковникъ Верховскій, адмиралъ Колчакъ. Отъѣздъ въ Евпаторію.

Ноябрь 1916 г. засталъ меня въ Феодосіи, гдѣ я командовалъ охраной участка побережья отъ Судака почти до Керчи, имѣя двѣ роты ополченія, четыре орудія, два пограничныхъ отряда и конную команду.

Здѣсь былъ полный миръ и тишина, нарушаемая только рѣдкимъ появленіемъ «Гебена» или подводныхъ лодокъ и, прибывъ съ фронта по вызову въ дессантный корпусъ, я крайне томился на тихомъ побережьѣ, стремясь на фронтъ, гдѣ, — я былъ совершенно въ этомъ увѣренъ, къ началу года надо было ожидать поворота войны въ нашу пользу.

Раскинутыя на громадное разстояніе подчиненныя мнѣ части отнимали много времени на разъѣзды, но все же эта мирная дѣятельность въ то время, какъ на фронтѣ все кипѣло, меня угнетала, и я всячески хлопоталъ о полученіи назначенія на фронтъ.

Однажды, въ серединѣ ноября, я получилъ извѣщеніе, что въ Севастополѣ формируется Морская дивизія для дессантныхъ дѣйствій противъ Константинополя, съ предложеніемъ мнѣ вступить въ ряды дивизіи, на что я съ радостью выразилъ согласіе и, сдавъ отрядъ, черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Севастополь, родной мнѣ городъ, гдѣ, съ небольшими перерывами, я провелъ большую часть жизни.

По пріѣздѣ я поселился въ старой гостинницѣ Ветцеля, помнившей еще войну 1855 г., и сейчасъ же окунулся въ дѣла дивизіи. Оказалось, ея еще вовсе не было — формировался лишь въ Очаковѣ Морской полкъ, который предполагалось развернуть въ дивизію, но въ Севастополѣ даже не было извѣстно, гдѣ будетъ пунктъ формированія.

Однако, черезъ нѣсколько дней, прибылъ командиръ полка капитанъ I ранга Заботинъ, получилось извѣщеніе, что штаты утверждены, я былъ назначенъ и. д. начальника штаба дивизіи, а Заботинъ — вр. командующимъ, и дѣло формированія сдвинулось съ мертвой точки. Дивизію подчинили Ставкѣ и командующему флотомъ. Штаты были самые современные — на основаніи богатаго опыта войны,

командиры полковъ намѣчены исключительно георгіевскіе кавалеры, командиры баталіоновъ — штабъ-офицеры, имѣющіе не менѣе шести орденскихъ боевыхъ наградъ, ротные командиры — кадровые офицеры съ фронта, унтеръ-офицеры — кавалеры нѣсколькихъ Георгіевскихъ крестовъ, и, наконецъ, составъ солдатъ — исключительно изъ гвардіи и отборныхъ матросовъ. Вооруженіе, снаряженіе и пр. — все по послѣднимъ западно-европейскимъ образцамъ.

Такова была идея. Однако, фактически все это выразилось не такъ. Основнымъ кадромъ явился Морской полкъ, составленный изъ ополченцевъ (какъ ихъ называли «крестоносцевъ» или, чаще, «марафонцевъ» въ виду ихъ особеннаго стремленія бѣжать съ поля сраженія) и штрафованныхъ матросовъ, людей совершенно потерянныхъ. Какъ всегда, на требованіе лучшаго командиры частей и кораблей присылали такихъ людей, отъ которыхъ хотѣли отдѣлаться. Офицеры съ фронта прибыли, хотя и съ боевыми отличіями, но въ массѣ такіе отпѣтые алкоголики, что безудержные скандалы стали хроническимъ явленіемъ жизни въ Севастополѣ, а въ гостинницѣ Ветцеля, которая была реквизирована для офицеровъ дивизіи, еженощно раздавалась стрѣльба, битье оконъ, шумъ, пѣсни — словомъ, офицеры (конечно, не всѣ, но очень многіе) были, если и отборные, то главнымъ образомъ — пьяницы...

Капитанъ I ранга Заботинъ въ большинствѣ виталъ въ штабѣ Командующаго Флотомъ, въ Морскомъ Собраніи, на обѣдахъ, завтракахъ и пр. и мѣръ къ поднятію дисциплины не принималъ. Морскіе офицеры, не взирая на молодость и незначительные чины, командовавшіе батальонами, тоже главнымъ образомъ бывали въ Морскомъ Собраніи, и полкъ представлялъ изъ себя плохо одѣтую, распущенную массу ополченцевъ и матросовъ, не имѣвшихъ ни спайки, ни традицій, и уже перенявшихъ отъ моряковъ крайнее нерасположеніе къ офицерамъ.

Однако, такое состояніе полка продолжалось недолго. Въ концѣ декабря прибылъ начальникъ дивизіи, молодой генералъ Генеральнаго Штаба Свѣчинъ, блестящій и лихой офицеръ, георгіевскій кавалеръ, тяжело раненый во время командованія 6-ымъ Финляндскимъ стр. полкомъ. Молодой, подвижной, фанатически любящій военное дѣло, насколько помню — профессоръ Академіи Ген. Штаба, онъ живо подобралъ выпущенныя вожжи. Разбивъ, по моему плану, Морской полкъ на четыре полка и пополнивъ ихъ болѣе надежнымъ элементомъ, установивъ правильныя занятія съ солдатами и офицерами, генералъ Свѣчинъ, особенно послѣ пріѣзда командировъ полковъ, добился положительныхъ результатовъ, и стало видно, что изъ распущенныхъ бандъ людей, говорившихъ про себя — «ужъ какіе мы сражатели»... начинаютъ создаваться солдаты.

Въ концѣ января пріѣхалъ подполковникъ Ген. Штаба Верховскій, стяжавшій современемъ извѣстность, какъ военный министръ при Керенскомъ. Я сдалъ ему должность начальника штаба и былъ назначенъ командующимъ 7-ымъ Морскимъ полкомъ.

По пріѣздѣ, Верховскій не произвелъ ни на кого сколь нибудь яркаго впечатлѣнія: очень молодой, худощавый и подвижной, съ лицомъ семитическаго типа, въ очкахъ, фразеръ, любящій позу и крикливые эффекты, онъ не вызывалъ къ себѣ довѣрія, какъ офицеръ Генеральнаго Штаба, и не производилъ дѣлового впечатлѣнія. Прибывъ, проявилъ колоссальный интересъ къ своей будущей квартирѣ и очень хлопоталъ о возможно большихъ удобствахъ, заинтересовался формой, знаменами, разными мелочами, но на жизни дивизіи его пріѣздъ ничѣмъ не отразился, и по прежнему — вездѣ и во всемъ чувствовалась увѣренная рука генерала Свѣчина.

Въ Штабѣ дивизіи Верховскаго вовсе не было — онъ былъ, главнымъ образомъ, у Командующаго Флотомъ, адмирала Колчака, въ штабѣ крѣпости у адмирала Веселкина (которому тоже съ какой то стороны подчинялась дивизія), въ Морскомъ Собраніи и вообще вездѣ, но не въ полкахъ и не въ своемъ штабѣ.

Въ Севастополь Верховскій пріѣхалъ изъ Ставки. Георгіевскій кавалеръ, молодой, любящій бросать фразу или огорошить кого либо небрежно брошеннымъ вопросомъ, онъ импонировалъ молодежи и пожилымъ дамамъ, оставляя неопредѣленное впечатлѣніе у людей болѣе вдумчивыхъ, выражалъ достаточную вѣрноподданность и ничѣмъ замѣтно не проявлялъ своихъ будущихъ революціонныхъ настроеній.

Въ общемъ, офицеры вынесли впечатлѣніе о Верховскомъ, какъ о болтунѣ, умѣющемъ ловко и подчасъ красиво сказать рѣчь съ эффектно брошенной парой фразъ, проявлять оживленную дѣятельность въ области личныхъ и почтительныхъ бесѣдъ со всевозможными высшими начальниками, но въ дѣловомъ отношеніи было ясно, что дивизія вовсе не имѣетъ начальника штаба. Къ тому же, въ штабѣ дивизіи его никогда почти и не было.

У адмирала Колчака, гдѣ часто приходилось бывать по дѣламъ службы на «Георгіи», отношеніе къ дивизіи было самое благожелательное. Въ то время Черноморскій флотъ, пополненный дредноутомъ и въ ожиданіи слѣдующаго, который заканчивался въ Николаевѣ, представлялъ для Чернаго моря уже грозную силу, и «Гебенъ» былъ загнанъ въ Константинополь, а подводныя лодки дальняго плаванія постоянно сторожили его выходъ у Босфора. Мечты адмирала были — Константинополь...

Я помню, какъ-то, еще до пріѣзда Верховскаго, мнѣ пришлось быть на «Георгіи» у начальника штаба, когда въ его каюту вошелъ адмиралъ Колчакъ.

Высокій, бритый, съ энглизированнымъ лицомъ, съ пронизывающимъ взглядомъ, адмиралъ былъ такъ далекъ отъ тихаго старичка адмирала Эбергарда, который до него командовалъ флотомъ, такой энергіей и волей вѣяло отъ его суроваго лица, что невольно вѣрилось его словамъ и надеждамъ.

— Первый полкъ мы назовемъ — Царьградскій, сказалъ адмиралъ, слегка грасируя, второй — Нахимовскій, третій — Корниловскій, четвертый — Истоминскій. Первый полкъ — наша идея, а славныя имена дадутъ дивизіи былыя севастопольскія традиціи... Морскіе знаменные флаги будутъ вашими знаменами. Мы создадимъ настоящую морскую пѣхоту, лихую и знающую дессантное дѣло.

— Лишь бы скорѣе шло формированіе, замѣтилъ я.

— Да, этотъ вопросъ скоро получитъ окончательное разрѣшеніе: по согласію Ставки скоро прибудутъ въ дивизію пятнадцать тысячъ гвардейцевъ, также японскія ружья, пулеметы, бомбометы и траншейныя орудія. Боевое крещеніе я думаю дать сначала на флангѣ кавказской арміи, гдѣ огнемъ судовъ мы приготовимъ плацдармъ, а затѣмъ... — наша дивизія соединится съ Балтійской, образуется морской дессантный корпусъ, и онъ откроетъ ворота Константинополя...

Адмиралъ работалъ невѣроятно много: то проводилъ время сутками въ штабѣ, не выходя съ «Георгія», то садился на миноносецъ, подымалъ сигналъ «слѣдовать за адмираломъ» и велъ эскадру въ поиски за «Гебеномъ», то производилъ детальный и всегда внезапный смотръ какого нибудь изъ кораблей, или появлялся въ госпиталѣ, на батареяхъ, всегда неожиданно, но всегда — продуктивно.

Офицеры и матросы подтянулись, въ мертвое до того времени тѣло флота вошла душа съ крѣпкой волей, появился хозяинъ, котораго уже уважали, боялись и любили — всѣ свойства, необходимыя вождю...

Въ первыхъ числахъ февраля я оставилъ Севастополь и съ 7-ымъ морскимъ полкомъ отправился въ Евпаторію, гдѣ полкъ удобно расположился въ мучныхъ сараяхъ, передѣланныхъ по моему требованію Городскимъ управленіемъ въ казармы.

Нашъ эшелонъ долго тянулся по жел. дорогѣ, и въ пути я опредѣленно замѣтилъ, что дисциплина сильно пошатнулась: въ вагонахъ былъ безпорядокъ, солдаты крайне непочтительно относились къ офицерамъ, и внѣшняя дисциплина почти вовсе отсутствовала. На замѣчанія иногда возражали, или смотрѣли злобно и раздраженно, а послѣ всегда доносился ропотъ. Обращеніе съ лошадьми, съ оружіемъ, съ казеннымъ имуществомъ было изъ рукъ вонъ плохое. Все это особенно бросалось въ глаза въ походѣ, когда всегда дисциплина слабѣетъ, во время же занятій и въ повседневной жизни эти нарушенія не были такъ ярки и замѣтны.

Въ Евпаторіи насъ встрѣтилъ проливной дождь и дорога отъ города до вокзала превратилась въ глинистое болото. Надо было идти довольно далеко, а настроеніе солдатъ было подавленное и озлобленное. Тогда я приказалъ музыкантамъ играть и самъ, ставъ во главѣ полка и имѣя въ строю офицеровъ, повелъ полкъ по колѣно въ грязи и подъ непрестанный дождь. Впослѣдствіи это обстоятельство было поставлено солдатами мнѣ въ вину.

По дорогѣ пришлось нѣсколько разъ останавливаться, такъ какъ полкъ растягивался, и съ большимъ трудомъ удалось сохранить внѣшній порядокъ и стройно, хотя и въ грязи до пояса, пройти по городскимъ улицамъ.

Здѣсь, въ Евпаторіи, полкъ долженъ былъ пополниться и отсюда дѣлать набѣги на фланги враждебныхъ армій на Кавказѣ и въ Румыніи, въ то время какъ городъ являлся базой, гдѣ мы должны были пополняться, залѣчивать раны, а потому предполагалось оставаться въ Евпаторіи до взятія Константинополя.

II.

Евпаторія. Настроеніе, слухи. Приходъ гвардейскаго пополненія. Отреченіе Императора. Начало Революціи.

Евпаторія, такая скучная зимой, была довольна приходомъ полка. Купцы надѣялись на бойкую торговлю, дамы думали повеселиться. Городъ сразу оживился, вездѣ появились солдаты съ якоремъ на погонахъ и на рукавѣ, офицеры прибывали группами, и маленькая Евпаторія стала похожа на военный лагерь.

Закипѣла и служба, усиленно начались занятія – ждали прихода гвардейскаго пополненія.

Наружно было тихо. Однако, по городу, сначала подъ огромнымъ секретомъ, а позже уже довольно открыто, стали ползти слухи о готовящемся дворцовомъ переворотѣ, результатомъ чего должно быть воцареніе В. К. Михаила.

Всѣ, пріѣзжающіе изъ Петрограда и изъ арміи, подтверждали, разсказывали, что переворотъ неизбѣженъ, говорили о тяжеломъ настроеніи въ Петроградѣ, о нежеланіи Государя пойти на встрѣчу обществу, о совершенно невозможномъ составѣ правительства, о паденіи дисциплины, массовомъ дезертирствѣ и сдачѣ въ плѣнъ солдатъ, о работѣ лѣвыхъ партій – словомъ, о всемъ томъ, что такъ страшно въ разгаръ войны, въ особенности въ моментъ, когда надо было ожидать перелома въ нашу пользу...

Что думала солдатская масса – трудно сказать. Наружная дисциплина, благодаря принятымъ мною мѣрамъ, была вполнѣ достаточная, полкъ все больше,

сталъ напоминать регулярную часть, солдаты охотно выходили на занятія и, насколько было видно, политическія событія ихъ мало интересовали. Какъ всегда, ихъ интересовалъ лишь одинъ вопросъ — о мирѣ.

Офицеры также ничѣмъ не реагировали на слухи. Нѣкоторые возмущались составомъ правительства, нѣкоторые полагали необходимымъ, чтобы Государь шелъ на уступки, но мысль не фиксировалась на политикѣ, никто не допускалъ и мысли о возможности революціи, а въ полку шла большая работа по организаціи хорошей части, офицеры были заняты цѣлый день, и имъ было не до рѣшенія политическихъ проблемъ.

Пріѣхалъ командиръ полка, полковникъ Патрикѣевъ, мой старый товарищъ, назначенный Высочайшимъ приказомъ, и я, сдавъ полкъ, принялъ баталіонъ. Черезъ нѣсколько дней прибыло и гвардейское пополненіе.

Въ этотъ день я командовалъ полкомъ, построеннымъ на огромномъ полѣ за городомъ, у казармъ. Было холодновато, но ярко свѣтило солнце и синѣло крымское небо, создавая погожій день. Полкъ вытянулся длинной сѣрой лентой и замеръ. Грянула музыка...

Изъ городской улицы, безконечной сѣрой змѣей, сверкая алыми погонами и петлицами, выливались на площадь стройные ряды ротъ изъ полковъ первой гвардейской дивизіи... Вотъ показались преображенцы, за ними — семеновцы, измайловцы... Полкъ дрогнулъ, сверкнули широкія лезвія штыковъ японскихъ винтовокъ, оркестръ, нѣжно вибрируя, заигралъ встрѣчу... Рѣчь, поздравленіе съ прибытіемъ... оркестръ играетъ «Боже Царя храни», а полкъ и прибывшіе гвардейцы долго и громко кричатъ «ура»... Все, какъ всегда... Четко поворачиваются, мѣрно отбиваютъ шагъ, лихо останавливаются и громко рявкаютъ: «постараемся ваше высоко-родіе», «покорно благодаримъ»...

А день былъ 24 февраля и никто изъ офицеровъ не думалъ о близости смерти Русской Арміи...

Гвардейцевъ сейчасъ же влили въ батальоны, сохранивъ по полкамъ, о чемъ они просили, разбили поротно, и скоро, съ лихой пѣсней, роты направились по казармамъ.

А съ утра начались занятія и они показали, что прибывшее пополненіе, хотя и гвардейское, было изъ рукъ вонъ плохо. Въ массѣ люди были отъ 35 до 43 лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ русскій крестьянинъ уже старъ для активнаго бойца. Огромное большинство были больные, особенно ревматизмомъ и, производя въ массѣ впечатлѣніе хорошей части, благодаря росту и хорошо пригнанной новой одеждѣ, каждый въ отдѣльности былъ обыкновенный «дядя» — ополченецъ, годный лишь для окарауливанія складовъ. Вялые, неповоротливые, съ равнодушными глазами и болѣзненные, прибывшіе солдаты еще разъ подтвердили общее русское правило, что, по приказанію давать хорошее, сплавляется самое негодное.

Занятія съ ними надо было производить осторожно, часто давая отдыхъ, всячески разнообразя, внося элементъ шутки, разговоровъ о семьяхъ, о домѣ, но и то было ясно, что только страхъ отвѣтственности заставляетъ этихъ большихъ мужиковъ нехотя и съ кряхтѣніемъ разсыпаться въ цѣпь, наступать или прицѣливаться въ мишень.

Мелкія нарушенія дисциплины въ строю были постоянны, и всегда, съ самыми унылыми лицами, гдѣ-нибудь торчали поставленные «подъ ружье». Никакого желанія воевать, никакого «боевого задора» не было въ этихъ равнодушныхъ голубыхъ, карихъ и сѣрыхъ глазахъ, ихъ сердца не горѣли «священной ненавистью» къ врагу и всѣ ихъ мысли, всѣ ихъ стремленія были только исключительно — миръ.

И только нѣсколько сѣрыхъ заслуженныхъ фельдфебелей, у которыхъ вся грудь была завѣшена крестами и медалями и сверкала цѣпь часовъ — Царскаго подарка, да нѣсколько десятковъ унтеръ-офицеровъ были тѣ славные, отличные русскіе солдаты, что до сихъ поръ дали великое прошлое Россіи.

Прошло дня два и выяснилось, что солдаты гвардейскихъ запасныхъ частей присланы къ намъ обманомъ. Оказывается, никто не выражалъ охоты идти на фронтъ, а такъ какъ запасные полки уже были сильно тронуты пропагандой, то для того, чтобы пополнить Морскую дивизію, употребили преступный трюкъ, увѣривъ, что для охраны Крымскаго побережья нужны солдаты служить въ мирной обстановкѣ, въ Крыму, у моря, среди чудной природы и климата, гдѣ можно отдохнуть и даже лѣчить ревматизмъ. Тогда нужные намъ пятнадцать тысячъ человѣкъ появились очень быстро и начальство запасныхъ частей, не зная, какъ сплавить особо безпокойный и никуда негодный элементъ, съ радостью отправило эшелоны для пополненія самой боевой въ будущемъ, ударной — «десантной дивизіи»...

Черезъ два дня для каждаго прибывшаго было ясно, куда онъ попалъ, и солдаты пришли въ ужасъ, просто въ отчаяніе. Къ командирамъ потекли толпы «дядей», которые и плакали, и на колѣни бухались, увѣряя въ своей непригодности для моря, для боя, разсказывая, какъ ихъ обманули, и умоляя о переводѣ въ ополченіе.

Начались побѣги и не одиночные, а — пачками, перерывы въ занятіяхъ протекали все въ тѣхъ же разговорахъ о невозможности для нихъ служить въ десантныхъ частяхъ. Все это ныло, скулило, жаловалось и наводило тоску на старыхъ боевыхъ офицеровъ, которые ясно сознавали, что съ такимъ элементомъ не возьмешь и плацдармъ, очищенный отъ неріятеля огнемъ 12-тидюймовыхъ пушекъ дредноута.

А въ это время по прежнему ползли слухи, липкіе и страшные, какъ ядовитые газы. Опять все кружилось около предполагаемаго дворцоваго переворота, сепаратнаго мира, сплетенъ о дворцовыхъ порядкахъ, о Государынѣ... Особенно эти слухи расширились послѣ прихода пополненія, въ составѣ котораго было порядочно интеллигентовъ, рабочихъ и лицъ, тронутыхъ пропагандой.

Ходили какіе-то темные слухи о землѣ, иногда солдаты задавали вопросы, въ основѣ которыхъ виднѣлась работа соціалистовъ-революціонеровъ, а въ солдатской средѣ уже открыто говорили о скоромъ «замиреніи», о какой-то таинственной силѣ, которая подѣлитъ землю, потому что она «Божья», и мечтали тупо, упрямо и тяжело, но упорно объ этомъ счастливомъ времени.

Старые гвардейцы фельдфебеля, видавшіе эту войну, а кто и японскую, характеризовали настроеніе въ докладахъ:

— Такъ что — неспокойно...

А время шло и неизбѣжное придвигалось. Мы стали получать секретныя телеграммы о безпорядкахъ въ Петроградѣ, но всѣ эти телеграммы носили оптимистическій характеръ и особенной тревоги не возбуждали. По прежнему шли занятія и только замѣчалось все больше нерадивости. Наконецъ, телеграммы начали носить паническій характеръ и числа 1 или 2 марта всѣ сомнѣнія были разбиты: случайная уличная толпа, запасные полки и матросы — побѣдили. Революція стала фактомъ...

Однако, полученная нами телеграмма указывала, что на престолъ вступилъ В. К. Михаилъ, о чемъ предлагалось разъяснить солдатамъ.

Я пошелъ къ своей части. Баталіонъ былъ построенъ во дворѣ и, взобравшись на что-то, я изложилъ баталіону событія. Я разсказалъ, какъ работалъ Государь, какое невѣроятное напряженіе силъ долженъ былъ онъ проявлять, управляя страной, такъ много пережившей за его царствованіе, и что теперь онъ усталъ, онъ не можетъ уже нести свой крестъ и тяжесть правленія передаетъ брату.

Я призывалъ солдатъ помнить своего Государя, какъ человѣка высшей доброты, безмѣрно любившаго Россію, перваго — поднявшаго походъ противъ войны, и пожелать силъ и здоровья новому Монарху...

Волнуясь, я излагалъ все это солдатамъ въ понятной для нихъ формѣ, но уже тогда не вѣрилъ, чтобы все было такъ благополучно, разъ уже пролита кровь въ Петроградѣ и Кронштадтѣ, разъ войска вмѣшались въ политику и дѣлаютъ переворотъ, да къ тому же и не войска даже, которыхъ дисциплина могла бы заставить вернуться къ своимъ обязанностямъ, а лишь вооруженные крестьяне, не успѣвшіе еще стать солдатами.

Жидкое «ура» было отвѣтомъ на мои слова, въ которыя, какъ мнѣ казалось, я вложилъ всю силу убѣжденія. Лица «слугъ Царя и Отечества» были равнодушны и спокойны, видно было, что имъ «чи Николай, чи Михаилъ — все едино».

Тогда не знали какъ считать этотъ день — праздникомъ, или тяжелыми буднями, но рѣшили не производить занятій, и роты разошлись.

А городъ шумѣлъ, какъ улей. Уже неслись сенсаціонные слухи, что въ Петроградѣ республика, что въ Севастополѣ убиты адмиралы Колчакъ и Веселкинъ и сотни офицеровъ, что вездѣ бунтъ, что Государя заставили отречься и что отрекся и Михаилъ...

Уже среди рабочихъ избирался совѣтъ депутатовъ и туда же попалъ офицеръ моего полка, бывшій у меня завѣдывающимъ хозяйствомъ, храбрый офицеръ, много разъ раненый, но оказавшійся демагогомъ и спѣшившій скорѣе воспользоваться революціей и выбраться наверхъ.

А утро слѣдующаго дня принесло намъ новое извѣщеніе — Михаилъ отрекся, въ Россіи — Временное Правительство и видимо — родъ республики съ негласнымъ, но страшнымъ революціоннымъ правительствомъ — Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ...

Опять были выстроены баталіоны и вновь надо было говорить, но уже не то, что говорилось вчера... И теперь, живымъ интересомъ горѣли глаза, многіе нарушали строй, стараясь не произносить ни звука, жадно ловя каждое слово, особенно когда услышали, что теперь самъ народъ, въ лицѣ Временнаго Правительства, взялъ въ руки власть до созыва Учредительнаго Собранія, которое справедливо опредѣлитъ, какъ жить Россіи. И когда теперь я провозгласилъ «ура» за Временное Правительство, то раздался такой потрясающій ревъ, такъ мощно понесся этотъ крикъ, что одного такого «ура» было довольно, чтобъ взять позицію ... Солдаты въ восторгѣ бросились меня качать, потомъ — другихъ офицеровъ, началось какое то бѣснованіе радости, многіе цѣловались и нѣкоторые плакали.

А послѣ, изъ толпы выходили отдѣльные солдаты и задавали вопросы. И эти вопросы, и ихъ тонъ, и тотъ живой интересъ, что проявляла къ нимъ солдатская масса, ясно указывали на какую то упорную длительную работу, которую кто-то настойчиво выполнялъ надъ этими темными, сѣрыми, не привыкшими мыслить мозгами.

Однако, видя эти оживленныя, можно сказать — одухотворенныя лица, слыша вопросы, такіе логическіе подчасъ, чувствуя колоссальное довѣріе среди этой

массы къ Временному Правительству, слыша отъ солдатъ, что теперь народъ самъ поведетъ войну и закончитъ ее лишь послѣ побѣды, мы — офицеры тоже почувствовали этотъ подъемъ, мы — убѣжденные и вѣрные въ то время монархисты, нѣжно любившіе и обожавшіе кроткаго и ласковаго Государя, боготворившіе его, какъ идею Россійской власти, какъ высшее и святое, что есть на землѣ — мы также подчинились моменту, насъ также захватила вѣра въ народъ, великій русскій народъ — богоносецъ, такой своеобразный, оригинальный, темный, даже дикій, но, казалось намъ, — справедливый...

И думая, что все это временно, что монархія не умретъ, ибо это понятіе не фиксировалось въ нашихъ головахъ, въ нашемъ умѣ, никогда не относившемся критически къ Государю и къ идеѣ монархической власти, всегда далекіе отъ рѣшенія политическихъ вопросовъ, думая, что воля возставшаго народа смететъ всѣхъ враговъ Россіи, хотя бы всю Европу, — мы въ этотъ моментъ искренно переживали вѣру въ народъ и Вр. Правительство...

III.

Революція въ Евпаторіи. Бѣгство.

Спустя часъ я велъ полкъ на парадъ. Мягко звучали трубы, играя гвардейскій маршъ, сверкала щетина широкихъ и блестящихъ японскихъ штыковъ, высоко несли винтовки солдаты, крѣпко прижимая локоть къ тѣлу, «печатая» всей ступней и стремясь каждымъ своимъ движеніемъ показать «сознательность».

Въ полномъ порядкѣ, безконечной сѣрой лентой, полкъ молчаливо двигался къ площади. И этотъ полкъ, что вчера еще вызывалъ лишь восторгъ мальчишекъ и простое любопытство взрослыхъ, сегодня не былъ просто полкомъ, ибо это двигался полкъ революціонной арміи, это шелъ самъ народъ, самъ теперешній властитель Россіи, шелъ еще спокойный, мощный, загадочный и... страшный.

Сегодня, изъ каждаго окна неслись привѣтствія, кидали цвѣты и шелковыя красныя ленты. Толпы народа сплошной массой окружали полкъ, отдѣльные люди, часто и женщины, цѣловали офицеровъ и солдатъ, большинство — плакало, и эти слезы и крики, радость и восторгъ, и эта, такая неожиданная и острая любовь къ арміи, къ полку, все это трогало до слезъ, и я, весь засыпанный цвѣтами, которые толпа пристраивала, гдѣ могла, чувствовалъ, какъ пелена застилаетъ глаза, какъ сжимается горло и какъ трудно сохранить внѣшнее спокойствіе и какъ хочется самому что-то кричать, махать шапкой и обнять всѣхъ этихъ людей, такихъ милыхъ, такихъ близкихъ и дорогихъ, тѣхъ самыхъ грековъ, караимовъ, татаръ и другихъ скромныхъ и обыкновенно вялыхъ обывателей Евпаторіи, которые сегодня такъ ярко чувствуютъ радость, чувствуютъ счастье, любятъ насъ и составляютъ изъ себя часть этого великаго русскаго народа, который мы поведемъ къ славѣ и къ побѣдѣ...

Баталіоны построились, раздались рѣчи, опять пѣли трубы, кричали «ура», сверкали широкія лезвія штыковъ и отчетливо щетинился строй, взявъ «на караулъ», опять «ура», опять рѣчи...

«Свобода, равенство, братство» . . . и — «война до побѣды» . . . Опять мощное «ура», опять пелена застилаетъ глаза и не видишь клинка, когда отдаешь честь ликующей толпѣ ... Еще рѣчи, и съ музыкой, а потомъ съ лихими пѣснями полкъ пошелъ по казармамъ, неся на рукахъ офицеровъ. Многіе солдаты плакали и слезы струились по бородатымъ лицамъ, ревѣла въ восторгѣ толпа и всѣ казались

братьями — и солдатъ Еремеенко, что вчера нагрубилъ взводному, и жуликоватый артельщикъ, и несимпатичный батальонный писарь, и суховатый капитанъ, и слишкомъ штатскій прапорщикъ, и толстый караимъ, и вкрадчивый грекъ, и эти толстыя, отъѣвшіяся гречанки въ брилліантахъ, и всѣ тѣ, кто вчера еще былъ противнымъ «тыломъ», а сегодня сталъ почему-то такъ близокъ сердцу. Но все это счастье продолжалось лишь нѣсколько часовъ...

А дома, въ штабѣ, насъ ждала телеграмма, а въ ней — приказъ № 1-й... Мы, нѣсколько старшихъ офицеровъ, заперевъ двери, съ ужасомъ вслушивались въ слова приказа, сознавая, что приказъ — гибель арміи, проигрышъ войны и гибель Россіи.

— Что дѣлать? спросилъ командиръ полка, маленькій полковникъ Патрикѣевъ, георгіевскій кавалеръ, — вѣдь нельзя же объявлять его!..

— Конечно, нельзя, заговорили офицеры, — вѣдь онъ только для Петроградскаго гарнизона — «завоеваніе революціи». Если объявить, все дѣло, что налаживалось — пропадетъ... раздались возмущенные голоса.

— Да, но сказано — «объявить», волновался командиръ полка. — И телеграфисты уже знаютъ... А все же я подожду, и вы, господа, пока не говорите.

Офицеры направились въ столовую. Здѣсь, за товарищеской бесѣдой, впервые раздались голоса сомнѣвающихся, но я почему-то былъ совершенно увѣренъ въ солдатахъ, я помнилъ ихъ восторженныя лица, ихъ слезы... Я имъ повѣрилъ.

— Я не боюсь, господа, сказалъ я, — убѣжденъ въ баталіонѣ, да и въ полкѣ, которымъ я командовалъ нѣсколько дней назадъ. Я знаю, что меня считали строгимъ, но я всегда стремился быть справедливымъ и думаю — это поняли солдаты. Если не будетъ пропаганды — нашъ полкъ уцѣлѣетъ.

Мнѣ возражали болѣе старые, болѣе опытные, быть можетъ, но увѣренность моя не пошатнулась, и я пошелъ домой подѣлиться съ семьей впечатлѣніями дня.

По городу ходило безконечное количество патрулей; мы направили ихъ въ городъ по просьбѣ чего-то боявшихся жителей и чтобы занять солдатъ. Владѣльцы банковъ, большихъ магазиновъ и складовъ просили о назначеніи къ нимъ карауловъ и предложили большую сумму на вознагражденіе солдатъ, почему тѣ охотно направились въ такіе караулы, щеголяя выправкой и дисциплинированностью.

Вездѣ кишѣли солдаты въ ватныхъ стеганыхъ курткахъ и такихъ же штанахъ, по четыре или пять человѣкъ въ патруляхъ. Поминутно раздавалось — «смирно» — отдавали честь, тщательно выполняя всѣ уставныя требованія, очевидно — щеголяя своей сознательностью.

Я вышелъ въ переулокъ и увидѣлъ двухъ солдатъ въ совершенно разстегнутыхъ мундирахъ, съ фуражками на затылкѣ, и, видимо, выпившихъ. Они шли, обнявшись, горланили пѣсню и очевидно направлялись на главную улицу.

Это поразило меня. Какъ разъ, незадолго передъ тѣмъ, я говорилъ съ солдатами и они обѣщали полный порядокъ. Я подошелъ и остановилъ эту пару.

— Куда вы идете? Развѣ возможно въ такомъ видѣ — стыдитесь, вѣдь вы понимающіе люди, понимаете, что такимъ поведеніемъ роняете честь полка!

Солдаты остановились, но не поправили ни мундировъ ни фуражки и стояли, раздвинувъ ноги.

— А въ городъ хотимъ, отвѣтилъ одинъ наглымъ тономъ, — что мы хуже другихъ, позапирали насъ какъ въ тюрьму...

Я узналъ его — этотъ солдатъ былъ раньше взводнымъ командиромъ, и я разжаловалъ его въ рядовые за большую провинность, за что слѣдовало предать суду.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной? Поправься и встань, какъ полагается солдату, крикнулъ я.

Солдаты застегнули мундиры, поправили фуражки и нехотя и лѣниво приняли нѣсколько болѣе приличный видъ.

— Въ городъ можно, но только въ полномъ порядкѣ. Вѣдь что подумаютъ жители?..

— А намъ плевать, что подумаютъ. Мы же — ничего, никого не трогаемъ... теперь свобода...

Въ это время меня уже окружила толпа солдатъ, человѣкъ въ 60, и я оказался въ кольцѣ. Повернувшись, я увидѣлъ патруль и приказалъ арестовать двухъ нахаловъ, а затѣмъ сталъ выбираться изъ толпы, гдѣ дорогу давали медленно и неохотно, и со всѣхъ сторонъ сбѣгались другіе солдаты.

— Ишь ты какой, какая цаца! Нельзя солдату и погулять, услышалъ я за спиной.

— Да, прошелъ ихъ праздникъ, ужъ не будутъ разжаловать...

— Самихъ поразжалуемъ... донеслось до меня.

— Пусть не думаетъ, что забыли, какъ велъ полкъ по грязи... тоже — герой!..

Не прибавляя шагу, я медленно удалялся отъ толпы, съ ужасомъ сознавая, что мои болѣе старые товарищи были правы — звѣрь выпущенъ изъ клѣтки, онъ еще сытъ, но уже выпускаетъ когти...

— Носи, носи фуражечку на бекрень, скоро тебѣ голову сорвемъ, какъ ты намъ погоны... Фуражечку не надѣнешь...

Это меня взорвало, я повернулся и быстро пошелъ къ толпѣ, но солдаты бросились бѣгомъ въ переулокъ и, когда я пошелъ дальше, то услышалъ улюлюканье и свистъ.

Грустный я пришелъ домой, гдѣ плакала жена о гибели Россіи, боясь будущаго, не вѣря солдатамъ и матросамъ. Я уже не сталъ дѣлиться радостями дня и самъ былъ нѣсколько озадаченъ.

Вскорѣ кто-то пришелъ, и мы пошли гулять. На берегу было оживленно: только что изъ Севастополя пришло небольшое судно, видимо, бывшій буксиръ. Съ него сошла толпа матросовъ человѣкъ въ сто, съ красными флагами. Ихъ, сплошной стѣной, окружили содлаты, кто-то выкрикивалъ рѣчь, неслось «ура», затѣмъ матросы смѣшались съ толпой и растеклись по набережной.

Матросы, нарядные и чистые, съ лихо заломленными фуражками, на которыхъ ласкали глазъ георгіевскія ленты, щеголяли отданіемъ чести и не вѣрилось, что это тѣ же черноморскіе матросы, которыхъ всегда приходилось «подтягивать», всегда дѣлать имъ замѣчанія за явныя нарушенія дисциплины.

— Нѣтъ, я не ошибся въ народѣ, подумалъ я. — Вѣдь, если матросы, которыхъ всегда боялись — таковы, то и армія будетъ такой же, а отдѣльные испорченные люди есть вездѣ...

Отъ матросовъ узнали, что въ Севастополѣ полный порядокъ, никакихъ убійствъ и насилій не было и только — общее ликованіе.

— Мы — не кронштадтцы, горделиво сказалъ мнѣ красивый, стройный матросъ. — У насъ большинство сознательные — соціалисты-революціонеры...

И долго толпа, а съ нею и мы, гуляли по залитой электричествомъ набережной и толпа была серьезная, важная и радостная...

Утромъ я пришелъ въ полкъ задолго до начала занятій — меня спѣшно вызвали. Въ столовой были почти всѣ офицеры, когда вошелъ блѣдный и взволнованный полковникъ Патрикѣевъ, съ бумагой въ рукѣ.

— Господа, волнуясь, началъ онъ. — Я получилъ заявленіе отъ солдатъ, что мною полученъ приказъ о «свободахъ» и что я скрываю его. Полкъ построился съ оружіемъ въ рукахъ и требуетъ, чтобы сейчасъ же явились всѣ офицеры, а я — огласилъ приказъ. Этотъ приказъ я прочелъ вчера старшимъ офицерамъ. Поручикъ, прочтите приказъ!..

Адъютантъ прочелъ приказъ № 1 и сразу всѣмъ стало ясно, что случилось что-то непоправимое, сразу забылись всѣ надежды и радости вчерашняго дня, стало пусто на сердцѣ и понятно, что все для насъ дорогое — погибаетъ.

— А теперь, г. г. офицеры, — къ полку. Я приду съ баталіонными командирами, сказалъ командиръ.

Офицеры молчаливой и мрачной толпой вышли изъ столовой, а немного погодя вышли и мы.

Молча, подвигались мы по улицѣ, ведущей къ плацу, гдѣ построился полкъ, откуда доносилось какое-то жужжанье, выкрики и шумъ. Вотъ осталось не больше сотни шаговъ до поворота на площадь, какъ вдругъ навстрѣчу показался чиновникъ полка, котораго я, командуя полкомъ, назначилъ на должность и хлопоталъ о производствѣ.

— Бога ради, остановитесь! обратился онъ ко мнѣ взволнованно. — Вамъ нельзя идти... Весь третій батальонъ пьянъ, они возбуждены двумя солдатами, которыхъ вы разжаловали... Полкъ сейчасъ будетъ требовать вашего ареста, а третій баталіонъ поклялся васъ разстрѣлять тутъ же... Долго спорили съ вашимъ баталіономъ, онъ за васъ, да и первый тоже, но ихъ убѣдили, что вы особенно за Царя, такъ какъ у васъ вензель былъ на погонахъ... Убьютъ васъ непремѣнно... проговорилъ чиновникъ, еле переводя духъ.

— Идите, идите, Н. Н., сказалъ полковникъ Патрикѣевъ, — идите домой, берите семью, прячьте куда-нибудь да и сами прячьтесь, я вамъ даю отпускъ на недѣлю, а тутъ я выкручусь...

Я было сопротивлялся, но командиръ полка приказалъ категорически, мы разстались и я пошелъ домой.

По дорогѣ меня встрѣтилъ мой денщикъ, служившій у меня семь лѣтъ и видимо искренно ко мнѣ привязанный.

— Ваше Выс-діе, скорѣе домой идите! полкъ васъ убить надумалъ, проговорилъ онъ — я васъ всюду ищу, Бога ради скорѣе... торопилъ меня милый Поликарпъ, не отличавшійся большимъ мужествомъ.

— Да за что же, Поликарпъ! Что я имъ сдѣлалъ? невольно вырвалось у меня.

— Это все баламутятъ тѣ два, что вы разжаловали, скорѣе, ваше выс—діе, чтобы поздно не было...

Отдавъ нѣкоторыя распоряженія по перевозкѣ семьи, такъ какъ я рѣшилъ оставить полкъ и ѣхать на фронтъ, полагая, что тамъ сохранился порядокъ, я пошелъ домой.

Здѣсь, объяснивъ вкратцѣ женѣ и сыну положеніе, я указалъ на необходимость сохранить спокойствіе, однако, жена совершенно растерялась и мнѣ стоило большого труда ее успокоить.

Мы вышли. Я прошелъ мимо солдатъ связи — три человѣка что дежурили въ прихожей, — пошутилъ съ ними, вывелъ подъ руку жену, полумертвую отъ страха, нанялъ извозчика, поколесилъ по городу, а затѣмъ пѣшкомъ дошелъ до пріятеля ротмистра Е., гдѣ и пріютили мою семью, а самъ съ ротмистромъ верхами уѣхали къ нему въ отрядъ, расположенный на побережьи, верстахъ въ 45 отъ Евпаторіи,

въ надеждѣ переждать дня два-три, а затѣмъ ѣхать въ Севастополь, хлопотать о командировкѣ на румынскій фронтъ.

Тяжело было бѣжать отъ своихъ солдатъ, которыхъ я любилъ и вчера еще крѣпко въ нихъ вѣрилъ, но пришлось покориться, такъ какъ пугала возможность насилія именно отъ руки этихъ солдатъ. Къ вечеру мы пріѣхали, переночевали, а утромъ меня стала мучить мысль, что я бросилъ полкъ, бросилъ семью, и я рѣшилъ вернуться. Какъ ни уговаривалъ меня Е., я стоялъ на своемъ, онъ далъ мнѣ лошадь до послѣдняго поста въ десяти верстахъ отъ города, откуда уже надо было идти пѣшкомъ, и, сердечно простившись съ отзывчивымъ ротмистромъ Е., я выѣхалъ обратно.

IV.

Возвращеніе въ Евпаторію. Солдатскій комитетъ. Отъѣздъ въ Севастополь. У генерала Свѣчина. Назначеніе въ Балаклаву.

Вечеромъ я вошелъ въ городъ и своимъ появленіемъ произвелъ панику въ патріархальной семьѣ ротмистра Е. Оказывается, солдаты были въ моей квартирѣ, искали меня, протыкали штыками корзины и, обѣщавъ всякія бѣды на мою голову, ушли. Семья Е—вича была такъ напугана, что не рѣшилась меня оставить и разными закоулками меня провели къ ихъ знакомому, гдѣ я и остановился.

Черезъ дня два я узналъ, что полкъ нѣсколько успокоился и многіе солдаты жалѣютъ, что меня нѣтъ. Въ тотъ же день полкъ направлялся къ собору присягать Вр. Правительству. Тогда и я, надѣвъ шашку и револьверъ, прошелъ къ собору, вблизи котораго расположился полкъ, но въ немъ уже не было стройныхъ рядовъ, кое-гдѣ колыхались красные флажки и вообще — вся физіономія полка рѣзко измѣнилась.

Меня увидѣли и спустя нѣкоторое время ко мнѣ подошелъ полковой комитетъ — нѣсколько солдатъ полуинтеллигентовъ, которые два дня назадъ были избраны полкомъ. Я пригласилъ ихъ къ себѣ въ гостиницу, бывшую рядомъ съ соборомъ, и солдаты, не ожидая приглашенія, усѣлись на диванѣ и стульяхъ.

Оказывается, комитетъ былъ уполномоченъ мнѣ передать, что солдаты, требовавшіе моей смерти, на другой день бѣжали изъ полка и что полкъ, гарантируя мнѣ полную безопасность, проситъ меня занять свое мѣсто.

На это я отвѣтилъ комитету, что не могу представить себѣ службу съ людьми, забывшими дисциплину, легко поддавшимися двумъ пьянымъ и порочнымъ людямъ, что я цѣню ихъ предложеніе, но завтра ѣду въ Севастополь просить назначенія на фронтъ, ибо вижу, что теперь въ полку уже ничего не выйдетъ.

Члены комитета отвѣтили, что понимаютъ меня, какъ офицера, и мы разошлись, кажется, довольные другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, я выѣхалъ въ Севастополь, направивъ семью въ Судакъ на южномъ берегу Крыма, къ старымъ знакомымъ.

Безъ приключеній я прибылъ въ Севастополь. По дорогѣ былъ еще достаточный порядокъ, хотя на вокзалѣ уже не видно было жандармовъ, а ходили какіе-то штатскіе съ ружьями, видимо — милиціонеры. Въ поѣздѣ, между прочимъ, я разговорился съ изящной молоденькой барышней, которая была въ восторгѣ отъ революціи.

— Что же особенно радуетъ васъ, спросилъ я ее. — Неужели вы не боитесь, что въ разгаръ войны такой экспериментъ опасенъ?

— Я счастлива тѣмъ, отвѣтила она, сверкая бѣлыми зубами и ликующимъ выраженіемъ глазъ, — тѣмъ, что сегодня свободно ѣду въ поѣздахъ и знаете куда? загадочно спросила она.

— Куда же?

— Ѣду въ Ялту, о которой я мечтала всю жизнь...

— Причемъ же здѣсь революція, что же мѣшало вамъ раньше? удивился я. — Вѣдь Ялта отъ васъ рукой подать.

Барышня посмотрѣла на меня долгимъ, немигающимъ взглядомъ, какъ-то вся потускнѣла и отвѣтила.

— Я — еврейка...

И тогда какъ-то сразу стало чего-то стыдно, сразу стало понятно, почему она не ѣхала раньше и почему она такъ счастлива теперь...

Выходя съ вокзала, я взялъ извозчика и поѣхалъ въ штабъ дивизіи. На улицахъ не было ничего особеннаго. Какъ всегда, вездѣ встрѣчались матросы, но большинство, однако, не отдавало честь, и только одиночные иногда лѣниво подымали руку къ фуражкѣ. Солдаты удивили меня тѣмъ, что многіе попадались безъ погонъ. На улицахъ не было городовыхъ — старыхъ знакомыхъ, которыхъ такъ привыкъ видѣть на этой дорогѣ и часто любоваться ихъ выправкой. Вмѣсто нихъ ходили съ винтовками какіе-то оборванцы и зеленая молодежь — гимназисты лѣтъ пятнадцати, реалисты и вообще очень молодые люди. Мальчики — гимназисты, видимо, тяготились огромными «берданками» и казалось, что юный милиціонеръ привязанъ къ страшной винтовкѣ, пожалуй, боится ея, но гордъ чрезвычайно. Словомъ, Севастопольская милиція первыхъ дней революціи производила комичное и не серьезное впечатлѣніе.

Скоро я вошелъ въ подъѣздъ штаба — бывшее собраніе 50-го Бѣлостокскаго пѣх. полка. Уже въ вестибюлѣ я былъ пораженъ той картиной, которую увидѣлъ: масса солдатъ 5-го полка въ разстегнутыхъ шинеляхъ и мундирахъ ходила, сидѣла и лежала на каменномъ полу. Никто не всталъ при моемъ приходѣ, вездѣ была грязь, кожура сѣмячекъ, какіе то объѣдки, окурки... Всѣ эти люди громко говорили, спорили, горланили, были растрепаны и грязны.

Черезъ нѣсколько минутъ меня принялъ ген. Свѣчинъ.

— Я уже знаю, въ чемъ дѣло, сказалъ онъ мнѣ. — Разскажите сами мнѣ подробнѣе, — быстро, какъ всегда, проговорилъ онъ.

Я подробно разсказалъ генералу о томъ, что произошло, въ какомъ видѣ я оставилъ полкъ, что увидѣлъ въ вестибюлѣ штаба и заключилъ просьбой разрѣшить мнѣ теперь же ѣхать на фронтъ.

— Я думаю, ваше п-во, что тамъ, въ боевыхъ условіяхъ, эта зараза не коснется, почему и прошу дать мнѣ возможность служить любимому дѣлу въ пріемлемыхъ условіяхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! замахалъ руками генералъ — и не думайте. Вы мнѣ нужны здѣсь, я васъ не отпущу и предполагаю на дняхъ дать вамъ полкъ. Повѣрьте мнѣ, что все это — психозъ. Пройдетъ недѣля, другая, мы возьмемъ ихъ въ руки... Болѣе слабые уйдутъ, но останутся твердые духомъ, а съ ними мы еще будемъ въ Константинополѣ... Я назначаю васъ въ 6-ой полкъ, примите баталіонъ, а черезъ недѣли двѣ, а, можетъ быть, скорѣе, освободится полкъ и вы его получите...

Въ это время вошелъ адъютантъ и доложилъ, что прибылъ дивизіонный комитетъ, и не успѣлъ онъ кончить своего доклада, какъ въ комнату вошло нѣсколько распущенныхъ солдатъ и, подойдя къ генералу, стали здороваться за руку...

Свѣчинъ поблѣднѣлъ — я видѣлъ, какъ дрогнули его губы, — но сдержался и, вставши у письменнаго стола, спросилъ, что нужно комитету, а солдаты уже разсѣлись въ самыхъ непринужденныхъ позахъ.

— Мы пришли къ вамъ, генералъ, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ — председатель, развязнымъ и наглымъ тономъ, — заявить вамъ рѣшеніе товарищей-солдатъ: дивизія категорически заявляетъ, что ни въ какіе дессанты не пойдетъ, на корабли не сядетъ, а согласны нести службу на побережьи Крыма . . .

— Что же это, бунтъ? спросилъ Свѣчинъ, нервно барабаня по столу пальцами.

— Нѣтъ, генералъ. Это логическое требованіе солдатъ, сознающихъ, что по болѣзни они не могутъ быть полезны въ бою . . .

— Хорошо, отвѣтилъ Свѣчинъ, — я передамъ вашу просьбу Командующему Флотомъ. Но лично я, тутъ голосъ его дрогнулъ и глаза блеснули — считаю такую просьбу — преступленіемъ . . . Можете идти, закончилъ онъ рѣзко.

Солдаты встали и гурьбой вышли, причемъ председатель хлопнулъ дверью и пробурчалъ подъ носъ: — Старорежимцы . . .

Свѣчинъ устало бросился въ кресло.

— Боюсь, какъ бы вы не оказались правы, сказалъ онъ. — Думалъ ли я дожить до такого позора!.. Вѣдь ихъ разстрѣлять надо!.. Нѣтъ, мы еще поборемся, мы добьемся, мы задавимъ бунтъ и все же создадимъ дивизію . . .

Я откланялся и полный всякихъ мрачныхъ предположеній вышелъ изъ кабинета. Верховскаго въ штабѣ не было, онъ пропалъ со дня революціи и всѣми мѣрами и всюду — «углублялъ» ее. Оказалось, что со дня переворота онъ сталъ «старымъ революціонеромъ», нашлось у него и революціонное прошлое.

Когда-то, будучи пажемъ выпускного класса, онъ былъ въ числѣ другихъ пажей во внутреннемъ дворцовомъ караулѣ. Кто-то изъ пажей (можетъ быть, Верховскій) положилъ на столъ въ кабинетѣ Государя записку: «Ваше Величество, введите конституцію». И всѣхъ ихъ уволили изъ корпуса и разослали вольноопредѣляющимися въ части. Верховскій попалъ въ Манчьжурію въ батарею, получилъ георгіевскій крестъ, былъ произведенъ въ прапорщики и въ подпоручики, затѣмъ вернулся въ Россію, кончилъ Академію и, ставъ вполнѣ нормально подполковникомъ Генеральнаго штаба, служилъ въ Ставкѣ Государя.

Теперь, среди аполитичнаго въ массѣ офицерства, онъ оказался «героемъ революціи», «пострадавшимъ» и уже взбирался на вершину революціонной волны.

Мнѣ сказали, что его часто можно видѣть на балконѣ Морского Собранія, откуда онъ говоритъ рѣчи.

Экипажъ въ Балаклаву, гдѣ стоялъ 6-ой полкъ, я могъ получить часа черезъ три, и поэтому я рѣшилъ пообѣдать у Ветцеля, а заодно послушать Верховскаго и, дѣйствительно, подойдя къ Морскому Собранію, я увидѣлъ толпу матросовъ и солдатъ, а на балконѣ, среди группы офицеровъ и штатскихъ, сильно жестикулируя, что-то выкрикивалъ Верховскій.

Я подошелъ ближе.

— Товарищи! говорилъ Верховскій. — Я офицеръ, но не взирая на это, я ненавижу царскій режимъ, который скинули рабочіе и солдаты Петрограда. Я былъ разжалованъ въ солдаты и горжусь этимъ . . . Этотъ крестъ — солдатскій крестъ, онъ добытъ мною на поляхъ Манчьжуріи, а въ эту войну изъ солдатъ я сталъ офицеромъ генер. штаба. Я революціонеръ! Я знаю народъ, вѣрю въ него, я за свободу, за свободную армію и флотъ . . .

Въ это время, съ большимъ краснымъ бантомъ на груди къ периламъ подошелъ адмиралъ Веселкинъ, вчерашняя гроза матросовъ Севастополя. Онъ тоже началъ что-то кричать про свободу...

Толпа орала «вѣрно», «правильно» и аплодировала каждому.

— Смотри-ка, Веселкинъ то съ бантомъ, сказалъ стоявшій около меня матросъ сосѣду. — Вчера на катерѣ пріѣхалъ къ намъ на миноносецъ, да почитай ведеръ десять водки привезъ, закуски, пива... кричитъ намъ: «Матросики, братцы, сукины сыны, люблю васъ, какъ дѣтей, пейте, потому — свобода!.. Ну и выпили... Хорошій адмиралъ, а какой собакой себя показывалъ до свободы...»

Я отошелъ и побрелъ къ Ветцелю, гдѣ еще витали тѣни Нахимова и Корнилова. Было пусто и больно на душѣ, чувствовалось, что хотя и нѣтъ въ Севастополѣ убійствъ, подобныхъ кронштадтскимъ, но есть что-то липкое, цѣпкое, ползущее, что-то нездоровое, не революціонный подъемъ и красота, а страхъ и заискиваніе передъ загадочной матросской и солдатской массой.

Уже вечерѣло, когда я на дребезжащемъ казенномъ экипажѣ выѣхалъ въ Балаклаву — милый городокъ, гдѣ такъ легко когда-то жилось, гдѣ водилась жирная кефаль и гдѣ распивали молодое вино изъ «Золотой балки»...

Проѣхали Куликово поле, гдѣ бродили растрепанные солдаты, «Дунькину бузню», куда заѣзжали, бывало, пить холодную и чистую бузу, кабачокъ на поворотѣ съ Ялтинскаго на Балаклавское шоссе, и быстро покатились по спуску къ Кадыковкѣ.

Вотъ и Балаклава, и я съ трудомъ нашелъ холодную комнату въ реквизированной гостинницѣ и скоро легъ спать подъ лихія пѣсни бродящихъ по тихимъ улицамъ солдатъ 6-го полка.

V.

Въ Балаклавѣ. Снова въ Севастополѣ. Отъѣздъ Свѣчина на фронтъ. Бѣгство солдатъ, отпуски. Войска и флотъ. Политическія партіи.

Утромъ слѣдующаго дня я явился командиру полка и получилъ назначеніе. Однако, командиръ полка, полковникъ Микоша, былъ мраченъ и видимо не довѣрялъ солдатамъ, изъ которыхъ уже около половины бѣжало изъ полка.

Спустя нѣкоторое время я подошелъ къ баталіону, построенному въ колоннѣ. Объяснивъ, что я назначенъ командиромъ баталіона, я обошелъ роты, опросилъ претензіи и вышелъ снова на середину баталіона.

Въ это время, изъ всѣхъ ротъ выбѣжали отдѣльные солдаты и окружили меня, а одинъ изъ нихъ заявилъ, что хотя баталіонъ противъ меня ничего не имѣетъ, но они довольны поручикомъ, который ими командуетъ, и не согласны на мое назначеніе. Все это было сказано угрожающимъ, безапелляціоннымъ тономъ.

Въ этотъ моментъ подошелъ командиръ полка и, видя, что я волнуюсь и возражаю, распустилъ баталіонъ и увелъ меня съ собой.

— Тутъ, батенька, Богъ знаетъ, что происходитъ, хочу бѣжать: солдатами верховодитъ этотъ поручикъ, что временно командуетъ баталіономъ и уже мѣтитъ на мое мѣсто. Дрянь страшная, однако, солдаты его слушаютъ. Плюньте вы на все это, да поѣзжайте къ Свѣчину и доложите, что 6-ой полкъ уже не существуетъ, есть просто разбойничья банда...

Подавленный, я вернулся домой и опять сталъ укладывать чемоданъ, готовясь въ новый путь, какъ Агасферъ — не находя отдыха. Пока мнѣ выслали повозку,

прошло нѣсколько часовъ, и вдругъ площадь наполнилась вооруженными солдатами, послышались крики — «въ бухту ихъ, проклятыхъ», «чего глядѣть, всѣхъ поубивать», «довольно крови нашей выпили» . . . и толпа ринулась къ гостиницѣ...

Въ это время я увидѣлъ, какъ какой-то солдатъ вскочилъ на бочку и, сильно жестикулируя, что-то долго говорилъ. Толпа слушала его, не прерывая, шумъ становился меньше, постепенно толпа затихла, начала расходиться, а оставшіеся подъ предводительствомъ неожиданнаго спасителя отправились въ казарму съ пѣніемъ марсельезы.

Не знаю до сихъ поръ фамиліи этого солдата, знаю только, что онъ былъ какой-то воздухоплавательной части.

Вскорѣ я со своимъ чемоданчикомъ выѣхалъ изъ такъ негостепріимно встрѣтившей меня Балаклавы.

Была весна. Цвѣли миндаль, персики, абрикосы, дивное крымское небо было безоблачно и въ голубой дали возвышались старыя генуэзскія башни — свидѣтельницы былой славы, внизу, какъ завороженное озеро, спокойно синѣла балаклавская бухта, воздухъ былъ напоенъ ароматами, сквозь заборы и деревья съ набухшими почками бѣлѣли маленькіе домики города и Кадыковки, шоссе блестѣло точно полированное, вдали виднѣлись мягкія очертанія Ѳедюкиныхъ высотъ, солнце ярко свѣтило и грѣло, и не вѣрилось, что этой весной, въ праздникъ природы, когда такъ хотѣлось жить, хотѣлось вѣрить и любить, — пробуждались самыя низкія страсти и посѣяна вражда, ненависть и ожесточеніе между русскими людьми . . .

Вотъ загремѣли колеса по мостовой, еще нѣсколько шаговъ и я подъѣзжалъ къ штабу.

Во дворѣ 5-го полка меня удивила странная картина: командиръ полка полковникъ Кравчукъ, окруженный толпой солдатъ, что-то писалъ, писали писаря и адъютантъ, а большая толпа солдатъ терпѣливо и молча ожидала. Оказалось, что эти молчаливые солдаты, нѣсколько часовъ назадъ, на рукахъ вынесли полковника на дворъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ идти самъ, принесли столы, привели писарей и заставили писать себѣ отпуска въ деревню «впредь до демобилизаціи»...

— А то, г—нъ полковникъ, опоздаемъ въ деревню къ дѣлежу земли, дѣловито говорили мнѣ эти большіе бородатые люди. — А самовольно не хотимъ уходить — непорядокъ будетъ, чтобы безъ билета . . .

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ снова у генерала Свѣчина. Но теперь взглядъ его потухъ, надежды въ немъ не было вовсе. За этотъ день, выѣхавъ въ 8-ой полкъ на автомобилѣ и обратясь къ солдатамъ съ рѣчью о необходимости продолженія войны, онъ, спасаясь отъ разъяренныхъ солдатъ, едва успѣлъ вскочить въ автомобиль и еле выѣхалъ со двора полка.

Все гибло и рушилось съ молніеносной быстротой . . .

— Я уѣду на фронтъ, сказалъ мнѣ Свѣчинъ — вы были правы вчера, здѣсь уже ничего не сдѣлаешь . . . Свободныхъ полковъ сейчасъ нѣтъ, я васъ пока назначу командиромъ дивизіоннаго обоза, кстати — его уже почти нѣтъ. Изъ арміи я вызову васъ, какъ только устроюсь . . . А пока, думаю — вамъ надо отдохнуть: берите отпускъ на двѣ недѣли и поѣзжайте къ семьѣ въ свой Судакъ . . .

Мы распрощались, и я отправился къ своему другу Я-вичу, у котораго я поселился въ маленькой комнатѣ съ окнами на Большую Медвѣдицу. Здѣсь я нашелъ своего пріятеля С-ва, который командовалъ батальономъ въ 6-омъ полку, но на дняхъ бѣжалъ изъ Балаклавы, какъ я изъ Евпаторіи, а теперь назывался у насъ «докторомъ», такъ какъ ген. Свѣчинъ, предполагая взять меня, Я-вича

и С-ва на фронтъ, устроилъ его пока «завѣдывающимъ медицинской частью» дивизіи. Иронія судьбы...

Всѣ мы трое, старые друзья по части, конные офицеры, случайно попавшіе въ Морскую дивизію, составляли тѣсную группу и рѣшили вмѣстѣ переживать событія своей дружной семьей, согрѣтые лаской и вниманіемъ супруги Я-вича.

Вечеромъ я выѣхалъ на Ѳеодосію и утромъ уже трясся на почтовой перекладной по Судакскому шоссе. Здѣсь, въ довольно глухомъ уголкѣ Крымскаго побережья, незамѣтно пролетѣли дни отдыха. Въ Судакѣ была тишина, миръ и благополучіе. Нѣсколько десятковъ солдатъ, составлявшихъ мѣстный гарнизонъ, избрали комитетъ, но этимъ и выразилась ихъ революціонность. Въ остальномъ все шло по прежнему.

Спустя двѣ недѣли я вернулся въ Севастополь. За это время ген. Свѣчинъ получилъ назначеніе начальникомъ штаба V арміи и мы трое – «три мушкатера», какъ насъ прозвали, съ грустью проводили этого доблестнаго генерала, которому революція помѣшала быть нашимъ любимымъ вождемъ. Прощаясь, Свѣчинъ обѣщалъ вызволить насъ трехъ на фронтъ при первой возможности.

Я принялъ обозъ. Онъ состоялъ изъ трехъ сотенъ лошадей и человѣкъ ста солдатъ. Лошади, не чищенныя и почти не кормленныя, понуро стояли на коновязкѣ и, по постановленію «товарищей», всего два дневальныхъ за ними наблюдало, да и эти двое спали безпробуднымъ сномъ.

Остальные люди были налицо до обѣда, а затѣмъ разбредались до ночи. Видъ людей былъ ужасенъ: не стриженные, не мытые, въ разстегнутыхъ грязныхъ ватныхъ курткахъ, заспанные, вялые и равнодушные, они болѣе напоминали каторжниковъ, нежели солдатъ, и производили отталкивающее впечатлѣніе. Лошади, доставленныя съ невѣроятными трудностями изъ Восточной Сибири, были такъ запущены, такъ отощали и болѣли, что гибель ихъ всѣхъ представлялась неизбѣжной.

Напрасно я собралъ солдатъ и говорилъ съ ними. Всѣ они были старые, большинство свыше 40 лѣтъ, лѣнивые, отупѣвшіе отъ непрерывнаго сна, бездѣлія и сытой жизни.

– Что-жъ, лошадь – тварь Божья, кто ее чиститъ?.. Въ деревнѣ мы никогда не чистили, а жили же... Це паньска выдумка... отвѣчали мнѣ эти «стражи революціи», равнодушно почесывая затылки или спины...

Я бился нѣсколько дней, а когда увидѣлъ, что нѣтъ никакихъ силъ исправить положеніе, и ежедневно падаетъ нѣсколько лошадей, то подробно донесъ, прося о расформированіи обоза. Моему воплю вняли и всѣхъ лошадей отправили на кавказскій фронтъ, а солдаты постепенно «самоопредѣлились» и исчезли.

Въ это время въ дивизіи едва ли было 1/4 состава. Всѣ остальные или разбѣжались, или получили отпускъ тѣмъ оригинальнымъ путемъ, что я описалъ выше. Тогда же революція произвела совершенно новый видъ дезертира – спеціально для обработки полей. Они получили названіе «обсѣменителей» и толпами путешествовали отъ штаба до комитета и обратно, съ котомками, съ мѣшками, унылые, печальные, но настойчивые. И если приходилось спрашивать, что это за сбродъ, то всегда изъ толпы со вздохомъ отвѣчали:

– Такъ что – обсѣменители... Явите Божескую милость, господа полковники, не томите, отпустите домой... ужъ и пора скоро пройдетъ...

И когда разъяснялось, что это зависитъ отъ другихъ, толпа потопчется, почешетъ въ затылкахъ и покорно отправляется дальше, стремясь получить «бумагу», такъ какъ безъ нея «обсѣменители» побаивались и не очень еще вѣрили въ «свободу», а больше хотѣли гарантировать себя отъ урядника.

Оставшіеся въ дивизіи были или бездомные, или еще боявшіеся чего-то, не вѣрившіе, что теперь дѣйствительно «свобода» для дезертировъ. Часто многіе изъ такихъ колеблющихся, путемъ длительныхъ подходовъ и увертокъ, по старой памяти обращались къ офицерамъ. Имъ все не вѣрилось, хотѣлось выяснить, дѣйствительно ли это не повернется вспять ... и уходили неудовлетворенные, такъ какъ офицеры не могли имъ сказать, что все дозволено, — а полки постепенно таяли.

Дивизіей командовалъ лихой генералъ Пожарскій, бывшій командиръ Георгіевскаго баталіона, пользовавшійся общей любовью. Послѣ нашихъ общихъ докладовъ и просьбъ, онъ сдѣлалъ представленіе въ Ставку о расформированіи дивизіи и мы съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта.

Въ общемъ — никто не служилъ, никто абсолютно ничего не дѣлалъ и только стучали машинки канцелярій, создавая удостовѣренія «обсѣменителямъ». Даже караульная служба почти не исполнялась и бывали случаи, что роты постановляли не выходить въ караулъ и не выходили — въ виду праздниковъ, вовсе не считаясь съ тѣмъ, что старый караулъ оставался несмѣненнымъ и никакіе уговоры не помогали, а другихъ средствъ заставить повиноваться — не было. Часовые отъ прежняго сохранили только названіе: какъ только солдатъ приходилъ на постъ, то тотчасъ же разстилалъ шинель и покоился мирнымъ сномъ, часто поставивъ винтовку къ стѣнкѣ...

Такъ было въ войскахъ въ Севастополѣ, Евпаторіи, Ѳеодосіи, Симферополѣ и Керчи и только артиллеристы, какъ болѣе развитые, еще держались и кое-какъ несли службу.

Не то было во флотѣ. Онъ держался еще довольно крѣпко, матросы, какъ всегда, одѣвались чисто и аккуратно, вели себя на улицахъ въ массѣ — отлично, флотъ изрѣдка выходилъ, по прежнему бѣгали по бухтѣ катера и вельботы, слышалось — «весла»... «лѣвой табань, правое — на воду»... и новичку могло бы казаться, что все по старому. Даже часовые стояли у трапа.

Однако, при болѣе внимательномъ отношеніи было ясно, что соблюдается одна внѣшность: чести уже никто не отдавалъ, корабли, гдѣ матросы прежде собирались только на «ютѣ» (носовая часть), и гдѣ «шканцы» (кормовая часть), признавались священными и гдѣ никто не могъ курить, стали сплошь заполнены матросами, заплеваны кожурой сѣмячекъ, на корабляхъ часто появлялись бабы, торговцы... «Выстрѣлы» (родъ горизонтальной мачты съ лѣстницами и канатами), откуда еще недавно матросы ловко и лихо спускались въ шлюпки — пустовали, и теперь матросы спускались и подымались по офицерскому «трапу».

Такъ же, какъ и въ полкахъ, матросы были на кораблѣ до обѣда, а затѣмъ большинство исчезало до утра. Роль офицеровъ на берегу и въ бухтѣ свелась къ нулю, но зато проявлялась во время движенія корабля. Прежняя чистота до «блеска» сильно потускнѣла, хотя внѣшне эскадра еще казалась грозной и въ порядкѣ.

Но все же порядки въ флотѣ вызывали зависть, все же та самая матросская буйная вольница, которую всѣ боялись въ мирное время, пьяная, гульливая и задорная, теперь дѣйствительно еще держала «знамя Революціи», не пошла по стопамъ Кронштадта и, сколько можно было требовать послѣ революціи, — добросовѣстно несла службу.

Какъ примѣръ, я помню случай на моихъ глазахъ: въ вагонѣ трамвая какой-то солдатъ курилъ и каждый разъ нагло и умышленно пускалъ дымъ въ лицо старичка — отставного генерала. Насъ, офицеровъ, было трое, солдатъ — полный

вагонъ и пришлось молчать... Вдругъ, раздался звонокъ, вагонъ остановился и съ задней площадки вскочилъ молодой, приличнаго вида, матросъ.

— Какъ ты смѣешь такъ себя вести передъ заслуженнымъ человѣкомъ, обратился онъ гнѣвнымъ тономъ къ солдату — вонъ изъ вагона, негодяй!..

Солдатъ, а съ нимъ и его товарищи было запротестовали, но матроса поддержали другіе, подошелъ морской патруль, солдатъ выскочилъ и, бормоча какія-то ругательства — ушелъ.

Это мелочь, конечно, но мелочь показательная. Случаевъ подобнаго рода было много и они доказывали, что во флотѣ есть сознательное отношеніе къ революціи, къ войнѣ и къ Родинѣ.

Въ чемъ же разгадка. Отчасти еще много значилъ авторитетъ адмирала Колчака. Его уважали, ему вѣрили и на него надѣялись. Онъ, «нашъ Колчакъ» былъ какъ бы священной хоругвью флота, но не онъ былъ причиной порядка, не благодаря ему удалось удержать тысячи несознательныхъ матросовъ отъ ужасовъ Кронштадта, разбоя и анархіи.

Все это сдѣлала, все поддержала партія соціалъ-революціонеровъ. Она, въ продолженіе многихъ лѣтъ, работала въ Черноморскомъ флотѣ и, благодаря ей, тамъ были безпрерывныя возстанія, бунты и осложненія. Она въ мирное время, да и во время войны сознательно губила боевой духъ черноморцевъ, ихъ вѣрность, она забросила въ крестьянскія головы матросовъ тѣ лозунги, ради которыхъ умиралъ Шмидтъ и сотни и тысячи другихъ... Она сдѣлала все зло, какое могла сдѣлать русскому Императорскому флоту, но зато, когда революція совершилась, когда всѣ возможности, всѣ чаянія были достигнуты такъ легко и случайно, тогда партія, особенно Севастопольскій отдѣлъ ея, смѣло наложила руки на руль и сумѣла взять правильный курсъ, не стремясь «углублять» завоеваній революціи...

Подпольная партійная работа, губившая когда-то мощь Черноморскаго флота, оказалась прививкой и дѣйствовала, какъ противоядіе. Сотни матросовъ были сознательные эсеры, развитые, начитанные и убѣжденные люди, всѣми помыслами своими стремившіеся къ революціи, тысячи ихъ товарищей были достаточно въ курсѣ революціонныхъ чаяній своихъ вождей и сами крѣпко усвоили основные лозунги партіи и, стремясь, главное, къ политической революціи, видя въ наличіи ея уже полную побѣду, они не спѣшили перейти къ «перманентной» — соціальной, не создавали и не раздували классовой вражды, а, будучи настроены государственно, спѣшили укрѣпить слабое зданіе молодой Республики и сохранить Россію.

Вотъ тѣ причины, которыя дали возможность долгое время поддерживать въ Крыму порядокъ и гальванизировали уже почти вовсе упавшее настроеніе флота и общества къ продолженію войны, хотя огромное большинство матросовъ были такіе же землеробы, какъ и солдаты, и ихъ также безпокоила мысль, что можно опоздать къ «дѣлежу земли.»

И тогда тамъ, въ Севастополѣ, среди офицеровъ арміи и флота появились симпатіи къ партіи эсеровъ, къ ихъ дѣятелямъ — живымъ и энергичнымъ. Тогда со вниманіемъ вслушивались въ ихъ рѣчи государственнаго характера и, какъ ни странно, но та самая партія, которая до революціи была для офицерской массы ненавистна и страшна, теперь вблизи не казалась такой страшной, и, если въ массѣ офицеры и остались попрежнему безпартійны и аполитичны, то все же не относились къ дѣятелямъ партіи съ ненавистью и недовѣріемъ, а наоборотъ, чутко къ нимъ прислушивались, какъ будто предчувствуя, что въ будущемъ власть этой партіи будетъ казаться недосягаемой мечтой...

Другія, болѣе правыя партіи, въ Севастополѣ и вообще въ Крыму, ничѣмъ сколько нибудь замѣтнымъ себя не проявили и офицерство тѣмъ внимательнѣе прислушивалось къ эсерамъ, сознавая, что они зовутъ не къ разрушенію, а къ созиданію.

VI.

1-го мая. Митинги въ циркѣ, въ морскомъ собраніи. Выборы делегаціи на фронтъ. Гоненія на офицеровъ, ухудшеніе настроеній. Украинизація. Союзъ «Вѣче».

Между тѣмъ подошелъ первый пролетарскій праздникъ 1-го Мая (18 апрѣля). Къ нему готовились давно, шились знамена со всевозможными лозунгами, забросили всѣ дѣла и въ этотъ день многіе искренно видѣли достиженіе какого-то огромнаго счастья, вѣровали, что тогда особенно проявится братская любовь всѣхъ ко всѣмъ и не будетъ «ни эллина, ни іудея» . . . Однако, онъ начался при дурныхъ ауспиціяхъ. За день получилась телеграмма Гучкова, что «соотвѣтственно со всѣми республиканскими флотами, отмѣняются погоны для офицеровъ флота и вмѣсто нихъ устанавливаются галунныя отличія на рукавахъ». Эта телеграмма была не всѣми понята одинаково и хотя совершенно ясно говорила только про офицеровъ флота, но начальство растерялось и цѣлый день обсуждало вопросъ — относится ли приказъ также и къ сухопутнымъ офицерамъ. Въ то же время приказъ и начальственныя колебанія разнеслись и по городу и кое-гдѣ начали срывать съ офицеровъ погоны, а приказанія были разнорѣчивы: то всѣмъ явиться на праздникъ въ погонахъ, то безъ нихъ. Послѣднее приказаніе, которое передали намъ поздно вечеромъ, гласило: «всѣмъ офицерамъ въ погонахъ при оружіи обязательно явиться къ своимъ частямъ и слѣдовать на Куликово поле.» Съ этимъ мы и легли спать.

Утромъ ходили разные слухи и поэтому мы — «три мушкатера», пошли на компромиссъ — надѣли защитные погоны и отправились къ штабу.

Выйдя на улицу, мы узнали, что матросы и солдаты срываютъ погоны съ офицеровъ, поэтому мы продвигались осторожно, стараясь миновать большія группы солдатъ.

Однако, около Историческаго бульвара одинъ безногій нищій, котораго я зналъ лѣтъ двадцать, замѣтилъ, что мы въ погонахъ.

— Эй! товарищи-офицера, закричалъ онъ, — снимите погоны, нельзя больше красоваться . . . шабашъ! . .

Мы пригрозили ему, но нищій не унялся и сталъ орать на всю улицу.

— Товарищи! вонъ контръ-революція идетъ — офицера въ погонахъ и не хотятъ снимать . . . Ловите ихъ, вонъ въ переулочекъ прошли! . .

Нѣсколько матросовъ подошли къ нему, а въ это время показался офицеръ въ серебряныхъ погонахъ, матросы его окружили и мы благополучно дошли до штаба. Оказалось, что за ночь начальство передумало и утромъ былъ выпущенъ новый приказъ — явиться безъ погонъ, но такъ какъ онъ фактически не былъ извѣстенъ, то произошло очень много печальныхъ недоразумѣній . . .

Только мы пришли въ штабъ, какъ ввалилась толпа матросовъ, которая привела милаго и славнаго молодого морского инженера, прапорщика Дыбко, оказавшагося тѣмъ офицеромъ въ погонахъ, что говорилъ съ матросами, когда ихъ звалъ нищій.

Изъ крика и галдежа матросовъ и связнаго разсказа блѣднаго и возмущеннаго Дыбко (впослѣдствіи, въ декабрѣ разстрѣлянъ матросами на миноносцѣ

«Хаджи-бей»), мы узнали, что матросы потребовали отъ Дыбко снять погоны, базируясь на приказѣ. У него же былъ письменный приказъ быть въ погонахъ, онъ показалъ матросамъ и сказалъ, что убьетъ перваго, кто до него дотронется, предложивъ пройти съ нимъ въ штабъ и, если дѣйствительно есть другой приказъ, то тамъ онъ самъ спореть погоны.

Приказъ принесли, Дыбко спороль погоны и удовлетворенные матросы ушли. Послѣ этого со всѣхъ сторонъ появлялись взволнованные офицеры, разными закоулками добравшіеся до штаба, и здѣсь занимались отпарываніемъ погонъ.

Скоро появились части: первымъ шелъ штабъ дивизіи, настроенный крайне воинственно, такъ какъ передъ писарями несли огромный шелковый красный плакатъ, вышитый серебромъ: «Штабъ Черноморской Морской дивизіи», «Война до побѣднаго конца»... Затѣмъ, съ красными флагами появились «полки», въ которыхъ было по 100–150 чел. Всѣ шли подъ руки и по приказанію свыше офицеры чередовались съ солдатами, что означало «братское единеніе», и для болѣе яркаго олицетворенія этого единенія шествіе открывали: штабсъ-капитанъ лицеистъ баронъ Фитингофъ, какъ какой-то индійскій божокъ, весь обмотанный красными лентами, поручикъ – пажъ Красовскій и солдатъ – предсѣдатель дивизіоннаго комитета. А надъ ними рѣялъ красный плакатъ – «война до побѣднаго конца»... Позади человѣкъ по 12 шли, взявшись подъ руки, офицеры и солдаты, неслась марсельеза, и внѣшнее единеніе было достигнуто.

На Нахимовскомъ къ процессіи присоединились матросы, артиллеристы, ополченцы, рабочіе, приказчики, кухарки, лакеи, извозчики, торговцы, украинцы, евреи, грузины, греки и пр... Всѣ шли съ красными или со своими національными знаменами и плакатами съ надписями о необходимости побѣдно кончить войну, о братствѣ, единеніи, общей работѣ, съ требованіемъ хлѣба и земли...

Словомъ, все было инсценировано хорошо, и сторонній наблюдатель долженъ былъ повѣрить въ русскій народъ, въ его культурность, въ его революцію, въ его будущее и въ преданность союзникамъ...

Безконечная процессія въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ потянулась на Куликово поле. На Нахимовскомъ задержалась противъ Сов. раб. деп., гдѣ предсѣдатель, только что вернувшійся изъ ссылки, старый революціонеръ Канторовичъ, съ почтенной располагающей внѣшностью, взывалъ съ балкона о необходимости сохранить чистой «безкровную» революцію и, хотя никто не слышалъ его рѣчи, но всѣ охотно кричали «ура»!

Тутъ же, пользуясь настроеніемъ толпы, сновали студенты и барышни и продавали билеты «Займа Свободы», вездѣ говорились рѣчи, и толпа поминутно останавливалась и всѣмъ апплодировали.

На Куликовомъ полѣ образовались огромные четыреугольники съ проходами, такъ какъ каждой группѣ были отведены мѣста заранѣе. Эти живые квадраты съ массой красныхъ знаменъ, то бѣлые, то сѣрые, то черные, были оригинальны, а чудный день и яркое солнце еще болѣе способствовали красивой картинѣ.

Праздникъ заключался въ произнесеніи рѣчей о революціи, и рѣчи говорились съ автомобилей, съ лошадей. Недалеко отъ меня показался на бѣлой лошади – мѣтившій въ Наполеоны – полковникъ Верховскій, съ огромнымъ краснымъ бантомъ на груди, и что-то кричалъ о своей революціонности. Были и другіе неожиданные «революціонеры», также съ красными бантами невѣроятныхъ размѣровъ, и всѣ неистово увѣряли толпу въ своей вѣрности революціи.

Становилось скучно, было жарко и хотѣлось домой, но надо было еще выслушать рѣчи, снова вернуться въ городъ, тамъ слушать рѣчи съ балкона Морского Собранія и только тогда можно было разойтись.

Въ это время къ намъ подъѣхалъ на автомобилѣ какой-то высокій, худой человѣкъ, повидимому – еврей. Онъ, очевидно, такъ много говорилъ и съ такимъ ожесточеніемъ, что на губахъ у него была пѣна, а маленькая, будто змѣиная головка на длинной и худой шеѣ безпрерывно вертѣлась во всѣ стороны.

– Товарищи! сильно картавя, началъ онъ. – Товарищи! Сегодня великій день, великій праздникъ пролетаріата... Раньше ненавистное царское правительство заставляло васъ праздновать разные тамъ церковные праздники, гнало въ церковь, держало васъ въ темнотѣ...

– Теперь! взвизгнулъ онъ, – теперь вы себѣ имѣете настоящій пролетарскій праздникъ, праздникъ трудящихся, а не какихъ-то тамъ святыхъ!..

Ораторъ не угадалъ настроенія толпы. Кто-то крикнулъ, что онъ хулитъ вѣру, и вдругъ поднялся страшный шумъ и крикъ, и народъ бросился на автомобиль... Еще моментъ – его бы разорвали, однако, шоферъ успѣлъ дать задній ходъ и вывезъ блѣднаго, какъ смерть, неудачнаго оратора.

Наконецъ, простоявши часа три на площади, мы тронулись обратно. Постепенно ряды разстроились, толпа таяла и около Совѣта уже были лишь кучки народа. Тогда мы трое выбрались изъ толпы и отправились домой усталые и голодные.

А на другой день пришла грозная телеграмма отъ Гучкова, что мѣстное начальство превысило свои права и осмѣлилось «снять погоны съ доблестныхъ офицеровъ»... Приказывалось немедленно это исправить и офицеры снова надѣли погоны, а на улицахъ стали разыгрываться такія сцены:

– Вы, вѣроятно, офицеръ? спрашивалъ матросъ человѣка въ кителѣ безъ погонъ, но съ кокардой и шашкой.

– Да, офицеръ...

– А если офицеръ, то почему вы позволяете себѣ ходить безъ погонъ. Вы должны показывать примѣръ исполненія долга...

Вотъ какія гримасы дѣлала судьба затравленнымъ офицерамъ.

Но съ этого дня всѣ солдаты спороли погоны – ихъ тысячи валялись на Куликовомъ полѣ – и съ тѣхъ поръ погонъ уже на надѣвали.

Время шло. Мы получили приказъ, разрѣшающій расформировать дивизію, т. е. молчаливое признаніе бѣгства солдатъ. Дня черезъ два-три послѣ приказа, изъ солдатъ не осталось ни одного, офицеровъ разослали по частямъ фронта и только сохранили штабъ дивизіи, полковъ и другихъ частей, и начался періодъ «расформированія», т. е. тихой, бездѣльной жизни нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ, писарей и старыхъ фельдфебелей, не хотѣвшихъ никуда уходить. Объ насъ забыли въ сутолокѣ революціонной жизни и, видя кругомъ взбаломученное море страстей и ненависти, эта группа умудрилась «расформировываться» вплоть до начала въ Севастополѣ большевизма, т. е. до февраля 1918 г.

Съ другой стороны – во флотѣ, апрѣль и май были самые яркіе мѣсяцы. Тамъ шла большая и настойчивая работа по поднятію мощи флота, по развитію сознательности среди матросовъ, по созданію стремленія къ побѣдоносному концу войны, что выражалось въ идеѣ захвата Константинополя. Адмиралъ Колчакъ, поддержанный партіей эсеровъ, усиленно работалъ въ этомъ направленіи, выступая на рядѣ митинговъ.

Я помню одинъ изъ колоссальныхъ митинговъ въ циркѣ, гдѣ собралось нѣсколько тысячъ матросовъ. Здѣсь, въ мѣстѣ, гдѣ игралъ оркестръ, собрался

весь президіумъ Совѣта раб. и солд. депутатовъ. Циркъ жужжалъ, какъ улей, когда раздался звукъ колокольчика и предсѣдатель, Канторовичъ, отчетливо произнесъ:

— Слово принадлежитъ командующему флотомъ товарищу адмиралу Колчаку...

Настала мертвая тишина, и когда, во весь свой ростъ, поднялся, опираясь на барьеръ ложи, адмиралъ Колчакъ, то циркъ разразился неистовыми аплодисментами, и нескоро адмиралъ могъ начать свою рѣчь.

Въ своей красиво построенной рѣчи, понятнымъ и простымъ языкомъ, адмиралъ нарисовалъ картину развала арміи, нарисовалъ то печальное и позорное будущее, что ожидаетъ страну при пораженіи, объяснилъ вѣковое тяготѣніе Россіи къ Константинополю и тѣ послѣдствія, что принесетъ его завоеваніе. Онъ сказалъ, что благодаря своей сознательности, во всей Россіи только Черноморскій флотъ сохранилъ свою мощь, свой духъ, вѣру въ революцію и преданность родинѣ и теперь — долгъ флота изъ своей среды выдѣлить тѣхъ, кто сумѣетъ увлечь за собой армію, на тѣ подвиги, что «сказкой казарменной стали».

Безконечные аплодисменты раздались въ отвѣтъ на слова адмирала. Былъ такой подъемъ, такой взрывъ искренняго партіотизма, что снова повѣрилось въ русскій народъ, снова казалось, что не все потеряно...

Тогда родилась «Черноморская делегація», которая въ числѣ нѣсколькихъ сотъ матросовъ, морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ увлекла за собой полки на галиційскомъ фронтѣ и въ большинствѣ — погибла во главѣ этихъ полковъ...

Съ этого дня появился матросъ Баткинъ, ставши фактически главой делегаціи. Онъ обладалъ недурнымъ ораторскимъ талантомъ и вездѣ популяризировалъ идею наступленія. Баткинъ былъ караимъ, студентъ, не совсѣмъ умѣло носившій форму матроса, но благодаря слову «матросъ» онъ сильно импонировалъ толпѣ, особенно первое время.

Вскорѣ пріѣхалъ эсеръ Фундаминскій, котораго я лично зналъ и охотно слушалъ его горячія рѣчи, призывающія къ порядку, организаціи и къ побѣдѣ; пріѣхало еще нѣсколько видныхъ дѣятелей партіи, и Севастополь зашумѣлъ — «война до побѣды» раздавалось на каждомъ шагу.

Какъ-то я попалъ въ Морское Собраніе, когда тамъ былъ митингъ подъ предсѣдательствомъ Верховскаго. Рѣчи захватили и меня и какъ-то случайно попалъ и я на сцену собранія, откуда говорились рѣчи.

Внизу стояла матросская толпа, внимательная и напряженная; я увидѣлъ на себѣ сотни блестящихъ глазъ и, подчиняясь моменту, обратился къ нимъ съ тѣмъ же призывомъ къ побѣдѣ, любви къ Родинѣ, къ работѣ и къ порядку. Мои слова понравились, задѣли въ матросской душѣ еще не вполнѣ заснувшее чувство патріотизма, и мнѣ устроили овацію...

А когда я спустился въ залу, то убѣдился, какъ спѣшатъ использовать хоть временныхъ кумировъ толпы: я тутъ же получилъ нѣсколько предложеній занять крупныя командныя мѣста. Такъ легко было въ то время выплыть на вершину революціонной волны...

А время шло. Собралась и уѣхала Делегація, а съ нею ушла и душа флота. Настроеніе понизилось и какая-то невидимая рука упорно работала, разжигая понемногу страсти. Бѣжалъ адмиралъ Веселкинъ на Дунай, — ему не помогли ни красные банты, ни угощеніе матросовъ, чаще стали «эксцессы» разнаго рода — слово, которое быстро привилось послѣ революціи. Постепенно — флотъ опускался.

Притихшія было гоненія на офицеровъ — возобновились. Матросы постановили, чтобъ офицеры не носили оружія, отбирали его въ очень грубой формѣ, было нѣсколько случаевъ побоевъ и даже — убійствъ. Адмиралъ Колчакъ, когда къ нему пришли за кортикомъ, не отдалъ своего георгіевскаго оружія, а, сказавъ яркую и рѣзкую рѣчь, сдѣлалъ красивый жестъ — бросилъ кортикъ въ море, что подѣйствовало на пришедшую банду, они спустили водолаза и вернули кортикъ адмиралу.

Въ поискахъ гдѣ найти спасенье, гдѣ найти элементъ, на который можно положиться, обратились къ украинизаціи, сначала робкой, затѣмъ шире и шире, и скоро рядъ кораблей объявили себя украинцами, и масса матросовъ и офицеровъ стали ходить съ «жовто-блакитными» ленточками на груди. Появились украинскія знамена, «спілкі», и казалось, что украинизація подымаетъ духъ, сплачивая, какъ землячество, и отдаляетъ что-то далекое, но грозное, что уже начало чувствоваться въ воздухѣ . . .

Тогда же, въ томъ же стремленіи создать опору, сталъ образовываться союзъ «Вѣче» — великороссовъ, но онъ носилъ откровенно черносотенный характеръ, хотя его и возглавляло два прапорщика, бывшихъ адъютантовъ Керенскаго и чуть ли не «товарищей министра», какъ они о себѣ разсказывали. Одинъ изъ нихъ, высокій, стройный, красивый, какъ ни странно для великороссскаго союза, былъ — еврей, сынъ часового мастера изъ Ялты. Союзъ былъ подпольный, имѣлъ свою штабъ-квартиру въ гост. Киста и, хотя сначала усиленно посѣщался офицерами и даже матросами, но почему-то скоро распался.

Партіи эсеровъ и эсдековъ имѣли свои помѣщенія на Нахимовскомъ, которыя посѣщались очень охотно, имѣли и свои газеты. Большевики тоже гдѣ-то основались, но работали больше втайнѣ, хотя результаты ихъ работы давали знать о себѣ довольно явно. Въ общемъ, работа партій, болѣе умѣренныхъ, проявлялась все меньше и меньше, и матросская масса стала сильно прислушиваться къ заманчивымъ лозунгамъ и обѣщаніямъ большевиковъ.

Однако, иногда еще эсерамъ удавалось гальванизировать флотъ, и матросы бросались исполнять «долгъ свой передъ революціей». Такъ, напримѣръ, какъ-то ночью, болѣе 5000 матросовъ искали по всему городу дезертировъ, что произвело панику среди офицеровъ въ связи со слухами о предстоящей рѣзнѣ. Всю ночь до утра искали дезертировъ, по городу шла пальба и крики, и населеніе было перепугано на смерть.

Но это уже было послѣднее напряженіе — кризисъ, послѣ котораго начался быстрый упадокъ и агонія . . .

VII.

Пріѣздъ Керенскаго. Митингъ объ арестѣ офицеровъ. Отъѣздъ Колчака, переходъ власти къ «тройкѣ». Жизнь въ Севастополѣ въ августѣ.

Какъ-то лѣтомъ въ Севастополь пріѣхалъ Керенскій. На Нахимовской площади собрались группы офицеровъ, матросовъ, солдатъ, рабочихъ и представителей національностей. Все это стояло съ красными знаменами, на которыхъ гордо красовались воинственные лозунги съ праздника 1-го мая. Какой ироніей звучали «война до побѣды», «до побѣднаго конца», когда уже все погибло и арміи не существовало . . . Знамена поблекли, поблекли и надписи, поблекло и настроеніе . . .

Кучки людей, которымъ тщетно стремились придать характеръ какого-то строя, жалко и бѣдно выдѣлялись на площади. Солдаты, распущенные и грязные, матросы, уже далеко не тѣ, что были еще недавно, музыканты съ давно нечищенными трубами, все это производило впечатлѣніе какихъ-то остатковъ послѣ сраженія — «недобитковъ», какъ говорятъ украинцы, скорѣе — бандъ, нежели войскъ Временнаго Правительства.

Къ тому времени уже вовсе пало обаяніе имени Керенскаго. Никто почти въ него не вѣрилъ, въ немъ видѣли не народнаго трибуна, не народнаго героя, не вождя Революціи, а обыкновеннаго, можетъ быть, и хорошаго, но слабаго человѣка, волей Рока поднявшагося случайно на недосягаемую высоту. Его дѣйствія расходились со словами, слова — съ дѣйствіями, его зажигательныя прежде рѣчи теперь производили впечатлѣніе очередного фельетона и не жгли сердца.

Въ военныхъ кругахъ, среди кадровыхъ офицеровъ, бывшихъ вполнѣ лойяльными по отношенію къ Вр. Правительству и ожидавшихъ отъ него спасенія родины, но конечно, не революціи, отношеніе къ Керенскому теперь было остро отрицательное: онъ казался слабымъ, безвольнымъ, маріонеткой, веревочки отъ которой дергали въ Совѣтѣ депутатовъ. Имена Корнилова и Алексѣева притягивали къ себѣ офицеровъ, и на Керенскаго смотрѣли, какъ на эпизодъ, который быстро поглотитъ революціонная волна, какъ быстро и вознесла.

Офицеры стояли кучками. Въ группѣ офицеровъ морской дивизіи выдѣлялся ея начальникъ, лихой и бравый георгіевскій кавалеръ, генералъ Пожарскій. Съ эффектными усами, широкоплечій и мужественный, съ типичнымъ русскимъ лицомъ, много разъ раненый, онъ невольно притягивалъ глаза своей русской внѣшностью, и думалось — не будетъ ли онъ новымъ Пожарскимъ, не соберетъ ли подъ свой стягъ людей вѣрныхъ Россіи...

Вотъ произошло какое-то движеніе, легкая суматоха, раздались жидкіе и нестройные звуки оркестра, кто-то скомандовалъ, сотни полторы вооруженныхъ солдатъ и матросовъ нехотя и небрежно взяли на караулъ, лѣниво подняли руки къ козырьку офицеры, и отъ Графской пристани показалась нестройная толпа начальниковъ, солдатскихъ и матросскихъ комитетовъ, членовъ Совѣта раб. депутатовъ и пр.

Впереди шелъ Керенскій во френчѣ и фуражкѣ англійскаго образца, которая крайне не шла къ его лицу. Онъ замахалъ рукой (правая была на перевязи), чтобы солдаты перестали играть и взяли ружья къ ногѣ, и тѣ, не ожидая команды, кое-какъ это исполнили. Онъ поздоровался съ солдатами, обошелъ группы офицеровъ, здороваясь за руку (лѣвой, такъ какъ правая болѣла) и отошелъ на панель.

Затѣмъ, всѣ эти малочисленныя группы, по его приказанію, приблизились, образовали кругъ и въ центръ его вступилъ Керенскій, окруженный огромной свитой шедшихъ за нимъ людей.

Рѣчь, которую онъ сказалъ, была невелика и въ ней онъ взывалъ къ единенію, къ поддержкѣ Временнаго Правительства и къ побѣдоносному окончанію войны. Рѣчь не зажигала, никого не трогала, не увлекала и не будила порыва... Ее спокойно выслушали, немного похлопали и площадь быстро опустѣла, а Керенскаго повели въ морское собраніе.

И въ этотъ день многіе изъ насъ еще болѣе пали духомъ, когда сами увидѣли того, чье имя недавно еще было у всѣхъ на устахъ, въ кого вѣрили и видѣли въ немъ, если не Наполеона, то — пламеннаго Гамбетту...

Былъ обыкновенный человѣкъ съ обывательской внѣшностью, одѣтый въ англійскій френчъ и смѣшную фуражку, было нездоровой блѣдностью покрытое лицо, былъ сильно уставшій человѣкъ, какъ старый актеръ, съ котораго сняли гримъ...

Былъ обманъ его горячихъ и страстныхъ рѣчей, которыя били по нервамъ на страницахъ газетъ, обманъ, потому что такъ хотѣлось вѣрить и надѣяться, вѣрить даже въ миражъ... Но подошли ближе и не осталось миража, а лишь слабый, видимо болѣзненный и сильно уставшій человѣкъ...

И мнѣ невольно вспомнились слова Д. Лондона — «За прыжокъ ввысь мы платимъ паденіемъ, за моментъ фиктивнаго величія — позоромъ и униженіемъ» и стало жалко этого обреченнаго кумира толпы, рукой судьбы вознесеннаго на безконечную высоту главы Госсійскаго Государства...

Въ эти дни обо мнѣ вспомнилъ генералъ Свѣчинъ. Онъ былъ начальникомъ V арміи и телеграммой предложилъ мнѣ и моимъ друзьямъ занять крупныя должности въ штабѣ арміи. Однако, мы имѣли письма оттуда, изъ которыхъ было видно, что тамъ полный развалъ, армія разбѣгается, а оставшіеся опредѣленно склоняются къ большевизму и что ѣхать ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ.

Подумали мы трое, взвѣсили, что насъ можетъ ожидать тамъ и здѣсь, убѣжденные, что война уже фактически кончилась, поблагодарили и отказались отъ назначенія.

А революціонная жизнь шла своимъ чередомъ и кто-то недреманно работалъ надъ созданіемъ ненависти къ офицерамъ. Опять былъ митингъ въ циркѣ, опять были тамъ тысячи матросовъ, но на этотъ разъ не Колчакъ звалъ ихъ сложить буйныя головы у воротъ Царьграда, а матросы рѣшали объ арестѣ и убійствѣ всѣхъ офицеровъ... Долго кипѣли горячіе споры, и только случайное большинство побѣдило — рѣшили повременить...

Во флотѣ связь съ Колчакомъ порвалась. Его приказанія уже не исполнялись, за нимъ слѣдили, ему не довѣряли. Наконецъ, его просто аннулировали, образовавъ совѣтъ изъ трехъ матросовъ, которые и стали управлять флотомъ. И съ этого момента была потеряна послѣдняя надежда на возможность возрожденія порядка вообще и боевой мощи флота — въ частности.

Колчакъ не могъ вынести этого, да и положеніе его было небезопасно. Онъ списался съ Петроградомъ и при помощи Керенскаго — подъ видомъ участія въ важномъ совѣщаніи былъ вызванъ туда и оставилъ Севастополь. И съ этого момента стало ясно, что анархія неизбѣжна...

И дѣйствительно, все какъ-то сразу пало и распоясалось. Никто уже не исполнялъ службу и даже не дѣлалъ вида, что ее исполняетъ. Жизнь матросовъ проходила въ безпрерывныхъ колоссальныхъ митингахъ въ Аполлоновой балкѣ, гдѣ выносились уже кровожадныя резолюціи, въ пьянствѣ, разгулѣ, дебошахъ и безчинствахъ разнаго рода. Ходить въ формѣ было тяжело, и большинство офицеровъ обзавелось штатскимъ платьемъ, да и то, если оно было приличное, то получался — «буржуй», а, слѣдовательно, ненависть и издѣвательство толпы.

И эта ненависть, эта травля, полное бездѣліе и вѣчное ожиданіе ареста и позорной смерти гнало офицеровъ въ рестораны, въ кабинеты, въ гостинницы, и поднялось пьянство, скрытое, но упорное и постоянное. Вездѣ сотнями ведеръ выписывался спиртъ, «для мытья хвостовъ» несуществующихъ лошадей, для «компрессовъ» сразу на тысячи больныхъ и для всякихъ артиллерійскихъ, автомобильныхъ, техническихъ и научныхъ цѣлей. Все это получалось безконтрольно изъ мѣстнаго склада, разбавлялось, и въ этомъ пьяномъ угарѣ потонули офицеры,

чувствующіе что-то неизбѣжное и страшное, что медленно наступало со стороны загадочной матросской массы, надвигалось резолюціями изъ Аполлоновой балки, нависало черной тучей ненависти, зависти и недовѣрія . . .

Жить въ этихъ условіяхъ полнаго тунеядства, когда никто не могъ работать даже и при полномъ желаніи, жить, ожидая каждый день безсмысленнаго взрыва ненависти, подъ вѣчнымъ страхомъ обысковъ, издѣвательства и смерти, видѣть безпробудное пьянство и самому участвовать въ немъ, создавая себѣ миражи, замѣняющіе жизнь — было уже внѣ силъ . . .

Я взялъ назначеніе въ Керчь, въ тихій городъ, командовать участкомъ обороны, съ грустью простился съ Я—вичемъ и С—вымъ и безъ сожалѣнія оставилъ Севастополь, который такъ любилъ.

Въ Феодосіи тоже уже прошелъ революціонный порывъ и на улицахъ не стояли роты запаснаго полка, занятыя прицѣливаніемъ и ружейными пріемами. Полкъ, который имѣлъ въ своемъ составѣ болѣе 25000 чел., не насчитывалъ и тысячи — всѣ разбѣжались. Однако, въ городѣ было тихо, не было травли офицеровъ, и жизнь пока катилась по старому руслу.

Въ Судакѣ, куда я заѣхалъ за семьей, стала пошаливать та кучка солдатъ, человѣкъ въ 30, что составляла его гарнизонъ, были ограбленія и даже убійства, и жизнь тамъ сильно ухудшилась.

Дивнымъ августовскимъ днемъ я съ семьей выѣхалъ изъ Судака. Уже поспѣлъ виноградъ, деревья ложились подъ тяжестью грушъ, персиковъ и яблокъ, вездѣ висѣли тяжелыя и красивыя гроздья винограда и все было такъ мирно въ Судакской долинѣ, такъ ласково глядѣли татарскія сакли, такъ привѣтливо манили подъ свою тѣнь развѣсистыя орѣховыя рощи, стройно возвышались кипарисы, синѣли скалы, за которыя едва держались крымскія сосны, такія изящныя и воздушныя . . . Въ деревнѣ блеяли овцы, кудахтали куры, какъ всегда были такъ симпатичны черноглазые татары, такъ уютны казались аулы и деревни, такъ хорошо и славно дышалось полной грудью, когда лошади медленно взбирались на перевалъ, такой миръ и тишина были разлиты вездѣ, такъ торжествующе заявлялъ о себѣ удовлетворенный человѣческій трудъ въ этихъ садахъ и виноградникахъ, что въ головѣ совсѣмъ не укладывалась мысль о ненависти и революціи, о политикѣ и даже войнѣ, а хотѣлось только маленькаго клочка земли у моря, маленькой хатки, труда надъ землей, труда — дающаго умиротвореніе, покой и сладость достиженія . . .

А между тѣмъ быстро текли часы революціи и все ниже нависали темныя тучи надъ благодатнымъ Крымомъ . . .

VIII.

Керчь. Служба. Корниловскія событія. Украинизація. Стремленіе къ миру.

Утромъ слѣдующаго дня я подъѣзжалъ къ Керчи, видъ которой, послѣ наряднаго южнаго берега, произвелъ грустное впечатлѣніе. Вся какая-то сѣроватая, съ маленькими домиками, съ полнымъ отсутствіемъ архитектурныхъ линій, съ населеніемъ, среди котораго преобладали греки, армяне и караимы мало культурнаго вида, а русскіе — въ массѣ чернорабочіе — Керчь не только походила на глухую провинцію, но, дѣйствительно, таковой и была: жизнь шла тихо, безъ треволненій, почти безъ революціонныхъ настроеній, спокойно, сытно и вяло.

Я легко нашелъ номеръ въ гостинницѣ за три рубля и получилъ недурной обѣдъ за 1 р. 50 к., а черезъ два-три дня нашелъ маленькую квартиру за 65 руб. въ мѣсяцъ. Бѣлый хлѣбъ былъ въ изобиліи безъ карточекъ — пышный, мягкій и очень вкусный, стоилъ 15—18 коп. фунтъ. Превосходныя керченскія копченыя селедки можно было купить за 50 коп., также, какъ арбузы, дыни, фрукты — все въ изобиліи и недорого. Послѣ Севастополя, гдѣ уже давно чувствовался недостатокъ въ необходимомъ, Керчь показалась раемъ.

Я принялъ участокъ обороны на побережьѣ, недалеко отъ Керчи. Солдаты, кадровые пограничники, разбитые на посты по 6—8 чел. каждый, были еще для даннаго времени — превосходны, и объѣзжая верхомъ посты, разговаривая съ ними, я чувствовалъ, что мои слова не теряются въ пространствѣ, и постепенно я увидѣлъ къ себѣ искреннее расположеніе.

Въ общемъ и здѣсь работы было мало — приходилось 4—5 разъ въ мѣсяцъ объѣзжать всѣ посты, вести небольшую переписку и этимъ всѣ обязанности исчерпывались, почему оставалось масса свободнаго времени.

Работая въ печати съ 1900 г., я рѣшилъ снова заняться любимымъ дѣломъ и сталъ сотрудничать въ мѣстной единственной газетѣ и въ Москвѣ. Мѣстная печать былъ жалкая, жители больше интересовались хроникой и скандалами, нежели революціей, войной и судьбами Россіи, и газетѣ, даже эсерской, приходилось потакать вкусамъ керченскихъ купцовъ, рыбаковъ, драгалей, грековъ, караимовъ и армянъ.

Однако, и Керчь не оставалась совсѣмъ въ сторонѣ отъ событій, которыя гдѣ-то въ центрѣ мѣнялись съ быстротой калейдоскопа. Какъ разъ въ это время начался походъ Корнилова на Петроградъ и борьба съ нимъ, и въ Керчь эти событія докатились только какъ приказаніе организовать митингъ протеста.

Митингъ былъ организованъ, а затѣмъ «вооруженный пролетаріатъ» дѣлалъ смотръ своимъ силамъ. По улицѣ маршировали въ полномъ порядкѣ пограничники, во главѣ съ маленькимъ старымъ полковникомъ Антонини, запуганнымъ до трепета, почти до отчаянія затравленнаго зайца . . . Затѣмъ, десятка три ополченцевъ, десятокъ матросовъ и это было все, чѣмъ довольно гадательно располагалъ Керенскій въ «революціонной» Керчи.

Манифестація была самаго мирнаго характера и, невзирая на грозный приказъ Совѣта и распоряженіе начальства — быть всѣмъ офицерамъ, я стоялъ на главной улицѣ и весело раскланивался со знакомыми, шедшими въ рядахъ протестующихъ противъ «узурпатора» Корнилова, мнѣ весело улыбались знавшіе меня солдаты и видимо даже не всѣ хорошо знали, въ чемъ дѣло, да и кто былъ Корниловъ, смерти котораго требовали красные плакаты, которые несли передъ процессіей . . .

За день до манифестаціи я проѣхалъ по своему району и вынесъ впечатлѣніе, что кадровые солдаты, какими были всѣ пограничники, уже устали отъ отсутствія порядка, безтолковщины и неразберихи, все это надоѣло имъ и хотѣлось прежней точной, размѣренной и регламентированной жизни.

— Эхъ, г—нъ полковникъ! Хоть бы дѣйствительно генералу Корнилову удалось взять въ руки власть, да разогнать всю шушеру и хоть какой-нибудь, а сдѣлать порядокъ. Ужъ какъ мы по немъ соскучились! . .

Но такъ говорили кадровые солдаты въ части, гдѣ не было ни одного запаснаго, гдѣ всегда, хотя и поддерживалась твердая дисциплина, но гдѣ проявлялась къ солдату полная заботливость, полное вниманіе, гдѣ они отлично содержались, были хорошо одѣты, вкусно и сыто ѣли и всегда жили вмѣстѣ со своими офицерами.

И весь Россійскій Пограничный корпусъ, въ тѣхъ частяхъ гдѣ не было запасныхъ, держался дольше всѣхъ другихъ войскъ, сохраняя порядокъ и дисциплину, не проявляя вражды или ненависти къ своимъ офицерамъ, не зная никакихъ эксцессовъ, и только большевики его расформировали.

Начался и кончился корниловскій эпизодъ, а жизнь въ Керчи шла по прежнему. Такъ же на базарѣ валялись подъ жгучими лучами солнца сотни безработныхъ, почему то не ищущихъ работы и предпочитающихъ лѣниво жевать арбузы да «лускать» сѣмечки.

Эти «сѣмечки» ѣла вся Керчь и даже – интеллигенція. Вездѣ валялась кожура, вездѣ она летѣла чуть не въ лицо, вездѣ безсмысленныя физіономіи, на – губахъ прилипла эта противная кожура, вездѣ жующіе рты... Сѣмечки были какой-то болѣзнью – отвратительной и прилипчивой, созданной революціей... И самые обезпеченные базарные торговцы и торговки были тѣ, кто продавалъ сѣмечки.

Жизнь дорожала постепенно и не очень замѣтно. Къ концу года хлѣбъ стоилъ 23 к. фунтъ, но все же былъ въ изобиліи. По ту сторону пролива въ благословенной Тамани хлѣбъ и всевозможные продукты можно было купить несравненно дешевле.

Городское Управленіе, въ лицѣ городского головы Могилевскаго (эсера или эсдека) было вполнѣ пріемлемо и много работало на пользу города. Совѣтъ раб. и солд. деп. не особенно мѣшалъ и въ общемъ – былъ настроенъ довольно мирно.

Обыватели сидѣли въ своихъ складахъ, лавкахъ и магазинахъ, затѣмъ цѣлыми днями высиживали въ плохенькихъ кафе, гдѣ подавали хорошее турецкое кофе, гуляли на чахломъ бульварѣ или горѣ Митридатъ, гордости Керчи, такъ какъ тамъ еще виднѣлись остатки древней Пантикапеи.

Коммерческій флотъ изъ-за войны бездѣйствовалъ, и гаванъ была полна пароходами, буксирами и парусниками, заржавѣлыми, грязными и невѣроятно запущенными.

Въ общемъ, все было по восточному вяло, равнодушно, спокойно и лѣниво. Гдѣ-то рушились государства, рѣшались міровые вопросы, въ корнѣ перестраивалась Родина, а въ Керчи грызли сѣмечки, ѣли соленую камсу (мѣстная рыбка) и брынзу, высчитывали жирными, грязными пальцами барыши и, отмахиваясь отъ событій, какъ отъ надоѣдливыхъ мухъ, укладываясь спать въ душной комнатѣ на мягкую перину, думали:

– День прошелъ и слава Богу. Дай Господи и завтра не хуже...

Между тѣмъ старая Россія рушилась день за днемъ и неожиданно, на обломкахъ ея, появилась Украина, и казалось, – довольно прочно. Хотя Крымъ и не входилъ въ Украину, но былъ лакомымъ кускомъ, и всѣ тянули его къ себѣ – и Россія, и Украина, пожалуй бы – и Донъ, и Кубань...

Поэтому въ Крыму велась усиленная украинская пропаганда, а такъ какъ и дѣйствительно большинство нетатарскаго населенія было по происхожденію – украинцами, то пропаганда нашла благопріятную почву и постепенно украинизировалось много частей и флотская тяжелая батарея, что охраняла входъ въ гавань. Впослѣдствіи, это обстоятельство спасло городъ.

Къ этому времени въ городѣ появилась масса дезертировъ съ фронта, затѣмъ и уволенныхъ оттуда въ отпускъ, и Керчь сплошь заполнилась солдатами, образовался союзъ фронтовиковъ, инвалидовъ, и вообще солдаты стремились играть роль въ городѣ, хотя съ довольно мирными стремленіями.

Однако, всѣхъ пришлыхъ солдатъ и всѣхъ бывшихъ въ Керчи раньше занималъ одинъ вопросъ. Этотъ вопросъ доминировалъ надъ революціей, надъ ея

стремленіями и завоеваніями, доминировалъ даже надъ тяготѣніемъ къ землѣ и былъ онъ — миръ, миръ немедленный, во что бы то ни стало . . . Это слово не сходило съ устъ, объ немъ говорили и на базарахъ, и на улицахъ, въ казармѣ и кафе, въ лавкахъ, на бульварѣ и въ купальняхъ . . .

Какъ-то, будучи подъ впечатлѣніемъ нашего безпрерывнаго отступленія и отдачи непріятелю колоссальнаго количества военныхъ запасовъ, продовольствія и территоріи, я написалъ горячій фельетонъ на тему, что нужно принять всѣ мѣры къ побѣдѣ и, если это уже невозможно, если революція такъ разложила армію, что мы можемъ только бѣжать, то необходимо немедленно заключить миръ, чтобы спасти то, что осталось, и заняться внутреннимъ строительствомъ.

Статью я назвалъ — «проблемы мира», и эффектъ ея былъ чрезвычайный. Газета требовалась на расхватъ, мальчишекъ искали, ловили, требуя газету, гдѣ написано про миръ, читали и перечитывали и усвоили лишь ту ея часть, гдѣ говорилось о необходимости мира, какъ единственномъ выходѣ. Потребовалось второе изданіе и то тоже было сейчасъ же распродано.

Это стихійное стремленіе къ миру, во что бы то ни стало, было очень показательно и казалось яснымъ, что тотъ, кто дастъ этотъ миръ, тотъ будетъ кумиромъ толпы и получитъ надъ ней безпредѣльную власть . . .

И постепенно просачивалось, что такіе люди есть, они называются «большевики» потому что за ними — большинство и что «буржуи», которымъ выгодна эта война, препятствуютъ установленію этой истинно народной власти, а то бы миръ былъ уже подписанъ. Съ фронта же приходили извѣстія, что во многихъ мѣстахъ его солдаты не сражаются и сами постепенно заключаютъ миръ, что нѣмцы тоже не хотятъ драться, что скоро будетъ общій миръ и все только благодаря большевикамъ.

И вотъ въ октябрѣ грянулъ громъ, большевики перешли къ дѣлу и послѣ трагической обороны Зимняго Дворца, для защиты котораго въ Петроградѣ не нашлось никого, кромѣ кучки юнкеровъ и женщинъ, насталъ въ Россіи большевизмъ, а съ нимъ и фактическій миръ.

Въ Керчи большевистскій переворотъ ничѣмъ не отразился. Крымъ не принялъ большевизма, Черноморскій флотъ еще держался, еще если и не крѣпко было въ немъ вліяніе эсеровъ, то все же пока матросы вѣрили въ партію, въ ея лозунги и завѣты.

И въ то время, какъ городъ за городомъ подпадали «подъ нози» Ленина, Крымъ былъ въ сторонѣ и ничѣмъ еще не проявилъ склонности къ большевизму и только въ Севастополѣ шла усиленная работа кронштадтскихъ матросовъ по «углубленію революціи» и развитію коммунистической сознательности среди матросовъ и рабочихъ.

Шла эта пропаганда и въ Керчи, но съ ничтожнымъ успѣхомъ, такъ какъ большинство рабочихъ было на извѣстной фабрикѣ Месаксуди, гдѣ они были исключительно хорошо обставлены, а небольшая группа матросовъ-артиллеристовъ уже настолько украинизировалась, что бредила Шевченко, Остраницей, Наливайко, Тарасомъ Трясило и въ большевикахъ видѣла ту московскую «кацапскую» хитрую власть, которая когда-то цѣпко схватила «рідный край», отняла казацкую волю, забрала въ солдаты, задушила «рідну мову» да посадила «панів» . . . Для украинца — «певного и щирого» большевики были врагомъ непримиримымъ, ибо они протягивали свою цѣпкую руку къ молодой Украинѣ.

Хотя Крымъ не признавалъ еще совѣтской власти, но связь съ Москвой и Петроградомъ функціонировала правильно. Въ Керчи получались всѣ столичныя

газеты и журналы и въ началѣ, до 1918 г., то ли большевики не показали своихъ когтей, то ли вели извѣстную игру въ довѣріе, или можетъ быть, еще хотѣли слѣдовать принципамъ ученія эсдековъ, но столичныя газеты выходили свободно, критически относились къ новой власти и подробно описывали всѣ ужасы Петрограда, Москвы, Кіева и Одессы.

И эта свобода и отсутствіе рѣзкихъ репрессій совѣтской власти давало поводъ многимъ предполагать, что, можетъ быть, власть попала въ руки болѣе энергичныхъ людей и, если и суждено Россіи пережить позоръ похабнаго мира, то — явится возможность приступить къ дѣлу внутренняго строительства на новыхъ, невиданныхъ еще началахъ. Такъ смотрѣли на большевиковъ черезъ призму разстоянія, и мало кто думалъ и предполагалъ, что большевики могутъ нести только разрушеніе и гибель государства.

Такъ шло до середины декабря, когда въ Севастополѣ произошли событія, положившія начало неистовому, кровавому и кошмарному большевизму...

IX.

Опять въ Севастополѣ. Тяжелыя ожиданія. Рѣзня офицеровъ.

Въ срединѣ декабря 1917 г. я получилъ телеграмму изъ Севастополя, въ которой мнѣ предлагали назначеніе въ штабъ крѣпости. Будучи совершенно убѣжденъ, что въ Севастополѣ неизбѣжно разыграются событія, подобныя кронштадтскимъ, и оттого оставивши этотъ городъ еще въ августѣ, я рѣшилъ не принимать назначенія и, по возможности, выполнять ту незначительную должность на побережьѣ, дававшую мнѣ возможность не участвовать въ политикѣ, въ которую усиленно втягивала жизнь въ Севастополѣ. Однако, отказаться телеграммой было неудобно, и я рѣшилъ проѣхать въ Севастополь, чтобы поговорить лично, почему 15 декабря выѣхалъ изъ Керчи.

Невзирая на полупризнанный большевизмъ, въ Керчи было еще тихо: офицеры ходили въ погонахъ, убійствъ не было, не было и травли, а потому я спокойно прошелъ огромное разстояніе отъ города до вокзала, невзирая на ночь.

Народу, какъ всегда послѣ революціи, когда, казалось, переселяется вся Россія, было очень много, и я съ трудомъ отыскалъ себѣ мѣсто и къ утру слѣдующаго дня пріѣхалъ въ Севастополь.

Прекрасная, чисто лѣтняя погода, яркое солнце, голубое небо и синее море какъ-то сразу подняли настроеніе, и я бодрымъ шагомъ пошелъ отъ вокзала, подымаясь на Екатерининскую улицу.

Спускъ былъ полонъ матросами, уже сначала революціи бывшими главнымъ населеніемъ улицъ. Они шли мимо меня въ одиночку, группами и толпой, шли какъ всегда — длинной, черной лентой, блистая золотыми надписями на георгіевскихъ лентахъ фуражекъ. Кое-кто изъ нихъ грызъ сѣмячки, многіе шутили, смѣялись, словомъ — матросская толпа производила обыкновенное будничное впечатлѣніе, то, которое всегда ее сопровождало послѣ революціи.

Многіе изъ нихъ какъ-то удивленно поглядывали на меня (я былъ въ золотыхъ штабъ-офиц. погонахъ), но никто ничего не сказалъ, и мнѣ не пришлось слышать замѣчаній на свой счетъ, какъ это бывало прежде — сейчасъ же послѣ революціи.

Не спѣша, наслаждаясь прекраснымъ, совершенно лѣтнимъ днемъ, я дошелъ до квартиры своего друга и позвонилъ. Дверь долго не отворялась и, только послѣ продолжительныхъ переговоровъ, меня впустили.

Мой другъ Я—вичъ былъ необычайно обрадованъ встрѣчей, бросился ко мнѣ и въ изумленіи остановилился.

— Что съ тобой? Почему ты въ погонахъ? Бога ради, снимай ихъ сейчасъ же, заговорилъ онъ взволнованно.

— Почему, что у васъ за страхи? спросилъ я.

— Да неужели ты ничего не знаешь? Вчера матросы постановили снять со всѣхъ погоны, а сегодня, по всему городу, ходятъ пріѣхавшіе кронштадтцы и зовутъ убивать офицеровъ. Настроеніе здѣсь ужасное, и я боюсь, какъ бы сегодня день не кончился скверно, быстро проговорилъ Я—вичъ.

Сейчасъ же вмѣшалась его жена и другой мой пріятель С—въ, жившій вмѣстѣ съ ними, въ той квартирѣ, гдѣ я жилъ съ ними до августа.

Появились ножницы и черезъ минуту моя солдатская шинель потеряла всякій обликъ, ибо съ нея спороли погоны, петлицы и золотыя пуговицы.

Долго бесѣдовали мы о положеніи, мои друзья разсказывали о постоянныхъ обыскахъ, объ ужасахъ жизни въ Севастополѣ подъ вѣчнымъ страхомъ ареста и смерти. Разсказали, какъ, за день до моего пріѣзда, хоронили 56 матросовъ и рабочихъ, убитыхъ добровольцами гдѣ-то подъ Тихорѣцкой, куда недавно ѣздилъ матросскій отрядъ. Тогда офицеры уклонились идти съ отрядомъ, и матросы заставили командовать лейтенанта Скадовскаго (сына владѣльца города и порта Скадовска) и, обвинивъ его въ неудачѣ — разстрѣляли.

Похороны матросовъ были колоссальной демонстраціей: убитыхъ уложили въ открытые гробы, не обмытыхъ, въ крови, съ зіяющими ранами. Процессію сопровождали всѣ матросы, весь гарнизонъ, всѣ оркестры и громадная толпа простонародія, всего тысячъ сорокъ. Вся эта масса обошла городъ, часто останавливаясь при произнесеніи самыхъ кровожадныхъ рѣчей, направленныхъ противъ офицеровъ и интеллигенціи. Толпа ревѣла, требовала немедленнаго избіенія офицеровъ, и только случайно оно не произошло.

По возвращеніи матросовъ съ кладбища, на одномъ изъ миноносцевъ, молоденькій мичманъ критически отнесся къ дѣятельности члена Совѣта раб. деп. нѣкой Островской, давно призывавшей матросовъ къ рѣзнѣ офицеровъ, и едва онъ сказалъ эти слова, какъ изъ стоявшей позади его группы матросовъ, кто-то выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ револьвера, убивъ наповалъ. Бѣднаго юношу должны были хоронить въ день моего пріѣзда, причемъ матросы отказали для «этой падали» въ оркестрѣ.

Все это навѣяло на насъ самыя грустныя мысли и подъ впечатлѣніемъ слышаннаго мы направились въ штабъ крѣпости, пройдя черезъ Морскую и Соборную улицы, гдѣ все было спокойно.

Въ штабѣ, все старые знакомые, сидѣли какъ на иголкахъ и, видимо, — съ радостью направились бы домой. Въ пріемной, гдѣ раньше висѣли портреты бывшихъ комендантовъ и собственноручныя резолюціи Государя, было пусто и только выгорѣвшія мѣста на обояхъ напоминали о прошломъ.

Скоро я былъ принятъ начальникомъ штаба, который самъ мнѣ сказалъ, что обстановка такъ мѣняется, что онъ полагаетъ лучшимъ не принимать мнѣ новой и отвѣтственной должности здѣсь, такъ какъ вообще неопредѣленно, что будетъ; — семейному же много тяжелѣе бѣжать. Оффиціально большевики еще не признаны, попрежнему — матросами какъ будто руководитъ партія эсеровъ, но фактически власть въ рукахъ большевиковъ, и все начальство лишь жалкія пѣшки въ рукахъ матросской вольницы, руководимой кронштадцами и членомъ Совѣта раб. деп. — Островской.

Поблагодаривъ за теплое отношеніе и получивъ увѣдомленіе, что пока я остаюсь на старой должности, мы вышли и отправились въ кондитерскую Мисинскаго, такъ любимую всѣми Севастопольцами — выпить чаю.

Только мы усѣлись у большого зеркальнаго окна, какъ показалась мрачная процессія: сначала морскіе офицеры несли вѣнки, а затѣмъ, чуть колыхаясь на рукахъ старыхъ морскихъ капитановъ, появился черный гробъ съ тѣломъ убитаго мичмана. За гробомъ шли родные, плакала и билась въ чьихъ-то рукахъ мать юноши, а дальше — болѣе тысячи морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, печальныхъ и мрачныхъ, съ опущенными головами, медленно двигались за гробомъ, безъ музыки, безъ пѣвчихъ и безъ почетной полуроты...

Улица ничѣмъ не выражала сочувствія. Ни одного матроса, ни одного солдата, рабочаго или простолюдина не было въ процессіи, никто не останавливался, не снималъ шапокъ, не крестился, и только иногда, проходя по улицѣ, было слышно изъ группъ матросовъ и простонародья: — «Собакѣ собачья смерть»... «Всѣхъ бы ихъ такъ»... «Скоро всѣмъ конецъ»...

Эта процессія настроила всѣхъ на печальный ладъ и, проводивъ ее до дороги на кладбище, мы пошли домой, гдѣ просидѣли до вечера и около шести часовъ рискнули пройти по Морской и Нахимовскому.

Улицы стали необычны — та и другая стороны были почти сплошь покрыты матросами и толпа медленно двигалась безконечной черной змѣей. Чѣмъ-то зловѣщимъ вѣяло отъ этой медленно плывущей толпы, что-то грозное чудилось въ воздухѣ, точно передъ грозой, когда ждешь разряда...

Мѣстами, на Нахимовскомъ пр. около переулковъ и Базарной улицы, кружками чернѣли небольшіе митинги — «летучки», какъ ихъ называли. Въ серединѣ небольшой толпы обыкновенно возвышался и жестикулировалъ кронштадтскій матросъ, увѣшанный патронными лентами, патронташами, бомбами и съ винтовкой въ рукѣ.

Мы, стараясь не возбудить подозрѣній, останавливались около этихъ митинговъ, и все тяжелѣе дѣлалось на сердцѣ, такъ какъ матросы открыто и исключительно только призывали къ немедленному убійству офицеровъ, укоряя черноморцевъ, что десять мѣсяцевъ они даютъ возможность жить тѣмъ, кто десятки лѣтъ «пилъ ихъ кровь», вмѣсто того, чтобы поступить такъ, какъ кронштадтцы — вырѣзать всѣхъ, кто подозрителенъ, что недоволенъ «народной властью», кто мучалъ при царскомъ режимѣ, и вообще — всѣхъ «господъ»...

Эти разговоры, это человѣконенавистничество, дикіе выкрики и художественную ругань съ невѣроятными новыми варіантами было тяжело слушать, и мы — трое пошли домой, обмѣнявшись предположеніями, что эта ночь не пройдетъ благополучно.

А дома, подъ мягкій свѣтъ лампы и негромкіе звуки піанино, на которомъ играла мастерская рука хозяйки, среди уютной обстановки и милыхъ лицъ, какъ-то забылись страхи и недавнія предположенія, какъ-то перестало вѣриться, что есть ненависть и убійство, что люди въ Россіи раздѣлились лишь на двѣ группы — «буржуевъ» и «пролетаріевъ» и что буржуямъ уже нѣтъ мѣста въ жизни.

Тихо шла бесѣда, ласково звучалъ Григъ и казалось, что все отвратительное, злое и ненавидящее уже пережито... Не вѣрилось, да и не хотѣлось думать, что улица призываетъ къ убійству, къ смерти, что разбужены самые низкіе инстинкты... Не вѣрилось, такъ какъ было уютно, ласково и красиво.

Вдругъ Я—вичъ всталъ и прислушался, а затѣмъ быстро распахнулъ дверь на балконъ. Въ комнату совершенно явственно ворвались звуки частой ружейной

стрѣльбы и крики. Мы бросились на балконъ и совершенно опредѣленно убѣдились, что стрѣльба идетъ во всѣхъ частяхъ города...

Поблѣднѣвшіе мы посмотрѣли другъ на друга, жена Я–вича бросилась къ нему, а стрѣльба все разгоралась... Зазвонилъ телефонъ... Преданный солдатъ изъ штаба крѣпости говорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Матросы начали рѣзню офицеровъ, пока въ центральной части — на горѣ. Миноносцы «Хаджи-бей» и «Фидониси» всѣхъ своихъ офицеровъ только что разстрѣляли на Малаховомъ курганѣ... камнемъ падали звенѣвшія изъ трубки телефона слова.

— Лучше уѣзжайте дня на два... Тамъ будетъ видно...

— Спасибо, родной — уѣдемъ въ Ялту, отвѣтилъ Я–вичъ и сейчасъ же позвонилъ въ штабъ Черноморской Морской Дивизіи, гдѣ онъ и. д. начальника штаба, прося (какъ было заранѣе условлено) выслать его экипажъ.

Получивъ отвѣтъ, что экипажъ высылается, Я–вичъ и С–въ начали собираться. Ихъ планъ былъ обдуманъ заблаговременно и заключался въ томъ, чтобы въ экипажѣ, съ вѣрнымъ человѣкомъ, выѣхать какъ будто въ Балаклаву, а въ дѣйствительности — въ Ялту, благо пароль былъ извѣстенъ и постъ на балаклавскомъ шоссе былъ составленъ не изъ матросовъ.

— Одѣвайся скорѣе, торопилъ меня Я–вичъ, ѣдемъ вмѣстѣ...

— Поѣзжайте, обратилась ко мнѣ его жена, уже заплаканная и трясущаяся, — вѣдь только такъ и спасетесь...

— Нѣтъ, мои дорогіе, отвѣтилъ я, — мнѣ невозможно ѣхать съ вами. Завтра въ Керчи узнаютъ о рѣзнѣ и что тогда будутъ думать и переживать у меня дома. А вѣдь если я поѣду съ вами, то какъ я попаду въ Керчь изъ Ялты. Я иду на вокзалъ, попробую счастья уѣхать поѣздомъ.

Долго отговаривали меня мои друзья, но я рѣшилъ не сдаваться. Скоро внизу загремѣли колеса экипажа, проводилъ товарищей, расцѣловались, благословили другъ друга, и они поѣхали на балаклавскую дорогу, а я, имѣя въ рукахъ узелокъ съ погонами, орденами, шпорами и кокардой, разными проулками отправился на вокзалъ.

Было около десяти часовъ вечера. Морская, по которой недавно еще шли толпы, была совершенно пустынна — стрѣльба видимо шла на горѣ, на Чесменской и Соборной улицахъ, гдѣ жило много офицеровъ.

Въ это время показался трамвай, также почти пустой. Я, рѣшивъ проѣхать сколько возможно, вскочилъ въ вагонъ и онъ, видимо послѣдній, быстро покатилъ меня къ вокзалу.

Въ открытомъ вагонѣ сидѣло нѣсколько бабъ, два, три матроса и двое въ солдатскихъ шинеляхъ.

— Что то дѣлается, ужасы какіе, сказала болѣе пожилая баба, — грѣхи какіе надумали матросики — офицеровъ убивать...

— Да, грѣхи, рѣзкимъ голосомъ отозвалась помоложе, — всѣхъ ихъ сволочей убивать надо съ ихъ дѣвками и щенками. Мало они съ насъ крови выпили... Пора и простому народу попользоваться.

Матросы поддержали и скоро уже всѣ сидящіе въ вагонѣ совершенно сошлись во мнѣніяхъ и привѣтствовали убійство а я, въ пылу криковъ, ругани и всякихъ пожеланій, боясь нежелательныхъ послѣдствій, всталъ на площадку, куда скоро пришелъ одинъ изъ солдатъ (возможно — онъ былъ офицеръ, да мы боялись другъ друга).

Трамвай шелъ быстро, не останавливаясь ни на разъѣздахъ, ни на мѣстахъ остановокъ. На Нахимовскомъ, около Сѣверной гостинницы, я видѣлъ небольшую толпу матросовъ, которая, бѣшено ругаясь, стрѣляла въ лежащаго на тротуарѣ. Сердце замерло отъ жалости, но мы уже пронеслись ... Такая же сцена у Морского собранія, еще нѣсколько стрѣлявшихъ группъ по Екатерининской и трамвай выкатился на вокзальный спускъ, гдѣ все было тихо, въ бухтѣ спокойно горѣли огни на корабляхъ и даже, какъ ни странно, — гдѣ то били «склянки». Ничто не указывало на грозный часъ, кромѣ выстрѣловъ въ городѣ и около вокзала, откуда доносился какой-то ревъ.

Постепенно пассажиры примолкли, бабы сжались, притихли, поблѣднѣли и даже начали креститься, матросы соскочили около ж. д. переѣзда на Корабельную и пропали въ темнотѣ и въ вагонѣ осталось лишь нѣсколько человѣкъ.

Вотъ и вокзальный мостъ, поворотъ и трамвай сталъ медленно спускаться. Стоявшій около меня человѣкъ въ солдатской шинели соскочилъ и бѣгомъ направился къ вокзалу. Кто то крикнулъ — «стой!», раздалось нѣсколько выстрѣловъ и бѣгущій упалъ ...

Я всталъ на остановкѣ. Вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усѣяна толпой матросовъ, которые особенно сгрудились правѣе входа. Тамъ слышались безпрерывные выстрѣлы, дикая ругань потрясала воздухъ, мелькали кулаки, штыки, приклады ... Кто то кричалъ: «пощадите, братцы, голубчики»... кто то хрипѣлъ, кого то били, по сторонамъ валялись трупы — словомъ, картина, освѣщенная вокзальными фонарями, были ужасна.

Минуя эту толпу, я подошелъ къ вокзалу и, поднявшись на лѣстницѣ, гдѣ сновали матросы, попалъ въ коридоръ. Здѣсь бѣгали и суетились матросы, у которыхъ почему то на головахъ были мѣховыя шапки «нанесенки», придававшія имъ еще болѣе свирѣпый видъ. Иногда они стрѣляли въ потолокъ, кричали, ругались и кого-то искали.

— Товарищи! не пропускай офицеровъ, сволочь эта бѣжать надумала, оралъ какой то балтійскій матросъ во всю силу легкихъ. — Не пропускай офицеровъ, не про-пу-скай ... пошло по вокзалу.

Въ это время я увидѣлъ очередь, стоявшую у кассы, и сталъ въ конецъ. Весь хвостъ былъ густо оцѣпленъ матросами, стоявшими другъ около друга, а около кассы, какой-то матросъ съ дѣловымъ видомъ просматривалъ документы. Впереди меня стояло двое, очевидно, судя по пальто, хотя и безъ погонъ и пуговицъ — морскіе офицеры.

Вдругъ, среди безпрерывныхъ выстрѣловъ и ругани раздался дикій, какой-то заячій крикъ, и человѣкъ въ черномъ громаднымъ прыжкомъ очутился въ коридорѣ и упалъ около насъ. За нимъ неслось нѣсколько матросовъ — мигъ и штыки воткнулись въ спину лежащаго, послышался хрустъ, какое-то звѣриное рычанье матросовъ ... Стало страшно ...

Наконецъ, я уже сталъ близко отъ кассы. Суровый матросъ вертѣлъ въ рукахъ документы стоявшаго черезъ одного впереди меня.

— Берите его, проговорилъ онъ, обращаясь къ матросамъ.

— Ишь ты — втикать думалъ ...

— Берите и этого, указалъ онъ на стоявшаго впереди меня.

Человѣкъ десять матросовъ окружили ихъ ... На мгновенья я увидѣлъ блѣдныя, помертвѣлыя лица, еще моментъ и въ коридорѣ или на лѣстницѣ затрещали выстрѣлы ...

На что надѣялся я — сказать трудно. Въ этотъ моментъ, протягивая свои документы матросу, я уже видѣлъ себя убитымъ, ясно почувствовалъ смерть и мысленно простился съ семьею... Масса мыслей промелькнуло въ головѣ, ноги похолодѣли и ярко запечатлѣвалась въ мозгу каждая мелочь...

— Бери билетъ, чего стоишь. Да бери, что ли! услышалъ я грубый окликъ подъ ухомъ. Я взглянулъ на матроса: полное равнодушіе было написано на его лицѣ, выражавшемъ только скуку и утомленіе.

— Эй! документы то возьми, сказалъ онъ, когда я сдѣлалъ шагъ къ кассѣ и сунулъ мнѣ въ руку удостовѣреніе, гдѣ было указано чинъ, должность и фамилія.

Я, почти ничего не сознавая, назвалъ Керчь, получилъ билетъ, вышелъ въ коридоръ, гдѣ бѣсновались матросы, кто-то отворилъ тяжелую дверь, и я оказался на перронѣ. Два громадныхъ матроса, вооруженные «до зубовъ», съ винтовками на перевѣсъ бросились ко мнѣ, но видъ билета въ рукахъ ихъ успокоилъ и, вспомнивъ мать, кровь, душу и пр. — они отошли.

На платформѣ почти никого не было. Я подошелъ къ ближайшему вагону и съ трудомъ пробрался въ коридоръ. Вагонъ былъ набитъ биткомъ и, какъ ни странно, но почти вся публика состояла изъ матросовъ, солдатъ и простонародья. Двигаясь сквозь толпу, я какъ-то пробрался къ окну, кто-то подвинулся, и я сѣлъ, все еще мало сознавая, что — спасенъ, что сейчасъ уѣду и кровь, смерть и всѣ ужасы останутся позади.

Паровозъ свистнулъ и поѣздъ медленно двинулся. Кругомъ говорили только о рѣзнѣ. И въ этой массѣ матросовъ, солдатъ и рабочихъ не было ни одного, кто бы не осудилъ звѣрство, кто бы не сказалъ, что такое убійство безбожно и недопустимо. Тогда легче стало на душѣ.

— Все подлецы — балтійцы, говорилъ одинъ старый матросъ, мы — черноморцы на такое бы дѣло не пошли.

— А вы чего же глядѣли, отвѣтилъ бойкій рабочій, что васъ мало, что ли? Эдакій позоръ на флотъ, на революцію набросили, тоже «сознательные»... проговорилъ онъ съ ироніей.

— Видите, товарищъ, вмѣшался третій матросъ — тутъ ошибочка вышла: балтійцы просили арестовать только тѣхъ, кто въ Морскомъ судѣ когда находился, особенно въ 1905 и 1912 годахъ и тамъ нашего брата подъ разстрѣлъ да въ каторгу загоняли... Ну, а какъ пошли, то вонъ что вышло... Нашихъ то самая малость.

— А попробуй вмѣшаться — убьютъ, замѣтилъ первый матросъ — народъ отпѣтый, ужъ лучше какъ мы — въ Симферополь на день проѣхать, чтобы и не видѣть этого...

Постепенно я приходилъ въ себя и даже вступилъ въ разговоръ, а поѣздъ, пріятно для моего уха постукивая колесами, уносился все дальше и дальше. Проѣхали Инкерманъ, гдѣ подсѣло много матросовъ, Мекензіевы горы, Бельбекъ. Вотъ и Бахчисарай — другое царство, гдѣ порядокъ еще держитъ Крымскій конный полкъ, блистая погонами, георгіевскими крестами и оружіемъ. Тутъ уже стало совсѣмъ спокойно — видимо доѣду.

Проѣхали Симферополь и Джанкой и раннимъ утромъ слѣдующаго дня я стучался домой.

Мое спасеніе не оказалось случайнымъ: въ эту ночь рѣшено было убивать только морскихъ офицеровъ и то преимущественно тѣхъ, кто бывалъ членомъ Морского суда. Сухопутныхъ офицеровъ было убито восемь — по ошибкѣ. Однако, въ февралѣ 1918 г. матросы исправили свою ошибку, убивъ въ Севастополѣ свыше 800 офицеровъ.

Севастопольскій Совѣтъ раб. деп. умышленно бездѣйствовалъ. Туда бѣжали люди, бѣжали извѣстные революціонеры, молили, просили, требовали помощи, прекращенія убійствъ, однимъ словомъ Совѣта, но Совѣтъ безмолвствовалъ: имъ теперь фактически руководила нѣкая Островская, вдохновительница убійствъ, да чувствовалась паника передъ матросской вольницей.

И лишь на другой день, когда замученные офицеры были на днѣ Южной бухты, Совѣтъ выразилъ «порицаніе» убійцамъ...

Всего погибло 128 отличныхъ офицеровъ.

X.

Образованіе Крымскаго правительства. Начало большевизма въ Крыму. Борьба съ нимъ. Рѣзня въ Евпаторіи, Симферополѣ, Ялтѣ, Феодосіи. Вторая рѣзня въ Севастополѣ. Большевизмъ въ Керчи. Слухи о нѣмцахъ.

Послѣ Севастопольскихъ событій большевизмъ еще не сразу проявился въ Керчи и въ Симферополѣ. Хотя Вр. Правительство уже не существовало, но города по прежнему еще управлялись городскими думами, къ которымъ постепенно перешла вся власть, такъ какъ представителей центральнаго правительства въ Крыму не было.

Севастопольская рѣзня потрясла жителей Крыма и симпатій къ большевикамъ не подогрѣла, а наоборотъ дала возможность надѣяться на поворотъ общественнаго мнѣнія въ сторону борьбы съ большевиками и созданія полной автономности Крыма.

Поэтому, приблизительно въ январѣ, въ Бахчисараѣ образовалось татарское правительство, опиравшееся на «Курултай» (татарское учредительное собраніе). Его поддерживали нѣкоторые общественные дѣятели и всѣ офицеры. Образовался «Революціонный штабъ» въ Симферополѣ, который, полагалъ, что Крымскій конный полкъ, всѣ офицеры, проживающіе въ Крыму, и всѣ запасные полки будутъ на сторонѣ возставшихъ, и передъ такими силами матросы будутъ принуждены капитулировать, а отъ большевиковъ съ сѣвера можно будетъ спастись при помощи Украины.

Таковы были планы. Дѣйствительность оказалась совершенно иной, и матросы очень скоро ликвидировали эту организацію, въ самомъ началѣ ея формированія.

Въ это время, послѣ первой рѣзни, власть въ Севастополѣ фактически перешла къ большевикамъ, которые опирались на матросовъ.

Большевики въ Севастополѣ сразу поставили себѣ цѣль скорѣйшее распространеніе своей власти на весь Крымъ, и для начала рѣшено было ликвидировать Краевое Правительство со всѣми, кто его поддерживалъ.

Къ этому моменту, революціонный штабъ располагалъ ничтожными силами: въ Евпаторіи было чел. 150 офицеровъ, сведенныхъ въ дружину, въ Симферополѣ офицеровъ было много, но въ части они не были сведены и даже не регистрировались, кромѣ офицерскаго эскадрона. Крымскій конный полкъ былъ далеко не надеженъ, также были совершенно ненадежны запасные полки — три въ Симферополѣ и одинъ въ Ѳеодосіи, всего около 6000 чел.

Событія начались неожиданно. Въ Евпаторіи офицерскій патруль задержалъ рабочаго, извѣстнаго большевика, участника Севастопольскихъ убiиствъ и разстрѣлялъ его на мѣстѣ. Это было какъ бы сигналомъ и на другой день на рейдъ

вошли два транспорта (одинъ — «Румынія», названіе другого не помню) и открыли огонь по городу и въ частности по дачѣ, гдѣ собирались офицеры у штабсъ-ротмистра Новацкаго. Слабый офицерскій отрядъ разбѣжался, матросы высадили дессантъ, заняли городъ и арестовали всѣхъ офицеровъ, которыхъ нашли въ городѣ, отправивъ ихъ въ трюмъ транспорта «Румынія».

На утро всѣ арестованные офицеры (всего 46 чел.) со связанными руками были выстроены по борту транспорта и одинъ изъ матросовъ ногой сбрасывалъ ихъ въ море, гдѣ они утонули. Эта звѣрская расправа была видна съ берега, тамъ стояли родственники, дѣти, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смѣялись.

Среди офицеровъ былъ мой товарищъ, полковникъ Сеславинъ, семья котораго тоже стояла на берегу и молила матросовъ о пощадѣ. Его пощадили — когда онъ, будучи сброшенъ въ воду не пошелъ сразу ко дну и взмолился, чтобы его прикончили, одинъ изъ матросовъ выстрѣлилъ ему въ голову...

Ужаснѣе всѣхъ погибъ шт.-ротм. Новацкій, котораго матросы считали душой возстанія въ Евпаторіи. Его, уже сильно раненаго, привели въ чувство, перевязали и тогда бросили въ топку транспорта «Румынія».

Одновременно, нѣсколько миноносцевъ были направлены въ Ялту, Алушту и Ѳеодосію и вездѣ, не встрѣчая никакого сопротивленія, матросы неистовствовали, разстрѣлявъ въ Ялтѣ свыше 80 офицеровъ, въ Ѳеодосіи больше 60 и въ Алуштѣ нѣсколькихъ, проживавшихъ тамъ, старыхъ отставныхъ офицеровъ.

Въ Севастополѣ тогда же, это было въ февралѣ, произошла вторая рѣзня офицеровъ, но на этотъ разъ она была отлично организована, убивали по плану и уже не только морскихъ, но вообще всѣхъ офицеровъ и цѣлый рядъ уважаемыхъ гражданъ города, всего около 800 человѣкъ.

Трупы собирали спеціально назначенные грузовые автомобили, которые обслуживались матросами, одѣтыми въ санитарные халаты... Убитые лежали грудами и, хотя ихъ прикрывали брезентами, но все же съ автомобилей болтались головы, руки, ноги... Ихъ свозили на Графскую пристань, гдѣ грузили на баржи и вывозили въ море.

Я не былъ свидѣтелемъ этихъ ужасовъ, но благодаря разсказамъ ряда очевидцевъ кошмарная картина убійствъ рисуется совершенно ясно. По своей исключительной жестокости и бездушности, продуманности и подготовкѣ, вторая рѣзня въ Севастополѣ дѣйствительно напоминала Варѳоломеевскую ночь, о которой такъ часто говорили матросы и солдаты.

Между прочимъ, среди этой массы убитыхъ погибли мои друзья, полковники Быкадаровъ и Эртель въ Севастополѣ и подполковникъ Ковалевъ въ Ялтѣ. Въ квартирѣ Быкадарова при обыскѣ нашли миніатюру Государя, работы его жены, которая недурно рисовала, и его звѣрски убили тутъ же. Полковникъ Эртель, командуя коннымъ полкомъ на Кавказѣ, пріѣхалъ въ отпускъ на нѣсколько дней къ семьѣ и какъ ни убѣждалъ, что онъ не принадлежитъ къ Севастопольскому гарнизону, его повели на разстрѣлъ. Видя, что смерть неизбѣжна, онъ попросилъ завязать ему глаза.

— Вотъ мы тебѣ ихъ завяжемъ!.. сказалъ одинъ изъ матросовъ и штыкомъ выкололъ несчастному Эртелю глаза... Его убили и трупъ три дня валялся на улицѣ и его не выдавали женѣ. А Эртель былъ дивный человѣкъ, котораго всѣ любили, а солдаты — боготворили...

Подполковника Ковалева въ Ялтѣ подвергли домашнему аресту и онъ вышелъ на улицу около дома. Это сочли достаточной причиной для казни, тѣмъ болѣе,

что у него на пальцѣ было очень дорогое брилліантовое кольцо... Его взяли на миноносецъ и, застрѣливъ, бросили въ море, не обращая вниманія на слезы и мольбы его жены, и просьбы подчиненныхъ ему солдатъ, души не чаявшихъ въ своемъ командирѣ.

Словомъ, въ эти кошмарные дни весь южный берегъ Крыма былъ залитъ кровью, офицеры въ паникѣ бѣжали и прятались, а Симферополь въ ужасѣ ждалъ своей участи.

И дѣйствительно, составивъ небольшой отрядъ чел. въ 300, матросы подошли къ Бахчисараю. Тщетно атаковалъ офицерскій эскадронъ — Крымскій конный полкъ отошелъ и Бахчисарай палъ, а на другой день матросы вошли въ Симферополь, гдѣ всѣ запасные полки не вышли изъ казармъ, а Крымскій конный полкъ, который большевики пообѣщали распустить по домамъ — сдался.

Сейчасъ же началась расплата, начались разстрѣлы офицеровъ, которыхъ убили свыше 100, и наиболѣе уважаемыхъ гражданъ. Послѣднихъ собрали въ тюрьмѣ и убили всѣхъ — свыше 60 человѣкъ на дворѣ тюрьмы.

Съ этого момента въ Крыму воцарился большевизмъ въ самой жестокой, разбойничье-кровожадной формѣ, основанной на дикомъ произволѣ мѣстныхъ властей, не поставленныхъ хотя бы и большевистскимъ, но все же — правительствомъ, а выдвинутыхъ толпой, какъ наиболѣе жестокихъ, безжалостныхъ и наглыхъ людей.

Во всѣхъ городахъ лилась кровь, свирѣпствовали банды матросовъ, шелъ повальный грабежъ, словомъ, создалась та совершенно кошмарная обстановка потока и разграбленія, когда обыватель сталъ объектомъ перманентнаго грабежа.

Во время недолгой борьбы противъ большевиковъ въ Крыму я тоже принялъ участіе, но не успѣлъ еще войти въ дѣло, какъ все было ликвидировано, пришлось бѣжать, и я вновь засѣлъ въ тихой Керчи, надъ которой видимо сіяла счастливая звѣзда.

Здѣсь съ благодарностью я вспоминаю г. Кристи, идейнаго большевика, котораго судьба поставила во главѣ большевистской власти въ Керчи. Интеллигентный человѣкъ, мягкій и кроткій, хотя — горячій и искренній послѣдователь большевистскихъ идей, но врагъ всякаго насилія, крови и казней, обладая большой волей и характеромъ, одинъ только Кристи спасъ Керчь отъ рѣзни, которую много разъ порывались произвести пришлые матросы съ негласнаго благословенія Совдепа и, благодаря Кристи, въ Керчи не было ни одного случая убійства, и до самаго прихода нѣмцевъ 1-го мая,' если всѣ и жили подъ вѣчнымъ страхомъ и ожиданіемъ убійствъ, то только благодаря Кристи, сумѣвшему удержать отъ этого особенно буйные элементы, въ Керчи вовсе не пролилось крови.

Все было удивительно въ этомъ тихомъ городѣ, гдѣ большевизмъ проходилъ такъ необычайно. Напримѣръ — арестовали богатаго помѣщика Глазунова (сына извѣстнаго книгоиздателя), продержали въ тюрьмѣ дней пять и выпустили обратно въ усадьбу, оставивъ даже драгоцѣнное брилліантовое кольцо, бывшее въ моментъ ареста.

Въ городѣ жилъ бывшій министръ финансовъ Баркъ, котораго многіе знали. И хотя онъ былъ министръ «царскаго правительства», однако его не тронули.

Часть, въ которой я состоялъ еще при Временномъ Правительствѣ, выбрала меня командиромъ. Я не хотѣлъ вступать, такъ какъ у нихъ былъ командиръ полковникъ Антонини, и оба мы существовали не командуя, а частью управлялъ комитетъ. Однако, часть эта не признала большевиковъ и, что особенно удивительно, получала деньги на свое содержаніе отъ Городской Управы, а послѣ, когда неза-

долго до прихода нѣмцевъ, большевики уничтожили городское самоуправленіе, мы получали деньги отъ Совдепа — «на содержаніе части, не признающей большевиковъ и не входящей въ Красную армію»...

Красной Арміи еще почти не существовало, хотя о записи въ нее было объявлено, фактической силой была только городская милиція (преимущественно изъ бывшихъ городовыхъ). Морская батерея украинизировалась и хранила загадочное молчаніе. Чрезвычайной комиссіи еще не существовало, и новая революція проходила въ прежнихъ условіяхъ, особенно благодаря Кристи, сумѣвшему направить керченскую жизнь въ сранительно спокойное русло.

Въ мартѣ намъ объявили, что разъ мы не хотимъ поступить въ составъ Красной Арміи, то будутъ выдавать содержаніе еще мѣсяцъ, а потомъ распустятъ, и солдаты стали искать работы, а офицеры надѣялись вырваться на Донъ или Кубань.

Къ этому времени относится моя поѣздка на Кубань, въ станицу Таманскую, откуда я думалъ пробраться въ добровольческую армію. Однако, какъ разъ въ Тамани былъ большевизмъ, въ день моего пріѣзда казаки убили двухъ братьевъ Пятовыхъ, старыхъ офицеровъ, проживших десятки лѣтъ въ станицѣ. Тѣла ихъ облили керосиномъ и подожгли на свалкѣ, а послѣ женщины приходили со всей станицы и оскверняли трупы...

А этихъ офицеровъ въ Тамани любили и уважали, и ихъ сестра была лѣтъ двадцать учительницей въ мѣстной школѣ и напрасно валялась въ ногахъ своихъ бывшихъ учениковъ... Я тогда еле добрался до Керчи, такъ какъ путь черезъ Тамань былъ закрытъ.

Жизнь въ Керчи дорожала, стало меньше хлѣба, появился черный и уже приходилось часами стоять въ очередяхъ. Совсѣмъ не стало денегъ и вмѣсто нихъ пустили облигаціи «Займа Свободы». Пробовали было большевики устраивать «изъятія у буржуевъ» излишковъ, но какъ-то не выходило и не клеилось.

Буржуазія была вся наперечетъ, всѣ ее знали, и она всячески старалась идти въ ногу, часто «жертвуя» особенно яростными крикунами.

Объявили фабрики и торговыя предпріятія собственностью рабочихъ и приказчиковъ, но фабрика Месаксуди выбрала хозяина своимъ комиссаромъ, а магазины лишь на вывѣскахъ указали фамиліи приказчиковъ, въ дѣйствительности — все осталось по старому.

Единственно, на что крѣпко наложили руку большевики, вѣрнѣе — матросы, это на пароходство и рыбную ловлю. Всѣ пароходныя общества были «національзированы» и управлялись «семеркой» матросовъ, почему всѣ доходы шли въ ихъ личный карманъ. Пароходы ходили по Азовскому морю и часто — по Черному до Батума. Команда привозила керосинъ и продукты, и матросы въ массѣ ударились въ спекуляцію, забывъ про революцію.

Также захватили они богатѣйшія рыбныя ловли на косѣ, верстахъ въ 9 отъ Керчи. Промыслы были названы «Черноморскій Флотъ», но хозяйничанье матросовъ было изъ рукъ вонъ плохо, флотъ вовсе не получалъ никакой рыбы, а уловъ продавался и деньги шли «тройкѣ», управлявшей промыслами.

Хотя убійствъ не было, но городъ все время жилъ въ ихъ ожиданіи. Каждый вечеръ ходили тревожные слухи и оказывалось, что Кристи опять убѣдилъ «не пачкать революцію», и наступало успокоеніе.

Нѣсколько разъ всей семьей приходилось ночевать въ слободкѣ, у стараго вахмистра, который прибѣгалъ ко мнѣ, приносилъ платье и говорилъ, что ночью рѣзня неизбѣжна. Тогда, одѣтый такимъ страшилищемъ, что мнѣ давали дорогу

на улицѣ, пробирался я на слободку, приходили жена и сынъ и всѣ мы устраивались вповалку въ старой избѣ, прислушивались къ ругани и крику на улицахъ, ожидая, что вотъ ворвутся матросы... Но наступалъ день и опять приходило успокоеніе.

Какъ-то разъ около моего дома остановился ночью автомобиль и раздался неистовый стукъ въ двери.

– Ну, конецъ!.. сверкнуло въ головѣ, когда я пошелъ открывать.

Въ комнату ввалилось три вооруженныхъ пьяныхъ матроса.

– Это што ли домъ № 42? спросилъ меня одинъ.

– Нѣтъ, нашъ домъ 41, а 42 на другой сторонѣ.

– А кто ты такой? спросилъ меня другой – дай-ка листъ бумаги, мы запишемъ.

– Чортъ съ нимъ, время нѣтъ, пойдемъ, товарищи... Напугался, братъ? сказалъ третій. – Ну, свѣти, счастливъ твой Богъ...

И вся ватага высыпала на крыльцо...

А на утро я узналъ, что арестовали одного офицера, жившаго въ № 42...

Въ общемъ, конечно, было плохо: не было закона, былъ возможенъ полный произволъ, увеличились грабежи, не было личной безопасности, подорожала жизнь, но все же сравнительно съ Севастополемъ – было тихо.

Ѳеодосія жила особой жизнью. Тамъ была большевистская власть, но ее вовсе не признавали солдаты кавказскихъ полковъ, которые десятками тысячъ возвращались съ Кавказа на родину и заставляли трепетать не только ѳеодосійскія власти, но и грозный Севастополь.

Съ ними заигрывали, заискивали и всячески стремились скорѣе ихъ отправить, но обыкновенно они сидѣли недѣли по двѣ, пока не распродавали всѣ казенныя и награбленныя въ Трапезундѣ вещи.

Базаръ кишмя кишѣлъ солдатами, которые продавали все, начиная съ лошадей и кончая пулеметами и живыми турчанками, которыя были ихъ «женами» и бѣжали изъ Трапезунда, боясь мести турокъ. Турчанки котировались отъ 200 до 2000 рублей и выше и открыто покупались татарами, чему я лично былъ свидѣтель.

Первый транспортъ кавказскихъ полковъ во время послѣднихъ кровавыхъ событій былъ остановленъ въ морѣ миноносцемъ «Хаджи-бей», откуда предложили сдать всѣхъ офицеровъ.

Солдаты не согласились и даже приготовили пулеметы, на что «Хаджи-бей» пригрозилъ миной, и тогда солдаты со слезами выдали 63 офицера, и они всѣ были разстрѣляны на Новороссійскомъ молу. Позже, когда прошла эта кровавая недѣля, транспорты возвращались съ офицерами, съ которыми, какъ это ни горько, солдаты братски дѣлились деньгами, вырученными отъ продажи казеннаго имущества...

Въ Ѳеодосіи солдаты расположились, какъ у себя дома, занявъ роскошныя дачи на берегу. Я помню, какъ изъ дивной дачи Стамболи выносили изящную мебель краснаго дерева, тутъ же ломали и жгли на кострахъ, гдѣ варили себѣ ѣду въ котелкахъ. Они проходили, какъ саранча, все покупая и все продавая, шумно, пьяно и весело, но благодаря имъ – вооруженнымъ до зубовъ и съ артиллеріей, въ Ѳеодосіи было, если и не спокойно, то все же – терпимо.

Подходила весна. И вмѣстѣ съ дуновеніемъ теплаго вѣтерка, вмѣстѣ съ моментомъ воскресенія природы до Керчи докатился сначала робкій, а потомъ уже болѣе увѣренный слухъ, что на Крымъ двигаются украинцы и нѣмцы.

Слухи эти сначала тщательно скрывались, но наконецъ появились воззванія и приказы на красной бумагѣ, гдѣ говорилось, что «украино-нѣмецкія банды»

протягиваютъ свои «хищныя руки» къ Крыму и что весь пролетаріятъ Крыма и матросы встанутъ, какъ одинъ, и уничтожатъ дерзкаго врага, «прихвостней капитала и черной реакціи» . . . Появились реляціи о громкихъ побѣдахъ, однако, стала замѣтна тревога . . .

И вдругъ, въ одинъ погожій весенній день, въ городъ на галопѣ ворвались какіе-то конные — около сотни, безжалостно нахлестывавшіе лошадей. Оборванные, грязные, кое-какъ одѣтые, съ веревочными поводьями и стременами, подушками вместо сѣделъ, эта всадники оказались кавалеріей красной арміи. По ихъ словамъ, нѣмцы катятся непосредственно за ними.

А вслѣдъ за конными потекла пѣхота съ нѣсколькихъ поѣздовъ (около 4000 челов.) и съ массой награбленнаго добра. Все это бросилось въ портъ и, давя другъ друга, полѣзло на нѣсколько военныхъ транспортовъ въ состояніи полной паники, когда одинъ выстрѣлъ заставилъ бы ихъ всѣхъ сдаться.

Отрядомъ командовалъ славившійся своей жестокостью, матросъ Живодеровъ, бывшій ранѣе вѣстовымъ у адмирала Трегубова, начальника Керченскаго порта и гарнизона.

Двое сутокъ непрерывно грузились большевики на транспорты, набивая ихъ награбленнымъ добромъ. Ящики падали, разбивались, шеколадъ, кофе, сахаръ, чай, мыло и матеріи пудами и свертками валялись на берегу и жители слободки открыто растаскивали на глазахъ солдатъ, такъ какъ тѣ при всемъ желаніи не имѣли возможности все награбленное нагрузить на транспорты и спѣшили захватить лишь самое цѣнное.

Наступалъ конецъ — въ Керчи собралась вся знаменитая и геройская красная армія, бѣжавшая безъ всякаго сопротивленія отъ нѣмцевъ изъ Перекопа . . .

XI.

Возстаніе въ Керчи. Уходъ большевиковъ. Въ ожиданіи нѣмцевъ. Угроза краснаго дессанта. Нѣмцы въ Керчи.

Едва большевистскія войска стали нагружаться на транспорты, какъ тамъ уже оказался и керченскій Совдепъ. Въ городѣ поднялось открытое ликованіе, и власть приняла Городская дума во главѣ съ городскимъ головой Могилевскимъ. Сейчасъ же сорганизовались дружины изъ рабочихъ и фронтовиковъ (болѣе 3000 чел.), которые и взяли на себя охрану города и окрестностей, а по предложенію Городской Думы, я сформировалъ изъ пограничныхъ солдатъ конный отрядъ для дальней развѣдки и охраны. Все это севершилось въ нѣсколько часовъ, и приблизительно къ 8 час. вечера я со своимъ отрядомъ выступилъ на охрану города.

Отрядъ имѣлъ совершенно необычный для Керчи видъ: люди были прекрасно одѣты, сидѣли на хорошихъ строевыхъ лошадяхъ, были отлично вооружены и производили впечатлѣніе солдатъ довоеннаго времени, идущихъ на парадъ.

Едва отрядъ вышелъ на главную улицу, какъ собралась огромная толпа, принявшая отрядъ за украинцевъ, люди кричали «ура», цѣловали солдатъ и вообще выражали исключительный восторгъ и мы не могли ихъ увѣрить, что всегда находились въ Керчи.

Въ тотъ моментъ, когда мы съ трудомъ продвигались черезъ толпу, въ нее врѣзался автомобиль, въ которомъ сидѣлъ командующій большевистской «арміей» — матросъ Живодеровъ, одѣтый въ матросскую форму, причемъ слѣва висѣлъ

флотскій палашъ, а справа — офицерская шашка Крымскаго кон. полка, вся въ серебрѣ. Кромѣ того, два револьвера и двѣ — накрестъ — ленты съ патронами довершали его вооруженіе.

Увидѣвъ стройные ряды конныхъ солдатъ, онъ сначала растерялся, а потомъ, когда ему сказали изъ толпы, что это не нѣмцы и не украинцы, вскочилъ на сидѣніе и схватился за маузеръ.

— Вы кто такіе! .. Какъ смѣете выходить вооруженными! .. Всѣхъ разстрѣляю! закричалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и добавляя площадную ругань.

— Городская конная охрана изъ пограничниковъ, отвѣтилъ я — сформирована для охраненія порядка въ виду ухода красныхъ войскъ...

— А, контръ-революціонеры! .. Буржуи проклятые! .. Вотъ я вамъ покажу, мы еще всѣ здѣсь и никуда не уйдемъ... Самъ перестрѣляю! .. и Живодеровъ потянулъ изъ кобуры маузеръ...

Я скомандовалъ — «шашки къ бою!», сверкнули клинки и отрядъ пододвинулся къ автомобилю, но шоферъ быстро далъ задній ходъ, толпа бросилась въ сторону и Живодеровъ помчался, крича, что сейчасъ выведетъ пять тысячъ человѣкъ и всѣхъ разстрѣляетъ.

Мы продолжали свой путь, когда отъ разъѣздовъ и жителей получили свѣдѣнія, что нѣсколько пѣшихъ отрядовъ большевиковъ замѣчены на улицахъ, которыя сразу вымерли. Спустя немного времени выстрѣлы и пули запѣли надъ отрядомъ, почему мы заѣхали въ переулокъ, полагая пойти въ шашки при приближеніи большевиковъ. Выстрѣлы приближались, и всѣ мы ждали момента атаки, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, какъ вдругъ тяжело грохнулъ выстрѣлъ береговой пушки, и снарядъ разорвался надъ транспортами, гдѣ грузились большевики... Еще и еще забухали тяжелыя орудія, и снаряды явственно рвались надъ бухтой...

— Бѣгутъ! .. крикнулъ развѣдчикъ и, дѣйствительно, большевики бѣжали, провожаемые безпорядочнымъ огнемъ рабочихъ городской охраны, засѣвшихъ въ домахъ и воротахъ.

Нашъ отрядъ на рысяхъ пошелъ въ преслѣдованіе, т. е. вѣрнѣе — подгонялъ большевиковъ къ транспортамъ, куда они бѣжали со всей быстротой, какую могли развить. А въ это время снарядъ за снарядомъ разрывались надъ бухтой и, наконецъ, подъ выстрѣлы и крики «ура» собравшейся толпы, транспорты одинъ за другимъ отвалили отъ мола и взяли курсъ на Азовское море.

Большевики ушли...

Оказывается, морская береговая батарея, гдѣ было всего около 50 матросовъ, получивъ свѣдѣнія, что большевики хотятъ разграбить Керчь, предупредила, что откроетъ огонь, если они не уберутся немедленно и, дѣйствительно, — огонь былъ открытъ, а тогда большевики, бывшіе въ городѣ, съ лихорадочной поспѣшностью вскочили на суда и, благодаря нѣсколькимъ орудійнымъ выстрѣламъ, Керчь была спасена отъ разгрома.

Утромъ жители не вѣрили, что большевиковъ уже нѣтъ. Тысячная толпа бросилась къ гавани, но тамъ на берегу валялись лишь разбитые ящики и бочки, груды соломы да разсыпанная мука, стояли опорожненные составы поѣздовъ, а транспортовъ уже не было.

Всѣ радовались, какъ дѣти — чувствовали себя, какъ въ Свѣтлый праздникъ, улицы наполнились и оживились, открылись магазины, появились товары и жизнь закипѣла, какъ будто большевиковъ никогда не было. Сейчасъ же стала выходить газета, питавшаяся пока только слухами, появились надежды на будущее, всякіе чаянія и планы.

Городскую охрану несли рабочіе, дальнюю развѣдку я со своимъ отрядомъ, и первые дни настроеніе было повышенное, весьма воинственное и смѣлое. Нѣмцевъ ждали со дня на день, однако, ихъ не было и даже слухи о нихъ прекратились.

Наоборотъ, сталъ муссироваться слухъ, что матросы ихъ гдѣ-то разбили и что Живодеровъ на дняхъ возвращается, чтобы наказать «буржуазную» Керчь, и этотъ слухъ сталъ очень нервировать рабочихъ и солдатъ городской охраны, отчего городская охрана быстро уменьшилась и недѣли черезъ полторы изъ трехъ тысячъ человѣкъ не насчитывалось и пятисотъ.

Наконецъ, 28-го апрѣля получилось письмо отъ Живодерова въ Городскую думу; оно напоминало письмо запорожцевъ къ султану: Живодеровъ издѣвался надъ ожиданіемъ нѣмцевъ, которые будто бы разбиты и бѣгутъ, и обѣщалъ 1 мая прибыть въ Керчь и «затопить ее кровью» . . .

Письмо произвело сильное впечатлѣніе. Выслали развѣдку на автомобилѣ до Владиславовки (откуда дорога идетъ на Джанкой и Ѳеодосію), но на всемъ пути нѣмцевъ не обнаружено и . . . охрана города уменьшилась до ста человѣкъ . . .

Настали тревожные дни, многіе бѣжали изъ города въ деревни, а оставшіеся большевики подняли голову. Начались нападенія на посты, появились раненые, по ночамъ трещали выстрѣлы по всему городу. Моему отряду нѣсколько разъ приходилось выбивать большевиковъ на слободкѣ, и у арестованныхъ находили списки обреченныхъ, гдѣ были записаны и всѣ офицеры, жившіе въ городѣ.

Уже раздавались голоса, что нѣмцы не придутъ, а съ большевиками Керчь жила тихо, а теперь они разсержены и даромъ это не пройдетъ. Словомъ — Керчь пала духомъ . . .

1-го мая, часовъ около 12 дня, я былъ на горѣ Митридатъ, когда замѣтилъ оттуда скопленіе поѣздовъ на давно мертвой станціи. Я быстро спустился въ городъ, гдѣ на улицахъ уже стояли толпы народа, мѣстами висѣли украинскіе флаги и царили возбужденіе и радость.

Проѣхалъ автомобиль съ пулеметомъ подъ украинскимъ флагомъ — депутація отъ морской батареи... За нимъ появилась депутація отъ украинской «спілки», гдѣ-то колыхались уже украинскія знамена и виднѣлись портреты Шевченко . . .

И вотъ со стороны вокзала появилась группа всадниковъ, ближе и ближе... И на рысяхъ, съ пиками у бедра, съ надвинутыми на лобъ стальными касками, на дивныхъ лошадяхъ прошелъ разъѣздъ германскихъ драгунъ... Солдаты, мягко и въ ритмъ подымаясь въ сѣдлахъ, внимательно, остро и недовѣрчиво взглядывали по сторонамъ. За ними еще и еще разъѣзды все большаго состава. Мягко шелестя резиною шинъ, въ удивительномъ порядкѣ и стройно прошла рота самокатчиковъ; далѣе показались пѣшіе патрули и дозоры, и, наконецъ, мощно отбивая подкованными сапогами шагъ, появилась безсмертная германская пѣхота, вся сѣрая въ своихъ оригинальныхъ стальныхъ каскахъ, придающихъ такой воинственный видъ, двигающаяся по широкой керченской улицѣ, какъ грозная и неизбѣжная лавинна . . .

Баталіонъ за баталіономъ, полкъ за полкомъ, артиллерія, пулеметы, обозы, — все въ дивномъ порядкѣ, все вычищенное, сіяющее и новое — какъ будто только что изъ магазина игрушекъ . . . Всѣ они шли, какъ на парадъ, и не вѣрилось, что эти люди, лошади, пулеметы, пушки и обозы сняты съ самихъ тяжкихъ участковъ французскаго фронта, послѣ четырехлѣтней упорной жестокой войны ...

Перваго мая въ Керчь вошла баварская (или ганноверская, хорошо не помню) дивизія. Ни одного украинца съ нею не пришло — ихъ германцы выпроводили

еще изъ Симферополя, такъ какъ они безчинствовали и грабили, и нашимъ делегаціямъ пришлось съ грустью вернуться домой, скромно свернувъ свои знамена. Настала пора германской оккупаціи . . .

Войска быстро разошлись по заранѣе выработанному плану и разводились офицерами по квартирамъ съ такой же увѣренностью — какъ въ собственныя казармы.

Мѣстами, вдоль улицъ, поставили орудія, мѣстами — изъ нѣкоторыхъ оконъ торчали пулеметы. По улицамъ днемъ и ночью появились патрули, и жители сразу убѣдились и увѣрились, что о выступленіяхъ нечего и думать. На бульварѣ, гдѣ гуляла масса офицеровъ и солдатъ, сталъ играть оркестръ и вообще жизнь приняла мирный характеръ.

Недовольныхъ нѣмцами не было, держали они себя отлично, на базарѣ и въ магазинахъ за все платили германскими деньгами. Курсъ марки былъ объявленъ въ 75 коп., а спустя мѣсяца полтора повышенъ до рубля. Появилось много мелкихъ германскихъ денегъ, почему и эта сторона жизни — голодъ въ денежныхъ знакахъ, урегулировалась.

Къ офицерамъ отношеніе было отличное. Въ своемъ обращеніи начальникъ нѣмецкой дивизіи сказалъ, что офицерамъ теперь мѣсто или въ Украинѣ, гдѣ идетъ государственное строительство, или на Дону, въ добровольческой арміи, и что нѣмцы окажутъ содѣйствіе каждому, кто пожелаетъ туда отправиться.

Однако, начальникъ дивизіи намекнулъ, что по нѣкоторымъ соображеніямъ нахожденіе массы офицеровъ въ Крыму — нежелательно, въ чемъ мы усмотрѣли стремленіе нѣмцевъ создать изъ Крыма свою колонію, какое предположеніе оправдывалось созданіемъ Крымскаго Краевого Правительства, подъ предсѣдательствомъ графа Татищева, полной изоляціей отъ Украины и стремленіемъ нѣмцевъ плотно сѣсть въ Крыму путемъ организаціи всевозможныхъ нѣмецкихъ обществъ для его эксплоатаціи.

Немедленно, по прибытіи нѣмцы объявили, что всѣ жители обязаны сдать оружіе, и отбирали его довольно энергично, обѣщая разстрѣлъ въ случаѣ утаиванія, и привели эту угрозу въ исполненіе на одномъ изъ заводовъ, гдѣ рабочіе спрятали пулеметы и бомбы, что сразу убѣдило всѣхъ въ «серьезности» нѣмцевъ, и сдача оружія пошла быстрѣе.

Большевиковъ нѣмцы не искали и не ловили и только тогда арестовывали, когда на нихъ указывали русскіе. Однако, никакихъ разстрѣловъ и вообще тяжкихъ наказаній за политическія убѣжденія не было, если дѣйствія большевиковъ не были направлены противъ германскихъ войскъ.

Будучи связанъ съ Украиной, повѣривъ, что изъ Кіева пойдетъ оздоровленіе Россіи и имѣя въ Украинѣ большинство своихъ товарищей и сослуживцевъ, я рѣшилъ, пользуясь приходомъ нѣмцевъ, проѣхать въ Кіевъ и поступить тамъ на службу.

Въ это время нѣмцы предложили намъ расформироваться, и такъ какъ наша часть не признала большевистской власти и выступала противъ большевиковъ, то они насъ признали регулярной частью русской арміи и не реквизировали имущества, а купили весь конскій составъ, сѣдла и прочее имущество и вооруженіе, уплативъ хотя и немного, но все же уплативъ.

Эти деньги дали возможность выдать содержаніе всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, послѣ чего часть была расформирована. Въ другихъ же городахъ всѣ части, оставшіяся къ моменту прихода нѣмцевъ, были признаны красноармейцами, и ихъ оружіе, лошади и имущество конфисковывались.

Закончивъ расформированіе, въ первыхъ числахъ іюня, я выѣхалъ въ Севастополь, чтобы оттуда со своимъ другомъ С—вымъ ѣхать въ Кіевъ, искать новой жизни и новаго счастья.

XII.

Нѣмцы въ Севастополѣ. Послѣднія минуты флота. Разгромъ квартиры. По дорогѣ въ Украину. Въ Кіевѣ. Мытарства по штабамъ. Возвращеніе въ Керчь.

Прибывъ въ Крымъ, нѣмцы постарались сейчасъ же насадить свои порядки, подчасъ забывая наши чисто русскія особенности — малую культурность и непривычку къ регламентаціи всего уклада жизни, почему иногда всѣ ихъ добрыя намѣренія разбивались, не внося существенныхъ измѣненій въ жизнь.

Между прочимъ, нѣмцы попытались ввести на жел. дорогѣ тѣ же порядки, что и въ Германіи, и когда я получилъ билетъ, то не вышелъ, какъ обыкновенно, на платформу, а попалъ въ огромную толпу, тѣсно сжатую коридоромъ, и ожидавшую момента открытія двери. У дверей стоялъ кондукторъ, ожидая, что какъ и въ Германіи, каждый предъявитъ билетъ для контроля и чинно направится занимать мѣсто. Въ помощь ему, имѣя въ виду, что это Россія, а не Германія — дали двухъ солдатъ.

Толпа долго и терпѣливо ждала, едва выдерживая отчаянную духоту и жару. Наконецъ, подали составъ, дверь открылась и... въ тотъ же моментъ кондукторъ и солдаты были смяты, толпа, какъ бурный потокъ, вылилась на платформу, и сейчасъ же весь поѣздъ былъ набитъ биткомъ...

Тщетно нѣмцы увѣряли, что «нельзя во время движенія оставаться на площадкѣ», тщетно доказывали, что лѣстницы и крыши не мѣста для пассажировъ — вагоны были заняты крѣпко, и удивленнымъ нѣмцамъ пришлось капитулировать, тѣмъ болѣе, что сдѣланная ими проволочная изгородь кругомъ станціи была сразу же разнесена до основанія и безплатныхъ пассажировъ было, пожалуй, больше, нежели платныхъ.

Такъ печально кончилось стремленіе нѣмцевъ насадить у насъ свои порядки, и вскорѣ они вездѣ махнули на это рукой, оставивъ въ каждомъ поѣздѣ половину состава для себя и предоставивъ безконечному числу пассажировъ помѣщаться, какъ и гдѣ хотятъ, забивать площадки и лѣстницы, падать и разбиваться.

Вездѣ на станціяхъ характерныя нѣмецкія каски, вездѣ дежурные съ ружьями, мѣстами — пулеметы. Въ дорогѣ разговоры только про нѣмцевъ, удивленіе ихъ порядку, дисциплинѣ, вѣжливости и привычкѣ расплачиваться.

Въ Севастополѣ тѣ же пушки, угрожающе направленныя вдоль улицъ, пулеметы на балконахъ, офицеры и солдаты безъ конца, аккуратныя подводы, наглухо закрытыя брезентомъ, марширующіе взводы и ряды, конные и пѣшіе патрули и полное отсутствіе той наглой матросской толпы, что въ декабрѣ такъ рѣзко бросалась въ глаза.

Послѣднія минуты большевистскаго Севастополя — его агонія, продолжалась не долго. Нѣмцы, распрощавшись въ Симферополѣ съ украинцами, которые по своему «вільному» духу къ нимъ совсѣмъ не подошли, быстро покатились къ Севастополю, встрѣчая ничтожное сопротивленіе матросовъ, невзирая на кричащіе красные плакаты, гдѣ указывалось, что скорѣе всѣ матросы лягутъ до единаго, нежели нѣмцы будутъ въ Севастополѣ.

Паника, которая поднялась среди краснаго Севастополя, не поддается описанію, и всѣ эти декабрьскіе и февральскіе убійцы, грабители крымскихъ городовъ,

палачи, убившіе тысячи безвинныхъ людей — какъ стадо барановъ лѣзли съ награбленнымъ добромъ въ транспорты, наполняя ихъ свыше мѣры.

Въ той безудержной паникѣ, которой они поддались, матросы бросились къ капитану 1 ранга Саблину и, какъ говорятъ — поднесли ему адмиральскіе эполеты, умоляя вывести флотъ изъ бухты въ Новороссійскъ, обѣщая признать власть его и офицеровъ и все — «повернуть, какъ прежде было», титулуя — «ваше превосходительство» и тщательно отдавая честь... Слишкомъ страшна была мысль остаться въ Севастополѣ, когда на днѣ южной бухты еще качались трупы замученныхъ офицеровъ, слишкомъ ясна была увѣренность, что виновнымъ пощады не будетъ.

Однако, передъ отъѣздомъ, матросы хотѣли посчитаться — «хлопнуть дверью» и думали послѣдней рѣзней покончить съ офицерами, остающимися въ Севастополѣ. Это стало извѣстно нѣмцамъ, и они, стремясь не допустить рѣзни, послали конную батарею съ небольшимъ прикрытіемъ, на рысяхъ, черезъ Бельбекъ на Сѣверную сторону.

Уже вечерѣло, когда 31 апрѣля конная батарея снялась съ передковъ около церкви на Сѣверной сторонѣ и немедленно открыла огонь по флоту, стоявшему подъ парами.

Паника — было бы слабымъ опредѣленіемъ того, что случилось съ «красой и гордостью революціи»: давя другъ друга, безъ всякаго строя, бросились суда къ выходу, хотя снаряды германцевъ безъ вреда отскакивали отъ брони. Матросы забыли, что у нихъ есть могучая артиллерія, нѣсколько выстрѣловъ которой было бы достаточно, чтобы уничтожить кучку храбрецовъ съ ихъ пушками...

Нефтяные миноносцы кое-какъ вытянули въ кильватеръ и многіе не очень охотно пошли за кораблями, одинъ выбросился на берегъ, а другой потерпѣлъ аварію и застрялъ въ бухтѣ. Словомъ, послѣ недолгой безтолковщины, черезъ нѣсколько минутъ, главная часть флота вышла въ море и взяла курсъ на Новороссійскъ. Значительное число старыхъ кораблей, много миноносцевъ и подводныхъ лодокъ — вездѣ, гдѣ команда не была скомпрометирована убійствами офицеровъ или не бѣжала на транспортахъ — осталось въ бухтѣ и подняло украинскій флагъ.

Среди ушедшихъ было много офицеровъ горячихъ потріотовъ, которымъ было невыносимо сдать любимые корабли нѣмцамъ. Они повѣрили матросамъ, повѣрили въ ихъ патріотизмъ и рѣшили грудью отстаивать родной Андреевскій флагъ, подъ которымъ вышли изъ Севастополя... Но это единеніе было недолго. Уже въ пути матросы бросили въ море нѣсколько офицеровъ, а въ Новороссійскѣ разыгралась трагедія, кончившаяся гибелью лучшихъ кораблей флота...

Въ моментъ моего пріѣзда, на «Георгіи», гдѣ раньше былъ штабъ адмирала Колчака, развѣвался германскій морской флагъ, медленно колыхаясь на флагштокѣ... Было больно и тяжело это видѣть, видѣть родные корабли, надежду Россіи, мечту Александра III — безъ боя спустившіе славный Андреевскій флагъ... На другихъ корабляхъ еще развѣвались «жовто-блакитные» украинскіе флаги.

Какая радость была въ Севастополѣ — пойметъ каждый при мысли, что за короткое время въ этомъ небольшомъ городѣ было вырѣзано около 1000 офицеровъ, когда жизнь въ Севастополѣ была не жизнь, а лишь покорное ожиданіе издѣвательствъ, мученій и позорной смерти...

Я засталъ Севастополь въ слезахъ. Всѣ родственники замученныхъ офицеровъ собрались во Вдадимирскомъ соборѣ, гдѣ служили общую панихиду — первую послѣ убійствъ. Что это была за картина безысходнаго человѣческаго

горя, что дѣлалось въ соборѣ, гдѣ рыдали даже священники, гдѣ слезы перемѣшивались съ истерикой, воплями, жалобами — почти безуміе горя, которое тронуло даже холодныя тевтонскія сердца!..

А водолазы доставали тѣла, уже разложившіяся и объѣденныя крабами, и какимъ-то чутьемъ многіе узнавали своихъ близкихъ... По улицамъ тянулись похоронныя процессіи, появилась масса дамъ въ траурѣ, и радость освобожденія вновь всколыхнула острыя воспоминанія недавняго горя и потерь, которыя уже притуплялись временемъ...

Съ приходомъ нѣмцевъ меня постигла большая непріятность: въ поискахъ за мебелью для квартиръ офицеровъ въ артиллерійскихъ флигеляхъ, нѣмцы наткнулись на мою кварити, оставленную мной со всей обстановкой и вещами, еще съ начала войны, и взяли всю мебель, а чернь дограбила остальное. Такимъ образомъ я потерялъ все, кромѣ того платья, что было на мнѣ и на семьѣ. Это обстоятельство отразилось на насъ катастрофически, и какія мѣры я ни принималъ, я ничего не получилъ, хотя и представлялъ доказательства исчерпывающей полноты.

— Война, отвѣчали мнѣ вездѣ, и въ Севастополѣ, и въ Керчи, и въ Кіевѣ. — Право войны, хотя, можетъ быть, что-нибудь вы и получите, но...

Дня черезъ два мы съ С—вымъ сѣли въ поѣздъ и направились въ Кіевъ, въ загадочную — вновь народившуюся Украину, гдѣ уже былъ реставрированъ суррогатъ монархической власти въ лицѣ гетмана и откуда, какъ намъ казалось, начнетъ выздоравливать и воскреснетъ Россія...

Выѣхавши изъ Крыма, который тогда велъ таможенную войну съ Украиной, въ Сѣверную Таврію, мы не замѣтили ничего, что могло бы дать представленіе объ Украинѣ. Вездѣ была подлинная Россія, если не считать двухъ-трехъ гайдамаковъ въ опереточныхъ костюмахъ времени запорожцевъ, съ чубами, «люльками» и «шаблюками». Мѣстами попадались офицеры во френчахъ, обшитыхъ цвѣтными кантами и широкими генеральскими лампасами на рейтузахъ. Однако, вездѣ царила русская рѣчь и «рідна мова» отсутствовала.

На вокзалахъ, до Александровска, обычная послѣ революціи грязь, обычная толпа крестьянъ, ѣдущихъ по всѣмъ направленіямъ, терпѣливо — сутками ожидающая поѣзда и берущая штурмомъ вагоны при появленіи состава. На встрѣчу намъ попадалось много офицеровъ, ѣдущихъ въ Добровольческую Армію и ругательно ругавшихъ Украину, за то, что тамъ принимались на службу только кадровые офицеры.

Въ поѣздахъ — два-три вагона третьяго класса для нѣмецкихъ солдатъ, одинъ — второго класса для офицеровъ и рядъ товарныхъ — для пассажировъ. Условія путешествія были отвратительны, и въ биткомъ набитыхъ вагонахъ путь представлялся сплошнымъ страданіемъ.

Въ вагонѣ — непріязнь, подозрительное отношеніе другъ къ другу, ибо — съ одной стороны подозрѣваются большевики, съ другой — буржуи. Настроеніе въ общемъ — подавленное, такъ какъ крестьяне — огромное большинство пассажировъ, уже слышали о возвращеніи земель и инвентаря помѣщикамъ, а мѣстами и чувствовали это довольно болѣзненно...

Здѣсь, гдѣ большевизмъ не успѣлъ еще себя изжить и былъ прерванъ въ зародышѣ, большинство крестьянъ ненавидѣло нѣмцевъ, видя въ нихъ ту злую силу, что не дала имъ воспользоваться благами революціи — «грабежомъ награбленнаго».

Въ Александровскѣ мы перешли въ дивный поѣздъ изъ ремонтированныхъ классныхъ вагоновъ, гдѣ царили полностью дореволюціонные порядки, вѣрнѣе

даже — порядки довоеннаго времени. Однако, такъ было только до Екатеринослава, гдѣ снова пришлось взять мѣсто съ бою въ товарномъ вагонѣ, и только въ Знаменкѣ намъ удалось устроиться въ собственномъ вагонѣ «губерніального старосты» Харьковщины, полковника генеральнаго штаба, который любезно предоставилъ намъ право жить въ его вагонѣ по пріѣздѣ въ Кіевъ.

Кіевъ поразилъ насъ: казалось, на Крещатикѣ собрался весь Петроградъ, вся Россія... Вездѣ нарядныя дамы, блестящіе офицеры, которымъ удалось уже получить мѣсто, и рядомъ — оборванные, худые, въ солдатскихъ шинеляхъ безъ погонъ — чаящіе движенія воды... автомобили, собственные экипажи, кокотки, дѣти и нѣмцы безъ конца... На улицахъ бравая милиція въ формѣ американскаго образца, но съ украинскими кокардами, нѣмецкіе патрули, застывшія фигуры нѣмцевъ, часовыхъ въ неизмѣнныхъ стальныхъ каскахъ, отряды пѣхоты съ пулеметами и обозомъ, двигающіеся кого-то карать...

Вездѣ рестораны, кондитерскія, кафе, театры, кино, залитые яркимъ свѣтомъ, груды товаровъ въ магазинахъ, масса съѣстного, аппетитно разложеннаго въ витринахъ, вездѣ довольство и веселье, и не вѣрится, что здѣсь недавно свирѣпствовали большевики, и только пробитыя пулями окна магазиновъ напоминаютъ о тяжеломъ прошломъ.

И мы попали въ эту яркую, захватывающую жизнь, то путешествуя изъ кафе въ ресторанъ, то въ какой то штабъ, то снова въ ресторанъ. Въ штабахъ молодые офицеры въ отлично сшитыхъ френчахъ сурово предъявляли требованіе «размовляти тільки на державній мови», вездѣ что-то обѣщали, направляли въ другіе управленія и штабы, и мы дней десять носились безостановочно, писали десятки «заяв» и «проханній», пока С—въ не былъ зачисленъ въ конвой гетмана, а я не наткнулся на родную часть, гдѣ генералъ Байковъ и Китченко гарантировали пріемъ, обѣщавъ назначеніе черезъ двѣ недѣли.

А вечерами мы отдыхали въ ресторанчикѣ «Миньонъ» на Бибиковскомъ бульварѣ. Его содержалъ летчикъ-полковникъ. Тамъ собиралось офицерство, встрѣчались старые товарищи, и въ уютной комнаткѣ, за рюмкой вина, вспоминали былое. Настроеніе было опредѣленно монархическое, чего никто и не скрывалъ.

Въ ресторанахъ служили лакеями офицеры... И это на тѣхъ, кто любилъ свою службу и свою корпорацію, кто видѣлъ въ офицерѣ рыцаря, готоваго на подвигъ, кто дорожилъ каждымъ орденомъ и значкомъ — производило неизгладимое впечатлѣніе. Было больно, грустно и стыдно... Особенно, когда на вопросы, почему, зарабатывая огромныя деньги чаевыми, эти офицеры не снимаютъ защитной формы, училищныхъ и полковыхъ значковъ, а иногда и орденовъ, цинично отвѣчали:

— Такъ больше на чай даютъ...

И это въ то время, когда Украина формировала восемь корпусовъ, а Добровольческая Армія вела тяжелую и неравную борьбу... Мѣстъ было достаточно, но захватила жажда покоя и жажда наживы...

Къ счастью, всѣ эти господа были офицеры военнаго времени. Кадровые офицеры, въ огромномъ большинствѣ, держались въ сторонѣ.

За эти десять дней мы колоссально устали, такъ какъ жили въ вагонѣ и приходилось быть цѣлый день на ногахъ, чтобы не возвращаться на станцію, расположенную очень далеко отъ центра.

Здѣсь, въ Кіевѣ, я встрѣтился со многими товарищами и сослуживцами, въ частности и по морской дивизіи. Всѣ они уже служили, что то формировали,

на службѣ кое-какъ «балакали» на «державній мови», но все таки Кіевъ былъ русскій городъ и, пройдя Крещатикъ дважды, встрѣтивъ десятки тысячъ народа, можно было ни разу не услышать украинскаго слова.

Я встрѣтилъ генерала Пожарскаго, который сказалъ мнѣ, что отлично знаетъ гетмана, и знаетъ, что онъ, ставъ имъ, сказалъ своимъ друзьямъ:

– Я беру Украину революціонную и хмельную, чтобы создать въ ней порядокъ и сохранить ее отъ большевизма. Но когда наступитъ оздоровленіе Россіи, я поднесу ее Государю, уже выздоровѣвшую, какъ лучшую жемчужину въ Царской коронѣ, какъ неотъемлемую часть Россійской Имперіи.

И эти слова еще болѣе убѣдили насъ, что намѣчающееся оздоровленіе Россіи пойдетъ изъ Украины...

Въ день отъѣзда, кажется 5-го или 10-го іюня, мы дѣлали кое-какія закупки и были на Крещатикѣ. Вдругъ раздался взрывъ необычайной мощности и посыпался дождь зеркальныхъ стеколъ магазиновъ, послѣдовалъ сильный толчокъ воздуха, затѣмъ еще взрывы и надъ городомъ поднялся огромный столбъ дыма, въ вершинѣ котораго сверкали молніи... Взрывы большіе и малые, частая пальба, грохотъ, дымъ то бѣлый, то совершенно черный, бѣлыя облачки шрапнелей – все это производило подавляющее впечатлѣніе. Публика бросилась бѣжать по всѣмъ направленіямъ...

– Большевики наступаютъ! Бой идетъ!.. кричали одни.

– Спасайтесь! взрывъ на Звѣринцѣ, сейчасъ весь городъ погибнетъ... въ паникѣ кричали другіе, и все бѣжало, куда глаза глядятъ...

Вдобавокъ очень скоро появились раненые изъ школы старшинъ, въ крови, безъ шапокъ, и еще болѣе увеличили панику, а взрывы слѣдовали безпрерывно, столбъ дыма превратился въ огромную черную тучу, гдѣ сверкали молніи, грохотъ и трескъ лопающихся гранатъ и патроновъ напоминали сраженіе, и все въ совокупности совсѣмъ ошеломило кіевлянъ и только нѣмцы, какъ всегда – не растерялись и быстро оцѣпили всю угрожаемую мѣстность.

Оказалось, по неизвѣстной причинѣ, произошелъ взрывъ огромныхъ складовъ артиллерійскихъ припасовъ на Звѣринцѣ, есть убитые и очень много раненыхъ.

Подъ гроходъ безпрерывной канонады мы направились на вокзалъ, гдѣ толпились тысячи панически настроенныхъ людей, стремившихся уѣхать изъ Кіева и, съ трудомъ найдя мѣсто, поздно вечеромъ выѣхали изъ Кіева, когда все еще продолжались взрывы и трескъ лопающихся шрапнелей, гранатъ и патроновъ.

А черезъ два дня я снова въѣзжалъ въ Керчь, въ надеждѣ скоро уѣхать, чтобы посильно участвовать въ строительствѣ «Новой Россіи» и искать свое счастіе послѣ тяжелыхъ революціонныхъ дней.

XIII.

Жизнь въ Керчи. Крымское правительство. Графъ Татищевъ. Назначеніе въ Джанкой. Назначеніе въ Украину. Отъѣздъ въ Одессу.

За мое отсутствіе особыхъ событій въ Керчи не произошло. Уже при мнѣ пришло изъ Турціи нѣсколько миноносцевъ, такъ называемые «Милеты», и по улицамъ, въ дополненіе къ нѣмецкимъ офицерамъ и солдатамъ, появились матросы въ турецкой формѣ и было особенно обидно видѣть турокъ въ роли, похожей

на побѣдителей. Однако, все это оказалось бутафоріей: всѣ офицеры и матросы были подлинные нѣмцы, носившіе турецкую форму лишь изъ политическихъ соображеній.

Къ этому времени, т. е. къ серединѣ іюня, относится высадка дессанта въ Тамани, на кавказскомъ берегу. Въ іюлѣ нѣмецкій дессантъ, очистивши Тамань отъ большевиковъ вернулся въ Керчь, такъ какъ нѣмецкое командованіе не сговорилось съ Кубанской Радой въ дѣлѣ установленія компенсацій за вооруженную помощь. Казаки говорили, будто нѣмцы потребовали за свое наступленіе очень большое количество хлѣба, однако, фактическая причина возвращенія дессанта мнѣ неизвѣстна.

Въ Керчи жизнь шла нормально, открылись всѣ магазины, появилось много нѣмецкихъ денегъ и тяжесть оккупаціи сильно не давила. Только въ случаѣ необходимости выѣхать изъ Керчи надо было брать удостовѣреніе въ комендатурѣ.

Спустя нѣкоторое время послѣ занятія Крыма нѣмцами, образовалось Крымское Краевое Правительство при министрѣ-предсѣдателѣ графѣ Татищевѣ. Политическое credo правительства была программа партіи кадетовъ и Правительство стремилось лойяльно слѣдовать завѣтамъ партіи, стремясь назначать толковыхъ, честныхъ, и гуманныхъ людей на всѣ сколь нибудъ отвѣтственные посты. Тогда же были назначены и высланы въ города комиссары правительства, установлены милиція, береговая охрана, сдѣланы шаги для урегулированія правильнаго поступленія государственныхъ доходовъ, возобновлены судъ, нотаріусы, земское и городское самоуправленіе, и вообще жизнь начала входить въ правильное и спокойное русло, чему особенно способствовала отличная оккупаціонная армія, на которую Правительство могло смѣло опираться.

Финансовая часть очень хромала, собственной валюты въ Крыму не было, въ денежныхъ знакахъ ощущался форменный голодъ, почему были пущены въ ходъ всѣ денежные суррогаты, до талоновъ «Займа Свободы» включительно. Но этотъ вопросъ долженъ былъ быть урегулированъ предоставленіемъ Германіей крупнаго займа и выпуска, на этомъ основаніи, собственной валюты, почему ожидался отъѣздъ главы Правительства въ Берлинъ.

Военная часть управленія выражалась лишь въ лицѣ военнаго министра, генерала Николаева (бывшаго штабъ-офицера Крымскаго коннаго полка) и его адъютанта. Съ разрѣшеніемъ собственныхъ формированій нѣмцы тянули и по всему было видно, что въ случаѣ ихъ успѣха въ европейской войнѣ, Крымъ будетъ потерянъ для Россіи, такъ какъ при ихъ гегемоніи въ Турціи легко было бы сохранить за собой эту новую и богатую колонію, которую легко было бы и защищать, обладая могучимъ флотомъ и создавъ солидныя укрѣпленія на Перекопскомъ перешейкѣ.

Я долго ждалъ назначенія въ Украину и по прошествіи мѣсяца потерялъ уже всякую надежду, а средства для жизни изсякали. Въ это время мнѣ рекомендовали обратиться къ графу Татищеву и хоть временно устроиться въ число служащихъ новой власти и тамъ дождаться назначенія въ Украину. Поэтому я проѣхалъ въ Симферополь и представился главѣ Правительства, графу Татищеву, принявшему меня съ обаятельной любезностью и исключительно внимательно, – качества, не всегда присущія высшей администраціи.

Министерство и центръ управленія Крымомъ тогда находился въ квартирѣ гр. Татищева, чуть ли не въ его спальнѣ, гдѣ стучали машинки, толкалось въ пріемной масса народа и уже бѣгали озабоченные чиновники.

Узнавъ отъ меня о моей прежней службѣ, графъ отнесся весьма внимательно и предложилъ мнѣ представить ему докладъ по интересовавшему его вопросу моей спеціальности. Этотъ докладъ я написалъ въ сутки и, ознакомившись съ его содержаніемъ, графъ назначилъ меня управляющимъ таможней 1 кл. въ г. Джанкой — пограничномъ съ Украиной, куда я со штабомъ служащихъ долженъ былъ выѣхать на другой день.

Вернувшись въ гостинницу, я засталъ моего сожителя полковника Н. въ большомъ затрудненіи: ему было поручено составить штаты министерства путей сообщенія и даны нормы. Составленные штаты, вмѣстѣ съ художественно исполненными чертежами, скалами и всевозможными таблицами, всего человѣкъ на 400 служащихъ, были въ концѣ концовъ направлены къ нѣмецкому генералу и тотъ ихъ перечеркнулъ красными чернилами, придя въ ужасъ, что для управленія путями сообщенія (ж. д. Севастополь — Евпаторія — Джанкой — Керчь — Өеодосія и Южно-бережское и Балаклавское шоссе) понадобился такой штатъ. Изъ этого стало ясно, кто былъ истиннымъ хозяиномъ Крыма...

На утро я выѣхалъ на мѣсто назначенія, а тамъ меня ждала телеграмма, что я назначенъ въ Украину, командиромъ Учебной конной сотни, что совершенно соотвѣтствовало моимъ планамъ и надеждамъ и давало возможность снова быть на любимой военной службѣ. Я тотчасъ послалъ телеграмму объ отставкѣ и письмо графу Татищеву съ благодарностью за вниманіе и съ объясненіемъ причинъ отказа и на другой день уже ѣхалъ въ Керчь.

Сборы были недолгіе, семью пришлось пока оставить въ Керчи и только понадобилось съѣздить въ Өеодосію за нѣкоторыми вещами.

Въ Өеодосіи также вездѣ царили нѣмцы, въ городѣ былъ полный порядокъ, у фонтана Айвазовскаго опять, какъ и прежде, сидѣли өеодосійцы, потягивая турецкое кофе, и объѣдались шашлыками и жирными чебуреками.

Загаженныя солдатами, проходившими съ Кавказа, дачи на побережьѣ были почищены, пляжъ опять, какъ въ былое время, былъ покрытъ купающимися и если бы не сѣрыя фигуры въ стальныхъ каскахъ, то казалось бы, что былъ долгій кошмарный сонъ, когда такъ радостно пробужденіе...

Погожимъ іюльскимъ днемъ на пароходѣ русск. общ. «Алексѣй» я выѣхалъ изъ Керчи, заплативъ 120 руб. за мѣсто III класса. Пароходъ былъ перегруженъ свыше мѣры и всего на немъ находилось около $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Вся палуба была засыпана пассажирами, вещами, фруктами, бочками и мѣшками и пробиться черезъ толпу было очень трудно.

Въ каютъ-кампаніи I и II класса набились спекулянты всѣхъ видовъ и родовъ. Тамъ хлопали пробки отъ шампанскаго, звучала музыка, но весь этотъ, когда-то такой изящный, пароходъ теперь такъ мало походилъ на прежній, что здѣсь особенно ярко сказалось революціонное прошлое.

Оно сказывалось и въ матросахъ — грязныхъ, грубыхъ и небрежныхъ, сказывалось на капитанѣ и его помощникахъ, прежде такихъ чистенькихъ и подчасъ даже изящныхъ, а теперь сильно потускнѣвшихъ, и въ прислугѣ каютъ-кампаніи, и въ пассажирахъ. Каютъ-кампанія I класса ничѣмъ не напоминала прежнюю, гдѣ когда-то сидѣли корректные пассажиры, обѣдая за красиво сервированнымъ столомъ. Теперь на диванахъ были навалены подушки и узлы, на полу валялись чемоданы и корзины, а за столами сидѣли грязные и жадные люди, наглые и вороватые, чавкающіе за ѣдой и жадно поглощающіе пищу, въ стараніи сполна использовать тѣ большія деньги, что платились за продовольствіе...

Вечеромъ я нашелъ пустую скамейку на палубѣ I кл., гдѣ и легъ. Ночь настала холодная и только къ утру я забылся, а въ пять часовъ утра показалась красавица Ялта. Въ этотъ ранній часъ Ялта еще не проснулась, но все же чувствовалось во всемъ, что и она возрождается и больно было уѣзжать изъ Крыма, гдѣ прошла вся жизнь.

Днемъ пришли въ Севастополь, гдѣ удалось быть у своихъ друзей, послѣдній разъ пообѣдать на бульварѣ и погулять по городу. Оживали и севастопольцы, куда всѣми правдами и неправдами просачивался народъ изъ Украины и Совѣтской Россіи, и дѣлалось похоже, будто-бы по прежнему наступаютъ «шелковые» и «бархатные» сезоны Крыма...

Здѣсь на пароходѣ прибавилось еще много людей и, между прочимъ, глава Крымскаго Правительства графъ Татищевъ, ѣхавшій въ Берлинъ заключать заемъ.

Онъ узналъ меня и, съ интересомъ разсматривая украинскую форму, спросилъ:

– Почему же вы, полковникъ, оставили Крымъ? Вѣдь у васъ было хорошее мѣсто, а впослѣдствіи я предполагалъ поручить вамъ командованіе пограничной охраной Крыма... Неужели вы вѣрите въ Украину?..

– Нѣтъ, я не вѣрю въ Украину, я убѣжденъ, что она сольется съ Россіей, потому и ѣду туда, но я боюсь, что Крымъ съ Россіей – никогда не сольется.

Произошло небольшое молчаніе.

– Богъ знаетъ, Богъ знаетъ, сказалъ задумчиво графъ. – Я думаю много выяснить въ Берлинѣ и все же полагаю, даже убѣжденъ, что намъ удастся сохранить Крымъ...

Мы распрощались и графа я болѣе не видѣлъ. Однако, думаю, что только пораженіе нѣмцевъ оставило Крымъ въ составѣ Россіи, хотя дорогой цѣной за это заплатилъ несчастный теперь красавецъ Крымъ и нескоро еще онъ залѣчитъ свои раны за время хозяйничанья большевиковъ и гражданской войны...

Часовъ въ пять дня нашъ пароходъ, совершенно перегруженный, медленно выползъ на рейдъ, прошелъ мимо «Георгія», на которомъ по прежнему развѣвался германскій флагъ, мимо брандвахты, и вышелъ въ море.

А позади, во всей красѣ, открылся чарующій Севастополь, такой красивый съ моря, со своими бѣлыми домами, церквами, съ приморскимъ бульваромъ, панорамой обороны на четвертомъ бастіонѣ, Малаховымъ курганомъ, Братскимъ кладбищемъ и той дивной синѣющей далью Мекензіевыхъ высотъ и зеленью Инкерманской долины, которыя такъ красятъ Севастополь.

Вечерѣло. По прежнему изъ каютъ-кампаніи неслась музыка, слышались пьяныя пѣсни, хлопали пробки... А наверху, на палубѣ, среди скрючившихся сотенъ тѣлъ, шли тихія бесѣды о прошломъ, о неопредѣленномъ будущемъ, о нѣмцахъ, и волной подымалось раздраженное чувство и бросалась въ глаза разница взглядовъ: одни видѣли въ нѣмцахъ – спасителей и испытывали къ нимъ всю благодарность, какую могли выразить за то, что живутъ, за то, что могутъ ѣхать, за то, что кошмаръ недавнихъ дней отошелъ въ область воспоминаній. Другіе – видѣли въ нихъ лишь насильниковъ, лишавшихъ возможности до конца использовать «блага» революціи и – грабителей Россіи... И эти люди злобно мечтали о времени ухода нѣмцевъ и пророчили, что народъ заставитъ ихъ уйти, а тогда будетъ расплата...

Но какъ тѣ, такъ и другіе испытывали какую-то боль, стыдъ и смущеніе, что вчерашній врагъ находиться здѣсь, живетъ среди насъ, имѣетъ видъ побѣдителя.

Прошли Евпаторію, Тарханхутъ — гдѣ даже не покачало, опять наступила холодная ночь, опять пришлось маяться, но уже не на скамейкѣ, а на палубѣ, тѣсно прижавшись къ случайнымъ попутчикамъ.

Утромъ показался берегъ и къ 12 ч. дня «Алексѣй» входилъ въ Одесскій портъ, а черезъ нѣсколько минутъ извозчикъ за 15 рублей везъ меня на Маразліевскую улицу, къ роднымъ жены.

Звенѣли трамваи, проносились автомобили, по Дерибасовской и Ришельевской шла сплошная толпа, та живая, южная, характерная одесская толпа, создавшая Одессу и «одесситовъ», блестѣли окна магазиновъ, заваленныхъ товарами, кричали газетчики, шли въ одиночку и группами австрійскіе солдаты, потертые, неряшливые, плохо дисциплинированные, и даже въ германскихъ каскахъ — не похожіе на нѣмцевъ.

На улицахъ стояли бравые милиціонеры, вездѣ слышалась русская рѣчь и только изрѣдка попадались надписи на «рідной мови» надъ казенными учрежденіями, да гдѣ-то одиноко трепыхался «жовто-блакитный» флагъ . . .

Я былъ на Украинѣ . . .

21-ЫЙ ГОДЪ

Е. Постникова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Свѣтаетъ. Смрадъ. Четыре часа ночи.

Москва, не успѣвшая отдохнуть за ночь, продолжаетъ тащить на себѣ грязные мѣшки прошлогодней картошки, картофельнаго хлѣба и всякихъ продуктовъ, которыми такъ богато и такъ несправедливо кичится Москва передъ всеми городами оголодавшей Великороссіи.

Встаю и я, съ больной головой, и начинается наше бѣгство изъ России, съ четырехъ часовъ ночи, изъ смрадной Москвы, потому что смрадъ московскій не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова, насъ, россіянъ, всегда будетъ переносить въ періодъ большевизіи, даже при чтеніи очерковъ исторіи Русской Революціи 18-го года и далѣе...

Иду въ Метрополь. То есть, вцѣпляюсь въ какой-то мчащійся трамвай-грузовикъ съ лѣвой стороны на ступеньку лѣстнички, чтобы вагоновожатый не замѣтилъ, и подъѣзжаю къ Охотному ряду.

Охотный рядъ теперь не Охотный рядъ, а какая-то площадь. Площадь большая, красивая. И я не жалѣю, что она красивая, большая и не торгуетъ, потому что всѣ улицы въ Москвѣ торгуютъ, а площади стоятъ свободныя и будто чего-то ждутъ...

У Метрополя спятъ вповалку люди и людишки, это мальчишки — «Ира, Ира разсыпная». Спать вповалку, это значитъ занять очередь съ вечера, это значитъ со всѣми переругаться, это значитъ зорко глядѣть, чтобы кто-либо внѣ очереди не проскользнулъ, это значитъ, что тотъ, кто не спалъ вповалку, а ходилъ взадъ и впередъ, тотъ не долженъ достать билета. Это значитъ, со всѣми шопоткомъ поругать совѣтскую власть, это значитъ, въ душѣ проклясть ее, въ тысячу первый разъ — эту самую совѣтскую власть.

Жизнь стала просыпаться. Въ шесть утра это — жужжащій митингъ. А цѣль одна — какъ бы кого-нибудь надуть и внѣ очереди проскользнуть.

Девять часовъ — касса открыта.

Стою въ командировочной очереди и конца краю не видать. «Все — Рыкапа претъ», какъ говорятъ въ Москвѣ, съ красными билетами внѣ очереди.

А билетовъ все меньше да меньше. Уже 12 часовъ дня, поѣздъ въ два часа дня отходитъ, до вокзала цѣлый часъ ходьбы. Наканунѣ билетовъ брать нельзя. Осматриваю рядъ кожаныхъ рыкапистовъ, выбираю самаго безобразнаго комиссара, къ которому страшно подойти, подхожу и говорю: «Я очень устала, можетъ, Вы поможете мнѣ получить билетъ?». Знаю, что Богомъ обиженный человѣкъ сердцемъ бываетъ богатый. Комиссаръ соглашается. Хвостъ рыкапы размыкается, и я вторая получаю два послѣднихъ билета. Одинъ для себя, а другой для моего мужа, который не имѣлъ права ѣхать этимъ важнымъ поѣздомъ, а другимъ всѣмъ извѣстнымъ, обовшивѣвшимъ Максимомъ — двѣнадцатичасовымъ.

* * *

Въ рыкапистскомъ хвостѣ промелькнула сѣдая дама въ чесунчевомъ пальто, да garçon, босой, съ золотыми кудрями, возраста лѣтъ девятнадцати. Кудри его не видѣли гребня съ 20-го года, а воды и мыла съ 18-го года. Дама мнѣ показалась матерью военнаго спеца, а garçon — внѣбрачный ребенокъ большевистскаго лидера...

Встрѣтивъ моего остриженнаго и обритаго мужа на одной изъ конспиративныхъ квартиръ и получивъ въ іюлѣ мѣсяцѣ по аннулированной карточкѣ изъ какого-то продкома 15 фунтовъ хлѣба за февраль мѣсяцъ, мы отправились пѣшкомъ на вокзалъ.

Въ то время уже устанавливалась очередь при посадкѣ на питерскій скорый поѣздъ: и мы вдвоемъ, будто незнакомые, у насъ разныя трудовыя книжки, имѣли счастье помѣститься въ купэ третьяго класса, въ числѣ шести человѣкъ.

Всѣ вагоны не третьи ходили въ донэпской Россіи подъ особымъ назначеніемъ. Два человѣка, въ томъ числѣ и мой мужъ, стремительно залегли на верхнихъ багажныхъ полочкахъ. Я рванулась на верхнюю лавочку. Внизу дама въ чесунчевомъ пальто и желѣзнодорожница съ ребятами. Vis à vis garçon, который усиленно расшнуровывалъ новые совѣтские ботинки, одѣтые на безчулочныя, грязныя ноги. [Въ интервалѣ между дежурствами за билетомъ ему на «Лубянкѣ» выдали эту пару, такъ какъ онъ ѣхалъ съ отвѣтственнымъ порученіемъ...] Занимаясь самой тщательной операціей по очисткѣ своихъ ногъ отъ грязи ручными инструментами, т. е. пальцами, garçon дѣлалъ набѣги на обитателей своей головы, производя тамъ колоссальныя опустошенія. Вдругъ этотъ самый garçon, откусивъ половину яблока, протянулъ мнѣ вторую, ткнувъ меня этимъ самымъ пальцемъ въ бокъ.

Съ испуганнымъ лицомъ, я сказала: «Я, я не ѣмъ яблокъ, я никогда не ѣла ихъ». А яблока мнѣ очень хотѣлось съ черным хлѣбомъ.

Тогда ему со мной стало скучно; онъ влѣзъ на поперечную полку противъ нашего купэ, въ проходѣ — будто и на народѣ, все повеселѣе. Пустующее мѣсто занялъ какой-то коммунистъ, массовый партійный работникъ. Онъ же мнѣ шопотомъ сообщилъ про garçon'а: «Сволочь, на Лубянкѣ ботинки получилъ, значитъ — заслужилъ».

Рабочій мнѣ страшно понравился. Понравился потому, что у него былъ и Некрасовъ, и Маяковскій, и «Лошадь какъ лошадь» Шершеневича, и потому что онъ выбралъ изъ Некрасова мѣсто «Жены декабристовъ» и, подавая мнѣ, сказалъ: «Это Вамъ не мѣшаетъ знать».

Онъ былъ въ галифе, френчѣ, и видъ у него былъ вполнѣ современный. Вѣчный посѣтитель «Стойла пегасовъ», кафе имажинистовъ, влюбленный въ Луначарскаго, но искренно смѣющійся надъ его смѣшанной школой, любимецъ Крупской, которая называетъ его «сыночекъ» — онъ ѣхалъ съ партійными порученіями на западъ Россіи.

Разсказалъ онъ мнѣ, что и въ другомъ «Стойлѣ пегасовъ» — «Съѣздѣ Коминтерна» не все благополучно и потому ихъ периферію плохо информируютъ. Рабочій, выбравшійся со дна, способный, преданный революціи, но доведенный до абсурда, онъ не знаетъ, съ какими глазами защищать новую экономическую политику, это Нэпъ; и какъ стыдно смотрѣть въ глаза коопepaторамъ послѣ всего сдѣланнаго съ коопераціей. Разсказалъ онъ мнѣ, что онъ въ оппозиціи, но благодаря хорошимъ личнымъ отношеніямъ съ семействомъ Лениныхъ, онъ не въ опалѣ. Много мелкихъ эпизодовъ изъ партійной жизни, а также о нарастающемъ недовольствѣ среди демократически настроенныхъ элементовъ партіи, которое выливается или въ уходѣ изъ партіи, или Кронштадтскомъ возстаніи, разсказалъ онъ мнѣ.

Онъ уже не пылалъ восторгомъ революціи первыхъ лѣтъ послѣ октябрьскаго переворота, онъ только вѣрно служилъ въ партіи Р. К. П.

А о Ч. К. онъ говорилъ съ какимъ-то отвращеніемъ... О другихъ соціалистическихъ партіяхъ будто нарочно отмалчивался, Керенскаго не упомянулъ ни разу.

Разсказалъ онъ также мнѣ и то, что семейство Лениныхъ очень жалѣетъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей, что въ этомъ виновата ихъ эмигрантская жизнь, и они на старости лѣтъ тоскуютъ о дѣтяхъ...

И хотѣлось ему еще многое разсказать мнѣ.

Но я вся съежилась, когда узнала, что и «эти» тоскуютъ о дѣтяхъ. Да вѣдь волки тоже тоскуютъ, когда рысь уноситъ дѣтеныша.

* * *

Но дама въ чесунчевомъ платьѣ, о ней сейчасъ.

Еще раньше, когда я вошла въ вагонъ, навстрѣчу бросилась она ко мнѣ со словами: «А, милая, какъ я рада, что Вы здѣсь. Я одна, все мужчины; я такъ несчастна, у меня въ Питерѣ была огромная семья, теперь я возвращаюсь въ пустой совсѣмъ домъ, всѣхъ сыновей убили «они» — эти жестокіе, кожаные люди».

Жаль мнѣ эту одинокую старую мать, хочется мнѣ сказать, что и у другихъ матерей убили дѣтей, но что-то держитъ меня, и только ласково беру ее за руки, а она плачетъ. Милая, симпатичная на видъ, и пахнетъ старымъ одеколономъ. Да, но зачѣмъ она такъ торопится ругать большевиковъ, мы почти еще не отъѣхали?

Лежу наверху. Контроль. Всѣ мои симпатіи на сторонѣ старой дамы.

Военный контроль: «Ваши мандаты». —Милая дама вынимаетъ, пряча отъ сосѣдки, партійный билетъ съ фотографіей. Нарочно бросаю книжку ей на колѣни сверху, и билетъ падаетъ на полъ. — Купэ молчитъ. Желѣзнодорожница неистово бьетъ своихъ дѣтей.

Такъ вотъ эта самая дама нѣсколько разъ ночью, когда всѣ спали, вклинивалась въ нашъ разговоръ и, наконецъ, не выдержала и сказала моему собесѣднику: «Я тоже партійная». — «Знаю, какая партійная, такихъ много теперь въ партіи». — «Нѣтъ, я настоящая, я давно». — «А, настоящая? А зачѣмъ провокаторствомъ занимаешься?», отвѣтилъ ей рабочій на «ты».

* * *

Но вотъ и Петроградъ.

На вокзалѣ, какъ грязныя собачонки, снуютъ голодные ребятишки: волна голода занесла ихъ въ сырой Петроградъ.

«Все для голоднаго Петрограда» — еще висятъ плакаты на стѣнахъ.

«Все для голоднаго Поволжья» — виситъ свѣжій плакатъ рядомъ на стѣнѣ.

Маленькія, рваныя фигурки снуютъ взадъ и впередъ и молча, какъ-то рѣзко, какъ умирающій больной, отталкиваютъ ручку, прося милостыню, и снова прижимаютъ ее. Ротъ крѣпко сжатъ. Это не слезливые нищіе. Нѣтъ. Это дѣти русскаго крестьянина, которыхъ разверстка вывернула изъ родного гнѣзда и бросила на грязную мостовую бывшаго краснаго Петрограда.

Петербургъ, Петербургъ...

Злые языки говорятъ, что ты скоро провалишься, что уже начали валиться дома, что вотъ уже одинъ провалился на Гончарной у Николаевскаго вокзала, что почва заболачивается, и вся набережная Невы понизилась на столько-то сантиметровъ; что люди, съѣвшіе лошадей, становятся лошадьми и ровной шеренгой выстраиваются у Николаевскаго вокзала; и всѣ онѣ за номеромъ, и что фаэтоны у нихъ игрушечные, только на двухъ колесикахъ, и бѣгутъ онѣ рысцой, рысцой за 2 ф. хлѣба, а то и меньше, въ любой конецъ бѣлаго Петрограда.

А въ бѣломъ Петроградѣ ночи бѣлыя, люди бѣдные и тѣни ихъ блѣдныя.

Вотъ она, Пиковая дама, вся въ бѣломъ, ночью выходитъ изъ своего особняка на Литейномъ, а днемъ у нея въ домѣ весь день толкутся бѣдные люди за продовольственными карточками.

Вотъ домъ, гдѣ жили Мережковскіе, Гипіусы и Философовъ: ихъ было когда-то много. И домъ ихъ былъ какой-то экзотическій сверху и не такой, какъ другіе внутри.

Говорятъ злые языки, что уѣхало ихъ много на Западъ, на Конѣ блѣдномъ, а осталось три одиночки гдѣ-то въ Варшавѣ. Только блѣдныя тѣни ихъ тамъ ходятъ, да чортова кукла валяется на полу въ опустошенной квартирѣ.

Злые языки говорятъ, что на Литейномъ почва трясется...

А въ бывшемъ офицерскомъ экономическомъ обществѣ трясется подъ домомъ почва. На танцулькахъ, когда играетъ оркестръ: «Надя любитъ шеколадъ», ему вторятъ мальчишки:

«Цыпленокъ дутый,
Въ лаптяхъ обутый,
Пошелъ на бѣлыхъ
Воевать.......»

Говорятъ еще, что у Исаакія по ночамъ служатъ обѣдню какіе-то бѣлые священники... и что цари ушли изъ Петропавловской крѣпости.

Тихо въ Петроградѣ теперь. — Небо бездымное, голубое. Воды много, много. — Нева будто шире стала, каналы всѣ вспухли. — А по Невѣ дикія утки плаваютъ, это сестры, что Керенскаго защищали, такъ онѣ ютятся у Зимняго Дворца. — И еще какія-то дикія птицы у Лѣтняго сада живутъ. Это души умершихъ — тѣхъ, что на Полигонѣ недавно рыли себѣ могилу.

Вотъ такъ это все и идетъ въ Петроградѣ.

А когда пойдешь по этимъ бархатнымъ зеленымъ коврамъ петроградскихъ улицъ, то увидишь пасущуюся лошадку — одну на весь Петроградъ, и лошадка не прежняя, а маленькая, лохматенькая.

Лѣтній садъ страшно заросъ, прямо лѣсъ.

Ну, вотъ тебѣ и Новое Марсово поле. И хоть говорятъ, нечего было огородъ городить, а все-таки это новое Марсово поле въ тысячу разъ лучше прежняго. Бурьянъ растетъ сочный, зеленый, большой, а то, что мусору да падали много за эти годы навезли, такъ это удобреніе.

Злые языки говорятъ, что могилы жертвъ первой революціи тамъ не въ почетѣ — это не правда: тамъ и цвѣты, тамъ и покой, тамъ и уваженіе. Каррэ изъ гранита, взятаго изъ ограды Зимняго Дворца, окружаетъ эти могилы. И вовсе площадь ихъ не коммунистическая звѣзда, а какъ при Керенскомъ было сдѣлано, такъ и осталось. Это, кажется, все, что уцѣлѣло отъ нашей первой революціи.

И скажите тому, кто Марсово поле ругаетъ, что это лучше, чѣмъ когда зимой солдаты по колѣни въ грязи лежали въ несуществующихъ окопахъ.

А когда пойдешь ночью черезъ Поцѣлуевъ мостъ, черезъ глубокую, высокую теперь Фонтанку, да вдоль по Лебяжьей канавкѣ золотой, тоже глубокой теперь, на Марсово Поле, то залюбуешься. А когда ты выйдешь на набережную Невы — ни одной баржи, одна ширь да воздухъ, и посмотришь на Петропавловскую крѣпость, то тамъ ты увидишь нашъ старый шпицъ. И вспомнишь ты нашу русскую исторію съ Петра Великаго, и стрѣлецкій бунтъ, и казни, и болото Невы... вотъ почему земля теперь заболачивается и трясется, и казни теперь на Полигонѣ.

Или пойдешь къ Зимнему Дворцу, старому, казенному, и войдешь въ садъ — онъ уже безъ ограды, и можно въ него войти со всѣхъ сторонъ — тамъ ты, въ этомъ старомъ, очень старомъ саду встрѣтишь Елизавету Петровну.

Она тамъ гуляетъ одна.

Это потому, что она дочь послѣдняго русскаго царя Романова, а остальные — свойственники да родственники, имъ-то и неудобно въ царскомъ саду гулять.

И неправду говорятъ злые языки, что Петроградъ — красный.

Нѣтъ, онъ никогда не былъ имъ.

Онъ весь, какъ у Достоевскаго, онъ весь, какъ у Андрея Бѣлаго.

Такъ же, какъ Достоевскаго и Андрея Бѣлаго нельзя представить во френчѣ и галифе, такъ и Петрограда нельзя представить краснымъ.

Красная, русская Москва будто солнышко, а Петроградъ нѣтъ... онъ бѣлый своими ночами...

А когда приходишь въ эти опустѣвшіе дома, гдѣ первые этажи, будто въ Венеціи, затоплены водой, и рѣки подпочвенныя ведутъ свои линіи въ каналъ, изъ канала обратно въ домъ, то будто въ сказкѣ волшебной стоитъ этотъ домъ. А въ этомъ домѣ живутъ милые люди съ поблѣднѣвшими лицами, — кости да кожа, — да ужаснымъ запахомъ цынготнаго рта.

Да, когда эти милые, добрые люди одной рукой обнимаютъ тебя, а другой прячутъ подъ скатерть корки хлѣба, то ты понимаешь, почему въ Петроградѣ всѣ посѣдѣли. Или когда твой другъ-профессоръ, на десять лѣтъ моложе тебя, совершенно сѣдой, безъ единаго зуба во рту отъ цынги, мочитъ въ тарелкѣ черныя корки чернаго хлѣба, которыя онъ приберегъ на черный день, то ты уже не видишь его, а видишь и слышишь крикъ этихъ уходящихъ женщинъ на смерть, когда ихъ волокутъ по улицамъ:

Будьте вы прокляты, черные черти,
Ждите вы чернаго дня своего.

* * *

А Вы знаете, что это значитъ торговать на улицѣ своими вещами, умѣете ли это сдѣлать и сумѣли ли?

Можно торговать для спекуляціи, можно для себя, чтобы контрабандисту уплатить за переправу, а можно торговать для того, чтобъ фунтъ хлѣба купить и чтобъ своихъ дома покормить.

И вотъ ты стоишь на этомъ рынкѣ. Вотъ тебя щиплютъ со всѣхъ сторонъ, вотъ тебя гонятъ, вотъ тебя ведутъ, вотъ тебя арестуютъ:

«А, офицерское продаешь?» — «А, бѣлье казенное продаешь?» — «А, мануфактуру?» — «А, хлѣбъ карточный, совѣтскій, на молоко мѣняешь?» — «Заѣлась хлѣбомъ, мало «даютъ». Молока захотѣла, стерва!».

«Самъ сволочь, хлѣбъ-то мой, а дите умираетъ, въ грудяхъ все повысохло. Высохли бы вы всѣ, сволочи вы этакіе».

Петроградъ только сволочью да чортомъ ругается.

А Москва, а Россія?

Объ этомъ намъ разсказываютъ имажинисты, въ нихъ такъ сочно отразился народный имажинизмъ.

Такъ вотъ рынокъ торгуетъ. Это вовсе не веселый торгъ: «Налетай, братъ, налетай» — «А вотъ Ира, Ира разсыпная...» Нѣтъ, здѣсь плотной стѣной стоятъ голодные люди: кто кольцо продаетъ, кто крестъ, кто рубашку, а кто и женскую честь. Дешево она тогда стоила, фунтъ хлѣба, да и то никто не покупалъ.

Стоятъ жены врачей, врачи, жены офицеровъ и адвокатовъ, кухарки бывшія, профессорскія жены...

Тутъ и каэрки, тутъ и с-рки, тутъ всѣ. Все женщины: старыя, молодыя, красивыя иль уроды, но только онѣ однѣ могли тащить на себѣ свои семьи до Нэпа.

Голодали питерцы ужасно...

А знаете ли Вы, что такое голодать? Что такое голодъ? Это — болѣзнь, говоритъ простонародье, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

Это когда ты цѣлый день ничего не ѣлъ и къ вечеру не досталъ ни кусочка хлѣба и такъ легъ спать. А черезъ часъ проснулся весь мокрый отъ слабости. Въ головѣ тяжесть и глаза болятъ. Самъ ты вытянутъ въ струнку: при лежаньи на спинѣ можешь рукой спереди прощупать свои почки, и у тебя уже не животъ, а ямочка. И все время хочется спать, и такъ сладко ты дремлешь, только головѣ холодно, и ноги дрожатъ мелкой дрожью. Мозгъ одинъ во всемъ тѣлѣ работаетъ, да сердце стучитъ быстро,

неровно. И ты думаешь: встань, тамъ за шкафомъ мыши рыли — крошки видно на полу. Встань, въ шкафу остался воскъ медовый — можно его вкусно съѣсть. Встань, въ помойкѣ яблоко гнилое третій день лежитъ. А зеленый хлѣбъ? — Это будто мохъ зеленый, его многіе ѣдятъ и очень хвалятъ. Можно фунтъ муки картофельной въ водѣ негусто разболтать, блины отличные изжарить, насыпавъ соли на плиту.

Такъ рифмуются въ головѣ всѣ желанья твои.

Но крошки мыши съѣли, яблоко въ помойкѣ нищій подобралъ, воскъ былъ для полу, хлѣбъ зеленый хозяйка забрала, а фунтъ муки картофельной еще должны давать по карточкамъ литера А, по купону № 32.

Или твой близкій боленъ, хлѣба дома нѣтъ, ты несешься за 10 верстъ конину достать, чтобы супъ горячій ему сварить. И ты варишь эту конину, а она сѣрой, сладкой пѣной изъ горшка «претъ» и къ горлу тебѣ подступаетъ.

Или эта махорка, ее всѣ курятъ, а курятъ отъ голода и плюютъ.

Плюютъ, плюютъ, и цѣлыя лужи отъ этого наплеванныя стоятъ.

И смотришь на этихъ сосущихъ «цигарки», плюющихъ людей, и горько становится.

* * *

Трудно намъ было въ Питерѣ, голодали мы подъ конецъ жестоко.

Знаю, что одинъ разъ сходили въ Петрокоммуну, гдѣ мужа хорошо въ лицо знали многіе коммунисты и получили за кого-то 52 фунта селедокъ съ червями, которые мы оборачивали по методу Камернаго Театра въ газетную бумагу, потомъ жгли, держа на палкѣ селедку, и она получалась нѣжная, какъ балыкъ. Голодали мы, какъ всѣ...

Стояла я тоже на рынкѣ, тоже барыня. Стояла день, два, недѣлю. Все продала до ниточки — это контрабандистамъ. Трудно намъ было еще и потому, что мужа въ лицо знали многіе чекисты и Гр. Зиновьевъ...

Знаю, что въ послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ не спали. Знаю, что не хватило нашихъ милліоновъ, что мужъ цѣлые сутки бѣгалъ, занималъ подъ честное слово деньги, что покупалъ финскія марки, и что я продала его послѣдній черный пиджакъ и оставила ему какую-то курточку — кофточку съ перламутровыми пуговицами, которая не напоминала въ немъ барина, а такъ, совѣтскаго служащаго.

И вотъ, съ мѣшкомъ совѣтскихъ денегъ, съ двумя фунтами хлѣба, двумя тысячами финскихъ марокъ, двумя паспортами, мы двое отправляемся за-границу.

Если Вы спросите меня, по какимъ улицамъ мы шли и съ какого вокзала мы выѣхали, я не смогу Вамъ сказать. Но могу Вамъ сказать, скоро мы пріѣхали туда, куда надо.

Утромъ въ субботу мы вышли. Шелъ дождь.

Драповыя пальто, по русскому обычаю, что паръ костей не ломитъ, мы надѣли на себя. Это въ іюлѣ мѣсяцѣ самаго жаркаго года въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе.

Мнѣ въ немъ было очень жарко. А кромѣ того, оно было очень красивое и совсѣмъ не подходило къ моимъ сосѣдкамъ молочницамъ.

Людей въ вагонѣ тьма. Сидятъ на лавочкахъ, сидятъ на полочкахъ, сидятъ на полу, стоятъ въ проходахъ, на ступенькахъ, лѣстничкахъ, висятъ на буферахъ и спятъ на крышахъ, и всюду и вездѣ, гдѣ можно прицѣпиться.

Смѣясь, ѣхалъ нашъ вагонъ, никто ни съ кѣмъ не поругался.

Во время военнаго контроля только у моего мужа одного спросили документъ-трудовую книжку.

Книжка была новая, хорошая, съ печатями. Но онъ сидѣлъ въ своемъ пальто въ другомъ углу вагона: «Баринъ бариномъ» говорили молочницы.

У меня съ бабами самые лучшіе разговоры о хозяйствѣ, о вещахъ.

Онѣ меня ощупали, осмотрѣли, почти что раздѣли. А про пальто сказали: «Что, везешь на обмѣнъ?» — «Да». «А сколько хочешь?» — «Много хочу, оно вѣдь каракульча». «Врешь, не можетъ быть». — «Ей-Богу, каракульча». — «А что это значитъ, каракульча?»

Такъ, смѣясь и болтая, мы ѣхали, ѣхали, ѣхали. — Поѣздъ остановился, и мы встали.

А когда мы шли къ тому мѣсту, куда надо было, то мы встрѣчали патрули — босыхъ, голодныхъ солдатъ.

Женщины проходили мимо, а у мужчинъ спрашивали пропуска. Каждый разъ мой мужъ, онъ былъ безъ пропуска, подходилъ къ нимъ закурить и одновременно протягивалъ солдату папиросу. Потомъ посидитъ съ ними молча; всѣ помолчатъ, поплюютъ, и пойдетъ онъ своей дорогой, а я выглядываю спереди изъ-за угла.

Контрабандистъ рысью мчится по шоссе, двѣ сестры съ молочными бидонами путь указываютъ.

Прошли 10 верстъ въ полтора иль два часа. Силъ мало, голодали мы давно, а идти еще столько же до деревни. На ногахъ у меня совѣтскія ботинки, что краснымъ сестрамъ по карточкамъ выдавали. Ботинки добротныя: самоваръ новый на нихъ обмѣняли; стучатъ по шоссе, какъ деревяшки. Вещей у насъ не мало, все на себѣ надѣто для конспираціи. И не хочется оставить, а вдругъ въ Предварилку попадемъ на осень, на зиму. А тамъ не топятъ и не кормятъ, тамъ «вещами кормятся». Вещевая валюта выше доллара въ Россіи стоитъ.

Тяжело было идти. На пятнадцатую версту силъ не хватаетъ. Ботинки сестры совѣтской отъ воды, отъ глины стали будто пудовики и по шоссе они стучатъ все громче и громче...

Господи, какъ было неудобно, какъ жарко, какъ мокро.

Обѣгая посты, мы шли по тропочкамъ, по водѣ, по рѣчкамъ. И на насъ все мокло, мокло и въ конецъ размокло. Наконецъ пришли подъ деревню. Сестры убѣжали. Мы потихоньку въ избу, а у избы елочка 27 лѣтъ: можно по вѣткамъ посчитать.

Вошли — сынокъ контрабандистъ, да мы... Баба одна лежитъ, другая сидитъ. Руку имъ подали. Сѣли.

Открывается дверь. Дѣвочка, дѣвочка, мальчикъ, опять дѣвочка и еще дѣвочка съ ребенкомъ, а потомъ постарше, потомъ женщина, женщина и еще женщина, а потомъ мужики пришли, человѣкъ шестнадцать, а мы все сидимъ да молчимъ. Мы молчимъ, они молчатъ. Помолчали, помолчали, да ушли. Вся деревня побыла.

Спрашиваю отца-контрабандиста: «Что это за люди?» — «Это все наши». «А что за наши?» — «Это — контрабандисты». «А зачѣмъ они пришли?» — «А смотрѣть васъ». «Зачѣмъ?» — «А вотъ баринъ с.-р. Насчетъ земли всѣ интересуемся». «Ну, а зачѣмъ они знаютъ, что баринъ с.-р.?» — «Это ничего, мы сочувствуемъ». «Ну, хорошо, что сочувствуете. А сынокъ Вашъ, контрабандистъ, при Исполкомѣ, тоже сочувствуетъ?» — «Да, онъ очень сочувствуетъ».

Пошли хозяева муку молоть кустарнымъ способомъ: два жернова — крутятъ, вертятъ — вотъ и десять фунтовъ муки и за размолъ ничего давать не надо. По пять фунтовъ съ пуда брали послѣднее время въ пользу Исполкома на мельницѣ.

Посидѣли, посушились, поѣли и легли спать.

А вокругъ ограды ходятъ — особый отдѣлъ чеки.

Когда стемнѣло, пришелъ контрабандистъ.

«Ушли», говоритъ — «на ночь». Мальчишки весь день стерегли особый отдѣлъ. Особый отдѣлъ въ лѣсъ — мальчишки за ними. Особый отдѣлъ въ домъ, мальчишки за ними. О. О. спать — мальчишки спать. О. О. всталъ — мальчишки встали. «На разсвѣтѣ вернутся въ четыре часа, значитъ, намъ въ путь».

Четыре часа ночи, это значитъ, по настоящему, часъ ночи; ни дѣти, ни коровы, ни куры передвиженія стрѣлки часовъ не признаютъ. По совѣтски коровы ложились спать въ 12 часовъ ночи.

Ну, а намъ? Намъ еще два часа ждать.

Потушили огни, вмигъ клопы облѣпили. То съ потолка, то со стола, то сверху, то снизу, будто летаютъ. Вотъ пытка. Не одинъ, не два, а сотни. Сколько ихъ? Тьма. Два часа мы метались по избѣ. А изба хорошая, сто лѣтъ, а то и больше стоитъ, «ни разу клоповъ не выводили — и въ обычаѣ этого не было» — сказалъ хозяинъ.

Вышли мы въ четвертомъ часу по совѣтски. Всѣ трое пригнувшись, до земли согнувшись. Будто за грибами. Въ рукахъ пустыя корзинки, а все на себѣ. Бѣжимъ часъ, только вода хлюпъ-хлюпъ. Бѣжимъ два, тутъ посуше стало. Потомъ рѣчка, прямо по рѣчкѣ, по поясъ. А въ корзинкахъ грибы, — будто грибы собираемъ. Дорога. Легли, послушали. Опять бѣжимъ, опять болото. Вотъ уже посвѣтлѣло, вотъ туманъ сизый поднялся и ушелъ въ ближайшій лѣсъ. А мы бѣжимъ, бѣжимъ.

Бѣжали, бѣжали, да заблудились, попали въ чортово мѣсто. Тутъ осина, тамъ осина. Тутъ болото, тамъ болото, а гдѣ конецъ? Бьемся часъ, другой, и третій.

Вотъ уже и полдень, солнышко закрыто, гдѣ западъ, гдѣ востокъ? Компаса не взяли изъ конспираціи. А лѣсъ дремучій, дремучій... А ягоды, а птицы, а грибы вотъ какіе... И вѣтеръ не дуетъ. А дуть онъ долженъ въ лѣвое ухо, а идти направо, какъ говорятъ люди. Молчитъ вѣтеръ, молчитъ лѣсъ... Дождь пошелъ, и стало тихо, тихо. А комары. Кажется, не было мѣста, гдѣ не было волдыря. Большіе, огромные. Укуситъ, такъ кровь льется.

Это лѣса приладожскаго озера.

Усталые, измученные, мокрые отъ пота, воды, идемъ сквозь кустарники; какъ заборъ, руками ломаешь его. Одежда мокрая, юбки жгутомъ ноги связываютъ. Падаю, обрываюсь, не поспѣваю. Контранбандистъ все впередъ да впередъ... Только остановились, чтобъ духъ перевести, а онъ въ кусты.

Мужъ за нимъ бѣгомъ. «Стой, постой, дорога тутъ» – кричитъ ему. Остановился, вернулся. Взяла подъ руку, пошли всѣ вмѣстѣ.

А дорога-то не дорога, а трава примятая. Нарочно сказалъ: «Вонъ тамъ». И идемъ «тамъ», а тамъ телѣга лежитъ. Зеленыя банды стояли. Банки отъ консервовъ валяются. Ну, слава Богу, а то, видно, лѣшій водилъ насъ.

Потомъ лѣсное пожарище, потомъ тропинка, а потомъ еще дорога и болота. Но солнышко уже выглянуло на западѣ и зажгло насъ. И мы быстро къ вечеру перешли границу, не замѣтивъ ея. Верстъ сорокъ, а то и больше, мы сдѣлали. А граница вся заросла, будто не граница.

* * *

Когда контрабандистъ ушелъ, мы не ощущали ни радости, ни восторга, какъ полагается по этикету бѣженцевъ. Мы ничего не ощущали. Одна огромная, большая боль во всѣхъ частяхъ тѣла.

Ну, дальше.

Дальше, дальше.

Дальше стоитъ домъ на куриныхъ лапкахъ, только не вертится. А позади амбары. А въ избѣ Баба-Яга, Костяная Нога. Услыхала русскій духъ и обрадовалась. Вышла на улицу и рукой махнула.

Не пошли.

Потомъ старушка оказалась очень хорошей, и звали ее Лизой, какъ меня. Двадцать восемь лѣтъ, какъ она овдовѣла. А былъ у нея мужъ тоже русскій. И всѣ тридцать пять лѣтъ училъ онъ ее по русски, но всѣ слова она уже забыла, «Лиза» же она говорила совершенно ясно и все звала меня «Лиза».

Былъ сѣнокосъ, и самый главный пришелъ къ ночи. Такъ и такъ, мы хотимъ ѣхать въ карантинъ, доставьте лошадь. Что-то онъ насъ еще спрашивалъ, мы не поняли, и получилась «заворожка», о которой дальше.

Пришли братья: братья разбойники. Четверо, одинъ другого выше. Всѣ высокіе, здоровые, красивые. Одинъ на костыляхъ, но гигантъ. Въ свалкѣ ему ногу повредили когда-то. Но и контрабанды онъ потаскалъ на своемъ вѣку и поохотился на большихъ дорогахъ. А красивый, самый красивый. А глаза? А зубы? А волосы? А смѣхъ?

Хозяинъ нашъ тридцать пять лѣтъ въ лѣсу. Весь посѣрѣлъ. Вотъ ляжетъ на землю, и зимой, и лѣтомъ не отличишь отъ нея. Лицо сѣрое, ноздри сѣрые, уши длинные, сѣрые, глаза быстрые, тоже сѣрые, а самъ сухой. И смотритъ такъ по сторонамъ, головы не поворачивая, какъ собака, какъ волкъ. Да и волкъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Сѣрый волкъ и тихохонько черезъ кусты пробирается. А погонишься за нимъ, птицей обернется. Перевертень какой-то.

Живутъ они все время безъ бабъ. Коровами еще промышляютъ, чтобы у границы жить. Старушка для хозяйства въ услуженіи у нихъ состоитъ. Да другіе еще два брата разбойничка, съ пяти лѣтъ все спички таскали черезъ границу, всѣ кочки да тропинки въ лицо знаютъ. Теперь имъ по 22 года.

Легли всѣ поздно. Всѣ на полу, хозяинъ на кровати. Старушка въ сѣняхъ, ея не видно. Ночь. Лежатъ разбойники, не спятъ, ворочаются. Мой мужъ одинъ только спитъ. Тонкій, блѣдный, весь прозрачный, будто неземной.

Вотъ тутъ меня ужасъ и обуялъ. Вотъ оно самое страшное то. Шелъ часъ за часомъ. Они не спали. Свѣтъ бы скорѣе, утро бы, утро бы. Я молилась, не знаю кому. Голова горитъ какъ въ огнѣ, щеки пылаютъ. «Вся обожженная солнцемъ чужимъ, богу чужому молилася я». Свѣта, разсвѣта звала я. И онъ пришелъ, этотъ разсвѣтъ. Сѣдой, но знакомый, родной. Было пять часовъ утра. Коровы, куры, птицы проснулись. Разбойники встали и мы съ ними.

И стало мнѣ стыдно моихъ думъ; скорѣй одѣться, на крыльцо, и дальше, дальше... Выхожу на крыльцо. Два полисмена. «Здравствуйте». Сняли они мнѣ съ привѣтомъ шапки и подошли снаружи къ окну, у котораго мужъ сидѣлъ.

* * *

Лошадь, которую мы заказали, пріѣхала одновременно съ полиціей.

Наши хозяева только кивали головами и говорили: «Не такъ сдѣлано».

А я? А мы? Мы были очень довольны, что сейчасъ ландсманъ, потомъ карантинъ, и дальше, дальше...

Ѣхали на двуколкѣ восемь километровъ по гористымъ мѣстамъ. Утро сѣверное, мѣсто, богатое лѣсомъ, и сколько въ немъ разныхъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ красокъ... И полисмены такъ чисто одѣты, посвистываютъ интернаціоналъ, и совсѣмъ не наши босые отряды.

Пріѣхали къ ландсману. Онъ просмотрѣлъ лежащіе на столѣ списки на право въѣзда въ Финляндію и не нашелъ нашихъ фамилій; позвонилъ по телефону, телефонъ послѣ ночной бури не дѣйствовалъ, послалъ за переводчикомъ, который намъ и доложилъ, что въ виду исключительныхъ условій, — я женщина, а телефонъ испорченъ, — мы съѣздимъ къ коменданту въ Рауту, можетъ, онъ отмѣнитъ обычное въ такихъ случаяхъ постановленіе, и насъ отправятъ въ карантинъ, а не обратно. Вообще же всѣхъ русскихъ, не имѣющихъ разрѣшенія на въѣздъ въ Финляндію, обратно отправляютъ въ Россію. Этого мы не знали.

Поѣхали въ Рауту — 75 километровъ по гористому шоссе, послѣ вчерашняго дня, послѣ трехъ безсонныхъ ночей, въ маленькой двуколкѣ, гдѣ кучеръ сидитъ у тебя на ногахъ. Каждый камень, каждый неровный скачекъ лошади, все отдавалось въ тебѣ. Подлѣ, на чудной заводской лошади, гарцовалъ переводчикъ.

Ѣхали мы, ѣхали и все узнавали новое. Что комендантъ Рауты — звѣрь, что расправляется онъ жестоко съ бѣженцами, что послѣ прихода кронштадтцевъ бдительность въ этой части границы была усилена и что матросовъ пачками сдавали коммунистамъ и что сейчасъ еще часть подлежитъ сдачѣ.

Но не знали тогда въ Финляндіи, что эти пачки матросовъ приводились въ Предварилку, а ночью ихъ пачками же разстрѣливали...

Узнали мы и то, что ингерманландцевъ приказано разстрѣливать при вторичномъ появленіи и неизвѣстно, будетъ ли примѣненъ этотъ способъ къ моему мужу, но что лучше, если онъ вторично не пытается идти.

Разсказали намъ также про случай на дняхъ. На моторной лодкѣ пріѣхалъ одинъ полковникъ Т. съ двухлѣтнимъ мальчикомъ и беременной женой на послѣднемъ мѣсяцѣ. Комендантъ, который довольно сносно владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, послѣ того, какъ эта несчастная женщина, жена офицера, нѣмка по происхожденію — валялась у него четыре часа въ ногахъ, умоляя ихъ оставить, этотъ негодяй, великолѣпно понявшій ее, рѣшилъ отослать ихъ въ Россію. И только тогда, когда полковникъ сказалъ, что онъ сядетъ въ лодку и взорветъ ее со всей семьей — звѣрь послалъ ихъ въ карантинъ.

Я лично потомъ видѣла въ карантинѣ одного офицера К., почти ослѣпшаго, съ мокрой экземой на лицѣ, безъ копейки денегъ. Онъ такъ же, какъ и мы, попалъ къ коменданту въ Рауту. Этотъ самый комендантъ продержалъ его три дня въ изоляторѣ, гдѣ его вши облѣпили (это въ Финляндіи, въ 21 году!) и безъ слова допроса велѣлъ вывести за границу по шоссе. Офицеръ скрывался цѣлый мѣсяцъ въ сѣнѣ, которымъ запорошилъ лицо и глаза. Всѣ же деньги и брилліанты ушли на черный хлѣбъ, которымъ онъ питался.

Былъ еще случай съ татарскимъ писателемъ Б., съ которымъ я сидѣла въ карантинѣ. Его продержали ночь въ изоляторѣ и вернули въ Россію, когда имѣлось разрѣшеніе на въѣздъ въ Гельсингфорсъ, о чемъ хлопотала вся татарская колонія: онъ, уважаемый общественный дѣятель, популярная личность среди русскихъ татаръ, четыре года жилъ нелегально въ Россіи.

Подъѣзжая къ коменданту, я знала, что насъ вернутъ, но просить я не умѣю, а злиться не поможетъ.

Кто же это такой, этотъ звѣрь, комендантъ такого большого округа, какъРаута, и что это за такая оріентація на большевиковъ? Съ лицомъ пиковаго валета. Русскаго языка совершенно не знаетъ. Сражался противъ русскихъ на нѣмецкомъ фронтѣ и сейчасъ продолжаетъ сражаться. Но только съ кѣмъ? Всѣ національности онъ предаетъ большевикамъ. Не сотрудничество ли, эта мысль мнѣ западаетъ въ голову.

Глупо, сухо, надменно онъ выслушалъ переводчика, а насъ не пожелалъ видѣть, мы стояли въ передней. Потомъ позвонили въ Теріоки по телефону, въ Теріокахъ сидитъ у телефона барышня, сестра милосердія. Спросилъ, нѣтъ ли разрѣшенія для такого-то, невѣрно произнося фамилію, и сказалъ переводчику: «Обратно, на шоссе, они сразу встрѣтятъ русскихъ, если боятся лѣса ночью».

* * *

Я вошла къ нему въ комнату, онъ не пожелалъ вторично говорить съ переводчикомъ. «Будьте Вы джентельмэномъ, выслушайте насъ. Вы должны, кажется, знать, что члены Русскаго Парламента (наше Учредительное Собраніе) сидятъ, какъ заложники, и мужу угрожаетъ разстрѣлъ, если его встрѣтитъ отрядъ на границѣ Финляндіи. Братъ моего мужа недавно разстрѣлянъ... Мы такъ много сдѣлали для финовъ, когда они сидѣли въ Крестахъ, будьте гостепріимны. И, наконецъ, насъ знаетъ г-нъ И., который можетъ засвидѣтельствовать, что русскіе соціалисты-революціонеры не были врагами Финляндской самостоятельности. Насъ знаютъ еще домовладѣльцы въ Теріокахъ, они русскіе, но за давностью лѣтъ финскіе граждане».

Я знала, что достаточно двухъ поручителей, что мы не коммунисты, чтобы насъ оставили въ карантинѣ, это право бѣженцевъ. Но онъ не слушалъ меня и сказалъ: «Gehen Sie fort! Heute ist Sonntag, und ich muß die Tür zumachen. Für Sie habe ich keine Zeit».

Мужъ все время молчалъ, только покрылся красными, темными пятнами.

А нашъ переводчикъ?

Молодому человѣку было стыдно, и онъ не могъ смотрѣть намъ въ глаза. «Вѣдь это позоръ для Финляндіи». Зналъ онъ навѣрняка, что выведя насъ на границу, онъ навѣрняка выведетъ насъ на разстрѣлъ.

Въ 11 часовъ ночи насъ подвезли къ дремучему темному лѣсу. Мы настояли, чтобъ насъ подвели къ той же тропинкѣ. Всю дорогу я просила извозчика найти намъ контрабандиста. Когда переводчикъ подъѣзжалъ, онъ отвѣчалъ «не полагается», когда отъѣзжалъ, онъ говорилъ «можно».

Настала ночь. Мы расплатились съ возницей, распрощались съ переводчикомъ и вошли въ лѣсъ.

* * *

Если вы спросите, какъ мы провели ночь въ дремучемъ лѣсу... то я разскажу вамъ. Прекрасная чистая комната, гдѣ чистое бѣлье, бѣлая скатерть и всѣ лакомства земныя были намъ предоставлены за «ритцать марокъ» — за «ритцать копеекъ» вейки возили въ Петроградѣ на масляницѣ. Всю ночь горѣла ярко лампа, и высохшія вещи на насъ я зашила въ двѣ посылки, написавъ адреса. Ихъ должны были отослать въ Теріоки. Люди, которыя насъ окружали, совсѣмъ не говорили по русски; женщины все время гладили меня руками.

Я купила намъ чаю, сахару, кофе, какао, масла и папиросъ. О, папиросы, какъ мнѣ изъ-за нихъ влетѣло!.. Папиросы эти дороже въ Финляндіи, чѣмъ въ Россіи, и никто ихъ не тащитъ какъ контрабанду. Мы послали телеграммы друзьямъ, всю ночь ждали отвѣта, но тщетно. До двухъ часовъ дня мы тянули и ждали разрѣшенія этого вопроса, но насъ торопили наши гостеріимные хозяева. Оставаться больше нельзя было.

Я обняла видимыхъ и невидимыхъ нашихъ друзей и пособниковъ, въ этомъ темномъ дремучемъ лѣсу насъ пріютившихъ, и мы дѣйствительно перешли границу.

Пройдя пятнадцать минутъ, ноги мои не хотѣли идти.

Но вдругъ невѣдомые друзья послали намъ контрабандиста, который кругомъ навстрѣчу бѣжалъ къ намъ. Этотъ человѣкъ былъ сѣрый волкъ, но какой волкъ! Онъ только нюхалъ воздухъ и бѣжалъ, бѣжалъ...

Надо было придти до того времени, какъ коровы съ поля идутъ, тогда отряды идутъ на розыски.

Волкъ совсѣмъ не говорилъ. Мы не шли, мы бѣжали, мы летѣли. У меня будто выросли крылья, я забыла, что у меня уже окровавленныя ноги. Вещей у меня лично ничего не было. Одно бѣлое платье висѣло на мнѣ, какъ на палкѣ. До шести часовъ мы бѣжали, не останавливаясь, не разговаривая.

Такъ мы пришли къ стадамъ.

Услыхали звонъ колокольчиковъ. Нашъ попутчикъ, какъ дикая кошка, прыгъ въ кусты — направо, направо. Что это за скачка была!.. Ну вотъ, остановился, прыгнулъ въ лѣсокъ. Дышемъ такъ, что паровозъ двигать можемъ своимъ дыханіемъ. А потомъ мелкимъ, мелкимъ шагомъ по орѣшнику.

Вдругъ отрядъ... ругается нехорошими словами. Мы въ кусты, кусты. Каждый отдѣльно. Бѣжимъ всѣ трое бокомъ. Двѣ фигуры впереди, а я вся въ комочекъ сплющилась. Вѣтка хлопъ меня по лицу, да какъ рванетъ меня за волосы, я и подвисла. Сорвалась, своихъ догнала. Волосы до пояса, во всѣ стороны. Вѣдьма, вѣдьма! Вотъ она кровь моя — кіевская я вѣдьма. И себя не жаль, ничего не жаль. Огонь — огонь, вода — вода — черезъ нихъ пойду.

Сѣли, опустились на колѣнки мы всѣ трое, возлѣ елочки. А съ другой стороны елочки «парень съ дѣвкою милуется». «Марфинька, я тутъ» зоветъ онъ ее, и слышно дыханіе... Потомъ намъ сказали, что это чекистъ изъ Ос. Отд.

Молніей взметнулись мы въ озеро... Вышли, а въ кустѣ волкъ обтирается да обтряхивается. — Больше не могу — говоритъ онъ человѣчьимъ голосомъ. Дали мы ему денегъ, не простились. Онъ на западъ, мы на востокъ рысью понеслись.

Вотъ и конецъ лѣса, вотъ кольцомъ поля вокругъ деревни, а вотъ дороги. Дороги всѣ къ церкви на гору идутъ, а противъ церкви особый отдѣлъ. Особый отдѣлъ Чеки по дорожкамъ гуляетъ да революціонныя пѣсни распѣваетъ.

Видимъ, сидитъ старикъ, а лѣтъ ему сто, а то и больше. А намъ, намъ тоже по сто лѣтъ. И видъ у насъ: на мокромъ тѣлѣ мокрые костюмы, а поверхъ наши теплые пальто. А лица, лица наши! Всѣ искусаны комарами, въ крови, и потъ въ три ручья у мужа льется. На спинѣ финскій товаръ, въ особенности папиросы.

— Дѣдушка! А какъ въ деревню пройти? Мы за картошкой. Товаръ есть. — Вы откуда? — Мы со станціи. — А какъ вы со станціи, если станція тамъ! Вы съ границы? — Царство Небесное! Вотъ говорила я, что нужно идти налѣво, а мужъ — направо. — Дѣдъ посмотрѣлъ на солнце и сказалъ: — Идите туда, тамъ отрядовъ нѣтъ. —

Бѣжимъ черезъ поле по межѣ, дальше, дальше.

Вдругъ мужикъ съ бабой сѣно косятъ. — Здравствуйте, здравствуйте. — А нельзя ли молочка испить?

— Да вы откуда? — А вотъ, со станціи, — рукой правильно направленіе указываемъ. — Нѣтъ, молока нѣтъ.

— А не знаете ли вы такого-то, его дочь мнѣ молоко носитъ, а старика я лѣчу, онъ больной. — Это мой дядя, – сказалъ мужикъ.

Сразу понялъ онъ все.

— Идемъ въ избу. Изба очень близко. Только подходимъ — бѣжитъ босой солдатъ. — Я изъ О. О. Вашъ отецъ сидитъ тамъ, пришелъ изъ Финляндіи, третій день безъ хлѣба и молока. — И сѣлъ на крыльцо. И мы всѣ на крыльцѣ.

— А вы кто такіе? — Мы вообще, за продуктами. — А вы не курите? — Нѣтъ, не куримъ. — [Въ мѣшкѣ сотня папиросъ.] — А вы сколько за билеты платили? — Мы ничего не платили, мы командировочные. — А вы почему тутъ ходите? Тутъ въ отдѣлъ берутъ, кто ходитъ. — Знаемъ, что берутъ. Мы не боимся, у насъ бумажки есть. — Бойтесь, не бойтесь, и съ бумажками берутъ. — А почему берутъ? — Да всю недѣлю тутъ что было. Одного поймали съ листками, а когда вели по шоссе, то онъ отнялъ ружье и застрѣлилъ нашего...

Молчаніе.

— Ты небось рязанскій? — Да, рязанскій. — Ну и земляки. — Паспортъ у мужа рязанскій. Солдатъ вшивый, босой, голодный, улыбнулся и замолчалъ.

Принесла баба цѣлую миску молока. И не будь солдатъ нашъ русскій-рязанскій, то сразу бы своего земляка въ Чеку отвелъ. Землякъ, въ драповомъ пальто, какъ прильнулъ къ мискѣ съ молокомъ, такъ и головы поднять не могъ. Баба приготовила хлѣбъ и молоко и пошла съ солдатомъ въ О. О. Солдатъ на прощаніе сказалъ: — Вы не особенно ходите. — Но сказалъ недобро.

Съ хозяиномъ распрощались, бѣжимъ къ дядѣ его. А папиросы? Всѣ надо куда-нибудь подложить. Бѣжимъ. Всѣ 10 коробокъ подъ камни, да заборы. А про мыло съ этикетками мы и забыли. Скорѣй, скорѣй, пошлетъ еще солдатъ смотрѣть, что это за люди за картошкой въ теплыхъ пальто пришли.

Стало совсѣмъ темно. Деревня разбросана по лѣсамъ и лугамъ. Попали въ лѣсъ. Темно совсѣмъ, идемъ въ другую сторону. Вдругъ остановились, черезъ заборъ, въ канаву. Бухъ, бухъ по водѣ. Выбрались, и увидѣли елочку, что 27 лѣтъ стоитъ. Обрадовались елочкѣ, побѣжали къ ней, а потомъ опять не узнали. Зашли въ сосѣднюю избу, а тѣ насъ въ елочкину избу. Вотъ и спаслись...

Старики сидятъ. Разсказали имъ все. И обласкали они насъ.

Не буду разсказывать, какъ мы пробыли тамъ еще сутки, какъ ѣли насъ клопы, какъ мы спали въ сѣняхъ. Кажется, намъ было все равно. Мы почти сто верстъ на ногахъ сдѣлали въ двое свутокъ.

На второй день, пройдя эти самые двадцать верстъ уже безъ вещей, безъ копейки денегъ, мы на станціи узнали, почему «солдатенка» насъ спрашивалъ о цѣнѣ билета. Билетъ съ 8 рублей поднялся до 5-ти тысячъ. Купила намъ билеты «сестренка». А мы, истративъ всѣ свои силы, состояніе, утерявъ свои надежды и вещи, съ корзинкой творогу, черники, да 5 ф. хлѣба пришли на ту самую квартиру.

А въ доказательство того, что все наше путешествіе не было выдумкой, мы пили настоящій кофе и чай, ѣли шеколадъ и много, много сахару. Окровавленныя ноги были въ черныхъ чулкахъ, купленныхъ въ Финляндіи. Сидѣли мы завернутые въ простыни, бѣлья другого не было, истопивъ ванну бумагой «Завѣтовъ». Чистые и пахнущіе туалетнымъ мыломъ, мы смѣялись и не знали, что съ нами будетъ завтра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Черезъ недѣлю у насъ было разрѣшеніе на въѣздъ въ Финляндію. У насъ были деньги, у насъ была одежда. Насъ пріютили чужіе люди, насъ кормили чужіе друзья. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Начался уже Нэпъ.

Усталость, бѣготня, возня съ визами, сдѣлали эту недѣлю незамѣтной...

Жизнь шла своимъ чередомъ, только на три часа раньше, чѣмъ-въ прежнее время. Я знала, что матросы умирали въ лагеряхъ по Мурманской желѣзной дорогѣ, раскаявшіеся въ свободной торговлѣ, но не раскаявшіеся «во всей власти совѣтамъ». Я слыхала страшную сказку для взрослыхъ, для каждаго города свою сказку, о томъ, что кладбища кормятъ свиней толстокожихъ, и сказка ходила изъ города въ городъ, покуда голодные стали покойниковъ ѣсть.

Я знала, что на углу Невскаго и Владимирскаго проспекта была устроена лоттерея краденыхъ вещей въ пользу голодающихъ. По ночамъ витрины блистали огнями, и изрѣдка появлялись личности, желающія купить лоттерейный билетъ. Зато на улицѣ стояло видимо-невидимо людей, которые старались узнавать свои вещи черезъ окно. Публику стали разгонять... Но когда въ окнахъ появились кожаныя куртки, пожертвованныя для розыгрыша, дѣло совсѣмъ перестало имѣть успѣхъ. — Каждый коммунистъ много далъ, чтобы въ его квартирѣ не было кожаной куртки: плохо она пахнетъ... И завалили они тогда лоттерею кожаными куртками.

Знала я, что аресты въ городѣ жестокіе, что перестали принимать передачи для арестованныхъ, что тотъ, у кого мужъ хотѣлъ ночевать наканунѣ отъѣзда и отъ кого онъ ушелъ на разсвѣтѣ, былъ арестованъ и сидитъ безнадежно въ камерѣ смертниковъ. Вся вина его заключалась въ томъ, что веселый князь Шаховской, весело играющій въ Монте Карло и весело описавшій въ мемуарахъ свои жизненныя приключенія въ Совѣтской Россіи, разсказалъ, какъ одинъ адвокатъ далъ за него взятку въ тысячу шведскихъ кронъ слѣдователю и онъ такъ легко отдѣлался. Да, онъ отдѣлался одной тысячью шведскихъ кронъ — и жизнью всѣми уважаемаго и добраго адвоката Бѣлостоцкаго, у котораго въ Ригѣ остались сынъ и молодая жена. Когда эти веселые господа переходятъ границу, они совершенно забываютъ, что позади остается распятая Россія.

Знала я, что Гумилевъ арестованъ, что у Лозинскаго засада, что Ремизовъ удралъ за-границу и что вообще не все спокойно.

* * *

Собрались. Безъ вещей, безъ тяжести.

Не замѣтила я только того, что контрабандистъ насъ избѣгалъ и мнѣ за 10 минутъ до отъѣзда поѣзда пришлось искать его въ какомъ-то вертепѣ кокаинистовъ. Вернувшись на вокзалъ, я насилу отыскала своего мужа: увидя, что опять какого то господина изъяли изъ очереди, онъ засѣлъ въ вагонъ съ молочницами и ждалъ меня.

Бѣгала я по всему поѣзду и искала контрабандиста, который послѣ вчерашняго кокаина спалъ блѣдный.

Потомъ мы ѣхали, ѣхали. И тошнило отъ поѣзда, отъ бабъ и отъ того, что ничего съ утра не поѣли, и вообще было тошно отъ всего.

Опять пошли; но пылу въ насъ уже не было. Опять эти самые 20 верстъ, тѣ же патрули, тѣ же папиросы, такъ же «помолчали», «поплевали».

Да еще по дорогѣ шелъ «солдатенка», съ ружьемъ, тотъ-рязанскій; не узналъ онъ насъ, шелъ, разговаривалъ, какъ вдругъ встрѣчная баба: «Родимые, арестованнаго барина ведутъ». Солдатъ сконфузился. «Ты мнѣ поговори». Опять прохожіе, опять навстрѣчу ребятишки. — «Гляди, гляди, дяденьку арестованнаго ведутъ». — Солдатъ какъ разсердится, какъ побѣжитъ отъ насъ — и слѣдъ простылъ.

Пришли мы въ деревню тѣмъ же порядкомъ, тѣми же тропочками, лужищами да уличками.

Старики хмурые сидятъ... Старухѣ сонъ снился, что какой-то покойникъ хлѣба поѣлъ, а остатки доѣлъ сынъ ихъ, нашъ контрабандистъ.

Контрабандисту не охота идти, а стыдно отказаться: не додѣлалъ онъ своего дѣла прошлый разъ, не туда онъ насъ послалъ. Но тутъ и другое. Никто не хочетъ идти, хотя деньги всѣмъ нужны. Данъ приказъ въ Особ. Отдѣлъ разстрѣливать на мѣстѣ идущихъ одиночекъ. За эту недѣлю 7—9 человѣкъ найдено убитыми и всѣ раздѣты.

А пастухи видали, что съ лопатами солдаты въ лѣсъ ходили, лица убитаго не видали, но думаютъ, что изъ Финляндіи шелъ, по дорогѣ слѣдъ на землѣ отъ сапогъ, а въ Россіи лѣтомъ сапогъ и въ обычаѣ теперь нѣтъ носить.

Пришли старые контрабандисты, говорили, судили. «Нехорошо съ вами вышло, наша вина, а поправить нельзя. Время сейчас нехорошее. Въ Финляндіи вамъ прятаться до Теріокъ надо, а тамъ комендантъ-пасторъ, онъ теперь вмѣсто Бѣлоостровской кирки въ комендантурѣ служитъ».

Прибѣжали молодые контрабандисты-мальчишки: — «Нѣтъ, нельзя идти — говорятъ — ночью лѣсничій видѣлъ, какъ трупъ зарывали». Прямо въ голову изъ за спины стрѣляли, а потомъ раздѣли. Говорили они, что и зеленые голодные рыщутъ по лѣсу... и что съ сѣвера медвѣдь пришелъ, человѣческаго мяса ищетъ. Двухъ коровъ разодралъ... И что мальчишкамъ за О. О. бѣгать по улицамъ нельзя, теперь гонятъ камнями. И что воютъ волки по ночамъ и что бѣлые наступаютъ на красныхъ, а въ какомъ мѣстѣ неизвѣстно. И что самъ чортъ въ Особомъ Отдѣлѣ ничего не знаетъ. А то ведутъ, ведутъ арестованнаго, а его нѣтъ, исчезъ, ты его ищи, а охрана лежитъ сбоку будто мертвая.

Вотъ вамъ и тысячу первая сказка...

Мы не отстаемъ, но видимъ, что дѣйствительно что-то измѣнилось за эту недѣлю, что строгости пошли большія.

Когда я выписала всевозможныя лѣкарства моему паціенту, бывшему сифилитику, онъ пошелъ еще на развѣдки и просилъ приготовиться идти въ 11 часовъ ночи.

Ночи стали темныя.

Это былъ третій день нашего скрыванья въ избѣ.

Пойдемъ — не пойдемъ, пойдемъ — не пойдемъ.

Вдругъ съ крикомъ, съ гикомъ ворвались 300 конныхъ солдатъ въ деревушку, въ 10 часовъ вечера. Въ каждую избу по три лошади да по три солдата. Мужъ въ чуланъ, а я босикомъ вырядилась и стала ватрушки съ картошкой лѣпить. Влетѣли соколики. Одинъ въ огородъ, а лошадь свою въ овесъ. Двое вошли въ избу. Одинъ перекрестился и сразу сволочнулъ совѣтскую власть. А когда хозяинъ хотѣлъ

заступиться для приличія, такъ тотъ и пошелъ... Отъ Ростова-на-Дону до Питера и обратно брань его текла. Онъ свободный казакъ... — Вы мнѣ только карту покажите, я сразу удеру, а людей ловить по границамъ не хочу, самъ дорогу укажу! —

Другой солдатъ, рабочій Обуховскаго завода, худой, чахоточный, все одно говорилъ: — Я съ вами, товарищъ, вполнѣ соглашаюсь.

Третій солдатъ былъ полячокъ, дрянь парнишка, ругался и воровалъ онъ артистически.

Узнали мы отъ нихъ, что была армія красная, а теперь «пре-красная», что хлѣба у нихъ никогда нѣтъ, что больше воровствомъ живутъ да спекуляціей и что «мы имъ покажемъ». Въ 11 ч. имъ дано распоряженіе оцѣпить дороги, но никто ничего не оцѣпилъ, такъ какъ мѣстность была незнакомая. Солдаты легли усталые, голодные, безъ хлѣба, на дворѣ.

Гдѣ-то прогремѣлъ выстрѣлъ. Вернулся контрабандистъ. Въ Ос. отд. совѣщаніе. А у меня въ душѣ былъ восторгъ, что не идти: я страшно боялась солдатъ.

Спали крѣпко два часа на дворѣ, а когда я проснулась, то во мнѣ было столько озорства, что море по колѣна.

Вышли мы на разсвѣтѣ, обратно въ Питеръ.

Опять хлѣбъ, творогъ, морошка. И вещей совсѣмъ нѣтъ. И идешь такъ босая по полямъ, по ложбинамъ. И вѣтеръ съ тобой борется, и пыль тебя цѣлуетъ, и отряды тебѣ уже родные. Такъ шла я вся озорная всѣ двадцать верстъ и задирала по пути прохожихъ, дѣтей и собакъ.

Переругалась со всѣмъ вагономъ въ поѣздѣ.

И съ мужемъ будто чужая, незнакомая: ему навѣрно стыдно было, что я такая. А затѣмъ пошла съ вокзала, въ своемъ грязномъ бѣломъ платьи, въ черникѣ и въ пыли, въ кафе нэпо и не стыдилась своихъ голыхъ ногъ. Море было по колѣна. Опять мы пришли въ ту же самую квартиру, гдѣ мы могли всегда себѣ пріютъ найти...

Тамъ мы узнали, что Таганцевскій процессъ идетъ, финская граница на военномъ положеніи и что всякаго, кого встрѣтятъ въ лѣсу, разстрѣливаютъ на мѣстѣ, какъ шпіона; что Гришка Зиновьевъ неистовствуетъ; что папа и мама его, нынѣшніе владѣльцы молочной фермы «Бенуа», перестали гулять по дорожкамъ сада при фермѣ; что чекистъ Озолинъ отрекся отъ своего стараго друга Бѣлостоцкаго, арестованнаго по Таганцевскому процессу, и тѣмъ самымъ проложилъ ему дорогу на тотъ свѣтъ, и что Горькій три раза ѣздилъ въ Кремль, чтобы дѣло было разсмотрѣно В. Ч. К-ой а не Пит. Чекой единолично, и что каждый часъ ждутъ разстрѣла цѣлой группы лицъ, которая подлежала освобожденію, и что бѣлыми нитками совѣтскими шьется бѣлогвардейскій процессъ Таганцева, и что во многихъ семьяхъ ждутъ покойника...

Было жутко тогда въ Петроградѣ, смерть гуляла повсюду.

Вотъ эти три дня мы и просидѣли въ избѣ.

Три другихъ дня мы сидѣли въ Питерѣ.

Въ это время умеръ Блокъ.

* * *

Вдругъ возможность уѣхать...

Ѣхать одному моему мужу. Спокойно въ лодкѣ съ дѣтьми... И можно часть денегъ уплатить, а остальную за границей...

Выплакала я, вымолила у него этотъ отъѣздъ...

Или Бутырки вмѣстѣ со всѣми с — рами, или опять скрываніе по чужимъ квартирамъ, трущобамъ; просиживаніе на улицѣ до разсвѣта на бульварѣ. И когда на могилу ребенка, какъ воръ, пробирался онъ, у насъ на шести нашихъ бывшихъ квартирахъ сидѣли засады. Или когда даже лучшіе друзья при видѣ насъ приходили въ ужасъ и посылали въ Клинъ, чтобы ночь во вшивомъ поѣздѣ пробыть.

Правда, много было и другихъ друзей, которые лучшее мѣсто въ квартирѣ у печки давали.

Повторить еще снова такой годъ, когда мнѣ приходилось дѣлать въ день по 14 верстъ, чтобы достать фунтъ хлѣба да кусокъ сахару.

— Лучше Бутырки — говорили мы оба.

Но вѣдь Бутырки тюрьма, а это свобода...

Четыре года почти нелегальной жизни.

И могила нашего ребенка.

Вотъ итоги нашей жизни при большевикахъ.

* * *

Послѣднія деньги собрала, послѣднія корки подсушила, яйцо одно сварила. Совѣтскій портфель свой полотняный въ руки дала и проводила за Калинкинскій мостъ. А когда шла обратно, то взошла луна, и на ногахъ у меня уже не было туфель: я ступала босыми подошвами по мшистому булыжнику петроградскихъ улицъ.

Я была наконецъ одна, а одна голова не бѣдна.

И рѣшила я еще разъ съѣздить въ Москву.

Всю ночь свѣтила луна, это было такъ плохо для лодки. Я смотрѣла до утра въ окно на небо и оно ни разу не захмурилось, а утромъ пошелъ дождь.

Это было 21 августа, въ ту самую ночь, когда разстрѣляли Гумилева, поэта, нашего добраго знакомаго Бѣлостоцкаго и много другихъ по Таганцевскому процессу.

И цѣлыхъ 42 женщины, скованныхъ между собой, которыхъ волокли по улицамъ, а онѣ кричали, рвались, метались такъ, что силъ ужъ не было у нихъ стоять при разстрѣлѣ, и ихъ перестрѣляли лежа, въ могилахъ.

Вотъ это ночь была какая.

И я знаю теперь, почему ночь была такая свѣтлая — послѣдняя ночь этихъ мучениковъ.

А къ утру пошелъ дождь, будто заплакалъ о нихъ.

Черезъ недѣлю узнала, что мужъ въ Теріокахъ и что Горькій заболѣлъ послѣ разстрѣла. Горькаго мы всѣ тогда не любили.

* * *

Я была эти дни совсѣмъ одна и до обморока голодна. Получивъ извѣстіе, что мужъ въ Финляндіи, я поѣхала въ Москву. А вышло это такъ. Встаю въ 8 часовъ утра, выхожу на улицу и продаю четыре простыни и смѣну бѣлья за 140 тысячъ. Иду на Большую Конюшенную, въ городскую кассу, становлюсь въ очередь платныхъ билетовъ [мои командировки были сожжены] подъ № 298 и стою до четырехъ часовъ безрезультатно. Ничего вчера не ѣла. Время закрытія кассы – пять часовъ, очередь подвинулась на 12—15 человѣкъ, такъ какъ преимущество не за платными пассажирами, а за предложеніями, — это былъ новый терминъ для безплатныхъ пассажировъ, ѣдущихъ по государственнымъ дѣламъ, или несчастныхъ совѣтскихъ служащихъ, отправляющихся въ лѣтній отпускъ въ концѣ сентября.

Въ платной очереди много интеллигентныхъ лицъ, это идетъ вторая недѣля, когда можно за плату поѣхать куда надо, и всѣ торопятся использовать эту возможность, а то вдругъ она кончится.

Ко мнѣ подходитъ миловидная дѣвушка: «Вы не къ арестованнымъ морскимъ офицерамъ ѣдете?» — Ихъ отослали въ Москву въ теченіе 24 часовъ, и никто не знаетъ почему. Говорятъ, что нѣсколько миноносокъ ушло въ море и весь офицерскій командный составъ арестованъ. Это было между 25 и 28 сентября 21 г., оффиціальныхъ сообщеній о томъ не было, но въ политическомъ Красн. Крестѣ извѣстно о такомъ случаѣ. — «Нѣтъ, — говорю, — не къ арестованнымъ офицерамъ, но чѣмъ могу помочь?» — «Помочь надо, вѣдь онъ въ одной тужуркѣ пошелъ за пайкомъ и больше

мы его не видѣли. Да, изъ Твери получили открытку, что везутъ безъ вещей въ Москву, что корректное обращеніе, но что дальше, дальше, въ Холмогоры». — «Въ Усыпальницу русской молодежи», — думаю я.

Бросаю очередь, надо помочь, но надежды никакой.

Бѣгу въ кассу «за Москву». Очереди нѣтъ. — «Дайте билетъ въ Москву...» — «Извините, сударыня, только коллективамъ». — «Пожалуйста, устройте, очень важно, братъ арестованъ.» — «Извините, не могу, послѣ, послѣ коллективовъ, ждите до пяти». Ждемъ терпѣливо до пяти. А съ утра ни куска хлѣба во рту, ни капли воды, денегъ въ обрѣзъ только на билетъ. Коллективы не пришли. Наконецъ, противъ всѣхъ правилъ получаемъ 2 билета за 283 тысячи по разсчету 200 рублей за версту и, озираясь, отходимъ отъ кассы... а вдругъ коллективы.

Бѣжимъ, отвернувшись отъ платной очереди, гдѣ вторые сутки стоятъ выжидающіе своей очереди бѣдные петербуржцы.

А мы съ улыбкой вора уже въ вагонѣ.

Мѣста номерные, для нижнихъ лавочекъ плацкарта, только для сидѣнья по три человѣка, вверху свободно можно лежать. Вотъ онъ Нэпъ.

Вскорѣ военный контроль. «Ваши мандаты». — «Мандата нѣтъ». — «Такъ нельзя». — «Есть трудовыя книжки». — «Такъ нельзя». — «Почему нельзя? Я ѣду на свой счетъ». «Отпускъ надо». — «Откуда?» — «Отъ службы». — «Не служу». — «Нельзя не служить». — «Сокращеніе штатовъ на 50%». — «Гдѣ увольнительное свидѣтельство?» — «На новой службѣ, куда ѣду». — «Такъ нельзя». — «Ну тогда что? Тогда моя свободная профессія. Это васъ удовлетворяетъ?» — «Да, удовлетворяетъ» — отвѣчаетъ контроль. Ничего видно онъ не понялъ, судя по глазамъ. Я получаю обратно свою трудовую книжку, — это паспортъ, — но никто въ вагонѣ мнѣ не сочувствуетъ, потому что у многихъ нѣтъ свободной профессіи, а только простые билеты; ихъ всячески допрашиваютъ, а иныхъ уводятъ въ вагонъ арестантовъ. Только одна тридцатилѣтняя беременная женщина съ невиннымъ видомъ доказываетъ, что ей 52 года и трудовой повинности она не подлежитъ.

Вотъ онъ Нэпъ, это его начало...

Ѣдемъ дальше; старикъ рядомъ считаетъ въ мѣшкѣ деньги, довѣрчиво выкладываетъ одинъ, два, три милліона, тридцать и еще, еще, цѣлый мѣшокъ и хитро улыбается. Потомъ вынимаетъ другой мѣшокъ, въ немъ много-много игральныхъ картъ. Подвигается и говоритъ: — «Костыль нарочно взялъ. Эта сволочь въ Новгородѣ изъ Ч. К. въ карты играетъ, игорный домъ содержу, а ты, барыня, молчи. Четырехъ сыновей красныхъ командировъ на эти деньги содержу, чтобъ сами въ Ч. К. не служили». Молчу.

Дальше Бологое.

— «Нельзя, здѣсь платныя мѣста». — «А, платныя мѣста, мы вамъ покажемъ сволочажные; мы за совѣтскую власть, а вы платныя мѣста. Вы бѣлогвардейцы». И цѣлая ватага солдатъ садятся на лежащихъ пассажировъ.

Вагонъ не сдавался... — «А, мы бѣлогвардейцы, а скажите, какая армія прошла по сѣнному рынку, бѣлая или красная?» — «А, вы смѣетесь, противъ Совѣтской власти, мы вамъ покажемъ». — «Ну и показывайте...»

Вагонъ замолкъ, красные расползлись, бѣлые притихли.

Въ Лихославлѣ красные ушли и унесли потихоньку три чужихъ пакета и вещи миловидной дѣвушки для арестованнаго брата. Дѣвушка плакала до Москвы.

* * *

Я же хочу разсказать еще о томъ, какъ жены, сестры и матери, всѣ русскія женщины и всѣхъ категорій дѣлятъ съ узниками тяжесть ихъ заточенія.

Если надо отыскать своего арестованнаго, хотя бы въ Москвѣ, то ты долженъ пойти на Лубянку, съ Лубянки «окно» во всѣ тюрьмы. На Лубянкѣ № 2 есть комната, — безъ вывѣски, — въ ней ящикъ, въ ящикъ надо опустить конвертъ: «слѣдо-

вателю» (неизвѣстно какому), сообщите, гдѣ находится мой мужъ, сынъ, братъ, исчезнувшій тогда-то, увезенный туда-то, арестованный тамъ-то. И два окошечка, и за окошечками два молодчика «никакихъ справокъ устно не даемъ» — а телефоновъ тьма.

Быстро черезъ комнату вводятъ и выводятъ смятыхъ (пальто и шапка смяты) арестованныхъ. Вотъ и ждешь день, недѣлю, и больше, гдѣ арестованный. Или бѣжишь на Кузнецкій мостъ д. № 16 — Политическій Красный Крестъ. Всѣ тебя тамъ боятся, всѣхъ ты боишься. Не засадили? думаешь ты. — Не предатель? думаютъ они. И боишься лишнее слово сказать. И они ничего тебѣ утѣшительнаго не могутъ сказать. Даже не могутъ сказать, гдѣ арестованный или куда онъ исчезъ. «Вы намъ скажите, по какому дѣлу онъ арестованъ и гдѣ онъ, тогда отыщемъ и скажемъ, за какимъ слѣдователемъ; всѣхъ тюремъ тьма сейчасъ, а лагерей еще больше, свыше 7000 арестованныхъ», — отвѣчаютъ въ Красномъ Крестѣ (май 1921 г.). Десятки, сотни, тысячи женщинъ посѣщаютъ этотъ Красный Крестъ. И часто видишь спускающуюся женщину съ помутившимся взоромъ, сухимъ ртомъ, съ каплями пота на бѣломъ лицѣ. Она узнала, что ея мужъ разстрѣлянъ, а дома трое малютокъ... Этотъ Красный Крестъ другъ арестованнаго, но другъ, самъ почти арестованный.

Но нѣтъ твоего арестованнаго нигдѣ. Пускаешься на хитрость — повсюду несешь передачу, а тамъ, гдѣ ея не примутъ — тамъ нѣтъ твоего арестованнаго. Начинаешь съ Лубянки № 2, потомъ 9, потомъ 11, потомъ по переулкамъ Кисловскимъ. Все, все впередъ, только бы узнать: живъ ли, есть ли? И, наконецъ, озлобленный пріемщикъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, онъ давно переведенъ въ Бутырки, чего путаете!»

Идешь въ Бутырки... чему то радъ. Какъ будто Бутырки — и не тюрьма! Еще темно — 5 часовъ утра, а это значитъ по настоящему 2 часа ночи. Выходишь изъ дому, чтобъ занять очередь у справочнаго стола, послѣ чего можешь отдать передачу.

Изъ Замоскворѣчья въ Бутырки (трамваи не ходятъ въ это время, да и вообще не ходятъ или ходятъ для отвѣтственныхъ работниковъ) ты идешь полтора часа. На спинѣ у тебя: каша пшенная 3 фунта, вареная картошка 5 фунтовъ, вобла, хлѣбъ совѣтскій. Знаете ли вы, что за хлѣбъ это? замазка, палки, и старые сухари, все вмѣстѣ — колючій онъ и тухло пахнетъ, — весь твой личный паекъ за 10 дней, въ десяти кускахъ, — съ налетомъ зеленоватой плѣсени; непонятно, почему этотъ совѣтскій хлѣбъ къ вечеру всегда плѣсневѣетъ? Несешь на себѣ всего фунтовъ 10—15, для надзирателей, для барышенъ пріемщицъ, для коммуны и для своего близкаго. А на ногахъ у тебя чуньки — изъ бѣлыхъ тряпокъ и старыхъ бичевокъ. По камнямъ, да по булыжнику, подъ конецъ пути идешь на ногахъ, на кожѣ, по мочѣ, по помету человѣческому, по плевкамъ, да по стекламъ. Такъ идетъ жена соціалиста въ соціалистическомъ государствѣ къ мужу соціалисту на свиданіе или передачу несетъ ему. А въ мѣшкѣ, который съ плеча на плечо перекладываешь, капуста съ сахаромъ братаются и вобла шелушитъ картошку. А сама голодна, какъ волкъ. Приходишь въ Бутырки. Народу видимо-невидимо. Тамъ за Бутырской тюрьмой есть двухъэтажный домъ, гдѣ принимаютъ передачи.

Хвостъ змѣей вьется — три, четыре комнаты биткомъ набиты. Воздухъ пресыщенъ до предѣла. Раньше были казармы. Онѣ больше года не чистятся. Это для публики. Клозетъ переполненъ, — тоже безъ чистки. И все льется въ комнаты: сначала море воды и жидкости, а потомъ слѣды по всѣмъ комнатамъ. Полы каменные; на полахъ, окнахъ сидятъ, лежатъ, спятъ люди. Съ дѣтьми, грудными малютками, и передачи также на полу, и грязное бѣлье, со вчерашняго дня возвращенное. Все вмѣстѣ.

Вотъ, наконецъ, у регистраціоннаго стола. У тебя 618 номеръ. Къ часу дня ты придвинешься къ регистраціонному столу. За столомъ барышни, а на столахъ ящики съ карточками, — карточная система. Тебѣ даютъ справку: такой-то въ камерѣ № 29 и правомъ передачи не пользуется, такъ какъ за Особымъ Отдѣломъ. Отходишь прочь. Всѣ окружаютъ кольцомъ. — Это коридоръ смертниковъ...

Если же арестованный на болѣе льготномъ положеніи, — ты идешь въ хвостъ передачъ. Тамъ адъ. Впереди сбито человѣвъ 30—40 женщинъ съ грудными дѣтьми.

Стоя, потныя, изступленныя – всѣ орутъ. Дѣтямъ суютъ въ ротъ пустыя груди какъ тряпки. Дѣти отъ духоты, тѣсноты, кричатъ до посинѣнія, до испражненія. А пріемщицы еще больше ругаются. «Эка стерва! ребенка чужого взяла, знаю тебя, вчера мальчикъ былъ, а сегодня дѣвочка». «Сама стерва, смотри: молоко идетъ!» — и вырываетъ съ сердцемъ изъ ротика грудь и жметъ грязными пальцами лопнувшій сосокъ, откуда съ кровью вытекаетъ голубая капля материнскаго молока. И бьетъ по головѣ ребенка. Это жены рабочихъ, имъ не на кого оставить дома дѣтей. Ихъ мужья сидятъ за то, что не куря папиросъ, а получая по пайку, продали на улицѣ сотню папиросъ, когда запрещалась частная продажа, или потому, что подговаривали не идти на выборы, когда коммунистовъ выбирали, или проповѣдывали воздержаніе при голосованіи.

Тутъ группа женъ анархистовъ, группа тихихъ женщинъ. Тутъ содкомки, жены бандитовъ, комиссаровъ — эти хорошо одѣты и съ прислугами. Тамъ беременная женщина — ее рветъ. Тамъ меньшевички. Тамъ Даша Кронштадская, всеобщая печальница, которая всѣхъ хочетъ «понять и простить», и про Дзержинскаго разсказывала, послѣ свиданія съ нимъ: «святой человѣкъ... можетъ быть, не совсѣмъ нормальный, но чистый, святой человѣкъ...»

Или же въ Бутыркахъ ты получаешь свѣдѣніе, что твой арестованный переведенъ въ лагерь. — Какой? — Какъ какой: Покровскій или Андроньевскій, вѣрнѣе, Покровскій. Берешь, — взваливаешь свой багажъ на плечи и идешь отыскивать Покровскій не то Андреевскій лагерь. Идешь, задыхаешься, ноги, босыя ноги подъ туфлями жгутъ бѣлыми водяными пузырями. Солнце еще высоко. Скорѣй, скорѣй, только бы поспѣть... Вотъ Земляной Валъ, Коровій Валъ. Вотъ уже и не городъ. Вотъ Андроньевскій Монастырь. Не тамъ ли? На дверяхъ записка: «справки по четвергамъ». А въ монастырѣ деревья цвѣтутъ, да босые бывшіе офицеры за супомъ съ котелками идутъ.

— Куда смотришь, сволочь? — окликаетъ ихъ коммунистъ. А вы, сударыня, отойдите. — Да это всѣ тѣ офицеры, которые въ одинъ прекрасный день по приглашенію Совѣтскаго Правительства явились зарегистрироваться, предоставить себя въ распоряженіе совѣтской власти. Ими и распорядились.

— Эй, сволочь, отойди — кричитъ солдатъ со стѣны. — Отхожу.

Вотъ Покровская церковь, что у Таганской тюрьмы. Лагеря нѣтъ, но у Симоновскаго монастыря есть лагерь. Прихожу туда.

Да, лагерь, но лагерь женскій для каэровскихъ женъ. — «Вы поздно пришли», говоритъ комендантъ. — «Да, знаю, что вечеръ. Но возьмите отъ меня передачу для этихъ каэровскихъ женъ».

— «Ты барыня?» говоритъ мнѣ комендантъ. — «Да, барыня, но соціалистка, и ищу брата мужа въ Покровскомъ лагерѣ и прошла уже 36 верстъ. Возьмите отъ меня передачу: у меня нѣтъ силъ идти». «Нѣтъ, сударыня, не возьму, такъ какъ передачу съѣдятъ солдаты».

Иду обратно, еще 7—8 верстъ, ноги въ крови, путаюсь въ юбкѣ, путаюсь въ словахъ, въ мысляхъ. Когда приходишь домой, вся передача твоя протухла, т. к. на дворѣ было 24° жары, да наканунѣ каша съ лукомъ безъ масла сварена.

* * *

Пріѣхали въ Москву. Вотъ она. Пыльная, грязная, душная, вкусная. Гдѣ улицы сплошной рынокъ, гдѣ лозунгъ дня — «Россійская, совершенно фантастическая, спекулятивная республика» вмѣсто трафаретнаго Ресефесере.

Послѣ суточной голодовки и непитья иду въ одинъ Домовой Комитетъ узнать, можно ли идти на квартиру; тамъ засада, иду въ другой, и т. д. до вечера, пока не нашла пріюта на ночь.

На завтра иду на рынокъ мѣха продавать. Продаю по баснословной цѣнѣ, все торопясь, все на ногахъ, чтобы не поймали, чтобы не отняли, чтобы не увели, не уволокли. А гоняютъ теперь потому, что торговля разрѣшается только на ларькахъ, за которые уплачивается по одному милліону за полъ квадратной сажени въ полъ года. Но милліоны не деньги въ королевствѣ Царя-спекулянта.

Магазины завалены: масло, сало, булки, но ты глотаешь слюну отъ голода, какъ глотаютъ ее всѣ служащіе и рабочіе Москвы. Или съ мукой отворачиваешься отъ окна кондитерской, гдѣ голодныя малютки грязненькими пальчиками указываютъ: «а то, то — пирожное, то побольше, то съ кремомъ, — нѣтъ, а то съ ягодками, а вотъ булочка». А въ рукѣ этого малютки грязненькій судокъ съ бобовой жидкостью, да дѣтская карточка и кусочекъ, какъ во время причастія просфорка, хлѣба.

Милыя, бѣдныя дѣти!

Но вотъ еще одинъ послѣдній визитъ, и я ѣду.

Вхожу въ домкомъ, никого нѣтъ. Вхожу въ квартиру, — засада. Два солдата, двѣ винтовки и десять человѣкъ арестованныхъ. Инструкція такая: если придетъ старикъ, старуха, дворникъ, ребенокъ и, кажется, собака или кошка, всѣхъ въ одну комнату свести и держать до прихода старшаго изъ Чека.

Такъ и вышло. Сначала пришелъ самъ домкомъ, потомъ его дочь, потомъ его сынъ, потомъ молочница, а потомъ и я.

Мигомъ въ кухню проскочила. Солдаты стали у клозета, туда было запрещено ходить. Я къ черной двери, тамъ бабка, я думаю чека.

— Бабка, а бабка, что дѣлаешь? — Родимая, дрова колю, молоко прокиснетъ, а люди какіе! — Ну, посторонись!

Бабка въ сторону, я въ дверь. Дверь на замкѣ и ключъ сломанный. Крутила, вертѣла, пальцы всѣ искровавила, а дверь не поддалась.

Мнѣ ничего, а вотъ знакомымъ влетитъ. Я вѣдь въ Финляндіи побывала. Весь Питеръ зналъ, какъ мы благополучно прибыли обратно и не утратили желанія еще разъ повторить. На похоронахъ Блока всѣ въ ужасѣ уходили и не здоровались, думали, что это духъ Постникова, а не онъ самъ пришелъ Блока хоронить. Знакомые мои совсѣмъ поблѣднѣли.

Ждемъ, пождемъ. Вдругъ комиссаръ приходитъ въ четыре часа. И вдругъ меня выпустилъ, какъ даму, зашедшую къ врачу. Такъ я и выскочила.

Въ тотъ день въ Москвѣ было 96 политическихъ засадъ, и никто не знаетъ почему.

Я не хочу вамъ разсказывать, куда я ходила еще... Кого я видала...

Но я разскажу, что видала мать двухъ дѣтей, брата и сестры, которые въ прошломъ отсидѣли самый большой срокъ царской каторги и сейчасъ они сидятъ... у большевиковъ. Это тѣ самые двое, которымъ въ числѣ другихъ угрожаетъ разстрѣлъ. Это тѣ двое, у которыхъ осталась одинокая мать.

Я пришла къ ней совсѣмъ незнакомая, я пришла къ ней съ могилы моего мальчика, и мы много и тихо говорили, какъ двѣ матери. Она лежала совсѣмъ одинокая, ноги ея распухли, потому что сердце ея не работало, оно уже столько билось за всю свою жизнь. Она разсказала мнѣ, что былъ обыскъ, когда увели дѣтей, но что-то ужасное было на этомъ обыскѣ.

Кто онъ, она не знаетъ? Закрытое панамой лицо, ужасные жесты руками и кошки глаза. Она не знала, что то былъ чекистъ Кожевниковъ, тотъ славный рабочій, который энтузіазмомъ своимъ заражалъ толпы рабочихъ въ царское смутное время. Что онъ былъ лучшій другъ с-ра Берга, Батрака и всероссійскаго старосты Калинина. И что это былъ когда-то лучшій партійный рабочій, соціалъ-демократъ большевикъ, съ которымъ такъ легко было намъ эсерамъ выносить резолюціи на посрамленіе меньшевиковъ.

Какъ дошелъ ты до жизни такой, русскій рабочій соціалъ-демократъ? Или тюрьма тебя сдѣлала преступникомъ? Или мать тебя прокляла во чревѣ своемъ и ты пошелъ въ чеку? И тамъ не пощадишь матери русскихъ революціонеровъ.

* * *

О, эта русская мать, что извѣдала она за годы большевизма!

Вотъ она, многоликая....

Знаете ли вы ее, эту сѣрую русскую бабу? —

Она стоитъ на Кузнецкомъ мосту. Морозъ. Грязь вмерзла въ землю, снѣгъ вмерзъ въ конскій навозъ. Стоитъ эта сѣрая русская баба, милостыню проситъ, а подлѣ мальченка, лѣтъ трехъ, въ башмачкахъ совѣтскихъ... чулочки рваненькіе, штанишки ситцевенькіе, и платочекъ теплый на головѣ. Вотъ и все.

Мальченка весь синенькій, плачетъ и злой почему-то. А баба русская, его мать, вся распухшая, вся раздутая, желтая, на девятомъ мѣсяцѣ ходитъ, за хлѣбъ забеременѣла.

Мальчонкѣ дали прохожіе гнилое, замерзшее яблоко. Долго сѣрая баба смотрѣла на яблоко, а когда замерзшіе пальчики малютки уронили обгрызокъ яблока въ конскій навозъ, баба съ ловкостью волчицы схватила его и стала пожирать.

Мальченка плачетъ и злится. Грязненькія слезки всѣ уже замерзли. Морозъ обжигаетъ ему синія щечки, на улицѣ, вѣдь, декабрь.

Баба доѣла яблоко, а мальчонка замерзшій, притихшій стоялъ поодаль. Вотъ эта сѣрая баба, эта та русская мать, которая можетъ въ котелъ положить своего первенца... до этого она дошла.

Вотъ вамъ другая мать.

Жена бѣлаго офицера, курсистка двадцати двухъ лѣтъ. У нея старуха мать баба-яга и дѣвочка трехъ лѣтъ. Мужъ по ту сторону фронта.

Три года совѣтской службы на машинкѣ и никакого пайка или паекъ по голодной нормѣ.

Продано все. Проданы лекціи, проданы часы, книги, рубахи, сапоги, костюмы. Все продано на хлѣбъ, на молоко, на бѣленькую булочку толстенькой маленькой дѣвочкѣ и на кофе старухѣ.

Все продано, кромѣ женской чести, какъ принято говорить.

Молодая мать ничего не ѣстъ, только куритъ, отъ голода.

А бабка, баба-яга, по комиссаровскимъ кухнямъ ходитъ грѣться, да высматриваетъ, кто что ѣстъ, кто что досталъ, и вообще какъ другіе хорошо живутъ: спекуляціей занимаются, булочками торгуютъ и дровами не стѣсняются — тоже жены офицерскія....

Въ комнатѣ дымно, черно, мокро, молодая мать дѣтскіе штанишки золой третъ, вмѣсто мыла, да сушитъ тутъ же на веревкѣ надъ буржуйкой.

Пальцы всѣ треснуты, руки распухли, десны кровоточатъ.

Одни глаза, какъ свѣчи, на чахоточномъ лицѣ горятъ...

Всю ночь бабка точитъ молодую мать. И выражаться бабка стала на нарѣчіи комиссарскихъ кухонь.

«Сдохнешь». «Всѣ сдохнемъ съ голоду». — «Сахару не видѣли, вотъ уже мѣсяцъ.»— «На фронтѣ мужъ, не было бы фронта, такъ и сахаръ былъ бы.» — «Слышишь, дочка, ѣсть хочу, хлѣба дай.» — «Силъ нѣтъ.» — «Будто бы болѣзнь какая-то, ѣсть хочу и чѣмъ дальше, тѣмъ больше.» — «Не могу видѣть булочки, что маленькой каждый день приносишь.» — «Такъ, кажется, что съѣла бы...»

Прошла третья зима. На весну мать сошлась съ комиссаромъ изъ Наркомпрода. Лѣтомъ были и сахаръ и булки и старуха молчала, и дѣвочка росла.

Долженъ былъ родиться комиссаровскій ребенокъ отъ Наркомпрода.

Шли мѣсяцы.

Мать бросилась въ рѣку. Ее спасли. Потомъ испанка. Преждевременные роды. Смерть матери и рожденіе мертваго мальчика.

Комиссаръ на похороны не могъ придти...

Даже нечѣмъ было прикрыть умершую. Только русую косу распустили и покрыли мертвое тѣло чужого мальчика. Похоронили ихъ вмѣстѣ въ одномъ гробу.

Послѣ смерти баба-яга получила 30 аршинъ ситцу на родившагося мальчика, 30 аршинъ ситцу на умершую мать изъ текстильнаго отдѣла Наркомпрода по протекціи комиссара, будто партійная умерла.

Вотъ она еще другая русская мать.

Она не бѣлая, она не красная, но она почти что сѣрая, какъ земля передъ дождемъ.

Она жена военнаго инженера, который, какъ топографъ, былъ на фронтѣ въ царскую войну. У нея сынъ 16 лѣтъ и двое малютокъ. Эти двое родились неожиданно, одинъ за другимъ.

Вырываясь съ фронта, два раза отецъ пріѣзжалъ домой и каждый разъ мать, почувствовавъ себя беременной, думала, пусть родится, вѣдь, отецъ, можетъ быть, будетъ убитъ, а это его последнее дитя. Такъ родились эти двое подъ звуки шрапнели, жили они тогда подъ Варшавой.

Вскорѣ пришлось бѣжать семьѣ. Въ Варшавѣ встрѣтилъ ихъ отецъ, уже слѣпой. Онъ ослѣпъ отъ ужасовъ войны — параличъ зрительнаго нерва. Такими пріѣхали они всѣ въ Москву.

Сынъ свалился въ менингитѣ, единственный работникъ въ семьѣ. Отецъ слѣпой нищій и двое малютокъ поводыри.

А мать? Она служитъ какъ конторщица... за 2,400 рублей въ мѣсяцъ. Вся обовшивѣла. Вся обносилась. Сколько ей лѣтъ? — Неизвѣстно. Бани не видѣла года два.

Встанетъ въ 5 часовъ утра, пойдетъ къ евреямъ кухню мыть, въ 6 утра заборъ пойдетъ ломать на дрова, въ семь бѣжитъ мѣнять 1 ф. соли, мѣсячный паекъ, на двѣ бутылки молока у Брестскаго вокзала.

Полотенце послѣднее смѣняла на фунтъ бѣлаго хлѣба.

На консиліумъ врачей бѣжитъ, вся мокрая, вспотѣлая, въ туфляхъ, по 28 град. морозу по Пятницкой въ Замоскворѣчье. Что съ сыномъ? Кризиса ждали тогда. Сынъ лежалъ въ бреду, ни молока, ни бѣлаго хлѣба ему не надо.

Прошла недѣля, опасность миновала. Но у мальчика бѣлокровіе.

«Питать, питать его, спасти можно.» Но чѣмъ питать? мать съ ногъ валится. Слѣпой ничего не приноситъ, потому что милостыню въ Совѣтской Россіи запрещено просить, декретомъ. День сидѣла въ милиціи, за то, что пыталась обмѣнять 1 ф. соли на 3 бутылки молока, да только слѣпой мужъ выпросилъ отпустить «ее бѣдную» домой — къ дѣтямъ. Это было въ 1921 году въ январѣ до Нэпа.

И вотъ эта женщина мечется взадъ и впередъ. Съ ведромъ желѣзнымъ на службу приходитъ, помои несетъ домой, чтобъ покормить своихъ, а сама подъ столомъ рыбьи кости собираетъ и глодаетъ, и сосетъ.

«Только бы на ноги поставить мальчика.» Что же это за бѣлокровіе? Несчастная, она забыла все. Старую грамматику, новую грамматику, руки трясутся, писать не могутъ и вши одолѣли ее.

«Знаете, я забыла все, чему училась въ гимназіи, я не помню географіи, я не помню процентовъ, у меня въ головѣ будто камень и я, когда прихожу на службу въ 10 час. утра, чтобы расписаться (товарищи по работѣ ее отпускали домой), я дѣлаю неимовѣрное усиліе, чтобы не заснуть, здѣсь на лѣстницѣ. Что дѣлать? Что дѣлать?

— «Крадите.» — Былъ ей отвѣтъ.

И стала она красть. Красть карточки, красть хлѣбъ, красть деньги, все что надо, что подъ руку попало. Но никогда она не крала ничего у другихъ матерей.

Цѣлый годъ она уже воруетъ.

Потомъ, когда ее встрѣтила я на рынкѣ, она была чище и спокойнѣе.

«Слушайте, слушайте, Е. В., вѣдь я воровка, я ворую для дѣтей и моего слѣпого мужа.»

Эту женщину я обняла.

Вотъ, вотъ вамъ еще мать — это учительница гимназіи, у нея трое дѣтей, мужъ умеръ отъ сыпняка, два года тому назадъ, когда ѣздили за хлѣбомъ.

Тверская блещетъ огнями. Нэпъ гуляетъ по Тверской во всю.

На углу стоитъ эта тонкая женщина. На ней прозрачное платье, шелковые чулки и шляпа, бѣлья на ней нѣтъ. Лицо подъ краской и пудрой.

Ты приближаешься къ ней. — «Уйдите, я-проститутка, я кормлю своихъ дѣтей... «Этой» меня сдѣлали они.»

А вотъ ткачиха съ фабрики В-ой мануфактуры — у нея пятеро дѣтей, малъ мала меньше. Мужъ — коммунистъ, поѣхалъ въ продотрядъ, но тамъ его убили, за то, что у чужихъ дѣтей хлѣбъ отбиралъ, а за исчезнувшихъ красноармейцевъ пайка не даютъ.

Но все-таки ждала она убитаго мужа, какъ ждутъ всѣ жены убитыхъ, что они вернутся.

Фабрика стояла. Голодъ всѣхъ истерзалъ. Съѣли сначала картофельную муку, для техническихъ цѣлей бывшую на фабрикѣ, потомъ ѣли траву, потомъ грибы. Потомъ начались похороны въ каждой семьѣ.

Вотъ мать, коммунистическая жена, 6 дней пила сѣру, чтобъ дитя мертвое родилось. Чтобы легче пятерку свою кормить.

Да отравилась. А когда мы ей, почти мертвой, физіологическій растворъ поваренной соли вливали, то она просила: «сольцы бы ребяткамъ дали...»

Вотъ она русская мать, вся передъ вами.

* * *

Я видѣла женъ нашихъ с.-р. товарищей, я встрѣчала ихъ на улицѣ, онѣ всѣ ходили въ тюрьму и обратно. Это шли старухи, огрубѣвшія отъ вѣтра и холода, черныя, голодныя, но гордыя. Старость пришла такъ рано, что дѣти не успѣли еще подрасти.

Я встрѣтила одного нищаго, это с.-р., который далъ подписку о выходѣ изъ партіи; онъ шелъ вдоль улицы какъ-то бокомъ, обтирая спиной дома. Онъ не смѣлъ подать мнѣ руку.

— Я вышелъ изъ партіи, потому что многихъ с.-р. въ тюрьмѣ *на глазахъ* у меня разстрѣляли (Мацкевичъ и др.). Я вышелъ изъ партіи, потому что жену съ двумя дѣтьми въ карцерѣ держали, въ Архангельской тюрьмѣ. Партію я люблю, но я ослабѣлъ. Я былъ одинъ въ изоляторѣ, я слышалъ плачъ дѣтей...

Но я встрѣтила І. Денисевичъ, слѣдователя по эсеровскимъ дѣламъ, женщину-провокатора. Съ фигурой модельки съ бульвара Сенъ-Мишель, она интимно прижималась къ чекисту въ коридорѣ Лубянки номеръ 14-ть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Сентябрь.

Ѣду обратно въ Петербургъ.

Въ пять часовъ я у Метрополя, вышла изъ дому въ два часа ночи. Моросить дождь. Очередь еще огромнѣе, чемъ въ Питерѣ. Платныя — отдѣльно отъ предложеній — заняли 316 мѣстъ, даже жутко. Многіе, которые съ вечера залегли, еще

спали на землѣ. Нѣкоторые дежурили третьи сутки, билеты даются въ голодныя губерніи въ ограниченномъ количествѣ, но надо ѣхать, чтобы вырвать своихъ изъ пасти голода.

Десять часовъ утра, хвостъ выпрямился, опять сбился и медленно подвинулся. Общая платная очередь на всѣ поѣзда Европейской Россіи. Въ Питеръ ѣдетъ только пять человѣкъ, которые затерялись въ общемъ хвостѣ. Двѣнадцать дня. Сижу на тумбѣ, не вѣрю, что уѣду. Ночевки нѣтъ. Въ городѣ вездѣ обыски, вездѣ засады. Самъ чекистъ Кожевниковъ провѣрялъ засады. Злюсь. Подходитъ толстый кооператоръ и пристаетъ съ вопросами: — Вы, сударыня, почему такая печальная? — Потому что дождь меня мочитъ, потому что я одна, потому что сегодня не получу билета и потому что мой мужъ удралъ за границу — выпаливаю я ему однимъ духомъ, чтобы испугался и не приставалъ. — Сударыня, берите мою очередь, я радъ, что вашъ мужъ удралъ за границу. Моя фамилія X. — Спасибо.

Я наспѣхъ его поблагодарила, получила пять билетовъ для всѣхъ незнакомыхъ питерцевъ и на трамваѣ за четыре тысячи подъѣхала къ Николаевскому вокзалу, гдѣ въ то время разгоняли толкучій рынокъ. А толчется этотъ рынокъ отъ Николаевскаго вокзала до Красныхъ воротъ, а потомъ налѣво до Земляного вала, а отъ Земляного вала до Курскаго вокзала, гдѣ останавливается и обратно идетъ толкаться.

* * *

Наконецъ я на вокзалѣ, потомъ вагонъ — вагонъ второго класса. Это уже настоящее нэпо.

Люди идутъ медленно, чинно, но не думайте, что они разучились лазить по заборамъ, скакать въ окна, забираться подъ потолокъ, прятаться подъ лавки, лѣзть на крышу и тамъ мгновенно засыпать. Нѣтъ, они никогда этого не забудутъ. Теперь нарочно сдерживаешь себя въ своихъ порывистыхъ движеніяхъ, выраженіяхъ, мнѣніяхъ и впечатлѣніяхъ, которыми жилъ эти четыре года.

А вы думаете легко?

Вѣдь культура внѣшняя вся слетѣла съ насъ, только рѣчь выдавала происхожденіе. Публика ѣхала теперь совсѣмъ другая, или та, что раньше, но молчавшая, скрывающая теперь свое большевичье происхожденіе, потому что, если вы встрѣтите шикарную женщину на Кузнецкомъ мосту, она обязательно скажетъ: «сваво мужа».

Одинъ только господинъ въ вагонѣ щеголялъ своимъ партійнымъ билетомъ, но онъ не имѣлъ успѣха. Шикарный, руки и сапоги у него великолѣпны. Онъ изъ Баку, былъ на продовольственномъ съѣздѣ въ Москвѣ. Лицо не русское, не еврейское. Сборникъ Ахматовой «Красный путь» и красный билетъ, это — его фотографія.

Военный контроль. Онъ гордо показываетъ свой красный билетъ члена В. Ч. К. по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и саботажемъ.

— Вы храбры — говорю я, — но въ обществѣ Нэпо не принято показывать своего аттестата зрѣлости.

— Да, я знаю, но для этихъ идіотовъ, т. е. военнаго контроля, и Ч. К. что-нибудь да значитъ.

Да, думаю, и для меня Ч. К. много значитъ. Зѣвнула и крѣпко заснула.

За это время я да того отощала, похудѣла и была такъ нравственно разбита, что Бога молила, чтобы Петербургъ былъ далеко, далеко. И ѣхать долго, долго, до безконечности долго.

* * *

Не могу разсказать, сколько новыхъ тайнъ Петрограда я узнала въ эти дни. Эти тайны были большія и маленькія.

Большія тайны. Ихъ много.

Однѣ изъ нихъ пахли кровью, это когда перебили китайцевъ на рынкахъ: «Ходя, ходя, почему у тебя походя руки въ крови?» Ихъ всѣхъ въ одинъ день передушили,

какъ лягушекъ на улицахъ, это тѣ «ходи», что ночью за душами въ Ч. К. приходятъ. Китайцы-палачи.

Другія тайны пахли брилліантами. Это тѣ, что начинались у бывшей виллы Родэ, переходили потомъ во внѣшторгъ съ кинематографической дамой въ брилліантахъ и ея новымъ мужемъ. Грязная это была исторія, и ни одного лица съ грязной репутаціей она не пощадила.

Узнала я ужасную тайну Чеки всероссійской. Что всѣ совѣтскіе палачи не жильцы въ Совдепѣ. Послѣ нѣкотораго времени большевики сами ихъ убиваютъ, чтобы концы въ воду. Нѣтъ палачей съ партійнымъ стажемъ.

Тутъ-то она вскрылась, партійная смердяковщина.

* * *

Пока я эти тайны узнавала, настало время, когда я должна была отплыть въ море, чтобы прибыть въ чужіе края.

Пришла я къ патріарху контрабандистовъ. Человѣкъ какъ человѣкъ, и красивый, и пріятный, но почему-то отъ него запахъ чужеземныхъ странъ идетъ. Одѣтъ онъ какъ коммунистъ, а пахнетъ контрабандой. Это какъ при прежнемъ режимѣ сыщики пахли улицей и сколько бы они времени въ засадѣ ни сидѣли, они всегда пахли улицей.

Такъ вотъ, если вы по моему описанію не найдете этого кожанаго человѣка, который пахнетъ контрабандой, то вы плохой искатель и вамъ не попасть за-границу или же никогда не отличиться по долгу службы въ Чекѣ.

Въ тотъ же день и ночь море было неспокойное. Наждалась очень. Ждали мы долго, но ни одинъ спецъ по контрабандѣ не пришелъ. Неудачи слѣдовали за мной по пятамъ.

Не надо осенью ѣхать въ море, — въ дѣтскихъ сказкахъ говорятъ.

Настало завтра. Потомъ вечеръ.

Пріѣхалъ инструкторъ по контрабандѣ и сказалъ, что всѣ отвѣтственные работники по контрабандѣ уже въ сборѣ ждутъ своихъ жертвъ.

Жертвы были двѣ, я и какой-то офицеръ, совершенно мнѣ незнакомый и безобидный. Попрощалась я со всѣми чужими, своихъ у меня нѣтъ въ Петроградѣ, перекрестили они меня, и поѣхала. Патріархъ контрабанды руки мнѣ поцѣловалъ и пачку бутербродовъ далъ на дорогу. Я давно не ѣла бутербродовъ. — Вы не бойтесь, сказалъ онъ мнѣ, всѣ коммунисты куплены, и тутъ такая организація запутанная, что положеніе безусловно устойчивое.

Теперь въ Россіи всегда говорятъ, чѣмъ запутаннѣе положеніе, тѣмъ оно устойчивѣе.

Мнѣ стыдно было ему сказать, что я не боюсь.

Поѣхали, ѣхали-ѣхали. Совсѣмъ потемнѣло. Потомъ привели насъ во дворецъ, назовемъ «Дворецъ Дожей» и бросили на каменный полъ.

По дворцовымъ палатамъ ходятъ тѣни, одна другой темнѣе, мыши снуютъ подъ ногами, лягушки отъ страху на стѣну лѣзутъ. Собаки пришли, понюхали насъ и ушли. А мы сидимъ на полу: барыня и офицеръ.

Потомъ пришелъ «отвѣтственный работникъ». Прыгъ въ окно, мы къ нему. И понеслись. Постояли и понеслись.

Ночь опустилась и закрыла намъ глаза. Мы ничего не видѣли, а только слышали, какъ волны несли нашу лодку туда. Ѣхали мы часа четыре, но странъ чужеземныхъ намъ все не видать.

Вотъ часъ ночи. Ну, скоро, скоро.

Что-то черное тамъ вдали и бѣлое впереди, вѣрно, волны у берега плещутъ.

Встали разомъ всѣ наши инструктора. Назадъ! Штурмъ идетъ, черный впереди пѣнится. Вонъ гора какая катитъ! Назадъ, назадъ скорѣе къ русскимъ берегамъ.

Парусъ опустили, чтобы повернуть назадъ. Но первая волна уже тутъ. Всѣ въ водѣ и вода въ насъ. Но тутъ пираты заработали. Не первая буря ихъ крестила, не послѣдней будетъ она.

А я какъ пакетикъ у нихъ подъ ногами валялась, да офицеръ за лавочку уцѣпился. Двадцать минутъ или двадцать часовъ промелькнуло, но врѣзались мы въ мягкій песокъ русскаго берега.

Насъ схватили на руки и понесли, а за нами понесли добро русское, царское и и великокняжеское — тащутъ его за границу. Подвели къ разбойничьему вертепу и говорятъ: «Снимайте ботинки». Мой спутникъ: «Провокація». Какая же тутъ провокація? Сняли ботинки. И повели насъ въ разбойничьи хоромы, не желаю вамъ тамъ побывать. «Ложитесь и молчите». Лежимъ и молчимъ въ темнотѣ. Холодно, все мокро насквозь, и хвостъ сталъ подмерзать у пальто.

Пришли всѣ четверо, инструктора по контрабандѣ, вещи втащили въ подвалы невидимые и свѣтъ принесли они видимый. Выпили они крѣпкой тяжелой водки и улыбнулись, глядя на насъ. Постлали они намъ мокрые ковры персидскіе и легли вмѣстѣ съ нами подрядъ на полу.

Комната, когда разсвѣтало, оказалась крохотной. Жара отъ всѣхъ насъ стояла нестерпимая. Воздухъ, ну Богъ съ нимъ!

Вотъ кампанія: барыня, жена члена Учредительнаго Собранія, бѣлый, ой какой бѣлый оказался офицеръ, весь въ царскихъ подаркахъ и четыре мужчины. Сколько они лѣтъ пиратами были въ морѣ, Джекъ Лондонъ одинъ можетъ сказать. Я не могу.

Пять утра, хозяинъ входитъ. «Бѣгите, а то можетъ быть обыскъ».

Мы не могли выйти, потому что съ насъ текло. Постепенно хозяинъ уносилъ вещи и сушилъ поочередно.

Наконецъ, когда мы подсохли немного, онъ умолялъ: — «Уйдемте, васъ поймаютъ, и контрабандистовъ разстрѣляютъ, какъ финскихъ шпіоновъ бѣлогвардейской организаціи, если вы будете съ нами».

Вотъ куда я попала. Теперь я у бѣлыхъ.

А пока мы сушились, поѣздъ ушелъ, и мы остались на дворѣ, я и бѣлый гвардейскій офицеръ.

Если есть предѣлъ человѣческихъ страданій, то гдѣ же мой предѣлъ? Этотъ предѣлъ я перешла въ тотъ день, тамъ на вокзалѣ. Насквозь промокшіе, озябшіе, синіе послѣ морской волны, избитые о дно лодки, мы чинно сидѣли на стульяхъ вокзала. Рядомъ ходила женщина, которой надо было тоже ждать восемь часовъ поѣзда, какъ и намъ. У нея былъ грудной ребенокъ, онъ весь измокъ по собственной винѣ, нечѣмъ было перевернуть, былъ боленъ и душураздирающе кричалъ всѣ восемь часовъ. Кричалъ такъ, какъ только одна мать можетъ понять, какъ онъ кричалъ.

У офицера на дняхъ умеръ такой же мальчикъ. У меня двѣ дѣтскія могилы.

Дитя плачетъ, плачетъ, а мы сидимъ, сидимъ и ждемъ. Въ карманѣ у насъ только деньги на билетъ.

Это была жестокая пытка сидѣть такъ чинно на вокзалѣ цѣлый день, когда паспорта всѣ размочены и нитки нѣтъ на тебѣ сухой и каждую минуту могутъ провѣрять документы.

Ждали мы и поѣзда, и конца бури. Можетъ быть, вѣтеръ повернетъ и снова можно ѣхать. До 9 час. вечера вѣтеръ не повернулъ, и мы повернули обратно сами въ Петербургъ. Казалось, будто стихія была противъ меня.

Вагоны пустые, холодные, четвертаго класса, да ноги замерзшія.

Пріѣхали.

Шли медленно по улицамъ и разошлись по домамъ чужимъ. Въ чужомъ домѣ холодно, спичекъ нѣтъ, свѣта нѣтъ, чаю нѣтъ. Въ темнотѣ спустила съ себя мокрыя одежды свои, тяжелыя, намокшія, пудовыя вещи, залѣзла въ шкуру медвѣдя и такъ продрожала въ ней до шести утра.

А утромъ, темнымъ питерскимъ утромъ, я бѣжала на Литейный мостъ смотрѣть: «Отшумѣло-ль сине море иль нѣтъ?» Но оно шумѣло, вздымалось, барашками рас-

хлесталось по всей Невѣ. Нева злится, рокочетъ и подымается, и тянетъ тебя, и ухмыляется такъ зло и коварно, будто хохочетъ. Не улыбнулась я, не потянулась къ Невѣ. Довольно.

Такъ еще недавно ушла туда одна женщина. Эта женщина не могла жить съ людьми совѣтскими и ушла въ море. — Не меня ль она зоветъ къ себѣ — эта женщина съ моря? —

День прошелъ. Нева пожелтѣла, замутнѣла, и поплыли по ней всякія утонувшія вещи. Стало море! Голубое, нѣжное, тихое. И мы поѣхали опять.

* * *

Когда я выходила изъ квартиры, ко мнѣ пришла жена писателя и сказала, что Чеботаревская навѣрно ушла въ море.

Вотъ оно предзнаменованіе: мнѣ, что ли?

Ѣдемъ. Все то же, всѣ тѣ же встрѣчи. Все та же осторожность по пути. Но что-то мнѣ давитъ душу, не могу я быть прежней. Или тоска по родинѣ, или тоска материнская во мнѣ поднялась, и я чувствую слезы на моемъ исхудаломъ лицѣ.

Ѣдемъ тихо. Опасно. Но почему-то не радостно и не страшно. Всѣ опасности, наконецъ, миновали. Покачало и стало.

Вѣтеръ не дуетъ, идемъ на веслахъ. Вотъ уже видны очертанія чужой страны. Звучно съ лодки раздается пѣсня финна-рыбака. Темно, совсѣмъ темно.

Стало смѣшно отъ непонятныхъ словъ пѣсни. И-и-и-и-! звучитъ въ ушахъ. У-у-у-у-! ее догоняетъ. Какая музыка не русская, какая пѣсня мнѣ чужая!

Земля почти тутъ. Одна верста осталась. Темно.

Весла ритмично въ воду гребецъ опускаетъ. Вдругъ за спиной у насъ шквалъ выростаетъ. Вотъ она, гибель моя, долго ты гналась за мною. Шквалъ на части весь раздробился. Лодку онъ въ щепки о камни разбилъ. Исчезло все: гребцы, снасти, парусъ, ковры и добро. Добычу море унесло... Я покрылась вся покровомъ воды бирюзовой, соленой. Я спустилась глубоко, глубоко. — Шквалъ налетѣлъ вдругъ второй. Руки жестоко онъ мнѣ заломилъ, ноги порвалъ онъ о камни подводные и бросилъ куда-то, на скалу какую-то, такъ больно, жестоко, такъ сильно. Конецъ. Спаслась? — Нѣтъ, опять волна меня тащила въ море. Да, тутъ конецъ! Вотъ смерть моя. И зубы, стиснутые крѣпко, я размыкаю. Скорѣе воду горькую мнѣ выпить всю до дна и умереть, какъ нужно умирать, безъ стона и упрека. Но снова шквалъ жестокій и колючій меня рванулъ и выбросилъ на острый камень краснаго гранита. Такъ я спаслась.

Черезъ немного времени рыбакъ вытащилъ меня за волосы изъ моря. Было два часа ночи, всѣ были на лицо.

Но въ бѣшенствѣ какомъ-то швыряло море вещи наши намъ въ лицо.

Ночь была темная, холодная, осенняя.

Октябрьская непогода.

ДОКУМЕНТЫ И ДНЕВНИКИ

Императоръ Николай II въ Екатеринбургѣ

[Снимокъ этотъ сдѣланъ однимъ изъ красноармейцевъ, состоявшимъ въ охранѣ Царской Семьи, за нѣсколько дней до убійства. Послѣ убійства, боясь держать у себя снимокъ, онъ подарилъ его германскому военноплѣнному, который въ свою очередь подарилъ его пастору Ш., бывшему духовникомъ германскихъ военноплѣнныхъ Екатеринбургскаго района.]

Сводка* матеріаловъ по исторіи Ревельскаго Укрѣпленнаго Района

за время съ конца октября 1917 г. до середины февраля 1918 г.**

22 Октября 1917 года въ Ревель пріѣзжалъ главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ Генералъ Черемисовъ; здѣсь онъ встрѣтился съ прибывшимъ изъ Гельсингфорса, на посыльномъ суднѣ «Кречетъ», Командующимъ Балтійскимъ Флотомъ Контръ-Адмираломъ Развозовымъ. На состоявшемся засѣданіи, по ходатайству Коменданта Крѣпости, было рѣшено образовать Ревельскій Укрѣпленный Районъ, въ составъ котораго вошли Морская крѣпость Императора Петра Великаго и Гапсальскій Отрядъ. Границей укрѣпленнаго района съ 12-й арміей былъ назначенъ южный берегъ Матцальскаго Залива, рѣка Заргенъ, а далѣе условная линія на Заливъ Монвикъ.

Важнѣйшими операціонными направленіями являлись пути на Ристи, Ризенбергъ, Кегель, а затѣмъ отъ Гапсаля на Вейсенштейнъ.

На Ревельскій Укрѣпленный Районъ возлагалось обезпеченіе путей къ г. Ревелю, а также сохраненіе связи съ сосѣдними войсками XII арміи . . .

30 Ноября 1917 года Военно-Революціонный Комитетъ рѣшилъ прекратить въ крѣпости всякія оборонительныя работы, но, предварительно, пожелалъ выслушать мнѣнія компетентныхъ лицъ, для чего 2-го Декабря, подъ предсѣдательствомъ Коменданта, собралась коммисія изъ Строителя Крѣпости Инженеръ Полковника Маресева, Помощника Начальника Штаба Крѣпости Генеральнаго Штаба Подполковника Левенецъ, Предсѣдателя Армейскаго Исполнительнаго Комитета Ревельскаго Укрѣпленнаго Района Прапорщика Токарева, Комиссара при комендантѣ Прапорщика Авсарагова и Комиссара при строителѣ крѣпости десятника Лазарева.

Протоколъ этого засѣданія гласитъ нижеслѣдующее:

«Предметъ занятій.

Въ связи съ текущими событіями, началомъ мирныхъ переговоровъ, экономическимъ состояніемъ страны и рабочимъ кризисомъ, предложенъ на обсужденіе вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать работы по укрѣпленію позицій Ревельскаго Укрѣпленнаго Района и доканчивать подходящія къ концу работы по устройству тоннелей и тоннельныхъ погребовъ въ тылу укрѣпленнаго района и не лучше ли остановить всѣ эти работы во имя сбереженія народныхъ денегъ?

---

* Настоящая сводка составлена В. Меркушовымъ, оставшимся послѣ занятія Ревельской крѣпости германскими войсками въ Ревелѣ и имѣвшимъ возможность снять копіи съ сохранившихся у коменданта крѣпости офиціальныхъ документовъ. Кромѣ этихъ документовъ В. Меркушовымъ былъ использованъ дневникъ послѣдняго русскаго коменданта г. Ревеля.

** 12 (25) Февраля 1918 г. г. Ревель былъ занятъ германскими войсками.

Постановлено.

1. Обсудивъ всесторонне вышеуказанные вопросы и принимая во вниманіе высказанныя Комендантомъ Крѣпости, какъ отвѣтчикомъ за цѣлость фронта, соображенія чисто оперативнаго характера, комиссія постановила:

Ввиду того, что мирные переговоры только начаты и результаты ихъ предугадать весьма трудно и что страна, стремящаяся къ миру, должна, дабы не умалить своего достоинства передъ противникомъ, быть готовой ко всякимъ случайностямъ, могущимъ произойти отъ близости боевого фронта, является совершенно необходимымъ продолжать работы по укрѣпленію позицій Ревельскаго Укрѣпленнаго Района, стоящаго на стражѣ защиты подступовъ къ столицѣ и обезпечивающаго свободу дѣйствій Балтійскаго Флота.

Принимая во вниманіе современное развитіе техники и опытъ войны, которые указали на необходимость въ позиціонной войнѣ комбинированія полевыхъ сооруженій съ долговременными постройками въ ихъ тылу, продолжать постройку тоннелей и тоннельныхъ погребовъ необходимо.

2. Рѣшивъ принципіально вопросъ о необходимости продолжать указанныя выше работы, комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что экономическое разстройство страны и денежный кризисъ создали такое положеніе, которое повелительно требуетъ возможной экономіи народныхъ денегъ, между тѣмъ выполненіе полностью строительныхъ предположеній по созданію Ревельс. Укрѣпл. Района потребуетъ такую сумму денегъ и такого продолжительнаго срока работъ, что можетъ не оправдать себя, ложась вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ тяжелымъ бременемъ на народное хозяйство.

Въ виду этого, комиссія рѣшила произвести только тотъ минимумъ работъ, который является самымъ необходимымъ для доведенія позицій до такого состоянія, при которомъ онѣ, отвѣчая тактическимъ соображеніямъ, высказаннымъ Комендантомъ Крѣпости, могли бы, при минимальныхъ расходахъ, служить надежной опорой обороняющихъ ихъ войскъ. Касаясь вопроса о постройкѣ тоннелей, комиссія пришла къ заключенію, что полная остановка тоннельныхъ работъ можетъ вызвать ихъ постепенное разрушеніе и обвалъ, а тогда та огромная сумма, которая была вложена въ ихъ постройку, пропадетъ безвозвратно, между тѣмъ созданіе ихъ вызывается неоспоримыми военными соображеніями, а сумма, потребная для доведенія ихъ до такого состоянія, при которомъ отпадала бы возможность ихъ обвала, выражается не въ слишкомъ большихъ цифрахъ и, наконецъ, фундаментальность ихъ постройки даетъ надежду, что они могутъ пригодиться и въ мирное время для цѣлей коммерческаго характера, чѣмъ представится возможность хоть отчасти вернуть затраченныя на нихъ средства.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, комиссія считаетъ, что достраивать тоннели и погреба нужно только въ томъ минимумѣ, который необходимъ для возможности использованія ихъ войсками и предотвращенія ихъ отъ разрушенія и обвала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія предложила Строителю Крѣпости, принявъ во вниманіе оперативныя соображенія, высказанныя Комендантомъ Крѣпости, и ничтожность успѣха работъ, представить минимальный разсчетъ и смѣту тѣхъ расходовъ, которые вызываются работами.

3. Принявъ на себя рѣшеніе о необходимости продолжать наиболѣе важныя работы, комиссія, какъ видно изъ протокола, основываетъ свое рѣшеніе на грозныхъ требованіяхъ, вызываемыхъ военными соображеніями. Считая себя отвѣтственной при рѣшеніи столь серьезнаго вопроса, комиссія приняла постановленіе, которое соотвѣтствуетъ задачѣ, возложенной на Коменданта Крѣпости, съ котораго правительство еще не сняло порученныхъ ему обязанностей укрѣпленія и защиты ввѣреннаго ему укрѣпленнаго района.

Комиссіи не извѣстны взглядъ и предположенія правительства на будущее и весьма возможно, что у него уже принято опредѣленное рѣшеніе относительно судьбы Ревельскаго Укрѣпленнаго Района. Въ виду этого, и во избѣжаніе затраты народныхъ денегъ на работы, можетъ быть, уже не отвѣчающія моменту, комиссія постановила просить отъ правительства опредѣленнаго и категорическаго отвѣта, слѣдуетъ ли производить дальнѣйшія работы по укрѣпленію Ревел. Укрѣп. Района и какія надежды возлагаетъ Верховное Командованіе на позиціи, которыя, при ихъ современномъ состоя-

ніи, не соотвѣтствуютъ названію «крѣпость», а удовлетворяютъ лишь требованіямъ полевой позиціи.

Во время преній Комендантъ указывалъ, что войска совершенно не боеспособны, численность личнаго состава артиллеріи сухопутнаго фронта не отвѣчаетъ числу орудій, успѣхъ работъ ничтоженъ и окончанія ихъ ожидать нечего.

Сознавая полную безнадежность выполненія всѣхъ намѣченныхъ работъ, Генералъ-Майоръ Изместьевъ не бралъ на себя прекращенія ихъ изъ опасенія обвиненія со стороны правительства, что сдѣлалъ это умышленно.

Между тѣмъ, значеніе Ревеля, какъ ключа къ Финскому Заливу, громадно, но совѣтская власть стоитъ за всеобщее разоруженіе, а потому возможно, что въ дальнѣйшемъ она считаетъ крѣпости совершенно не нужными, а тогда незачѣмъ ее и строить.

Предсѣдатель Армейскаго Исполнительнаго Комитета Ревел. Укрѣпл. Района Прапорщикъ Токаревъ заявилъ, что свободной Россіи армія не нужна, и мы перейдемъ къ всеобщему вооруженію народа, а потому всѣ крѣпостныя сооруженія надо цѣнить съ точки зрѣнія, насколько они могутъ принести пользу для чисто мирныхъ цѣлей.

Комиссаръ при Комендантѣ Крѣпости Прапорщикъ Авсагаровъ стоялъ за рѣшительное прекращеніе работъ.

Строитель Крѣпости Инженеръ Полковникъ Маресевъ и комиссаръ при немъ десятникъ Лазаревъ считали необходимымъ закончить тоннели, которые могли пригодиться для складовъ и погребовъ Порта.

Помощникъ Начальника Штаба Крѣпости Подполковникъ Левенецъ, какъ офицеръ Генеральнаго Штаба, говорилъ, что прежде всего нужно знать взглядъ Верховнаго Командованія на значеніе и дальнѣйшую судьбу Ревеля.»

17-го Декабря 1917 года Комендантомъ всюду были разосланы телеграммы съ требованіемъ указаній, слѣдуетъ ли производить оборонительныя работы на крѣпостномъ обводѣ или нѣтъ, и вскорѣ получилъ отвѣтъ, что на приморскомъ фронтѣ работы должны продолжаться, а на сухопутномъ ихъ слѣдуетъ прекратить, подготовивъ матерьялъ и рабочихъ для возобновленія работъ весной.

Въ виду того, что для всякаго было ясно, что всѣ работы должны были быть окончены именно къ веснѣ, когда можно было ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій, въ Псковъ была послана особая делегація, и тогда пришла новая телеграмма съ предписаніемъ прекратить всѣ работы, кромѣ работъ по устройству плотинъ, окончанію тоннелей и погребовъ.

Что представляли изъ себя войска гарнизона — видно изъ воззванія армейскаго исполнительнаго комитета ревельскаго укрѣпленнаго района отъ 24 Ноября 1917 года (н. с.).

Всѣмъ войскамъ Ревельскаго Укрѣпленнаго Района.

Товарищи! Со всѣхъ концовъ Эстляндіи въ Армейскій Исполнительный Комитетъ поступаютъ жалобы отъ разныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ необдуманныхъ дѣйствій части нашихъ несознательныхъ товарищей. Неужели, товарищи, солдатъ Великой Республики, первый пробившій брешь въ стѣнахъ капитализма и державшихся на немъ рабствѣ и насиліи, — къ великимъ завѣтамъ будущаго, — равенству и братству народовъ, въ своей измученной странѣ можетъ быть человѣкомъ, наводящимъ на своего же брата ужасъ и отвращеніе?

Неужели, товарищи, мы можемъ допустить, чтобы солдатъ Великой Революціи, въ глазахъ своего народа, былъ пиратомъ, разбойникомъ, не считающимся ни съ какими условіями въ жизни своей страны и стремящимся только къ удовлетворенію своихъ низкихъ инстинктовъ. Товарищи солдаты, остановите своихъ темныхъ, невѣдающихъ что творятъ, братьевъ! Не дайте опустить занесеннаго ими меча произвола и насилія, докажите всему міру, что только солдатъ Революціи есть истинный защитникъ безопас-

ности въ жизни своихъ согражданъ. Докажите всему міру, что только онъ, солдатъ Революціи, давшій себѣ и народу своему полное народовластіе, этимъ народовластіемъ можетъ пользоваться на благо всего народа.

Товарищи солдаты, всѣмъ должно быть извѣстно, что теперь вся земля, весь живой и мертвый инвентарь переходитъ на основаніи декретовъ Рабочаго и Крестьянскаго Правительства въ руки самоуправляющихся органовъ крестьянъ, въ руки земельныхъ комитетовъ.

Только эти комитеты имѣютъ право распоряжаться народнымъ имуществомъ. Только эти комитеты имѣютъ полное право контроля и распредѣленія надъ добромъ, завоеваннымъ народной войной противъ угнетателей. Никто иной этого права не имѣетъ. Всякій, посягающій на эти права, — есть преступникъ передъ всѣмъ народомъ, и пощады ему не должно быть. Всякая организація, попустительствующая этому, отвѣтственна передъ закономъ за дѣйствія всѣхъ своихъ членовъ. Нельзя допустить мысли, чтобы народъ съ ужасомъ и страхомъ смотрѣлъ на солдата Революціи, того солдата, на штыкѣ котораго впервые заблистали лучи солнца равенства и братства. Товарищи солдаты! Подумайте о своихъ семьяхъ и представьте, что онѣ чувствуютъ, если къ нимъ врывается также, какъ и здѣсь, темный, не понимающій своего поступка солдатъ и беретъ послѣднюю курицу или поросенка. Вѣдь не могутъ же быть онѣ къ этому равнодушны и спокойны. Изъ ихъ души съ болью вырываются крики ужаса и проклятія, — которые и на васъ падаютъ, ибо здѣсь, въ Эстляндіи, стоите вы, а тамъ . . . стоятъ такіе же пришельцы съ разныхъ необъятныхъ пространствъ нашей Республики.

Довольно позора! Довольно разнузданности! Всѣ организаціи по своимъ постамъ! Вразумляйте непонимающихъ, карайте не желающихъ понимать!

Армейскій Исполнительный Комитетъ Рев. Укрѣп. Района.

Нечего и говорить, что это воззваніе осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Полный развалъ въ войскахъ укрѣпленнаго района начался съ 29 Ноября 1917года н.с., когда Военно-Революціонный Комитетъ приступилъ къ формированію красной гвардіи, а голова Ревельской Украинской Рады вошелъ къ Коменданту крѣпости съ своимъ планомъ украинизаціи полковъ 44-й пѣхотной дивизіи.

Планъ этотъ былъ простъ до чрезвычайности, а именно: всѣхъ великороссовъ отпустить въ мѣсячный отпускъ, по истеченіи котораго они должны были явиться къ воинскимъ начальникамъ, гдѣ имѣли право заявить о своемъ желаніи служить въ той или другой русской части! На освободившіяся, такимъ образомъ, вакансіи перевести всѣхъ украинцевъ изъ другихъ частей гарнизона. Очевидно, комендантъ Крѣпости не могъ согласиться на такую абсурдную мѣру, въ корнѣ разрушающую всякую организацію, но, лишь только планъ этотъ сталъ извѣстенъ войскамъ, онъ послужилъ началомъ полнѣйшаго развала въ смыслѣ массового, самовольнаго ухода солдатъ по домамъ.

Около 1000 человѣкъ уѣхало организованно, остальные же 9000 великороссовъ, не дождавшись эшелоновъ, разъѣхались кто какъ могъ. Около 7-го декабря 1917 года пришло распоряженіе приступить къ подготовительнымъ работамъ по демобилизаціи, и армейскій исполн. комитетъ поспѣшилъ объявить объ этомъ гарнизону, который понялъ, что къ демобилизаціи надо приступить немедленно.

Сейчасъ же образовались демобилизаціонныя комиссіи, начавшія выносить постановленія, способствовавшія развалу, напримѣръ, на совѣщаніи въ Штабѣ крѣпости Комендантъ предложилъ, ввиду безкормицы и падежа лошадей, испросить разрѣшеніе на переводъ артиллеріи на 4-хъ орудійную запряжку, сокращеніе обозовъ и расформированіе инженерныхъ дружинъ, въ которыхъ некому было обслуживать лошадей. Въ частяхъ гарнизона это было принято, какъ приказаніе приступить къ работѣ, и тутъ началась форменная вакханалія.

Армейскій исполн. комитетъ, рѣшивъ, что продажа негодныхъ лошадей съ аукціоннаго торга не демократична, сталъ распродавать ихъ населенію за минимальную плату (10 рублей).

Нѣкоторые изъ матросовъ покупали лошадей, откармливали остатками хлѣба, скупаемыми у своихъ частей, а потомъ продавали ихъ населенію за повышенную плату, зарабатывая такимъ образомъ хорошія деньги.

Солдаты окончательно облѣнились; напримѣръ: во 2-й крѣпостной полкъ прибыло 160 лошадей изъ 45-й пѣхотной дивизіи, но солдаты отказались приносить имъ кормъ, поить и чистить.

Дѣло кончилось тѣмъ, что полковой исполн. комитетъ явился къ Коменданту съ просьбой разрѣшить передать лошадей Губернскому продовольственному комитету, т. к. онъ не въ силахъ ухаживать за ними.

Хлѣбопеки отказались печь хлѣбъ безъ особой платы, въ интендантскихъ и артиллерійскихъ складахъ, а также въ госпиталяхъ, потребовали того же, и всюду пришлось назначить военноплѣнныхъ.

Нѣкоторые солдаты, на казенныхъ телѣгахъ, занимались извознымъ промысломъ. Въ штабахъ, управленіяхъ и канцеляріяхъ писаря занимались съ 9 ч. утра до 2 ч. дня, съ часовымъ перерывомъ, а потомъ уходили на частные заработки.

Всѣ войсковыя части требовали немедленной отправки въ тылъ, причемъ особенно отличалась 45 пѣхот. дивизія съ ея артиллеріей.

Комитеты никакого вліянія не имѣли, а потому бездѣйствовали или же исполняли волю избирателей.

Всѣ приказы коменданта съ напоминаніемъ, что миръ еще не заключенъ и надо сохранять фронтъ, не производили никакого впечатлѣнія.

Искосолъ (Исполнительный комитетъ солдатъ XII арміи) тоже призывалъ «товарищей» оставаться на мѣстахъ, о томъ же писалъ, въ своихъ приказахъ, Крыленко, но ихъ никто не слушалъ.

Солдаты занимались мелочной торговлей, а матросы вели дѣла въ большомъ масштабѣ, доставляя въ голодающую Финляндію продовольствіе (изъ Ревеля), а взамѣнъ привозя оттуда мануфактуру, парфюмерію, сапожный товаръ и прочее . . .

Весь декабрь 1917 года делегаціи отъ частей гарнизона осаждали коменданта крѣпости и армейскій исполнительный комитетъ ревельскаго укрѣпленнаго района просьбами и требованіями о немедленной демобилизаціи и отправкѣ въ тылъ. Изъ отпусковъ солдаты, а также и матросы, большею частью не возвращались, но это не мѣшало комитетамъ отпускать слѣдующихъ. Падежъ лошадей, изъ за отсутствія ухода за ними, принялъ большіе размѣры; части настоятельно требовали сокращенія штатовъ, вслѣдствіе чего, комендантъ крѣпости просилъ разрѣшенія передать одинъ дивизіонъ 35-й артил. бригады эстонцамъ, и, несмотря на приказъ Крыленко, запрещавшій дальнѣйшее формированіе національныхъ частей, получилъ разрѣшеніе это сдѣлать. Однако, 45-ая дивизія самочинно передала эстонцамъ не 12, а 24 орудія, и расформировала половину своего обоза. . .

Въ 20-хъ числахъ декабря пошелъ окончательный развалъ 44-й пѣхот. дивизіи. Началось съ 44-го парковаго артиллерійскаго дивизіона, гдѣ великороссы настоятельно требовали своей отправки, а украинцевъ было такъ мало, что нельзя было обслуживать и одного парка.

Впослѣдствіи, согласно разрѣшенія армейск. исполн. комитета ревельскаго укрѣпленнаго района, дивизіонъ передалъ лошадей въ губернскій продовольственный комитетъ, а самъ, побросавъ ящики и прочее имущество, самочинно уѣхалъ.

Въ Январѣ 1918 года, вслѣдъ за великороссами, потянулись въ тылъ и украинцы, какъ изъ 44-й пѣхот. дивизіи, такъ и артиллеріи сухопутнаго фронта крѣпости. Въ послѣдней солдаты скрывались цѣлыми батареями, бросая имущество на произволъ судьбы. 45-я пѣхот. дивизія, съ Новаго года, стала особенно настойчиво домогаться увода ея въ тылъ.

19 Января 1918 года н. с. генералъ-майоръ Изместьевъ вынужденъ былъ послать нижеслѣдующую телеграмму на имя командующаго сухопутными войсками, подчиненными командующему Балтійскимъ Флотомъ (сокращенно Комсухвойскъ).

«5-го Января вызывалъ исполнит. комитетъ 45-й пѣхот. дивизіи по вопросу о требованіи 45 пѣх. дивизіи отвода въ тылъ. Предсѣдатель исполнительнаго комитета дивизіи подробно выяснилъ, что убѣжденія не помогаютъ.

Въ дивизіи остались солдаты не бывшіе въ бояхъ, которые не слушаютъ доводовъ. Положеніе этой дивизіи я вамъ доносилъ и вновь повторяю, что она не боеспособна. Я предполагалъ бы ее замѣнить эстонскими полками, но они находятся въ періодѣ формированія, въ томъ, какъ засталъ ихъ приказъ Крыленко о пріостановкѣ таковаго. Въ полкахъ 45 дивизіи есть роты, гдѣ осталось 2—3 солдата. Населеніе озлоблено противъ частей дивизіи такъ, что, по словамъ исполнительнаго комитета дивизіи, солдаты не рѣшаются выходить по вечерамъ изъ домовъ, не рискуя быть пристрѣленными. Замѣнить дивизію некѣмъ, т. к. два крѣпостныхъ полка не пожелали идти даже въ Балтійскій портскій отрядъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры къ ихъ убѣжденію. Исполнительный комитетъ 45-й дивизіи, въ присутствіи армейскаго исполнительнаго комитета ревельскаго укрѣпленнаго района, на мои слова, что я не отдамъ приказа объ отводѣ дивизіи, пока не получу другихъ частей, замѣтилъ, что врядъ ли полки будутъ этого ждать.

Стремленіе солдатъ уходить въ тылъ носитъ, по его словамъ, стихійный характеръ. Какъ ни грустно, но долженъ констатировать фактъ, что надо разрѣшить скорѣйшую національзацію частей, то есть, для Ревельскаго укрѣпленнаго района, эстонизацію. На русскіе полки надежды нѣтъ.

No. 4. Изместьевъ.»

Послѣ этого комендантъ вошелъ въ переговоры съ Начальникомъ Эстонской Дивизіи, причемъ выяснилось, что 45 пѣх. дивизія можетъ быть замѣнена 1-мъ Эстонскимъ полкомъ съ усиленіемъ его своднымъ батальономъ изъ другихъ полковъ той же дивизіи, т. к. 2-й ревельскій конный пограничный полкъ, расположенный на побережьи, тоже требовалъ увода его въ тылъ, а отдѣльная сотня пограничной стражи, отведенная раньше въ районъ Раппеля, не думала возвращаться къ морю, — а потому рѣшено было воспользоваться формировавшимся въ г. Феллинѣ эстонскимъ коннымъ полкомъ.

Къ этому времени, Исполнительный комитетъ солдатъ XII арміи и совѣтъ рабочихъ и воинскихъ депутатовъ во Псковѣ обвинили полкъ въ контръ-революціонности: солдатъ разогнали, а оружіе, лошадей и снаряженіе отобрали. Хотя формированіе эстонскихъ частей было пріостановлено, комендантъ крѣпости, чтобы помочь горю, согласился, для возстановленія эстонскаго коннаго полка, выдать начальнику Эстонской дивизіи лошадей, сѣдла и вооруженіе, т. к. единственная надежда на сохраненіе какого либо порядка была только на эстонцевъ. 20 января 1918 года н. с., на основаніи этихъ переговоровъ, была дана Комитету сухопутныхъ войскъ слѣдующая телеграмма:

«Принимая во вниманіе положеніе 45 пѣх. дивизіи, о которомъ я доносилъ, мною предприняты шаги къ смѣнѣ ея въ Гапсальскомъ районѣ, частями Эстонской дивизіи. Начальникъ Эстонской дивизіи докладываетъ, что въ теченіе двухъ недѣль онъ будетъ имѣть возможность дать три батальона, которые, по численности, немногимъ будутъ уступать 45-й пѣхотной дивизіи.

Если это удалось бы сдѣлать, то не признаете ли возможнымъ исходатайствовать разрѣшеніе вывести 45-ю пѣх. дивизію въ районъ Нарвы или Везенберга, т. к. въ Ревелѣ мѣста нѣтъ, а расположить ее желательно возможно сосредоточеннѣе, чтобы остановить дальнѣйшій уходъ солдатъ.

No. 5 Изместьевъ.»

24 Января н.с. предсѣдатель армейс. исполн. комит. ревельскаго укрѣпленнаго района сообщилъ коменданту, что ему передали изъ Управленія Сѣвернаго Фронта (коллегія, замѣнявшая главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ и находившаяся въ Псковѣ), что препятствій къ отводу 45 пѣх. дивизіи въ районъ Нарвы или Везенберга не встрѣчается, а потому генералъ-майоръ Изместьевъ приказалъ представителямъ и начальникамъ заинтересованныхъ частей разработать планъ смѣны.

На слѣдующій день (25 января) была послана Командующему сухопутными частями такая телеграмма:

«Предсѣдатель Армейскаго исполнительнаго комитета Ревельскаго Укрѣпленнаго района передалъ мнѣ, что Управленіе Сѣвернаго Фронта, при разговорѣ по юзу, дало свое согласіе на выводъ 45 дивизіи въ районъ Нарвы и Везенберга *. На основаніи этого, мною приказано выработать порядокъ смѣны начальнику 45 пѣхотной дивизіи совмѣстно съ командиромъ 1-го Эстонскаго полка, который по численности немного уступаетъ всей 45 дивизіи. Кромѣ того, я предложилъ начальнику Эстонской дивизіи выдвинуть въ районъ Гапсаля еще три батальона.

Не имѣя отъ Васъ письменныхъ распоряженій, прошу о подтвержденіи разрѣшенной смѣны.

No. 12 Изместьевъ.»

Каково было состояніе 44-й пѣхотной дивизіи, видно изъ телеграфнаго донесенія коменданта крѣпости отъ 24 января (н. с.).

«Положеніе 44 пѣхотной дивизіи по состоянію къ 11 января (24 н. с.) слѣдующее:

Роменскаго полка не существуетъ; остались: Командиръ и хозяйственные чины полкового штаба, а при остаткахъ обоза военноплѣнные. 173 Каменецкій полкъ почти въ такомъ же состояніи. 175 Батуринскій полкъ имѣетъ 550 штыковъ и 1200 ртовъ. 176 Переволоченскій полкъ — около 400 человѣкъ. Артиллерія дивизіи постановила, чтобы взяли у нея лошадей и орудія, иначе все бросятъ. По взаимному соглашенію съ армейскимъ исполнительнымъ Комитетомъ Ревельскаго Укрѣпленнаго Района, приказываю назначать военноплѣнныхъ для ухода за лошадьми, а одна батарея можетъ быть обслужена поляками бригады, которые не уходятъ. Если же выдѣлить изъ артиллеріи сухопутнаго фронта поляковъ, то 44 бригаду можно сохранить въ четырехъ-орудійномъ составѣ. Эта мѣра отнюдь не преслѣдовала бы цѣлей національизаціи, а лишь временное сохраненіе имущества и лошадей. Прошу срочныхъ указаній, т. к. иначе все будетъ брошено. Я уже вообще рѣшилъ сформировать вольнонаемную команду, чтобы подобрать брошенное частями 44 дивизіи имущество. Безъ всякаго моего и Армейскаго исполнительнаго комитета ревельскаго укрѣпленнаго района вѣдома, Роменцы, по постановленію полкового комитета, передали свои пулеметы и винтовки эстонцамъ.

Полагаю, что уцѣлѣвшій еще въ небольшомъ составѣ Батуринскій полкъ лучше будетъ отправить въ Курскъ, со всѣмъ его имуществомъ и штабомъ дивизіи, иначе будетъ та-же картина, что и въ другихъ полкахъ **. No. 9/и Изместьевъ.»

Въ Январѣ 1918 года состояніе войскъ гарнизона было уже настолько печально, что на запросъ Командующаго сухопутными войсками «въ какой мѣрѣ можно было бы сократить боевые комплекты крѣпостной артиллеріи», — Комендантъ крѣпости вынужденъ былъ отвѣтить, что нужно не сокращать боевые комплекты, а настоятельно необходимо вывезти всѣ цѣнныя орудія, т. к. надежды на сопротивленіе противнику со стороны войскъ укрѣпленнаго района нѣтъ никакой. Къ сожалѣнію, всѣ донесенія коменданта, передаваемыя дальше командующимъ сухопутными войсками, не производили никакого впечатлѣнія на Центральный Комитетъ Балтійскаго Флота (замѣнившій собой Командующаго Флотомъ), и приказа о началѣ эвакуаціи крѣпости такъ и не было.

Между тѣмъ, комиссаріатъ труда въ Петроградѣ, считая, что всякая опасность для г. Ревеля миновала, распорядился прекратить эвакуацію фабрикъ и заводовъ.

---

* За неимѣніемъ свободныхъ вагоновъ, переброска 45 пѣх. дивизіи состоялась только въ началѣ февраля.

** Въ концѣ Января былъ полученъ приказъ о расформированіи 44 и 45-й пѣхотныхъ дивизій, безъ замѣны ихъ другими частями, хотя одновременно съ этимъ Управленіе Сѣвернаго Фронта указало рубежи, защита которыхъ, въ случаѣ наступленія нѣмцевъ, возлагалась на войска Ревельскаго Укрѣпленнаго района.

Положеніе создалось совершенно безнадежное, ибо для всякаго военнаго человѣка была очевидна явная опасность, угрожавшая Ревельскому укрѣпленному району, дѣлавшая настоятельно необходимой срочную эвакуацію всѣхъ фабрикъ, заводовъ, боевыхъ припасовъ и всякаго снабженія, между тѣмъ добиться соотвѣтствующихъ приказовъ отъ организацій не было никакой возможности и, какъ видно изъ предыдущаго, организаціи и комиссаріаты думали совершенно иначе.

Въ бытность коменданта крѣпости въ Петроградѣ (2 Февр. н. с.), въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ ему пришлось выслушать нижеслѣдующее скорбное признаніе: «Мы понимаемъ Ваше положеніе и необходимость скорѣйшей эвакуаціи, но что мы можемъ сдѣлать при тѣхъ условіяхъ работы, при которыхъ находимся; теперь добиться какого либо рѣшенія чрезвычайно трудно.»

И. д. начальника Генеральнаго Штаба (сухопутнаго) относительно эвакуаціи г. Ревеля отвѣтилъ:

«Крѣпость принадлежитъ морскому вѣдомству, а потому сухопутный Генеральный Штабъ никакого отношенія къ ней не имѣетъ», и посовѣтовалъ обратиться въ Морской Генеральный Штабъ.

На отвѣтъ Коменданта, что тамъ не удалось ничего добиться, и. д. начальника Генеральнаго Штаба сказалъ: «то же самое и у насъ, мы даже не знаемъ, будетъ ли въ дальнѣйшемъ существовать Генеральный Штабъ. Пока Совѣтъ народныхъ комиссаровъ требуетъ сокращенія штатовъ, а что дальше будетъ, не знаемъ.»

Въ довершеніе всего фуражный вопросъ до крайности осложнился, и въ укрѣпленномъ районѣ приходилось всячески уменьшать число лошадей.

Изъ всѣхъ телеграммъ по этому вопросу сохранилась только одна.

«Послѣдніе дни нѣтъ подачи зерноваго фуража и сѣна. Доѣдается послѣдній запасъ, при выдачѣ $1^1/_2$ фунта сѣна, въ день. Прошу срочнаго ходатайства о подачѣ въ Ревель сѣна и овса. Положеніе критическое, несмотря на сокращеніе конскаго состава, благодаря его отправкѣ въ тылъ.» No. 8/и Изместьевъ.

Къ этому времени въ тылъ было отправлено свыше 2000 лошадей и продано населенію, по 10 рублей за голову, около одной тысячи.

Воровство и продажа казеннаго имущества, къ этому времени, достигли своего апогея, напримѣръ: у главнаго санитарнаго инспектора крѣпости комитетъ потребовалъ громадную партію лазаретнаго бѣлья, которая, черезъ нѣсколько дней, совершенно открыто, продавалась на рынкѣ. Тамъ же солдаты вели торговлю бездымнымъ порохомъ, высыпая его изъ патроновъ въ котелки. Былъ случай, что солдаты дивизіоннаго лазарета 44-й пѣх. дивизіи продали мѣстнымъ жителямъ своихъ лошадей, вмѣстѣ съ повозками, а потомъ заявили, что ихъ угнали, но «товарищамъ» не повезло, т. к. они были выданы военноплѣнными чехами, оказавшимися неизмѣримо честнѣе въ отношеніи къ казенному добру чужого государства, чѣмъ свои солдаты.

Формированіе красной арміи, за неимѣніемъ желающихъ, подвигалось очень туго, а записавшихся солдаты травили самымъ жестокимъ образомъ. Психологія солдатъ, несмотря на всѣ свободы, осталась та-же; какъ и раньше они терпѣть не могли сверхсрочнослужащихъ, называли ихъ самыми презрительными прозвищами, изъ которыхъ «шкура» было самое ласкательное, такъ теперь они перенесли всю свою ненависть и презрѣніе на записывающихся въ красную армію. Дѣло зашло такъ далеко, что исполнительный комитетъ XII арміи принужденъ былъ выпустить нижеслѣдующее обращеніе.

Всѣмъ комитетамъ частей.

До Искосола XII арміи дошли свѣдѣнія о совершенно недопустимыхъ поступкахъ товарищей солдатъ, не записавшихся въ ряды красной народной арміи. Нѣкоторые изъ такихъ товарищей, по причинамъ извѣстнымъ однимъ только имъ, позволяютъ себѣ оскорблять святыя чувства товарищей красноармейцевъ, страдавшихъ вмѣстѣ съ ними въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ проклятой бойни, переносившихъ всѣ тяжести и

лишенія такъ же, какъ и тѣ, кто оскорбляетъ теперь ихъ, готовыхъ пострадать во имя торжества угнетенныхъ и эксплоатируемыхъ, отдавая себя всецѣло жестокой борьбѣ противъ вѣкового врага угнетателя капитала. И этихъ лучшихъ сыновъ интернаціонала малодушные позволяютъ себѣ оскорблять, совершенно не имѣя на это никакого права, называя ихъ сребролюбцами, іудами, продавшимися за пятьдесятъ рублей Ленину и Троцкому, и всякими другими вульгарностями.

Исполнительный комитетъ XII арміи рѣшительно протестуетъ противъ такой клеветы и заявляетъ, что со своей стороны приметъ всѣ мѣры, чтобы клеветники понесли заслуженное наказаніе, какъ явные контръ-революціонеры и враги рабочей и крестьянской революціи. Комитетамъ частей, а также и инструкторамъ, предлагается доставлять въ Искосолъ списки лицъ, ведущихъ агитацію противъ формированія и распространяющихъ клевету на народную красную армію.

Подписали Самсоновъ.

Нахимсонъ / предсѣдатель Искосола XII арміи.

Къ 28 (15) января н. с. состояніе укрѣпленнаго района было изъ рукъ вонъ плохимъ, становясь съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, настолько, что комендантъ крѣпости не могъ представить исчерпывающихъ данныхъ, такъ какъ они все время мѣнялись.

Личный составъ.

Въ пѣхотѣ, въ ротахъ осталось, въ среднемъ, отъ 23 до 25 человѣкъ и только въ 1-мъ и 3-мъ эстонскихъ полкахъ 120; полки 44-й пѣх. дивизіи, кромѣ Батуринскаго, совершенно растаяли. Въ полевой артиллеріи некомплектъ доходилъ до 75%—80%, части не только не имѣли боевого значенія, но въ нихъ не хватало людей для обслуживанія. Въ артиллеріи сухопутнаго фронта осталось только 50% солдатъ, а девять батарей были полностью брошены своей командой, скрывшейся неизвѣстно куда. 2-й Ревельскій конный пограничный полкъ состоялъ только изъ 90 шашекъ. Въ спеціальныхъ частяхъ некомплектъ людей въ 50%, причемъ въ лучшихъ условіяхъ находился желѣзнодорожный батальонъ и телеграфная рота. Тыловыя учрежденія крѣпости находились въ удовлетворительномъ состояніи и могли обслуживать войска, но тыловыя учрежденія дивизіи имѣли некомплектъ до 60%.

Благодаря большому некомплекту, въ весьма тяжеломъ положеніи находились склады артиллеріи, интендантство и санитарныя учрежденія, гдѣ наблюдалось отсутствіе рабочихъ рукъ. Для текущей работы всѣ требовали военноплѣнныхъ, которые въ этихъ учрежденіяхъ составляли большой процентъ.

Въ среднемъ число дезертировъ въ недѣлю было 190, кромѣ того, изъ отпусковъ не возвращалось до 90%.

Состояніе укрѣпленій Морской крѣпости.

За неимѣніемъ людей укрѣпленія крѣпостного обвода отъ снѣга не очищались; всѣ работы по усовершенствованію обороны прекратились.

Состояніе вооруженія.

Матеріальная часть артиллеріи, какъ это ни странно, находилась въ полной исправности, но 15% ручного огнестрѣльнаго оружія находилось въ ремонтѣ.

Имѣлся запасъ снарядовъ:

На легкое орудіе			1500
На гаубицу			500
Для тяжелыхъ калибровъ до 6''			500
Для тяжелыхъ болѣе 6''			187
Ружейныхъ патроновъ	на ружье		120
	въ складѣ	Арисака	20 000 000
		Трехлинейн.	4 879 000

Ручныхъ гранатъ		47 146
Освѣтительныхъ ракетъ		84 930

Служебныя обязанности неслись войсковыми частями отвратительно, наблюденія никакого не было, и оборона крѣпости такимъ образомъ не обезпечивалась.

Карауловъ, собственно говоря, не существовало, а вмѣсто нихъ было что то невѣроятное.

Напримѣръ: въ одинъ изъ объѣздовъ начальникомъ артиллеріи батарей сухопутнаго фронта были такіе случаи.

Пріѣзжаетъ генералъ на батарею; часового нѣтъ, и онъ находитъ солдата въ караульномъ помѣщеніи сидящимъ у печки.

«Почему ушли съ поста?»—«Ушелъ погрѣться; это при старомъ режимѣ часовой не смѣлъ оставлять поста, а теперь свобода» . . .

На другой батареѣ было еще лучше. Часового не оказалось, а въ караульномъ помѣщеніи генералъ нашелъ двухъ солдатъ, «кто изъ васъ караульный начальникъ и гдѣ караулъ?» — «Да насъ всего двое. Когда, онъ пойдетъ на постъ», показалъ пальцемъ одинъ солдатъ на другого, «то будетъ часовымъ, а я караульнымъ начальникомъ, а потомъ мы помѣняемся. Я пойду на постъ часовымъ, а онъ останется здѣсь караульнымъ начальникомъ.» — «А уставъ вы знаете?» спросилъ начальникъ артиллеріи. — «Что намъ уставы, то былъ царскій уставъ, а теперь свобода» . . .

Санитарная часть.

Въ войскахъ гарнизона наблюдался большой некомплектъ врачей, напримѣръ, въ 45-й пѣх. дивизіи до 75%, а фельдшеровъ не хватало до 60%.

Обозы.

Вслѣдствіе падежа лошадей и сокращенія числа запряжекъ, обозы тоже имѣли большой некомплектъ, а, по состоянію конскаго состава, не могли выдержать никакого похода.

Продовольствіе.

Начиная съ октября 1917 года продовольственный вопросъ въ XII арміи и Финляндіи крайне обострился и, для его смягченія, изъ крѣпости Императора Петра Великаго туда были вывезены всѣ излишніе запасы, вслѣдствіе чего Ревельскій укрѣпленный районъ — крайній лѣвый флангъ важнѣйшей морской позиціи, безъ котораго оборона флотомъ Финскаго Залива являлась совершенно невозможной, лишился всѣхъ своихъ неприкосновенныхъ запасовъ. Дальнѣйшее разстройство транспорта заставило въ декабрѣ 1917 уменьшить отпускъ хлѣба до $1^1/_2$ фунта въ день, а съ 1-го января 1918 года до одного фунта.

Мясомъ гарнизонъ былъ обезпеченъ, какъ запасами въ крѣпостномъ холодильникѣ, такъ и реквизиціями на мѣстахъ; однако, въ виду прекращенія подвоза и несоблюденія войсковыми частями постныхъ дней, запасы быстро сокращались.

Съ декабря 1917 года положеніе сильно ухудшилось, ибо населеніе и рабочіе комитеты прекратили отпускъ скота, боясь сильнаго сокращенія его въ губерніи, а потому реквизиціи не приводили ни къ какому результату.

Подготовительныя работы по демобилизаціи.

Деморализація частей гарнизона привела къ тому, что никакія мѣры по упорядоченію демобилизаціи не могли быть проведены въ жизнь; главнымъ же препятствіемъ являлось отсутствіе рабочихъ рукъ, перевозочныхъ средствъ и руководящихъ данныхъ по этому вопросу.

Таково, въ краткихъ чертахъ, было состояніе Укрѣпленнаго района и морской крѣпости къ 28 января (15. ст. с.) 1918 года, то есть за двадцать одинъ (21) день до возобновленія военныхъ дѣйствій германскими войсками и за двадцать восемь (28) дней до занятія ими г. Ревеля . . .

Въ довершеніе развала, въ Январѣ 1918 года, армейскій исполнительный комитетъ Ревельскаго Укрѣпленнаго района пересталъ существовать какъ самостоятельная единица и, слившись съ Ревельскимъ Совѣтомъ рабочихъ и воинскихъ депутатовъ, превратился лишь въ его военную секцію.

Во главѣ совѣта сталъ прапорщикъ Дѣвишинъ, предсѣдателемъ же военной секціи былъ избранъ солдатъ желѣзнодорожнаго батальона Засульскій . . .

Нечего и говорить, что, для управленія крѣпостью, такое сліяніе было чрезвычайно вредно, т. к. раньше совѣтъ рабочихъ и воинскихъ депутатовъ только косвенно вмѣшивался въ чисто военныя дѣла, нерѣдко встрѣчая отпоръ со стороны Армейскаго исполнительнаго комитета крѣпостного укрѣпленнаго района, ревниво охранявшаго свою компетентность въ военныхъ вопросахъ, а теперь, согласно обнародованнаго декрета совѣта народныхъ комиссаровъ, совѣтъ депутатовъ (совдепъ), будучи совершенно автономнымъ, могъ выносить какія угодно рѣшенія, даже не спрашивая мнѣнія Коменданта крѣпости.

14(1) Февраля н. с. военная секція совѣта депутатовъ, устранивъ коменданта крѣпости, вступила въ управленіе дѣлами по демобилизаціи, причемъ комиссаромъ былъ избранъ вольноопредѣляющійся Голованенко, а 20 (7) февраля н. с. комендантъ, генералъ-майоръ Генеральнаго Штаба Изместьевъ, былъ смѣщенъ, а для управленія Укрѣпленнымъ райономъ была избрана особая военная коллегія.

Однако, «товарищамъ» не пришлось долго царствовать; черезъ пять дней (25 февраля) Морская крѣпость Императора Петра Великаго и г. Ревель, безъ выстрѣла, были заняты германскими войсками, а всѣ многочисленные совѣты и комитеты, бросивъ въ добычу врагу многомилліонное казенное имущество, бѣжали на судахъ 1-й бригады крейсеровъ въ г. Гельсингфорсъ.

Въ ночь на 10 Февраля н. с. 1918 г. Исполнительный комитетъ Совдепа, получивъ сообщеніе о заговорѣ противъ совѣтской власти и установивъ фактъ сношеній нѣкоторыхъ прибалтійскихъ бароновъ съ Германіей, произвелъ, въ различныхъ частяхъ города, повальные обыски, причемъ аресту подвергались не только мужчины, но женщины, старики и дѣти. Днемъ Исполнительный Комитетъ издалъ приказъ, объявляющій внѣ закона все прибалтійское дворянство и купечество (такъ называемыхъ «сѣрыхъ бароновъ»), мужчинъ отъ 17-и, женщинъ отъ 20 лѣтъ. Этотъ приказъ какъ громомъ поразилъ все населеніе; многочисленныя семьи бароновъ, проживавшія въ Ревелѣ, стали искать спасенія въ бѣгствѣ, но скрыться удалось немногимъ. Красногвардейцы арестовывали рѣшительно всѣхъ членовъ семействъ бароновъ, или имѣвшихъ передъ своей фамиліей частицу «фонъ». Арестованныхъ, подъ усиленнымъ конвоемъ, препровождали въ кинематографъ «Гранъ-Марина», откуда мужчинъ отправляли въ Портъ въ элеваторъ. Черезъ день или два женщинъ изъ кинематографа перевели въ Военный портъ, въ зданіе Минной мастерской, гдѣ ихъ продержали отъ 2-хъ до 3-хъ недѣль.

Мужчинъ Испол. комитетъ попробовалъ было перевести изъ элеватора въ гимнастическій залъ Домскаго училища, но матросы заставили вернуть арестованныхъ, а гарнизонъ острова Вульфъ требовалъ ихъ выдачи для перевода на островъ, гдѣ матросы предполагали всѣхъ заключенныхъ перетопить въ морѣ или разстрѣлять.

Однако, это желаніе исполнено не было.

Въ городѣ аресты продолжались двое сутокъ, а потомъ въ Ревель стали свозить арестованныхъ изъ другихъ ближайшихъ городовъ и имѣній. Впослѣдствіи, по просьбѣ

рабочихъ, многіе изъ арестованныхъ мужчинъ были выпущены на свободу, а остальные 22 Февраля н. с., эшелономъ, были отправлены въ Красноярскъ, по дорогѣ къ нимъ должны были примкнуть арестованные бароны и состоятельные эстонцы изъ другихъ городовъ и мѣстечекъ; — женщины же послѣ 2—3-хъ недѣльнаго сидѣнія подъ арестомъ всѣ были освобождены.

Въ ночь на 11 февраля н. с. была получена телеграмма Троцкаго, передававшая текстъ заявленія Совѣта народныхъ комиссаровъ Германской мирной делегаціи въ Брестъ Литовскѣ.

«Именемъ Совѣта народныхъ комиссаровъ правительство Россійской федеративной Республики настоящимъ доводитъ до свѣдѣнія правительствъ и народовъ воюющихъ съ нами союзныхъ и нейтральныхъ странъ, что, отказываясь отъ подписанія аннексіонистскаго договора, Россія объявляетъ съ своей стороны состояніе войны съ Германіей, Австро-Венгріей, Турціей и Болгаріей прекращеннымъ.

Россійскимъ войскамъ отдается приказъ о полной демобилизаціи по всѣмъ линіямъ фронта.

Брестъ-Литовскъ 10 (28) Февраля 1918 г.

Предсѣдатель Россійской мирной делегаціи.

Народный комиссаръ Троцкій.

Члены делегаціи: Биценко. Карелинъ. Іоффе. Покровскій. Предсѣдатель всеукраинскаго ц. и. к. Медвѣдевъ. Народный секретарь по военнымъ дѣламъ Украинской Республики Шахрай.

Секретарь делегаціи Караханъ.

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, въ Штабѣ крѣпости состоялось совѣщаніе всѣхъ начальниковъ частей и представителей отъ военной секціи Ревельскаго Совдепа.

На этомъ совѣщаніи Комендантъ требовалъ спѣшной подготовки къ эвакуаціи имущества, но члены военной секціи высказали сомнѣніе въ возможности вывоза имущества строительства крѣпости (телеграфнаго, телефоннаго, прожекторовъ и автомобилей), т. к. на все перечисленное давно уже точитъ зубы Краевой совѣтъ Эстляндіи. Чтобы избѣжать этого, Комендантъ крѣпости тутъ же приказалъ часть имущества изъ строительства передать въ артиллерійскіе и интендантскіе склады.

Предсѣдатель военной секціи, солдатъ желѣзнодорожнаго батальона, Засульскій посовѣтовалъ прожектора и телеграфное имущество не отправлять отдѣльно, а эвакуировать какъ войсковую часть, ибо, такимъ образомъ, можно будетъ заставить Краевой совѣтъ отказаться отъ захвата казеннаго добра.

При этомъ предсѣдатель прибавилъ нижеслѣдующее:

«Я считаю своимъ долгомъ сказать все это потому, что, помимо связывающей меня съ Краевымъ совѣтомъ политической платформы, я, прежде всего, охраняю интересы Русскаго народа».

Послѣ совѣщанія, былъ отданъ рядъ приказовъ о подготовкѣ къ отправкѣ всего назначеннаго къ эвакуаціи имущества.

Между тѣмъ, всѣ «товарищи», ихъ комитеты и совѣты были совершенно увѣрены, что нѣмцы наступать не будутъ.

На вопросъ Коменданта: «неужели Вы серьезно думаете, что наступленія не будетъ?», состоявшій при немъ Комиссаръ, солдатъ Бахваловъ, отвѣтилъ: «Мы увѣрены, что про-

летаріатъ не допуститъ наступленія. Развѣ только прусскіе юнкера* двинутся, но мы съ ними быстро раздѣлаемся.»

Несмотря на эту, ни на чемъ не основанную, увѣренность, Комендантъ крѣпости 12 Февраля, послѣ полудня, предложилъ составить проектъ взрывовъ военныхъ сооруженій, съ разсчетомъ не причинять вреда мирному населенію города, для чего запасы взрывчатыхъ веществъ предполагалось утопить въ морѣ.

Одинъ изъ членовъ комиссіи (солдатъ или матросъ) отнесся къ этой идеѣ очень скептически, указывая, что солдаты навѣрное откажутся отъ работы и, чтобы не попасть нѣмцамъ въ плѣнъ, будутъ удирать изъ Ревеля и его окрестностей, какъ можно скорѣе.

Несмотря на это, Комендантомъ отдано было приказаніе въ теченіе двухъ сутокъ закончить всѣ подготовительныя работы, причемъ было указано, что именно придется уничтожить, что необходимо эвакуировать, а что и просто бросить на произволъ судьбы.

Среди команднаго состава Ревельскаго Укрѣпленнаго Района, Порта Императора Петра Великаго и Флота царило большое безпокойство; вездѣ шли совѣщанія, съ участіемъ своихъ комитетовъ, съ цѣлью выясненія всѣхъ обстоятельствъ неминуемой эвакуаціи, т. к. грядущее наступленіе германскихъ войскъ являлось несомнѣннымъ, а небоеспособность гарнизона крѣпости не давала никакихъ иллюзій объ оказаніи имъ какого либо сопротивленія. Наоборотъ, солдаты и матросы съ ихъ комитетами, Ревельскій совдепъ, Краевой совѣтъ и т. п. организаціи, а также рабочіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ, были совершенно убѣждены, что наступленіе германцевъ невозможно, а въ офиціальномъ органѣ «Извѣстія Ревельскаго Совѣта Рабочихъ и Воинскихъ Депутатовъ» отъ 12 Февраля 1918 года за No. 259 была помѣщена нижеслѣдующая передовая статья, отражающая настроенія и чаянія ревельскихъ «товарищей».

«То, что произошло въ Брестъ-Литовскѣ, не можетъ явиться для россійскаго пролетаріата неожиданностью.

Этого мы должны были ожидать.

Правительства Германіи и Австро-Венгріи вначалѣ признали возможнымъ заключеніе мира на условіяхъ, провозглашенныхъ русской революціей — безъ аннексій и контрибуцій — но, въ концѣ концовъ, сами же свели на нѣтъ выраженное ими согласіе.

Правительства Германіи и Австро-Венгріи были и будутъ всегда противниками интересовъ, какъ своихъ, такъ и другихъ трудящихся классовъ.

Мы отвергли заключеніе аннексіонистическаго мира, т. к. онъ идетъ во вредъ интересамъ и желаніямъ трудовыхъ массъ всего міра. Съ нами народы Германіи, Австріи и другихъ странъ и, отказываясь отъ аннексіонистическаго мира и дальнѣйшаго продолженія войны, мы возобновляемъ войну, но войну не противъ нѣмецкаго, австрійскаго и другихъ народовъ, а противъ правительствъ всѣхъ странъ. Мы объявляемъ войну міровой буржуазіи, — капиталу.

Мы не одни.

Съ нами трудящіеся всѣхъ другихъ странъ.

Народъ нѣмецкій, народъ австрійскій и другіе, своими послѣдними волненіями сказали намъ: мы слышимъ тебя, русскій народъ.

Мы съ тобой, русскій народъ, но намъ тяжело, трудно сбросить иго капитала.

Народы повернулись, загремѣли, показавъ намъ свое полное сочувствіе. Съ нами всѣ народы и, объявивъ войну правительствамъ, буржуазіи, капиталу, будемъ всѣ вмѣстѣ биться съ нашими врагами.

Мы уводимъ нашихъ солдатъ съ фронта, мы не будемъ воевать съ нѣмецкими солдатами, если они придутъ къ намъ. Они наши братья, и мы не можемъ идти другъ противъ друга. Народъ нѣмецкій не будетъ воевать съ нами, а свергнетъ съ себя иго насильниковъ и братски протянетъ руку всѣмъ народамъ. Нѣмецкое правительство не пошлетъ

* Какъ и всѣ прочіе «товарищи», слово юнкеръ понималъ дословно; — быть можетъ, этимъ объясняется твердая увѣренность въ своихъ силахъ. Своихъ юнкеровъ, въ Петроградѣ, перебили, то же будетъ и съ прусскими.

своихъ солдатъ въ Россію, оно само тогда погибнетъ и потянетъ за собою на погибель свою буржуазію, правительства всѣхъ другихъ странъ, — міровой капиталъ. Нѣмцы насъ не тронутъ, и мы должны всѣ стремиться къ созданію красной арміи, которая понесетъ красное знамя въ Европу.

Нѣмецкое правительство оставитъ Россію въ покоѣ, не будетъ съ ней воевать, оно постарается, во что бы то ни стало, внести смуту въ русскій народъ.

Если мы смутимся, то это будетъ только на руки имъ.

Всѣ должны остаться на мѣстахъ, словно ничего не случилось.

Каждый долженъ знать свое дѣло и не вносить смуту въ наши ряды.

Только единствомъ дѣйствій разобьемъ мы всѣ хитросплетенія буржуазіи.

Спокойно товарищи! Отъ каждаго нашего шага зависитъ все!

Не поддавайтесь слабости духа!

Помните, что отъ нашей выдержки, отъ нашей сознательности, зависитъ судьба міра!

Для народа нѣтъ ничего непреодолимаго, и мы побѣдимъ, ибо съ нами весь трудовой народъ, народъ трудами котораго создано все, чѣмъ распоряжается буржуазія.

Будемъ спокойны въ своемъ величіи и намъ ничто не будетъ страшно. И мы побѣдимъ, побѣдимъ!

Да здравствуетъ единство всѣхъ народовъ!

Да здравствуетъ всемірный пролетаріатъ, застрѣльщикъ въ войнѣ противъ враговъ народа!

Да здравствуетъ свобода, равенство и братство всѣхъ народовъ!»

13 Февраля 1918 года, въ гостиницѣ «Золотой Левъ», въ 4 часа дня, состоялось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ, пріѣхавшаго для этого въ Ревель, члена управленія Сѣвернымъ Фронтомъ Позернъ (изъ Пскова). Тутъ были: Комендантъ крѣпости Генералъ Майоръ Генеральнаго Штаба Изместьевъ, Предсѣдатель военной секціи совдепа, солдатъ желѣзнодорожнаго батальона, Засульскій, Строитель крѣпости Инженеръ-Полковникъ Маресевъ, Комиссаръ при Комендантѣ солдатъ Бахваловъ, Начальникъ Артиллерійскихъ складовъ Подполковникъ Гридинъ, Начальникъ демобилизаціоннаго отдѣла вольноопредѣляющійся Голованенко, писарь Коробовкинъ, представители мѣстнаго флотскаго комитета (три матроса), члены Совдепа и Краевого совѣта Эстляндіи Кингесенъ и Анвельтъ, представитель отъ Управленія XII-й арміи врачъ Тракманъ, секретарь Народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ Баландинъ, отъ Управленія Сѣвернаго фронта Инженеръ Полковникъ Совримовичъ, Начальникъ Службы Связи Балтійскаго Моря Капитанъ 1-го ранга Новопашенный и другіе.

Когда всѣ собрались, Позернъ обратился къ присутствующимъ съ такими словами: «Товарищи! Вамъ извѣстно, что Народные комиссары рѣшили вывести русскую армію изъ войны и отдали приказъ о полной демобилизаціи. Васъ не должно удивлять такое рѣшеніе, т. к. примѣры такому положенію, какое сейчасъ заняла Россійская республика, въ исторіи бывали, мы, попросту прервали дипломатическія сношенія, но отсюда не слѣдуетъ, что вслѣдъ за этимъ начнется продолженіе войны. Во всякомъ случаѣ, возможно, что нѣмцы могутъ попытаться наступать на Ревель съ цѣлью карательной экспедиціи за бароновъ, которыхъ вы ловко засадили въ концентраціонный лагерь.

На этотъ случай мы должны быть готовы ко всякимъ неожиданностямъ и не быть непротивленцами.

Я бы предложилъ слѣдующую программу нашего совѣщанія:

1. Дать характеристику боеспособности войскъ.

2. Обрисовать состояніе матеріальной части.

3. Что можно сдѣлать, если бы нѣмцы возобновили военныя дѣйствія, и возможно ли это вообще.

Я попрошу желающихъ высказаться.»

Комендантъ крѣпости заявилъ, что можетъ отвѣтить на эти вопросы, но Позернъ раньше спросилъ у «товарищей», нѣтъ ли съ ихъ стороны препятствій къ этому. «Товарищи» отвѣтили согласіемъ и генералъ началъ:

«Положеніе войскъ должно быть извѣстно изъ всѣхъ моихъ донесеній а потому повторю ихъ вкратцѣ. Можно сказать что 44-я пѣх. дивизія не существуетъ; ея матеріальная часть передана въ крѣпостные склады, а огромное количество имущества брошено или продано.

45-я пѣх. дивизія начала перевозку въ районъ Нарвы; — ея численность не больше полка и притомъ совершенно небоеспособнаго.

Изъ 118-й пѣх. дивизіи остался одинъ Арзамасскій полкъ въ 600—800 человѣкъ, совершенно не обученныхъ. Крѣпостные полки не обучены и никуда не годны. Въ крѣпостной артиллеріи до 2000 человѣкъ, которые могутъ обслуживать 18 батарей, но разсчитывать на ихъ сопротивленіе нѣтъ никакихъ основаній.

Второй Ревельскій конный пограничный полкъ имѣетъ всего 90 шашекъ. Остается одинъ 1-й эстонскій полкъ, который, кажется, хотятъ расформировать; — это единственная мало-мальски боеспособная часть.

Стоящій въ Ревелѣ 3-й эстонскій полкъ небоеспособенъ.

Въ общемъ сопротивленіе оказывать некѣмъ . . .

Что касается матеріальной части, то въ крѣпости она измѣряется десятками милліоновъ пудовъ какъ артиллерійскаго, такъ и инженернаго груза, вывозъ его надо начать немедленно и мнѣ, въ первую очередь, нужно не менѣе 500—600 платформъ и 1000 вагоновъ.

Я давно прошу о вывозѣ, но подвижного состава не даютъ, а, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, какіе то неизвѣстные члены Краевого Эстонскаго совѣта препятствуютъ подачѣ подвижного состава . . .

Относительно наступленія нѣмцевъ я имѣю свѣдѣнія, что къ 18-у Февраля приказано подковать лошадей и привести въ порядокъ обозы.

Численность германскихъ войскъ на Моонзундскихъ островахъ до 10 000 человѣкъ . . .

Думаю, что главный ударъ на Ревель будетъ направленъ черезъ Валкъ-Тапсъ, чтобы отрѣзать все находящееся въ Морской Крѣпости Императора Петра Великаго и въ Ревельскомъ укрѣпленномъ районѣ.

Дорога на станціи Ристи-Кегель идетъ плохая и большимъ силамъ будетъ трудно двигаться . . .

Я уже приказалъ приготовить все для взрывовъ, т. к. нѣмцы, черезъ 5—6 дней, когда пожелаютъ, могутъ подойти съ островов къ Ревелю. Лично я, какъ представитель не только командного состава, но и военной науки, твердо увѣренъ, что нѣмцы возобновятъ военныя дѣйствія на этихъ же дняхъ и займутъ Ревель, имѣющій огромное стратегическое значеніе . . .

Послѣ доклада Коменданта, Позернъ обратился къ предсѣдателю военной секціи совдепа солдату Засульскому; «не имѣете ли что-нибудь добавить къ словамъ докладчика?»

«Нѣтъ, ничего не имѣю», отвѣтилъ солдатъ . . .

Затѣмъ, представитель отъ управленія XII-й арміи, врачъ Тракманъ выразилъ удивленіе, почему 45 пѣх. дивизію перевозятъ, а не заставятъ идти походнымъ порядкомъ?

Вполнѣ съ Вами согласенъ, отвѣтилъ Комендантъ, но организаціи отказываются принудить солдатъ къ этому.

Членъ Краевого совѣта Кингесенъ, на указаніе, что Краевой совѣтъ препятствуетъ эвакуаціи, возразилъ, что постановленій объ этомъ не дѣлалось, но подробно можетъ отвѣтить только завѣдывающій технической частью совѣта инженеръ Соколовъ. Затѣмъ Кингесенъ добавилъ, что дѣйствительно кое что изъ имущества строительства крѣпости совѣтъ не желалъ бы выпускать.

Тогда Позернъ попросилъ дать ему подробную справку, послѣ чего обратился къ представителямъ Мѣстнаго флотскаго комитета, прося ихъ освѣтить состояніе зимующихъ въ Ревелѣ судовъ флота.

Одинъ изъ матросовъ отвѣтилъ: «Оно конечно, теперь у насъ народу мало, потому что въ отпуску. Опять же машины въ ремонтѣ . . . но комендоры имѣются.»

«Ну а стрѣлять можете?» спросилъ Позернъ.

«Извѣстно, можемъ.»

«Ну а нѣмецкій флотъ можетъ прійти?» послѣдовалъ вопросъ предсѣдателя совѣщанія.

«Конечно, можетъ.»

На это Комендантъ заявилъ:

«Я не морякъ, но долженъ сказать, что депутаты Мѣстнаго флотскаго комитета не совсѣмъ точно опредѣляютъ боеспособность флота. Во первыхъ, въ Ревелѣ стоятъ только крейсера, которые, если бы появились германскіе дреднауты, бороться съ ними не могутъ, а тѣмъ болѣе удерживать морскую позицію, которая была основана на взаимодѣйствіи батарей острововъ и огня съ нашихъ дреднаутовъ.

Затѣмъ, насколько мнѣ извѣстно, положеніе крейсеровъ сейчасъ таково, что они совершенно не боеспособны. Въ виду этого я предлагаю послать за Начальникомъ 1-й бригады крейсеровъ и выслушать его мнѣніе, какъ спеціалиста своего дѣла».

Позернъ согласился съ предложеніемъ Коменданта, а затѣмъ сказалъ: — хотя войскъ въ районѣ нѣтъ, но мы не можемъ быть непротивленцами; — полагаю, что на дорогахъ нужно будетъ поставить отряды изъ красной гвардіи и начать партизанскую войну.

Членъ Краевого Совѣта Кингесенъ отвѣтилъ: «Да, я полагаю, что красная гвардія наберется, но только все пѣхота . . . Артиллеріи нѣтъ . . . но зато мы обучаемъ пулеметному дѣлу . . . Вотъ и кавалеріи нѣтъ . . . Что касается 1-го Эстонскаго полка, то это бѣлая гвардія, состоящая изъ сельской буржуазіи, и мы уже рѣшили его упразднить».

Комендантъ опять попросилъ слова.

«Партизанская война могучее средство борьбы, но нужны руководители. Красная гвардія совершенно не годна для дѣйствія противъ дисциплинированныхъ германскихъ войскъ. Она или разбѣжится, или же ее перевѣшаютъ, какъ не регулярныя войска; — такъ поступали нѣмцы въ 1870—1871 году во Франціи. Такая организація ни къ чему не приведетъ. Нужна развѣдка, связь. Кто это сдѣлаетъ? Нельзя трактовать такіе вопросы столь легко».

«Мы увѣрены, возразилъ Кингесенъ, въ красной гвардіи и она исполнитъ свою задачу, т. к. для нея защита революціи священна.

Мы можемъ набрать нѣсколько тысячъ желающихъ и съ ихъ помощью сумѣемъ бороться противъ карательной экспедиціи. Мы даже можемъ достать лошадей для кавалеріи и напрасно Комендантъ крѣпости такъ скептически относится къ силамъ революціоннаго пролетаріата, который блестяще борется съ Корниловцами и на Украйнѣ».

Позернъ принялъ сторону члена Краевого совѣта и спросилъ у Засульскаго: «какъ идетъ формированіе красной арміи?»

«Пока, туго».

Врачъ Тракманъ заявилъ: «а у насъ въ XII арміи записалось до 15 000 человѣкъ, и мы уже организовали отряды, которые расположились на путяхъ, и думаемъ, что дадимъ серьезный отпоръ».

Тогда Генералъ Майоръ Изместьевъ опять повторилъ, что никакихъ надеждъ на сопротивленіе со стороны солдатъ ни настоящей, ни красной арміи не возлагаетъ, т. к. масса читала всѣ приказы и декреты, въ которыхъ война объявлялась оконченной, а потому теперь никто не повѣритъ, что Россія вынуждена продолжать войну.

«Наконецъ, кто же будетъ составлять планъ дѣйствій красногвардейцевъ, разъ они формируются безъ участія Штаба крѣпости?»

На это Позернъ отвѣтилъ: «Полагаю, что планъ составятъ демократическія организаціи при участіи техническихъ работниковъ». — «Кто же эти техническіе работники?» — спросилъ Комендантъ. «Это будетъ зависѣть отъ организацій». Въ это время вошелъ Начальникъ 1-й бригады крейсеровъ, вполнѣ подтвердившій мнѣніе Коменданта крѣпости о небоеспособности кораблей.

Капитанъ 1-го ранга Сполатбогъ заявилъ, что число отпускныхъ и самовольно ушедшихъ такъ велико, что обслуживать крейсера, какъ слѣдуетъ, нѣтъ никакой возможности,

машины и часть артиллеріи находится въ ремонтѣ, а потому бригада способна только на переходъ въ Гельсингфорсъ, если получитъ объ этомъ предупрежденіе за двое сутокъ. Давъ эти разъясненія Начальникъ бригады крейсеровъ ушелъ съ совѣщанія . . .

На вопросъ предсѣдателя, обращенный къ Начальнику Службы Связи Балтійскаго Моря, насколько хорошо поставлено наблюденіе за моремъ и можетъ ли германскій флотъ неожиданно подойти къ Ревелю? Капитанъ 1-го ранга Новопашенный отвѣтилъ:

«Многіе воинскіе чины уѣхали въ отпускъ, на постахъ осталось мало народу, да и тѣ несутъ службу очень небрежно. Теперь часто бываютъ сильные вѣтры со снѣгомъ, стоятъ холода, потому сигнальщиковъ на вышкахъ очевидно нѣтъ, а сидятъ они въ командномъ помѣщеніи или, даже, уходятъ въ сосѣднія деревни . . . При такихъ условіяхъ считаю, что наблюденія за моремъ у насъ нѣтъ, и германскій флотъ имѣетъ полную возможность неожиданно показаться у Ревеля, если ему въ этомъ не помѣшаетъ ледяной покровъ».

Въ дальнѣйшемъ совѣщаніе перешло къ обсужденію вопроса объ эвакуаціи имущества, причемъ выяснилось, что военная секція совдепа, согласно распоряженія Управленія сѣвернаго фронта, безъ вѣдома Коменданта крѣпости, отправила въ Финляндію пулеметы, ружья и патроны для финской красной гвардіи.

Врачъ Тракманъ тутъ же заявилъ, что изъ XII арміи тоже были высланы въ Финляндію патроны, бомбометы и минометы.

Вопросъ объ эвакуаціи, на этотъ разъ, какъ и раньше, не получилъ никакого разрѣшенія, а Коменданту предложено было выслать въ Петроградъ подробныя свѣдѣнія на имя секретаря народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ.

Время шло, однако, несмотря на угрожающія извѣстія, ни Главковерхъ Крыленко, ни Управленіе Сѣвернаго Фронта, ни Управленіе XII арміи, ни, тѣмъ болѣе, мѣстныя организаціи не считали нужнымъ готовиться къ оборонѣ, а всѣ помыслы ихъ были направлены на расформированіе частей, демобилизацію арміи и флота и формированіе вмѣсто нихъ красной арміи, пограничной стражи и краснаго флота.

Такъ 15 (2) Февраля 1918 года за No. 6060 Армейскій Исполнительный Комитетъ Ревельскаго Укрѣпленнаго Района (Армискруръ) предписывалъ Коменданту крѣпости нижеслѣдующее:

«Солдатская секція совдепа предлагаетъ Вамъ, въ спѣшномъ порядкѣ, отдать приказъ всѣмъ штабамъ, батальонамъ, ротамъ и прочимъ частямъ района, ранѣе предназначеннымъ къ расформированію, закончить ликвидацію обязательно къ 20-у Февраля. Всѣ денежныя суммы, не исключая хозяйственныхъ и экономическихъ, сдать въ казначейство и всѣ дѣла, подраздѣливъ на историческія и не историческія, чтобы сдавались согласно приказа по Военному Комиссаріату за No. 85. Предсѣдатель Засульскій. Секретарь Барабанъ.»

На этой бумагѣ имѣется помѣтка Генералъ Майора Изместьева:

«Получено 17 Февраля. Переговорить съ предсѣдателемъ, что это не выполнимо, а потому просить, чтобы срокъ этотъ остался только для дружинъ. 44-я пѣх. дивизія не можетъ закончить здѣсь своего расформированія, т. к. ея дѣла въ Курскѣ. Усть-Двинскимъ крѣпостнымъ учрежденіямъ уже данъ срокъ до 1-го Марта».

16 Февраля отъ Главковерха Прапорщика Крыленко была получена такая телеграмма:

«Предлагаю приступить къ формированію пограничной стражи. Формированіе произвести на слѣдующихъ основаніяхъ. Каждой арміи сформировать красную пограничную бригаду по разсчету 12 человѣкъ на одну версту; одна треть этихъ людей должна быть конная.

Каждую бригаду раздѣлить на соотвѣтствующее число отдѣловъ и конныхъ сотенъ, сообразно съ мѣстными условіями. Порядокъ формированія и штаты провести приказами по арміи. Расходы отнести на военный фондъ.

Объ исполненіи донести. Допускаю измѣненіе въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и постановленій организацій. No. 105 Главковерхъ Крыленко.»

Члены Верховной Коллегіи, находившейся въ Петроградѣ, болѣе трезво смотрѣли на вещи и въ тотъ же день 16 Февраля дали такую телеграмму за No. 187.

«Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ нашей стороны положеніе, какое примутъ по отношенію къ намъ наши противники, пока не опредѣлилось. Во всякомъ случаѣ, нужно быть готовымъ къ возможности продолженія центральными державами активныхъ противъ насъ дѣйствій съ цѣлью захвата нашей матеріальной части, а также захвата ближайшихъ къ линіи фронта желѣзнодорожныхъ станцій и узловыхъ пунктовъ съ цѣлью вызвать полное разстройство въ частяхъ и убить всякую мысль о какой либо правильной оборонѣ. Въ виду изложеннаго считаемъ необходимымъ:

1. Теперь же отвести части, находящіяся на фронтѣ на соотвѣтственное удаленіе въ тылъ, гдѣ онѣ могли бы спокойно демобилизоваться и, въ случаѣ надобности, своевременно, въ порядкѣ отойти, при условіи обезпеченія продовольствіемъ.

2. Для наблюденія за противникомъ, охраны и обезпеченія сбора и отправки въ тылъ матеріальной части, немедленно приступить къ организаціи частей изъ военнослужащихъ послѣднихъ сроковъ службы.

3. Принять всѣ зависящія мѣры къ сбору и отправкѣ въ тылъ матеріальной части, начиная, по возможности, съ наиболѣе цѣннаго въ военномъ отношеніи имущества.

No. 187 члены Верховной Коллегіи: Флоровскій. Рямо. Логиновъ.»

17 Февраля Командиръ 1-го Эстонскаго полка, стоявшаго въ Гапсалѣ, доносилъ Коменданту крѣпости и Начальнику Эстонской Дивизіи.

«Въ полкъ прибылъ членъ военной секціи Краевого совѣта Гудебергъ съ полномочіями произвести расформированіе и формированіе на его мѣсто краснаго полка. Расформированіе предположено начать 22 Февраля, увольняя солдатъ не по срокамъ службы, а цѣлыми ротами, не менѣе одной роты въ день. Если расформированіе будетъ произведено въ такомъ видѣ, то позиція 45 пѣх. дивизіи, послѣ ея смѣны, останется не занятой. Красный полкъ нельзя сформировать въ недѣльный срокъ, и онъ будетъ съ большимъ некомплектомъ солдатъ. Проектъ военной секціи Краевого совѣта о расформированіи полка расходится съ телеграммой предсѣдателя демобилизаціоннаго отдѣла и Начальника демобилизаціоннаго отдѣла сѣвернаго фронта. No. 688 Полковникъ Педдеръ» . . .

Комендантъ тотчасъ же обратился въ Управленіе Сѣвернаго Фронта и военную секцію Краевого совѣта съ заявленіемъ о несвоевременности переформированія, но секція отвѣтила, что это дѣло Штаба красной арміи, который своего рѣшенія не измѣнитъ.

Въ тотъ же день отъ Управленія XII арміи были получены такія директивы:

«Приказомъ Главковерха, сообщеннымъ телеграммой отъ 11 февраля н. с. (29 Января с. ст.) за No. 301, указано, что войну съ Германіей, Австро-Венгріей, Турціей и Болгаріей надо считать прекращенной, причемъ никакія военныя дѣйствія не должны имѣть мѣста. Кромѣ того, указано приступить къ общей демобилизаціи, отведя войска съ передовой линіи въ тылъ для дальнѣйшей отправки, согласно общему демобилизаціонному плану перевозокъ въ глубь Россіи, оставивъ для охраны пограничной линіи временныя части изъ солдатъ красноармейцевъ, впредь до смѣны ихъ подлежащей сформированію армейской пограничной милиціей.

На основаніи указаннаго приказа Главковерха и въ развитіе распоряженій, данныхъ телеграммами Управленія Сѣвернаго Фронта за No. 450 б и 460 б, приказываемъ:

1. Сформировать отряды для охраны пограничной линіи изъ солдатъ, записавшихся въ красную армію, по разсчету по 4 человѣка на версту побережья и по 12 человѣкъ на версту сухопутной линіи, по линіи нынѣшнихъ авангардныхъ позицій.

Этимъ отрядамъ прикрыть пограничную линію съ задачей не пропускать контрабандистовъ и отражать банды грабителей, если таковыя будутъ пытаться проникнуть черезъ пограничную линію, а также никого не пропускать въ сторону нѣмцевъ.

Сформированіе указанной охраны и ея выставленіе возлагается: на участкѣ отъ Пернова (включительно) до устья рѣки Виттербахъ на 13-й армейс. корпусъ; на участкѣ отъ устья р. Виттербахъ, черезъ Петерскапелле, до р. Аа Лифляндской — на 6-й сибир. корпусъ; на участкѣ р. Аа до стыка съ 1-й арміей у Дицена — на 43-й арм. корпусъ; участокъ побережья отъ устья р. Казаргенъ до Пернова включительно, входившій въ районъ XII-й арміи, передается для охраненія Ревельскому Укрѣпленному району.

Довольствіе отрядовъ, выставляемыхъ для охраны границы, и сборъ свѣдѣній, получаемыхъ ими о нѣмцахъ, возлагается: на участкѣ отъ Пернова до устья р. Виттербахъ на 13-й арм. корпусъ; отъ р. Виттербахъ, черезъ Петерскапелле, до Лицена на 43-й арм. корпусъ, для чего соотвѣтствующимъ корпусамъ, въ томъ числѣ и 6-у сибирскому, широко снабдить охраняющіе отряды необходимыми средствами связи и транспорта. Охраняющимъ отрядамъ оставаться на охранѣ границы впредь до смѣны ихъ формируемой красноармейской пограничной милиціей.

2. Частямъ арміи, въ цѣляхъ болѣе удобнаго расквартированія и болѣе успѣшнаго проведенія плана демобилизаціи, отойти и расположиться:

а) 2-у сибир. корпусу въ районѣ Верро-Печоры-Изборскъ-станція Гоппенгофъ — штабу корпуса быть въ Верро.

б) 6-у сибир. корпусу въ районѣ озеро Вирцъ-Ярвъ-Юрьевъ-Вольмаръ — штабъ корпуса въ Вольмарѣ.

в) 13-у армейс. корпусу — Перновъ-Гайнашъ-станція Сепкуль — штабъ корпуса на мызѣ Тигницъ.

г) 49-у арм. корпусу оставаться въ нынѣ занимаемомъ районѣ Везенбергъ-Тапсъ.

3) Всѣ необходимыя для указанной перегруппировки передвиженія совершить походнымъ порядкомъ; свободныхъ подвижныхъ составовъ нѣтъ и разсчитывать на желѣзнодорожную перевозку нельзя.

4. Командиру сотни 3-ей Пограничной Волынской Бригады, Карпенко, теперь же приступить къ спѣшному формированію, согласно особыхъ данныхъ ему указаній, армейской пограничной милиціи изъ 2-го и 3-го отдѣловъ Волынскихъ пограничныхъ сотенъ, добровольцевъ и чиновъ арміи.

5. Вести энергичную работу по вывозу и сбору имущества въ соотвѣтствующіе склады, причемъ цѣнное имущество какъ то: летательные и воздухоплавательные аппараты, матеріальная часть артиллеріи, разнаго рода машины и дорогіе приборы должны быть теперь же увозимы въ глубокій тылъ. Свѣдѣнія о количествѣ подвижного состава и станціи посадки немедленно телеграфировать.

6. Въ случаѣ если бы нѣмцы начали военныя дѣйствія и повели бы наступленіе, охраняющимъ частямъ боя не принимать и, на атакованномъ участкѣ, отходить, держа связь съ сосѣдями и своевременно сообщая въ тылъ.

Для того же, чтобы нѣмцы не могли воспользоваться нашимъ всякаго рода имуществомъ, теперь же принять мѣры къ подготовкѣ его къ уничтоженію, когда того потребуетъ обстановка.

Валкъ. No. 0389 Управарм XII Гунцадзе. Тракманъ».

Въ развитіе этого приказа, 18 Февраля, въ 2 ч. 37 м. ночи, было получено такое продолженіе.

«Въ развитіе приказа нашего No. 0389 приказываемъ.

1. Путями отхода корпусамъ назначаются.

13 армейскому	дороги	на	Вейсенштейнъ-Везенбергъ-Нарва.
6 сибирскому	»	»	Юрьевъ-Нарва.
2 сибирскому	»	»	Печоры-Псковъ.
43 армейскому	»	»	Риго-Псковское шоссе.

Въ случаѣ проявленія активныхъ дѣйствій противника корпусамъ, оказывая возможно упорное сопротивленіе, съ боемъ отходить по указаннымъ путямъ въ тылъ, уничтожая за собою сооруженія, дабы этимъ затруднить противнику продвиженіе, а также уничтожая все то имущество и матеріальную часть, которую вывезти не удалось.

Въ развитіе этихъ основныхъ указаній корпусамъ надлежитъ принять нижеслѣдующее:

1. Войсковыя части, обозы и учрежденія расположить такимъ образомъ, чтобы, въ случаѣ наступленія противника, способствовать быстрому и упорядоченному отходу, причемъ въ первую голову возможно глубже оттянуть тяжелую артиллерію.

Желательнымъ предѣломъ расположенія корпусовъ является уходъ ихъ за Валкскую позицію, причемъ, для облегченія и упорядоченія подвоза продовольствія, частямъ 6-го сибирскаго корпуса надлежитъ располагаться по обѣ стороны желѣзной дороги Валкъ-Юрьевъ-Тапсъ; — 2-у сибирскому корпусу — Валкъ-Псковъ; — 43-у армейск. корпусу вдоль шоссе, базируясь на узкоколейку Валкъ-Шваненбургъ и на станцію Ново-Изборскъ, гдѣ имѣется продовольственный магазинъ.

2. Командному составу и комитетамъ принять самыя энергичныя мѣры по переформированію и расформированію частей, согласно ранѣе отданныхъ на этотъ предметъ распоряженій, и напречь всѣ усилія по сбору, сдачѣ и отправленію въ тылъ движимаго имущества.

Въ первую голову должно быть отправлено въ глубокій тылъ все цѣнное имущество, не могущее самостоятельно двигаться: артиллерійскіе, броневые, авіаціонные, радіотелеграфные дивизіоны, автомобильное имущество, лишнее ручное оружіе и прочее.

Для этого надлежитъ теперь же, незамедлительно, памятуя, что каждый часъ дорогъ, распредѣлить по очередямъ вывозку въ зависимости отъ цѣнности имущества и незамедлительно телеграфировать въ демобилизаціонный комитетъ XII арміи и Завѣдывающему этапно-транспортной частью хозяйственнаго отдѣла штаба арміи, о количествѣ необходимаго подвижного состава, указывая для какого имущества, сколько вагоновъ, платформъ и на какую станцію нужно и съ какого момента можно приступить къ погрузкѣ.

Предваряемъ, что при проходѣ Валка, Юрьева и Пскова всѣ составы будутъ осматриваться комиссіями и, если будетъ обнаружено не цѣнное имущество, какъ это часто встрѣчается, а хламъ въ родѣ саней, повозокъ и прочее, то соотвѣтствующія лица будутъ преданы военно-революціонному суду.

Для работъ по пріему, сдачѣ, сортировкѣ, нагрузкѣ самымъ широкимъ образомъ пользоваться вольнонаемнымъ трудомъ и вольнонаемными подводами, кромѣ того каждому корпусу, распоряженіемъ демобилизаціоннаго комитета XII арміи, будутъ даны роты военноплѣнныхъ.

Расходы относить на кредитъ по демобилизаціи, для скорѣйшаго открытія котораго демобилизаціонному комитету арміи принять самыя срочныя мѣры.

Еженедѣльно, по субботамъ, штабамъ корпусовъ доносить о количествѣ вывезеннаго за недѣлю имущества.

3. Демобилизаціонному комитету арміи и Завѣдывающему этапно-транспортной частью принять мѣры по организаціи подачи составовъ для вывоза матеріальной части, для чего учредить комиссію, на которую возложить рѣшительную борьбу съ простоемъ на станціяхъ вагоновъ. Въ районѣ арміи новые, не выгруженные въ теченіе сутокъ грузы конфискуются, а получатели привлекаются къ отвѣтственности за непринятіе мѣръ къ своевременной разгрузкѣ.

На станціяхъ, комиссарамъ станцій, вести учетъ таковымъ вагонамъ. Порожняки широко использовать для вывоза имущества.

4. Въ первую голову предоставлять подвижной составъ для вывоза станцій: Лигатъ, Рамоцкое, Венденъ, Вольмаръ, Стакельнъ, Валкъ, Юрьевъ.

5. Завѣдывающему этапно-транспортной частью немедленно вывезти, въ указанные Начальникомъ артиллерійскаго снабженія сѣвернаго фронта пункты, всѣ артиллерійскіе огнестрѣльные припасы, хранящіеся въ вагонахъ, дабы не держать таковые безполезно занятыми.

6. Демобилизаціонному комитету арміи и Начальнику этапно-транспортнаго отдѣла запросить соотвѣтствующіе органы фронта объ указаніи таковыхъ пунктовъ и складовъ для различнаго рода имущества въ глубокомъ тылу, дабы облегчить этимъ планомѣрность отправки въ тылъ имущества.

7. Призываемъ всѣхъ, кому дорого народное достояніе Россійской республики, принять всѣ мѣры и приложить всѣ усилія къ быстрому проведенію въ жизнь указанныхъ мѣропріятій.

г. Валкъ No. 0391 Управарм XII Гунцадзе. Тракманъ. Наштарм XII Гонтаревъ.»

Командующій сухопутными войсками, подчиненными Командующему Балтійскимъ Флотомъ, телеграммой въ Управленіе Сѣвернаго Фронта отъ 18 Февраля, протестовалъ противъ части этихъ распоряженій:

«Управленіе XII арміи, оперативной телеграммой отъ 17 Февраля за No. 0389 всѣмъ подвѣдомственнымъ частямъ, охрану побережья, отъ рѣки Казаргенъ до Пернова включительно, передаетъ Ревельскому Укрѣпленному Району. Я протестую противъ этого, ничѣмъ не обоснованнаго распоряженія, и считаю его преступнымъ, т. к. этотъ участокъ, повидимому, никѣмъ не охраняется, а въ распоряженіи Ревельскаго Укрѣпленнаго Района нѣтъ никакихъ средствъ для его обезпеченія.

Командиръ 13-го армейскаго корпуса не только не принялъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ никакихъ мѣръ для обезпеченія названнаго участка, но, даже не отвѣчаетъ на мои телеграммы о подробномъ расположеніи корпуса вообще и о томъ, какія войска охраняютъ Вердерское и Перновское направленія.

Ни я, ни Начальникъ Ревельскаго Укрѣпленнаго Района, не можемъ принимать на себя отвѣтственности за передаваемые безлюдные участки, да еще въ то время, когда нѣмцы угрожаютъ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, и прикрывать своими именами бездѣятельность тѣхъ лицъ, кои обязаны до конца нести за это отвѣтственность.

Потому прошу отмѣнить указанное распоряженіе Управленія XII арміи и увѣдомить меня о послѣдующемъ.

г. Гельсингфорсъ No. 211/отпусух. Комсухвойск. Хендриксонъ. Комиссаръ Эглитъ.»

Этотъ протестъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, т. к. нѣмцы въ тотъ же день перешли въ наступленіе, и всѣ планы по охранѣ предполагаемой границы были нарушены.

Для выполненія полученныхъ директивъ требовались большія суммы денегъ, а ихъ въ крѣпостномъ казначействѣ, несмотря на посылаемыя до того многочисленныя телеграммы, не было, а потому пришлось отправить въ Петроградъ особую делегацію.

Кромѣ оплаты расходовъ по вывозу имущества, деньги были необходимы для разсчета съ рабочими строительства крѣпости и Порта Императора Петра Великаго, увольняемыхъ ввиду сокращенія штатовъ и перехода этихъ учрежденій на мирное положеніе, а также для разсчета съ чинами флота ввиду перевода его на вольнонаемныя начала.

Наконецъ, 17 Февраля, въ 22 ч. 50 м. (10 ч. 50 м. вечера), пришло грозное, давно ожидаемое командным составомъ, извѣстіе о возобновленіи германцами военныхъ дѣйствій, причемъ Управленіе Сѣвернымъ Фронтомъ, сознавая полную невозможность оказать серьезное сопротивленіе непріятелю, разрѣшало отходъ войскъ и, не надѣясь удержать въ своихъ рукахъ Крѣпость Императора Петра Великаго, предлагало Ревельскому Укрѣпленному Району задерживаться постольку, поскольку это будетъ необходимо, чтобы дать возможность благополучно уйти частямъ войскъ, занимавшимъ Гапсальское, Вердерское и Перновское направленія.

Вотъ эта телеграмма.

В н ѣ о ч е р е д и. «Сегодня Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго передалъ слѣдующую телеграмму, полученную имъ изъ Брестъ-Литовска отъ Генералъ-Майора Самойло.

«Сегодня, 16 Февраля, въ 19 ч. 30 м., отъ Генерала Гофмана мнѣ объявлено офиціально, что 18 Февраля, въ 12 часовъ оканчивается заключенное съ Россійской Республикой перемиріе и начинается снова состояніе войны.

17 Февраля, утромъ, съ ввѣренной мнѣ комиссіей я выѣзжаю на Барановичи, Минскъ.

Генералъ-Майоръ Самойло» . . .

Германія не перемиріе прервала, а объявила намъ войну, т. к. мы, еще недѣлю тому назадъ, заявили, что прекращаемъ состояніе войны съ центральными державами. Намъ неизвѣстно, что предприметъ противникъ, что поставитъ онъ цѣлью своихъ дѣйствій, захватъ ли колоссальнаго военнаго имущества, находящагося въ районахъ арміи, или поведетъ наступленіе для завоеванія Лифляндіи и Эстляндіи съ г. Ревелемъ, или для захвата Двинска?

Во всякомъ случаѣ на войска Сѣвернаго фронта и на молодыя части рабоче-крестьянской красной арміи ложится обязанность защищать всѣми силами и средствами завоеванія рабоче-крестьянской революціи.

Если бы арміямъ, въ случаѣ нападенія противника, невозможно было вести регулярную войну за разстройствомъ войсковыхъ частей, предлагаемъ вести малую войну, дѣйствуя отдѣльными партизанскими отрядами, немедленно выдѣливъ ихъ изъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и другихъ частей.

Общая задача арміи остается прежняя, что указана въ директивѣ No. 218/б. Въ случаѣ натиска значительныхъ силъ противника, разрѣшаемъ войскамъ отходить, уничтожая за собой всѣ военные запасы и еще не вывезенную матеріальную часть артиллеріи, причемъ Ревельскому Укрѣпленному Району удерживать Морскую крѣпость Императора Петра Великаго постольку, поскольку необходимо дать время выйти частямъ, занимающимъ Гапсальское, Вердерское и Перновское направленія, на линію Ревель-Вейсенштейнъ.

XII, I и V арміямъ, дѣйствуя въ общемъ въ духѣ директивы No. 218/б, при отходѣ сосредоточиться: XII арміи, за исключеніемъ правофланговыхъ частей, за Изборскими позиціями, I-й арміи за Островскими позиціями, V-й арміи за Рѣжицкими позиціями.

Арміямъ немедленно усилить вывозъ въ тылъ самаго цѣннаго имущества и матеріальной части артиллеріи.

г. Псковъ, No. 484/б члены Упрасѣва Позернъ. Щербаковъ

Вр. И. О. Наштасѣва Вишневскій.»

На эту телеграмму Комсухвойскъ 19 Февраля телеграфировалъ въ Управленіе Сѣвернаго Фронта и Начальнику Морского Штаба Сѣвер. фронта слѣдующее:

Въ директивѣ Упрасѣва отъ 17 Февраля No. 484/б указано, что Морскую крѣпость Имп. Петра Великаго надлежитъ удерживать постольку, поскольку необходимо, чтобы дать время выйти частямъ, занимающимъ Гапсальское, Вердерское и Перновское направленія, на линію Ревель-Вейсенштейнъ.

Комендантъ крѣпости, по данному вопросу, доноситъ, что въ районѣ крѣпости способенъ оказать сопротивленіе, да и то въ извѣстной степени, одинъ Первый Эстонскій полкъ.

При такихъ условіяхъ ни на какое сопротивленіе разсчитывать нельзя, а потому вопросъ сводится къ эвакуаціи цѣннаго имущества морской крѣпости, а также всѣхъ управленій.

Ввиду сего прошу указаній.

1. Куда должны быть эвакуированы управленія и штабъ морской крѣпости Императора Петра Великаго?

2. Куда должны будутъ отойти имѣющіяся техническія войска, остатки пѣхоты и эстонскія части?

г. Гельсингфорсъ No. 225 Комсухвойск Хендриксонъ. Комиссаръ Эглитъ.»

По полученіи увѣдомленія о возобновленіи военныхъ дѣйствій, въ Штабѣ Начальника Обороны Финскаго Залива состоялось срочное совѣщаніе командного состава съ представителями организацій; — «товарищи» никакъ не могли свыкнуться съ мыслью о возобновленіи войны и, когда всѣ расходились, одинъ изъ нихъ сказалъ:

«Все это новая провокація буржуазіи. Никогда нѣмецкій пролетаріатъ не допуститъ, чтобы генералы Вильгельма повели на насъ нѣмецкихъ солдатъ.» . . .

По окончаніи совѣщанія, въ Военный Отдѣлъ Центральнаго Комитета Балтійскаго Флота, Управленіе Сѣвернаго Фронта и Морской Генеральный Штабъ, былъ посланъ нижеслѣдующій телеграфный запросъ. «Ввиду сообщенной намъ по прямому проводу радіо о возобновленіи Германіей, съ 12 часовъ дня 18 Февраля, войны съ Россіей просимъ категорической директивы.

1. Слѣдуетъ ли открывать огонь по могущимъ появиться передовымъ частямъ германцевъ, идущимъ съ острововъ на материкъ?

2. Слѣдуетъ ли открывать огонь при появленіи германскаго флота?

3. Слѣдуетъ ли завтра же начать эвакуацію наиболѣе цѣнныхъ матеріальныхъ частей и, въ утвердительномъ случаѣ, просимъ подать не менѣе 500 платформъ и 1000 вагоновъ.

Отвѣтъ необходимъ не позже 7 часовъ утра 18 Февраля, дабы успѣть дать знать на побережье.

No. 64/c Комокрѣп Изместьевъ. Наборфин Жерве.»

На эту телеграмму изъ Управленія Сѣвернаго Фронта пришелъ лаконическій отвѣтъ — «эвакуировать».

18 Февраля въ ревельскихъ газетахъ были напечатаны какъ извѣщеніе генерала Самойло о возобновленіи военныхъ дѣйствій, такъ и протестъ Троцкаго, посланный германскому правительству.

«Сегодня, 17 Февраля, нами получено сообщеніе, по прямому проводу изъ Брестъ-Литовска, отъ генерала Самойло, будто генералъ Гофманъ заявилъ 16 Февраля, что съ 18 Февраля съ 12 часовъ дня между Германіей и Россіей возобновляется состояніе войны. Правительство Россійской Республики предполагаетъ, что полученная нами телеграмма не оффиціальная, а имѣетъ провокаціонный характеръ т. к., если даже допустить прекращеніе перемирія со стороны Германіи, то предупрежденіе объ этомъ, согласно условіямъ перемирія, должно быть сдѣлано за семь дней, а не за два дня. Прошу разъясненій по радіо.

Народный Комиссаръ Троцкій» . . .

Насколько извѣстно, отвѣта на эту радіо со стороны германскихъ властей не было.

Въ отвѣтъ на телеграфный запросъ за No. 64/c Комендантъ крѣпости и Начальникъ обороны Финскаго Залива получили такіе отвѣты:

Отъ Завѣдывающаго Военнымъ Отдѣломъ Центральнаго Комитета Балтійскаго Флота (Центробалта) Контръ Адмирала Ружекъ, была получена слѣдующая телеграмма.

«На No. 64/c.

1. По передовымъ частямъ германцевъ, впредь до распоряженія изъ Морского Генеральнаго Штаба, огня не открывать, а отступать къ Ревелю.

2. Крѣпость и суда приготовить въ боевое состояніе.

3. Эвакуацію наиболѣе цѣнной матеріальной части начать теперь же.

Гельсингфорсъ No. 498/юз. Вобалт Ружекъ.»

Изъ Управленія Сѣвернаго Фронта:

«На No. 64/c. Передаю къ руководству приказъ Главковерха:

«Принять мѣры къ возможному сопротивленію; — въ случаѣ невозможности, отходить, уничтожая имущество и пути сообщенія.»

На Ваши вопросы.

1. Не открывать огня до послѣдней возможности, стараясь предупредить. (???)

2. Открытіе огня по флоту необходимо, но при первомъ появленіи флота послать предупрежденіе по радіо.

3. Эвакуацію производить, но пользуясь лишь обычнымъ подвижнымъ составомъ.

г. Псковъ No. 355 Украсѣв Позернъ.»

Комиссаръ по морскимъ дѣламъ, матросъ Дыбенко, распорядился слѣдующимъ образомъ.

«В. Срочно. При появленіи германскихъ частей и германскаго флота оказывать сопротивленіе.

Немедленно начать эвакуацію наиболѣе цѣнныхъ матеріаловъ. Въ случаѣ продвиженія германскихъ войскъ по нашей территоріи и невозможности эвакуировать цѣнное имущество, таковое уничтожить.

Петроградъ No. 388 Народный Комиссаръ Дыбенко.»

Морской Генеральный Штабъ отвѣтилъ такъ:

«На No. 64/с. Въ случаѣ фактическаго нарушенія германцами перемирія оказывайте все возможное сопротивленіе, какъ наступающимъ сухопутнымъ силамъ, такъ и проникновенію германскаго флота въ Финскій Заливъ.

Въ крайнемъ случаѣ уничтожайте, что возможно, чтобы не досталось непріятелю.

Эвакуировать сейчасъ сухопутнымъ путемъ невозможно изъ за недостатка вагоновъ и краткости времени.

Вывозите все, что можно, моремъ въ Гельсингфорсъ.

г. Петроградъ No. 309 Начальникъ Морского Генеральнаго Штаба Беренсъ. Народный Комиссаръ Дыбенко.»

Командующій сухопутными войсками, подчиненными Командующему Балтійскимъ Флотомъ, далъ нижеслѣдующія директивы:

«Въ случаѣ возобновленія нѣмцами военныхъ дѣйствій приказываю.

1. Препятствовать всѣми мѣрами проникновенію противника на материкъ.

2. Въ случаѣ наступленія значительныхъ силъ противника, войскамъ укрѣпленнаго района сосредоточиться къ веркамъ морской крѣпости Имп. Петра Великаго, удерживая ее до послѣдней возможности, а также поддерживая связь съ сосѣдними войсками, обезпечивающими Вердерское и Перновское направленія, дабы дать имъ возможность сосредоточиться на линіи Ревель — Вейсенштейнъ.

3. Усилить эвакуацію всего излишняго и цѣннаго имущества, уничтожая все то, которое не хватитъ времени вывезти подъ угрозой нѣмцевъ.

4. О всѣхъ попыткахъ нѣмцевъ къ возобновленію активныхъ дѣйствій доносить немедленно.

г. Гельсингфорсъ No. 214/опсух. Комсухвойск Хендриксонъ Комиссаръ Эглитъ.»

Утромъ 18 Февраля Комендантъ крѣпости отдалъ распоряженіе, какія именно орудія необходимо было вывезти во что бы то ни стало; со снарядами же дѣло было много труднѣе, т. к. часть складовъ находилась въ самомъ городѣ и взрывать ихъ не было возможности, а вывозить въ окрестности не позволяло отсутствіе денегъ.

Особая делегація поѣхала за ними въ Петроградъ еще наканунѣ, но, кромѣ того, утромъ Комендантъ, ввиду угрожающаго положенія, послалъ телеграмму прямо въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ съ просьбой ускорить высылку денегъ въ Ревельское крѣпостное казначейство.

Утромъ, по иниціативѣ мѣстнаго флотскаго комитета, былъ образованъ особый отдѣлъ для содѣйствія Коменданту крѣпости и Начальнику Обороны Финскаго Залива по проведенію въ жизнь всѣхъ ихъ распоряженій.

Въ 11 часовъ утра произошелъ нижеслѣдующій разговоръ (по аппарату Юза), Начальника Штаба Крѣпости Подполковника Левенецъ съ Начальникомъ 45-х пѣх. дивизіи Полковникомъ Мельниковымъ. Сообщивъ телеграмму Управ. Сѣв. Фронта отъ 18 Февраля за No. 355, Левенецъ просилъ немедленно передать ея содержаніе Командиру 1-го Эстонскаго полка (въ Гапсаль).

«Прикажите Полковнику Педдеръ немедленно командировать на станцію Палиферъ нѣсколькихъ офицеровъ при старшемъ для постояннаго дежурства при аппаратѣ Юза и установить связь съ Гапсалемъ для передачи немедленно всѣхъ поступающихъ отъ насъ телеграммъ. Командиру Эстонскаго полка находиться тамъ, гдѣ найдетъ для себя болѣе выгоднымъ и удобнымъ.

Вывозку Вашей дивизіи продолжать, Начальнику Штаба дивизіи уѣзжать самымъ послѣднимъ эшелономъ, сохраняя за собой командованіе остающимися частями до послѣдняго момента; — къ тому времени Вамъ будутъ даны исчерпывающія указанія.

Запросите Командира Эстонскаго полка, есть ли у него подрывныя средства?

При перевозкѣ дивизіи не разрѣшайте перевозить хламъ, т. к., по указанію Управ. Сѣв. Фронта, всѣ эшелоны будутъ осматриваться, и начальники, вывозящіе хламъ, будутъ предаваться суду; — этимъ, не загружая эшелоновъ, Вы скорѣе вывезете цѣнное имущество.

Примите всѣ мѣры къ поддержанію связи съ Леалемъ и пограничнымъ полкомъ, а также, конечно, и съ Гапсалемъ.

Всѣ сомнительныя приказанія по телеграфу или телефону переспрашивайте у Штаба Морской Крѣпости. Все. Левенецъ.

Все будетъ исполнено. Мельниковъ.»

Въ 17 часовъ (5 час. вечера) произошелъ разговоръ (по Юзу) И. Д. Начальника Оперативнаго отдѣленія штаба крѣпости, Подпоручика Пинусъ, съ Начальникомъ Отдѣла Военныхъ сообщеній Сѣвернаго фронта, Карамышевымъ, изъ котораго впервые стало извѣстно о переходѣ германскихъ войскъ въ наступленіе и состоявшемся уже занятіи ими крѣпости Двинскъ.

Карамышевъ. Благоволите освѣтить, въ какомъ положеніи находятся подступы къ Ревелю? Имѣемъ свѣдѣнія, что въ Гапсалѣ высадились нѣмцы; — необходимо знать, такъ ли это, въ цѣляхъ уборки подвижного состава.

Имѣю опредѣленный отвѣтъ, что Двинскъ уже занятъ нѣмцами, и тамъ осталось много вагоновъ, благодаря отсутствію указаній штаба арміи о боевой обстановкѣ момента.

Все началось въ 12 ч. дня; сегодня опасался за Ваши линіи. Что у Васъ слышно?

Пинусъ. Гапсаль нѣмцами не занятъ . . . Прошу обождать минутку у аппарата, я сейчасъ справлюсь по аппарату, который работаетъ съ Гапсальскимъ отрядомъ, и Вамъ передамъ послѣднее извѣстіе. До сихъ поръ у насъ благополучно.

Получили ли Вы нашу телеграмму о 500 платформахъ и 1000 вагонахъ для эвакуаціи Ревеля?

Карамышевъ. Это не по моему отдѣленію; — сейчасъ доложу Начальнику военныхъ сообщеній сѣв. фронта, что Вы у аппарата и спрошу его относительно наряда.

Пинусъ. Буду ждать отвѣта, только, пожалуйста, скорѣе.

Карамышевъ. Этой телеграммы еще нѣтъ, но есть жалоба Управл. Сѣв.-Западныхъ Желѣз. Дорогъ, что съ 29 Января на станцію Лаактъ подано 15 крытыхъ вагоновъ и одна теплушка для 3-ей крѣпостной артиллерійской бригады, на станцію Разикъ — 20 крытыхъ вагоновъ, и всѣ они, по сіе время, стоятъ не нагруженные, что нарушаетъ интересы крѣпости въ смыслѣ подачи вагоновъ.

Если погрузка будетъ такъ продолжаться, то, совершенно понятно, мы не можемъ подавать Вамъ вагоновъ, чтобы они стояли зря. Благоволите провѣрить эту жалобу черезъ Коменданта станціи и укажите ему на телеграмму отъ 17 Февраля No. 87/д 4171 за подписью начальника движенія Леонтьева.

Убѣдительно прошу разобрать это дѣло и понудить окончаніемъ погрузку вагоновъ, а также увѣдомить о послѣдующемъ.

Когда получимъ Вашу телеграмму разберемся и дадимъ отвѣтъ какъ выполнять подачу вагоновъ.

Какія вѣсти изъ Гапсаля?

Пинусъ. Сію минуту дадутъ Гапсаль. Телеграмма о 500 платформахъ и 1000 вагонахъ послана въ Управ. Сѣв. фронта вчера, 17 Февраля за No. 64/с.

Карамышевъ. Къ намъ она еще не пришла отъ Упрасѣва.

Пинусъ повторилъ содержаніе телеграммы, а также лаконическій отвѣтъ на всѣ заданные вопросы «эвакуировать».

Карамышевъ. Насъ касается только вопросъ объ эвакуаціи, но для этого необходимо дать конкретный нарядъ въ зависимости отъ того, сколько Вы можете погрузить. Сегодня представители снабженія сѣв. фронта выѣзжаютъ изъ Новгорода въ Псковъ и дадутъ указанія, какіе склады будутъ открыты для пріема имущества изъ арміи, а Васъ прошу обязательно указать, куда и что Вы хотите везти?

Пинусъ. Все? Хорошо. О жалобѣ на счетъ непогрузки вагоновъ на станціяхъ Лаактъ и Разикъ сейчасъ переговорю съ комендантами станцій. Приму всѣ мѣры къ погрузкѣ, если таковой не было, и немедленно сообщу Вамъ. Въ Гапсалѣ, повидимому, все спокойно; во всякомъ случаѣ будутъ приняты мѣры для спасенія подвижного состава...

Начальникъ 45 пѣх. дивизіи сію минуту передаетъ мнѣ, что свѣдѣній о противникѣ нѣтъ; на морѣ все спокойно, съ Гапсалемъ телефонная, желѣзнодорожная и телеграфная связь.

Карамышевъ. У насъ такъ же было спокойно и въ Двинскѣ; — Штабъ арміи едва выскочилъ, а мы уѣхали по занятіи его. Вотъ почему я спрашиваю Васъ относительно Гапсаля, ибо имѣю свѣдѣнія о высадкѣ германцевъ отъ администраціи желѣзной дороги.

Дѣйствительно, ровно въ полдень 18 Февраля 1918 года, германскія войска перешли въ наступленіе на Двинскомъ фронтѣ; — наши полки бѣжали въ паническомъ ужасѣ, безъ боя оставивъ врагу богатѣйшую добычу изъ запасовъ всякаго рода, паровозовъ, вагоновъ, орудій, аэроплановъ и т. д. Въ г. Двинскъ нѣмцы вошли въ 2 часа дня, т. к. «товарищи», убѣгая, забыли взорвать мостъ, вслѣдствіе чего наступленіе велось настолько быстро, что штабъ арміи едва успѣлъ уѣхать.

Извѣстіе о взятіи Двинска немедленно распространилось не только по всему г. Ревелю, но и по его окрестностямъ, внося панику въ дезорганизованныя войска. Къ вокзалу потянулись вереницы солдатъ и матросовъ, на извозчикахъ, подводахъ и пѣшкомъ, слѣдовавшихъ на вокзалъ съ цѣлью поскорѣе покинуть городъ; потокъ этотъ, не прекращаясь днемъ и ночью, приливалъ къ вокзалу до 21 Февраля, къ каковому времени въ Ревелѣ не осталось ни одной воинской части.

Изъ окрестностей города солдаты тоже стремились въ Ревель съ похвальной цѣлью какъ можно скорѣе скрыться подальше отъ непріятеля.

Посты службы связи Балтійскаго Моря отъ Гапсаля до Вердера, а, впослѣдствіи даже Балтійскаго Порта, стали проявлять особую нервность, грозя уйти, оставивъ береговую полосу безъ всякаго наблюденія. Чуть не каждый часъ звонили они по телефону (въ Управленіе службы связи въ г. Ревелѣ), сообщая, что уходятъ и, только послѣ долгихъ утомительныхъ уговоровъ, въ которыхъ принималъ участіе комиссаръ при Начальникѣ службы связи (матросъ), команду удавалось пока удерживать на мѣстахъ.

Дѣло въ томъ, что этотъ участокъ должна была занять Туркестанская дивизія, но всѣ уговоры не приводили ни къ какимъ результатамъ, и войскъ на ближайшемъ къ непріятелю Моонзундскомъ побережьи совсѣмъ не было.

Отъ Вердера до Леаля и отъ Леаля на 35 верстъ къ востоку, тоже не было ни одного русскаго солдата.

Четвертая Донская казачья дивизія, еще въ Декабрѣ 1917 года, ушла на Донъ, и наблюдательные посты связи Балт. моря, не имѣя за собой никакой поддержки считали себя брошенными на произволъ судьбы и все время порывались уйти. (Посты состояли изъ 8—10 человѣкъ матросовъ, а то и меньше.)

Начальникъ Службы Связи Бал. Моря, съ декабря 1917 года, неоднократно просилъ выслать хотя бы одинъ батальонъ на побережье Моонзунда, но Начальникъ Ревел. Укрѣп. Района, за неимѣніемъ свободныхъ силъ, не могъ исполнить его просьбу.

Оффиціальныя свѣдѣнія о противникѣ на фронтѣ XII арміи къ 14 час. (2 час. дня) 18 февраля гласили:

«Нѣмцы производятъ работы по исправленію Петроградскаго шоссе и очищаютъ снѣгъ съ полотна желѣзной дороги. Къ западу отъ мызы Аллажъ нѣмцы не подпускаютъ нашихъ солдатъ къ своей заставѣ ближе какъ на 50 шаговъ. Въ районѣ Рижской желѣзной дороги наши агенты были въ нѣмецкихъ окопахъ съ цѣлью выясненія, какія части тамъ стоятъ, однако, это выяснить не удалось вслѣдствіе того, что у нѣмецкихъ солдатъ погоны оказались перевернутыми трафаретомъ внизъ. Замѣчаются массовые побѣги нѣмецкихъ военноплѣнныхъ черезъ наше расположеніе, а также обращаетъ на себя вниманіе большое количество нашихъ бѣжавшихъ изъ плѣна солдатъ, выходящихъ къ намъ.

Воздушная развѣдка не производилась.

Выводъ. Обращаютъ на себя вниманіе работы нѣмцевъ по исправленію дорогъ.

г. Валкъ. No. 65 Генералъ квартирмейстеръ XII арміи Лаурицъ. Комиссаръ Тракманъ.»

Въ 18 ч. 40 м. (6 ч. 40 м. вечера) изъ Пскова пришло слѣдующее приказаніе. «По имѣющимся свѣдѣніямъ нѣмцами заготовлены большія автомобильныя броневыя колонны для дѣйствій на Рижскомъ и Двинскомъ шоссе. Въ случаѣ появленія автомобильныхъ частей противника принять самыя рѣшительныя мѣры къ уничтоженію всѣхъ мостовъ на означенныхъ направленіяхъ. No. 488/б Члены Упрасѣва Позернъ. Щербаковъ. Крутовъ. Вр. исп. дол. Наштасѣва Вишневскій.»

Въ другой, тогда же полученной, телеграммѣ сообщалось:

«Въ случаѣ необходимости перемѣщенія Штабовъ армій въ другіе пункты они будутъ передвигаться:

12-й арміи по линіи Валкъ-Псковъ-Луга-Новгородъ.
1-й » » » Пыталово-Островъ-Порховъ-Старая Русса.
5-й » » » Рѣжица-Себежъ-Великія Луки.

Штабъ фронта, въ случаѣ необходимости, будетъ перемѣщенъ въ Бологое, — Штабъ Двинскаго Округа — въ Тверь.

Псковъ. No. 491/б Членъ Упрасѣва Позернъ. Вр. И. Д. Наштасѣва Вишневскій.»

Изъ этой телеграммы видно, что демократическое Управленіе Сѣвернаго Фронта больше не вѣритъ въ воинскую доблесть своихъ избирателей и намѣчаетъ отходъ армій сѣвернаго фронта въ глубокій тылъ до линіи желѣзной дороги Петроградъ—Витебскъ.

Наконецъ, въ 21 ч. 30 м. (9 ч. 30 м. вечера) было получено оффиціальное сообщеніе о занятіи Двинска.

«Развѣдывательная сводка Штасѣва 18 (5) Февраля 1918 г.: Карта 10 верстъ въ дюймѣ.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, 18 Февраля Двинскъ занятъ германскими войсками. Въ районѣ сѣвернѣе Нейгофъ нѣмцы строятъ мостъ; — на наше требованіе прекратить постройку въ нейтральной зонѣ они отвѣтили отказомъ.

Выводъ. Германцы начали военныя дѣйствія.

Псковъ. 18 (5) Февраля 1918 г. No. 128/р Генкварсѣв. Артемьевъ».

Въ семь часовъ вечера, у Коменданта Крѣпости, состоялось совѣщаніе, на которое были приглашены Начальники Управленій и Отдѣльныхъ частей гарнизона и флота, также члены военной секціи совдепа, военнаго отдѣла, предсѣдатель Ревельскаго совдепа, члены Мѣстнаго флотскаго Комитета, желѣзной дороги и транспортнаго отдѣла Краевого совѣта.

Всѣмъ начальникамъ частей и управленій предложено было прибыть со свѣдѣніями о потребномъ числѣ вагоновъ въ день, чтобы, во время засѣданія, пропорціонально важности груза, раздѣлить имѣющееся число подвижного состава.

Когда всѣ собрались, «товарищи» начали нести всякій вздоръ на принципіальныя темы, тогда комендантъ, чтобы сразу приступить къ дѣлу, обратился къ предсѣдателю Краевого совѣта Эстоніи Анвельтъ:

«Я имѣю свѣдѣнія, что краевой совѣтъ Эстляндіи препятствуетъ вывозу имущества, и часть его, какъ то автомобили строительства крѣпости и телеграфный кабель, даже, не спросивъ меня, уже отобралъ, а потому прошу Васъ высказаться по вопросу эвакуаціи».

Анвельтъ отвѣтилъ: «Я здѣсь присутствую безъ соотвѣтствующихъ мандатовъ отъ Совѣта, т. к. намъ не была извѣстна повѣстка дня.

Какъ частный человѣкъ, полагаю, что порядокъ эвакуаціи зависитъ отъ военныхъ властей».

«Думаю, что когда врагъ на носу, намъ не приходится говорить о мандатахъ, возразилъ Комендантъ крѣпости. Я пригласилъ Васъ какъ предсѣдателя краевого совѣта, и меня удивляетъ, что Вы явно не желаете участвовать въ обсужденіи вопросовъ».

Послѣ этого Анвельтъ, ничего не отвѣтивъ, незамѣтно вышелъ изъ комнаты, а Комендантъ обратился къ предсѣдателю совдепа Прапорщику Дѣвишину, но тотъ сейчасъ же увильнулъ отъ отвѣта, почти слово въ слово повторивъ все сказанное Анвельтомъ.

Возмущенный Комендантъ, наговоривъ много непріятнаго Дѣвишину, закончилъ такими словами: «Я призываю всѣхъ къ работѣ, а кто не желаетъ этого, тотъ совершаетъ преступленіе передъ Родиной».

Генералъ-Майора Изместьева пытался поддержать представитель мѣстнаго флотскаго комитета, матросъ Марьевъ, и тоже призывалъ «товарищей» къ работѣ; однако, не успѣли еще приступить къ обсужденію, какъ Коменданта вызвали къ аппарату Юза для переговоровъ съ Главковерхомъ Прапорщикомъ Крыленко, находившимся тогда въ Петроградѣ.

«У аппарата Главковерхъ — проситъ кого либо изъ чиновъ Штаба крѣпости либо Армейскаго Комитета.

У аппарата Начальникъ Оперативнаго отдѣленія сухопутнаго фронта Пинусъ. Что прикажете?

Крыленко. Сообщите точнѣе имѣющіяся у Васъ свѣдѣнія относительно линіи на Гапсаль и какія мѣры приняты для обороны или уничтоженія этой линіи и порчи?

Пинусъ. О какой линіи Вы говорите?

Крыленко. Имѣются свѣдѣнія о занятіи Гапсаля, сообщите намъ, что Вами предпринимается для противодѣйствія дальнѣйшему продвиженію нѣмцевъ и чѣмъ Вы для этого располагаете?

Пинусъ. Сейчасъ въ Штабѣ Крѣпости идетъ совѣщаніе команднаго состава представителей мѣстнаго флотскаго комитета, и солдатской секціи объ эвакуаціи наиболѣе цѣннаго имущества. Что касается сопротивленія, то ждемъ указаній военной коллегіи изъ Петрограда.

Насколько обороноспособенъ Ревельскій Укрѣпленный Районъ, разрѣшите пригласить къ аппарату Коменданта крѣпости, который Вамъ объ этомъ доложитъ.

Крыленко. Хорошо. Но одновременно сообщаю, что указанія Вамъ должны быть извѣстны вкратцѣ; — они слѣдующія:

Желѣзныя дороги и пути сообщенія взрывать сплошь или, по крайней мѣрѣ, по двѣ версты на каждыя десять. Уничтожать все имущество, оказывать всюду сопротивленіе по мѣрѣ возможности, предпочтительно партизанскими выступленіями.

Имѣются ли у Васъ точно провѣренныя свѣдѣнія о Гапсалѣ?

Пинусъ. Все?

Крыленко. Все.

У аппарата Комендантъ Крѣпости Изместьевъ. Что угодно?

Крыленко. Прочтите ленту и сообщите, что можете.

Изместьевъ. Ленту прочелъ и могу сообщить нижеслѣдующее.

Слухи о занятіи Гапсаля не вѣрны; со стороны моря, отъ постовъ службы связи, имѣются донесенія, что все спокойно.

Въ Гапсальскомъ районѣ я располагаю только однимъ 1-мъ Эстонскимъ полкомъ, т. к. остатки 45 пѣх. дивизіи, совершенно небоеспособные, начали, до полученія свѣдѣній объ объявленіи войны германцами, перевозку въ Нарву. Эти остатки представляютъ

собою скорѣе охрану обоза, чѣмъ воинскія части. Эстонцы сравнительно боеспособны, но сегодня я получилъ телеграмму о томъ, что Краевой совѣтъ Эстляндіи хочетъ этотъ полкъ переформировать; я просилъ армейскій комитетъ, ввиду надвинувшихся на насъ событій, переформированіе не производить.

На сухопутномъ фронтѣ крѣпости имѣются остатки Арзамасскаго полка, солдаты котораго состоятъ изъ маршевыхъ ротъ, не проходившихъ курса стрѣльбы; — свои пулеметы, изъ которыхъ никто не стрѣлялъ, они сдали, по распоряженію армейскаго комитета Ревел. укрѣп. района, въ артиллерійскій складъ крѣпости.

Въ самомъ городѣ находится около 1000 человѣкъ изъ двухъ крѣпостныхъ полковъ, которые небоеспособны.

Изъ крѣпостной артиллеріи осталось всего около 2000 человѣкъ, со всѣми нестроевыми, которые могутъ, если пожелаютъ, обслуживать только 18-ть батарей. Я заявляю если пожелаютъ, т. к. сейчасъ, на идущемъ у меня совѣщаніи, Начальникъ Береговой Обороны Финскаго Залива заявилъ, что морскими батареями на островахъ Наргенъ, Вульфъ и Макилотто вынесено постановленіе, что они огня открывать не будутъ.

При изложенной Вамъ обстановкѣ, руководствуясь полученной директивой отъ Управ. Сѣв. Фронта, я приказалъ Гапсальскому отряду усилить наблюденіе за берегомъ моря и, въ случаѣ необходимости, открывать огонь по передовымъ частямъ германцевъ, отходя постепенно на Ревель. Одновременно съ этимъ, я поручилъ Начальникамъ управленій, артиллерійскаго и инженернаго, немедленно же составить соображенія о вывозѣ наиболѣе цѣннаго имущества, давъ имъ руководящія указанія.

Соображенія эти разсматриваются сейчасъ на общемъ совѣщаніи командн аго состава приморскаго и сухопутнаго фронтовъ совмѣстно съ организаціями.

Часть имущества у меня погружена и завтра будетъ отправлена. Въ Ревелѣ имѣется только 180 вагоновъ и 15 платформъ, а, между тѣмъ, для спасенія огромной стоимости матеріальной части, нужно не менѣе 700 платформъ и 1500—2000 вагоновъ, считая, что остальное будетъ уничтожено взрывами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ этого не пострадаетъ мирное населеніе.

У меня имѣется 10 000 пудовъ динамита и 6 000 пудовъ пироксилина, которые я могу затопить въ морѣ, т. к. взрывъ этихъ запасовъ могъ бы уничтожить городъ.

Я прошу отъ Васъ, гражданинъ Верховный Главнокомандующій, указаній, куда, въ случаѣ необходимости, должны быть эвакуированы Управленіе крѣпости и остатки техническихъ войскъ, которые останутся до послѣдней минуты для взрывовъ и уничтоженія всего того, что вывезти не удастся? Думаю, что на развитіе партизанскихъ дѣйствій можно было бы разсчитывать, если бы были соотвѣтствующіе руководители небольшихъ отрядовъ, которыхъ въ русскихъ войскахъ нѣтъ.

Ваше указаніе я передамъ Начальнику Эстонской Дивизіи, котораго я лично знаю, какъ своего слушателя по Академіи Генеральнаго Штаба, и которому всецѣло довѣряю.

Было бы весьма полезно получить хотя бы одинъ кавалерійскій полкъ, который хотя бы могъ поддерживать связь съ отходящими полками XII-й арміи.

Директивой Управленія Сѣвернаго Фронта указано, куда всѣмъ штабамъ арміи отходить, а не сказано, куда штабу крѣпости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, штабу района.

О положеніи флота Вамъ можетъ доложить Начальникъ Обороны Финскаго Залива, который находится на совѣщаніи.

Я ожидаю Вашихъ указаній.

Крыленко. Сейчасъ происходитъ совѣщаніе и на всѣ Ваши запросы отвѣчу сегодня; — въ частности предлагаю сорганизовать, изъ имѣющихся въ Вашемъ распоряженіи частей, создать, пусть не большіе, но крѣпкіе отряды, подобные тѣмъ, какіе дерутся на внутреннихъ фронтахъ.

Остальныхъ направить на работу по свозу и охранѣ имущества.

Нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы начальники партизанскихъ отрядовъ были изъ русскихъ, равно какъ нѣтъ необходимости, чтобы это были офицеры.

Опытъ войны на внутреннихъ фронтахъ уже показалъ, что сплоченные небольшіе отряды, съ руководителями соблюдаемыми снизу, страшнѣе и вредоноснѣе большихъ массъ развалившейся арміи.

Полагаю, что Ваша задача использовать въ первую голову вашъ запасъ динамита для организаціи, если это возможно, взрывовъ на разстояніи, по пути слѣдованія нѣмцевъ и, въ крайнемъ случаѣ, для взрывовъ города или крѣпости. Кавалерійскій полкъ будетъ Вамъ присланъ поскольку Управленіе Сѣвернаго Фронта или ближайшій гарнизонъ таковой предоставятъ.

Относительно мѣста эвакуаціи штаба крѣпости немедленно запросите Управ. Сѣв. Фронта; въ крайнемъ случаѣ, путь на Нарву для Васъ открытъ.

Я думаю, что при всѣхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ по сушѣ, при минимальномъ сопротивленіи, движеніе нѣмцевъ не можетъ быть быстро.

Здѣсь должны сыграть свою роль степень Вашей находчивости и изобрѣтательности въ созданіи препятствій; — намъ не нужна война по всѣмъ правиламъ искусства, намъ нужно народное искусство озлобленныхъ массъ, безпощадныхъ въ своемъ террорѣ по отношенію даже къ безоружнымъ, даже къ единичнымъ противникамъ, попавшимся въ плѣнъ.

Если можете разсчитывать на населеніе, вооружайте, мобилизуйте, какъ вооружены бѣлорусскіе крестьяне противъ польскаго корпуса. (Шедшаго на Минскъ для соединенія съ германскими войсками.)

У нѣмцевъ нѣтъ возможности двигаться всѣмъ фронтомъ и, при правильной постановкѣ партизанской войны, ихъ можно задержать.

Со своей стороны мною будутъ приняты всѣ мѣры отсюда, чтобы двинуть въ Вашъ районъ красногвардейскій и красноармейскій отряды.

Попросите представителя флота также сдѣлать свое сообщеніе . . .

Изместьевъ. Сообразно Вашихъ указаній, мѣры по организаціи партизанскихъ отрядовъ, при содѣйствіи организацій, будутъ приняты, но я позволяю обратить Ваше вниманіе на то, что германцевъ отъ меня отдѣляетъ разстояніе, которое будетъ пройдено въ пять, максимумъ шесть дней; — я подразумѣваю, конечно, пѣхоту.

Отлично сознаю, что воевать по всѣмъ правиламъ намъ не приходится, но опытъ войны на внутреннемъ фронтѣ не можетъ быть въ полной мѣрѣ использованъ, когда приходится имѣть передъ собою армію Вильгельма, обученную и сплоченную свойственной германцамъ дисциплиной.

Большую пользу могутъ принести небольшіе отряды, безразлично кто ими командуетъ, т. к. въ партизанской войнѣ все дѣло въ изобрѣтательности, лихости и отвагѣ, но для этого нужны конные отряды.

Я не думаю, при минимальномъ давленіи германцевъ, уходить, но, въ то-же время, представлять трофей для имперіалистовъ Германіи не желаю, вотъ почему мнѣ нужно было знать, куда отходить.

О вооруженіи населенія передамъ организаціямъ и только тогда могу начать самые рѣшительные шаги въ этомъ направленіи . . .

Крыленко. Это уже Ваше дѣло. Вамъ на мѣстѣ виднѣе.

Предложите Управ. Сѣв. Фронта немедленно точно указать пунктъ эвакуаціи штаба. Сообщите донесеніе флота.

Я долженъ уйти, точные же отвѣты пришлю дополнительно.

Слушаю. Изместьевъ.

Когда Комендантъ крѣпости вернулся на совѣщаніе, оказалось, что предсѣдатель совдепа Прапорщикъ Дѣвишинъ, предсѣдатель краевого совѣта Эстляндіи Анвельтъ и членъ того же совѣта Милановъ уже ушли.

Изъ дальнѣйшихъ дебатовъ выяснилось, что Начальникъ Эстонской Дивизіи не можетъ принять участія въ формированіи партизанскихъ отрядовъ, т. к. Краевой совѣтъ

объявилъ, что ввиду переформированія эстонскихъ полковъ въ красную гвардію, штабъ дивизіи тоже будетъ расформированъ.

Комендантъ энергично протестовалъ противъ всякихъ переформированій, но изъ этого, конечно, ничего не вышло.

Когда работа въ совѣщаніи начала какъ будто налаживаться и страсти поулеглись, изъ совдепа сообщили по телефону, что только что образованный военный отдѣлъ признается имъ не правомочнымъ, и завтра, 19 Февраля утромъ, соберется пленарное засѣданіе всѣхъ организацій для окончательнаго рѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи военнаго отдѣла. Конечно, такое сообщеніе опять разстроило наладившуюся было работу и снова пошли бурные разговоры; — наконецъ предсѣдатель военной секціи совдепа, солдатъ Засульскій, предложилъ военному отдѣлу пока продолжать работу, а завтра вопросъ рѣшится окончательно.

Опять приступили къ работѣ, но, въ 12 часовъ ночи, Комендантъ крѣпости былъ вызванъ къ аппарату Юза для разговора съ членомъ Управ. Сѣв. Фр. Щербаковымъ (изъ Пскова.)

Щербаковъ. Здравствуйте. Прошу сообщить что у Васъ новаго?

Изместьевъ. Я комендантъ крѣпости. Сейчасъ говорилъ съ Крыленко по аппарату и доложилъ ему, что въ районѣ все спокойно.

Въ настоящее время въ штабѣ крѣпости происходитъ совѣщаніе командного состава и военныхъ организацій по вопросу объ эвакуаціи. Главковерхъ Крыленко на мою просьбу назначить одинъ кавалерійскій полкъ, отвѣтилъ, что таковой будетъ данъ Сѣвер. фронтомъ, если представится возможность. Затѣмъ онъ приказалъ спросить у Васъ немедленнаго указанія, куда долженъ отойти, въ случаѣ необходимости, штабъ крѣпости и крѣпостныя управленія?

Подробныя указанія о дѣйствіяхъ района онъ обѣщалъ дать по окончаніи засѣданія въ Совѣтѣ Народныхъ Комиссаровъ.

Мы чувствуемъ крайнюю необходимость въ скорѣйшемъ назначеніи платформъ и крытыхъ вагоновъ, т. к. въ распоряженіи коменданта станціи только 180 вагоновъ. Часть подвижного состава грузится подъ грузъ строительства крѣпости и нѣкоторыя части наиболѣе цѣнныхъ орудій. Состояніе войскъ Вамъ извѣстно изъ моего доклада члену Управленія Сѣвернаго Фронта Позернъ.

Морскія батареи на островахъ: Вульфъ, Наргенъ и Макилотто сегодня вынесли постановленіе, что открывать огня не будутъ, о чемъ доложилъ Главковерху и сообщилъ въ Центральный Комитетъ Балтійскаго Флота. О ходѣ демобилизаціи Вамъ можетъ доложить комиссаръ Голованенко. Не будетъ ли какихъ нибудь указаній и съ Вашей стороны? . . .

Щербаковъ. Подтверждаются ли слухи о высадкѣ нѣмцевъ въ Гапсалѣ? . .

Изместьевъ. Нѣтъ; — такихъ донесеній не получалъ. Полагаю, что пока это слухи провокаціоннаго характера.

Щербаковъ. Кавалерійскаго полка пока выслать не можемъ. Штабъ крѣпости, въ случаѣ необходимости, перевести въ Нарву. По полученіи новыхъ свѣдѣній донесите. О результатѣ совѣщанія командного состава съ военными организаціями сообщите; относительно вагоновъ распоряженіе отдано. Пока всего хорошаго.

Комендантъ вернулся на засѣданіе, затянувшееся до двухъ часовъ ночи, на которомъ окончательно было составлено распредѣленіе вагоновъ на 19, 20 и 21 Февраля.

Оффиціальная сводка Штаба Сѣв. Фронта къ 24 часамъ (12 ч. ночи) 18-го Февраля полученная въ Ревелѣ 21 Февраля, гласила:

«1-я армія. 24-й пѣх. дивизіи 95 Красноярскій полкъ и другой самовольно ушли изъ района Штокмангофа, направляясь въ районъ дивизійныхъ резервовъ. Въ 28-мъ корпусѣ, въ Выборгской бригадѣ, солдаты 2-го Выборгскаго полка, несмотря на уговоры комитетовъ и начальства, разобрали по рукамъ продовольственный складъ, взяли обозныхъ лошадей подъ верхъ и разбѣжались съ позиціи, бросивъ повозки, кухни, оружіе,

патроны и обмундированіе. Имѣются свѣдѣнія о наведеніи нѣмцами, на участкѣ мызы Дреймсанъ, моста; — для провѣрки этихъ свѣдѣній выслана офицерская развѣдка.

12-я армія. Въ 43-мъ корпусѣ, 109 пѣх. дивизіи, 434 Череповецкій полкъ самовольно оставилъ позицію; — отъ полка, у станціи Лигатъ, осталось 30 человѣкъ, несущихъ наблюдательную службу.

Солдаты 433 Новгородскаго полка ушли въ тылъ; — отъ полка осталось 40 человѣкъ, несущихъ сторожевую службу.

Противъ участка 433 полка у нѣмцевъ происходитъ какая то смѣна частей . . .

Взорванный у мызы Аллажъ мостъ нѣмцами исправленъ; — тамъ же расчищена дорога . . .

Въ часъ ночи, на дорогѣ Аллажъ—Лембургъ, нѣмцы сняли заставу 13-го особаго полка и взяли два пулемета Кольта.

Изъ взятыхъ въ плѣнъ людей, троихъ заставили вести себя на сосѣднія заставы, намѣреваясь ихъ также снять.

Донесеній отъ заставъ, сосѣднихъ съ снятой, нѣтъ . . .

Въ виду отказа солдатъ 13-го особаго полка идти въ развѣдку, выслана офицерская развѣдка. Солдаты 13-го особаго полка самовольно покинули позицію и бѣгутъ въ тылъ, предварительно разгромивъ полковой продуктовый складъ.

На полковомъ участкѣ, въ районѣ мызы Нитау, остался Командиръ полка съ двумя ротами . . .

18 и 19 Февраля, утромъ, надъ участкомъ 43-го арм. корпуса, надъ Вольмаромъ и Валкомъ, появились нѣмецкіе аэропланы, разбрасывавшіе воззванія объ очищеніи нашими солдатами, безъ боя, Лифляндіи и Эстляндіи . . .

По донесеніямъ изъ 1-й и 12-й армій, солдатская масса, послѣ деклараціи о прекращеніи военныхъ дѣйствій, настолько утвердилась въ мысли, что таковыхъ дѣйствій не будетъ, что разсчитывать на сколько нибудь серьезное сопротивленіе съ нашей стороны нельзя.

Сводка 5-й арміи не получена.

Псковъ. 19 Февраля No. 697/б Вр. И. Д. Генкварсѣв Артемьевъ.

На требованіе Крыленко сформировать партизанскіе отряды Начальникъ Штаба 109 пѣх. дивизіи отвѣтилъ.

«Сформировать партизанскіе отряды не изъ кого и не изъ чего; ни людей, ни артиллеріи нѣтъ. Въ Новгородскомъ и Череповецкомъ полкахъ осталось всего около 60 человѣкъ, да и тѣ разбѣгаются. Этой силой не только охранять, но и вести наблюденіе, невозможно; — остались только штабы полковъ и штабъ дивизіи.

Красная гвардія 110 пѣх. дивизіи не прибыла.

Черезъ нѣсколько часовъ можно ожидать, что на фронтѣ не останется ни одного человѣка.

Валкъ. 19 Февраля No. 0418 Генкварм XII Лаурицъ. Комиссаръ XII Тракманъ.»

Итакъ, армій сѣвернаго фронта (1,5 и 12) не существовало; на фронтѣ находилась разнузданная, лѣнивая, праздная милліонная толпа, далекая отъ всякой мысли объ Отечествѣ и его защитѣ.

Въ 0,15 м. Начальникъ 45 пѣх. дивизіи донесъ, что свѣдѣній о противникѣ не имѣется.

Ночью же было получено нижеслѣдующее дополненіе къ директивамъ за No.No. 218/б и 484/б.

«Въ случаѣ наступленія противника и отхода нашихъ войскъ, всѣ части, отходящія отъ Ревеля, и правофланговые корпуса XII арміи, по отходѣ ихъ на линію Вейсенштейнъ-Феллинъ-Юрьевъ, поступаютъ въ подчиненіе Командира 49 арм. корпуса, которому

принять возможныя мѣры по организаціи обороны на Феллинскихъ и Нарвскихъ позиціяхъ, съ цѣлью прикрытія направленія на Петроградъ.

Указанныя части подчиняются Командиру 49 арм. корпуса на правахъ Командира отдѣльнаго корпуса, непосредственно подчиненнаго Управл. Сѣвер. Фронта.

Обезпеченіе довольствіемъ частей, входящихъ въ подчиненіе Командира 49 арм. корпуса, возлагается на штабъ XII арміи.

О полученіи сего донести.

Псковъ. 18 Февраля. No. 490/б Упрасѣв Позернъ. Щербаковъ. Наштасѣв Вишневскій.

На основаніи этой телеграммы Управленіе XII арміи отдало нижеслѣдующія распоряженія:

«1. 13-у армейскому корпусу немедленно, съ полученіемъ сего, установить связь съ Командиромъ 49 арм. корпуса, отъ котораго, по установленіи связи, и получать указанія по отходѣ въ Феллинскій районъ.

2. 6-у Сибирскому корпусу перейти въ подчиненіе Командиру 49 арм. корпуса по отходѣ корпуса съ Валкскихъ позицій; — связь держать черезъ Юрьевъ.

3. Командиру 49 арм. корпуса теперь же оттянуть корпусъ на линію Нарвскихъ позицій, гдѣ организовать принятіе на себя отходящихъ частей 13-го арм. и 6-го Сибир. корпусовъ и оборону Нарвской оборонительной линіи.

Штабъ корпуса въ Везенбергѣ, по отходѣ на Нарвскія позиціи, въ Ямбургѣ.

4. Командиру 13-го арм. корпуса продолжать спѣшный вывозъ съ побережья артиллеріи и цѣннаго имущества; 10-й Туркестанской стрѣлковой дивизіи немедленно, съ полученіемъ сего, оттянуться въ районъ станціи Мойзекюль.

Валкъ. 19 Февраля No. 0414 Управарм XII Гунцадзе. Тракманъ. Наштарм XII Гонтаревъ.»

Съ утреннимъ поѣздомъ въ Ревель прибылъ (изъ Петрограда), командированный Англійской военной миссіей, Капитанъ Гастингсъ для помощи въ организаціи защиты Морской Крѣпости Императора Петра Великаго, а, если это окажется невозможнымъ, то для уничтоженія всякаго снабженія арміи и флота, чтобы ничто не досталось въ руки непріятеля.

Англичанинъ являлся Коменданту крѣпости и Командиру Порта, но сдѣлать ему ничего не удалось, ибо исполнительный комитетъ Эстонскаго Краевого совѣта, узнавъ о цѣли пріѣзда Гастингса, немедленно посадилъ его въ слѣдственную тюрьму (на Никольской улицѣ), т. к. все казенное имущество, находившееся въ Ревелѣ, Совѣтъ призналъ собственностью эстонскаго народа. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, англичанинъ сидѣлъ въ тюрьмѣ до 24 Февраля (когда красногвардейцы удрали на корабли), а потомъ выѣхалъ изъ города до занятія его нѣмцами.

Утромъ постъ службы связи Вердеръ донесъ, что на льду, противъ мызы Куйвастъ, около 40 нѣмцевъ, производили строевое ученье.

Въ 9 ч. 10 м. утра Ревельской радіостанціей была принята слѣдующая радіотелеграмма изъ Царскаго Села:

«Берлинъ. Правительству Германской Имперіи.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ выражаетъ свой протестъ по поводу того, что Германское Правительство двинуло войска противъ Россійской Совѣтской Республики, объявившей состояніе войны прекращеннымъ и начавшей демобилизацію арміи на всѣхъ фронтахъ.

Рабоче-Крестьянское Правительство Россіи не могло ожидать такого шага уже по тому одному, что ни прямо, ни косвенно, ни одна изъ находящихся въ состояніи перемирія сторонъ не предупреждала о прекращеніи перемирія за семь дней, какъ это обязались сдѣлать обѣ стороны по договору 15 (2) Декабря 1917 года.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ видитъ себя вынужденнымъ, при создавшемся положенiи, заявить о своемъ согласiи подписать миръ на тѣхъ условiяхъ, которыя были предложены делегацiями четверного союза въ Брестъ-Литовскѣ.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ заявляетъ, что отвѣтъ на точныя условiя мира, предлагаемыя Германскимъ Правительствомъ, будетъ данъ безотлагательно.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ В. Ульяновъ (Ленинъ).

Народный Комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ Л. Троцкiй.

На этотъ протестъ въ 19 часовъ (7 ч. вечера) былъ полученъ отвѣтъ изъ Брестъ-Литовска отъ Генерала Гофмана.

«Въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

Радiотелеграмма изъ Царскаго Села на имя Правительства Германской Имперiи отъ 19 Февраля, 8 ч. 12 м. утра, подписанная Ульяновымъ-Ленинымъ и Л. Троцкимъ, передана Королевскому Правительству, однако, радiотелеграмма не можетъ разсматриваться какъ оффицiальный документъ вслѣдствiе отсутствiя подлинныхъ подписей, потому я уполномоченъ запросить у Совѣта Народныхъ Комиссаровъ письменное засвидѣтельствованiе радiотелеграммы, которое надлежитъ направить германскому командованiю въ Двинскъ.

Генералъ Гофманъ.

На слѣдующiй день, 20 Февраля, въ 3 ч. 30 м. ночи, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, повторивъ текстъ этой радiо, дальше сообщаетъ (по радiо):

«Мы сегодня посылаемъ изъ Петрограда курьеромъ въ Двинскъ, для врученiя Германскому Командованiю, текстъ посланной радiотелеграммы съ подлинными подписями. Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Ульяновъ-Ленинъ.

Народный Комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ Л. Троцкiй.
Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

Какъ оказалось, Управ. Сѣв. Фронта въ Псковѣ ничего не знало о предложенiи совѣта народныхъ комиссаровъ подписать миръ на ранѣе отвергнутыхъ условiяхъ и не подозрѣвало о наличiи такихъ радiотелеграфныхъ переговоровъ съ Германскимъ командованiемъ.

Выяснилось это совершенно случайно, когда изъ Ревеля запросили, вѣрно ли, что Совнаркомъ сдается на милость побѣдителя.

Въ 11 часовъ утра И. Д. Начальника Оперативнаго Отдѣленiя Штаба Крѣпости Подпоручикъ Пинусъ и Начальникъ Штаба Подполковникъ Левенецъ вызвали Псковъ, и тутъ произошелъ нижеслѣдующiй разговоръ съ дежурнымъ офицеромъ штаба сѣвернаго фронта Кнорингъ:

Пинусъ. Скажите, извѣстно ли Вамъ о томъ, что Народные Комиссары согласились подписать миръ на тѣхъ условiяхъ, которыя были предложены делегацiями четверного союза въ Брестъ-Литовскѣ?

Кнорингъ. Нѣтъ, ничего неизвѣстно. Свѣдѣнiй пока не получено.

Пинусъ. У насъ принята слѣдующая радiотелеграмма изъ Царскаго Села отъ 19 Февраля, 9 ч. 10 м. утра. (Повторяетъ текстъ радiо).

Кнорингъ. Покорно Васъ благодарю за сообщенiе.

Сейчасъ передаю эту депешу Генералъ Квартирмейстеру Сѣвернаго Фронта.

Левенецъ. У аппарата Начальникъ Штаба Крѣпости.

Прошу передать немедленно Начальнику Штаба Сѣвернаго Фронта, что полученная радiотелеграмма, если она является провокацiонной, можетъ вызвать въ городѣ Ревелѣ весьма нежелательные эксцессы, потому Комендантъ Крѣпости проситъ сейчасъ же,

черезъ офицера генеральнаго штаба, вызвать къ аппарату меня и передать всѣ исчерпывающія данныя въ формѣ телеграфнаго приказа.

Кнорингъ. Слушаю. Сейчасъ будетъ исполнено.

Не получивъ отвѣта на свой вопросъ, Подполковникъ Левенецъ соединился съ Петроградомъ и, въ 12 часовъ дня, имѣлъ (по аппарату Юза) такой разговоръ съ личнымъ секретаремъ Народнаго Комиссара по военнымъ дѣламъ Баландинымъ.

Левенецъ. Сегодня, въ 9 ч. 10 м. утра, нами получена радіотелеграмма, которая вызываетъ сомнѣнія въ своей подлинности. Передаю Вамъ копію этой телеграммы и прошу, по приказанію Коменданта крѣпости, доложить ее Подвойскому, давъ намъ по ней исчерпывающія указанія.

Имѣйте въ виду, что вѣроятно такая же радіограмма получена на всѣхъ постахъ службы связи и корабляхъ, почему, въ случаѣ ея провокаціонности, она можетъ вызвать нежелательныя послѣдствія, если не будетъ очень быстро и категорически опровергнута.

(Передаетъ принятый текстъ радіотелеграммы).

. . . .

Имѣете ли какія либо свѣдѣнія изъ Рѣжицы? Съ Псковскаго фронта? Что у нихъ новаго?

Баландинъ. Изъ Рѣжицы ничего не имѣемъ. Изъ Пскова послѣднія свѣдѣнія были вчера вечеромъ съ указаніемъ о занятіи нѣмцами Двинска и обнаружившагося наступленія мелкихъ передовыхъ частей въ районѣ Аллажъ-Лембургъ.

Левенецъ. Сейчасъ говорилъ съ Штабомъ Сѣвернаго Фронта съ просьбой подтвердить или опровергнуть полученную радіограмму, причемъ мнѣ никакихъ новыхъ свѣдѣній сообщено не было.

Баландинъ. Крыленко выѣхалъ изъ дому, черезъ 20 минутъ онъ будетъ у аппарата. Если можете, подождите, а не то я могу Вамъ передать по его порученію, и то, что Вамъ нужно, черезъ Бодо, ибо этотъ аппаратъ прямого провода намъ будетъ нуженъ для разговоровъ съ Минскомъ и Ставкой.

Левенецъ. Я въ штабѣ крѣпости все время и только прошу, если понадобится опровергнуть радіотелеграмму, то сдѣлать это не въ видѣ разговора, а оффиціальнымъ приказомъ.

Выясненіе подлинности этой радіограммы было тѣмъ болѣе необходимо, что всѣ организаціи, лишь только узнали о существованіи радіо о согласіи Совнаркома подписать миръ на прежнихъ условіяхъ, какъ сейчасъ же начали препятствовать вывозу имущества, а солдаты опять стали усиленно требовать скорѣйшей демобилизаціи и увода въ тылъ. Между тѣмъ, самый южный постъ службы связи на берегу Рижскаго залива, Сусикасъ донесъ, что нѣмцы перешли въ наступленіе, а вечеромъ, изъ послѣдующаго донесенія, выяснилось, что въ 20 верстахъ отъ мѣстечка Пернигель, появился германскій разъѣздъ изъ 12 человѣкъ, оставшійся ночевать въ ближайшей деревнѣ и гордо заявившій крестьянамъ, что на слѣдующее утро будетъ продолжать наступленіе.

По разсказамъ жителей, прибывшіе нѣмцы будто бы отправляли молодыхъ парней въ Германію . . .

Въ связи съ этимъ, и учитывая создавшуюся обстановку, Начальникъ Службы Связи Балтійскаго Моря приказалъ постамъ Рижскаго залива стягиваться къ Пернову, а затѣмъ уходить въ г. Ревель.

Посты Службы Связи Вердеръ и Уйзекюль донесли о появленіи германскихъ войскъ, шедшихъ съ острова Моонъ (по льду) на материкъ, и о своемъ отходѣ къ Леалю.

Вечеромъ Начальникъ Вердерскаго Отдѣленія службы связи, Подпоручикъ Мурніэкъ донесъ (изъ Леаля), телефонограммой No. 145, нижеслѣдующее: «Вердеръ и близъ лежащія деревни заняты непріятелемъ, также, сегодня утромъ, непріятель занялъ постъ Уйза и медленно движется къ Леалю. Вечеромъ или ночью можно ожидать въ Леалѣ» . . . Къ оффиціальной телефонограммѣ онъ добавилъ, что команда отказалась остаться съ нимъ

и ушла на станцію Ристи, а самъ онъ будетъ сообщать о движеніи непріятеля до послѣдней возможности.

Радіостанціямъ въ г. Гапсалѣ и Шпитхамнъ было приказано эвакуироваться въ Ревель, что было немедленно исполнено личнымъ составомъ, все время порывавшимся поскорѣе уѣхать.

Одинъ дивизіонъ подводныхъ лодокъ, подъ проводкой ледокола «Волынецъ» вышелъ въ Гельсингфорсъ, куда должны были перейти всѣ зимовавшіе въ Ревелѣ военные корабли, транспорты, буксиры и т. п.

Сводка о противникѣ къ 12 часамъ 19 Февраля рисовала такую картину.

Согласно донесенія Начальника 109 пѣх. дивизіи вчера, 18 Февраля, утромъ, на участкѣ Череповецкаго полка (Псковское шоссе) приходилъ германскій парламентеръ, объявившій, что съ 12 часовъ 18 Февраля перемиріе заканчивается и вновь начинаются военныя дѣйствія; — этотъ же лейтенантъ заявилъ, что приказанія о наступленіи нѣмцы пока не имѣютъ и добавилъ, что если русскіе, при ихъ наступленіи, огня открывать не будутъ, то и они не будутъ открывать огня.

Согласно донесенія Командира 13-го особаго полка, отъ 18 Февраля, въ районѣ мызы Лембургъ нѣмцы въ нейтральной зонѣ усиленно починяютъ мосты.

Командиръ 14-го особаго полка сообщаетъ, что лѣвѣе его нѣтъ никакихъ частей 21-го корпуса.

Работы по возобновленію нѣмцами желѣзной дороги къ станціи Зегевольдъ продолжаются *.

Около 11 ч. 30 м. утра у станціи Лигатъ появился германскій разъѣздъ изъ восьми человѣкъ, который, замѣтивъ нашъ постъ, скрылся.

Начальникъ штаба 109 пѣх. дивизіи донесъ, что къ 13 часамъ (къ часу дня) на станціи Лигатъ, отъ всей дивизіи остались: Командиры 433 и 434 полковъ, ихъ адъютанты, по два телефониста и шесть развѣдчиковъ.

Въ 13 ч. 30 м. (1 ч. 30 м. дня), послѣ короткаго обстрѣла станціи артиллеріей, нѣмецкій разъѣздъ, человѣкъ въ 12, заѣхалъ на станцію Лигатъ. Штабамъ полковъ удалось отступить къ штабу дивизіи, въ поселокъ Лигатъ, послѣ чего штабъ дивизіи, вмѣстѣ со штабами полковъ, отошелъ на Венденъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ мѣстечко Смильтенъ. Паровозъ и два вагона съ взрывчатыми веществами, прибывшіе для взрыва желѣзной дороги, по имѣющимся свѣдѣніямъ, остались у нѣмцевъ, и путь взорвать не удалось.**

Развѣдывательная сводка штаба XII арміи къ 14 часамъ (къ 2 ч. дня) сообщала, что южнѣе мызы Паббажъ нѣмцы исправили мостъ черезъ рѣку Инцупъ; — кромѣ того, на побережьи обнаружена германская часть съ цыфрой 149 на погонахъ . . .

Воздушной развѣдки опять не было.***

Хотя отовсюду поступали донесенія о наступленіи противника, организаціи все еще этому не вѣрили, или же придавали слишкомъ мало значенія, ибо, передъ лицомъ врага, все еще занимались различными опытами въ переустройствѣ власти, задумавъ единоличную волю Коменданта крѣпости замѣнить болѣе излюбленной коллегіальной системой управленія.

Въ вечернемъ засѣданіи исполнительныхъ комитетовъ Краевого совѣта Эстляндіи и Ревельскаго совдепа (19 Февраля) было рѣшено создать коллегію для управленія Ревельскимъ Укрѣпленнымъ Райономъ изъ представителей слѣдующихъ организацій отъ:

1. военной секціи совдепа,
2. исполнительнаго комитета Краевого совѣта,
3. штаба красной арміи,
4. флотскихъ частей.

---

* Телеграмма No. 0412 Валкъ 19 Февраля подп. Генкварм 12 Лаурицъ и Комиссаръ Тракманъ.

** Телеграмма No. 0423 Валкъ 20 Февраля 1 ч. 36 м. Генкварм 12 Лаурицъ.

*** Телеграмма No. 66/р. Генкварм 12 Лаурицъ Комиссаръ Бриссисъ.

Представители отъ первыхъ трехъ организацій входили въ количествѣ двухъ человѣкъ отъ каждой, а отъ всѣхъ флотскихъ частей имѣлось четыре человѣка.

Къ коллегіи этой должны были перейти всѣ функціи штаба крѣпости, вопросъ же о Комендантѣ и дальнѣйшемъ существованіи штаба рѣшено было предоставить на усмотрѣніе самой коллегіи.

Въ оффиціальномъ органѣ «Извѣстія Ревельскаго Совѣта Рабочихъ и Воинскихъ Депутатовъ» была напечатана такая замѣтка:

«Въ городѣ распространяются слухи о якобы уже происшедшемъ занятіи нѣмцами г. Гапсаля и изданіи постановленія объ эвакуаціи Эстляндіи въ четырехдневный срокъ. Мы уполномочены категорически заявить, что всѣ эти слухи ни на чемъ не основаны и распространяются злонамѣренными людьми съ явно провокаціонной цѣлью.

Населеніе приглашается спокойно относиться ко всѣмъ этимъ слухамъ и довѣрять только оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Изъ военнаго, хорошо освѣдомленнаго источника намъ сообщаютъ, что никакихъ скопленій въ нѣмецкомъ расположеніи войскъ на островахъ Моонъ, Эзель и Даго до самаго послѣдняго времени не обнаружено и нѣтъ основаній разсчитывать на возможность нѣмецкаго наступленія на Ревель.»

Въ тотъ же день вечеромъ Исполнительный Комитетъ Ревельскаго Совдепа отправилъ на имя Совѣта Народныхъ Комиссаровъ бодрящую телеграмму, которая, на самомъ дѣлѣ, кореннымъ образомъ расходилась съ дѣйствительностью, совершенно не отвѣчая создавшемуся настроенію какъ солдатъ, матросовъ и рабочихъ, такъ и деревенскихъ жителей:

«Правительство Россійской Совѣтской Республики отказалось дать подпись, которая нужна была имперіалистамъ для народныхъ массъ центральныхъ государствъ, какъ доказательство, что великая россійская пролетарская революція санкціонируетъ насильственное присоединеніе чужихъ земель и одобряетъ домогательства германскихъ юнкеровъ и капиталистовъ. Исполнительный комитетъ Эстляндскаго совѣта привѣтствуетъ мирную политику правительства Россійской Федеративной Республики, испытавшаго всѣ средства, чтобы положить конецъ безсмысленному уничтоженію человѣческихъ жизней и культурныхъ благъ. Но, въ то-же время, Исполнительный Комитетъ заявляетъ отъ имени подавляющаго большинства эстонскаго народа, что трудящіеся Эстляндіи не останутся безучастными, если германскіе имперіалисты сдѣлаютъ попытку окупировать Эстляндію.

Эстонскіе рабочіе и эстонскіе батраки не желаютъ воевать съ германскимъ и австрійскимъ народами, но если правительства центральныхъ государствъ намѣрены насиловать волю трудящагося народа свободной Эстляндіи, наши рабочіе и батраки не сдадутся на милость Вильгельма и Гинденбурга. Всѣ трудящіеся Эстляндіи вооружены.

Въ каждой деревнѣ, въ каждой мызѣ, организовывается красная гвардія. Если германскіе юнкера и прочіе хищники вступятъ въ Эстляндскую рабочую коммуну, они найдутъ за каждымъ кустомъ, за каждымъ холмомъ вооруженныхъ рабочихъ, батраковъ, безземельныхъ крестьянъ, защищающихъ не интересы наемниковъ-капиталистовъ, а готовыхъ положить свою жизнь за истинную свободу, равенство и братство трудящихся. Мы протягиваемъ братскую руку каждому нѣмецкому и австрійскому солдату, который повернетъ свой штыкъ противъ собственныхъ тирановъ и угнетателей, но будемъ безпощадны ко всѣмъ слугамъ имперіализма. Мы арестовали эстонскихъ бароновъ, просившихъ Вильгельма окупировать Эстляндію, и держимъ ихъ въ концентраціонномъ лагерѣ заложниками.

Пусть узнаютъ враги свободной, автономной Эстляндіи, что всѣхъ нашихъ противниковъ, посягающихъ на завоеванія революціи, откуда бы они ни были, ожидаетъ болѣе грозная участь.

У насъ нѣтъ милліонной арміи и сотенъ тысячъ орудій, но эстонскій рабочій, батракъ имѣетъ мужество и отвагу революціоннаго пролетарія. Если мы не можемъ давать нашимъ

врагамъ бои въ открытомъ полѣ, то мы поведемъ партизанскую войну противъ германскихъ юнкеровъ, капиталистовъ и имперіалистовъ.

Пусть мы погибнемъ, подобно нашимъ предкамъ, ведшимъ такую же войну противъ германскихъ рыцарей 700 лѣтъ тому назадъ, но пусть не обманываетъ Вильгельмъ своихъ солдатъ и рабочихъ, что якобы эстонскій народъ жаждетъ окупаціи Эстляндіи.

Да здравствуетъ Россійская Совѣтская Республика!

Да здравствуетъ свободная автономная Эстляндія!

Да здравствуетъ революціонная германская армія!»

Полковые комитеты, прося о скорѣйшей демобилизаціи, докладывали Коменданту крѣпости, что крестьяне ближайшихъ къ мѣсту расположенія частей деревень настолько озлоблены противъ солдатъ, что съ наступленіемъ вечера послѣдніе не рѣшались выходить изъ казармъ изъ опасенія быть застрѣленными ими.

Городское населеніе тоже, видимо, ожидало прихода нѣмцевъ какъ избавителей отъ засилья всяческихъ совѣтовъ и комитетовъ и вовсе не предполагало оказывать германскимъ войскамъ какого либо сопротивленія.

Въ 18 ч. 30 м. (6 ч. 30 м.. вечера) изъ Исполнительнаго комитета Краевого совѣта, въ Штабѣ крѣпости, былъ полученъ слѣдующій приказъ, переданный телефонограммой № 124 и на слѣдующій день отпечатанный въ оффиціозѣ.

«Всѣмъ войсковымъ частямъ Ревельскаго Укрѣпленнаго Района, Строительству Крѣпости и Порту.

Для согласованія дѣйствій всѣхъ войсковыхъ частей и учрежденій, предписывается не уничтожать никакого имущества, складовъ или запасовъ, не взрывать никакихъ погребовъ, безъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ распоряженій мѣстнаго или Краевого Исполнительныхъ комитетовъ совѣтовъ рабочихъ и воинскихъ депутатовъ.

Все, что необходимо уничтожить или взрывать, передъ возможнымъ наступленіемъ Германіи (если таковое начнется), будетъ своевременно уничтожено Исполнительными комитетами.

Исполнительный комитетъ Ревельскаго совѣта рабочихъ и воинскихъ депутатовъ.

Исполнительный комитетъ Эстляндскаго рабочаго и воинскаго совѣта.

Мѣстный флотскій комитетъ.

Военный отдѣлъ Ревельскаго Укрѣпленнаго Района.»

Этотъ приказъ окончательно связалъ руки Коменданту крѣпости и всему командному составу, послуживъ одной изъ главныхъ причинъ, приведшей къ сдачѣ германцамъ, въ полной сохранности, всего многочисленнаго имущества и матеріальной части крѣпости и Порта Императора Петра Великаго.

Вечеромъ, въ Штабѣ крѣпости, подъ предсѣдательствомъ Коменданта, состоялось совѣщаніе командного состава, при участіи представителей организацій, для обсужденія вопросовъ по эвакуаціи. На этомъ засѣданіи Командиръ Порта, Инженеръ-Полковникъ Яронъ, указалъ, какія сооруженія необходимо уничтожить, именно: плавучіе доки, эллинги судостроительныхъ заводовъ, плавучіе краны и другія цѣнныя портовыя сооруженія, на что нѣкоторые «товарищи» усиленно протестовали, говоря, что все это пригодится для мирныхъ цѣлей. Когда «товарищамъ» было указано, что всѣми этими сооруженіями воспользуются нѣмцы, «товарищи» продолжали стоять на своемъ, увѣряя, что движеніе германскихъ войскъ на Ревель еще никѣмъ не доказано, а потому подлежитъ сомнѣнію.

Среди засѣданія, въ 7 часовъ вечера, Комендантъ былъ вызванъ къ аппарату Юза секретаремъ народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ и между ними произошелъ такой разговоръ.

Баландинъ. (Петроградъ) Передаю, по приказанію Верховнаго Главнокомандующаго Народнаго Комиссара, слѣдующее;

Немедленно, сегодня же, примите самыя энергичныя мѣры для вывоза изъ Ревеля всего цѣннаго вооруженія, продовольствія, металловъ и прочаго.

Отправляйте въ Гельсингфорсъ и Петроградъ, причемъ съ отходящими завтра, т. е. 20 Февраля н. с., военными крейсерами и транспортами отправьте въ Гельсингфорсъ максимумъ продовольствія, оружія и всего цѣннаго. Въ то-же время, весь подвижной составъ: паровозы и прочее отправляйте на Петроградъ, а часть продовольствія на Нарвскія позиціи, по соглашенію съ Управленіемъ Сѣвернаго Фронта, однимъ словомъ, принять всѣ мѣры для того, чтобы возможно больше цѣннаго и важнаго вывезти изъ Ревеля.

Изместьевъ. Въ исполненіи этого приказанія я нахожусь въ зависимости отъ мѣстнаго краевого совѣта, который, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, не предполагаетъ выпустить изъ Ревеля продовольствія, т. к. городъ, съ половины Января, живетъ той мукой, которую получаетъ изъ Интендантства. Что касается цѣннаго имущества, то погрузка его началась, но идетъ крайне медленно, т. к. нѣкоторые воинскіе чины отказываются отъ погрузки, а вольнонаемный трудъ тоже не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ, вслѣдствіе малой продуктивности работы, несмотря на высокую плату.

Мнѣ безусловно необходимо знать политическую обстановку, т. е. послано ли совѣтомъ народныхъ комиссаровъ радіо съ согласіемъ на заключеніе мира на Брестскихъ условіяхъ, т. к. это радіо извѣстно войскамъ, которыя, съ нетерпѣніемъ ждутъ моего извѣщенія, а потому возможны всякіе нежелательные эксцессы.

Сейчасъ ждетъ меня делегація отъ остатковъ Арзамасскаго полка и Балтійскаго Порта, которая требуетъ немедленной отправки ихъ въ Россію.

Мѣстный краевой совѣтъ постановилъ и разослалъ по всѣмъ войскамъ, что безъ его разрѣшенія никакое уничтоженіе имущества не слѣдуетъ производить; въ силу этого я не могу считать себя отвѣтственнымъ за выполненіе того приказанія, которое мнѣ вчера отдалъ Главковерхъ . . .

Сейчасъ, со мною вмѣстѣ, у аппарата стоитъ Начальникъ Береговой Обороны Финскаго Залива, который требуетъ категорическаго приказанія, что ему дѣлать съ береговыми батареями? . .

Отправить подвижной составъ и паровозы на Петроградъ, не вывозя войскъ и управленій, невозможно т. к. меня обвинятъ въ томъ, что я умышленно поставилъ всѣхъ въ такое положеніе, при которомъ всѣ будутъ взяты въ плѣнъ при наступленіи германцевъ.

Я категорически заявляю, что при полной неизвѣстности политической обстановки долгъ мой, какъ солдата и гражданина, не позволяетъ исполнить этого.

Чѣмъ я буду кормить оставшуюся часть войскъ?

Если это будетъ возможно, часть продовольствія отправлю въ Гельсингфорсъ, а часть въ Нарву. Я прошу Васъ, товарищъ Баландинъ, указаній опредѣленныхъ и согласованныхъ съ обстановкой, въ которой находится Ревель. Я дѣлаю все, что возможно и думаю, что спѣшная, въ теченіе ночи, отправка имущества не удастся по отсутствію рабочихъ рукъ и создастъ такую панику, при которой и организованная эвакуація невозможна. Я вновь прошу разъясненія политической обстановки, при которой масса, теряющая вѣру, можетъ окончательно озлобиться и можетъ наступить полная анархія.

Я Вамъ говорю то, что есть, и мои слова слышатъ члены флотскаго и армейскаго комитетовъ.

Если я не гожусь для выполненія отданнаго мнѣ приказанія, то я прошу немедленнаго моего освобожденія отъ должности и передать управленіе крѣпостью въ чужія руки.

Не принимайте это за какой либо саботажъ; я давно подлежу къ увольненію въ отставку за потерею здоровья, но долгъ передъ Родиной заставляетъ меня оставаться, до послѣдней возможности, на своемъ посту. Организаціи видятъ мою работу. Я кончилъ и прошу категорическаго отвѣта.

Баландинъ. Въ данный моментъ я не могу Васъ ознакомить съ точной политической обстановкой. Этотъ вопросъ сейчасъ рѣшился въ Смольномъ, но я еще съ нимъ не знакомъ.

Относительно разосланной радіограммы скажу, что дѣйствительно такая радіотелеграмма подана, но, что изъ этого послѣдуетъ, повторяю, мнѣ еще неизвѣстно.

Принимая во вниманіе мѣстную обстановку, Вы все же примите мѣры для исполненія даннаго Вамъ приказа, и объ этомъ поставьте сейчасъ же въ извѣстность предсѣдателя краевого совѣта товарища Анвельтъ. Всѣ Ваши объясненія, сейчасъ же, передамъ товарищу Подвойскому и Главковерху, а послѣдующій отвѣтъ постараюсь передать въ самомъ непродолжительномъ времени.

Изместьевъ. Я попросилъ бы — съ окончательными указаніями. Попросите подойти къ аппарату товарища Подвойскаго или Главковерха.

Баландинъ. Хорошо. Постараюсь . . .

Комендантъ крѣпости вернулся на засѣданіе, прочелъ собравшимся свой разговоръ, и, послѣ обмѣна мнѣній, совѣщаніемъ было принято слѣдующее рѣшеніе.

1. Приказъ этотъ въ полномъ своемъ объемѣ не выполнимъ.

2. Признано необходимымъ немедленно подтвердить приказъ о готовности крейсеровъ къ походу . . .

Въ 11 ч. 45 м. вечера совѣщаніе вновь было прервано, т. к. Коменданта опять вызывалъ къ аппарату секретарь Подвойскаго . . .

Баландинъ. Я только что переговорилъ съ Главковерхомъ Крыленко и, по его распоряженію, передаю слѣдующее.

1. Радіотелеграмма послана Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ.

2. Въ Германію посланъ курьеръ съ предложеніемъ мира; о результатахъ Вы своевременно будете извѣщены, а пока, независимо отъ всего этого, слѣдуетъ, самымъ энергичнѣйшимъ путемъ, проводить въ жизнь ранѣе переданные Вамъ приказы.

Краевой совѣтъ, въ интересахъ революціи, не имѣетъ права вмѣшиваться въ вопросы общей стратегіи; за неприведеніе въ исполненіе приказовъ Вы будете отвѣтственны . . .

Въ отношеніи береговой обороны должны быть приняты соотвѣтствующія мѣры на случай прихода нѣмцевъ . . .

Относительно продовольствія поступите какъ Вамъ указано раньше. Все . . .

Изместьевъ. Я долженъ Вамъ сказать слѣдующее.

1. При первомъ разговорѣ съ Вами, Вы передали приказаніе Главковерха о самой срочной, немедленной эвакуаціи всего цѣннаго и объ уводѣ всего подвижного состава и паровозовъ на Петроградъ.

Я прошу опредѣленіе срока, которымъ я располагаю, т. к. само собою разумѣется, немедленная эвакуація всего дѣла совершенно не выполнима, ибо суда не могутъ поднять орудій, а, для вывоза сухимъ путемъ, мнѣ нужно не менѣе 700 платформъ и 1500 вагоновъ, да и то это число подниметъ незначительную часть цѣннаго имущества.

2. Относительно продовольствія я вторично заявляю, что обрекать населеніе на голодовку я не имѣю никакого нравственнаго права. — Населеніе Эстляндіи слишкомъ много дало своего продовольствія и скота русскимъ войскамъ, чтобы, въ критическій моментъ, я, русскій солдатъ, не протянулъ братскую руку эстонцамъ.

Конечно, часть будетъ вывезена, но часть будетъ оставлена въ распоряженіе продовольственной управы . . .

Что касается возлагаемой исключительно на меня отвѣтственности, то товарищу Крыленко должно быть извѣстно, что власть на мѣстахъ принадлежитъ организаціямъ, а я, какъ Комендантъ, въ сущности не существующей крѣпости, являюсь ни больше, ни меньше, какъ техническимъ работникомъ и не имѣю правъ.

Въ такую грозную минуту, которую мы теперь переживаемъ, я не могу всецѣло нести отвѣтственность, а такъ какъ всѣ вопросы рѣшаются совмѣстно съ организаціями, то отвѣтственность должна быть общая и отвѣчать за неисполненіе всѣхъ распоряженій Главковерха исключительно мнѣ, считаю невозможнымъ.

3. Въ настоящее время въ Краевомъ совѣтѣ и Совдепѣ рѣшается вопросъ объ учрежденіи Военнаго Отдѣла, который будетъ работать съ техническими работниками. Завтра крейсера выступятъ. Что касается подвижного состава, то имъ будемъ пользоваться для эвакуаціи какъ имущества, такъ и личнаго состава . . .

Сейчасъ получены свѣдѣнія, что изъ Гапсальскаго района остатки 45-й пѣх. дивизіи захватили пассажирскій поѣздъ и подъѣзжаютъ къ Ревелю, а изъ Балтійскаго Порта пріѣхала въ Ревель, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Петроградъ, команда Балтійско-Портскихъ приморскихъ батарей, не получивъ на это никакихъ распоряженій . . .

Съ постовъ службы связи передаютъ, что на Вердерѣ и Куивастѣ производится усиленная сигнализація ракетами. Сигнальный постъ Вердеръ отходитъ, также и постъ Уйза; — съ берега Матцальскаго залива сообщеній нѣтъ. Я хотѣлъ бы знать, нуженъ ли завтра срочный отходъ крейсеровъ въ Гельсингфорсъ? . .

Баландинъ. Въ отношеніи опредѣленія срока, изъ Питера Вамъ сказать трудно, ибо Вы должны использовать всѣ средства для скорѣйшей эвакуаціи. Въ отношеніи продовольствія никто не думаетъ оставить Эстляндію голодной, но, какъ мѣра предосторожности, пока, сразу же, необходимо вывезти продовольствіе, а потомъ, по выясненіи положенія, вернуть обратно. Въ отношеніи Вашей отвѣтственности передаю — что мнѣ приказано. Въ отношеніи отхода крейсеровъ, видимо, вопросъ рѣшенный, ибо мнѣ опредѣленно сказали, что крейсера завтра выходятъ. Сообщить больше ничего не могу . . .

Изместьевъ. Хорошо. По мѣрѣ силъ и возможности буду продолжать энергичную эвакуацію, а, такъ какъ мнѣ срокъ не указывается, то ставлю его въ зависимость отъ того разстоянія, которое отдѣляетъ меня отъ нѣмцевъ, какъ на фронтѣ района, такъ и на фронтѣ XII-й арміи, гдѣ сегодня, какъ вѣроятно Вамъ извѣстно, нѣмцами занята станція Лигатъ, и 109 пѣх. дивизія, стоявшая тамъ, отошла назадъ. Этими разстояніями я и буду руководствоваться и, въ виду этого, до 21 числа включительно, уже намѣчено имущество къ вывозу и сдѣланъ нарядъ вагоновъ, а завтра будутъ даны наряды на слѣдующіе дни.

Все это предусмотрѣно и разработано, имѣя въ виду, что главный залогъ успѣха заключается въ спокойномъ проведеніи всего въ жизнь; — вотъ все, что я могу сказать.

Обсудивъ содержаніе второго разговора, совѣщаніе пришло къ слѣдующему постановленію.

1. Продолжать планомѣрную, энергичную эвакуацію всего цѣннаго имущества, руководствуясь ранѣе выработаннымъ планомъ и опредѣляя срокъ эвакуаціи разстояніемъ, отдѣляющимъ насъ отъ противника.

2. Выводъ морскихъ силъ изъ Ревеля произвести согласно указаній военнаго отдѣла центральнаго комитета Балтійскаго Флота, а именно: выводить въ первую голову подводныя лодки и остальныя вспомогательныя суда. Крейсерамъ оставаться до послѣдней возможности. Транспорта, по мѣрѣ ихъ нагрузки, отправлять въ Гельсингфорсъ.

3. Команды приморскихъ батарей, а равно рабочихъ и техническій персоналъ острововъ эвакуировать въ той постепенности, которую позволяетъ наличіе плавучихъ средствъ. На батареяхъ оставить достаточные комплекты командъ для ихъ охраны и для уничтоженія, въ случаѣ необходимости.

4. По окончаніи эвакуаціи изъ Порта всѣхъ плавучихъ средствъ, оставшіяся не выведенными плавучія средства приготовить къ затопленію (если будетъ необходимость въ загражденіи входа въ гавань).

5. Приготовить средства для уничтоженія, въ случаѣ надобности, портовыхъ сооруженій, имѣющихъ военный характеръ, а также стапелей на судостроительныхъ заводахъ.

6. Имущество Строительства крѣпости, съ острововъ Нагренъ и Вульфъ, въ виду полной невозможности, не вывозить.

7. На транспортахъ вывезти въ Гельсингфорсъ часть интендантскаго имущества и продовольствія.

8. Одновременно съ вывозомъ цѣннаго имущества сухопутнаго Фронта, согласно уже выработанной программы, вывозить и оставшіяся небоеспособныя отдѣльныя части войскъ.

9. Опредѣленіе момента для производства взрывовъ и уничтоженія имущества будетъ сдѣлано новымъ совмѣстнымъ обсужденіемъ всѣми членами настоящаго совѣщанія.

10. Командиру Порта и Строителю крѣпости срочно представить свѣдѣнія о количествѣ мастеровыхъ, служащихъ и ихъ семействъ, желающихъ получить мѣсто въ эшелонахъ для вывоза ихъ изъ Ревеля.

Подлинное подписали:

Предсѣдатель совѣщанія, Комендантъ крѣпости, Генералъ Майоръ Генеральнаго Штаба Изместьевъ.

Начальникъ Обороны Финскаго Залива Капитанъ 1-го ранга Жерве.

Начальникъ Дивизіи Подв. Лодокъ Балт. Моря Капитанъ 2-го ранга Лудкинъ.

Командиръ Порта Имп. Пет. Великаго Инжен. Полковникъ Яронъ.

Начальникъ Штаба Обороны финскаго Залива Капитанъ 2-го ранга Филатовъ.

Начальникъ Инженеровъ крѣпости Инженеръ Полковникъ Маресевъ.

Помощникъ строителя крѣпости, по морскому отдѣлу, Воен. Инженеръ Унгерманъ.

Начальникъ 1-й Бригады крейсеровъ Капитанъ 1-го ранга Сполатбогъ.

Начальникъ Техничес. части Обороны Финс. залива Капитанъ 2-го ранга Александровъ.

Членъ военной секціи при центральномъ комитетѣ обороны Финск. залива матросъ Голубевъ.

Санитарный инспекторъ крѣпости Статскій Совѣтникъ Гейманъ.

Членъ военной секціи при центр. комитетѣ обороны Финскаго залива матросъ Жуковъ.

И. Д. Начальника Артиллеріи сухоп. Фронта Подполковникъ Ячинецъ.

Начальникъ Охраны воднаго района Морск. крѣп. Имп. Петра Великаго Капитанъ 1-го ранга Кирилинъ.

Предсѣдатель военной секціи Ревельскаго Совдепа, солдатъ желѣзнодорожнаго батальона, Засульскій.

Предсѣдатель военнаго отдѣла Ревельскаго Укрѣпленнаго Района Матросъ Марьевъ.

Дневникъ *

Барона А. Будберга

1918 годъ

5—9 Апрѣля. Вернулся въ Харбинъ; въ концѣ пути вновь почувствовалъ русскіе порядки въ видѣ невѣроятно грязнаго вагона. Здѣсь узналъ, что 5 Апрѣля японцы высадили во Владивостокѣ дессантъ, какъ отвѣтъ на ограбленіе конторы Исида и убійство трехъ японцевъ; японцамъ очень везетъ на такіе подходящіе случаи. За японцами высадили дессантъ американцы и англичане.

Прибывшіе изъ Благовѣщенска бѣженцы дѣлали сообщеніе о бывшемъ тамъ погромѣ буржуазіи; погибло до 1500 человѣкъ офицеровъ, служащихъ и комерсантовъ; хулиганамъ помогла, какъ всегда, полная неорганизованность и растерянность обывателей; вѣдь одни молокане, будь они только сорганизованы, могли раздавить всю мѣстную красноту.

10 Апрѣля. По словамъ мѣстныхъ старожиловъ, Харбинъ очень напоминаетъ то, что было здѣсь въ 1904—1905 годахъ; деньги льются рѣкой, кабаки и шантаны переполнены; цѣны на все поднимаются, такъ какъ наѣхало много состоятельныхъ лицъ изъ Иркутска, Читы и Благовѣщенска, а кромѣ того прибыло много иностранцевъ, живущихъ на валюту и не стѣсняющихся въ расходахъ; намъ приходится уходить съ квартиры, за которую братъ жены платилъ 80 руб. въ мѣсяцъ, а прибывшій изъ Иркутска богачъ — еврей далъ хозяину сразу 600 руб. въ мѣсяцъ и плату за годъ впередъ.

11 Апрѣля. Опять погрузился въ Харбинскія впечатлѣнія и разсказы; каша, ерунда и безобразіе здѣсь. Сформировавшіеся здѣсь, подъ негласнымъ покровительствомъ и на денежныя субсидии Хорвата отряды спасителей родины подъ фирмами Семенова и Орлова, по моему мнѣнію, самыя анархическія организаціи, такъ какъ для нихъ не существуетъ никакихъ законовъ и слушаются они только тѣхъ, кто даетъ имъ деньги, и до тѣхъ поръ, пока даетъ и пока имѣетъ возможность такъ или иначе наступить имъ на хвостъ; послѣдніе случаи очень рѣдки, такъ какъ ни власти, ни силы у дающихъ нѣтъ и условное повиновеніе пріобрѣтается только подачками и уступками.

По внѣшности власть какъ-будто бы принадлежитъ Хорвату, но тотъ совершенно заблудился въ разныхъ комбинаціяхъ и компромиссахъ, вплоть до желанія — весьма реакціонныя желанія осуществить и демократическій капиталъ-невинность сохранить.

Онъ продолжаетъ свою дряблую, компромиссную политику, стараясь всѣхъ примирить и все уладить безъ угловъ, обостреній и взрывовъ при помощи уговоровъ, убѣжденій и прочихъ словесныхъ тонкостей.

Но то, что было очень подходяще въ сложныхъ отношеніяхъ съ Китайцами, съ Приамурскимъ начальствомъ и съ Петербургскимъ Правленіемъ, никуда не годится при современномъ положеніи; получается какое-то микроскопическое и столь же ничтожное повтореніе Кереніады, только по другому меридіану. Организаціи распустились, при-

* Продолженіе. См. Архивъ Рус. Рев. т. XII.

знаютъ только право силы и очень хотятъ сами стать этой силой и поступать такъ, какъ имъ пріятно и выгодно; первымъ дѣломъ всѣмъ хочется господствовать надъ Харбиномъ и надъ самимъ Хорватомъ, долженствующимъ быть только курицей, несущей имъ золотыя яйца.

А при характерѣ и рѣшительности Хорватъ могъ стать дѣйствительной властью и скоро привести все здѣсь въ порядокъ, но «рожденъ кто ползать — летать не можетъ..»

Уходить изъ Харбина никто не хочетъ и не собирается, предпочитая ничего не дѣлать и весело жить. Семенова всячески поддерживаютъ японцы и французы, или вѣрнѣе, ихъ мѣстные представители капитаны Куроки и Пелліо; попавъ въ такихъ чинахъ въ вершители мѣстныхъ судебъ и въ своего рода американскіе, богатые всякими возможностями дядюшки, эти иностранцы, умѣло угощаемые и умѣло чествуемые, видятъ только внѣшній порядокъ, козырянье и внѣшнюю дисциплину, и не способны разобраться въ духовной, идейной сторонѣ всего происходящаго. Внутренней гнили они не видятъ, или не хотятъ видѣть, и не въ состояніи трезво, спокойно, проникновенно заглянуть въ русское будущее.

Для возглавленія всѣхъ отрядовъ сюда выписали Плѣшкова, но ничего путнаго отъ этого не получилось; была одна дряблая безхарактерность, а теперь стало ихъ двѣ, схожія еще и въ томъ, что у обоихъ экстерьеръ великолѣпный и внушительный, и что оба въ обхожденіи милы, обворожительны.

Не слушали Хорвата; также не слушаютъ и Плѣшкова и ихъ обоихъ вмѣстѣ, совсѣмъ то же, что на фронтѣ, только что не дерутся и не убиваютъ. Вчера организація Полковника Орлова арестовала подполковниковъ Никитина и Сулавко; Хорватъ и Плѣшковъ приказали ихъ освободить, а Орловъ и его банда приказа не слушаютъ — совсѣмъ большевики sauce royale. Развѣ при такой закваскѣ возможны какія-нибудь прочныя и благодѣтельныя послѣдствія. Внутренняя дисциплина всегда была у насъ не особенно крѣпка и сохранялась только въ видѣ esprit du corps въ лучшихъ частяхъ нашей арміи; революція же съ ея экспериментами разсосала послѣдніе остатки этого драгоцѣннаго качества . . . и въ этомъ то весь ужасъ нашего положенія; нужны рѣшительныя крѣпительныя средства, а ихъ нѣтъ. Семеновцы бросили Даурскій фронтъ и отошли на ст. Маньчжурію; офицеры, ушедшіе изъ Семеновскаго отряда по невозможности мириться съ происходящими тамъ безобразіями, разсказываютъ, что, стоя на Дауріи, чины отряда пьянствовали, охраненія и развѣдки не было; когда услыхали, что большевики обходятъ ихъ съ юга, то удрали, бросивъ цѣлый поѣздъ съ запасами продовольствія и снаряженія.

Плѣшковъ по своей безхарактерности и любви къ раздачѣ наградъ началъ награждать георгіевскими крестами «отличившихся»; какая великая профанація великой воинской награды, примѣненіе которой во внутренней гражданской войнѣ должно быть признано абсолютно недопустимымъ; участіе въ ней великій и тяжелый крестъ, а награда только въ спасеніи Родины, въ побѣдѣ надъ ея краснымъ врагомъ и въ сознаніи свято исполненнаго долга.

Въ общемъ, однако, шило лѣзетъ изъ мѣшка и въ Харбинѣ начинаютъ разбирать какихъ безпокойныхъ утятъ высидѣла здѣсь Хорватовская курица; усидчивость спасителей по части кабаковъ, швырянье денегъ, скандалы заставляютъ задумываться даже коммерсантовъ, подкармливавшихъ организаціи, на счетъ того, куда идутъ ихъ деньги и правильно ли они помѣщаютъ свой капиталъ.

Нельзя спорить противъ того, что офицерамъ надо помочь, надо дать средства существованія, но все это въ минимальномъ размѣрѣ; здѣсь же зеленой, неустойчивой и уже хватившей революціоннаго развала и хмѣля молодежи даютъ по 200 руб. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ; разсказываютъ даже, что во избѣжаніе скандаловъ, дежурные по отрядамъ офицеры получаютъ авансы, чтобы расплачиваться съ извозчиками, привозящими въ казармы господъ офицеровъ. Занятій въ отрядахъ нѣтъ, молодежь бѣсится, никто ее не сдерживаетъ, и развалъ неудержимо прогрессируетъ.

Многіе командиры сознаютъ это, но безсильны что либо сдѣлать; на замѣчаніе (не говоря уже о попыткѣ наложить взысканіе) получается обыкновенно докладъ подчиненнаго о переходѣ въ другую организацію.

Сейчасъ здѣсь на лицо слѣдующія власти: 1) Хорватъ, считающійся наслѣдникомъ всѣхъ русскихъ законныхъ властей по званію Главноначальствующаго въ полосѣ отчужденія В. К. желѣзной дороги; сейчасъ въ Харбинѣ идетъ тайная кампанія, чтобы выдвинуть Хорвата на постъ диктатора русскаго Дальняго Востока, причемъ увѣряютъ, что эта идея поддерживается японцами. Не все ли равно какая вывѣска будетъ на Хорватѣ; вѣдь онъ останется тѣмъ же безсильнымъ главноуговаривающимъ, неспособнымъ даже справиться съ образовавшимися здѣсь офицерскими организаціями, барахтающимся среди разныхъ компромиссовъ и танцующимъ какой-то чрезвычайно пестрый танецъ.

Говорятъ, что диктаторская махинація строится тѣми, кому выгодно вытолкнуть длиннобородаго харбинскаго Улисса на высоту власти, тѣсно къ ней примазаться и снять, сколько удастся, пѣнокъ.

2) Далѣе идетъ Дальневосточный комитетъ защиты Родины и Учредительнаго Собранія, какая то полуанонимная организація, сложившаяся изъ смѣси авантюристовъ, спекулянтовъ, перепуганныхъ коммерсантовъ и очень свойственныхъ Дальнему Востоку темныхъ дѣльцовъ и ловителей рыбки въ мутной водѣ; сначала эта организація очень гремѣла, но теперь киснетъ и обѣщаетъ скоро заглохнуть.

Въ громкомъ названіи подъ родиной надо понимать потерянные и угрожаемые капиталы, предпріятія и привилегіи; Учредительное Собраніе пристегнуто для демократичности и въ качествѣ фиговаго листа: большинство этихъ господъ желаетъ его, какъ чортъ ладана.

3) Имѣется начальникъ Россійскихъ войскъ полосы отчужденія добродушный и безобидный генералъ Плѣшковъ, безропотно несущій всѣ наряды по разнымъ представительнымъ случаямъ и блистающій тамъ свѣжестью, превосходнымъ настроеніемъ духа и цѣлымъ иконостасомъ всевозможныхъ орденовъ.

Его никто и ни въ чемъ не слушаетъ, но, судя по его настроенію, сіе мало его безпокоитъ; онъ вообще принадлежитъ къ разряду людей, не любящихъ безпокоиться. При немъ учрежденъ штабъ отдѣльнаго корпуса, съ большими штатами, но съ малымъ числомъ настоящихъ работниковъ.

4) Разные вольные атаманы Семеновъ, Орловъ, Калмыковъ, своего рода винегретъ изъ Стенекъ Разиныхъ двадцатаго столѣтія подъ бѣлымъ соусомъ; послѣреволюціонные прыщи Дальняго Востока; внутреннее содержаніе ихъ рабойничье, большевистское, съ тѣми же лозунгами: побольше свободы, денегъ и наслажденій; поменьше стѣсненій, работы и обязанностей. Мнѣ кажется, что большинство изъ нихъ лишь случайно не на красной сторонѣ: кому не пришлось по случайно сложившейся обстановкѣ, а кто по привычкѣ шарахнулся на свою оказавшуюся бѣлой сторону. У многихъ все это случилось, конечно, невольно и обвинять ихъ самихъ было бы даже несправедливо.

Среди этого многовластія, а въ сущности настоящей анархіи, идетъ общая грызня, ссоры, слѣжка за другими, сплетни, провокація и интриги.

Офицерская вольница беззаботно живетъ, ничего не дѣлаетъ, безконечно много хвастается, особенно по части разгрома большевиковъ и спасенія Россіи. Активъ же весь пока человѣкъ 700 у Семенова на ст. Маньчжурія, человѣкъ 400 у Орлова въ Харбинѣ и кучка у Калмыкова на ст. Пограничной; есть нѣсколько старыхъ японскихъ орудій системы Арисака. Съ этими силами нельзя дойти даже до Онона, такъ какъ не хватитъ чѣмъ обезпечить тылъ и желѣзную дорогу на сто верстъ назадъ; но это мало кого здѣсь тревожитъ, ибо никто въ наступленіе не собирается; достаточно шумѣть и отъ шума этого кормиться. Кому не охота «и безъ драки попасть въ большія забіяки». Глубоко жаль ту молодежь, которая въ большинствѣ бросилась въ эти организаціи совершенно искренно, завертѣлась въ этомъ омутѣ и обречена на сгноеніе.

Имѣется здѣсь еще какое то Сибирское Правительство, состоящее изъ нѣсколькихъ членовъ разогнанной Сибирской Областной Думы, считающее себя законной властью и очень охочее ею de facto сдѣлаться.

Единственной реальной, проявляющейся время отъ времени властью являются только китайцы, постепенно сбрасывающіе съ себя старыя путы и показывающіе иногда свои зубы.

Издалека надвигается вліяніе японское, пока еще торговое, но за которымъ уже виднѣются раскосыя лица японскихъ солдатъ.

Среди этихъ вліяній и призрачныхъ, и реальныхъ властей мечется разношерстная, больная нервами русская бѣженская толпа и варится въ какомъ-то котлѣ, гдѣ красными и черными вѣдьмами намѣшаны эгоизмъ, глупость, жадность, легковѣріе, безшабашный авантюризмъ, острая тоска по всему потерянному, съ примѣсью донкихотскаго благородства, искренняго порыва, вѣрности старымъ традиціямъ и готовности на подвигъ и жертву; но не велики эти благородныя примѣси и тонутъ онѣ въ массѣ низменныхъ похотей, густо разведенныхъ на людской подлости.

Немногочисленные, глубокосимпатичные Донъ Кихоты, которые искренно и самопожертвованно пытаются что-то сдѣлать, не замѣчаютъ, какъ безсильны ихъ потуги зажечь это эгоистическое, жадное и равнодушное море огнемъ ихъ высокихъ и благородныхъ лозунговъ. Сейчасъ пришло царство того, у кого глотка позычнѣе, кулакъ поувѣсистѣе, но зато совѣсть поменьше и всѣ задерживающіе центры поразсосались основательнѣе.

12 Апрѣля. Тяжело смотрѣть на все здѣсь происходящее; казалось бы, было уже достаточно времени для того, чтобы опомниться. Многоликое начальство испускаетъ самыя разнорѣчивыя приказанія; каждому хочется показать и доказать, что оно и есть самое настоящее. Въ населеніи весь пылъ радости отъ появленія спасителей испарился; многіе ударились въ крайность и нынѣ такъ-же яростно поносятъ, какъ раньше хвалили; раздѣлилися на многіе языки и усердно обливаютъ другъ друга помоями. Кричатъ о спасеніи родины и не въ состояніи хоть на время отказаться отъ привычки къ розни, сварѣ и взаимному заушенію.

13 Апрѣля. Вечеръ провелъ въ компаніи въ лицѣ трехъ бѣженскихъ полковниковъ, которые очень много говорили, жаждали мести, вторженія въ Россію и истребленія всѣхъ сѣрыхъ шинелей; бахвалились, что сами берутся уничтожать по нѣсколько десятковъ товарищей за пріемъ, «собственноручно пуская имъ пули въ животъ». Пока же сидятъ въ Харбинѣ, живутъ на-шармака, на фронтъ не собираются, а двое, по моему убѣжденію, никогда туда не поѣдутъ. Къ сожалѣнію, столь свирѣпыя угрозы краснымъ товарищамъ не страшны; печально только то, что такія глупыя и бахвальныя изліянія показываютъ чаянія и глубину пониманія уже не зеленой молодежи, а трехъ штабъ-офицеровъ, имѣющихъ за собой побольше десятка лѣтъ кадровой службы. Какое то помѣшательство на идеѣ реванша скораго и жестокаго, отожествляемое съ спасеніемъ Россіи. Такіе уроды не способны понять того, что стряслось съ Россіей въ прошломъ году; имъ не дано сообразить, что многаго уже не вернуть и что многое надо забыть.

Харбинъ начинаетъ наполняться тянущими съ запада Семеновцами; говорятъ, что у атамана изсякли всѣ деньги, и поэтому наиболѣе пронырливые ловкачи стараются заблаговременно поискать болѣе хлѣбныхъ организацій; сейчасъ вѣдь это просто — не понравилось въ одномъ отрядѣ — перекочевываютъ въ другой; появились даже особые антрепренеры по переманиванію при помощи разныхъ посуловъ; начинаетъ напоминать времена ландскнехтовъ, но только въ россійской раскраскѣ.

Гремѣвшіе здѣсь горе-генералы Потаповъ и Доманевскій навастриваютъ уже лыжи, но требуютъ на дорогу денегъ.

14 Апрѣля. Куда не пойдешь, наслушаешься такой гнили и дряни, что потомъ не спишь цѣлую ночь. Хорошъ я былъ, когда въ Петроградѣ уговаривалъ всѣхъ пробираться въ полосу отчужденія, считая, что тамъ только и можно организовать здоровое сопротивленіе большевизму.

Въ городѣ ожидаютъ какого-то выступленія со стороны Семеновцевъ и Орловцевъ, такъ какъ изсякли средства на ихъ содержаніе. У Семенова сбѣжали нѣкоторые хозяйственные чины, прихвативъ бывшіе у нихъ на рукахъ авансы. Хорватъ вертится, лавируетъ, обѣщаетъ и уговариваетъ.

Орловъ и его вольница распустились и угрожаютъ; доссоримся до того, что вмѣшаются опять китайцы и займутся разоруженіемъ; будь Хорватъ порѣшительнѣе, онъ могъ бы при своей дружбѣ съ китайцами ликвидировать всѣ существующія организаціи

и начать формированіе новыхъ, въ видѣ офицерскихъ, юнкерскихъ, унтеръ-офицерскихъ и спеціальныхъ школъ.

Настроеніе у меня самое скверное; проваливается послѣдняя возможность на наше возрожденіе. Знакомые упрекаютъ меня въ пессимизмѣ; это не пессимизмъ, а трезвый анализъ и привычка смотрѣть впередъ и подводить итоги, дѣлать выводы изъ наличныхъ фактовъ, а не брать ихъ голыми, да еще въ освѣщеніи и перспективѣ даннаго дня.

15 Апрѣля. Харбинъ задыхается въ пыли, сплетняхъ и тревожныхъ ожиданіяхъ. Изъ разныхъ разсказовъ разобрался въ Иркутскомъ и Благовѣщенскомъ антибольшевистскихъ возстаніяхъ, окончившихся кровавой рѣзней офицеровъ, юнкеровъ и буржуазіи; и тамъ, и тамъ возстаніе было поднято на фуфу, безъ расчета, безъ плана и безъ организаціи; сначала имѣли успѣхъ, послѣ котораго распоясались, почили на лаврахъ, стали проявлять прекраснодушіе и миндальничать съ побѣжденными и очнулись, когда опомнившіеся большевики стали ихъ гвоздить. Первый успѣхъ обратился въ катастрофу.

И вездѣ это такъ: начинаютъ безъ плана, безъ строгой организаціи, подъ впечатлѣніемъ вспышки нѣсколькихъ горячихъ головъ, которымъ въ ихъ горячности все кажется простымъ и легкимъ; считаютъ же мои три полковника, что десяти тысячъ офицеровъ достаточно, чтобы покорить и экзекуцировать всю Россію; наспѣхъ заваривается кровавая каша, въ которой гибнутъ лучшіе и болѣе способные на подвигъ, а шалые руководители и пустобрехи успѣваютъ обыкновенно во время скрыться.

Съ личнымъ устройствомъ плохо, просилъ Самойлова дать мнѣ въ охранной стражѣ мѣсто командира роты или помощника командира полка; онъ говорилъ по этому поводу съ Хорватомъ, но отвѣта не добился.

16 Апрѣля. Истощеніе мѣстныхъ кошельковъ заставляетъ атамановъ распускать слухи, что японцы просятъ ихъ идти на Владивостокъ и тамъ соединиться съ ихъ десантомъ; очевидно, хотятъ напугать мѣстныхъ буржуевъ, что оставятъ ихъ на съѣденіе большевикамъ. Вѣдь только съ перепугу можно повѣрить тому, что японцамъ на что либо нужны нѣсколько сотъ разболтанныхъ русскихъ офицеровъ, да еще и во Владивостокѣ, гдѣ положеніе самихъ японцевъ довольно сложное и деликатное. Первый этапъ движенія на востокъ — ст. Пограничная, гдѣ сидитъ Калмыковъ, самый обыкновенный разбойникъ и грабитъ поѣзда по способности. Не понимаю Хорвата, его совѣтниковъ и сотрудниковъ; развѣ въ багажѣ ихъ жизненнаго опыта нѣтъ данныхъ о томъ, что такое распущенная, растерявшая всѣ сдерживающіе стимулы и дерзкая вооруженная толпа, чувствующая свое значеніе и понимающая, что ее некому одернуть. Нужно во что бы то ни стало остановить развалъ и покончить съ этими бѣлыми большевиками; промедленіе времени смерти подобно; чѣмъ дальше, тѣмъ больше потребуется рѣшительности, желѣза и крови, чтобы ввести все это въ рамки долга, порядка, обязанностей, безпрекословнаго повиновенія, здоровой дисциплины и тяжелой работы — подвига. При такой реорганизаціи не надо жалѣть никакихъ средствъ, взять и отдать все, обезпечить семьи, но при современномъ положеніи надо зажать кошелекъ и хоть этимъ путемъ потребовать подчиненія.

Много говорю по этому съ Самойловымъ; тотъ того же мнѣнія, пытается убѣдить Хорвата, но тотъ отмалчивается въ бороду. Говорилъ и съ Плѣшковымъ, но безъ пользы, ибо онъ очень рѣшительно и добродушно со всѣмъ соглашается, и также будетъ соглашаться, когда черезъ четверть часа кто-нибудь другой будетъ говорить ему совершенно противоположное.

Жду извѣстій отъ Яхонтова; быть можетъ, ему удастся сдѣлать что либо въ Америкѣ и тогда можно будетъ начать настоящую творческую работу по организаціи офицерства и возсозданію нашей вооруженной силы.

17 Апрѣля. Весь городъ полонъ разговорами о предстоящемъ походѣ отрядовъ на Никольскъ, какъ объ уже рѣшенномъ дѣлѣ; молодежь, покорившая немало Харбинскихъ сердецъ, довольно откровенно прощается съ побѣжденными. Хорватъ уѣхалъ въ Пекинъ, причемъ цѣль поѣздки сохраняется въ тайнѣ. Плѣшковскій Штабъ выдаетъ за достовѣрное, что рѣшено, что, если отряды прорвутся во Владивостокъ, то Японія немедленно самымъ рѣшительнымъ образомъ выступитъ намъ на помощь. И всѣмъ

этимъ сказкамъ для грудныхъ дѣтей охотно вѣрятъ, не желая даже подумать, что выступленіе Японіи это вопросъ мірового значенія, въ которомъ запутаны сложныя тихоокеанскія и международныя проблемы; что онъ не можетъ быть рѣшенъ безъ согласія всемогущей сейчасъ въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ Америки, и что поэтому никакіе Харбинскіе пигмейчики и атаманчики, какъ они ни надувайся, не способны даже ничтожной капли добавить въ пользу того или другого рѣшенія.

Нѣкоторые говорятъ, что Хорватъ только изыскалъ предлогъ, чтобы удалить изъ Харбина эту безпокойную и гульливую вольницу, на которую очень косятся китайцы; прямо приказать уйти онъ не можетъ, уговоры тоже безсильны; остается заманить побрякушкой въ видѣ похода, новыхъ мѣстъ и ощущеній, на что молодежь очень падка.

Какой можетъ быть походъ безъ обоза, безъ средствъ связи, съ нѣсколькими старыми пушками и съ ничтожнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ? Чтобы спугнуть и прогнать большевиковъ, этого, быть можетъ, и не надо, но для того, чтобы прочно овладѣть Уссурійскимъ Краемъ, нужно сначала подготовить и обезпечить эту операцію, а подумать объ этомъ должно прежде всего большое начальство.

Первыми этапами для отрядовъ назначены станціи Эхо и Пограничная; какъ бы хотѣлось, чтобы онѣ сдѣлались мѣстами полной реорганизаціи и внутренняго обновленія этихъ отрядовъ.

Китайцы готовятъ свои войска, чтобы слѣдовать за отрядами и, какъ говорятъ, не пустить ихъ возвратиться въ Харбинъ.

Вечеромъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одного разговора, очень характернаго для всей этой оперетки: жена старшаго военнаго начальника просила жену бывшаго начальника штаба заамурскаго округа посмотрѣть въ сундукахъ ея мужа, нѣтъ ли тамъ картъ окрестностей Никольска и Уссурійскаго края, такъ какъ онѣ нужны для похода и ихъ нигдѣ не могутъ достать.

Въ частности успѣхъ похода разсчитанъ на переходъ на нашу сторону Уссурійскихъ казаковъ, то-есть на то, чего никогда быть не можетъ, такъ какъ Уссурійцы совсѣмъ обольшевичились и никогда къ офицерскимъ организаціямъ не примкнутъ.

Если этотъ нелѣпый походъ осуществится, то кровь жертвъ должна пасть на голову иниціаторовъ и распорядителей; большому начальству не впервой посылать подчиненныхъ на убой.

Трудно разобрать, какую роль играетъ здѣсь Японія; японскихъ офицеровъ здѣсь очень много и, повидимому, они играютъ роль возбудителей агрессивной энергіи, исполняя какія-то опредѣленныя махинаціи, предначертанныя имъ руководящей ими военной партіей японскаго генеральнаго штаба.

Сегодня въ отрядахъ выдали жалованье по вновь утвержденнымъ штатамъ, и шантаны работаютъ на славу.

Интересными образчиками современнаго офицерства являются четыре штабъ-офицера, поселившіеся у одного изъ моихъ товарищей: живутъ, ѣдятъ, держатъ себя иногда слишкомъ непринужденно, ни копѣйки не платятъ очень стѣсненному матерьяльно хозяину дома, а получаемое содержаніе прокучиваютъ.

18 Апрѣля. Занимался наклейкой фотографій, уцѣлѣвшихъ у меня отъ войны, преимущественно 1916 года, то-есть лучшихъ временъ командованія 70-й дивизіей; сколько горечи, печали и воспоминаній всколыхнули эти остатки невозвратнаго прошлаго; какъ быстро все это погибло, задернуто краснымъ туманомъ, залито грязнымъ моремъ современной дѣйствительности.

Мѣстныя газеты, надлежащимъ образомъ подогрѣтыя, полны призывовъ къ выступленію для активнаго спасенія Россіи; до сихъ поръ еще думаютъ, что можно словами поднять на подвигъ; тѣ, которые на подвигъ способны, пойдутъ и безъ газетныхъ завываній.

Въ лжи и подтасовкѣ не стѣсняются; если вѣрить всѣмъ сообщеніямъ, то чуть ли не вся Россія ждетъ харбинскихъ спасителей. Что большевики всѣмъ надоѣли и ненавистны, то въ этомъ никто не сомнѣвается, но что массы ждутъ избавленія при помощи такихъ спасителей, какъ здѣшніе атаманы, то это неправда; ни для кого не тайна, что

у большинства спасителей только и на умѣ сколько «сѣрой сволочи» они повѣсятъ за то, что переиспытали.

Старыя мозоли болятъ въ массахъ пока еще болѣе сильно, чѣмъ тѣ новыя, которыя натерты имъ большевистскими и комиссарскими порядками; народу надо еще долго походить въ красныхъ колодкахъ, чтобы забыть старыя обиды и вспомнить, что въ старомъ было много хорошаго. Когда розовые оптимисты начинаютъ говорить, что народъ молится, чтобы мы вернулись, то я возражаю, что не вѣрю въ существованіе такихъ лошадей, которыя сами бы просили, чтобы ихъ заложили въ старые, ненавистные и когда то до костей протерщіе хомуты. Остановитъ разложеніе сейчасъ можно только, увы, съ помощью варяговъ, при полномъ устраненіи собственныхъ спасителей типа здѣшнихъ атаманскихъ организацій, взрощенныхъ въ соусѣ революціоннаго разложенія.

Такихъ же спасителей, которые на 90% состоятъ изъ купцовъ и буржуевъ, какъ вдохновителей и кормителей, и офицеровъ, какъ исполнителей, деревня приметъ въ дубье и пулеметы.

19 Апрѣля. Прочиталъ телеграмму изъ Парижа о послѣдовавшемъ тамъ разрѣшеніи формировать батальоны изъ русскихъ добровольцевъ. Какъ это все поздно; сдѣлай это восемь мѣсяцевъ тому назадъ, спасли бы тысячи и отъ красной смерти, и, что хуже смерти, отъ краснаго плѣна. Сколько бы пользы принесли и Россіи, и союзному дѣлу эти погибшіе и гибнущіе, рожденные въ огнѣ желѣзной дисциплины и подвига.

Грустно, что приходится думать объ организаціи нашего офицерства въ иностранныхъ шорахъ, но послѣ той заразы, которую внесла намъ вся революціонная разруха съ ея архинелѣпой Керенщиной, иного исхода нѣтъ. Иной исходъ могъ здѣсь въ Харбинѣ дать Хорватъ, но онъ на это органически не способенъ.

20 Апрѣля. Адмиралтейскій генералъ С., пріѣхавшій изъ Іокогамы съ богатымъ японцемъ Умеда, передалъ мнѣ, что по словамъ Умеда японцы очень разочарованы въ нашей вольницѣ, и что главный ея защитникъ генералъ Накашима выразился, что съ такой дрянью не стоитъ возиться, и онъ поэтому на дняхъ отсюда уѣзжаетъ.

Великіе бои на французскомъ фронтѣ продолжаются; нѣмцы цѣной колоссальныхъ потерь медленно ползутъ впередъ, но того успѣха, который они должны были бы уже имѣть, у нихъ нѣтъ и, очевидно, уже не будетъ. Трудно судить по телеграммамъ о дѣйствительномъ ходѣ боевъ, но мнѣ кажется, что французы весьма хладнокровно смотрятъ на то, какъ нѣмцы истребляютъ англичанъ и vice-versa англичане истребляютъ нѣмцевъ, — и по рантьерски скопидомно берегутъ свои резервы. Это показываетъ, что царитъ холодный разумъ и строгій расчетъ, а въ этомъ для нѣмцевъ плохія перспективы; скоро нѣмецкій клинъ иступится и станетъ, а тогда французскіе резервы должны сыграть рѣшающую роль.

21 Апрѣля. Мѣстныя военныя организаціи измышляютъ себѣ разнообразныя, иногда самыя попугайскія формы, и сами ихъ утверждаютъ; орловцы нарядились въ генеральскіе лампасы, а на погонахъ изобразили какіе-то круги съ замысловатой закорючкой; по словамъ наиболѣе откровенныхъ, это должно изображать символически тѣ петли, на которыхъ они будутъ вѣшать всѣхъ красныхъ и товарищей, а для отвода глазъ подведено подъ нѣчто, подобное буквѣ О — начальной буквѣ фамиліи ихъ шефа.

На вокзалѣ видѣлъ уѣзжающихъ куда-то членовъ Сибирскаго Правительства; видъ у нихъ самый полупочтенный, они тоже что-то спасаютъ.

22 Апрѣля. Неутѣшительныя свѣдѣнія получилъ изъ Приморской Области и Хабаровскаго района; молодежь тамъ понемногу распускается, не только въ городахъ, но даже и въ деревняхъ; въ Хабаровскѣ жить совсѣмъ скверно, такъ какъ тамъ засилье большевиковъ самаго уголовнаго типа, которыхъ не сдерживаетъ присутствіе иностранцевъ такъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ Владивостокѣ; каторжане и сугубые уголовные вылѣзли изъ тайги и облюбовали Хабаровскъ и Благовѣщенскъ.

23 Апрѣля. Вечернія телеграммы принесли извѣстіе о смерти Корнилова въ бою подъ станицей Елизаветинской; къ сожалѣнію, мы очень смутно знаемъ, что дѣлается на югѣ и на Дону. Если бы наши харбинскіе кандидаты въ диктаторы и главнокомандующіе поэкономили немного по части разброски денегъ на кормленіе и подачки раз-

нымъ атаманамъ и дали бы средства на установленіе прочной связи съ южнымъ движеніемъ, то это разсѣяло бы многіе туманы и подняло общій духъ и у насъ, и тамъ на югѣ, ибо почувствовалось бы, что мы не одни.

Повидимому же, тамъ происходитъ нѣчто серьезное, что вполнѣ понятно, такъ какъ большинство офицеровъ могло спастись только туда.

Семеновъ началъ наступленіе на Даурію во исполненіе рѣшительныхъ настояній Дальневосточнаго Комитета, который заявилъ, что тѣ, кто даетъ деньги на содержаніе отряда, устали ждать и требуютъ какихъ либо видимыхъ результатовъ, сѣтуя на ничегонедѣланіе всѣхъ отрядовъ. Сегодня въ собраніи ликованіе по поводу взятія семеновцами станціи Дауріи; «взятіе», конечно, весьма условное, такъ какъ станція оказалась пустой.

Говорятъ, что харбинскимъ отрядамъ было приказано двигаться на усиленіе Семенова, но они отказались исполнить приказаніе и требуютъ отправки на востокъ; это, вѣроятно, очень близко къ истинѣ, такъ какъ разные отряды живутъ, какъ кошка съ собакой, и желаютъ работать автономно и на отдѣльныхъ направленіяхъ; играютъ роль также и самолюбія отдѣльныхъ шефовъ, не желающихъ никому подчиняться и ни съ кѣмъ дѣлиться реальными послѣдствіями всякихъ благъ. Мѣстные пустобрехи ошалѣли отъ радости и поютъ панихиды большевизму; западные бѣженцы осматриваютъ сундуки и готовятся къ отбытію на старыя мѣста.

24 Апрѣля. «Освѣдомленныя сферы» распространяютъ слухи, что Хорватъ изъ Пекина уѣхалъ въ Токіо, куда онъ приглашенъ на очень важное совѣщаніе по дальневосточнымъ дѣламъ, чреватое послѣдствіями по судьбѣ всей Сибири и по вооруженному вмѣшательству союзниковъ. Хочется, чтобы это было правдой и чтобы наконецъ было сказано опредѣленно, будутъ ли намъ помогать, какъ, когда, чѣмъ и на какихъ условіяхъ. Избави, Господи, только отъ такого несчастія, чтобы мы сами не погрязли немедленно въ спорахъ и ссорахъ, не залѣзли въ слякоть разныхъ революціонныхъ утопій и не одурѣли отъ громкихъ и пустозвонныхъ фразъ.

Время уходитъ; народныя массы съ головокружительной быстротой отвыкаютъ отъ власти, повинностей, налоговъ, анархизируются, хулиганизируются, познаютъ свою грубую силу, безнаказанность, привыкаютъ опрокидывать вверхъ тормашками все имъ непріятное. L'appetit vient en mangeant, а это mangeant продолжается слишкомъ уже долго.

Я безконечно далекъ отъ тѣхъ вожделѣній реванша и крутой реставраціи, коими живутъ Харбинскіе, Маньчжурскіе и Пограничные спасители, и считаю, что есть какая то средняя, болѣе близкая къ правому фарватеру линія поведенія, на которой возможно возстановить то здоровое и неизбѣжное для государственности, что разрушено революціей и ея послѣсловіями.

Но прежде всего, всякая новоявленная власть должна быть сильна, разумно строга, строго законна, кристально честна и опять таки сильна. На дряблости, соглашательствѣ, уговорахъ и полосатыхъ голосованіяхъ, рождающихъ трескучія резолюціи, власти не удержаться.

25 Апрѣля. Былъ на отходѣ южнаго экспресса, переполненнаго уѣзжающими изъ Харбина спекулянтами и милліонерами военнаго времени; дѣла стали, іены подешевѣли, а въ Японіи можно не безъ выгоды примазаться къ игрѣ на курсѣ нашего рубля и не только не прожиться, но еще и нажиться. А тутъ еще закопошились страшно непріятные для многихъ слухи, что организаціи готовятся потребовать общую мобилизацію буржуевъ и коммерсантовъ, особенно тѣхъ, кто отсиживался во время войны въ разныхъ теплыхъ мѣстахъ. Перспектива попасть въ эти грозныя организаціи, съ ихъ примитивными и колючими нравами, настолько грозна, что билеты продаются съ преміями, а многіе готовы удрать и на товарномъ поѣздѣ.

26 Апрѣля. Вчера на вокзалѣ Орловскіе спасители пытались произвести обыскъ пассажирскаго поѣзда (не отставать же отъ Семенова и Калмыкова, занимающихся этимъ въ своихъ районахъ), но были окружены китайскими войсками и послѣ переписи отпущены. Семеновцы и Калмыковцы счастливѣе; тамъ каждый поѣздъ даетъ причастнымъ къ обыску лицамъ сотни тысячъ рублей плюсъ разныя цѣнныя вещи; жалобъ не

бываетъ, ибо очень строптивые переселяются въ загробный міръ, а осторожные молча претерпѣваютъ эту революціонную непріятность.

Настроеніе мелкаго обывателя въ городѣ и на линіи противъ этихъ, какъ ихъ потихоньку называютъ, бѣлыхъ большевиковъ, очень озлобленное; очень уже откровенно нахально и распущенно они себя ведутъ.

Нѣкоторые болѣе благоразумные старые офицеры поднимали вопросъ о необходимости немедленно учредить суды чести, но сіе провалилось подъ предлогомъ, что сейчасъ нѣтъ кадра тѣхъ офицеровъ, которые по старому закону могли быть членами такихъ судовъ, да и кромѣ того это «остатки стараго режима и возстановленіе кастовыхъ предразсудковъ»; выходитъ, что при надобности самые сугубые реакціонеры и реваншеры готовы свистать соловьями на революціонныя и демократическія темы.

Восточная пресса полна сенсаціями о состоявшемся якобы заключеніи Японско-Китайскаго союза; если это вѣрно (офиціальнаго подтвержденія пока нѣтъ), то въ исторіи Азіи можетъ начаться новая, чреватая послѣдствіями для бѣлаго міра, глава.

Быть можетъ переговоры объ этомъ союзѣ мѣшали Японіи думать о нашихъ дѣлахъ. Непонятно только, съ кѣмъ заключенъ союзъ, такъ какъ злобная и непримиримая вражда сѣвера и юга не даетъ возможности считать Китай крѣпкимъ и устойчивымъ государственнымъ организмомъ; японцы знаютъ это лучше всѣхъ, ибо дѣлаютъ все, чтобы раздуть эту злобу, и всячески ослабить Китай.

Этотъ союзъ быть можетъ первая зарница той грозной желтой опасности, о которой Императоръ Вильгельмъ предупреждалъ бѣлый міръ.

27 Апрѣля. Большое наступленіе нѣмцевъ стало вырождаться въ мелкіе бои, что показываетъ, что нѣмцы выдохлись и захлебнулись; какъ это бываетъ, я знаю по своему боевому опыту, хотя въ безконечно меньшемъ масштабѣ.

Комиссары отмѣнили въ арміи выборное начало, кое-какъ замаскировавъ такую «корниловщину» краснымъ соусомъ туманныхъ словоизверженій; говорятъ, что и націонализація банковъ будетъ отмѣнена. Красные экспериментаторы, добравшись безграмотными въ государственномъ дѣлѣ руками до сложныхъ рукоятокъ Управленія страной, стали тянуть ихъ въ разныя стороны и, понабивъ себѣ шишекъ и разгромивъ своими опытами всю Россію, собираются поворачивать на старую дорогу. Законъ о томъ, что всякая революціонная морда, стукнувшись о государственность, сворачиваетъ вправо, незыблемъ.

28 Апрѣля. Заходилъ въ Штабъ начальника россійскихъ войскъ, содержимый по штату отдѣльнаго корпуса, но почти не имѣющій войскъ; во всякомъ случаѣ, въ штабахъ этихъ войскъ больше народу, чѣмъ во всѣхъ строевыхъ ихъ частяхъ; есть полки по 50 солдатъ, а въ батареяхъ по два номера на орудіе; зато штабныя должности переполнены и всюду еще толпы прикомандированныхъ; все начальство обзавелось стадами личныхъ адъютантовъ; по городу носятся автомобили съ супругами, содержанками и ординарцами высокаго начальства и разныхъ кандидатовъ въ атаманы; появились такъ называемыя сестры или, вѣрнѣе сказать, кузины милосердія.

Какъ быстро забылись въ спокойной Харбинской атмосферѣ всѣ суровые и ужасные уроки прошлаго года; опять безчисленные штабы; опять пять штабныхъ тамъ, гдѣ свободно управится одинъ; опять ненавистные войскамъ личные адъютанты, накрашенныя сестры; опять незаконное пользованіе автомобилями, огромные авансы на секретные расходы; опять штабное засиліе, штабное величіе, штабная лѣнь, веселая штабная жизнь . . . Ничему не научились и ничего не забыли; ну какое же тутъ можетъ быть спасеніе.

29 Апрѣля. Дальневосточный Комитетъ, антрепренеръ Семеновщины захлебывается въ «трофеяхъ», состоящихъ пока изъ двухъ телеграфныхъ аппаратовъ и нѣсколькихъ вагоновъ; говорили даже, что наиболѣе впечатлительные комитетчики хотѣли зафундить по этому поводу торжественное молебствіе.

«Побѣды» сіи понятны, ибо семеновцы двигаются тамъ, гдѣ никакихъ красныхъ нѣтъ, а если гдѣ и есть, то сей «непріятель» состоитъ изъ кучекъ весьма трусоватой шпаны,

совершенно не желающей рисковать своей шкурой и предпочитающей своевременно удрать. Если же красные дѣйствительно появятся, то это вызоветъ сейчасъ же отходъ Семеновцевъ, привязанныхъ къ желѣзной дорогѣ и не имѣющихъ чѣмъ ее охранять; я это довольно понятно разсказалъ сегодня въ желѣзнодорожномъ собраніи группѣ безмѣрно ликовавшихъ обывателей, и нѣкоторыхъ заставилъ задуматься, а въ остальныхъ вызвалъ враждебное къ себѣ настроеніе.

Московскіе комиссары обратились къ Японіи и Англіи съ грозными ультиматумами и весьма рѣшительно требуютъ выяснить ихъ поведеніе по отношенію къ большевистской власти; такая шумиха нужна совдепщикамъ для поднятія внутренняго престижа: сильна де, наша красная моська, если можетъ такъ здорово чехвостить англичанку и японку; кромѣ того это попытка вызвать на свою сторону настроеніе крайнихъ соціалистическихъ партій Западной Европы.

30 Апрѣля. Отъ радости по поводу Семеновскаго наступленія многіе совсѣмъ ошалѣли, распоясались, грозятъ кулаками и обѣщаютъ расправиться съ супротивниками по «Петровски»; какой то очень мрачный благовѣщенскій буржуй захлебывался въ собраніи отъ негодованія по поводу того, что въ Харбинъ привезли нѣсколькихъ раненыхъ красныхъ, и требовалъ, чтобы Семенову и всѣмъ отрядамъ было отдано приказаніе плѣнныхъ не брать и вѣшать, обязательно вѣшать ихъ на мѣстѣ захвата; и можно быть увѣреннымъ, что сей кровожадецъ дальше Харбина самъ никуда не двинется, а буде судьба его приведетъ все же подъ красный режимъ, то онъ со страха пролижетъ насквозь подошвы у любого комиссара и ради спасенія жизни согласится вѣшать своими руками бѣлыхъ плѣнныхъ. Вообще, немало злобной подлости и умственной мелкоты открылось въ эти дни; достаточно было пустяка, чтобы разверзлись уста и раскрылись во всю настоящія чаянія и вожделѣнія. Эти господа, возгоготавшіе отъ жадной радости, въ припадкѣ самой подлой, свойственной трусамъ мести дѣйствительно были бы счастливы, если бы кто либо другой, — ихъ не замѣшивая и открыто не компрометируя, истребилъ бы не только комиссаровъ, но и большую часть сѣраго русскаго народа. Въ своемъ ликованіи они не замѣчаютъ даже, что съ нихъ свалился ихъ фиговый учредительный листъ, на время позаимствованный изъ демократическихъ оранжерей. Спасители, храбро расправляющіеся съ бутылками въ ресторанахъ и кабакахъ, въ своемъ бахвальствѣ сдѣлались страшнѣе бенгальскихъ тигровъ и, не понимая даже гнусности своихъ проступковъ, пьяными ордами поютъ «Боже Царя Храни», профанируя этотъ святой гимнъ, который каждый настоящій монархистъ долженъ таить глубоко въ своемъ сердцѣ, какъ великій и горестный укоръ за прошлое.

1 Мая. Въ качествѣ штатскаго обывателя пошелъ посмотрѣть на харбинскихъ товарищей при празднованіи ими этого дня; скрытобольшевистскіе и шумнодемократическіе круги возвѣщали заранѣе, что покажутъ Харбину всю свою пролетарскую мощь; вышло же все сѣро, скучно, уныло и по убожески облѣзло; настоящему дѣловому рабочему всѣ эти митингованія и истерическіе надрывы съ платформы достаточно надоѣли; этимъ дурманомъ долго не проживешь. Зато по части флаговъ было полное великолѣпіе — шелка, фанза, отличное сукно.

Было разставлено нѣсколько столовъ, съ которыхъ скрипучіе и безцвѣтные ораторы, яростно размахивая лапами, выкрикивали обычныя трафаретныя рѣчи, состоявшія, какъ полагается, наполовину изъ иностранныхъ, давно намозолившихъ всѣмъ уши словъ. Однако, декабрьская встряска и наличіе въ городѣ весьма импульсивныхъ и скорыхъ на расправу отрядовъ сказывались на температурѣ рѣчей; ораторы очень осторожно углублялись въ революціонныя проблемы, каялись въ тактическихъ ошибкахъ прошлаго и призывали къ единенію на почвѣ укрѣпленія профессіональныхъ союзовъ.

Затѣмъ, въ теченіе двухъ часовъ былъ мучимъ нестерпимой болтовней полусумасшедшаго, но пронырливаго авантюриста генерала Потапова, залившаго меня потоками самой хлестаковской брехни о своихъ богатствахъ и о своей великой революціонной роли; главная ошибка Керенскаго, по его словамъ, въ томъ, что онъ самъ сдѣлался военнымъ министромъ, а не назначилъ его, Потапова. Изъ всей его болтовни могъ согласиться

только съ высказаннымъ имъ взглядомъ, что мѣстныя военныя организаціи это скопища пьяницъ и бездѣльниковъ.

Въ концѣ бесѣды Потаповъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, соглашусь ли я войти въ составъ проектируемаго Дальневосточнаго Правительства.

Я отвѣтилъ, что долженъ знать сначала программу и составъ этого правительства, такъ какъ я никогда не соглашусь работать съ тѣми, кто пойдетъ къ власти ради власти, а не ради послѣдняго подвига на служеніе родины. Въ возможность жизненности и успѣха реакціоннаго правительства я совершенно не вѣрю; если власть попробуетъ обосноваться на эсеровщинѣ, то повторится, только въ еще худшей редакціи, вторая половина 1917 года. Нужна трудовая, реальная, здоровая, полезная для населенія программа, способная привлечь къ власти симпатіи здоровой части краевого населенія. Творцовъ, носителей и будущихъ исполнителей чего либо похожаго на такую программу я не вижу и у меня мало надежды, чтобы они появились въ современной Харбинской атмосферѣ. Напротивъ того, все, что я вижу и слышу, приводитъ меня къ печальному заключенію, что всѣ намѣчающіяся здѣсь комбинаціи ищутъ власти ради ея вкусныхъ сторонъ; твердаго и здороваго плана реконструкціи не имѣютъ и будутъ продолжать вреднѣйшую политику, заманивая толпу (въ томъ или другомъ составѣ) несбыточными посулами и временными подачками, не имѣя мужества сказать имъ горькую и тяжелую правду, потребовать отъ нихъ труда, подчиненія, ограниченій и истоваго исполненія обязанностей и имѣть силы и средства заставить исполнять всѣ свои требованія.

Все изложенное дѣлаетъ очень сомнительнымъ, чтобы я могъ войти въ какую либо изъ намѣчающихся здѣсь комбинацій; пользы я тамъ все равно не принесу.

2 Мая. Семеновцы продвигаются вдоль линіи желѣзной дороги; многіе реакціонеры, забывшіе, что до декабря они были самыми крикливыми мартовскими революціонерами, захлебываются отъ восторга; спекулянты ликуютъ, ожидая возстановленія торговыхъ отношеній съ Сибирью. Политиканы особой бурой окраски, — способной въ зависимости отъ температуры дѣлаться то красной, то черной, — подняли цѣлую бурю противъ Хорвата, который по ихъ мнѣнію недостаточно энергично поддерживаетъ Семенова, и ведутъ агитацію, чтобы былъ назначенъ диктаторъ, выдвигая на эту роль генерала Плѣшкова. Послѣднее имъ надо очевидно для того, чтобы de facto забрать всю власть въ свои руки и направлять диктаторскую власть, какъ имъ захочется. Хорватъ, при всѣхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ, все же цѣльнѣе, характернѣе и самостоятельнѣе Плѣшкова.

Многочисленные освѣдомители разныхъ штабовъ объявляютъ о томъ, что Забайкальскіе казаки многими тысячами переходятъ на сторону «любимаго» Атамана; платятъ освѣдомителямъ жирно, что дѣлаетъ ихъ очень покладливыми по части фантазіи и прибавленія нолей, когда это выгодно ихъ давальцамъ. Одновременно распространяются сказки для младенцевъ на тему о необычайномъ авторитетѣ и вліяніи Семенова среди Бурятъ и Монголовъ, потому что онъ бурятскій полукровокъ и знаетъ ихъ языкъ. Отъ коренныхъ забайкальцевъ знаю, что это самая наглая выдумка; мало ли въ Забайкальѣ метисовъ бурятъ, знакомыхъ населенію въ тысячу разъ больше, чѣмъ какой-то рядовой есаулъ. Происходитъ облаченіе голаго короля въ выдуманныя платными хвалителями ризы.

3 Мая. Знакомые упрекаютъ меня въ пессимизмѣ и въ обостренной враждебности ко всему здѣсь происходящему; да развѣ можно относиться ко всему этому иначе? вѣдь это хуже большевизма, ибо рождаетъ большевизмъ, крѣпитъ его среди населенія и убиваетъ всѣ надежды на будущее, не на свое будущее, ибо я о немъ не думаю, а будущее Россіи.

Въ собраніи случайно слышалъ разговоръ группы штатскихъ по поводу Дальневосточнаго Корпуса, которымъ командуетъ Плѣшковъ; одинъ изъ собесѣдниковъ выражалъ удивленіе по поводу полученныхъ имъ офиціальныхъ данныхъ, что въ штабѣ корпуса больше людей, чѣмъ во всѣхъ отрядахъ, вмѣстѣ взятыхъ; въ Управленіи Инспектора Артиллеріи сидитъ 8 генераловъ и штабъ офицеровъ, а во всемъ корпусѣ только семь старыхъ пушекъ; штатскіе, не стѣсняясь, высказывали негодованіе, что все сводится

очевидно къ созданію штабовъ и къ устройству въ нихъ родственниковъ и близкихъ человѣковъ; отмѣчали также, что разрѣшеніе замѣнять писарей машинистками привело къ тому, что штабы переполнены женами, сестрами, кузинами, сердечными симпатіями и т. п.

4 Мая. Настроеніе самое невеселое. Родилось какое-то Новое Сибирское Правительство изъ совершенно незнакомыхъ Дальнему Востоку персонажей очень мелкаго калибра; раскрашивающіе ихъ аттестаты сводятся пока что къ: партійной работѣ, бытности на каторгѣ, бытности членами одной изъ Думъ или разогнанной Учредилки и т. п.

Конечно, Сибирь сама по себѣ лучшее основаніе для здоровой реставраціи; населеніе ея, въ особенности старожильческое, своеобразно консервативно во всемъ, что касается уклада жизни и мѣстныхъ интересовъ. Внѣшне, по результатамъ думскихъ и иныхъ выборовъ и по тону своихъ заявленій и ходатайствъ Сибирь имѣла рѣзко оппозиціонный правительству характеръ, но это было скорѣе всего выраженіемъ протеста противъ страшнаго и эгоистическаго засилія центра, противъ эксплоататорской и вредной для края экономической политики и пренебреженія къ кричащимъ нуждамъ населенія и всего края.

Весь вопросъ въ томъ, можетъ ли коренная, кондовая Сибирь дать на дѣло возстановленія страны энергичныхъ, рѣшительныхъ, честныхъ и пользующихся довѣріемъ населенія людей, способныхъ забыть и отбросить всѣ партійные жупелы и перегородки, не страдающихъ ненасытнымъ честолюбіемъ сегодняшняго дня и жаждой дешевыхъ лавровъ. Нужны люди, способные все забыть, всѣмъ пожертвовать и отдать себя на великій трудъ и на святой подвигъ, въ обмѣнъ на поруганія, травлю и, быть можетъ, и смерть; нужны такіе герои долга, которые могли бы лечь первымъ настиломъ на трясину русской современной дѣйствительности и, быть можетъ, погрузившись въ ней и исчезнувъ безслѣдно для нашихъ дней, положили бы начало ея укрѣпленію, приняли бы на себя слѣдующіе, болѣе прочные слои государственнаго строительства.

Здѣсь въ Харбинѣ и Владивостокѣ такихъ людей нѣтъ; думается, что теперь только старые коммерческіе круги Сибири могутъ имѣть въ своей средѣ подходящіе элементы.

5 Мая. Пасха — скучная и нерадостная, съ тяжелыми мыслями и заботами. Эти дни собиралъ данныя о томъ, сколько добровольцевъ можно набрать для сформированія отряда изъ чиновъ, обрекшихъ себя на самоотреченіе, подвигъ, и получилъ самые плачевные результаты — два, три десятка, да и то большею частью кадровыхъ офицеровъ преимущественно гвардейскихъ и хорошихъ полковъ; остальные хватили уже хмѣля мѣстныхъ организацій, и не охочи идти на самоограниченія и тяжелый трудъ. Конечно, если объявить что либо новое, то повалятъ массы, но почти всѣ въ поискахъ разнообразія, изъ за недовольства существующимъ и въ надеждѣ испытать что-то новое.

6 Мая. Видѣлъ парадъ мѣстныхъ бойскоутовъ; къ сожалѣнію, истинная идея бойскоутизма убита показной, внѣшней стороной; все направлено къ тому, чтобы показать хорошо вышколенный солдатскаго типа строй, то-есть то, что такъ гибельно для настоящаго скоутизма, который подходитъ къ внѣшнему однообразію, но не путемъ дрессировки, а путемъ однообразнаго внутренняго воспитанія и физическаго развитія; такіе результаты всегда рѣзко видны и характерно отличаются отъ обезьяньей дрессировки.

Присматриваюсь къ представителямъ того русскаго офицерства, которое, по холопски нацѣпивъ на себя иниціалы разныхъ атамановъ, бродитъ по улицамъ Харбина, и чужды они мнѣ. Такое же чувство я испыталъ въ 1900 году, когда въ Срѣтенскѣ встрѣтился съ разухабистой волной того третьесортнаго офицерства, которое ѣхало на Дальній Востокъ для занятія разныхъ тыловыхъ должностей.

Та же внѣшняя расхлястанность, то же утрированное отданіе чести, тѣ же случаи пьянства и безобразія на улицахъ, то же хватаніе за оружіе и угрозы при малѣйшемъ неудовольствіи, та же слабость нравственныхъ устоевъ и способность ради выгоды поступиться многимъ изъ того, что настоящій офицеръ считалъ святымъ и нерушимымъ.

Послѣдніе годы службы до войны и война до революціи избаловали меня по части хорошихъ, дисциплинированныхъ и выдержанныхъ офицеровъ; огромное большинство ихъ спитъ теперь вѣчнымъ сномъ, а тѣ, кто пришелъ имъ на смѣну, исковерканы революціею, жизнью, послѣреволюціонными откровеніями.

Всѣ эти С. К. и О. думаютъ, что ухорское отданіе чести, отвѣты по солдатски, щелканіе каблуками, готовность дать каждому въ морду являются тѣми внѣшними признаками, которые отличаютъ настоящаго офицера отъ простого обывателя штафирки; они настолько не военные, что открыто хвастаются преступными выходками своихъ шефовъ, отказывающихся исполнять приказанія, если они ему не нравятся.

7 Мая. Отъ тоски началъ ходить въ собраніе и играть въ преферансъ; смѣюсь надъ собой, что вмѣсто генерала отъ инфантеріи попалъ въ генералы отъ преферанса. Въ собраніи приходится слышать о тяжеломъ положеніи служащихъ желѣзной дороги, еле существующихъ на получаемое содержаніе, далеко отставшее отъ роста дороговизны жизни; старшіе агенты обезпечены отлично и не желаютъ знать, что нельзя успѣшно работать при голодныхъ или ворующихъ служащихъ.

Безъ стѣсненія говорятъ, что самое тяжелое положеніе тѣхъ отдѣловъ, гдѣ по роду занятій нельзя брать взятокъ или воровать. Даже не приняты какія либо прочныя мѣры по снабженію служащихъ предметами первой необходимости, а между тѣмъ стоило только захотѣть и побезпокоиться, использовавъ для этого всѣ обслуживаемые дорогой продуктовые рынки, для того, чтобы этимъ значительно облегчить положеніе мелкихъ желѣзнодорожниковъ.

По части квартиръ большая часть служащихъ въ отчаянномъ положеніи, такъ какъ наплывъ богатыхъ бѣженцевъ и удесятеренныя цѣны на квартиры повыгнали ихъ изъ ранѣе обитаемыхъ ими домовъ; пришлось перебраться въ пригороды и жить въ приспособленныхъ дровяныхъ, лѣтнихъ кухняхъ и т. п.

Зато старшіе Юпитеры, проживающіе въ огромныхъ особнякахъ съ цвѣтниками и оранжереями, благоденствуютъ, и большинство, нисколько не стѣсняясь, торгуетъ свободными комнатами и даже зимними террасами, сдавая бѣженцамъ за огромныя деньги. Мелкіе служащіе увѣряютъ, что почти всѣ старшіе агенты находятся въ интимныхъ отношеніяхъ съ крупными грузоотправителями и концессіонерами, и что поэтому для нихъ невыгодно, чтобы на дорогѣ возстановился порядокъ, такъ какъ тогда конецъ всѣмъ этимъ интимностямъ и связаннымъ съ ними доходамъ. Мнѣ читали списокъ старшихъ агентовъ, въ которомъ у всѣхъ внесенныхъ двойныя фамиліи, причемъ вторая это фамилія соотвѣтствующаго концессіонера, подрядчика или грузоотправителя; въ этомъ спискѣ не было только инженеровъ Лачинова и Козакевича, которые по отзыву служащихъ внѣ подозрѣнія.

8 Мая. Мѣстное болото всколыхнуто слухами и сенсаціями по поводу состоявшихся новыхъ назначеній; Плѣшковъ назначается Главнокомандующимъ арміями фронта (?). Это такъ чудовищно нелѣпо и цинично, что не хочется этому вѣрить; надо же знать хоть какую-нибудь мѣру въ области самоустройства разныхъ тыловыхъ синьоровъ и состоящихъ при нихъ кликъ прихлебателей и лакеевъ.

Во всемъ отрыгается революціонная распущенность и безудержное, начально циничное дерзаніе во всемъ, что касается личныхъ благъ и удобствъ; но тутъ перескочили далеко за самые революціонные предѣлы; прежде былъ и удержъ, и остатки совѣсти и служебной порядочности; прежде никто не дерзнулъ бы заикнуться о такихъ опереточныхъ назначеніяхъ. Одними изъ негласныхъ пріобрѣтеній революціи явились разсасываніе центровъ этики и порядочности и вылуженныя совѣсти, непроницаемыя для чувства стыда. Безсовѣстность теперь не знаетъ границъ; блаженъ тотъ, кто схватилъ руль власти и попалъ поближе къ главной кассѣ. Отъ стараго остались только приказы и штаты, которыми съ мѣднолобымъ хладнокровіемъ прикрываютъ самыя наглыя экскурсіи по части самоублаженія; заинтересованы въ этой гадости очень многіе, молчатъ, помогаютъ, гримируютъ, придаютъ всему законный видъ. Рѣдко кое у кого заскрипитъ совѣсть, да и этотъ слабенькій скрипъ скоро заглушается пріятнымъ хрустѣніемъ бумажекъ.

Создаютъ Главнокомандующаго, у котораго, если собрать всѣхъ принанятыхъ въ войскѣ китайцевъ и корейцевъ, не наберется воиновъ даже на полкъ мирнаго состава; рождаютъ новые штабы — пріятныя и выгодныя убѣжища для разныхъ героевъ тыла и прихлебателей высокихъ сферъ.

И эта вакханалія идетъ все crescendo, ибо нѣтъ настоящаго барина, который пришелъ бы и дубиной хватилъ по всѣмъ этимъ забывшимъ честь, совѣсть и мученія родины, оскаленнымъ отъ хотѣнія и хрюкающимъ рыламъ и властно зыкнулъ бы: «Довольно, бѣлые товарищи; довольно подлости, бездѣлья, хапанія и растаскиванія послѣднихъ крохъ».

9 Мая. Газеты сообщаютъ о томъ, что бывшій въ Москвѣ съѣздъ профессіональныхъ союзовъ огромнымъ большинствомъ высказался за обязательность введенія сдѣльныхъ работъ и даже за примѣненіе системы Тэйлора. Вотъ оно столкновеніе заоблачныхъ утопій съ суровой дѣйствительностью, вѣдь по соціалистическимъ талмудамъ и сдѣльныя работы, и система Тэйлора были архипроклятыми измышленіями капитала, жестокими прессами для выдавливанія послѣднихъ соковъ изъ рабочаго пролетаріата.

Конечно, это останется только въ области резолюцій, такъ какъ у съѣзда нѣтъ никакихъ способовъ заставить товарищей рабочихъ осуществить это малоулыбающееся имъ постановленіе. Вѣдь всѣ эти, какъ грибы послѣ дождя, народившіеся на Руси совѣты, съѣзды, союзы, совѣщанія остаются только голосовальными стадами, говорильными сборищами, лишенными всякаго авторитетнаго воздѣйствія на представляемыя ими массы.

Всюду слышу разговоры про состоявшіяся назначенія генералъ-квартирмейстеровъ, дежурныхъ генераловъ, начальниковъ снабженій, безчисленныхъ генераловъ для порученій; хорошо еще, что не возстановили для штабовъ казенной прислуги, а то не хватило бы для этого всѣхъ наличныхъ солдатъ. Въ штабахъ для красочности, поднятія фантазіи и бодрости настроенія порхаютъ многочисленныя машинистки съ голенькими ручками; помнятъ, что Наполеонъ проигралъ Бородино оттого, что отяжелѣлъ, и заранѣе обезпечиваютъ себѣ легкость мыслей.

Стайки адъютантовъ, ординарцевъ и чиновъ для порученій умножились; автомобили подъ самыми разнообразными значками наполняютъ улицы Харбина пылью и жгутъ послѣдніе жалкіе запасы бензина.

«Старый режимъ» распускается самымъ махровымъ цвѣтомъ въ самыхъ гнусныхъ своихъ проявленіяхъ; то же, что было въ немъ высокаго и хорошаго, отшвырнуто за негодностью.

10 Мая. Совершенно неожиданно Главнокомандующимъ назначенъ появившійся откуда то и, какъ говорятъ, спеціально привезенный сюда адмиралъ Колчакъ; сдѣлано это въ виду выяснившейся неспособности Плѣшкова заставить себя слушать. Надѣются на имя и на рѣшительность адмирала, гремѣвшаго во флотѣ.

Хотя я очень скептически отношусь ко всему, приходящему къ намъ изъ флота, но хочется вѣрить, что адмиралъ при поддержкѣ Хорвата положитъ предѣлъ старому безобразному курсу и сдѣлаетъ съ полосой отчужденія то же, что, судя по нововременскимъ корреспонденціямъ, сдѣлалъ когда-то съ Черноморскимъ флотомъ, вдохнувъ въ него свѣжую струю подвига, энергичной работы.

Пока что про адмирала говорятъ, что онъ очень вспыльчивъ, грубъ въ выраженіяхъ и, какъ будто бы, преданъ очень алкоголю.

Грустно, что приходится довольствоваться такими кандидатами для возглавленія организующихся здѣсь русскихъ войскъ. Казалось, было достаточно времени, чтобы списаться съ югомъ и получить оттуда достаточное число высокоавторитетныхъ лицъ, коимъ и поручить старшіе командные посты. Неужели же и тутъ замѣшались узкія самолюбія, психологія маленькаго прихода и желанія уединенной автономіи?

11 Мая. Газеты помѣщаютъ интервью съ адмираломъ, который обѣщаетъ возстановить законъ и порядокъ. Отъ всего сердца желаю ему полнаго успѣха; задумываюсь только надъ тѣмъ, какъ онъ сумѣетъ справиться съ достаточно уже окрѣпшими организаціями, особенно съ Семеновымъ, который сразу сталъ бить на полную самостоятельность и слушаетъ только Хорвата, да и то, если ему нужны деньги.

Если же адмиралъ самъ обопрется на атамановъ и ихъ отряды, то тогда о порядкѣ и законѣ не можетъ быть и рѣчи. Выходитъ, что наличная обстановка повелительно требуетъ, чтобы союзники дали намъ нейтральную, спокойную силу, которая своимъ

регулирующимъ присутствіемъ, помогла бы реконструкціонной власти установить основныя формы порядка и обуздывать всякія разрушительныя — справа и слѣва — силы до тѣхъ поръ, пока этой власти удастся создать собственную силу такого качества, которая гарантировала бы авторитетъ власти и возможность своего примѣненія во всемъ, что касается твердаго поддержанія здоровой законности и истиннаго, хотя, быть можетъ, и крутого порядка.

Надо создавать эту силу заново, ибо нѣсколько группъ политическихъ бѣженцевъ, много и тяжело перестрадавшихъ, потерявшихъ права, родныхъ, близкихъ, имущество и невольно жаждущихъ мести и реванша, не могутъ дать того строго законнаго, безпристрастнаго, невозмутимо спокойнаго, и въ то же время безотказнаго орудія власти, которымъ должна быть возстановлена русская военная сила.

Телеграммы принесли извѣстіе о появленіи на Украинѣ «гетмана» Скоропадскаго, свергнувшаго Раду, отмѣнившаго большинство «пріобрѣтеній революціи» и оперевшагося на нѣмцевъ. При отказѣ союзниковъ намъ помогать, иного исхода на западѣ, быть можетъ, и нѣтъ.

12 Мая. Петроградъ стонетъ подъ игомъ настоящаго голода. Настроеніе такое, что будь деньги, попробовалъ бы пробраться на Донъ. Харбинская атмосфера, всѣ эти главно- и просто командующіе съ ихъ многоэтажными штабами, общая подлость и чисто разбойничій эгоизмъ, прогрессирующія атаманскія банды, все это способно заставить выть отъ горя.

Бывая въ собраніи, вижу кутежи, швырянье десятками тысячъ денегъ; слышу постоянно разсказы о скандалахъ, чинимыхъ офицерами, и о массовыхъ дракахъ, которыми эти кутежи иногда кончаются; старшины собранія безмолвно на все это взираютъ и боятся вмѣшиваться, ибо у скандалистовъ револьверы и шашки, которые они съ большой легкостью пускаютъ въ дѣло подъ предлогомъ «оскорбленія мундира»; послѣднее понятіе трактуется нынѣ весьма своеобразно: подъ него было подведено, напр., вмѣшательство дежурнаго старшины въ драку офицеровъ въ билліардной, когда двое нещадно избивали третьяго; послѣ ликвидаціи инцидента всѣ дравшіеся отправились въ буфетъ запивать мировую.

13 Мая. Весь городъ взволнованъ звѣрскимъ убійствомъ бывшаго преподавателя Хабаровскаго кадетскаго корпуса Уманскаго; третьяго дня его схватили и увезли какіе то военные, а вчера его трупъ найденъ на городскомъ огородѣ, изрубленный шашками. Шопотомъ говорятъ, что это дѣло рукъ Калмыковцевъ, среди которыхъ есть Хабаровскіе кадеты, разсчитавшіеся съ Уманскимъ за старое, когда онъ былъ при корпусѣ большевистскимъ комиссаромъ.

Совсѣмъ скверно, если разложеніе среди молодежи доходитъ до такихъ убійствъ; нельзя марать чистыя ризы бѣлой идеи такими каторжными поступками; нельзя спускаться до уровня комиссаровъ и красной сволочи. Это не значитъ, что надо миндальничать; напротивъ, надо быть сурово безжалостнымъ, но только не за личный счетъ и не по любому усмотрѣнію; можно разстрѣлять по суду сотни, но нельзя допускать насилія и тѣхъ мерзостей, коими прославляются сейчасъ большевики.

14 Мая. Закрылось всякое сообщеніе съ Россіей, прекратилъ работу телеграфъ.

Вечеромъ скверныя извѣстія изъ отряда Семенова; говорятъ, что передовыя части его почти уничтожены. Печально это, но иного исхода отъ этой авантюры быть не могло, и отвѣтъ за это на тѣхъ, кто на нее науськалъ не готовый къ дальней экспедиціи отрядъ.

Первые «успѣхи», когда занимали пустыя станціи, вскружилъ всѣ головы; рѣшили, что красные слабы и ничего не стоятъ, а потому наши распоясались и полѣзли впередъ, не имѣя достаточной развѣдки и при очень плохихъ условіяхъ обезпеченія сообщенія съ тыломъ.

Не имѣя обоза и тяготѣя къ ст. Маньчжурія, отрядъ невольно привязанъ къ линіи желѣзной дороги и въ то же время не въ состояніи ее обезпечить отъ красныхъ, ничѣмъ не связанныхъ и гуляющихъ по всей прилегающей степи. Очевидно, что при такой обстановкѣ краснымъ было очень легко обойти зарвавшіяся впередъ части и отрѣзать имъ путь отхода назадъ.

Кровь тамъ погибшихъ, и погибшихъ мученически, на совѣсти тѣхъ харбинскихъ пустобреховъ, которые для своихъ личныхъ интересовъ заставили Семенова начать этотъ безумный и безцѣльный походъ, а также и на совѣсти тѣхъ старшихъ военныхъ начальниковъ, которые по халатности, легкомыслію и неспособности разбираться въ обстановкѣ допустили эту авантюру. Обязанность главнокомандующихъ, командующихъ и ихъ штабовъ была заявить, что отряды пока еще къ такому походу не готовы, а затѣмъ напречь всѣ усилія, чтобы такъ организовать наступленіе, чтобы оно имѣло какую нибудь серьезную цѣль и было бы гарантировано отъ скверныхъ случайностей. Неготовымъ надо было сидѣть на Маньчжуріи, а не лѣзть неизвѣстно для чего на ст. Оловянную подъ удары красныхъ.

Жаль той довѣрчивой и экзальтированной молодежи, которую послали на смерть и красныя муки честолюбіе однихъ, корыстолюбіе другихъ, легкомысліе и военная безграмотность третьихъ, — всѣхъ, сидящихъ въ мирѣ и безопасности въ Харбинѣ и рядящихся въ пышныя бѣлыя ризы борцовъ съ большевизмомъ.

15 Мая. Вечеромъ разговоры о томъ, что на завтра назначена однодневная забастовка всѣхъ рабочихъ Харбина, какъ протестъ противъ убійства Уманскаго; Центральный исполнительный Комитетъ, до сихъ поръ здѣсь существующій, разослалъ по дорогѣ приказъ всѣмъ бастовать, а Хорватъ объявилъ, что не допуститъ забастовки, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Сейчасъ у Хорвата очень подходящій случай показать всю свою власть и поддержать одновременно законъ; съ забастовщиками и ихъ руководителями — расправиться самымъ крутымъ образомъ, сгрести ихъ въ кучу и выслать черезъ Хабаровскъ къ ихъ краснымъ пріятелямъ, продезинфекцировавъ такимъ образомъ разъ навсегда всю дорогу; одновременно слѣдуетъ найти и наказать убійцъ Уманскаго и этимъ отбить охоту отъ повторенія такихъ большевистскихъ экзекуцій.

Если онъ это сдѣлаетъ, то все разумное и законное станетъ на его сторону, увидитъ въ немъ носителя законной власти и признаетъ его таковымъ.

Церемониться съ заводителями забастовки и лавировать между демократичностью и рѣшительностью не приходится; Хорвату отлично извѣстно, что кроется въ гл. и. к-ѣ, на что тамъ надѣются и чего ждутъ; разъ Семеновъ дерется съ красными большевиками въ Забайкальѣ, то глупо терпѣть присутствіе скрытыхъ и несравненно болѣе опасныхъ большевиковъ въ Харбинѣ и на линіи.

16 Мая. Состоялись похороны Уманскаго, обращенныя въ демонстрацію противъ порядковъ, при которыхъ возможны такія убійства. Въ штатскомъ образѣ бродилъ по собравшейся около собора толпѣ для изученія народнаго настроенія; настроеніе оказалось самое озлобленное, но подъ прессомъ боязни открыто это обнаружить; вдали отъ военныхъ и полиціи разговоры свирѣпо злобные, но все время косятся, не слышитъ ли кто изъ чужихъ; очевидно, языкъ сдерживается перспективой возможности очутиться въ искрошенномъ видѣ на томъ же городскомъ огородѣ.

Общій видъ толпы полупочтенный, у многихъ же весьма углубленный большевистскій; въ разговорѣ мелькаютъ надежды о наступленіи времени, когда и здѣсь удастся установить красные порядки; въ декабрѣ здѣсь хлебнули изъ этого сосуда и весьма вожделѣютъ, чтобы сіе повторилось и уже безъ китайскаго пресѣченія.

Особенно злы и гнусны толстыя бабы въ полубуржуйномъ одѣяніи съ горящими ненавистью глазами, того же типа, который уже приходилось видѣть на улицахъ революціоннаго Петрограда.

Одна весьма стервозная вѣдьма съ наслажденіемъ смаковала сообщеніе сосѣдки о томъ «что щенку Анны Константиновны подъ Оловянной обѣ ноги перешибли и подлюга навѣрно подохнетъ», другая шипящимъ шопотомъ проклинала начальство, сѣвшее опять на старыя мѣста; вспоминала, какъ она съ мужемъ, бывшимъ членомъ комитета, жила въ домѣ начальника Заамурскаго Округа, а теперь туда опять паскудные генералишки забрались. «Я, когда оттуда уходила, такъ сколько могла посуды перебила, раскрою шкафъ, беру сколько въ руки влѣзетъ и хрясь объ полъ; перебѣгу къ другому и тамъ тоже . . .»

Когда вѣдьма присѣдала и показывала руками, какъ она «хряськала» посуду, то у нея брызгала изо рта слюна, которой вѣроятно можно было привить бѣшенство.

Устроители похоронъ пытались создать внушительную демонстрацію, но ничего у нихъ не вышло, такъ какъ вмѣсто ожидавшихся массъ къ собору пришли только кучки. «Кому охота по пылищѣ таскаться», сказалъ рабочій на упреки какого-то лохматаго субъекта, «наши рыбу пошли ловить, а кто и на охоту закинулся». Очень характерный отвѣтъ для отношеній спокойной части населенія къ такимъ выступленіемъ.

Вокругъ собора стоялъ сильный нарядъ китайской полиціи, а мимо прошло нѣсколько китайскихъ ротъ, которыхъ въ толпѣ провожали ехиднымъ шипѣніемъ «Хорватовскіе опричники . . .» Вообще credo толпы было совершенно ясно.

Послѣ отпѣванія, толпа собралась двинуться къ вокзалу, но китайскія войска заставили ее разойтись; при этомъ съ гражданами россійской республики не церемонились.

17 Мая. Надежды на то, что Хорватъ расправится съ забастовщиками не оправдались; Хорватъ остался той же виляющей хвостомъ лисицей. Китайцы же не упустили случая и Генералъ Тао, совмѣстно съ даоинемъ Ли-тья-ао выпустили приказъ, коимъ объявляютъ, что въ случаѣ повторенія забастовки китайцы примутъ уже свои мѣры; злые языки увѣряютъ, что этотъ приказъ изданъ по просьбѣ старшаго русскаго начальства, не желавшаго марать свою демократическую репутацію, нужную ему для будущаго.

Прокуратура ведетъ слѣдствіе объ убійствѣ Уманскаго; показываетъ, что старается найти виновныхъ, и ничего не находитъ, хотя чуть ли не всему городу извѣстно, что сдѣлано это Калмыковцами.

18 Мая. Хорватъ какъ-то разошелся съ рожденнымъ имъ Семеновымъ; говорятъ, что причина кроется въ томъ, что Семеновцы добрались до вагоновъ съ товарами, стоящихъ на ст. Маньчжурія, занялись ихъ реквизиціей, или, какъ говорятъ, «семенизаціей», въ деньгахъ не нуждаются, а поэтому желаютъ быть совершенно автономными и рѣшили Харбинскихъ властей больше не признавать. Въ контролѣ дороги, отъ старшаго контролера В. я узналъ, что остановка движенія на западъ скопила на станціи Маньчжурія нѣсколько тысячъ вагоновъ съ самыми разнообразными и весьма цѣнными грузами. Семеновцы это быстро учли и начали все это реквизировать подъ предлогомъ военной необходимости; реквизируемое частью растаскивается причастными лицами, большею же частью продается за безцѣнокъ излюбленнымъ спекулянтамъ и японцамъ, присосавшимся къ атаману; безцеремонность доходитъ до того, что проданные такимъ образомъ грузы отправляются на японскую станцію Чанъ Чунъ по казеннымъ перевозочнымъ документамъ. Идетъ дневной грабежъ; Хорватъ и многоликое начальство все это отлично знаютъ и крѣпко зажмуриваютъ глаза. Хорвату слѣдовало бы кричать караулъ, какъ Управляющему дорогой, ибо дорогѣ придется потомъ оплатить всѣ убытки, ибо никакой судъ не признаетъ force majeure въ дѣлѣ разграбленія имущества частныхъ лицъ на станціи, расположенной даже не на русской территоріи.

Какъ Главноначальствующій и блюститель закона, Хорватъ обязанъ принять немедленно мѣры къ прекращенію этого грабежа, и въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ нравственное право обратиться за содѣйствіемъ къ Китайскимъ властямъ.

Бездѣйствіе власти, сидя на такихъ ея верхахъ и въ такое исключительное время, преступно; вѣдь, если даже сердце Хорвата на сторонѣ отрядовъ и онъ желаетъ имъ помочь, а денегъ у него нѣтъ, то тогда онъ самъ долженъ назначить реквизиціи, ввести ихъ въ строго законныя рамки и довольствовать отряды. Но для этого надо открыть лицо, показать опредѣленную линію поведенія, принять твердое рѣшеніе и отвѣтственность за таковое, т. е. выполнить цѣлый рядъ дѣйствій, на которыя Харбинскій длиннобородый Улиссъ органически неспособенъ.

Не знать, что дѣлается съ вагонами, Хорватъ не можетъ, такъ какъ вагоны продаются въ Харбинѣ семеновскими агентами совершенно открыто, а тогда его бездѣйствіе и попустительство не имѣютъ оправданій.

19 Мая. Произошло то, что уже намѣчалось нѣсколько дней. Семеновъ самоопредѣлился и образовалъ какое-то подобіе временнаго правительства Забайкальской Области: самъ онъ чѣмъ-то въ родѣ Главковерха съ помощниками — казачьимъ генераломъ

Шильниковымъ по казачьей части и съ Таскинымъ по гражданскому управленію; выпущена очень туманная декларація, своего рода Забайкальская керенка. Говорятъ, что вся эта комбинація продѣлана не безъ участія японцевъ. Какъ ни какъ, а высиженный Хорватомъ утенокъ отправился въ отдѣльное плаванье.

Вечеромъ узналъ, что Гликъ уничтоженъ и члены его высланы изъ предѣловъ полосы отчужденія; все благоразумное въ Харбинѣ радуется проявленной наконецъ рѣшимости; надо только, чтобы не испугались тѣхъ воплей, которые неминуемо поднимутъ разные явные и тайные совдепщики и, не останавливаясь уже на полдорогѣ, продезинфекцировать весь составъ служащихъ.

Семеновъ заявилъ, что не признаетъ надъ собой ни Колчака, ни Пѣшкова; настроеніе Харбинскихъ семеновцевъ самое воинственное.

20 Мая. Въ Харбинѣ объявлено военное положеніе. Вышелъ приказъ Хорвата по поводу роспуска Глика и высылки изъ полосы отчужденія виновниковъ забастовки. Приказъ туманный и склизкій, сильно воняетъ желаніемъ себя выгородить; между строкъ сквозитъ, что высылка произведена не по желанію самаго Хорвата, а по требованію китайцевъ; сохраняется для будущаго демократическая зацѣпка. Все это очень непріятно, такъ какъ показываетъ, что рѣшительной перемѣны курса не будетъ.

Мѣстные спасители изъ буржуевъ и разные комитетчики взволнованы отдѣленіемъ Семенова, идутъ совѣщанія, собираются посылать уговаривателей и искать почвы для какого-нибудь соглашенія.

21 Мая. Подогрѣваемые мѣстными большевиками рабочіе митингуютъ, но видимо боятся выступить рѣшительно, такъ какъ стало извѣстно, что китайцы передвигаютъ къ Харбину новыя войска и объявили, что дѣлаютъ это на случай новой забастовки. Всѣ — и Хорватъ, и рабочіе, и разные политиканы какъ бы сговорились дѣлать побольше, чтобы пооснователънѣе утопить здѣсь русское дѣло и дать китайцамъ побольше поводовъ сѣсть намъ на шею, всѣ какъ будто забыли, что за ихъ спинами уже не стоитъ грозная Россія.

Прочиталъ о назначеніи большевиками военныхъ руководителей въ Округахъ; почти всѣ назначенные генеральнаго штаба и среди нихъ Огородниковъ, Нотбекъ, Надежный; публика все невысокаго служебнаго качества, особенно по организаціонной части: Огородниковъ пьяница, лѣнтяй и пустомеля; Нотбекъ совершенно выдохшійся и усталый человѣкъ, Надежный — храбрый казакъ, но на рѣдкость ограниченный человѣкъ . . .

Мнѣ ихъ безконечно жаль, такъ какъ взяты они на эти мѣста принужденіемъ и посажены подъ неослабный надзоръ комиссаровъ; ихъ положеніе хуже каторги и даже хуже смерти.

22 Мая. Былъ въ большомъ штабѣ мѣстнаго Главковерха; тамъ очень недовольны адмираломъ, который по общему отзыву ничего не понимаетъ въ военномъ дѣлѣ и совершенно не желаетъ считаться съ наличной обстановкой; сейчасъ онъ требуетъ немедленнаго похода на Владивостокъ и самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій; его кто-то на это подуськиваетъ. Кромѣ того Семеновскіе «лавры» распаляютъ воображеніе новыхъ Харбинскихъ преторіанцевъ — отряда полковника Орлова, примкнувшихъ, повидимому, къ адмиралу и признающихъ (правда, тоже постолько-посколько) мѣстныя военныя власти; этимъ спасителямъ тоже хочется побѣдъ, но на своемъ собственномъ направленіи; они опредѣленно отказываются идти въ подчиненіе къ Семенову и всячески выставляютъ важность Владивостокскаго направленія.

Эхъ, если бы Хорватъ, при помощи адмирала и его штаба, воспользовался отдѣленіемъ Семенова и приналегъ бы на Орловцевъ; по своему составу они много лучше семеновскихъ, и кромѣ того они меньше распущены и менѣе развращены; здѣсь есть нѣсколько хорошихъ штабъ-офицеровъ старыхъ сибирскихъ полковъ, которыми можно замѣнить самочинное начальство, и сразу рѣзко перемѣнить курсъ. Тогда вскорости и съ Семеновщиной можно будетъ справиться, особенно же, если закрыть имъ возможность кормиться маньчжурскими вагонами.

23 Мая. Между Семеновцами и Орловцами установились самыя враждебныя отношенія. Харбинъ кипитъ; кандидаты въ Наполеоны, Нессельроде, Фуше и другіе поли-

тическіе персонажи носятся, высунувъ языкъ, стрекочутъ, махлюютъ и пытаются показать, что на нихъ сейчасъ покоится пупъ земли и они единственный якорь спасенія. Хорватъ по прежнему неспособенъ рѣзко показать свой курсъ, организовать настоящую силу и погрузился въ разныя комбинаціи помирить всѣ грызущіяся въ Харбинѣ партіи и привести ссорящихся къ какому-нибудь компромиссу. Удачливый ловецъ разныхъ теченій и испытанный боецъ по части разныхъ улаживаній и компромиссныхъ соглашеній, Хорватъ не понимаетъ, что при наличной обстановкѣ всякій компромиссъ только отсрочка и отсрочка очень вредная; это наружное замазываніе опасной болѣзни, которая будетъ расползаться и подъ замазкой, и черезъ нѣсколько времени вылѣзетъ опять. Для выздоровленія нужна рѣшительная операція; результаты всё вознаградятъ и покроютъ всѣ временныя непріятности.

Скверно то, что нѣтъ такой власти, которую бы всѣ признали и которой безпрекословно повиновались бы; народили здѣсь много очень высокаго по титуламъ и окладамъ начальства, но всѣ принадлежатъ къ печальной памяти классу «уговаривающихъ». Плѣшковъ улыбается, банкетируетъ, блистаетъ и остается тѣмъ, чѣмъ былъ всегда, то есть безобидной, никчемушней пустопорожностью. Адмиралъ, повидимому, человѣкъ съ норовомъ до полной неуравновѣшенности и взбалмошности; закидывающійся по пустякамъ; неспособный спокойно и хладнокровно разобраться въ сложной и поганой Харбинской обстановкѣ; непокладистый и колючій, понявшій, повидимому, что такое Семеновъ; не знающій совершенно военнаго дѣла, нашей организаціи, системы обученія и ломящій все по морскому такъ, какъ подобаетъ всякому адмиралу.

Въ результатѣ у Хорвата нѣтъ помощниковъ; даже хуже, такъ какъ отъ нихъ только однѣ хлопоты и никакой пользы; повторяется Крыловская басня, и застрявшій въ Харбинской грязи возъ не двигается съ мѣста и, кажется, все больше грузнетъ въ этой грязи. Нелады въ верхахъ сильно дискредитируютъ власть; сторонники каждаго изъ верховъ не стѣсняются въ краскахъ, и даже въ выдумкахъ, чтобы всячески очернить противниковъ и взвалить на нихъ бывалыя и небывалыя вины. И все идетъ здѣсь ad majorem gloria товарищей комиссаровъ, такъ какъ гноитъ то, что въ другихъ рукахъ могло явиться гибельнымъ оружіемъ для уничтоженія красныхъ гадовъ.

24 Мая. Меня спрашиваютъ, почему я держусь въ сторонѣ отъ происходящаго и не выступаю въ активной роли. Отвѣтилъ, что по полной невозможности принять участіе въ происходящемъ, органически мнѣ противномъ и для меня непріемлемомъ.

Изображать изъ себя memento mori, называть вещи собственными именами сейчасъ безцѣльно, и ничего кромѣ сугубаго раздраженія не принесетъ. Мое credo всѣмъ извѣстно и, если кому оно подходитъ, то я давно заявилъ, что готовъ идти на любую должность генеральнаго штаба, а, буде надо, то и писаремъ, но только въ дѣловой, а не опереточный штабъ. На мои просьбы о зачисленіи на любую должность въ охранную стражу мнѣ не отвѣчаютъ, а я и тамъ былъ бы навѣрно очень полезенъ.

25 Мая. Орловцы усердно подчеркиваютъ, что они поддерживаютъ адмирала и готовы оказать ему помощь противъ всѣхъ, кто его не признаетъ. Вчера Хорватъ посылалъ Самойлова къ генералу Ма, чтобы уладить какой-то довольно острый инцидентъ, вызванный рѣзкимъ отношеніемъ адмирала къ одному изъ мѣстныхъ китайскихъ генераловъ; говорятъ, что когда Колчакъ разойдется, то ни въ выраженіяхъ, ни въ жестахъ не стѣсняется и штормуетъ во всю, примѣняя обширный по этой части морской лексиконъ. Послѣднее время во флотѣ была мода на «грозныхъ» (къ сожалѣнію, только на мирное время) адмираловъ; Харбинъ же кто-то наградилъ пока что только очень безпокойнымъ адмираломъ.

Съ Борзи привезли трупы семеновскихъ офицеровъ и кадетъ, замученныхъ большевиками; безконечно жаль эту молодежь; какъ подлы тѣ вдохновители и распорядители, которые, сами сидя въ полной безопасности, катаясь въ лимузинахъ и проводя время въ весельи и банкетахъ, гонятъ подчиненныхъ въ такіе шалые походы.

26 Мая. Въ городѣ большое волненіе по поводу слуховъ о томъ, что Семеновскій отрядъ отрѣзанъ большевиками отъ станціи Маньчжурія и пробивается съ тяжелыми боями. Случилось то, что было неизбѣжнымъ исходомъ этого наступленія. У послав-

шихъ не шевельнется и тѣни упрека въ томъ, что это ихъ вина, что это результатъ ихъ преступнаго легкомыслія и военной безграмотности. Несомнѣнно, что отрядъ пробьется ибо красная сволочь тоже не особенно охоча рисковать.

Для спасенія авторитета военные верхи кричатъ, что большевиковъ видимо-невидимо, и это-то и заставило отрядъ отходить; а мнѣ думается, что видимо-невидимости неоткуда взяться, а играетъ роль необезпеченность сообщенія, отсутствіе резервовъ и надежды на помощь и прикрытія сзади, и, наконецъ, новый факторъ гражданской войны — чувствительность къ обходамъ, такъ какъ при ихъ удачѣ грозятъ мученія и смерть.

Вдохновители наступленія ищутъ всюду виновныхъ въ неуспѣхѣ; больше всего ругаютъ Самойлова за то, что яко бы онъ не отдалъ Семенову всѣхъ запасовъ Заамурскаго округа; все это гнусная ложь, такъ какъ все, что можно, Самойловъ отдалъ.

27 Мая. Газеты сообщаютъ о заключеніи между Японіей и Китаемъ военнаго договора; событіе огромной важности, которое можетъ быть только ослаблено современнымъ раздробленіемъ Китая и невозможностью для него вести опредѣленную и рѣшительную политику.

Кромѣ того, несомнѣнно, что Америка не позволитъ Японіи сдѣлаться полнымъ опекуномъ Китая.

Въ высокихъ Харбинскихъ сферахъ крупные раздоры: Семеновъ открыто задираетъ «главнокомандующаго адмирала», а Семеновцы и Орловцы ходятъ, натопорщившись другъ на друга, какъ молодые пѣтушки; наиболѣе задорные рѣшили не отдавать чести враждебнымъ организаціямъ.

Тяжело и грустно на все это смотрѣть; въ Забайкальѣ неудачи и, казалось бы, одно это требовало бы единенія, а вмѣсто этого боятся, что дѣло можетъ дойти даже до вооруженнаго столкновенія между враждующими отрядами. Эта рознь даетъ яркую оцѣнку отрядамъ, ибо показываетъ, что у нихъ выше всего личные счеты; дѣло идетъ о спасеніи родины, а у нихъ достаточно какого-нибудь гоголевскаго «гусака», чтобы стать готовыми вгрызться другъ другу въ горло.

Смѣшное положеніе «главнокомандующаго», безсильнаго что либо сдѣлать, показываетъ, что и второй ангажементъ на эту роль сдѣланъ такъ же неудачно, какъ и первый.

28 Мая. Вечеръ весь Харбинъ находился въ напряженномъ состояніи, такъ какъ опредѣленно ожидалось вооруженное столкновеніе между Семеновцами и Орловцами. Сыръ-боръ загорѣлся изъ за того, что адмиралъ приказалъ коменданту города арестовать какого-то зѣло нашкодившаго въ Харбинѣ Семеновца. Семеновъ въ ультимативной формѣ потребовалъ освобожденія своего опричника и, получивъ отказъ, пригрозилъ арестовать самого Главнокомандующаго и, какъ говорятъ, даже отдалъ всѣ для этого приказанія.

Выходитъ, что сейчасъ по части дисциплины мы много хуже большевиковъ. И такіе архаровцы позволяютъ себѣ выпускать деклараціи и обѣщать возстановить законъ и порядокъ; ихъ мѣдные лбы не въ состояніи расчухать, какой гибельный примѣръ подчиненнымъ они даютъ своимъ бунтовщическимъ поведеніемъ.

29 Мая. Когда начались неудачи въ Забайкальѣ, Семеновъ очутился въ Харбинѣ, ибо того «требовало общее положеніе дѣлъ», какъ говорятъ его приспѣшники. На фронтѣ наши войска хорошо знали цѣну тѣмъ начальникамъ, которые при катастрофѣ оказывались въ далекомъ тылу «для докладовъ», «для выясненія положенія и т. п.» Прибывъ въ Харбинъ, Семеновъ заявилъ, что онъ Колчака не признаетъ, слушаться его приказовъ не будетъ, и что всѣ чины его, Семенова, отрядовъ подчинены только своему атаману и никому больше.

Создалось такое положеніе, что всю ночь адмиральскій вагонъ охранялся Орловцами и пулеметами, а стоявшій недалеко Семеновскій поѣздъ находился въ боевой готовности, выставивъ пулеметы изъ оконъ и направивъ ихъ на вагонъ главнокомандующаго. Не то скверная оперетка, не то сумасшедшій домъ.

Отношенія Колчака и Хорвата тоже очень натянутыя; вчера Колчакъ заявилъ Хорвату, что не желаетъ оставаться Главнокомандующимъ и уходитъ, на что получилъ отвѣтъ о неимѣніи къ тому никакихъ препятствій.

Вслѣдъ за этимъ къ Хорвату явилась депутація въ составѣ Орлова, его начальника штаба Венюкова и консула Попова и въ формѣ ультиматума потребовала, чтобы адмиралъ былъ оставленъ на своемъ посту. Ультиматчики зазнались до того, что уже неспособны сообразить, что они повторяютъ то же самое, что дѣлали въ прошломъ году товарищи, когда требовали смѣны или оставленія разныхъ командировъ и что такіе порядки это гробы для настоящей военной силы.

Что отвѣтилъ депутаціи Хорватъ, держится въ секретѣ, но за то извѣстно, что начальнику штаба охранной стражи полковнику Баранову приказано уѣхать въ отпускъ, такъ какъ адмиралъ потребовалъ его удаленія, заявивъ, что иначе онъ прикажетъ его разстрѣлять.

Вся публика, примазавшаяся къ Харбинскимъ штабамъ устроилась отлично, получила казенныя квартиры и содержаніе по высокимъ окладамъ.

Доманевскій допрыгался до того, что сегодня его забрали и посадили въ палату для сумасшедшихъ; предварительно онъ побилъ стекла въ Хорватовскомъ вагонѣ и бѣгалъ по перрону, требуя, чтобы ему подали Хорвата, такъ какъ онъ желаетъ отрубить ему бороду.

Вообще типики такіе, что «свѣжа исторія, но вѣрится съ трудомъ». Сегодня полковникъ Нилусъ разсказалъ слѣдующій случай: Доманевскій считаетъ себя великолѣпнымъ чтецомъ и любитъ угощать гостей своимъ чтеніемъ; однажды, онъ читалъ Надсона и разозлился, что состоящій при немъ для порученій отставной судейскій генералъ Л., угощавшій всѣхъ чаемъ, шумѣлъ стаканами; онъ поднялся и, не говоря ни слова, далъ Л. въ зубы и продолжалъ читать: «Христосъ молился . . .»

Ну и нравы! Харбинское воспроизведеніе помѣщичьихъ привычекъ конца восемнадцатаго столѣтія.

30 Мая. Хорватъ очень непріятно влопался: онъ принялъ депутацію совѣта профессіональныхъ союзовъ и, подлаживаясь къ ихъ тону, излилъ свои гражданскія чувства, критиковалъ дѣйствія отрядовъ и въ общемъ залѣзъ здорово влѣво. Коварные товарищи по окончаніи аудіенціи точно возстановили и записали всѣ его слова и сегодня пропечатали весь этотъ разговоръ въ газетѣ «Трудъ».

Въ этой бесѣдѣ весь Хорватъ, какъ на ладони; очень неделикатные оказались товарищи; знающіе свое начальство управленцы говорятъ, что многоликій и здѣсь вывернется: будетъ молчать, какъ будто бы ничего не случилось, а потомъ все забудется, ибо каждый день несетъ свѣжую сенсацію и заставляетъ быстро забывать старыя.

31 Мая. Большевики рѣшили лишить контръ-революціонный Харбинъ телеграфныхъ и почтовыхъ сношеній съ Россіей.

Хорватъ ни звукомъ не обмолвился по поводу оглашенія его бесѣды съ профессіоналистами. На фронтѣ Семеновъ-Колчакъ тихо, кривая напряженія пошла книзу. Попрежнему только пьянство и скандалы. Атаманы и ихъ старшіе персонажи дивятъ посѣтителей харбинскихъ кабаковъ своими кутежами, оплачиваемыми десятками тысячъ рублей.

Газеты увѣряютъ, что результатомъ военнаго соглашенія между Японіей и Китаемъ будетъ совмѣстное выступленіе ихъ на Азіатскомъ материкѣ; мнѣ думается, что едва ли это будетъ допущено Америкой, которой не можетъ улыбаться слишкомъ тѣсное и чреватое послѣдствіями сотрудничество двухъ косоглазыхъ сосѣдей.

1 Іюня. Началось торжественное выступленіе Орловцев или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «Колченогихъ» на станціи Эхо и Пограничную для дальнѣйшаго завоеванія Никольска; говорятъ, что на этомъ настоялъ адмиральскій штабъ, которому тоже хочется военныхъ лавровъ. Грозные спасители двинулись на востокъ со всѣми семьями и всѣмъ скарбомъ, но почти безъ патроновъ которые въ отрядахъ растеряли, а, какъ говорятъ злые языки, просто распродали, потому что патроны сейчасъ въ большой цѣнѣ (до нѣсколькихъ рублей за штуку).

Орловцы дали вечеръ въ честь Колчака и истратили на это 25 тысячъ рублей; при этомъ они поднесли адмиралу попугайско-опереточную форму своего отряда. Благодаря за пріемъ, адмиралъ перехватилъ черезъ край и брякнулъ, что поднесенная ему форма

дѣлаетъ его такимъ же счастливымъ, какимъ онъ былъ въ день полученія Георгіевскаго Креста. Черезъ нѣсколько дней къ Колчаку явилась депутація отъ мѣстныхъ Георгіевскихъ кавалеровъ и выразила ему свое негодованіе по поводу того, что онъ позволилъ поставить на одну доску полученіе ордена св. Георгія и поднесеніе ему Орловскихъ штановъ.

Быстро созрѣли революціонныя ягодки, правъ былъ Меньшиковъ, когда писалъ, что для русскаго человѣка нѣтъ больше удовольствія, чѣмъ начальству въ носъ гусара запускать; прежде за сіе усѣкали, а теперь это дѣлается легко и съ засосомъ.

По поводу расходовъ Орлова и Ко. на пріемы и обѣды выражаетъ свое недоумѣніе даже такой гусь, какъ начальникъ штаба россійскихъ войскъ генералъ Хрещатицкій.

Тотъ фактъ, что о недостаткѣ патроновъ заговорили наканунѣ посадки въ вагоны, достаточно опредѣленно показываетъ, что никто серьезно въ походъ и не собирался; въ военныхъ подсферахъ прямо говорятъ, что отряды выпираютъ изъ Харбина, дабы избавиться отъ причиняемыхъ ими безпокойства и безпорядковъ, а также изъ боязни, что царящіе между ними раздоры кончатся въ концѣ концовъ генеральной потасовкой.

Улицы Харбина дымятъ пылью отъ носящихся автомобилей разныхъ спасителей съ разнообразными флажками; всякое революціонное начальство начинается обыкновенно съ автомобиля.

Потаповъ, живущій въ одной гостинницѣ съ Харбинскимъ посланникомъ Семенова, полковникомъ Скипетровымъ, разсказываетъ, что, какъ только Скипетровъ напьется (а это бываетъ почти каждый день), то сейчасъ же требуются казенные автомобили, добываются дѣвки и бѣшеное катанье продолжается до утра.

Потаповъ явился ко мнѣ съ предложеніемъ занять должность командующаго войсками Амурской Области, народился де новый Амурскій атаманъ Гамовъ, который, слѣдуя по славнымъ стопамъ Семенова и Калмыкова, формируетъ отряды, съ коими и пойдетъ освобождать Амурскую Область; при этомъ предупредительно сообщалось, что деньги на содержаніе формируемыхъ войскъ имѣются.

Отвѣтилъ, что за деньги не нанимаюсь, въ авантюрахъ участія не принимаю, а если хотятъ вообще выслушать мой совѣтъ по вопросамъ общаго и организаціоннаго характера, то таковой дамъ съ удовольствіемъ, но только предупреждаю, что буду говорить много кислаго и непріятнаго, почему заранѣе прошу не обижаться.

Больше ко мнѣ не обращались.

2 Іюня. На французскомъ фронтѣ началась новая вспышка нѣмецкаго наступленія; уничтоженіе нашего фронта даетъ нѣмцамъ возможность уже два мѣсяца питать такое колоссальное наступленіе. Разъ союзники не могли начать до сихъ поръ контръ удара, то положеніе ихъ сейчасъ очень серьезно.

У насъ продолжаются безчинства. Въ отвѣтъ на арестъ одного Семеновца, обвиняемаго въ грабежѣ и мошенничествѣ, Семеновъ приказалъ захватить начальника перваго отдѣла охранной стражи генерала Марковскаго. Семеновцы въ 4 ч. утра ворвались въ квартиру М. на станціи Бухеду и, не найдя его дома (онъ былъ въ Харбинѣ), перерыли всѣ вещи и залѣзли даже въ спальню жены генерала; когда же послѣдняя указала имъ на грубость ихъ поведенія и добавила, что когда въ Иркутскѣ ихъ обыскивали большевики, то оказались вѣжливѣе и не входили въ ея спальню, то производившій обыскъ крикнулъ, чтобы она не читала имъ нотацій, а то они съ ней раздѣлаются такъ, что она навсегда разучится это дѣлать.

3 Іюня. Адмиралъ остается Главнокомандующимъ; таковъ результатъ нѣсколькодневныхъ совѣщаній, визитовъ, переговоровъ, уговоровъ и соглашеній.

Получены какія-то смутныя свѣдѣнія, что въ Россіи и Сибири начались столкновенія между большевиками и продвигающимися на востокъ чехословацкими бригадами, которымъ разрѣшили эвакуироваться домой черезъ Сибирь.

Съ уходомъ отрядовъ и съ примиреніемъ верховъ въ Харбинѣ стало значительно тише.

4 Іюня. Юпитеры все ссорятся; атаманы изъ Харбина разъѣхались. На западномъ фронтѣ продолжаются упорные бои, причемъ нѣмцамъ удается понемногу расширять свой клинъ.

5 Іюня. Положеніе союзниковъ признается очень тяжелымъ и внушающимъ серьезныя опасенія. Весь вопросъ въ томъ, сохранили ли они резервы, достаточные для перехода въ контръ-наступленіе.

Можно себѣ представить, какъ проклинаютъ насъ теперь союзники за все то, что имъ приходится переживать за послѣдніе два мѣсяца. По настоящему должны ругать не насъ, а своихъ дипломатическихъ и военныхъ въ Россіи представителей, которые все проспали, допустили совершиться революціи, не разобрались къ чему она ведетъ.

6 Іюня. Переходъ Орловскаго отряда на Пограничную заставилъ забезпокоиться большевиковъ Приморской области, и это прервало наши почтовыя сообщенія съ Владивостокомъ. Въ Штабѣ адмирала говорятъ, что Колчакъ собирается ѣхать опять въ Месопотамію, поступить на службу къ англичанамъ и тамъ бить большевиковъ и турокъ; говорятъ, онъ вызывалъ желающихъ ѣхать туда же офицеровъ, но таковыхъ не оказалось; среди мѣстной слякоти мало охотниковъ рисковать жизнью, и во всякомъ случаѣ идти на большія лишенія; куда вольготнѣе ничего не дѣлать, жирѣть и безобразничать здѣсь безъ всякаго риска и опасности.

Я не видалъ ни разу Колчака; всѣ его очень ругаютъ за его вспыльчивость и грубость, но то, что онъ рвется отсюда, показываетъ, что онъ лучше здѣшней своры; кромѣ того, никто не можетъ упрекнуть его въ томъ, что онъ ищетъ чего-то для себя лично. Но безспорно одно, что онъ абсолютно не пригоденъ къ тому мѣсту, на которое его кто-то выпихнулъ, такъ какъ у него нѣтъ ни одного качества, которое для сего требуется.

7 Іюня. Газеты передаютъ грустное для насъ извѣстіе, что въ результатѣ переговоровъ наркомовъ съ Финляндіей послѣдняя получаетъ Мурманъ; это огромная потеря для Россіи и ничѣмъ не вызванная награда для малюсенькой Финляндіи, снявшей всѣ пѣнки за время войны и почти не испытавшей ея тягостей. Война и постройка Мурманской желѣзной дороги ярко показали, какое огромное военное значеніе имѣетъ для насъ сѣверное побережье въ районѣ незамерзающихъ бухтъ; кромѣ того, это районъ неиспользованныхъ еще богатствъ въ видѣ водопадовъ огромной мощности. Ленинъ въ засѣданіи Цика откровенно заявилъ, что Россіи уже нѣтъ, а осталась только маленькая и всѣми угнетаемая Великороссія. Досвистались товарищи экспериментаторы, выплясывающіе какую-то пляску красныхъ вѣдьмъ подъ соціалистическую музыку, но за счетъ русской крови и русскаго тѣла.

8 Іюня. Въ штабѣ охранной стражи узналъ, что между Хорватомъ и Колчакомъ что-то произошло, и что Хорватъ рѣшилъ отмѣнить всѣ полномочія, данныя Колчаку, и сдѣлать Главнокомандующимъ опять Плѣшкова; Колчака же предполагаютъ назначить командующимъ войсками восточной группы, сосредоточиваемой на станціи Эхо. Эта комбинація была рѣшена уже давно, но не приводилась въ исполненіе, пока въ Харбинѣ стояли «колченогіе» Орловцы. Возможность выступленія послѣднихъ на защиту адмирала настолько еще опасна, что Хорватъ спрашивалъ Самойлова, въ состояніи ли послѣдній съ наличными ротами защитить Харбинъ, если на него нападутъ Орловцы. Вотъ до чего довела политика безвластія и потаканія распущенности разныхъ атамановъ.

Орловцы по прибытіи на станцію Эхо ознаменовали сіе грандіознымъ пьянствомъ, съ битьемъ посуды и ораніемъ «Боже Царя Храни»; какъ это глупо и неумѣстно; истинные монархисты должны понимать, что всякое открытое выступленіе это лишній шипъ въ тотъ терновый вѣнецъ, который несетъ сейчасъ вся Царская Семья; истинные монархисты должны дѣлать все, чтобы заставить красныхъ забыть о Тобольскѣ, считать дѣло монархіи навсегда конченнымъ и Государя для нихъ абсолютно безопаснымъ; дѣло же свое творить въ великой тайнѣ.

Главковерхи и Главкомы спокойно смотрятъ на такія возмутительныя вещи, какъ наличіе двухъ оркестровъ музыки въ отрядѣ Орлова, численностью всего въ 200—300 штыковъ.

9 Іюня. Здѣсь готова начаться настоящая междоусобица: Хорватъ смѣстилъ Колчака съ должности Главнокомандующаго и приказалъ ему сдать должность Плѣшкову, а Колчакъ отказался это исполнить и заявилъ, что, если его попробуютъ тронуть, то онъ вызоветъ «вѣрныя ему войска». На замѣчаніе, что это можетъ вызвать кровопро-

литіе, бурный адмиралъ, находясь въ состояніи полнаго шторма, отвѣтилъ: «ну и пусть будетъ кровопролитіе, но распоряжаться всей здѣшней сволочи я не позволю».

Хорватъ, отдавъ приказъ о смѣщеніи, сейчасъ же уѣхалъ въ Пекинъ, предоставивъ Плѣшкову расправляться съ буйнымъ адмираломъ; ну и нашелъ Хорватъ кому поручить такое щекотливое дѣло.

Антуражъ Плѣшкова, ненавидящій Колчака, весь день уговаривалъ его отдать приказъ о вступленіи въ должность и о состоявшемся отрѣшеніи адмирала, но, не любящій никакихъ осложненій, Плѣшковъ отказался это сдѣлать и заявилъ, что будетъ ожидать возвращенія Хорвата. Все это было бы очень смѣшно, если бы не было такъ безконечно печально; вся судьба Россіи на Дальнемъ Востокѣ болтается въ такихъ дряблыхъ, безхарактерныхъ, увертливыхъ или ненормально бурныхъ рукахъ.

Пріѣхала группа депутатовъ Японскаго Парламента, чтобы на мѣстѣ пощупать общественное мнѣніе по вопросу о выступленіи Японіи для оказанія Россіи помощи противъ захватившихъ ее большевиковъ; военные круги Японіи очень хотятъ такого выступленія.

10 Іюня. На верхахъ продолжается скандальная и безотрадно печальная свара. Хорватъ, вернувшись изъ поѣздки въ Пекинъ, сказался больнымъ, но адмирала все же принялъ. Говорятъ, что свиданіе было очень бурное, но въ результатѣ на вопросъ начальника штаба генерала Хрещатицкаго, въ какомъ положеніи вопросъ объ уходѣ Колчака, Хорватъ отвѣтилъ «надо потерпѣть».

Такъ и остается на поученіе войскамъ и на потѣху врагамъ, что отданный Хорватомъ приказъ не исполняется его ближайшими помощниками: однимъ по бурной недисциплинированности, а другимъ по дряблой нерѣшительности. Неужели же этотъ тріумвиратъ не въ состояніи понять, что они дѣлаютъ и какой примѣръ они подаютъ своимъ подчиненнымъ.

Дряблость и дрязги наверху, разбойная и вороватая атаманщина подъ японскимъ, повидимому, соусомъ посерединѣ, разгулъ, распуста и постепенное разложеніе на почвѣ бѣлаго большевизма внизу . . . безнадежная картинка!

11 Іюня. Къ адмиралу прибыла вызванная имъ охрана Орловскаго отряда. Японцы устраивали оффиціальный обѣдъ, но Колчака не пригласили, какъ бы желая подчеркнуть свое имъ недовольство.

Когда же кончится эта скандальная свара; хоть бы союзники цыкнули на наши верхи и заставили ихъ одуматься, прекратить грызню и заняться настоящей созидательной работой. На наше несчастье союзные интересы представлены здѣсь разной мелочью; большинство консуловъ бывшіе коммерческіе агенты, далекіе отъ дипломатіи, и сейчасъ они дѣлаютъ много ошибокъ, а подчасъ прямо глупости. Союзникамъ надо или окончательно махнуть на насъ рукой и предоставить насъ нашей горькой судьбѣ, или же заставить насъ работать въ надлежащемъ направленіи ради нашихъ же интересовъ. Видно, что такова уже наша судьба ожидать всегда спасенія отъ варяговъ.

12 Іюня. Колчаковскій узелъ остается неразрѣшеннымъ. Хорватъ не отмѣняетъ приказа, а адмиралъ его не исполняетъ; въ штабѣ говорятъ, что Колчакъ подалъ Хорвату докладъ о необходимости расформировать всѣ организаціи; идея вѣрная, но теперь едва ли осуществимая, такъ какъ добровольно организаціи не разойдутся, а силы, чтобы ихъ заставить, не имѣется; что Хорватъ можетъ сдѣлать теперь съ Семеновымъ, если онъ боится даже Орловцевъ.

Характерный разговоръ передалъ мнѣ сегодня полковникъ Акинтіевскій: является въ штабъ россійскихъ войскъ семеновскій представитель, полковникъ Скипетровъ, и заявляетъ, что, если не будетъ выпущенъ арестованный по приказу Колчака прапорщикъ Борщевскій, то онъ Скипетровъ прикажетъ арестовать двухъ офицеровъ Орловскаго отряда. Начальникъ штаба вмѣсто того, чтобы арестовать такого заявителя, передаетъ его требованіе адмиралу, отъ котораго получается отвѣтъ съ приказомъ въ случаѣ ареста двухъ Орловцевъ арестовать 3 Семеновцевъ. Это объявляется Скипетрову, который со словами: «ну, а я буду арестовывать всегда на одного больше», уходитъ изъ штаба.

Вѣдь это какой то гнусный фарсъ, а не настоящіе штабы и начальники; развѣ можетъ выйти что нибудь прочное изъ такой распусты и мерзости?

13 Іюня. Видѣлъ помощника Семенова по военной части и его родственника генерала Семенова, котораго знаю давно по службѣ на Дальнемъ Востокѣ; высказалъ ему свое убѣжденіе въ огромномъ вредѣ, приносимомъ дѣлу возстановленія Россіи, появленіемъ атамановъ и разводимой ими атаманщины; высказалъ также свое мнѣніе о томъ, что, если бы Харбинъ не началъ муссировать антибольшевистское движеніе и не совалъ бы на шею Забайкалью Семенова, то вся область съ началомъ полевыхъ работъ успокоилась бы и тогда умѣло выбранное и дѣловое Войсковое Правительство могло бы взять въ свои руки власть и найти опору въ зажиточномъ, домовитомъ казачествѣ; высказалъ также свое удивленіе, что со столь ничтожными силами его атаманъ пускается въ дальнія и сложныя операціи; вѣдь они не могутъ даже начать противъ красныхъ малую войну, ибо симпатіи населенія не на ихъ сторонѣ, а на сочувствіи немногочисленной и рѣдкой по дислокаціи городской буржуазіи далеко не уѣдешь.

Генералъ уклончиво полусогласился съ моими замѣчаніями, но упорно стоялъ на томъ, что атаману надо занять Читу, такъ какъ это сразу произведетъ на все населеніе области очень сильное и благопріятное для него впечатлѣніе.

Для предоставленія квартиръ высокому начальству и штабамъ выгоняютъ изъ насиженныхъ домовъ старыхъ служащихъ и создаютъ этимъ среди послѣднихъ озлобленное настроеніе.

14 Іюня. Безтолочь и сумбуръ продолжаются, и нѣтъ никакой надежды на ихъ прекращеніе. Въ результатѣ тотъ самый Дальній Востокъ, откуда могла и должна была придти смерть большевизму, становится для послѣдняго все менѣе опаснымъ, ибо здѣсь гноится все то, что должно было создать сибирскую бѣлую военную силу.

Вѣдь даже разумный и безпристрастный правый, приглядѣвшись къ Харбину и атаманамъ, брезгливо отшатнется отъ какого либо здѣсь сотрудничества, ибо ничто не можетъ заставить сочувствовать этой грязи; тутъ и измѣнить даже ничего нельзя, ибо противъ искренней идеи порядка и закона поднимаются чудовищно разросшіяся здѣсь подлость, трусость, честолюбіе, корыстолюбіе и прочія прелести.

Вечеромъ въ собраніи принималъ участіе въ бесѣдѣ о современномъ состояніи Россіи и былъ пораженъ, насколько огромное большинство совершенно не понимаетъ того, что произошло у насъ за послѣдніе 15 мѣсяцевъ, и мечтаетъ, что все это пройдетъ, какъ прошли тяжелые дни 1905—6 годовъ. Когда имъ объясняешь, что дѣлается съ нами, то называютъ тебя мрачнымъ пессимистомъ. Печально будетъ ваше просвѣтленіе, господа, не въ мѣру оптимисты!

15 Іюня. Харбинскіе антрепренеры Семеновщины и вдохновители послѣдняго нелѣпаго наступленія очень обезпокоены полученными ими свѣдѣніями о неудачахъ, преслѣдующихъ отрядъ. Иначе, вѣдь, и быть не могло: пока Семеновцы сидѣли на ст. Маньчжурія, «осматривали поѣзда» и семенизировали залежи мѣстнаго желѣзнодорожнаго узла, большевики занимались своими дѣлами по ограбленію русскаго народа и не обращали особаго вниманія на даурскаго соловья разбойника. Наступленіе же встревожило красное осиное гнѣздо, заставило ихъ шевелиться, а такъ какъ красныхъ во много разъ больше, чѣмъ Семеновцевъ, и они не привязаны къ желѣзной дорогѣ, то однимъ своимъ продвиженіемъ на югъ на широкомъ фронтѣ они окружили маленькіе, безъ фланговъ и тыла, семеновскіе отряды, для которыхъ все спасеніе въ быстротѣ отступленія или въ импульсивности прорыва.

Маленькіе, ничтожные людишки, съ куриными мозгами и съ цыплячьимъ опытомъ взгромоздились на большія ходули и пытаются вершить великія дѣла; не нужно и большого вѣтра, чтобы сбросить ихъ на землю.

16 Іюня. Китайцы частно сообщили штабу охранной стражи, что, по донесенію ихъ маньчжурскаго начальника, Семеновцы въ безпорядкѣ бѣгутъ къ ст. Маньчжурія, потерявъ часть артиллеріи; это извѣстіе подтверждено при разговорѣ съ китайскимъ генераломъ Тао, выразившимся, что положеніе семеновцевъ очень скверное, и что онъ приказалъ сосредоточить свои войска къ границѣ; говорятъ, что китайцы готовятся раз-

оружать всѣхъ, кто перейдетъ въ ихъ предѣлы съ оружіемъ въ рукахъ. При всей печальности такого исхода, быть можетъ, онъ былъ бы единственнымъ для насъ выгоднымъ, давъ возможность начать организацію войскъ на другихъ началахъ.

За обѣдомъ у Самойлова генералъ Семеновъ распинался за то, что народъ поднимется и пойдетъ защищать Учредительное Собраніе; кого онъ хотѣлъ этимъ надуть — мнѣ непонятно, такъ какъ всѣ присутствовавшие пробыли по три года на фронтѣ, имѣли на себѣ семи-восьмимѣсячныя революціонныя шишки и знали, что такое для товарищей «Учредиловка»; самъ ораторъ отлично зналъ, что вся жизнь нашего народа сотни лѣтъ складывалась такъ, что у него не было и не могло быть даже и зародышей общественнаго интереса; вѣдь даже и въ полкахъ у солдатъ не было пониманія интересовъ полка и все ограничивалось блиндажемъ и землянкой, восходило до роты въ отношеніи котла, жалованья и нарядовъ и до штаба полка по части полученія простыхъ и денежныхъ писемъ; кое какой интересъ, да и то въ послѣднее время, проявлялся къ своему обозу и мѣстному интендантскому магазину.

Все, что было дальше, являлось для массъ тѣмъ же самымъ, что представлялъ изъ себя міръ для древнихъ. Три четверти солдатъ не знали не только номера рядомъ стоящаго полка, но даже и сосѣдней роты.

Въ деревнѣ вѣдь то же самое; все вертится исключительно около мелкихъ интересовъ самой деревни, заглядываетъ немного въ волость и очень ограниченно въ предѣлахъ своего уѣзда, да и то потому, что оттуда шли разные жупелы — податные, штрафные, судейскіе, тюремные и пр. и пр.

Многіе крестьяне знаютъ свой уѣздъ только по названію, да и то потому только, что это названіе неуклонно фигурируетъ во всѣхъ его документахъ и во всѣхъ актахъ, затрагивавшихъ жизнь мужика. Отъ всего, что выше деревни, и отъ всякихъ «высокихъ понятіевъ» къ мужику шла только одна непріятность, а часто приходили и весьма кусательные скорпіоны, а потому въ своемъ микроскопическомъ и недовѣрчиво-подозрительно со всѣхъ сторонъ замкнутомъ внутреннемъ обиходѣ нашъ мужикъ засѣлъ, какъ соціальный ракъ отшельникъ, далекими горизонтами не интересуется и былъ бы радъ, если бы всѣ его забыли и поменьше трогали.

Несомнѣнно, что временная встряска революціи вызвала и въ деревнѣ временное возбужденіе, да и то только потому, что было связано съ вопросами о прекращеніи войны, о захватѣ помѣщичьей земли, сулило избавленіе отъ многихъ тяготъ и обѣщало райскія, по деревенскому масштабу, благополучія.

Революція оказалась тѣмъ бариномъ, отъ котораго деревня ждала всегда улучшенія своего положенія.

Но возбужденіе это уже прошло. Сначала поносились немного, въ той же надеждѣ найти въ немъ новаго барина, благодѣтеля и цѣлителя всѣхъ старыхъ бѣдъ, — съ Учредительнымъ Собраніемъ; заинтересовались, да и не вездѣ, выборами, а потомъ увидѣли, что изъ городскихъ затѣй ничего путнаго не вышло, ну и стали разрѣшать всѣ насущные вопросы собственными «средствіями» до оглобель, кулаковъ и краснаго пѣтуха включительно; и погрязла вся деревня вновь въ интересахъ своей ближайшей мурьи.

Большевики все это учли и штыками латышей расшвыряли, какъ кучу слѣпыхъ щенковъ, все это Учредительное Собраніе; и никто не шевельнулся въ его защиту, такъ же, какъ не шевельнулись Кіевляне, когда свалили Перуна и потащили его топить въ Днѣпръ.

И теперь воображать, что народъ поднимется и пойдетъ рисковать жизнью, чтобы возстановить какую-то почти невѣдомую и для него безразличную фикцію, это такъ же нелѣпо, какъ былыя утвержденія, что этотъ народъ шелъ защищать Царя и Родину; какъ защитилъ онъ Царя, мы знаемъ по опыту марта 17 года, а что такое для него родина, достаточно опредѣленно показали событія послѣдней четверти того же проклятаго года.

17 Іюня. По китайскимъ свѣдѣніямъ Семеновцы изъ Забайкалья отходятъ на Монголію, такъ какъ путь отступленія къ ст. Маньчжурія перехваченъ большевиками; очень характерно то, что ко времени отступленія многіе именитые семеновцы оказались въ

Хайларѣ, а кое кто докатился и до Харбина; у этихъ господъ нюхъ по части опасности очень развитой.

На востокѣ тоже началась наступательная оперетка; кандидатъ въ Уссурійскіе Семеновы есаулъ Калмыковъ съ нѣсколькими десятками человѣкъ перешелъ границу, дошелъ до Гродековскихъ туннелей, но затѣмъ благополучно ретировался. Адмиралъ приказалъ усилить Калмыкова только что формируемыми ротами отряда Маковкина, самымъ невѣроятнымъ сбродомъ изъ русскихъ кандидатовъ въ хулиганы и приманенныхъ деньгами весьма хунхузистыхъ китайцевъ.

Харбинскіе главкоштабы изображаютъ, что ведутъ огромныя операціи; штабъ временами называютъ «Ставкой»; всѣ отдѣлы приняли озабоченный видъ и готовы исполнять творческія стратегическія операціи и двигать свои «корпуса», численностью человѣкъ въ 200—300, безъ обоза и почти безъ артиллеріи и патроновъ.

Китайцы заявили, что никакихъ русскихъ войскъ изъ Харбина на востокъ не пустятъ, а когда ѣхавшій въ Владивостокъ англійскій военный агентъ согласился прицѣпить къ своему поѣзду нѣсколько вагоновъ съ солдатами Ротмистра Враштеля, то китайцы задержали весь поѣздъ. Поистинѣ правы китайцы, когда на старый окликъ «ходя», они высокомѣрно отвѣчаютъ: «ну теперь это твоя ходя, а моя капитана».

Вся свита Хорвата кричитъ о необходимости немедленнаго расформированія всѣхъ отрядовъ. Поздненько спохватились, господа; нечего теперь кудахтать, такъ какъ вы сами понадѣлали россійскихъ хунхузовъ и бѣлыхъ большевиковъ, загнавъ въ ихъ гноилища безпріютную и искавшую подвига молодежь. Выходитъ, что сердце длиннобородой дряблости вернулось изъ командировки въ атаманскія ставки.

Проявите хоть сейчасъ желѣзную рѣшимость и используйте наличную обстановку, дающую возможность ликвидировать наиболѣе опасную Семеновщину, а для этого закройте ей всѣ способы грабить и существовать; создайте свои прочныя части и привлеките въ нихъ все, что есть порядочнаго въ Семеновскомъ отрядѣ.

Въ Харбинѣ опредѣленно говорятъ, что идея созданія атамановъ принадлежитъ тріумвирату изъ жены Хорвата, консула Попова и начальника военнаго отдѣла генерала Колобова; послѣдній является духовнымъ родителемъ созданія на границахъ полосы отчужденія «кулачковъ», которые въ разныхъ мѣстахъ били бы по большевикамъ и не давали имъ покоя. Нелѣпая по сущности идея была одобрена комитетомъ защиты Родины и Учредительнаго Собранія, думавшимъ, что сіе спасительное средство спасаетъ капиталы богатыхъ заправилъ комитета (теперь они, кажется, почуяли уже, что сія опасность не исчезла, а удвоилась и стала очень близкой).

Всѣхъ бы этихъ авторовъ, вдохновителей и подстрекателей слѣдовало бы отдать на сутки въ распоряженіе ближайшаго совнаркома въ расплату за кровь русской молодежи, пролитую и проливаемую для осуществленія всѣхъ этихъ ахиней и корыстолюбивыхъ вожделѣній, и за тотъ колоссальный вредъ, который уже нанесенъ ими дѣлу русскаго возрожденія здѣсь на Востокѣ.

18 Іюня. Харбинскій штабъ Семенова, очень рекламно сообщавшій о трофейныхъ вагонахъ и телеграфныхъ аппаратахъ, упорно молчитъ, и этимъ даетъ пищу для самыхъ чудовищныхъ слуховъ и страховъ; только честные люди способны объявлять всегда правду, какова бы она ни была.

Въ собраніи я сегодня не выдержалъ и впервые, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, охарактеризовалъ значеніе отрядовъ и рѣзко оттѣнилъ виновность ихъ создателей и вдохновителей.

Подъ вліяніемъ трусливыхъ опасеній о возможности возвращенія сюда совдепскихъ гераклидовъ, въ Харбинѣ начались какія-то демократическія совѣщанія по выработкѣ обращенія къ союзникамъ съ призывомъ о помощи.

Удивительный народъ эти Харбинцы, воображающіе себя пупомъ русской земли! Они думаютъ, что достаточно имъ собраться, поболтать и, попивъ чайку, руками какого-нибудь борзописца настрочить хлесткую и жалостную резолюцію, и сейчасъ же зашевелятся спящія дѣвы — союзники, двинутся корпуса и поплывутъ корабли. Надо было раньше имѣть голову на плечахъ.

19 Іюня. Былъ у мѣстнаго Даоиня Литьяао, стараго знакомаго по Владивостоку; по рѣшительности его тона вижу, что китайцы отлично сознаютъ свою силу или, вѣрнѣе сказать, наше безсиліе; онъ мнѣ подтвердилъ, что генералъ Тао приказалъ разоружить отрядъ Орлова и что Хорватъ просилъ дать ему одинъ день отсрочки, но въ этомъ было отказано.

Въ вопросъ о ликвидаціи отрядовъ впутались высокіе штабы, испуганные возможностью упраздненія и ихъ самихъ, и крѣпко стоятъ за сохраненіе status quo; повидимому и эта надежда на возможность перехода къ здоровой системѣ организаціи должна рухнуть, изъ за жалкаго честолюбія и эгоизма разныхъ людишекъ.

20 Іюня. Городъ опять переполненъ разными спасителями, убѣжавшими изъ разныхъ отрядовъ; одинъ изъ командировъ полковъ сказалъ мнѣ, что при существующемъ хаосѣ начальники частей безсильны установить хоть какой-нибудь воинскій порядокъ, ибо офицеры, которымъ не нравится служебный режимъ или которымъ сдѣлано замѣчаніе, складываютъ пожитки и большею частью, даже ничего не заявляя, перекочевываютъ въ другую часть, при чемъ есть ловкачи, успѣвающіе такимъ образомъ получать содержаніе въ нѣсколькихъ частяхъ сразу. Больше всего тянутъ къ Семенову, такъ какъ туда влечетъ лучшая оплата, болѣе привилегированное общее положеніе и разсказы о разныхъ вкусностяхъ и вольностяхъ тамощней службы.

Часть спасителей, съ благословенія Хорвата, бросилась записываться въ охранную стражу къ ужасу Самойлова, который умоляетъ избавить его отъ этихъ хулигановъ и отправить ихъ, что ли, на выучку и дрессировку къ союзникамъ. На это Хорватъ отвѣтилъ: «да кто же согласится ихъ принять; вѣдь они никуда не годны».

21 Іюня. Состоялось демократическое совѣщаніе; какъ и слѣдовало ожидать, всѣ пролетарскіе представители заявили протестъ противъ приглашенія союзниковъ и ушли изъ засѣданія; въ этомъ они искренни, ибо понимаютъ, что съ прибытіемъ союзниковъ конецъ всякимъ надеждамъ на возстановленіе здѣсь совдепіи; тутъ ихъ не проведешь никакими демократическими вывѣсками и никакими туманными резолюціями; они отлично сознаютъ, что демократія, учредительное собраніе, народоправство и прочій словарь это одна бутафорія, отъ которой имъ, кромѣ шишекъ на лбу, ничего не причтется.

Скверно то, что наша буржуазія не способна говорить прямо и открыто, что она хочетъ возстановленія закона и порядка; скверно то, что она не понимаетъ, что ей необходимо многимъ поступиться, многое пожертвовать и опредѣленно, рѣшительно, безповоротно объ этомъ заявить. Нужна открытая и честная дѣловая сдѣлка, а не полужульническія съ обѣихъ сторонъ фигли-мигли. Тутъ вѣдь и обманъ безцѣленъ, ибо обманутый достаточно независимъ, чтобы опрокинуть все достигнутое соглашеніе и свести его на нѣтъ. Нужно откровенно сознаться, что возстановленіе порядка и возобновленіе государственнаго аппарата среди распустившихся массъ требуетъ наличія силы принужденія, законной, безпристрастной и безпартійной, а такъ какъ своей силы нѣтъ, то и приходится просить временной помощи союзниковъ. Нужно сказать всю правду.

22 Іюня. Въ газетахъ появились выдержки преній, происходившихъ на демократическомъ совѣщаніи; рабочіе, профессіональные союзы и отдѣльныя національныя группы высказались противъ приглашенія союзниковъ; ничего патріотическаго или національнаго въ этомъ протестѣ нѣтъ, такъ какъ подъ нимъ кроется только боязнь потерять всѣ «завоеванія революціи». Пригласительная резолюція принята одними цензовиками, то-есть получилось то, что слѣдовало предвидѣть еще до созыва этого никчемушняго совѣщанія; въ результатѣ убѣдились еще разъ, что населеніе разслоено на два непримиримые лагеря, которые не согласить между собою никакими демократическими соусами. Нужно много времени и тягчайшихъ испытаній для того, чтобы сгладились острые торчащіе изъ каждаго лагеря углы и острія, чтобы исчезло свирѣпое недовѣріе и сдѣлалась возможной какая-нибудь средняя линія прочнаго и искренняго соглашенія. Сейчасъ же народныя массы болѣе чѣмъ когда либо подозрительны ко всему, что идетъ изъ буржуйнаго лагеря; онѣ понимаютъ, сколько потеряли «господа», и соображаютъ, что такія потери не забываются; при такой обстановкѣ безплодны будутъ попытки хоть сколько-нибуть овладѣть массами, въ какіе революціонные цвѣта ни наряжайтесь.

Всѣ попытки буржуазія идти вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ, начатыя съ самаго начала революціи, постоянно возобновляемыя и повторяющіяся еще и нынѣ, были и остаются покушеніями съ негодными средствами. Тѣ, кто хватили хмѣльной воли, не сдѣлают добровольно ни шага назадъ.

23 Іюня. Косолапыя и «неумныя» дѣйствія нашихъ «правительствъ» напоминаютъ фарсъ на тему изъ жизни экзотическихъ республикъ; каждое изъ правительствъ ищетъ вѣрноподданныхъ путемъ самыхъ заманчивыхъ посуловъ, пыжится во всю и пытается доказать, что оно самое настоящее и законное, сильное и популярное, и, если еще не гремитъ во всю, то только изъ снисходительности и въ ожиданіи, что слѣпые прозрятъ, маловѣрные познаютъ и принесутъ покорность.

Забайкальское правительство Семенова сидитъ на китайской территоріи, подъ защитой китайскихъ войскъ; не можетъ носа сунуть на территорію, правительствомъ которой именуется, но декларируетъ законы, назначаетъ министровъ и должностныхъ лицъ. Появилось и Амурское Правительство, приступившее къ формированію своихъ войскъ, куда, какъ гласитъ объявленіе, «съ согласія генерала Хорвата» приглашаются желающіе.

Освѣдомители стараются во всю.

24 Іюня. Въ штабѣ россійскихъ войскъ говорятъ, что совмѣстное выступленіе союзниковъ въ Сибири рѣшено окончательно и на дняхъ ожидается начало реальнаго его осуществленія; форма выступленія еще не извѣстна, а въ этомъ вся суть. Прежде всего должна быть организована и всѣми признана всероссійская правительственная власть, которой и оказывается помощь; власть должна быть нейтральная отъ какихъ-либо партій, съ ясной, не внушающей никакихъ сомнѣній и подозрѣній платформой; помощь должна заключаться въ созданіи безопасной обстановки для созидательной работы русской правительственной власти. Союзники должны поставить намъ твердыя условія и потребовать отъ насъ утвержденія законности, безусловнаго отказа отъ идеи валового реванша и гарантій, что никому не будетъ позволено сводить старые счеты и насильничать.

Если бы выступленіе было обставлено такими условіями, то его надо всемѣрно привѣтствовать. Самый тревожный вопросъ: а изъ кого же будетъ состоять русское правительство? Кандидаты здѣсь все такіе, что хоть святыхъ вонъ уноси; они могутъ только все сносить и неспособны ни на что творческое; имъ власть нужна только ради ея самой и связанныхъ съ ней выгодъ.

Единственный исходъ заключался бы въ присылкѣ сюда какого-нибудь сильнаго человѣка съ правами диктатора, но съ нормальнымъ аппаратомъ власти; многоголовой власти сейчасъ быть не можетъ; не можетъ быть и власти партійной или основанной на соглашательствахъ, голосованіяхъ, уговорахъ и компромиссахъ. Все дѣло въ томъ, найдется ли подходящее лицо для такой великой задачи: это долженъ быть человѣкъ великой идеи, колоссальнаго опыта и знаній, несокрушимой силы воли; неспособный свалиться ни вправо, ни влѣво; геніальный по выбору сотрудниковъ и по управленію ими; съ чистой, здоровой и открытой программой своей работы и съ способностью творить свое дѣло, не боясь ничьихъ криковъ, ничьихъ вліяній и ничьей явной или подпольной силы.

25 Іюня. Городъ наполненъ сенсаціонными слухами о происшедшей въ Сибири революціи, о сверженіи тамъ совдеповъ и образованіи Сибирскаго Правительства; все это связывается съ движеніемъ черезъ Сибирь чехословацкихъ войскъ, которыя, угрожаемыя какими-то распоряженіями совнаркомовъ, поддержали тайныя сибирскія военныя организаціи и помогли имъ свалить совѣтскую власть.

Хочется радоваться, но боюсь позволить это себѣ до полученія болѣе точныхъ извѣстій; здѣсь слишкомъ много фабрикуется сенсацій, и было бы очень горько разочароваться. Упоминаніе чехословаковъ даетъ много основаній для хорошихъ надеждъ, такъ какъ на фронтѣ о нихъ отзывались очень хорошо и, если имъ удалось сохранить оружіе, то они, да еще при помощи мѣстныхъ офицерскихъ организацій, должны разнести ко-

миссаровъ безъ малѣйшаго затрудненія. Хочется надѣяться, что и въ дальнѣйшемъ существовавшія въ чешскихъ полкахъ отличная дисциплина, сплоченность и муштра помогутъ намъ въ нашей военной реконструкціи.

26 Іюня. Мѣстныя газеты сообщили о рѣшеніи союзниковъ помочь Россіи путемъ военнаго вмѣшательства въ дальневосточныя и сибирскія дѣла. Наши «правительства» и комитеты зашевелились и заерзали передъ мѣстными иностранными представителями; у многихъ текутъ слюнки отъ предстоящихъ возможностей попасть на первое мѣсто.

Въ контролѣ мнѣ разсказывали, какъ расхищаются на станціи Маньчжурія груженные вагоны; Семеновцы реквизируютъ все, не брезгая ни галантереей, ни дамскими ботинками. Станціонное начальство, таможня и грузовладѣльцы молчатъ, ибо знаютъ, что поднявшему крикъ грозитъ прогулка въ Даурскія сопки, откуда уже нѣсть возврата. Но почему молчитъ Хорватъ и допускаетъ такой грабежъ, совершенно непонятно.

Содержимое вагоновъ продается близкимъ къ атаману и его главнымъ приспѣшникамъ людямъ за десятую и меньше часть стоимости.

27 Іюня. Сюда пріѣхалъ генералъ Флугъ, пробравшійся подъ видомъ пастора черезъ всю Сибирь, съ порученіями, какъ говорятъ, отъ Алексѣева и Корнилова; къ сожалѣнію, онъ ѣхалъ такъ долго, что его свѣдѣнія больше чѣмъ устарѣли.

Упорно говорятъ, что большевизмъ въ Сибири сверженъ и тамъ уже у власти стоитъ новое сибирское правительство. Если это вѣрно, то союзное вмѣшательство болѣе чѣмъ необходимо, дабы подъ его впечатлѣніемъ въ первый же періодъ дать новой власти окрѣпнуть и создать необходимѣйшій государственный аппаратъ. Я очень надѣюсь на Сибирь, на ея солидность и уравновѣшенность и на то, что среди коренныхъ сибиряковъ наберется нѣсколько десятковъ честныхъ людей, способныхъ установить власть опредѣленную, твердую, законную и для населенія полезную. Только бы не играли въ демократію и не боялись отобрать у массъ тѣ опасныя игрушки, которыми тѣ завладѣли; будутъ неудовольствія, будутъ возстанія, но первыя надо перетерпѣть, а со вторыми справиться — тогда черезъ нѣсколько времени все перемелется.

Самое опасное для новой власти это эсеры съ ихъ засохшими на одномъ мѣстѣ утопіями; если они не эволюціонировали за это время, то и ихъ участіе въ новой власти и ихъ борьба противъ нея будутъ одинаково вредны.

Въ мѣстной больницѣ умеръ старый заамурецъ полковникъ Шелиховъ; онъ былъ арестованъ Семеновцами вмѣсто генерала Марковскаго и не выдержалъ испытанныхъ имъ за время ареста издѣвательствъ.

28 Іюня. Здѣсь задержано 29 вагоновъ кожи, реквизированныхъ Семеновымъ на станціи Хайларъ и проданныхъ какому-то спекулянту; они слѣдовали, какъ военный грузъ съ оплатой по военному тарифу.

И всего этого недостаточно для того, чтобы принять рѣшительныя мѣры противъ грабителей; вѣдь всѣ знаютъ, что добываемыя этимъ путемъ деньги идутъ преимущественно на тѣ дикіе кутежи и роскошную жизнь, которыми прославляютъ себя всѣ атаманскіе прихвостни. Доколѣ-же, о Хорватъ, ты будешь оставаться дряблой тряпкой?

29 Іюня. Вчера въ кабакѣ Палермо происходило очередное грандіозное пьянство нашихъ спасителей, закончившееся стрѣльбой и убійствомъ Семеновскаго офицера хорунжаго Кабанова, имѣющаго какое-то причастіе къ продажѣ вагоновъ; при поднятіи трупа Кабанова въ его карманахъ нашли 130 тысячъ рублей.

Нравы самые откровенные; родственникъ моего beau frère'а, служившій писаремъ въ одной изъ батарей, разсказывалъ, что тамъ дѣлается по части хозяйства; всѣ стараются набивать карманы, не останавливаясь ни передъ подложными счетами, ни передъ сотрудничествомъ съ самыми грязными аферистами. Зато всѣ кутежи относятся на счетъ хозяйственныхъ суммъ, и въ такой гнусной и воровской обстановкѣ готовится на службу Родинѣ наша зеленая молодежь.

30 Іюня. Союзникамъ начало улыбаться военное счастье: итальянцы побили австріяковъ и побили, кажется, довольно серьезно.

Колчакъ уѣхалъ въ Японію; считаютъ, что этимъ весь инцидентъ исчерпанъ. О томъ, что не исчерпаны его вредныя послѣдствія и его гибельный примѣръ, никто не думаетъ. Не хватило даже совѣсти воспользоваться перемѣной лица и упразднить нелѣпую должность Главнокомандующаго, а также расформировать части, состоящія изъ начальства, штаба и хора музыки.

1 Іюля. Инцидентъ съ задержаніемъ вагоновъ съ кожей грозитъ сдѣлаться злобой дня. Семеновскіе представители, обезпокоенные слишкомъ громкимъ скандаломъ, заявили, что ихъ атаманъ выслалъ въ Харбинъ особаго уполномоченнаго — ревизора, чтобы разобрать это дѣло.

Ревизору для внушительности дана цѣлая сотня Семеновскихъ баши-бузуковъ, — испытанное средство для того, чтобы у многихъ отшибло память и засохли языки, и они не были бы слишкомъ говорливы; здѣсь весь Семеновъ. Несмотря на всѣ видимые атрибуты власти, защиты и помощи получить не у кого.

2 Іюля. Говорятъ, что въ Владивостокѣ произошло вооруженное столкновеніе между большевиками и прибывшими туда чехословаками и что успѣхъ на сторонѣ послѣднихъ.

Вечеромъ въ желѣзнодорожномъ собраніи очередной офицерскій скандалъ, но съ особымъ оттѣнкомъ; подралась пьяная компанія, причемъ одинъ изъ офицеровъ, состоящій на солдатской ваканціи, ударилъ офицера, занимающаго офицерскую должность. Тогда ударившаго прежде всего скопомъ избили, а затѣмъ рѣшили тутъ же разстрѣлять «за тяжелое нарушеніе дисциплины» (!!); на счастье ихъ жертвы, ни у кого не оказалось патроновъ и, пока за ними ѣздили, старшины успѣли вызвать коменданта города, который и увезъ приговореннаго къ разстрѣлу или вѣрнѣе сказать къ «застрѣлу».

Швейцаръ собранія, старый солдатъ, высказалъ мнѣ послѣ этой исторіи, что у него сердце болитъ, смотря на теперешнихъ офицеровъ; онъ служилъ и въ Петербургѣ, и здѣсь, но прежде и за десять лѣтъ не приходилось видѣть столько безобразничающихъ офицеровъ, сколько теперь видитъ за одну недѣлю.

3 Іюля. Въ районахъ Никольска и Владивостока идутъ бои между чехословаками и большевиками; о томъ, что успѣхъ долженъ быть на сторонѣ первыхъ, не можетъ быть ни на минуту сомнѣнія.

Какое горе, что у насъ сейчасъ вмѣсто организованной силы опереточныя правительства, опереточныя Главкоплѣши и опереточные по своему боевому значенію, но очень грозные по своей распущенности и по царящей среди нихъ жаждѣ реванша и мести отряды.

Попыткой задержать чехословаковъ Троцкій далъ намъ всѣ козыри и самъ родилъ ту силу, которая способна раздавить его красную мразь.

Но если то, что зародилось въ Харбинѣ и сгноено въ разныхъ отрядахъ, полѣзетъ на русскую территорію, то населеніе скоро пожалѣетъ объ ушедшихъ большевикахъ; конечно, черное населеніе, котораго большевики почти не трогаютъ, но которое больше всѣхъ затрещитъ отъ нашихъ спасителей.

Такъ хочется, чтобы откуда-нибудь пришла сила, способная направить все это въ хорошую сторону; вѣдь большинство еще не испорчено безнадежно, способно на порывъ и увлеченіе и подъ здоровымъ начальническимъ и товарищескимъ вліяніемъ можетъ начать давать столько же хорошаго, сколько даетъ теперь дурного; сейчасъ это еще воскъ, изъ котораго выйдетъ то, чего хочетъ рука лѣпящаго.

4 Іюля. Опредѣленно сообщается, что во всей Западной Сибири власть совдеповъ свергнута; страна возвращена къ порядку и законности и установлено новое Сибирское Правительство, имѣющее уже свою армію. Въ тяжелые дни всегда вѣрилось, что избавленіе Россіи отъ краснаго змія должно начаться съ Сибири, бывшей всегда пасынкомъ центральнороссійской мачехи, и назначенной стать спасителемъ этой самой мачехи въ самыя тяжелыя минуты ея исторической жизни.

5 Іюля. Ночью Штабъ россійскихъ войскъ во всемъ своемъ многолюдствѣ изволилъ отбыть на станцію Пограничная, какъ на начальный этапъ будущаго движенія въ предѣлы Приморской Области.

При отправкѣ штабные юпитеры и юпитеринки чуть не загрызли совсѣмъ завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ Полковника Всеволожскаго за то, что штабные вагоны не были снабжены электрическимъ освѣщеніемъ; сіе очень типично для всякаго россійскаго штаба любого Главкотяпа, начиная отъ Царскаго Генералъ-Адъютанта и кончая краснымъ товарищемъ.

6 Іюля. Мѣстные патріоты высоко вздыбили свои головы, усердно радуются, и готовятъ скорпіоны для будущихъ побѣжденныхъ.

Откуда то появилась радіограмма съ манифестомъ о вступленіи на престолъ Великаго Князя Михаила Александровича. Конечно, мѣстные монархисты не преминули воспользоваться подходящимъ случаемъ и потребовали, чтобы оркестръ въ саду желѣзнодорожнаго собранія сыгралъ «Боже, Царя храни». Капельмейстеръ отказался исполнитъ ихъ требованіе, послѣ чего они явились къ дежурному старшинѣ, чтобы онъ приказалъ оркестру играть.

Старшина игралъ въ карты; въ числѣ партнеровъ былъ и я; надутый, проявляемый въ кабакахъ «монархизмъ» я всегда считалъ оскорбительнымъ для монархіи, и вмѣшался въ разговоры пришедшихъ со старшиной; я имъ заявилъ, что ихъ патріотическія чувства были исключительно остро нужны Его Величеству Государю Императору въ тяжкіе дни начала революціи, но тогда къ горю и стыду нашему эти чувства проявлены не были, и Романовы въ тягчайшія минуты оказались несчастнѣе Бурбоновъ, за которыхъ шли на смерть. Теперь же проявленія монархическихъ чувствъ только ухудшаютъ и безъ того невыносимое положеніе Царской семьи, и поэтому истинные, не показные только, монархисты обязаны спрятать свои чувства и работать идейно для тѣхъ временъ, когда реставрація станетъ естественно неизбѣжной.

Одинъ изъ пришедшихъ вызывающе обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «а каковы, Ваше Превосходительство, ваши политическія убѣжденія». Тогда я всталъ и, смотря на всѣхъ въ упоръ, сказалъ: «также, какъ и всѣ вы, я теперь измѣнившій полтора года тому назадъ Своему Государю монархистъ, стыдъ свой таю въ сердцѣ своемъ, и своихъ чувствъ по улицамъ и ресторанамъ не таскаю».

Пришедшіе опустили глаза, и, не отвѣтивъ ни слова, ушли.

Видѣлся съ Флугомъ; онъ вынесъ изъ Харбинскихъ впечатлѣній аналогичное со мной заключеніе о томъ, что мѣстные отряды это большевики, но только подъ бѣлымъ соусомъ imperial.

7 Іюля. Мѣстные монархисты ликуютъ и готовы служить молебны по поводу восшествія на престолъ Императора Михаила I; пришлось имѣть по этому поводу крупную стычку съ нѣсколькими изъ нихъ и доказывать имъ, что это извѣстіе несомнѣнно провокаціоннаго характера; ибо Великій Князь Михаилъ Александровичъ лучше ихъ понимаетъ, что подобное выступленіе въ то время, когда Государь и Царская семья находятся въ рукахъ совдепщиковъ, можетъ отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на Ихъ судьбѣ. Долгъ всякаго монархиста вести себя такъ, чтобы комиссары забыли о Государѣ и пришли къ заключенію, что Онъ совершенно для нихъ безопасенъ.

Вечеромъ Хорватъ «отбылъ на фронтъ», такъ называется теперь станція Пограничная; мѣстные полководцы очень горды образованіемъ «собственнаго фронта», такъ какъ съ самоопредѣленіемъ Семенова они остались при однихъ тылахъ, а между тѣмъ имѣть свой фронтъ считалось и считается необходимѣйшимъ аксессуаромъ для всякаго большого тылового героя.

На этомъ новомъ фронтѣ уже началась свара; мелко разбойничій подголосокъ Семенова Калмыковъ, къ которому за послѣднее время набѣжало въ чаяніи предстоящихъ благъ много разной вольницы, тоже самоопредѣлился, заявилъ, что Плѣшкова онъ слушаться не желаетъ, а съ Орловымъ дѣйствовать совмѣстно не будетъ. Посему и выписали сладкоглаголиваго соглашателя въ надеждѣ, что онъ какъ-нибудь помиритъ собравшихся на Пограничной лебедя, рака и щуку.

8 Іюля. Проснулись сегодня сразу при двухъ Правительствахъ: во Владивостокѣ Сибирское (видимо какой то дубликатъ), а у насъ, поднимай выше, — Всероссійское съ

Хорватомъ во главѣ и съ помощниками ему въ лицѣ избранныхъ дѣятелей Дальне-восточнаго Комитета и прочихъ «извѣстныхъ всей России лицъ».

Правительства натопорщились другъ на друга и уже собираются одно другое арестовать.

Хорватъ и члены Правительства, отбывшіе на фронтъ, везутъ съ собой «манифесты о принятіи на себя всей полноты власти», для торжественнаго объявленія его въ Никольскѣ. Форменная оперетка да еще съ третьеразрядными исполнителями! Близкіе «Правительству» дѣловые круги радуются въ предвкушеніи бѣшеныхъ выгодъ, связанныхъ съ «принятіемъ всей полноты» друзьями и обязанными.

Теперь становятся ясны всѣ махинаціи послѣднихъ дней: удаленіе Колчака, выводъ Орловцевъ, образованіе восточнаго фронта и пр. Все это были «пріуготовительныя упражненія», а нынѣ сразу выпалили изъ сорока двухъ вершковой мортиры «бонбой» въ видѣ Всероссійскаго Правительства.

9 Іюля. Въ Штабѣ охранной стражи получены первыя свѣдѣнія о настроеніи чехословаковъ; ихъ отношенія къ намъ и къ существующимъ здѣсь политическимъ комбинаціямъ еще не опредѣлились; они возбуждены очень противъ большевиковъ, рѣшили ихъ бить и сіе пока исполняютъ.

Характеристикой, образовавшагося во Владивостокѣ Сибирскаго Правительства, служитъ фактъ назначенія министромъ (чуть ли не иностранныхъ дѣлъ) Аркашки Петрова, бывшаго студента Восточнаго Института, изображавшаго изъ себя краснаго анархиста, а затѣмъ превратившагося путемъ женитьбы въ петербургскаго буржуя и «политическаго дѣятеля».

На «фронтѣ» невѣроятный кабакъ; всѣ хотятъ распоряжаться, но никто не хочетъ повиноваться. Калмыковъ, по донесенію Полковника Акинтіевскаго, обнаглѣлъ до недопустимости; Главнокомандующій и Правительство дѣлаютъ видъ, что сего не замѣчаютъ.

10 Іюля. Въ мѣстныхъ газетахъ появились указы Временнаго Правительства автономной Сибири, родившагося во Владивостокѣ, жалкія подражанія разнымъ керенiадамъ съ тѣми же демократическими и революціонными всхлипываніями.

Въ частяхъ войскъ сохранены комиссары съ назначеніемъ на эти должности какихъ то невѣдомыхъ прапорщиковъ, очевидно съ громкимъ ррреволюціоннымъ прошлымъ.

Аркашка Петровъ дѣйствительно назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; по своей ограниченности и самодовольной надутости онъ будетъ подходящимъ персонажемъ для демонстраціи этихъ столь присущихъ нашему «Странному» министерству качествъ.

Весь городъ похожъ на разбуженный улей; ждутъ какихъ то дѣйствій Всероссійскаго «made in Harbin» Правительства.

11 Іюля. Съ вечера по городу расклеены обращенія къ населенію отъ лица народившагося Временнаго Правительства всей Руси, возглавляемаго Временнымъ Правителемъ генераломъ Хорватомъ. Явленіе сіе, хотя и произошло на востокѣ, но появленіемъ звѣзды не сопровождалось; вмѣсто же восточныхъ царей фигурировали, вѣроятно, члены Дальневосточнаго Комитета.

Населенію объявляется, что господинъ Хорватъ рѣшилъ «принять на себя всю полноту государственной власти». Видимо, примѣръ Семенова заразителенъ; если онъ обавтономился на забайкальскомъ званіи, то отчего же Хорвату не хватить въ томъ же духѣ, но уже во всероссійскомъ масштабѣ.

Активъ у обоихъ претендентовъ почти одинаковъ, и если у Хорвата больше нравственнаго и международнаго авторитета, то у забайкальскаго Гришки больше дерзости, рѣшительности, да и его орды, пока онъ ихъ кормитъ, его слушаются; денежныя средства тоже изъ родственнаго источника: у одного секретныя позаимствованія изъ кассы К. В. ж. д., а у другого явный грабежъ вагоновъ и грузовъ той же дороги.

Сфабрикованный еще въ Харбинѣ манифестъ собирались объявить въ Никольскѣ, но чехословаки не пустили туда новоявленное Всероссійское Правительство, пришлось ограничиться единственной доступной станціей Гродеково, благо, что она пришлась на русской территоріи. Веселенькое начало для Всерррослйскаго Пррравительства.

Мѣстные приспѣшники Хорвата умиленно разсказываютъ, что инспирировавшіе его на это выступленіе круги требовали, чтобы онъ объявился «Верховнымъ Правителемъ», но онъ, «по присущей ему скромности», согласился только при условіи наименованія «Временнымъ Правителемъ».

Злые же языки говорятъ, что новоявленный правитель это только ширма, за которой распоряжаются его собственная супруга, консулъ Поповъ и японскій майоръ Араки — комбинація для меня совершенно непонятная.

Отрядъ Орлова расформировали; по хозяйственной части тамъ обнаружена растрата до полумилліона рублей. Какъ обидно, что во время не произвели такой же операціи и съ другими отрядами; насколько все здоровое и разумное было бы теперь легче къ осуществленію.

На завтра назначено молебствіе о благоденствіи Державы Россійской и Временнаго Правителя Ея; хоть бы помолились о томъ, чтобы правитель пересталъ быть Хорватомъ, прогналъ всю обсѣвшую его мразь и сдѣлался способнымъ выполнить ту великую задачу, за которую взялся; пусть бы на немъ повторилась въ россійскомъ воспроизведеніи исторія монаха Гильдебрандта. Мало у меня на это надежды, но чего не случается.

12 Іюля. Продолжается представленіе не то Харбинскаго Ревизора, не то «Тушинскаго вора», но только въ ярко опереточныхъ полотнахъ. Правитель и Министры Державы Россійской сидятъ въ Гродеково, такъ какъ дальше входъ имъ воспрещенъ чехами.

Мѣстные «близкіе къ Правительству круги» увѣряютъ, что такое неопредѣленное положеніе продолжится только нѣсколько дней, ибо сей «кудета» устроенъ съ благословенія союзниковъ и очень скоро со всѣхъ сторонъ къ Правителю хлынетъ союзническая помощь во всѣхъ видахъ. Здѣшніе же консула на всѣ вопросы объ ихъ отношеніи къ новоявленной власти отвѣчаютъ очень туманно, что генералъ Хорватъ можетъ разсчитывать на ихъ симпатіи (что-то очень расплывчатое и невѣсомое).

Въ Штабѣ говорятъ, что наши отряды уже усилены двумя тысячами японцевъ, поставленныхъ чуть ли не по подряду какимъ то ловкимъ предпринимателемъ; добровольцамъ этимъ назначено жалованье 150 іенъ въ мѣсяцъ и гарантируется пособіе въ 2000 іенъ за рану и 10 000 іенъ въ случаѣ смерти; увѣряютъ, что часть добровольцевъ уже прибыла, но отказалась войти въ составъ нашихъ отрядовъ и желаетъ формировать свои собственныя части.

Какой идіотъ или мерзавецъ могъ родить такой нелѣпый и подлый проектъ; неужели же для полученія кучки наемной сволочи надо идти на столь гнусныя соглашенія; сбиваемся все на комиссарщину, которая тоже принимаетъ иноземныхъ бандитовъ, чтобы расправляться со своими.

13 Іюля. Правительство продолжаетъ сидѣть въ Гродековскомъ карантинѣ; для мѣстныхъ борзописцевъ представляется отличный случай написать фарсъ на тему «Гродековское Дѣйство» или «Не спросясь броду, не суйся въ воду», съ фанфарами, куплетами, нотами и съ переодѣваніемъ разныхъ милостивыхъ государей въ министры.

Но Харбинъ ликуетъ; передъ оголодавшими аспирантами открылись вереницы должностей министровъ и ихъ товарищей, директоровъ, главноуправляющихъ, губернаторовъ и пр. и пр.; всѣ считаютъ, что какъ патентованные спасители они должны быть возвеличены въ первѣйшую очередь. Временами только смущаются сердца невыясненностью отношеній съ чехословаками и непонятнымъ молчаніемъ союзниковъ.

14 Іюля. Правительственные круги увѣряютъ, что у нихъ достигнуто полное соглашеніе съ чехами. Для новоявленной власти стыдно, что все это не было сдѣлано раньше; надо было понимать, что нельзя начинать созданіе власти съ того, что поставить ее въ смѣшное и нелѣпое положеніе; надо было додуматься раньше, что безъ чеховъ и безъ союзниковъ не мыслима никакая власть.

Я настроенъ крайне пессимистически; всѣ разговоры о союзномъ благословеніи считаю бахвальствомъ и провокаціей; если бы у союзниковъ было по этому опредѣленное рѣшеніе, то очевидно оно было бы объявлено одновременно съ гродековской эскападой. Затѣмъ нѣтъ никакихъ надеждъ на то, чтобы измѣнился главный персонажъ

этого дѣйства и его инспирирующій антуражъ, состоящій изъ людей невысокихъ дѣловыхъ и сомнительныхъ нравственныхъ качествъ; на такихъ харбинскихъ дрожжахъ новаго государственнаго тѣста не замѣсить.

15 Іюля. Продолженіе грустнаго фарса. Всероссійское правительство жарится въ вагонахъ на запасныхъ путяхъ захолустной станціи Гродеково (за границей потратятъ не мало труда, чтобы отыскать на картѣ, гдѣ находится сія колыбель новоявленной всероссійской власти); въ районѣ Никольска временная Чехо-Словакія, а дальше въ Владивостокѣ сидитъ Сибирское Правительство, такъ же относящееся къ Сибири, какъ Хорватъ относится къ Россіи.

Мѣстные Хорватовцы наружно веселы, но въ весельи ихъ проскальзываютъ нотки смущенія отъ задержки въ развязкѣ завязавшихся узловъ; обидно потерять радужно и широко раскрывшіеся горизонты.

16 Іюля. Настроеніе среди рабочихъ опредѣленно противъ Гродековской комбинаціи; никакіе манифесты и изліянія не могутъ увѣрить ихъ, что все это дѣлается въ ихъ пользу.

Членъ новаго всероссійскаго правительства, какой то господинъ Курскій ожесточенно ругается въ газетахъ съ Сибирскимъ Правительствомъ, разоблачаетъ разныя дѣянія его членовъ Дербера и Захарова и славословитъ кадетскую партію, именуя ее государственной въ широкомъ значеніи этого слова.

Въ теоріи онъ, быть можетъ, и правъ; на практикѣ же никакіе революціонеры не напортили государственности столько, сколько эти мыльнопузырные утописты, совершенно не знавшіе того народа, ради котораго старались; опасные своимъ наружнымъ блескомъ и схоластически научнымъ содержаніемъ, чародѣи митинговъ, творцы красивыхъ резолюцій и смерть для всего дѣйственнаго и по обстоятельствамъ времени потребнаго.

17 іюля. Свѣдѣнія, полученныя изъ Владивостока, рисуютъ тамошнее положеніе въ пестромъ и нерадостномъ видѣ. Чехи выгнали большевиковъ, но затѣмъ объявили, что они не враги народу и что, если и арестовали большевистскихъ главарей, то только для того, чтобы избавить ихъ отъ расправы.

Сибирское Правительство признано только мѣстными цензовиками, еле держится, и представляетъ изъ себя такую же смѣшную и нелѣпую фигуру, что и гродековская комбинація.

Разрѣшенныя чехами похороны большевиковъ, убитыхъ во время переворота въ Владивостокѣ, обратились въ крупную пробольшевистскую демонстрацію. Чешская демократическая размазня мнѣ очень не нравится; ибо чехамъ приходится сейчасъ играть рѣшающую роль въ первомъ періодѣ нашей реконструкціи, ибо они единственная здѣсь реальная, организованная и сплоченная сила. Защитники чеховъ увѣряютъ, что послѣднимъ приходится пока считаться съ большевиками, такъ какъ ихъ эшелоны еще не пробились черезъ красную завѣсу; это что то очень искусственное.

18 Іюля. Вчера вечеромъ всѣ телефоны разносили по городу радостную для многихъ вѣсть, что М-me Хорватъ получила отъ мужа телеграмму о томъ, что онъ признанъ всѣми державами и ему будутъ подчинены всѣ находящіяся на Дальнемъ Востокѣ союзныя войска. Какъ ни негоденъ Хорватъ къ столь отвѣтственной роли, но такое рѣшеніе союзниковъ (если это не харбинская утка) чрезвычайно серьезно.

Пребываніе въ Харбинѣ научило вѣрить только фактамъ, такъ какъ освѣдомительная челядь разныхъ властей не останавливается ни передъ какими выдумками, если это нужно для ихъ господина или кормильца.

19 Іюля. Подтвержденія телефонныхъ сообщеній о состоявшемся признаніи Хорвата нѣтъ, и очевидно и не будетъ, слишкомъ уже много времени для этого прошло. Поведеніе союзниковъ настолько непонятно, что въ нѣкоторыхъ кругахъ здѣсь думаютъ, что союзники прямо боятся порвать открыто съ большевиками, которые тогда могутъ броситься въ объятія нѣмцевъ и подкрѣпить ихъ огромными естественными ресурсами Россіи.

Тѣ слухи, которые идутъ здѣсь о состоявшихся и предполагаемыхъ назначеніяхъ въ Хорватскомъ Правительствѣ, очень огорчительны; такъ хотѣлось чтобы эта, пока

еще совсѣмъ опереточная, попытка все же удалась, но только при условіи, чтобы на отвѣтственныя мѣста попали не звонкіе болтуны, не политиканы, не подхалимы и аферисты, а дѣловые, идейные и безупречные люди. Разъ Хорватъ взвалилъ на свои плечи задачу такого размѣра, то онъ не можетъ не сознавать, что успѣхъ зиждется на тѣхъ, кто станетъ у главныхъ рулей, и что онъ обязанъ рѣшительно отшвырнуть отъ себя все то, что однимъ своимъ прикосновеніемъ можетъ замарать рождающуюся власть; жена Цезаря не можетъ быть даже подозрѣваема, и въ силу этого не должны быть допущены на верхи власти даже тѣ, чье имя непопулярно или связано съ чѣмъ нибудь нечистымъ.

20 Іюля. Полная неразбериха, усугубляемая тенденціозными сплетнями газетъ и платныхъ, и добровольныхъ освѣдомителей; все это ползаетъ по Харбину, сочиняетъ, раздуваетъ, шушукаетъ. Сегодня субсидируемая газета «Призывъ» выпустила экстренную летучку, оповѣщающую, что союзники рѣшили послать въ Сибирь нѣсколько армій подъ командой «знаменитаго русскаго героя-генерала»; по дальнѣйшимъ подробностямъ оказывается, что этимъ генераломъ будетъ Флугъ, генералъ очень почтенный, честный и знающій, но далекій отъ военной знаменитости. Во всякомъ случаѣ такое назначеніе можно было бы радостно привѣтствовать, если бы только союзники при современномъ положеніи на ихъ фронтахъ могли послать въ Сибирь «арміи»; послѣднее, конечно, невозможно, и очевидно, вся летучка это только очередное изобрѣтеніе слишкомъ довѣрчивой или слишкомъ словоохотливой редакціи.

21 Іюля. Прошелъ еще день, а ничего опредѣленнаго нѣтъ: ни по части союзнаго вмѣшательства, ни по части признанія сидящаго въ Гродековскомъ карантинѣ всероссійскаго Правительства; ясно, что гродековское дѣйство было очень опрометчивымъ гафомъ и никогда никакой союзной поддержкой не пользовалось («симпатіи» консуловъ и личные интересы разной союзной мелкоты, залѣзшихъ здѣсь въ большія дамки, — конечно, не считаются за поддержку).

Вечеромъ былъ у Самойлова, только что вернувшагося изъ «Ставки Временнаго Правителя». «Ставка» жарится въ вагонахъ и никуда не въ состояніи двинуться; охраны нѣтъ, а опасность грозитъ и со стороны Камень-Рыболова и отъ Уссурійскихъ казаковъ.

Генералъ Дитерихсъ, командующій здѣсь чехами, прислалъ частный совѣтъ не двигаться изъ Гродекова, пока онъ не займетъ Хабаровска.

Пока вся дѣятельность Ставки свелась къ отдачѣ нѣсколькихъ приказовъ, кстати сказать, очень скверно отредактированныхъ; спѣшно разрабатываются пухлые штаты съ пухлыми окладами.

Относительно союзниковъ все стоитъ на почвѣ предположеній и надеждъ: японскіе совѣтники все время твердятъ Хорвату «надо быть осторожнѣе».

22 Іюля. Гродековское Правительство начало свою реконструктивную дѣятельность архиидіотскимъ распоряженіемъ о движеніи въ при-Никольскій районъ карательныхъ отрядовъ для усмиренія населенія и отобранія у него оружія. Это отшибаетъ послѣднюю надежду на то, что изъ этой комбинаціи выйдетъ что-либо путное. Тутъ, очевидно, работа не самого Хорвата, а состоящихъ при немъ совѣтниковъ по части самаго крутого реванша и расправы. Воображаю, какихъ дѣловъ надѣлаютъ тамъ харбинскіе спасители, у которыхъ уже полгода чешутся руки по части усмиренія и показанія кузькиной матери; они создадутъ Хорвату такую рекламу, что населеніе бросится лучше на сторону самого чорта, чѣмъ главы такихъ усмирителей.

Какую-то деревню эти герои большихъ дорогъ уже сожгли, — этимъ они сожгли цѣлый шансъ на возстановленіе Россіи, ибо эта нелѣпая жестокость никогда не забудется той власти, которая ее приказала и ее допустила; очень больно, что среди усмирителей часть наемныхъ китайцевъ.

Неужели у Хорвата и его министровъ такъ мало мозговъ, что они не могутъ понять, что съ ихъ нѣсколькими сотнями вольницы, сдобренной наемными хунхузами, можно сжечь одну-другую деревню, перепороть нѣсколько десятковъ крестьянъ, но дѣлать это можно, имѣя чеховъ впереди и китайскія войска сзади. Такія безумныя распоряженія гибельны, ибо порядка возстановить не могутъ, но зато поднимаютъ за собой бурю ненависти и желанія отомстить; послѣднее вполнѣ осуществимо, ибо насильники не такъ

уже сильны, а со временъ революціи населеніе привыкло къ тому, что начальство можно хватить и дубьемъ, коли оно не нравится или колется.

Самое же скверное то, что такія дикія выходки въ конецъ губятъ самую идею новой власти, ибо ярко показываютъ населенію, что несетъ ему эта власть, сливающаяся немедленно въ его представленіи съ возвращеніемъ стараго режима и новой мести.

Господа, схватившіеся за власть, ошалѣли и думаютъ, что все старое вернулось обратно и имъ можно управлять и расправляться по прежнимъ полицейскимъ шаблончикамъ и по завѣтамъ Держиморды; они забываютъ, что сейчасъ въ ихъ распоряженіи нѣтъ ни арміи, ни полиціи, ни всѣхъ средствъ государственнаго аппарата, но зато противъ нихъ стоитъ все то, что привила населенію революція, сверженіе и развѣнчаніе всѣхъ бывшихъ боговъ и разложеніе многихъ задерживающихъ центровъ.

Весь трагизмъ и вся безнадежность положенія и заключаются въ этой неспособности разумно учесть все происшедшее за послѣдніе полтора года. При такомъ началѣ приходится очень бояться, что Хорватовщина Россіи не устроитъ и изъ ямы, куда послѣдняя свалилась, ее не вытащитъ.

Пока что, два правительства сидятъ на концахъ Приморской Области, обливаютъ другъ друга помоями и уязвляютъ разными разоблаченіями — поучительная картинка для будущихъ подданныхъ!

Иностранная пресса Китая относится къ Гродековскому выступленію недоброжелательно и называетъ его поспѣшнымъ и малообдуманнымъ, — оцѣнка вполнѣ справедливая.

23 Іюля. Самойловъ назначенъ начальникомъ тыла всѣхъ россійскихъ войскъ; видѣлъ у него проекты всѣхъ штатовъ и смѣты расходовъ; цифры получились весьма внушительныя: только по интендантской смѣтѣ на полгода требуется 150 милліоновъ рублей. Всѣ штаты раздуты до невозможнаго; имѣется даже Управленіе Запасной бригады, въ которой нѣтъ, да и не будетъ, вѣроятно, ни одного солдата, но зато есть два генерала, нѣсколько адъютантовъ и бригадные: врачъ, священникъ и пр. и пр. Бригада эта придумана нарочито, чтобы устроить нѣкоторыхъ лицъ; пронырливые молодцы прямо выдумываютъ для себя должности, сами составляютъ штаты, пишутъ проекты приказовъ о своемъ назначеніи и проводятъ все это съ молніеносной быстротой.

Назначенія идутъ по принципамъ Керенщины, т. е. независимо отъ стажа, а по изволенію власть имущихъ.

Количество личныхъ адъютантовъ, этого мерзѣйшаго отзвука стараго прошлаго, грозитъ сдѣлаться анекдотическимъ.

Умножились весьма и вертихвостки, именуемыя для приличія сестрами милосердія (на одну настоящую рабочую сестру приходится штукъ девять такихъ кузинъ); это нарочитое удобство для женолюбиваго начальства. Хоть бы вспомнили, какую ненависть навлекло на себя на фронтѣ начальство и офицерство самымъ безцеремоннымъ развратомъ съ этими авантюристками, замаравшими святой образъ настоящей сестры.

Въ угарѣ надеждъ, поднятыхъ сверженіемъ въ Сибири большевизма, померкли уроки прошлаго и всѣ жадно тянутся къ старымъ источникамъ кормежки, благъ, преимуществъ и наслажденій; всѣ чавкаютъ оголодавшими челюстями, испускаютъ похотливую слюну и не способны видѣть будущаго — темнаго, грознаго, безвѣстнаго.

24 Іюля. Владивостокскія газеты подтверждаютъ своими сообщеніями, что въ Приморской области царитъ невѣроятнѣйшій хаосъ; самыя разноцвѣтныя и разноплеменныя вліянія и комбинаціи распоряжаются, приказываютъ, указываютъ, но слушаются только японцевъ и чеховъ, ибо за приказами тѣхъ и другихъ стоятъ внушительные кулаки.

Харбинскій «Вѣстникъ Маньчжуріи» задыхается отъ славословій Временному Правителю и изощряется въ фабрикаціи самыхъ розовыхъ извѣстій. Пріѣхавшіе съ «восточнаго фронта» съ увлеченіемъ разсказываютъ, какъ расправлялись побѣдоносные харбинскіе спасители съ непокорнымъ населеніемъ и какъ отдавали на расправу наемнымъ китайскимъ солдатамъ захваченныхъ большевиковъ; подлые харбинскіе реваншисты захлебываются отъ наслажденія.

Нѣкоторые очень правые знакомые упрекаютъ меня за озлобленное настроеніе противъ Семенова и отрядовъ и пытаются увѣрить, что всѣ они идейные борцы противъ большевиковъ. Отвѣчаю, что Семенова никогда не видѣлъ, личности противъ него не имѣю и смотрю на него не какъ на есаула Семенова, радующагося возможности истребить нѣкоторое количество большевиковъ, а какъ на извѣстное явленіе, пытающееся взгромоздиться на государственные верхи и взять въ свои безграмотныя руки великую задачу возстановленія Россіи. Съ моей точки зрѣнія это явленіе гибельное, несущее въ себѣ смерть для бѣлой идеи и поэтому-то я такъ остро его и ненавижу.

Несомнѣнно, что всякая революція выбрасывала на верхи и давала большія роли сильнымъ людямъ, но то, что показалъ до сихъ поръ Семеновъ, характеризуетъ его, какъ бѣлаго большевика, безхарактернаго, безсистемнаго, третьесортнаго атамана полуразбойничьихъ организацій, недостойныхъ носить званіе воинскихъ частей. То, что дѣлаетъ атаманъ и его приспѣшники, отвратитъ отъ олицетворяемой имъ идеи спокойные, здоровые и обыкновенно инертные круги населенія; населеніе же все не перепорешь и не разстрѣляешь, особенно въ Сибири, гдѣ оно само очень зубастое.

25 Іюля. Общій винегретъ и злая свара продолжаются неукоснительно и безпрепятственно. Послѣдніе остатки надежды на возможность какого нибудь просвѣтленія и перехода на честный и здоровый курсъ исчезли.

Несомнѣнно, что какіе то совѣтники толкнули Хорвата на эту Гродековскую авантюру и посадили своего патрона въ очень непріятную лужу. Хоть бы теперь нашли въ себѣ смѣлость пойти напроломъ и — или успѣть, или окончательно крахнуть, а не изображать изъ себя какое то общее посмѣшище и потайно бѣгать и попрошайничать о признаніи у разныхъ консуловъ.

Пока что «Всероссійское» Правительство рѣшило приступить къ сформированію собственной добровольческой арміи, давъ добровольцамъ мѣсячный окладъ содержанія въ 1500 рублей (это — сидя на станціи и не имѣя возможности высунуть свой Верховный носъ за входной семафоръ).

Базируясь на высокомъ окладѣ, можно будетъ получить только сбродъ очень невысокаго сорта на манеръ красной арміи; добровольческія организаціи должны базироваться сейчасъ на идейныхъ добровольцахъ, а не на ландскнехтахъ; нужно только хорошо обезпечить семьи и пенсіи. Для образованія же настоящей новой арміи надо начать съ элементарныхъ офицерскихъ и унтерофицерскихъ школъ и съ военныхъ училищъ; когда кадры будутъ готовы, то тогда можно перейти къ формированію частей путемъ всеобщей повинности.

26 Іюля. Всероссійскій правительственный курьезъ продолжаетъ болтаться на запасныхъ путяхъ станціи Гродеково; положеніе стало настолько нелѣпо, что даже харбинскіе хорватовцы закисли; наиболѣе оптимистичные продолжаютъ распинаться на тему «что такой осторожный и умный государственный (съ какихъ это поръ?) дѣятель, какъ Хорватъ, никогда бы не рискнулъ на предпринятый имъ шагъ, если бы все не было прочно обезпечено; очевидно, что вопросъ въ какихъ-то деталяхъ и надо потерпѣть».

Выходитъ, что и на харбинскую старуху бываетъ проруха; думается, что вдохновители дальневосточнаго coup d'état разсчитывали дернуть à la Semenoff, но не сообразили масштаба и разорвали штаны.

Положеніе края очень тяжелое; надо возможно скорѣе дать населенію твердую и честную власть, ибо иначе населеніе скоро анархизируется и привыкнетъ жить безъ всякой власти. Ваканція свободна и къ ней тянутся разные аспиранты и всѣмъ хочется власти, ради выгодъ; самому Хорвату, быть можетъ, менѣе всѣхъ.

27 Іюля. Продолжается сказка про бѣлыхъ бычковъ, сидящихъ въ Гродековскомъ карантинѣ, или про неспросившую у кого слѣдуетъ броду длинную харбинскую бороду.

Получено ужасное сообщеніе объ убійствѣ въ Екатеринбургѣ Государя; случилось давно уже неизбѣжное: монархическія выкликанія вызвали вывозъ Государя изъ Тобольска, гдѣ Онъ навѣрно былъ бы спасенъ.

Эта мученическая кровь на рукахъ Временнаго Правительства, которое, боясь за собственную шкуру, не вывезло Царскую семью за границу, и еще болѣе на рукахъ Керенскаго; трудно было увезти Государя изъ Царскаго Села, а послѣ Его можно было вывезти куда угодно.

Хочется сомнѣваться, но вся обстановка: Екатеринбургъ съ его каторжнымъ совдепомъ, выступленіе чеховъ, страхъ комиссаровъ и пр. и пр. заставляютъ чувствовать, что это правда, ужасная, невѣроятно ужасная правда.

28 Іюля. Сказка съ бѣлыми бычками продолжается; тѣмъ не менѣе отсюда установилось паломничество въ Гродеково для засвидѣтельствованія своихъ временно вѣрноподданническихъ чувствъ, напоминанія о себѣ и зачисленія въ кандидаты по части кормленія ожидаемаго къ воскрешенію казеннаго воробья. Харбинскіе острословы увѣряютъ, что вся задержка въ изготовленіи короны для супруги Димитрія I (историки не согласились еще именоваться ли ему I, II или III, въ зависимости отъ степени законности его именитыхъ предшественниковъ).

Во всей линіи воцаряется полная реакція со всѣми скверными нажимами стараго режима; «слово и дѣло» поручено старому полицейскому ярыжкѣ, а нынѣ главному конфиденту Хорвата подполковнику Арнольду.

Между «правительствами» во Владивостокѣ и на станціи Гродеково началась какая то торговля; Димитрій I ищетъ исхода въ любимыхъ имъ компромиссахъ. Я мало интересовался Хорватомъ въ прежнее время, но то, что я увидѣлъ и узналъ за послѣдніе мѣсяцы, даетъ полное право думать, что всѣ разговоры объ его умѣ, геніальности и великихъ государственныхъ способностяхъ, это то же самое, что отзывы придворныхъ въ сказкѣ о голомъ королѣ. Умный человѣкъ и государственный дѣятель не позволилъ бы своему сердцу развести атаманщину и не далъ бы никому толкнуть себя на смѣхотворную гродековскую авантюру.

29 Іюля. Самойловъ, ѣздившій опять въ «Ставку», передалъ мнѣ предложеніе Флуга, назначеннаго Хорватомъ военнымъ министромъ, принять участіе въ работѣ министерства. Не знаю что и отвѣтить; отказываться неудобно, такъ какъ могутъ счесть за нежеланіе служить общему дѣлу, а кромѣ того, быть можетъ, даже и въ этой белибердѣ можно принести какую нибудь пользу; но вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю, каково положеніе самого Флуга и насколько онъ въ состояніи проводить свои взгляды, а, слѣдовательно, и насколько я смогу проводить свои, которые такъ сильно расходятся съ таковыми же главныхъ птенцовъ гнѣзда Димитріева. У нихъ все тру-ла-ла, ура и самопропитаніе.

Повторять обычную борьбу и быть «новоявленнымъ Іисусъ Христосикомъ», какъ меня называлъ въ Никольскѣ Линевичъ, слишкомъ тяжело, да при современной обстановкѣ и безполезно.

Просилъ Самойлова отвѣтить Флугу, что не отказываюсь ни отъ какой работы по своей спеціальности, но предварительно прошу разрѣшенія лично повидаться, обмѣняться взглядами и узнать условія, при которыхъ придется работать.

Положеніе Правительства въ Гродековѣ, по словамъ Самойлова, все то же самое — сидятъ въ вагонахъ, пишутъ, но ничего предпринять не могутъ; послали Флуга во Владивостокъ, а оттуда его попросили немедленно убраться. Теперь посылаютъ въ Владивостокъ Плѣшкова, чтобы привлечь на свою сторону формируемыя тамъ войска Сибирскаго Правительства, въ которыхъ много офицеровъ бывшаго перваго Сибирскаго корпуса.

Выборъ самый неудачный, такъ какъ огромное большинство этихъ офицеровъ относится къ Плѣшкову весьма отрицательно, помня, какъ распоряжался его импульсивный начальникъ штаба генералъ Зиборовъ и какъ это отзывалось на войскахъ, которыхъ гоняли на убой въ знаменитыхъ «штыкованіяхъ». Я больше трехъ мѣсяцевъ пробылъ въ средѣ сибиряковъ и знаю, какъ они относились къ своему корпусному штабу.

Опора всероссійскаго правительства отрядъ полковника Маковкина, состоящій наполовину изъ китайскихъ хунхузовъ, взбунтовался и китайцы разбѣжались, унеся съ собой оружіе и снаряженіе. Недурна армія самодержцевъ всея Гродековской станціи и ея запасныхъ путей.

30 Іюля. Продолжаемъ вертѣться въ красочномъ калейдоскопѣ изъ разноцвѣтныхъ сообщеній, слуховъ, сплетенъ и указовъ разныхъ правительствъ. Отвѣтилъ Флугу, что условіемъ своей работы я ставлю немедленное расформированіе всѣхъ опереточныхъ штабовъ и атаманскихъ отрядовъ и систематичную организацію новой арміи на началахъ строгой внутренней дисциплины, образцоваго воинскаго порядка.

Идея реванша и мести должна быть забыта; расплата за причиненное Россіи зло должна быть безпощадная, но должна быть произведена не лицами, а безпристрастной властью, какъ представительницей обезчещенной большевиками родины. Въ основу всего управленія должна быть положена идея покоренія массы законностью, твердостью и непреклонностью требованій, отличнымъ подборомъ всѣхъ правительственныхъ агентовъ, ихъ полезностью для населенія, ихъ честнымъ, самоотверженнымъ и идейнымъ служеніемъ государству, обществу и народу. Программа должна быть ясна, честно объявлена, безъ недоговорокъ, туманностей, умолчаній и революціонныхъ фиглей-миглей.

На такую работу я пойду съ радостью, но при другихъ условіяхъ отказываюсь.

31 Іюля. На политической биржѣ съ «Гродековскими» и «Хорватовскими» безъ перемѣнъ. Разговоры объ интервенціи продолжаются, не приводя ни къ чему реальному; впрочемъ, реально то, что каждый день увеличиваетъ развалъ Россіи и даетъ отсрочку большевикамъ для упроченія своего положенія и уничтоженія инакомыслящихъ.

Семеновъ подъ давленіемъ большевиковъ отбылъ на станцію Хайларъ. Вотъ когда бы Всероссійскому Правителю по текущей безработицѣ показать свою рѣшительность и ликвидировать разъ навсегда остатки атаманщины, гибельнаго вліянія которой на возстановленіе государственности могутъ не понимать только идіоты и не видѣть только уклончиво слѣпые или заинтересованные сами въ этой мерзости.

Интервенція кажется уже запоздала; она была бы очень кстати, если бы союзныя войска могли занять край немедленно послѣ выступленія чехословаковъ и, занявъ желѣзныя дороги и важнѣйшіе населенные пункты, сразу же установить тамъ порядокъ, возстановить законы, самоуправленіе, полицію и пр. и пр.

Все это очень гладко прошло бы въ общей атмосферѣ переворота, было бы естественно и безболѣзненно и было бы радостно принято здоровой, боящейся анархіи частью населенія.

Сегодня отъ одного изъ офицеровъ управленія инспектора артиллеріи при Главнокомандующемъ Россійскими войсками (въ которыхъ есть все, кромѣ самихъ войскъ) получилъ подтвержденіе ранѣе имѣвшихся у меня свѣдѣній, что въ этомъ Управленіи старшихъ чиновъ больше, чѣмъ орудій въ подвѣдомственныхъ имъ войскахъ (на лицо семь орудій четырехъ разныхъ системъ). Оперетка, конечно, не въ числѣ орудій, — ибо ихъ столько, сколько удалось достать — а въ созданіи высокихъ штабовъ и управленій для разныхъ высокихъ паразитовъ и тыловыхъ героевъ.

1 Августа. Черезъ три мѣсяца только получился первый отзвукъ моей мартовской попытки организовать русскіе добровольческіе отряды при помощи союзниковъ; сегодня получилъ изъ Америки письмо съ запросомъ, можно ли набрать офицеровъ и солдатъ на сформированіе нѣсколькихъ легіоновъ и вообще на какое число добровольцевъ можно разсчитывать. Приходится отвѣчать, что все это черезчуръ запоздало, ибо обстановка рѣзко измѣнилась, многіе затянуты въ мѣстныя организаціи и тамъ испортились такъ, что на прочныя формированія негодны.

Въ Гродековской кухмистерской продолжается созданіе должностей для пріятелей, родственниковъ, длинноязычныхъ политикановъ и пролазъ; появились уже многочисленные краевые инспектора. Избранные, устроившіеся и жаждущіе образуютъ восхищенный хоръ неумолкающихъ псалмопѣвцевъ, день и ночь до хрипоты возносящихъ хвалу «Создавшему вся».

Для честныхъ людей картина весьма отвратная и по своему внутреннему значенію безнадежно грустная, ибо сожрать эта клика можетъ, что угодно, но возстановить, конечно, можетъ только самыя гнусныя стороны стараго, ну а этотъ номеръ теперь не пройдетъ.

2 Августа. Газеты Приморья все время журчали объ отрезвленіи народныхъ массъ, познавшихъ всю сладость большевистскаго управленія. Сегодня Владивостокскія газеты

сообщаютъ, что на только что состоявшихся выборахъ въ городскую думу большевики получили большинство — 54 голоса изъ 91. Оправдываются тѣмъ, что большевикамъ помогла очень скверная въ день выборовъ погода, такъ какъ буржуазія предпочла остаться дома въ то время, когда рабочія слободки шли на выборы почти поголовно. Какъ это характерно для поведенія нашихъ еще мало битыхъ революціей буржуевъ; только что свергнута красная власть, нужно всѣмъ взяться за то, чтобы выдвинуть лучшія силы и съ ними начать строить новую жизнь, но . . . идетъ сильный дождикъ, господа буржуи боятся промочить свои нѣжныя ножки и отдаютъ смертельнымъ врагамъ чрезвычайно важный общественный, политическій и даже международнаго значенія постъ — самоуправленіе городомъ Владивостокомъ. Сколько же еще красныхъ встрясокъ надо этой слякоти, чтобы она очнулась и поняла, что такъ дальше нельзя!

Газеты сообщаютъ, что между Иркутскими большевиками и японскими дѣльцами шли переговоры о поставкѣ Иркутску японскихъ винтовокъ и патроновъ; какой то артиллеристъ оповѣщаетъ, что такія поставки уже прибыли въ устье Амура и получены большевиками. Ничего невѣроятнаго здѣсь нѣтъ, ибо всѣмъ извѣстно, что японцы поставляли и поставляютъ оружіе воюющимъ между собой Сѣверному и Южному Китаю, business есть business вообще, ну, а если онъ идетъ ad majorem Japoniae gloriam, то это еще и патріотизмъ.

Россійскіе правители и ихъ приспѣшники носятся взадъ и впередъ между Харбинымъ и Гродеково и только на экстренныхъ поѣздахъ; иначе какъ съ extra господа министры гродековскаго тупика и генералы не существующихъ россійскихъ войскъ не ѣздятъ; въ этомъ вѣдь специфическая сладость власти и реальное проявленіе своего провиденціальнаго назначенія. То, что все это обращаетъ въ смятку все движеніе по дорогѣ, жретъ жалкіе запасы топлива и отбираетъ съ графика локомотивы, никто изъ вновь вылупленныхъ министровъ не думаетъ — ихъ мозги и сердца отъ такихъ несоотвѣтственныхъ высотѣ ихъ положенія мыслей надежно застрахованы. Ну, что такое правильность движенія пассажирскихъ поѣздовъ или нормальный экспортъ на Эгершельдъ сравнительно съ тѣмъ, что какому нибудь сановнику нужно проѣхать въ Харбинъ или Гродеково по дѣлу, не стоящему скорлупы отъ выѣденнаго яйца! Достаточно повелѣть.

Обыватели, — изъ фрондирующихъ, — не безъ ехидства подчеркиваютъ фактъ весьма широкаго пользованія казенными автомобилями законными Юнонами разныхъ Юпитеровъ мѣстнаго Олимпа; указываютъ, что стоимость автоверсты перевалила уже за 15 рублей золотомъ, и что болтаніе этихъ Юнонъ по лавкамъ Харбинской пристани имѣетъ очень мало отношенія къ дѣлу спасенія Россіи.

3 Августа. Плѣшкова во Владивостокъ пустили, но попросили сейчасъ же уѣхать обратно; кто-то его надоумилъ разразиться «обращеніемъ къ чехословакамъ», оконченнымъ неизвѣстно почему, «да здравствуетъ великая, свободная и могучая Россія». Набрали по привычкѣ готовыхъ фразъ изъ стараго приказнаго склада, и второпяхъ позабыли, что «оная сентенція не къ данному аксиденту относится».

Сюда пріѣзжалъ командующій восточной группой чехословаковъ генералъ Дитерихсъ, вызывалъ на свиданіе Семенова, но тотъ подъ разными предлогами уклонился; ему съ чехами не по пути, потому что тогда придется невольно «призакониться», что и ему, и его антрепренерамъ, и его приспѣшникамъ совсѣмъ некстати.

Отъ ожиданій и неудовлетвореннаго до сихъ поръ аппетита температура у мѣстныхъ реакціонеровъ поднялась; нѣкоторые впали въ берсекерскій ражъ и вызываютъ тѣни Ренненкампфа и Меллеръ-Закомельскаго; напрасно они тревожатъ эти тѣни, такъ какъ у Семенова и Калмыкова уже воспитаны такіе чемпіоны по карательной части, передъ которыми оба старые усмирителя являются бѣлогубыми щенками.

4 Августа. Свѣдѣнія изъ Пекина подтверждаютъ фактъ убійства Государя и всей Его Семьи. Для той каторжной сволочи, которая именовалась Екатеринбургскимъ совдепомъ, не могло быть большаго наслажденія, какъ уничтожить то, чему поклонялась прежде вся Россія; имъ, какъ сатанистамъ, нужно было сотворить нѣчто подобное оскверненію Св. Таинъ, дабы отличиться среди подобныхъ себѣ красныхъ гадовъ.

Сегодня въ соборѣ была отслужена панихида, на которую все большое начальство постаралось опоздать, чтобы не портить себѣ на будущее репутаціи; былъ только генералъ Плѣшковъ.

«Правительство» начинаетъ приручать мѣстную оппозиціонную печать (пріемы по этой части всегда одни и тѣ-же). Сотрудникъ газеты «Новости Жизни» нѣкій Кліоринъ, очень злое перо, здорово пробиралъ Хорвата; тогда его пригласили въ Гродеково, милостиво съ нимъ бесѣдовали, послѣ чего онъ вернулся и написалъ очень благосклонную для Гродековской комбинаціи статью. Злые языки называютъ даже во сколько обошлась Гродековской кассѣ вся эта поѣздка.

5 Августа. По улицамъ потоки дождя, а въ средѣ обывателей потоки слуховъ и сплетенъ. Главные источники всякихъ сенсацій это штабъ россійскихъ войскъ, коридоры управленія дороги, иностранныя военныя миссіи, а по вечерамъ желѣзнодорожное собраніе.

Вечеромъ въ правительственныхъ кругахъ великое ликованіе по случаѣ полученнаго сообщенія о переѣздѣ Правительства во Владивостокъ. Слушая самые разнообразные разговоры, все болѣе убѣждаюсь, что многіе Харбинцы, не испытавшіе настоящей революціи и не видѣвшіе развала фронта, до сихъ поръ не понимаютъ того, что произошло съ Россіей; они до сихъ поръ увѣрены, что достаточно появиться новому Петру Аркадьевичу и властно на всѣхъ цыкнуть, какъ большевики и иже съ ними попрячутся, всѣ супротивныя покорятся подъ нозѣ, и возстановится прежнее тягуче сѣрое теченіе россійской жизни подъ опекой рѣшительнаго начальства надъ затихшимъ и загнаннымъ въ старыя перегородки обывательскимъ стадомъ.

Въ своемъ ослѣпленіи они не замѣчаютъ, что старыя перегородки разбиты въ дребезги, что старыхъ бичей и скорпіоновъ уже нѣтъ и что стадо уже почувствовало свою дикую силу, за починенныя наспѣхъ огорожи лѣзть не намѣрено и никакими посулами и приманками его туда не загнать.

6 Августа. Хорватскій Харбинъ ликуетъ, такъ какъ оффиціально объявлено, что 4 Августа Временный Правитель и Правительство прибыли во Владивостокъ; въ собраніи какой-то усердный старатель договорился до того, что соединилъ это событіе съ праздникомъ Преображенія (намекая на преображеніе Россіи), на что получилъ реплику какого-то мрачнаго пессимиста, что православные праздники празднуются по старому стилю.

Хочется, чтобы трехнедѣльное сидѣніе на Гродековскихъ путяхъ научило чему нибудь дѣльному ту кучку людей, которые возомнили себя способными взвалить на себя отвѣтственность всероссійской власти, не имѣя на то иныхъ правъ, кромѣ собственнаго дерзанія.

Вечеромъ оффиціально сообщено о высадкѣ во Владивостокѣ англійскаго дессанта и опубликована японская декларація по поводу посылки войскъ въ Сибирь; декларація очень туманная, что вполнѣ естественно, такъ какъ японцамъ надо сохранить для будущаго шансы толковать ее такъ, какъ будетъ для нихъ выгоднѣе.

Несомнѣнно наступаютъ интересные и чреватые послѣдствіями дни; несомнѣнно также, что событія должны будутъ выдвинуть на первый планъ Хорвата, и весь вопросъ въ томъ, найдется ли въ немъ то, что такъ остро нужно сейчасъ руководителю возраждающейся русской власти.

Вечеромъ въ желѣзнодорожномъ собраніи очередная драка офицеровъ, кончившаяся грандіозной попойкой.

7 Августа. Непріятное сообщеніе о томъ, что у чеховъ на Хабаровскомъ направленіи произошла какая-то довольно крупная боевая неудача; это весьма возможно, такъ какъ лѣсисто-болотистая мѣстность къ сѣверу отъ озера Ханка даетъ много выгодъ для партизанской войны и представляетъ много опасностей для чеховъ, непривычныхъ къ нашей уссурійской тайгѣ.

Всѣ чающіе движенія воды бросились во Владивостокъ, чтобы не опоздать при раздачѣ теплыхъ мѣстъ.

8 Августа. Разговаривалъ съ пріѣхавшимъ съ линіи офицеромъ, который разсказывалъ, что ежедневно мимо станціи, на которой онъ служитъ, проносятся экстренные поѣзда; проходящіе на востокъ эшелоны разныхъ организацій невѣроятно безобразничаютъ, никого не слушаютъ, задерживаютъ отправку поѣздовъ и на малѣйшее возраженіе угрожаютъ поркой.

Желая привлечь на свою сторону Семенова, Хорватъ произвелъ его въ заурядъ-генералы; первая приставка очень подходящая, ибо все у насъ здѣсь зауряднаго, если не хуже, качества.

Въ этомъ производствѣ сказывается вновь дряблая и ищущая компромиссовъ личность кандидата въ Дмитріи III-ьи; Хорватъ знаетъ что такое Семеновъ, понимаетъ весь его вредъ, и вмѣсто того, что примѣнить къ нему власть, идетъ на недостойныя власти заискиванія и жалкія отъ имени власти подачки. Семеновцы говорятъ, что ихъ атаманъ такого опереточнаго и обиднаго производства не приметъ и Хорватъ останется при конфузѣ; и по дѣломъ, ибо, если уже хотѣлъ привлечь извѣстную силу на свою сторону, то не слѣдовало половинничать и прибавлять злую и обидную прибавку.

Медлительность союзниковъ и неопредѣленность положенія чеховъ начинаютъ вызывать раздраженіе даже старыхъ офицеровъ и въ ихъ средѣ приходится уже слышать разговоры не пора ли начать пѣть Wacht am Rhein, соединиться съ нѣмцами и при ихъ помощи возстановить Россію.

Одинъ изъ начальниковъ старшихъ штабовъ, котораго я спросилъ, зачѣмъ они такъ раздуваютъ формированіе высокихъ штабовъ и учрежденіе старшихъ, для дѣла ненужныхъ, должностей, отвѣтилъ: (онъ очень прямъ и откровененъ) «сіе нужно для флага и для полученія содержанія: надо же какъ нибудь кормиться».

9 Августа. Сѣверо-Американскіе штаты обнародовали декларацію, которой обѣщается полная неприкосновенность русской территоріи; очевидно, это камень въ японскій огородъ, ибо огромныя массы россійской обывательщины очень мало въ такомъ сохраненіи заинтересованы; вѣдь русскій патріотизмъ, какъ доказала революція, существовалъ только въ донесеніяхъ губернаторовъ и исправниковъ, въ описаніяхъ рептильной печати и въ холопскихъ изліяніяхъ черносотенныхъ организаторовъ, работавшихъ за тайныя субсидіи.

Послѣзавтра ожидается прибытіе въ Харбинъ перваго эшелона японскихъ войскъ.

Изъ разговоровъ пріѣзжающихъ изъ Гродекова и изъ разныхъ подробностей становится несомнѣннымъ, что всѣ легенды, распространявшіяся здѣсь хорватовскими сторонниками по поводу инспираціи союзниками гродековскаго выступленія, были сплошнымъ вымысломъ и что это выступленіе было самостоятельнымъ дѣйствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что признанія нѣтъ и не будетъ; Хорватъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Новой Жизни» заявилъ, что «дѣло не въ признаніи, а въ дѣловыхъ отношеніяхъ». Не блестящая это перспектива, ибо союзники находятся въ дѣловыхъ отношеніяхъ и съ совнаркомами.

10 Августа. Правительство перебралось во Владивостокъ безъ своей арміи, которая осталась стоять на разъѣздахъ около станціи Гродеково; при попыткѣ этой «арміи» продвинуться къ Никольску у ней произошло столкновеніе съ чехами и есть убитые; виновникомъ считаютъ нетрезвое состояніе начальника штаба россійскихъ войскъ генерала Хрещатицкаго, который, какъ говорятъ, отрѣшенъ Хорватомъ отъ должности.

Идетъ такая нелѣпая неразбериха, что многіе разумные люди, даже очень реакціонно настроенные, начинаютъ кукситься и терять надежду на улучшеніе.

Прибывшіе изъ Владивостока говорятъ, что правительство сидитъ гдѣ-то на Эгершельдѣ на запасныхъ путяхъ въ самомъ нелѣпомъ положеніи, такъ какъ въ Владивостокѣ имѣется своя автономная власть въ лицѣ Земской Управы, объявившей себя единственно законнымъ наслѣдникомъ всѣхъ исчезнувшихъ правительствъ.

11 Августа. Слухи о столкновеніи съ чехами подтверждаются; говорятъ, что Хрещатицкій въ разгарѣ кутежа приказалъ весьма рѣшительному ротмистру Враштелю оттѣснить чехословаковъ, закрывавшихъ путь для движенія на Никольскъ; при этомъ часть русскихъ солдатъ отряда Враштеля отказалась идти противъ чеховъ, за что ихъ тутъ же нещадно выпороли; выпороть, конечно, слѣдовало тѣхъ, кто отдавалъ такое приказаніе.

Изъ разсказа одного добровольца, прибывшаго изъ Забайкалья, узналъ отъ очевидца, какія безобразія тамъ творятся; при выступленіи въ экспедиціи прежде всего заботятся о запасахъ вина и кузинахъ милосердія, всѣ растраты покрываются изъ казенныхъ суммъ; при малѣйшей опасности начальство и штабы удираютъ на китайскую территорію, бросая мелкіе отряды на собственное ихъ попеченіе.

Газеты передаютъ, что Приморская Земская Управа обратилась къ иностраннымъ консуламъ съ просьбой убрать изъ предѣловъ Приморья Хорватовскіе отряды, которые чинятъ надъ населеніемъ разныя безобразія и насилія и жгутъ цѣлыя деревни. Земцы умѣло собрали и размазали единичные случаи, бросивъ скверную тѣнь на всѣ отряды бѣлаго знамени.

Таковы результаты дряблости Хорвата, не сумѣвшаго не допустить посылки въ Пригродековскій районъ карательныхъ отрядовъ, составленныхъ, какъ на грѣхъ, на половину изъ китайскихъ хунхузовъ. Вмѣсто закона, порядка и хлѣба, новоявленная власть принесла съ собой населенію порку, сожженіе деревень, разстрѣлы и насилія. Все, что сдѣлано единичными недостойными представителями власти, ложится на самую власть; Хорватъ же не могъ не знать, кого посылаютъ въ эти карательныя и разоружительныя экспедиціи, и долженъ былъ понимать, что все будущее принятой имъ на себя власти будетъ зависѣть отъ итоговъ перваго ея соприкосновенія съ мѣстнымъ населеніемъ.

12 Августа. Получилъ телеграмму отъ Флуга съ просьбой пріѣхать во Владивостокъ для переговоровъ; рѣшилъ ѣхать, хотя мало надежды, чтобы я тамъ могъ пригодиться — слишкомъ уже радикально расходятся мои принципіальные взгляды съ тѣмъ, что тамъ считается допустимымъ; запѣть ту же пѣсню я не могу, а работать все время противъ общаго направленія безцѣльно и даже вредно; съ Флугомъ у меня взгляды общіе, мы одной школы, но, насколько положеніе Флуга самостоятельно и авторитетно, я не знаю. Поѣхать во всякомъ случаѣ интересно — посмотрѣть на Владивостокъ, познакомиться со всей тамошней обстановкой и работающими тамъ минами и контрминами.

13—14 Августа. Проѣхался въ современномъ невѣроятно грязномъ и биткомъ набитомъ вагонѣ. Въ пути встрѣтили нѣсколько чешскихъ эшелоновъ: по внѣшности въ большомъ порядкѣ, но не имѣютъ обозовъ, что привязываетъ ихъ къ желѣзной дорогѣ; артиллеріи очень мало, а то, что есть, образца 1900 года и еще древнѣе.

На Пограничной стоятъ наши эшелоны такъ называемаго туземнаго полка; видъ отвратительный, кругомъ невѣроятная грязь, по внѣшности какіе-то подозрительные оборванцы; часть эшелоновъ приткнута на разъѣздахъ; кругомъ ни деревца, вокругъ вагоновъ кучи отбросовъ и экскрементовъ; вагоны похожи на мусорные ящики; половина солдатъ состоитъ изъ хунхузовъ-китайцевъ, которые вслѣдствіе жары сидятъ и ходятъ въ костюмахъ Адама.

И въ то же время на ст. Пограничной стоятъ китайскія войска, поразившія меня своимъ приличнымъ видомъ и внѣшней дисциплинированностью.

Еще въ Харбинѣ бросалось въ глаза, что китайцы въ китайскихъ войскахъ одѣты по формѣ и внѣшне подтянуты въ то время, какъ китайцы-солдаты на русской службѣ ходятъ, напоминая фронтовыхъ товарищей 17 года — грязные, оборванные, въ разстегнутыхъ шинеляхъ, представляя собою какихъ-то босяковъ съ Хитрова рынка.

На Гродековской платформѣ цѣлое гулянье; много подмазанныхъ сестрицъ, больше бальзаковскаго возраста, окруженныхъ роями юныхъ и пожилыхъ жеребчиковъ весьма расхлястаннаго вида. На Таловомъ разъѣздѣ стоитъ штабъ россійскихъ войскъ, имѣя въ хвостѣ два вагона съ машинистками.

За Никольскомъ стали встрѣчать японскіе эшелоны; подтянутость и порядокъ образцовые; люди сидятъ въ вагонахъ, напоминая желто-зеленые съ краснымъ кирпичики; часть въ полной готовности, имѣя винтовки въ рукахъ.

Въ Никольскѣ встрѣтилъ одного изъ новоявленныхъ политическихъ дѣятелей полковника Бутенко, котораго знаю по Владивостоку, какъ начальника учебной команды 33 Сибирскаго стрѣлковаго полка; онъ состоитъ сейчасъ начальникомъ гарнизона въ Никольскѣ, какъ офицеръ войскъ, признающихъ власть Приморскаго земства; вовлеченъ въ политику; увѣряетъ, что сами крестьяне просятъ произвести очередной наборъ и

возстановить армію; вообще, видимо, попалъ въ число тѣхъ, кого революція окрылила, увлекла въ незнакомыя сферы дѣлового и партійнаго политиканства и разожгла честолюбіе, показавъ, что дерзающему возможно выбраться на мѣста, бывшія прежде недоступными.

Видимо, онъ уже давно сбился съ нормальнаго пути военной безпартійности и пѣлъ мнѣ на разныя темы, пытаясь поразить грандіозностью плановъ и проектовъ; по своему искренній, пылкій, онъ напоминалъ юныхъ комиссаровъ типа Станкевича, Виленкина, Артамонова и др., которые мечтали, что юность и смѣлость достаточны для того, чтобы руководить массами и творить новую жизнь; вовлеченный уже въ борьбу, онъ заразился многими скверными пріемами, и отклонялся отъ истины, какъ въ изображеніи фактовъ, такъ и по адресу политическихъ непріятелей. Я только слушалъ и временами поддавалъ ему жару, памятуя старую истину, что у каждаго человѣка есть такое мѣсто, отъ щекотки котораго онъ становится сугубо словоохотливымъ и откровеннымъ, самъ того не желая.

Въ общемъ убѣдился, что передо мной довольно безграмотный, свѣжепросоленный любитель по части дѣйственнаго политиканства новой формаціи, съ оттѣнкомъ искренности и желанія — ради собственнаго честолюбія — достигнуть хорошихъ и здоровыхъ результатовъ.

Отъ Никольска ѣхалъ въ вагонѣ мѣстнаго контролера движенія, который передалъ мнѣ недавно слышанный имъ лично разговоръ рабочихъ, передававшихъ другъ другу полученныя отъ комиссаровъ распоряженія, подлежавшія исполненію при новомъ возвращеніи ихъ къ власти; приказывалось истреблять не буржуя, а интеллигента, такъ какъ буржуй, по ихъ мнѣнію, безопасенъ, ибо труслив и его легко приструнить и заставить работать; интеллигентъ же не такъ труслив, а главное, все понимаетъ, всѣхъ мутитъ и имъ, пролетаріямъ, всю душу выворачиваетъ. Правильная оцѣнка нашей буржуазіи то-есть того состоятельнаго обывателя, который прижатый къ красной стѣнѣ и ради спасенія живота и маммоны всему покорится и все претерпитъ.

15 Августа. Утромъ имѣлъ свиданіе съ Флугомъ, который предложилъ мнѣ мѣсто помощника военнаго министра съ окладомъ 18 тыс. рублей въ годъ; наговорилъ мнѣ много любезнаго, но добавилъ, что въ ближайшемъ антуражѣ Хорвата есть теченіе противъ моего назначенія, причемъ пускаются въ ходъ разныя инсинуаціи по поводу моей нѣмецкой фамиліи и командировки въ Токіо съ порученіемъ отъ большевиковъ; но, по словамъ Флуга, Хорватъ и члены кабинета не придаютъ этому никакого значенія.

Въ отвѣтъ на предложеніе высказалъ Флугу свое служебное credo, причемъ заявилъ, что основаніемъ всего считаю немедленное упраздненіе всѣхъ вольныхъ организацій и атамановъ и переходъ на планомѣрное, неторопливое созданіе новой арміи, начавъ съ приведенія въ порядокъ казармъ, сформированія школъ и учебныхъ командъ, реальнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ довольствія; по современной обстановкѣ необходимо обставить офицеровъ и солдатъ самымъ заботливымъ образомъ и наладить весь укладъ такъ, чтобы сразу же можно было ввести части въ строгія рамки устава внутренней службы, этого основанія дисциплины и порядка. Нельзя ввести новыя части въ разгромленныя казармы и требовать отъ нихъ порядка.

Флугъ отвѣтилъ, что и онъ, и Хорватъ того же мнѣнія, но что нельзя рвать все уже образовавшееся сразу, а надо ждать, пока все это измѣнится само собой. На это я возразилъ, что съ такой тактикой согласиться не могу, такъ какъ каждый день существованія атаманщины укрѣпляетъ ея положеніе, привязываетъ къ ней молодежь, распускаетъ, развращаетъ и гноитъ послѣднюю.

И красный, и бѣлый большевизмъ это смертельныя внутреннія опухоли и противъ нихъ нужна немедленная операція. При наличіи атаманскихъ вольницъ и атамановъ, не признающихъ ничьей власти, невозможно создавать что либо здоровое и прочное, такъ какъ большинство предпочтетъ болтаться и наслаждаться у атамановъ, чѣмъ служить и трудиться у насъ.

Вернувшись отъ Флуга, нѣсколько часовъ думалъ на что рѣшиться; несомнѣнно, что моя программа не пройдетъ, а въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой надежды на успѣхъ предстоящей работы.

Въ матерьяльномъ отношеніи это назначеніе является спасительнымъ выходомъ, но я никогда не соглашусь за деньги дѣлать то, чему не сочувствую. Залѣзть на высокій постъ и сдѣлаться платнымъ спутникомъ планеты Верховнаго Правителя только для положенія и полученія хорошаго оклада я считаю подлостью... Послѣ долгой борьбы рѣшилъ пожертвовать возможнымъ благополучіемъ для семьи и отказаться; написалъ Флугу письмо, поблагодарилъ за довѣріе, высказалъ причины, заставляющія меня уклониться отъ предлагаемаго назначенія.

Вечеромъ встрѣтилъ бывшаго студента Восточнаго Института, а нынѣ уже предсѣдателя войсковаго правительства Уссурійскаго казачьяго войска хорунжаго Эпова; по его словамъ Всероссійское Правительство базируется только на атаманѣ Калмыковѣ и въ очень обостренныхъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ командующимъ войсками, назначеннымъ Управой, полковникомъ Толстовымъ.

16 Августа. Утромъ зашелъ посмотрѣть на Штабъ крѣпости и на тѣ мѣста, гдѣ провелъ одиннадцать лѣтъ самой кипучей и интересной службы; встрѣтилъ старыхъ подчиненныхъ Кондрашева, Мендрина, Викторова и другихъ; настроеніе у всѣхъ вовлеченное въ политику и задорное; отсутствіе настоящей власти и борьба за власть разныхъ комбинацій даютъ себя остро во всемъ чувствовать; сейчасъ идутъ совѣщанія между военными руководителями Хорватовцевъ и Толстовцевъ (по иниціативѣ послѣднихъ); пока обѣ стороны уперлись, такъ какъ каждой хочется настоять на своемъ и не остаться при пиковомъ интересѣ. По разсказаннымъ мнѣ подробностямъ вижу, что идетъ весьма эгоистичная торговля, и что нѣтъ ни довѣрія, ни способности пожертвовать личнымъ на общее благо; при такой подкладкѣ немудрено, что надежда на соглашеніе самая крошечная.

Сидя у Кондрашева, получилъ приглашеніе полковника Толстова зайти къ нему; было интересно узнать, что это за фруктъ, и я пошелъ; просидѣлъ около часа, причемъ хозяинъ все время говорилъ, а я молчалъ; передо мной быстро выявился хитрый, пронырливый, водянисто болтливый, но не умный честолюбецъ, изъ рожденныхъ революціей аспирантовъ въ политическіе и военные дѣятели; онъ запутался въ сложной Владивостокской обстановкѣ и растерялся; своего у него ничего нѣтъ; привыкши всегда приспособляться и держать носъ по вѣтру, онъ сунулся въ кильватерную струю, казавшуюся ему наиболѣе вѣрной и надежной, а сейчасъ смущенъ, боится, что ошибся, и ищетъ компромисса, но при условіи сохранить свое собственное положеніе. Удивляюсь, что ловкій по этой части Хорватъ не сумѣлъ до сихъ поръ перевести его на свой меридіанъ и пріобрѣсти въ его лицѣ энергичнаго и преданнаго исполнителя.

Толстовъ очень долго, тягуче и какъ будто бы извиняясь, разсказывалъ мнѣ исторію своего назначенія, но такъ туманно, что для меня осталось неяснымъ, почему Управа выбрала его для назначенія на такой постъ.

Среди разговора Толстовъ сдѣлалъ мнѣ совершенно неожиданно предложеніе занять должность Генералъ-квартирмейстера его штаба; изъ уваженія къ его положенію какъ хозяина, пришлось обратить это въ шутку, заявивъ, что я не считаю себя годнымъ для занятія «столь отвѣтственнаго поста», предоставляя его болѣе энергичной молодежи; добавилъ, что, если кто либо пожелаетъ выслушать мой совѣтъ по организаціонной и мобилизаціонной части, то я всегда готовъ его дать, и, пользуясь свиданіемъ, считаю обязаннымъ заявить, что недавно объявленная въ Никольскѣ мобилизація была военной нелѣпостью и политической ошибкой.

Меня выручили какіе-то иностранцы; тягучая бесѣда съ этимъ фруктомъ послѣреволюціоннаго безвременья представляла очень мало интереса. Изъ этого посѣщенія я убѣдился, что владивостокскій Монкъ полный нуль, и что Управа, — ярко эсеровская, — продолжаетъ повторять ошибку всей революціи, думая, что можно поручать военное дѣло руководительству партійныхъ, митинговыхъ и свѣжереволюціонныхъ вундеркиндовъ, красно болтающихъ, но дѣла не знающихъ.

Изъ разговоровъ со старыми сослуживцами узналъ, что всѣ разговоры о сильной и дисциплинированной арміи Приморскаго земства такіе же мыльные пузыри, какъ бахвальство атамановъ ихъ отрядами; какъ и вездѣ, здѣсь на лицо только штабы, а

штыковъ, какъ котъ наплакалъ (въ двухъ полкахъ по 200—300 штыковъ, а въ остальныхъ на лицо только штабы).

Говорилъ съ Мендринымъ; какъ старый Владивостокскій обыватель и Уссурійскій казакъ, онъ въ курсѣ мѣстныхъ дѣлъ и далъ мнѣ характеристику Калмыкова; по его словамъ, Калмыковъ не казакъ, а харьковскій мѣщанинъ, обманомъ попавшій въ Уссурійскій казачій полкъ; когда обманъ обнаружился, то его исключили изъ полка, послѣ чего онъ явился въ Приморье; онъ очень честолюбивъ, хочетъ сдѣлаться полновластнымъ диктаторомъ мѣстнаго края и идетъ къ своей цѣли напроломъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. На дняхъ онъ разстрѣлялъ офицера войсковаго правленія сотника князя Хованскаго, посланнаго на ст. Гродеково съ служебнымъ порученіемъ. Хованскаго сняли съ поѣзда и тутъ же застрѣлили, обвинивъ въ какомъ-то шпіонствѣ; въ дѣйствительности же его убили потому, что у Калмыкова были съ нимъ какіе-то личные счеты по службѣ въ Уссурійскомъ полку.

Вечеромъ отъ дѣльцовъ Хорватовскаго гнѣзда Латкина и Протопопова узналъ, что въ Ставкѣ извѣстно, что я «долго бесѣдовалъ съ Толстовымъ»; очевидно, я уже удостоенъ Арнольдовской слѣжки; просилъ передать, чтобы не расходовали даромъ денегъ на филеровъ, такъ какъ, если интересуются, гдѣ я бываю и что говорю, то ради ихъ экономіи могу присылать имъ вечеромъ подробную рапортичку; скрывать и таиться мнѣ никогда не приходилось и не приходится.

Отъ Латкина узналъ подробности «геройскаго взятія отрядомъ гардемариновъ большевистскаго парохода у устья Сунгари». Съ этимъ очень носились въ Харбинѣ и чествовали участниковъ награжденныхъ за это дѣло Георгіевскими крестами.

На пароходѣ ѣхалъ подчиненный Латкину таможенный чиновникъ, подавшій рапортъ, въ которомъ описываетъ безобразія и насилія, учиненныя героями при захватѣ не сопротивлявшагося парохода; по «обстоятельствамъ момента» рапортъ оставленъ безъ движенія.

17 Августа. Весь день провелъ въ кругу прежнихъ сослуживцевъ по Владивостоку; среди нихъ были полковникъ В. А. Волковъ, руководитель тайной офицерской организаціи во время господства большевиковъ, и уссурійскій казакъ полковникъ Февралевъ. Послѣ выступленія чеховъ офицерская организація положила начало формированію четырехъ первыхъ сибирскихъ полковъ; Толстовъ появился здѣсь совершенно неожиданно, вѣроятно по приглашенію военнаго министра Сибирскаго Правительства, подполковника Краковецкаго; сейчасъ офицеры остро недовольны Толстовымъ, и только дисциплина удерживаетъ отъ открытаго противъ него выступленія. Самъ Толстовъ всецѣло въ рукахъ эсеровской Земской Управы, лебезитъ передъ нею и передъ союзниками и старается обезпечить за собой положеніе единственно законной военной власти.

Начатые формированіемъ полки таютъ съ каждымъ днемъ, такъ какъ молодежь тянетъ къ Калмыкову; здѣсь очень скучно, установлены занятія и очень донимаютъ тяжелые караулы, а въ отрядахъ веселіе, разгулъ и ничегонедѣланіе; немногіе уходятъ, ища подвига и боевой жизни, а большинство ищетъ, гдѣ легче служить и больше платятъ.

Изъ многочисленныхъ сообщеній изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ несомнѣнно, что вторженіе въ предѣлы края Хорватовскихъ хунхузовъ и ихъ усмирительныя мѣры и сожженіе деревни Нижняя Дѣвица принесли для бѣлой идеи самые печальные результаты. Къ Хорвату населеніе отнеслось сначала безразлично, но послѣ учиненныхъ насилій, умѣло размазанныхъ большевиками и эсерами, все приникольское населеніе потребовало у Земства общей мобилизаціи, дабы прогнать и истребить насильниковъ,

Старые сибирскіе офицеры, бывшіе это время въ Никольскѣ, говорили, что не будь этихъ драгоннадъ, весьма вѣроятно, что при умѣломъ обращеніи съ населеніемъ, послѣднее въ лицѣ наибольшей, здоровой части могло стать на сторону Хорвата, и «снизу» признать его власть, то-есть дать этой власти такой безпроигрышный козырь, какъ народное одобреніе.

Говорятъ, что союзники настойчиво требуютъ, чтобы разноцвѣтные соперники за обладанье властью пришли къ какому нибудь соглашенію, но надежды на это нѣтъ никакой, ибо непримиримость не въ принципахъ, а въ жаждѣ власти и нежеланіи отъ

нея уйти; зловреднѣе всѣхъ эсеры, сброшенные большевиками годъ тому назадъ и считающіе себя единственными законными претендентами.

Мнѣ кажется, что сейчасъ единственнымъ исходомъ является назначеніе здѣсь Военнаго Генералъ-Губернатора съ правами военнаго времени, это сразу рѣшитъ всѣ мѣстные вопросы, вскроетъ всѣ больные нарывы, дастъ краю опредѣленную и привычную власть и установитъ порядокъ. Взлѣзать сейчасъ на Всероссійскій Престолъ и задаваться задачами всероссійскаго масштаба было бы глупо и смѣшно, ибо неизвѣстно вполнѣ точно, что же дѣлается даже въ Сибири, не говоря уже о Центральной Россіи.

Надо положить твердое начало здѣсь въ Приморьѣ, а затѣмъ, имѣя базу для работы и опытъ, расшириться сначала на дальневосточный, потомъ на общесибирскій и только при особой удачѣ на общероссійскій масштабъ.

Всероссійское Управленіе всегда было тяжело и громоздко; какъ же можно думать о немъ теперь въ годины полнаго развала всѣхъ средствъ и способовъ управленія и всѣхъ проявленій государственной жизни.

Завтра ожидается прибытіе сюда японскаго Главнокомандующаго генерала Отани; быть можетъ, это ускоритъ разрѣшеніе всѣхъ накопившихся здѣсь вопросовъ.

Февралевъ разсказалъ мнѣ, что въ Уссурійскомъ войскѣ сейчасъ полная раздрайка, но фактическая власть неходится въ рукахъ атамана Калмыкова, собравшаго вокругъ себя нѣсколько сотъ офицерской и казачьей молодежи и терроромъ затыкающаго ротъ всѣмъ инакомыслящимъ. Сейчасъ онъ единственная реальная русская сила и съ нимъ заигрываютъ всѣ «правительства», стараясь приманить его на свою сторону размѣромъ предлагаемыхъ субсидій. Сейчасъ вообще идетъ покупка свободныхъ шпагъ: полковникъ Волковъ разсказалъ мнѣ, что къ нему пріѣзжалъ хорватовскій сторонникъ и главарь Дальневосточнаго Комитета Тетюковъ и предлагалъ ему въ безотчетное распоряженіе сто тысячъ рублей на выдачу пособій нуждающимся офицерамъ.

18 Августа. Встрѣча японскаго Главнокомандующаго: всюду союзные флаги, почетные караулы союзныхъ войскъ, союзное начальство и офицеры. Тяжело смотрѣть на родной мнѣ Владивостокъ, совершенно потерявшій свой русскій щеголеватый видъ. Прошелъ и нашъ маленькій отрядъ; я не выдержалъ и разревѣлся до того, что пришлось зайти во дворъ таможни и тамъ успокоиться; слишкомъ уже тяжело видѣть, до чего дошла Россія, да еще и тамъ, гдѣ прошло 11 лѣтъ жизни и гдѣ моими трудами создалась наиболѣе сильная русская крѣпость. Все, что можно, растащили товарищи, продавшіе весь металлическій ломъ, укравшіе броневыя покрышки дальномѣрныхъ будокъ и пытавшіеся продать 8 и 11 дюймовыя пушки старыхъ образцовъ какимъ-то японскимъ спекулянтамъ. Чехословаки вычистили всѣ вещевые магазины, хранившіе неприкосновенные запасы крѣпости на двѣсти тысячъ человѣкъ; теперь они щеголяютъ въ нашемъ обмундированіи и сапогахъ; при встрѣчѣ узнаю наше штиглицевское сукно и великолѣпные сапоги работы вятскихъ кустарей — все это заказывалось и привозилось, когда я былъ членомъ крѣпостного распорядительнаго комитета.

Толстовъ мнѣ разсказалъ, что, когда началось разграбленіе чехами нашихъ крѣпостныхъ магазиновъ, то онъ обратился къ командовавшему чехами генералу Дитерихсу, надѣясь на то, что тотъ русскій генералъ русскаго генеральнаго штаба; на жалобу Толстова, что чехи грабятъ, Дитерихсъ отвѣтилъ: «и дальше будемъ поступать такъ же, у насъ ничего нѣтъ и взять намъ неоткуда; русскаго же намъ жалѣть нечего.»

Офицеры штаба крѣпости разсказывали, какъ Арнольдъ и Ко. обрабатывали Толстовскихъ офицеровъ, уговаривая ихъ дать подписи на письмѣ Хорвату съ выраженіемъ вѣрнопреданности и готовности; дѣлалось это, по заявленію предлагавшихъ, съ согласія Хорвата, и только предложеніе полковника Волкова поѣхать къ Хорвату и спросить его самого объ этомъ — сорвало всю столь обычную для нашихъ полицейскихъ ярыжекъ комбинацію. Въ своемъ платномъ усердіи такіе азефщики не понимаютъ, какое зло они учиняютъ для представляемаго ими дѣла, и какой развратъ вносятъ въ офицерскую среду; имъ нужно только услужить начальству, не заботясь о томъ, насколько прочны могутъ быть сманенные ими люди.

Вообще хорватскіе исполнители въ средствахъ убѣжденія не стѣсняются; начальница женской гимназіи разсказывала мнѣ, что пріѣхавшій къ ней хорватовскій краевой инспекторъ училищъ Лассъ пугалъ ее репрессіями, если она не согласится признать его законной властью.

19—20 Августа. Ѣду назадъ въ Харбинъ; со мной ѣдутъ корреспондентъ бельгіецъ и англичанинъ изъ консульства; по ихъ словамъ, активное выступленіе союзниковъ намъ на помощь тормозится американцами; союзники настроены очень рѣшительно, но безсильны побѣдить рѣшеніе столь важнаго для нихъ союзника какъ Соединенные штаты, стоящіе незыблемо на почвѣ невмѣшательства.

Проѣхали опять мимо сидящихъ на тѣхъ же, что и раньше, разъѣздахъ эшелоновъ «россійскихъ войскъ»; тамъ всѣ растаяли и обалдѣли отъ жары, продовольствіе поставлено очень плохо и даже воду приходится подвозить паровозами.

Нашъ поѣздъ все время задерживается, ибо и навстрѣчу, и въ догонку летятъ экстренные поѣзда съ высокими сановниками, вліятельными совѣтниками и знатными иностранцами.

21 Августа. Водворился домой; прочиталъ мѣстныя за время моего отсутствія газеты; каждая попрежнему хвалитъ своего кормителя и льетъ ушаты грязи на его супротивниковъ. Японцы и союзники все еще болтаются на Хабаровскомъ направленіи; они совсѣмъ не умѣютъ дѣйствовать въ тайгѣ и это на руку большевикамъ.

Встрѣтилъ бывшаго командира Уссурійскаго казачьяго полка полковника Пушкова, который разсказалъ мнѣ краткую исторію теперешняго атамана Калмыкова: сынъ мелкаго харьковскаго лавочника, затѣмъ подпоручикъ 1 Сибирскаго сапернаго батальона, онъ выпросилъ у командира 1 Сиб. корпуса прикомандированіе къ Уссурійскому казачьему дивизіону, представивъ подложныя бумаги о томъ, что онъ Кубанскій казакъ. Послѣ революціи былъ уличенъ въ томъ, что интриговалъ между казаками противъ офицеровъ; его хотѣли предать суду, но командиръ 3 коннаго корпуса генералъ Крымовъ не захотѣлъ марать этимъ дѣломъ имя Уссурійскихъ казаковъ и приказалъ выгнать Калмыкова изъ полка и, какъ не казака, отправить его въ резервъ офицеровъ въ Кіевъ. Тогда Калмыковъ уѣхалъ въ Приморье, явился въ войско, началъ ораторствовать на митингахъ, сдѣлался популярнымъ и попалъ въ замѣстители войскового атамана; сначала дружилъ съ совдепами, произнесъ въ Никольскѣ привѣтственную совдепу рѣчь, но наканунѣ возвращенія въ область фронтовыхъ казаковъ и офицеровъ, ушелъ за китайскую границу и, собравъ около себя нѣсколько десятковъ молодыхъ офицеровъ, юнкеровъ и кадетъ, объявилъ себя борцомъ противъ большевизма, подражая Семенову, сталъ обыскивать поѣзда и этимъ кормиться; въ концѣ концовъ, на станціи Пограничной образовался не то вольный отрядъ, не то разбойничья шайка.

Вотъ и вся біографія этого мелкаго, но честолюбиваго авантюриста, пробирающагося на амплуа уссурійскаго Семенова; казаковъ онъ умѣло щекочетъ перспективою полной, никого не признающей казачьей самостоятельности и захвата возможно большаго количества земель.

22 Августа. Большевикамъ дали слишкомъ много времени, чтобы оправиться отъ перваго даннаго имъ тумака; они осмѣлѣли до того, что появились на озерѣ Ханка и высадили дессантъ, угрожая сообщеніямъ Никольскъ — Пограничная; у Шмаковой они потрепали союзниковъ, которые потеряли при этомъ часть артиллеріи.

Мѣстные китайцы очень озлоблены продвиженіемъ сюда японскихъ эшелоновъ; были уже случаи столкновенія японскихъ солдатъ съ китайскими; послѣдніе держатъ себя вызывающе, особенно по отношенію ко всему русскому; нѣтъ прежней силы, нѣтъ и уваженія.

Владивостокъ молчитъ; хорватовцы распространяютъ разныя пріятныя для себя новости, полученныя якобы по прямому проводу, но при провѣркѣ все это оказывается фабрикаціей.

23 Августа. Семеновъ самоопредѣлился въ командующіе отдѣльной восточно-сибирской арміей изъ нѣсколькихъ корпусовъ; появились и штабы корпусовъ, и многочисленныя тыловыя учрежденія; бойцовъ же по прежнему нѣсколько сотенъ офицеровъ

и юнкеровъ, плюсъ приманенныя жалованіемъ и положеніемъ хунхузьи и инородческія банды.

Если союзники искренно хотятъ намъ помочь, то непонятно, какъ могутъ они такъ равнодушно взирать на всю эту вакханалію; давая войска, деньги и техническую помощь, они вправѣ потребовать, чтобы мы дѣлали дѣло, а не творили только однѣ глупости, да гадости.

24 Августа. Большевики совсѣмъ расхрабрились и дѣло дошло до того, что союзникамъ пришлось спѣшно посылать подкрѣпленія на помощь чехамъ и японцамъ. Вотъ тебѣ и политика невмѣшательства! а сдѣлай это раньше и двинься союзники сразу по пятамъ ошалѣвшихъ и растерявшихся большевиковъ, все было бы сразу окончено.

25 Августа. Какіе-то смутные слухи о происшедшемъ во Владивостокѣ выступленіи офицерской организаціи Волкова (или, какъ она теперь называется, полковника Бурлина) въ пользу Хорвата, причемъ была попытка арестовать Толстова.

Земство завопило о контръ-революціи, вмѣшались не то чехи, не то союзники и разоружили всѣ русскія войска. Очевидно, разразилось то броженіе, которое было во Владивостокѣ еще во время моей поѣздки и поддерживалось тайными агентами Хорвата; уже тогда было очевидно, что офицеры болѣе склонны идти за извѣстнымъ генераломъ Хорватомъ, чѣмъ за какимъ-то выскочкой, лизавшимъ ноги у разныхъ эсеровъ, ненавистныхъ большинству за свою глупую и разрушительную для государства политику.

26 Августа. Владивостокскія событія выясняются въ слѣдующей версіи: послѣ долгихъ тайныхъ совѣщаній хорватовскіе агенты склонили Владивостокскія организаціи, давно настроенныя противъ Толстова, признать командованіе надъ ними генерала Плѣшкова; при этомъ пришлось принять мѣры противъ поддерживавшихъ Толстова войскъ; тогда, по просьбѣ земства, союзные консула приказали разоружить всѣ русскія войска, что и было исполнено.

Въ результатѣ обезоружена и опозорена единственная приличная русская военная организація Волкова; приличное всегда гибнетъ, а дрянь вродѣ Семенова и Калмыкова попала подъ чье-то союзное крылышко и процвѣтаетъ.

Правительство Хорвата или, какъ его называютъ, Дѣловой Кабинетъ дѣлаетъ пока только однѣ ошибки; слишкомъ уже не терпится и хочется стать признанной властью. Ошибались горько тѣ, кто выставлялъ Хорвата, какъ умнаго и ловкаго дипломата; то, что дѣлается его именемъ, опредѣленно показываетъ, что онъ или плохой и неумный дипломатъ, или на немъ ѣздятъ верхомъ такіе же плохіе и неумные совѣтники; вѣдь только этимъ можно (въ дополненіе ко всему прочему) объяснить такіе промахи, какъ попытки добиться признанія путемъ разныхъ пронунціаменто и подкоповъ подъ учрежденія и лица, признаваемыя de facto и союзниками, и чехами.

Попытки съ негодными средствами едва ли способны придать солидности и авторитетности тѣмъ, на чей счетъ или ради кого онѣ дѣлаются.

27 Августа. Оффиціально подтверждается о разоруженіи офицерской организаціи Бурлина; это крупное несчастіе, ибо на ней можно было положить основаніе созданію первой настоящей воинской части; она заключала въ себѣ много идейныхъ людей, думавшихъ не о себѣ, а о Россіи и ея спасеніи.

Весь стыдъ за этотъ позоръ да ляжетъ на головы тѣхъ, которые, играя на естественныхъ чувствахъ неуравновѣшенной молодежи, подвинули ее на искреннее, но неумѣстное и несвоевременное выступленіе.

28 Августа. Толстовъ, куда-то исчезнувшій во время Волковскаго выступленія, возстановленъ консулами въ своей должности, какъ ставленникъ единственной полупризнаваемой ими здѣсь власти Земской Управы.

Вызванному уже во Владивостокъ Плѣшкову пришлось, ради спасенія лица, отправиться съ какимъ-то порученіемъ на «Даурскій фронтъ».

Ясно, что хорватовская комбинація съ всероссійскимъ правительствомъ сѣла въ глубокую и смѣшную лужу; совѣтники и вдохновители харбинскаго хозяина вообразили, что, если столь знаменитая, по ихъ мнѣнію, величина, какъ Дмитрій Леонидовичъ, соблаговолитъ принять на себя задачу устроить Россію, то всѣ ему немедленно заруко-

плещутъ и войска, флоты и капитаны немедленно ринутся на помощь столь знаменитому вождю. Все это родилось въ психологіи мелкихъ обывателей мелкаго города и повторило исторію синицы, хвалившейся зажечь море. Сляпали все очень скоро, про бродъ ни у чеховъ, ни у союзниковъ не спросили, своимъ Правителемъ никого не изумили и попали въ самое конфузное положеніе.

29 Августа. Съ сѣвера доносятся какія-то смутныя вѣсти о приближеніи къ Забайкалью пробившихся черезъ красныхъ чешскихъ эшелоновъ. Какъ кстати было бы имѣть теперь хорошіе офицерскіе кадры; можно было бы поднять интеллигентную молодежь, развернуться въ болѣе широкія рамки и дать реальную силу для поддержанія грядущей власти.

Настроеніе пестрое: то набѣгаютъ розовыя волны оптимизма и надежды, но когда оглянешься вокругъ, то все мрачнѣетъ. Что представляетъ изъ себя центръ борьбы — Харбинъ? Разоренные эмигранты, вышибленные изъ привычной колеи и все потерявшіе бюрократы, горящая мщеніемъ молодежь, напуганные національзаціей заводчики и фабриканты, равнодушные ко всему, кромѣ наживы, спекулянты, атаманскія орды распущенной молодежи, трясущійся обыватель, эсеровскіе и большевистскіе рабочіе . . . и все это въ густомъ соусѣ полнаго непониманія происходящаго нынѣ историческаго переворота. Сейчасъ головы высоко подняты у тѣхъ, кто въ слагающейся обстановкѣ видитъ только возможность сѣсть на старыя мѣста, закрутить всѣ старыя гайки, сторицею расплатиться съ тѣми, кто принесъ все пережитое за послѣдній годъ, и повернуть жизнь въ старое русло. Опущены головы и злобно сверкаютъ глаза у тѣхъ, кто хватилъ сладкаго, но уже отброшенъ отъ него, и боится, что не придетъ вновь его очередь.

Родина, умирающая и опозоренная, это и для первыхъ и для вторыхъ только ширма, чтобы прикрыть свои истинныя вожделѣнія.

30 Августа. Японцы энергично двинулись на Хабаровскъ и, конечно, съ успѣхомъ. Изъ Владивостокской тюрьмы при помощи или, какъ говорится, при благосклонномъ бездѣйствіи какихъ-то демократическихъ союзниковъ бѣжали главари мѣстнаго совдепа Губельманъ и Ко., что вызвало ликованіе большевиковъ.

Всероссійско: Правительство, своего рода Limited, съ ограниченной сферой дѣятельности (не дальше забора, ограждающаго Эгершельдскіе тупики) очень много пишетъ, еще больше назначаетъ.

Семеновцы свободно продвигаются на сѣверъ; очевидно, что чехи нажимаютъ на большевиковъ со стороны Байкала.

Красная хмара понемногу разсѣивается, но кто-то ее замѣнитъ?

31 Августа. Изъ Владивостока сообщаютъ, что соединенное засѣданіе военныхъ представителей всѣхъ союзниковъ признало назначеніе Плѣшкова главнокомандующимъ непріемлемымъ; неизвѣстны мотивы такого рѣшенія, очень для насъ интересные, ибо могли бы разъяснить позицію и проекты союзниковъ.

Обидно за Хорвата, что его толкаютъ на разные faux pas. Теперь сдѣлали изъ мизернаго Толстова фигуру и побѣдителя; пробный урокъ по главнымъ отдѣламъ экзамена на государственность прошелъ у Эгершельдскихъ правителей съ полнымъ проваломъ. Харбинскіе представители союзниковъ увѣряютъ, что ихъ выступленіе и разоруженіе русскихъ отрядовъ произошло подъ сильнымъ давленіемъ Соединенныхъ Штатовъ, и что они всецѣло на нашей сторонѣ.

Вечеромъ говорили, что оружіе нашимъ частямъ во Владивостокѣ возвращено.

1 Сентября. Японцы заняли Иманъ, при чемъ мостъ, слава Богу, уцѣлѣлъ; его разрушеніе было бы огромнымъ ущербомъ для жизни всего Заиманскаго района.

Чехословаки отъ Читы продвинулись на Карымскую и встрѣтились съ Семеновцами; нехорошо то, что большевики не приняли удара и разбѣжались по разнымъ медвѣжьимъ угламъ и трудно доступнымъ урочищамъ, что сдѣлаетъ дальнѣйшую борьбу съ ними очень тяжелой. Нужна планомѣрная война съ постепеннымъ очищеніемъ отдѣльныхъ районовъ, а это грозитъ долгой и затяжной внутренней борьбой, въ которую ввяжутся разныя таежныя и каторжныя банды.

2 Сентября. Говорятъ, что чехословаки прочистили всю магистраль и что путь свободенъ чуть ли не до Волги; сообщаютъ также, что въ Томскѣ или Омскѣ имѣется Правительство, и что въ Сибири образовалась уже своя армія, успѣшно борющаяся съ красными

Положеніе нашего непроявленнаго эгершельдскаго негатива все то же; не будь здѣсь цѣлаго узла личныхъ честолюбій былъ бы отличный исходъ уйти въ небытіе, сославшись на появленіе общесибирской центральной власти.

Захирѣвшее одно время Сибирское, сидящее во Владивостокѣ, правительство — или такъ называемая Дерберовщина, — ободренвое успѣхами на Сибирскомъ фронтѣ, воскресло и, объявивъ себя единственной законной властью, требуетъ, чтобы всѣ его признали и ему подчинились.

Полный embarras de gouvernements!

Пока что Сибирское правительство Дербера объявило Хорвата узурпаторомъ, а Плѣшковъ объявилъ Приморскую Земскую Управу измѣнниками. Обмѣнъ столь острыхъ комплиментовъ не можетъ разрядить крайне напряженную атмосферу и способствовать возможности какого нибудь соглашенія. Для населенія эта ругань весьма поучительна и даетъ много матерьяла для заключеній объ «авторитетѣ власти».

Одинъ изъ членовъ англійской миссіи, спрошенный, какъ они относятся ко всему у насъ происходящему, отвѣтилъ, что они «ждутъ, къ чему же, наконецъ, придутъ русскіе джентльмены».

3 Сентября. Началась желѣзнодорожная забастовка, объясняемая недовольствомъ служащихъ новыми окладами жалованья и введеніемъ сдѣльной оплаты труда. Все, что слышу здѣсь о положеніи служащихъ, убѣждаетъ, что въ управленіи дорогой нѣтъ системы и дѣлового чутья, нѣтъ умѣнья идти впереди времени и устранять вредныя препятствія раньше, чѣмъ они сядутъ на голову.

Нѣтъ даже и практической дѣловитости: ввели, напр., новые оклады по системѣ сдѣльной оплаты и забыли многіе разряды служащихъ, которые, по сути своей дѣятельности, не могутъ быть разсчитываемы по этой системѣ.

4 Сентября. Забастовка продолжается; забастовалъ и телеграфъ. Сегодня одинъ изъ контролеровъ дороги показывалъ мнѣ образчики сапогъ съ деревянными подошвами и одѣялъ, разлѣзающихся на куски, поставленныхъ для мѣстной тюрьмы: сапоги по 66 рублей за пару, а одѣяла по 109 рублей за штуку. Пріемщики все время уговариваютъ его дать согласіе на пріемъ, потому что ничего другого нѣтъ, а когда онъ отказался, то къ нему явился «нѣкто» съ предложеніемъ 60.000 рублей за согласіе.

Все, видимо, остается у насъ по этой части по прежнему, увеличились только куши; можно себѣ представить, что дѣлается при заказѣ дровъ, угля, металловъ, смазки и пр., гдѣ дѣло идетъ о десяткахъ милліоновъ.

5 Сентября. Говорятъ, что Хорватъ уѣхалъ на западъ на совѣщаніе съ представителями Сибирскаго Правительства по вопросу о конструкціи новой государственной власти. Совѣщанію этому суждено играть самую рѣшающую роль для всего будущаго; пошли, Господи, чтобы его участники оказались способными пожертвовать всѣмъ личнымъ и выполнить все нужное для столь серьезнаго дѣла.

Сообщаютъ, что по всей сибирской магистрали и далѣе на западъ, вплоть до Пензы, установлено свободное движеніе и всюду полный порядокъ. Неужели же близко осуществленіе моей мечты, что падчерица Сибирь спасетъ мачеху Россію; только бы не было грызни за власть; только бы къ дѣлу возстановленія подошли не рвачи, интриганы, политиканы и атаманы, а честные, дѣловые и идейные люди.

6 Сентября. Забастовщиковъ все время уговариваютъ; дернуло же ввести неудачные оклады, какъ разъ въ то время, когда по всей обстановкѣ и по серьезности развивающихся событій необходимо, чтобы дорога работала полнымъ ходомъ и вообще было бы поменьше горечи, уксуса, неудовольствій и обостреній.

Отъ уговоровъ забастовочный комитетъ становится все упрямѣе и несговорчивѣе, требуетъ оффиціальнаго признанія.

Несмотря на забастовку, атаманскіе поѣзда ходятъ безъ задержки, ибо забастовщики знаютъ, что въ атаманскомъ кодексѣ ихъ дѣянія гарантируютъ имъ минимумъ хорошую порку, а максимумъ пеньковый галстухъ и прогулку до ближайшаго телеграфнаго столба.

Вечеромъ слушалъ разговоры на злободневныя темы; говорили, что союзники начинаютъ злиться и даже пригрозили, что, если мы не разберемся сами въ своихъ дѣлахъ, то имъ придется создать намъ власть; чехи же прямо заявили, что имъ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ устроится Россія, и что у нихъ достаточно своихъ заботъ. Въ результатѣ всюду въ обществѣ усиленіе германофильскаго настроенія въ надеждѣ, что только нѣмцы захотятъ намъ помочь и сумѣютъ это сдѣлать.

7 Сентября. Японцы заняли Хабаровскъ — это весьма серьезный этапъ въ борьбѣ съ красными; теперь надо заняться скорѣйшимъ установленіемъ порядка и законности въ краѣ. Исполнить это некому, ибо весь активъ разныхъ властей и партій уходитъ на взаимную грызню и оплеваніе; кромѣ того, на хвостѣ у японцевъ увязался Калмыковъ, который способенъ завернуть населенію такой режимчикъ, что оно восплачетъ по большевикамъ.

Вечеромъ имѣлъ возможность наблюдать храбрость харбинскаго общества; около собранія раздалось нѣсколько выстрѣловъ, что вызвало среди гостей полную панику, кто-то крикнулъ «ложись» и всѣ повалились на полъ, ползая подъ столы и подъ укрытіе стѣнъ; около послѣднихъ происходило побоище ногами, такъ какъ ранѣе приползшіе отпихивали ногами новыхъ кандидатовъ; непопавшіе къ стѣнкамъ, какъ крабы, ползали по полу и искали убѣжища; одинъ инженеръ буквально буравилъ носомъ полъ, стараясь въ него вдавиться и представлять меньшую цѣль; на ногахъ, кромѣ меня, остался только одинъ изъ старшинъ.

8 Сентября. Забастовка благополучно продолжается, губя и безъ того скверное матерьяльное состояніе дороги. Григорій Семеновъ задѣлался главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами на Дальнемъ Востокѣ; за полтора года мы имѣли еще болѣе нелѣпыхъ главкотяповъ, и насъ уже удивить теперь трудно.

Въ той липкой грязи, въ которой мы сейчасъ болтаемся, роскошнѣйшая сфера для выползанія наверхъ разныхъ авантюристовъ и раритетныхъ фруктовъ, подаренныхъ намъ послѣреволюціоннымъ развалом. «Слетѣлись всѣ пташки и наверхъ полѣзли мошки и букашки».

Дороговизна жизни лѣзетъ въ гору, а рубль одновременно катится внизъ. Открытіе сообщеній съ западомъ разжигаетъ аппетиты спекулянтовъ и наполняетъ ихъ пасти слюной вожделѣнія; ихъ авангарды бросились уже на станцію Маньчжурія подготовлять отправки разныхъ товаровъ. Хорошая пожива будетъ для семеновскихъ комендантовъ станцій.

9 Сентября. Съ запада получены извѣстія объ открытіи Сибирской Областной Думы и о составѣ Сибирскаго Правительства; вотъ, когда время нашимъ кандидатамъ на престолы и портфели отказаться отъ своихъ всероссійскихъ званій и, если они дѣйствительно хотятъ поработать на благо родины, то пойти на формированіе мѣстныхъ дѣловыхъ органовъ государственнаго аппарата, отъ успѣха работы которыхъ зависитъ все будущее Россіи. Надо забыть личное, побѣдить свое честолюбіе и сознательно пойти на черную работу.

Плохо то, что на Западѣ къ власти вылѣзла эсеровщина, которая внѣ конкурса по части подкопа и сверженія правительствъ, но безнадежна по части здороваго строительства; значитъ, опять начнется болтологія и разныя демократическія кривлянія, да заоблачныя попытки насадить на землѣ соціалистическій рай, не считаясь съ озвѣрѣніемъ людей и вакханаліей самыхъ животныхъ инстинктовъ.

Хорватъ вернулся въ Харбинъ, по внѣшности веселъ, но по свѣтскимъ разговорамъ, — надеждъ на «утвержденіе во временно занимаемой должности» никакихъ; на персональное его вхожденіе въ составъ новой власти всѣ единогласно согласны, но по остальному — полный отказъ.

Относительно Семенова, отзывъ сопровождавшихъ Хорвата въ его поѣздкѣ таковъ: «обнаглѣлъ до послѣднихъ предѣловъ; иначе и быть не могло, разъ такую ворону запустили въ высокіе хоромы».

10 Сентября. Съ запада идутъ непріятныя свѣдѣнія о борьбѣ за власть, загорѣвшейся между Сибирской Областной Думой и Самарскимъ комитетомъ членовъ учредительнаго собранія; въ комитетѣ, какъ сообщаютъ, весьма лѣвое направленіе вплоть до сохраненія власти совѣтовъ.

Грызня — это наша смертельная болѣзнь, неуступчивость — ея постоянный спутникъ. Каждая выброшенная на верхъ политическая комбинація желаетъ главенствовать, покорить всѣхъ подъ-нози, и не способна ограничиться наиболѣе важной сейчасъ работой устроенія хотя бы того района, въ которомъ появилась, помогая вмѣстѣ съ тѣмъ искренно и чѣмъ можно сосѣдямъ въ ихъ такой же работѣ. Вмѣсто этого пухнетъ и все давитъ чисто приходскій эгоизмъ, сопровождаемый великодержавными потугами и злобной удѣльной распрей.

Все уходитъ на совѣщанія, пререканія, уговоры, споры, подковырки, тайныя и явныя враждебныя дѣйствія; на дѣло созданія и творчества не остается ни времени, ни мозговъ, ни нервовъ. Вмѣсто единенія и довѣрія царятъ колючая подозрительность, ѣдкая злоба, зависть, сведеніе личныхъ счетовъ, ехидное подкапываніе и злорадство надъ ошибками своихъ конкуррентовъ.

11 Сентября. Временный Правитель изволилъ отбыть во Владивостокъ. Забастовка продолжается; какъ будто бы злой рокъ тяготѣетъ надъ тѣмъ, чтобы ухудшать и безъ того достаточно кавардачное положеніе.

Газета «Призывъ» захлебывается въ увѣреніяхъ, что, по полученнымъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ свѣдѣніямъ, вся Сибирь съ радостнымъ нетерпѣніемъ ждетъ Хорвата въ качествѣ Временнаго Правителя и Избавителя; та же газета сообщаетъ, что членъ дѣлового кабинета Курскій делегированъ къ Сибирскому Правительству возвѣстить, что Хорватъ признанъ тремя четвертями населенія и что все спасеніе въ «Немъ».

Въ платномъ ражѣ съ истиной не церемонятся; всѣ эти сообщенія столь наглая ложь, что сфабриковавшіе ихъ милостивые государи не могутъ этого не сознавать. Отъ всего этого такъ и несетъ отвратительной вонью охранныхъ отдѣленій и нравовъ департамента полиціи.

12 Сентября. Нелѣпѣйшая забастовка продолжается; управленіе дороги ведетъ себя очень глупо, примѣняя жалкіе пріемы мелкаго сыска, но не имѣя рѣшительности объявиться хозяиномъ, цыкнуть на служащихъ и заставить ихъ или работать, или уйти, но вслѣдъ затѣмъ немедленно вникнуть въ нужды служащихъ и удовлетворить ихъ.

Говорятъ, что во Владивостокѣ предполагается созвать какое то государственное совѣщаніе, куда пріѣдутъ делегаты члены Сибирскаго Правительства; что ни проектъ, то дѣловая нелѣпость; надо работать и возсоздавать, а попавшіе къ власти, но ея не имущіе, катаются взадъ и впередъ въ поискахъ соглашеній и компромиссовъ.

Продолжается картина разъѣздовъ кандидатовъ на юпитеры всѣхъ ранговъ, конечно, экстренными поѣздами, съ вагонами-столовыми, съ семьями или замѣняющими ихъ институтами (секретарши, машинистки, сестры милосердія и т. п.).

Почету много; болтай, сколько хочешь, и даже не думая, теперь за это не спрашиваютъ; работы никакой, постели мягкія, буфетчики расторопные, вина и закуски по высокому классу должности, всѣ расходы относятся на экстраординарныя суммы — ну, чѣмъ не жизнь и . . . какая разница отъ комиссаровъ?

И катаются господа взадъ и впередъ, притворяясь, что спасаютъ Россію.

13 Сентября. Въ Москвѣ и Петроградѣ большевики разгромили французскія и англійскія посольства и консульства, гдѣ яко-бы устраивались антисовѣтскіе заговоры.

Антанта между большевиками и лѣвыми эсерами по сообщеніямъ газетъ кончилась, и началась смертельная борьба.

Пріѣхавшіе изъ отрядовъ дегенераты похваляются, что во время карательныхъ экспедицій они отдавали большевиковъ на расправу китайцамъ, предварительно перерѣзавъ плѣннымъ сухожилія подъ колѣнами («чтобы не убѣжали»); хвастаются также, что закапывали большевиковъ живыми, съ устиломъ дна ямы внутренностями, выпущенными изъ закапываемыхъ («чтобы мягче было лежать»). Хочется думать, что это только

садическое бахвальство, и что, какъ ни распущены наши бѣлые большевики, все же они не могли дойти до такихъ невѣроятныхъ гнусностей.

14 Сентября. Въ вышедшихъ сегодня газетахъ на первомъ мѣстѣ приказъ командующаго мѣстными чехословацкими отрядами Гайды прекратить забастовку подъ угрозой преданія забастовщиковъ военно-полевому суду. Приказъ очень хлесткій, но, какъ выяснилось, онъ отданъ post factum, послѣ фактическаго окончанія забастовки, прекращенной еще вчера.

Появившійся на мѣстномъ горизонтѣ Гайда, по выраженію японскаго маіора Араки, «что-то въ родѣ вашего Крыленки, но только изъ австрійскихъ поручиковъ».

Въ отвѣтъ на приказъ Гайды выступили китайцы, заявившіе протестъ противъ вмѣшательства чехословацкаго командованія въ дѣла Управленія дорогой, такъ какъ это нарушаетъ суверенныя права Китая.

Семеновъ отдаетъ громовые приказы и требуетъ подчиненія себѣ всей полосы отчужденія К. В. желѣзной дороги, такъ какъ Сибирскимъ правительствомъ онъ назначенъ командиромъ 5 Сибирскаго корпуса и Главнымъ Начальникомъ Приамурскаго военнаго округа.

15 Сентября. Вечеромъ видѣлъ телеграмму на имя Флуга изъ западной Сибири, сообщающую, что положеніе тамъ прочное и что идетъ полное объединеніе буржуазіи и народа; послѣднее выраженіе мнѣ очень не нравится и заставляетъ сомнѣваться въ правдивости всего остальнаго; никогда я не повѣрю въ искренность такого объединенія. Далѣе сообщается, что дѣло соглашенія между Сибирью и Комучемъ почти безнадежно; оканчивается телеграмма указаніемъ на необходимость немедленной помощи со стороны союзниковъ.

Газетныя сообщенія подтверждаютъ, что въ освобожденныхъ отъ большевизма районахъ Приуралья и Поволжья идетъ неосвѣтимый кавардакъ; всѣ лѣзутъ къ власти, ругаются, подкапываются, совѣщаются и ничего путнаго выдумать не могутъ. Большевиковъ кое какъ еще прогнали, а дальше устроиться не могутъ.

16 Сентября. Сѣрое положеніе, сѣрое настроеніе и сѣрыя мысли. Черезъ Харбинъ потянулись члены сибирскаго правительства, какъ говорятъ, для оріентировки и соглашенія съ Хорватомъ; хорватовскіе сторонники ходятъ совсѣмъ скучные, ибо съ просвѣтлѣніемъ на западѣ всѣ всероссійскія перспективы made in Harbin исчезли.

Не знаю, что родила въ смыслѣ власти Сибирь — фамиліи членовъ правительства совершенно неизвѣстныя; а, если оріентироваться на отзывы находящихся здѣсь сибиряковъ, то и для нихъ ничего не говорящія.

17 Сентября. Проѣзжающіе съ освобожденнаго запада разсказываютъ чудеса про блестящія качества образовавшейся тамъ арміи; отношусь къ сему скептически, такъ какъ чудесъ въ нашъ вѣкъ не бываетъ, а, главное, неоткуда такой арміи взяться, тамъ могутъ быть сильные офицерскіе отряды и, вѣроятно, хорошаго состава, такъ какъ въ тѣхъ краяхъ могло собраться много старыхъ офицеровъ и много хорошей молодежи; атамановъ тамъ не было и сгноить молодежь было некому.

На западѣ замелькали фигуры Авксентьева, морского Лебедева и иныхъ эсеровъ; опять потекли рѣчи, резолюціи, истерическіе призывы, углекислый подъемъ минутнаго настроенія; все это подается подъ краснымъ демократическимъ соусомъ.

18 Сентября. Весь горизонтъ застланъ фигурами разныхъ претендентовъ, революціонныхъ полу и четверть знаменитостей и генерализированныхъ прапорщиковъ и есауловъ. Въ ражѣ успѣха и въ пылу восторга послѣ побѣды надъ краснымъ чортомъ, забыли, что и администрація и военное дѣло суть сложныя ремесла и что геніальные сапожники не рождаются, а создаются трудомъ и опытомъ; забыли, что свѣжаго ума, молодого задора и дерзанія не достаточно для того, чтобы истово обслуживать сложныя военныя и административныя машины; забыли, что армія это профессія, и что создавать ее, держать въ порядкѣ, снабжать и управлять могутъ только опытные профессіоналы, а не революціонные вундеркинды и партійные брехуны, все достоинство которыхъ очень часто покоится только на каторжномъ стажѣ.

Пока, сидимъ подъ палкой главнокомандующаго генерала Гайды, блеснувшаго въ бесѣдѣ съ представителями Владивостокской прессы рѣдкой развязностью и лейтенантской смѣлостью въ разрубаніи самыхъ сложныхъ политическихъ и военныхъ узловъ. Этотъ австрійско-чешскій пузырь долженъ скоро лопнуть, но, пока, онъ воняетъ и осложняетъ наше и безъ того косматое положеніе.

19 Сентября. Харбинъ подчинили чешскому полковнику Кадлецу. Семеновъ ѣдетъ на свиданіе съ Калмыковымъ, который обосновался въ Хабаровскѣ, влѣзъ въ большую дружбу къ японцамъ и развернулся во все свое беззаконіе. Въ общемъ надъ всѣмъ виситъ «русскіе дураки, разумѣйте и покоряйтеся, трепещите и безмолвствуйте», все равно передъ кѣмъ, будь то чехи, японцы, китайцы, атаманы . . .

Гайда во Владивостокѣ заявилъ, что никакого Хорватовскаго правительства не существуетъ и что Хорватъ долженъ вернуться на постъ директора распорядителя китайской дороги; быстро оперились братья чехи по части вмѣшательства въ наши дѣла.

20 Сентября. Пестрота владивостокскаго положенія украсилась появленіемъ тамъ чешскаго кандидата въ Сибирскіе Бонапарты въ лицѣ все того же Гайды; выходитъ, что кто бы палку ни взялъ, тому и быть надъ нами капраломъ; кандидатъ, судя по его рѣчамъ, достаточно безграмотный.

Хорватовцы сидятъ совсѣмъ тихо, но отъ своего не отказываются.

21 Сентября. Видѣлъ пріѣхавшихъ сюда представителей Владивостокской офицерской организаціи, которую буквально выставили изъ Владивостока послѣ того, какъ кто-то донесъ, что она затѣваетъ какой-то политическій переворотъ. Они очень настроены противъ хорватовскихъ дѣльцовъ Арнольда, Тетюкова и Ко., которые длительной обработкой заставили ихъ перейти на сторону Хорвата и устроить своего рода пронунціаменто; когда же дѣло приняло неблагопріятный оборотъ, то всѣ ихъ бросили, боясь только, какъ бы не скомпрометироваться какими-либо слѣдами совмѣстной работы.

Пріѣхавшій сюда полковникъ Бурлинъ сообщилъ, что у англичанъ есть проектъ созданія русскихъ отрядовъ подъ англійской ферулой и флагомъ. При современной обстановкѣ это, быть можетъ, единственный способъ создать прочныя и здоровыя воинскія части.

Прапорщикъ Опаринъ, пріѣхавшій со станціи Ханьдаохецзы, разсказываетъ, какъ по ихъ участку прошелъ Семеновскій броневой поѣздъ, выбралъ лицъ по особому списку и тутъ же ихъ нещадно перепоролъ, предупредивъ, что на слѣдующій разъ будетъ хуже. Всѣ это знаютъ, но молчатъ. По краю катится волна дикаго произвола, долго накапливаемаго за время пьянаго бездѣлья на разныхъ стоянкахъ въ полосѣ отчужденія; теперь дорвались и стараются во всю.

Не можетъ быть, конечно, двухъ мнѣній о необходимости самаго безпощаднаго истребленія всѣхъ главарей большевизма, но это должно осуществляться властью государства, съ ледянымъ спокойствіемъ, безъ малѣйшаго признака лицепріятія или мщенія.

Знаменитый скандалистъ, семеновскій опричникъ полковникъ Скипетровъ произведенъ своимъ принципаломъ въ генералы и назначенъ командующимъ войсками Приморской Области и комендантомъ Владивостокской крѣпости; семеновщинѣ очень хочется упрочиться во Владивостокѣ и, захвативъ весь дальній востокъ, сдѣлаться его настоящимъ хозяиномъ.

22 Сентября. Во Владивостокъ собираются на совѣщаніе, на которомъ будутъ торговаться о власти; реальной силы ни за кѣмъ изъ торгующихся нѣтъ, но никто уступать не хочетъ. Союзники тоже зорко слѣдятъ другъ за другомъ; американцы въ минуты откровенности говорятъ, что прибыли сюда спеціально для того, чтобы слѣдить за «япами» и не дать имъ слизнуть больше, чѣмъ полагается.

Новоявленныя и непризнанныя правительства «испущаютъ» приказы, указы, повелѣнія о мобилизаціи и т. п. Всякой лягушкѣ хочется возможно скорѣе раздуться въ страшнаго вола и своимъ видомъ напугать остальныхъ лягушекъ; при этомъ однимъ изъ хорошихъ средствъ сдѣлаться воломъ считается почему-то объявленіе мобилизаціи.

23 Сентября. Получилъ предложеніе, да и то условное, на должность начальника отдѣла охранной стражи; если это состоится, то кончится наше очень тяжелое матерьяльное положеніе и получится возможность работать.

Во Владивостокѣ объявились Колчакъ, Потаповъ и Доманевскій; послѣдніе два, очевидно, потому, что есть возможность пристроиться къ какой-нибудь изъ существующихъ комбинацій.

Гайда прислалъ Плѣшкову телеграмму и въ ультимативной формѣ требуетъ признанія себя Главковерхомъ, японцы же объявили, что для нихъ Гайда, какъ Главнокомандующій, не существуетъ; печально наше положеніе, когда приходится играть роль горшка между стукающимися котлами.

Во Владивостокѣ идетъ чернильная война между тѣмъ же Гайдой и замѣстителемъ Толстова по должности командующаго войсками Приморской области, полковникомъ Бутенко, и туда же направляется Семеновскій командующій Скипетровъ.

Въ Хабаровскѣ объявился еще командующій войсками Округа генералъ Мандрыка, исполнявшій эту должность передъ первымъ большевистскимъ переворотомъ, и заявляетъ, что онъ единственный настоящій; на него устремился Калмыковъ, считающій себя законнымъ повелителемъ Хабаровска и приморской Области.

Въ довершеніе кавардака сюда же двигается на броневыхъ поѣздахъ Семеновъ, ѣдущій на свиданіе съ атаманами Уссурійскаго и Амурскаго войска для заключенія общеказачьяго союза, а затѣмъ установленія казачьей гегемоніи на Дальнемъ Востокѣ.

Довольно сумбурный и колоритный винегретъ изъ припасовъ плохого сорта и сомнительной свѣжести.

24 Сентября. Изъ Россіи, сквозь открывшееся на Западѣ окно, приходятъ самыя мрачныя вѣсти; тамъ идетъ, повидимому, организованное истребленіе послѣднихъ остатковъ офицерства и непокорившейся интеллигенціи.

На европейскомъ фронтѣ опредѣленно выясняется, что, подъ ударами союзнаго наступленія, нѣмцы начинаютъ трещать по всѣмъ швамъ; союзное командованіе выдержало экзаменъ, сохранило хладнокровіе въ дни самыхъ тяжелыхъ испытаній, предоставило нѣмцамъ выбить всѣ зубы о мощь союзной техники, а теперь можетъ исполнить то, что надо, чтобы добить обезкровленныя и вымотанныя невѣроятнымъ по своему напряженію и продолжительности наступленіемъ массы.

У насъ все по прежнему: кавардакъ и пляска разнообразныхъ персонажей?

25 Сентября. Въ Харбинъ прикатилъ по царски, на трехъ экстренныхъ поѣздахъ генералъ Гайда; по приказанію Хорвата, Гайдѣ устроена пышная встрѣча съ выставленіемъ почетнаго караула.

Получена телеграмма объ образованіи въ Уфѣ Всероссійскаго Правительства въ составѣ Авксентьева, Чайковскаго, Астрова, Болдырева и Зензинова. Плохо вѣрится въ жизненность правительства, рожденнаго послѣ двухъ недѣль торга, уговоровъ и соглашеній; искренности быть не можетъ, но зато навѣрно есть недовольныя стороны, которыя немедленно же начнутъ подпольную работу противъ невыгодной для нихъ власти и вся работоспособность послѣдней уйдетъ на борьбу, а не на созиданіе. Нѣтъ ничего противнѣй этихъ торгашескихъ соглашеній, гдѣ только наличіе общей опасности заставляетъ идти на вынужденныя и неискреннія уступки, съ затаеннымъ рѣшеніемъ наплевать на всѣ эти уступки, когда то сдѣлается удобно и возможно.

Правительство рождено въ мукахъ соглашательства, а такіе роды въ себѣ таятъ спѣлые зародыши новыхъ ссоръ и разрыва, неизбѣжныхъ немедленно, какъ только жизнь столкнетъ согласниковъ на чемъ либо партійномъ, личномъ или остро неразрѣшимомъ.

Всѣмъ сердцемъ хочется, чтобы тяжелые уроки пережитаго выбили изъ всѣхъ дурь и эгоизмъ и дали имъ достаточно здраваго смысла, чтобы понять какія опасности заложены въ продолженіи дальнѣйшей свары и соперничества.

26 Сентября. Проѣхалъ генералъ Владиміровъ, командированный изъ Омска къ генералу Флугу; онъ человѣкъ рѣзко откровенный и разсказалъ, что никакой арміи въ настоящемъ значеніи этого слова въ Сибири нѣтъ, а есть офицерскіе и юнкерскіе отряды, исправно бьющіе большевиковъ.

Газеты сообщаютъ, что Хорватъ будетъ назначенъ Верховнымъ Комиссаромъ Дальняго Востока на правахъ намѣстника Омскаго правительства; этимъ, повидимому, предполагаютъ разрубить узелъ, завязавшійся отъ наличія сразу двухъ властей, претендую-

щихъ на всероссійское званіе; третій конкуррентъ — сибирское правительство владивостокскаго образованія прекратило свое существованіе.

Общее впечатлѣніе таково, что большинство готово согласиться на то, чтобы признать права всероссійской власти за Уфимскимъ образованіемъ.

Гайда утромъ собирался кого-то арестовывать и разоружать немногочисленныя плѣшковскія войска, но наткнулся на китайцевъ, которые заявили, что этого не допустятъ и для внушительности предоставили въ распоряженіе Плѣшкова цѣлую бригаду своихъ войскъ.

Къ вечеру Гайду и Плѣшкова какъ-то помирили, и Плѣшковъ сталъ ѣздить безъ китайскаго конвоя.

Непонятно поведеніе союзниковъ; казалось бы, у нихъ есть всѣ способы прекратить шалыя выходки и нашихъ, и чешскихъ атамановъ, и казалось бы, что это первое, что надо сдѣлать для возстановленія въ странѣ порядка. А то надъ нами повторяются эксперименты, достойные увѣковѣченія въ продолженіи Щедринской «исторіи одного города», но только въ быстромъ, чисто кинематографическомъ темпѣ.

27 Сентября. Гайда умчался на западъ, назначивъ полковника Кадлеца главнокомандующимъ въ полосѣ отчужденія, то-есть, смѣшавъ этимъ и безъ того сумбурное здѣсь положеніе до послѣднихъ предѣловъ. Ни китайцы, ни японцы этого назначенія никогда не признаютъ, и всѣ шишки будутъ валиться на головы несчастныхъ русскихъ. Гайда неистовствуетъ, очевидно, понимая, что чехи нужны до-зарѣзу Омскому Правительству и послѣднее готово все претерпѣть, чтобы съ ними не ссориться. Плохо было безъ пріятелей, а съ ними, кажется, еще хуже.

Въ Харбинѣ выявился украинскій консулъ, пытавшійся осуществлять свои великодержавныя права, но ему пригрозили арестомъ, и онъ стушевался.

Гайда, всюду ищущій популярности (неизмѣнное качество подобныхъ выскочекъ), приказалъ прицѣпить къ своему поѣзду два вагона для мѣстной молодежи, ѣдущей въ Томскій Университетъ; въ результатѣ — три четверти поѣхало спекулянтовъ, нагруженныхъ медикаментами, иголками и прочей мелочью, на которые сейчасъ въ Сибири стоятъ чудовищныя цѣны.

28 Сентября. Гайда не унимается и издалъ приказъ о назначеніи Кадлеца Главноначальствующимъ надъ всѣмъ русскимъ Дальнимъ Востокомъ; надвигается какое-то чешское плѣненіе; осмѣлѣвшіе австрійскіе дезертиры и наши бывшіе плѣнные почуяли свою силу и садятся на наши шеи самымъ безцеремоннымъ образомъ, при полномъ молчаніи и бездѣйствіи союзниковъ. Правда, что и мы виноваты нашими спорами и раздорами, но тогда дѣло союзниковъ вмѣшаться, поставить каждаго на свое мѣсто и утихомирить чеховъ, вся судьба которыхъ въ рукахъ союзниковъ.

Изъ западной Сибири получены какія-то смутныя свѣдѣнія о вспыхивающихъ тамъ безпорядкахъ; сіе вполнѣ естественно, ибо, съ одной стороны, населеніе слишкомъ долго варится въ атмосферѣ безвластія, а съ другой — слишкомъ много неудовлетворенныхъ и не попавшихъ туда, куда имъ хотѣлось; ну, они и колобродятъ.

29 Сентября. Извѣстія о безпорядкахъ и междоусобицѣ въ районѣ Омской власти все болѣе и болѣе фиксируются. Тамъ, къ числу воскресшихъ факельщиковъ русской революціи, прибавился селянскій министръ Черновъ.

Верховнымъ Главнокомандующимъ назначенъ Болдыревъ; военныя достоинства его не велики, но онъ большой ловкачъ, а при надобности стойкій человѣкъ, что проявилъ въ инцидентѣ съ Крыленкой въ ноябрѣ 1917 года; во всякомъ случаѣ это лучшее изъ всего, что есть въ Сибири, за исключеніемъ только Флуга, который наиболѣе подходилъ бы къ этой роли; очень жаль, что Флугъ оказался здѣсь, а не въ Омскѣ.

Интересно знать, насколько Болдыревъ будетъ самостоятеленъ во всемъ, что касается организаціи и использованія арміи; очень уже сомнительны его сочлены по правительству по части способности отказаться отъ тѣхъ революціонныхъ пустобреховъ, которые разложили и добили нашу старую армію. Самымъ правовѣрнымъ революціонерамъ пора бы сообразить, что съ того времени, какъ они стали къ власти, имъ пора перестать стараться надъ разрушеніемъ арміи, и давно уже пора напречь всѣ усилія, чтобы создать

надежную, дисциплинированную армію, съ отличнымъ командньмъ составомъ изъ опытныхъ спеціалистовъ, отлично обставленную и нейтральную отъ политики, за исключеніемъ, конечно, преданности наличной власти; армія должна быть внѣ политики для всѣхъ, но должна быть преданнымъ и послушнымъ орудіемъ для существующей власти, стражемъ ея отъ всякихъ покушеній и гарантіей сохраненія порядка и закона для всего населенія.

Комиссары это поняли и переработали на свой каторжный образецъ; пора бы понять это и намъ, какъ поняли это нарождающіеся у насъ удѣльные прыщи атаманы.

30 Сентября. Новоявленный Кадлецъ съ бронированными поѣздами отбылъ во Владивостокъ, такъ какъ почуялъ, что здѣсь, въ сферѣ реальной власти китайцевъ и японцевъ, ему не разойтись. Опереточные Дон-Бомбардосы и Дон-Патакесы безсмертны. Психологія такой мелочи, прежде придавленной, а нынѣ выскочившей на глубокую воду, вполнѣ понятна, они всегда дѣлаются максималистами и неуравновѣшенными деспотами; это особая разновидность общаго типа, къ которому принадлежатъ демагоги революціонныхъ пожаровъ, главари разбойничьихъ организацій, современные красные комиссары и бѣлые атаманы.

По свѣдѣніямъ изъ Западной Сибири безпорядки произведены офицерскими отрядами, недовольными средней и колеблющейся политикой вновь образованныхъ министерствъ и требовавшими уклоненія вправо, въ сторону крутой реакціи; значитъ, и тамъ начинается своеобразная атаманщина.

Ожидаютъ, что пріѣздъ Гайды можетъ дать тамъ новыя неожиданности, такъ какъ считаютъ, что онъ ѣдетъ туда съ цѣлью выйти изъ сферы вліянія японцевъ и союзниковъ и осуществить свои мечты о военной диктатурѣ при помощи чеховъ и офицерскихъ отрядовъ

Пріѣхавшій изъ Иркутска полковникъ Кондратьевъ разсказываетъ, что въ Сибирской арміи большой порядокъ и строгая дисциплина, и что сибирскія части, встрѣтившись въ Забайкальѣ съ Семеновцами, были очень поражены распущенностью послѣднихъ; это вполнѣ понятно, такъ какъ сибирскіе отряды образовались въ сферѣ великой опасности и тягчайшихъ лишеній, въ атмосферѣ подвига и идейной борьбы, а семеновцы въ атмосферѣ лѣни, бахвальства, кабака, прибыльныхъ обысковъ, темныхъ денегъ и экзекуцій надъ безсильными.

1 Октября. Сообщеніе съ Сибирью замялось; телеграфныя свѣдѣнія оттуда прекратились; это скверный признакъ начавшейся тамъ кутерьмы — результатовъ борьбы за власть и борьбы противъ власти. Все сіе на пользу большевизма и на вящее разложеніе Россіи; во внутреннемъ самопоѣданіи мы тратимъ скудныя силы и упускаемъ драгоцѣнное время.

Мнѣ совершенно ясно, что изъ смѣси эсеровщины, думскихъ пустобреховъ и естественно настроенныхъ очень реакціонно офицерскихъ организацій ничего, кромѣ вони и взрывовъ, не выйдетъ; изъ такихъ продуктовъ даже самые первоклассные спеціалисты по соглашательству ничего не сварятъ.

Какъ жаль, что во время не образовалась прочная власть здѣсь на Дальнемъ Востокѣ; для этого въ началѣ большевистскаго режима у Хорвата были всѣ возможности, ну а теперь поздно.

2 Октября. Въ западной Сибири начались аресты и смѣщенія, обычная Ѳомина недѣля всякой революціонной Пасхи.

Семеновъ какъ-то вышибленъ изъ колеи, мечется между Харбинымъ и Владивостокомъ, ищетъ къ какой бы комбинаціи повыгоднѣе пристроиться; появленіе чеховъ для него очень некстати. Говорятъ, что онъ хотѣлъ проѣхать въ Хабаровскъ на свиданіе съ Калмыковымъ, но союзное командованіе его туда не пустило, пришлось вернуться и припасть къ стопамъ Хорвата, который, нуждаясь въ сторонникахъ, простилъ шкодливаго утенка, принялъ его въ свое кредитное лоно и осчастливилъ оскудѣвшаго атамана очередной субсидіей.

Союзники продолжаютъ болтаться на мертвой зыби невмѣшательства въ наши внутреннія дѣла; выжившіе изъ ума дипломаты не соображаютъ, что у насъ сейчасъ уже нѣтъ никакихъ дѣлъ, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ, а есть какой-то кавардакъ; есть

какой-то гнилой винегретъ изъ пожирающихъ другъ друга кандидатовъ на власть; есть состоянie полной анархiи, грабежей, насилiй и развала послѣднихъ устоевъ общественной и государственной жизни. Совершается то, во что обязанъ вмѣшаться всякiй, имѣющiй право заботиться и о своемъ благополучiи, безопасности и спокойствiи, подобно тому какъ вмѣшивается сосѣдъ, когда начинаютъ горѣть ближайшie къ нему дома.

Встрѣчали проходившiй на западъ эшелонъ англiйскихъ войскъ; вышло все очень натянуто, по внѣшности все было прилично, но сердечности не было. Порядкомъ на вокзалѣ распоряжалась китайская полицiя и самымъ безцеремоннымъ образомъ осаживала русскую публику ударами прикладовъ при крикѣ «цубо». И наши покорно слушались, а рядомъ ругали нашихъ несчастныхъ милицейскихъ, поставленныхъ для пропуска оффицiальныхъ лицъ черезъ перронъ перваго класса.

3 Октября. Встрѣчали французскiй эшелонъ, по внѣшнему виду довольно распущенный; французы знали, что имъ готовится встрѣча, но не потрудились даже одѣться и сидѣли въ вагонахъ въ самомъ откровенномъ неглиже. Не совсѣмъ понятно, для чего гонятъ на западъ этотъ международный винегретъ изъ гомеопатическихъ порцiй союзныхъ войскъ. Опредѣленной задачи имъ нѣтъ, порядка они не приносятъ, но графикъ забиваютъ, запасы кушаютъ и цѣны поднимаютъ.

Нѣтъ ничего хуже половинчатыхъ и неискреннихъ рѣшенiй; если помогать немощному, то помогать полнымъ размахомъ, безъ увертокъ и недомолвокъ; взять подъ руку, дать надежные костыли, назначить режимъ и дiету, приставить отличныхъ санитаровъ и крѣпко наблюдать, чтобы больной слушался и дѣлалъ все то, что надо для выздоровленiя.

На дѣлѣ же намъ какъ будто и начали помогать, но такъ, что толку изъ этого не выйдетъ; лекарства и пособiя даютъ и въ то же время позволяютъ колобродить по способности. Странная и очень неумная политика.

4 Октября. Извѣстiя съ французскаго фронта заставляютъ думать, что приближается развязка великой четырехлѣтней бойни, родившей для насъ большевистское чудовище — горе и ужасъ ближайшихъ поколѣнiй всего мiра. Кончилась разгромленная союзниками Болгарiя, кончается Турцiя и послѣдними судорожными уже отбивными усилiями бьется Германiя, обезкровленная и обезсиленная чудовищнымъ напряженiемъ послѣдняго va banque наступленiя. И въ такое великое историческое время мы валяемся, какъ полусгнившiй трупъ, и, вмѣсто радости побѣды и великаго расцвѣта будущаго, видимъ только горе, ужасъ, позоръ, развалъ и гибель.

Пока же что, въ Уфѣ, Омскѣ, Томскѣ, Харбинѣ, Владивостокѣ все говорятъ и говорятъ, торгуются, и компромиссничаютъ. Ничему мы не научились!

5 Октября. Получены приказы о назначенiи командирами корпусовъ Семенова и какого-то Элерцъ Усова (должно быть, тоже opus изъ революцiоннаго репертуара). Семеновъ теперь двуручничаетъ, фигурируя то командиромъ корпуса (при поворотѣ на Омскъ), то командующимъ восточно-сибирской армiей (въ остальныхъ секторахъ).

Состоялось торжественное врученiе знамени Уссурiйскаго казачьяго войска мелкосортному разбойнику Калмыкову, причемъ вручалъ одинъ изъ скандальнѣйшихъ есауловъ читинскаго атамана генералъ Скипетровъ. Участвуя десять лѣтъ тому назадъ въ церемонiи прибивки и освященiя этого знамени, не могъ никогда и думать, что ему придется увидѣть такой позоръ.

6 Октября. Американскiя газеты сообщаютъ, что къ Рождеству война будетъ окончена; по тѣмъ свѣдѣнiямъ, которыя приходятъ съ западнаго фронта, это похоже на правду, но это будетъ только военный миръ, ибо гражданскаго мира мiръ дождется не скоро.

Во Владивостокѣ идетъ совѣщательная торговля между Хорватомъ и прiѣхавшими туда делегатами Сибири во главѣ съ Вологодскимъ. Хорватъ, какъ говорятъ, крѣпко стоитъ на своихъ требованiяхъ. То, что дѣлается въ западной Сибири, заставляетъ желать, чтобы Дальнiй Востокъ сохранилъ свою самостоятельную структуру при условiи истребленiя съ корнемъ атаманщины, что не по силамъ ни Хорвату, ни Сибири; это могутъ сдѣлать только союзники и съ этого и надо начинать переговоры.

При атаманахъ здѣсь и атаманщинѣ (другого, но не менѣе опаснаго для государственности типа) въ Сибири всякая власть будетъ у нихъ въ плѣну и ничего здороваго родить не можетъ.

При автономіи Дальняго Востока единственный кандидатъ на ея возглавленіе это генералъ Флугъ, или въ самомъ крайнемъ случаѣ Хорватъ, но только при условіи назначенія ему всѣхъ сотрудниковъ и полнаго оскабливанія его отъ облѣпившихъ его совѣтниковъ и вдохновителей (если это только возможно); если рѣшаться ставить на Хорвата, то надо взять его положительныя стороны и всемѣрно ослабить отрицательныя, къ сожалѣнію, очень многочисленныя.

7 Октября. Сообщаютъ изъ Владивостока, что соглашеніе между Хорватомъ и Вологодскимъ состоялось; Хорватъ назначается Главнымъ Начальникомъ на Дальнемъ Востокѣ; сообщаютъ также о назначеніи комиссарами правительства въ Приморскую область бывшаго Владивостокскаго городского головы И. И. Циммермана, а на Сахалинъ бывшаго тамошняго губернатора Бунге.

Наконецъ-то разрѣшился этотъ затяжной узелъ; теперь все дѣло въ работѣ; споры, ссоры, торги окончены, и самолюбія, насколько можно, удовлетворены. Времени потеряно уйма; нужно великое напряженіе, желѣзная настойчивость и подвижническая работа всѣхъ ставшихъ къ власти, чтобы наверстать потерянное. Въ творчествѣ и чистотѣ работы сейчасъ все спасеніе; почва удобная, время подходящее, нужны только честные, добросовѣстные, понимающіе положеніе и знающіе свое дѣло рабочіе. Найдутся-ли они? вотъ въ чемъ вопросъ. Какъ ни отрицательно я отношусь ко всей Гродековско-Эгершельдской комбинаціи, но отъ глубины сердца желаю, чтобы великая задача окрылила Хорвата, оторвала его отъ облипшихъ его молюсковъ харбинскаго болота и возвысила его до уровня возможности справиться съ выпадающей на его долю работой.

8 Октября. Получили первые приказы главковерха Болдырева; тонъ напыщенный, мало дѣловитый, очень свойственный штабнымъ вскормленникамъ, не знающимъ, что войска приказовъ не читаютъ, а чувствуютъ ихъ по дѣлу, а не по ихъ фразистости.

Такіе краснобайные приказы пишутся для начальства, для газетъ, для посторонней публики; войскамъ же нужна дѣловитость, краткость, очевидность знанія верхами ихъ нуждъ, разумность и возможность предъявляемыхъ къ нимъ требованій.

Въ полученныхъ приказахъ чувствуется желаніе убѣдить, уговорить и создать настроеніе; все это и всегда, и теперь не къ мѣсту; сейчасъ надо, чтобы прозвучалъ властный голосъ повелѣвающаго, способнаго заставить всѣхъ увѣровать, что онъ приказываетъ не для одного только сотрясенія воздуха. Со временъ революціи мы забыли такой голосъ; для многихъ онъ будетъ непріятенъ, многіе отнесутся къ нему враждебно, многіе станутъ открыто противъ него, но все сіе надо претерпѣть, побороть, сломать и тогда дѣло выиграно; бурныя массы вернутся въ старое, но улучшенное и очищенное отъ стараго сора русло, и надъ русской арміей загорится заря новой жизни.

На Волгѣ наше положеніе стало опять кислымъ; потеряны вновь Казань, Царицынъ и грозитъ потеря Самары, а это равносильно потерѣ остро нужныхъ намъ военныхъ заводовъ.

9 Октября. Во Владивостокѣ подъ руководствомъ генерала Нокса идутъ работы по осуществленію проекта организовать русскія войска подъ англійской опекой, но это тормозится одной изъ выпущенныхъ Харбинскимъ болотомъ песьихъ мухъ — генераломъ Хрещатицкимъ, давно уже снюхавшимся съ японцами и выдвинувшимъ проектъ формированія русскихъ частей подъ эгидой японцевъ и подъ его начальствомъ; проектъ весьма позорный, отдающій все въ руки япошей, которымъ, конечно, выгодно взять такое дѣло въ свои руки и лѣтъ черезъ пять получить японизированную военную силу, которая можетъ имъ пригодиться впослѣдствіи, въ случаѣ какихъ-либо осложненій на Азіатскомъ материкѣ.

Пріѣхавшие съ запада говорятъ, что для развертыванія Сибирской арміи произвели очередной призывъ и набрали новобранцевъ, но офицеры ихъ опасаются больше, чѣмъ красноармейцевъ; разсказываютъ, что въ Томскѣ и другихъ городахъ офицеры собираются

на ночь въ отдѣльную казарму, и что оружіе и пулеметы охраняются офицерскими караулами.

10 Октября. Газеты сообщаютъ, что Германія пытается завести разговоръ относительно возможныхъ условій мира; дорого обошлась нѣмцамъ наша гибель, они слишкомъ понадѣялись на свое превосходство, пошли ва-банкъ и, повидимому, проиграли. Для насъ миръ сейчасъ некстати, такъ какъ послѣ него всѣ бросятся устраивать свои дѣла и всѣмъ будетъ не до насъ.

Хорватъ, несомнѣнно уже, назначается на Дальній Востокъ намѣстникомъ Омскаго правительства; теперь весь вопросъ въ томъ, что такое это правительство; какова его дѣловая практичность и реальная сила; сумѣетъ ли оно быть настоящимъ хозяиномъ и, не вмѣшиваясь въ детали, дать общій тонъ и программу, сговориться съ союзниками, уничтожить атаманщину и направить дѣятельность Хорвата внѣ вліяній его антуража и присосавшихся къ нему дѣльцовъ и политикановъ.

11 Октября. Германія сдѣлала официальное предложеніе начать мирные переговоры и пріостановить военныя дѣйствія. Это несомнѣнно полная капитуляція, вызываемая невозможностью продолжать борьбу. Не привела судьба принять участіе въ финалѣ этой великой войны, въ той побѣдѣ, которая все время грезилась и ради которой такъ много сдѣлано и такъ много принесено въ жертву. Мечталось, что наши напряженныя усилія принесутъ Россіи то же, что наши предки сдѣлали въ 1812 году, и что возвеличенная и преображенная родина заживетъ новой счастливой жизнью.

Вмѣсто этого, остался только ужасъ пережитаго, горечь разбитой, теперь уже безцѣльной жизни. Все это особенно остро чувствуется теперь, когда подводятся итоги тому, что началось 19 іюля 1914 года.

Какое счастье быть въ числѣ побѣдителей, гнать сокрушеннаго врага, переживать всѣ радостныя гаммы военныхъ успѣховъ и гордаго сознанія исполненнаго долга, и утѣшаться перспективой почетнаго и заслуженнаго отдыха. Вмѣсто всего этого имѣемъ пока разбитое корыто вмѣсто Родины и надъ нимъ жадно хрюкаютъ сотни своихъ и союзныхъ рылъ; прошлое затоптано грязными лапами красной мрази, а въ будущемъ хуже, чѣмъ ничего.

Калмыковскіе спасители показываютъ Никольску и Хабаровску, что такое новый режимъ; всюду идутъ аресты, разстрѣлы плюсъ; конечно, обильное анексированіе разныхъ денежныхъ эквивалентовъ въ обширные карманы спасителей. Союзникамъ и японцамъ все это извѣстно, но мѣръ никакихъ не принимается.

Про подвиги Калмыковцевъ разсказываютъ такія чудовищныя вещи, что не хочется вѣрить.

Въ газетахъ рѣчь селянскаго министра Чернова на тему, что намъ нужна мужицкая армія; слѣпенькій и глухенькій эсеровскій столбъ такъ ничему и не научился, прозѣвавъ видимо то, что было съ нашей арміей въ послѣднюю четверть прошлаго года.

Товарищъ изъ похороннаго бюро, похоронившаго Россію, не понимаетъ, что армія должна быть народной по задачамъ, но аристократичной по духу, по жаждѣ подвига, по рыцарству поступковъ, по джентльменству жизни и по геройству въ борьбѣ; наши же мужики, — не по своей винѣ, — могутъ дать только сѣрыя толпы, смѣсь слизняковъ, рабовъ, шкурниковъ и хулигановъ; они въ этомъ не виноваты, такими ихъ сдѣлала жизнь.

Въ Россіи начали праздновать день рожденія Стеньки Разина, а украинцы чествуютъ память Мазепы; для украинцевъ это очень кстати, ибо они первые измѣнили Россіи, и имъ подъ стать праздновать память своего перваго измѣнника.

12 Октября. Въ Харбинѣ идетъ празднованіе «дня нашей арміи» съ какими-то сборами на ея содержаніе. Да развѣ арміи на подаянія содержатся! но наше пустопорожнее общество любитъ такія рекламныя забавы, особенно патронессы изъ отцвѣтающихъ львицъ; такъ было прежде, такъ есть теперь. Грустно то, что будетъ забава и потѣха чванству тамъ, гдѣ нужны жертвы и подвиги; вѣдь десятокъ харбинскихъ купцовъ и спекулянтовъ могутъ дать каждый во много разъ больше, чѣмъ соберутъ на улицахъ, въ лавкахъ и въ собраніяхъ.

Черезъ Харбинъ пролетѣлъ на Токіо и Вашингтонъ товарищъ Лебедевъ, бывшій морской министръ, а послѣднее время участникъ волжскихъ и уральскихъ событій; въ правыхъ кругахъ говорятъ, что онъ удираетъ заблаговременно ввиду сгущенія Омской атмосферы и возможности тамъ разныхъ новыхъ перевертіевъ.

Недурны сотрудники у Хорвата: иностранная фирма подала «Правителю» жалобу на реквизиціи, произведенныя Семеновымъ на станціи Маньчжурія, и въ отвѣтъ получила удостовѣреніе за подписью начальника военной канцеляріи генерала Колобова, что всѣ убытки надлежитъ искать съ Общества К. В. желѣзной дороги. Рѣдкое по яркости повтореніе исторіи съ Гоголевской унтеръ-офицершей. Въ Управленіи только разводятъ руками.

13 Октября. Ходилъ смотрѣть на карнавалъ устраиваемый организаторами дня русской арміи. Жалко и пошло; жалко и по идеѣ, и по исполненію; карнавалы и увеселенія не къ лицу русскимъ. Устроители съ озабоченнымъ видомъ носились на автомобиляхъ; злые языки говорятъ, что они стараются заставить забыть принадлежность нѣкоторыхъ къ очень крайнимъ теченіямъ и нѣкоторую причастность къ бывшему здѣсь въ Декабрѣ 1917 года совдепу.

Во всю эту клоунаду всадили мѣстныхъ бойскаутовъ, за которыхъ было очень обидно.

А Харбинъ могъ показать, что онъ хочетъ реально помочь созданію русской арміи; достаточно было мѣстнымъ коммерсантамъ, дѣльцамъ и спекулянтамъ дать хоть по сотой части того, что дала имъ самимъ война, чтобы на пользу возрождающейся арміи поступили многіе милліоны рублей, тысячи вагоновъ продуктовъ, сотни тысячъ комплектовъ необходимыхъ ей вещей, сотни стипендій для дѣтей и сиротъ, сотни коекъ для ея инвалидовъ.

Но все старое: «рожденъ кто ползать — летать не можетъ».

14 Октября. Жалкое молебствіе о русской арміи; попы отзвонили его въ 15 минутъ и вышло что-то въ родѣ отбыванія докучливаго номера; многіе на молебенъ опоздали, такъ какъ его начали раньше времени. Иностранцы блистали отсутствіемъ.

Такія вещи надо устраивать съ помпой и съ умѣніемъ или совсѣмъ за нихъ не браться.

Будь моя власть, я во главѣ вчерашняго карнавала пустилъ бы погребальныя дроги съ трупомъ Россіи, окруженныя тѣми русскими и союзными персонажами, которые ее къ этому привели.

15 Октября. Получена телеграмма, что предсѣдатель Омскаго Правительства Вологодскій остался въ Иркутскѣ, потому что дальше «опасно ѣхать»; въ чемъ заключается опасность — не сказано. Одновременно хорватовскій агентъ доноситъ изъ Омска, что «масляная компанія (условное означеніе сибирскаго правительства) развалилась». Очевидно, и тамъ идетъ полная кутерьма.

У Самойлова говорили, что, по словамъ пріѣхавшаго изъ Америки инженера Стивенса, разумные американцы совершенно извѣрились въ нашу демократію и считаютъ, что пока для Россіи нужна монархія, да и то достаточно крутая.

16 Октября. Семеновъ объявилъ мобилизацію; можно себѣ представить, какой винегретъ получится изъ его присяжныхъ хунхузовъ и собранныхъ новобранцевъ и запасныхъ; во что онъ ихъ одѣнетъ и на что будетъ содержать? Нечего и говорить объ отрицательномъ впечатлѣніи, производимомъ теперь на населеніе страшнымъ словомъ мобилизація. Вообще, безцѣльно, безполезно, а для общаго настроенія и строенія только сугубо вредно.

Вечеромъ говорили, что въ Омскѣ произошли какія-то серьезныя событія, но въ чемъ дѣло — неизвѣстно, при этомъ подмѣтилъ у двухъ собесѣдниковъ, жаждущихъ движенія воды, скрытую радость о возможномъ крахѣ Омска, какъ антагониста Харбинскихъ плановъ и вожделѣній.

17 Октября. Прочиталъ интервью Вологодскаго при проѣздѣ его черезъ Харбинъ; онъ наговорилъ много розоваго и, между прочимъ, заявилъ, что крестьяне готовы къ добровольной самомобилизаціи. Послѣднее заявленіе въ устахъ главы Правительства показываетъ его легковѣрность, малоосвѣдомленность и опасное незнаніе народнаго настроенія; крестьяне, быть можетъ, и готовы къ самомобилизаціи, но именно «само»,

для защиты своихъ собственныхъ интересовъ, и для обезпеченія себя отъ прочихъ «ицій» — реквизицій, экзекуцій, національзацій и т. п.

Характерной иллюстраціей къ заявленію главы правительства является телеграмма изъ Славгорода, сообщающая, что, по объявленіи призыва, тамъ поднялось возстаніе, толпы крестьянъ напали на городъ и перебили всю городскую администрацію и стоявшую тамъ офицерскую команду.

18 Октября. Читалъ старые историческіе документы въ изданіи Императорскаго Историческаго общества; наткнулся на характерное и, очевидно, общее для всѣхъ временъ мѣсто: «всѣ попавшіе къ власти изъ гультяйства имѣяху всегда на мысли разграбленіе...»

Такъ было, такъ есть, такъ и будетъ; основаніе всегда одно и то же, только соуса разные.

19 Октября. Сюда пріѣхалъ Хорватъ изъ Владивостока и омскій военный министръ генералъ Ивановъ-Риновъ изъ Омска и будутъ о чемъ-то совѣщаться.

Установленіе сообщенія съ Сибирью вызвало страшную спекуляцію и взвинтило всѣ цѣны; сахаръ за два дня поднялся съ 1 р. 80 к. до 4 р. 50 к. за фунтъ; горчица дошла до 18 рублей за фунтъ, и т. п. Первые піонеры, успѣвшіе провезти товары на западъ, нажили удесятеренные капиталы, и вѣсть объ этомъ подобно открытію золотыхъ розсыпей одурманила всѣ головы и взбудоражила человѣческую жадность.

Нѣтъ власти и некому положить этому предѣлъ, некому ввести транспортъ въ здоровое русло, некому собрать все нужное для запада и направить туда правительственными эшелонами въ распоряженіе земскихъ, городскихъ, общественныхъ и крестьянскихъ самоуправленій, кооперативовъ и т. п.

Сейчасъ спекуляція величайшее зло; мало того, что вздуваетъ цѣны, но она развращаетъ служащихъ, довольствуетъ богатыхъ и раздражаетъ неимущія массы; ей надо сразу обрубить и лапы, и крылья, ибо, если она укрѣпится и пріобрѣтетъ платныхъ пособниковъ и защитниковъ, то съ ней справиться будетъ трудновато. Наибольшая дезинфекція нужна въ Харбинѣ, въ грязной атмосферѣ котораго махровымъ цвѣтомъ распустились взятки, спекуляція и мошенничество, покрываемыя взаимностью многихъ интересовъ.

20 Октября. По заключенію Самойлова, прибывшій изъ Омска Ивановъ-Риновъ — пустомельный, но нахальный дуракъ; вретъ во всю и хвастается, что у него превосходная армія въ 150 тысячъ штыковъ и золотой запасъ, подъ который онъ можетъ выпустить кредитокъ на 60 милліардовъ рублей. Важенъ онъ чрезвычайно и объявилъ, что «творитъ великое государственное дѣло».

Въ мѣстномъ госпиталѣ заявили, что отнынѣ въ первую очередь на всѣ льготы будутъ идти борцы противъ большевизма, а пострадавшіе въ германскую войну могутъ подождать; вотъ, гдѣ поле дѣятельности для помощи арміи, поле очень важное для того, чтобы избѣжать такихъ печальныхъ коллизій.

21 Октября. Газеты полны толками о мирѣ. Германія хорохорится, но видно дѣла ея очень плохи; тѣ, кто толкнулъ нѣмцевъ на ихъ послѣднее наступленіе, напортили Германцамъ такъ же, какъ напакостилъ Россіи Керенскій лѣтнимъ наступленіемъ 1917 года.

22 Октября. Чѣмъ больше и серьезнѣе разговоры о мирѣ, тѣмъ горше на душѣ; въ Россіи царятъ комиссары, здѣсь надъ нами командуютъ чехи, японцы, китайцы; въ своей средѣ рознь, свара, господство звѣриной жадности и узкаго эгоизма. Было какое-то просвѣтлѣніе со стороны Сибири, да и то скоро заволокло туманомъ.

Заходилъ бывшій Владивостокскій жандармскій офицеръ полковникъ Михайловъ, разсказывалъ, что дѣлается у Семенова; сообщилъ, между прочимъ, что недавно атаманъ завелъ себѣ временную атаманшу изъ харбинскихъ шансонетокъ и преподнесъ ей колье въ 40 тысячъ рублей.

23 Октября. Спекулянты скупаютъ всѣ наиболѣе ходкіе товары и отправляютъ ихъ на западъ; большое раздолье разнымъ семеновскимъ уполномоченнымъ, взимающимъ хабару за то, чтобы все отправляемое прошло мимо атамана безпрепятственно и не подвергаясь семенизаціи.

Не брезгають спекулятивными доходами и проносящіеся мимо насъ революціонные министры, уполномоченные и новоявленные генералы, набивающіе свои вагоны контрабандой и разными цѣнными товарами; конвои у всѣхъ свирѣпые и неразговорчивые, почему таможенные чиновники, щадя свой животъ, и не пытаются досматривать такіе запретные вагоны; на харбинскомъ вокзалѣ можно наблюдать экстренные поѣзда и служебные вагоны, въ которыхъ ящики набиты въ купе до самаго потолка.

24 Октября. Калмыковъ перебрался изъ Хабаровска на станцію Гродеково; здѣсь онъ ближе къ Семенову и ему легче нажимать на Владивостокъ и его сообщенія съ Харбиномъ; главное же, можно возобновить обыски поѣздовъ и, ища крамолу и красноту, находить кредитки, золото и драгоцѣнности, безъ коихъ трудно существовать широкому атаманскому бюджету.

И всѣ боятся этого разбойника, несмотря на то, что достаточно хорошей роты, чтобы его раздавить; боятся настолько, что свѣдѣніе объ его прибытіи въ Гродеково отложило уже назначенный отъѣздъ во Владивостокъ Хорвата; Калмыковская банда на все способна, особенно на что либо особенно озорное.

На предложеніе Самойлова арестовать Калмыкова, Хорватъ отвѣтилъ, что это несвоевременно и надо подождать (чего? — самъ Хорватъ, вѣроятно, не знаетъ).

Такъ застаивается этотъ гнойный нарывъ, ликвидація котораго сразу привлекла бы на сторону ликвидировавшаго всѣ широкія симпатіи.

Вернулся со станціи Эхо полковникъ Волковъ, ѣздившій туда чтобы познакомиться съ состояніемъ тамошняго офицерства (на случай формированія новыхъ надежныхъ частей); по его мнѣнію $^3/_4$ молодыхъ офицеровъ распущены и развращены до полной невозможности ихъ исправить, а нѣкоторые изъ нихъ готовые уже преступники, опасные для общества и государства, ибо за деньги на все способны. Таковы результаты организаціи Хорвато-Колобовскихъ «кулачковъ»; большевикамъ они вреда не принесли, а себѣ напакостили такъ, что и поправить невозможно.

25 Октября. Флугъ рѣшилъ покончить со всѣми опереточными главноштабами и отрядами, перейдя на нормальную организацію; его поддерживаютъ многіе члены дѣлового кабинета, но Хорватъ колеблется, боясь обидѣть Плѣшкова и другихъ подлежащихъ увольненію.

Хрещатицкій совсѣмъ ушелъ въ японское лоно и родилъ проектъ подъяпоненной русской арміи, гдѣ въ каждомъ полку одна рота будетъ японская (на случай усмиренія), а при каждомъ штабѣ будетъ японскій комиссаръ. За іены можно додуматься и до этакой гнусности. Самому Хрещатицкому предоставляется, конечно, мѣсто инспектора этихъ формированій съ соотвѣтственнымъ окладомъ и правомъ жить гдѣ угодно (чуть ли не въ Японіи); ему это очень важно, такъ какъ по отзыву желѣзно-дорожныхъ служащихъ сей генералъ спеціализировался по провозу контрабанднаго спирта во Владивостокъ и называется между ними «спиртовозомъ».

26 Октября. Мѣстныя газеты напечатали приказы, изданные Калмыковымъ, когда онъ сидѣлъ въ Хабаровскѣ; приказы написаны такимъ вульгарно-хулиганскимъ стилемъ, что вызвали бы зависть у любого краснаго комиссара. Люди, выжимавшіе прежде изъ себя каждую строчку, выскочивъ въ комиссары или атаманы, развязываютъ языкъ, дѣлаются многоглаголивыми и дарятъ перлами своего хулиганскаго стиля.

Характеренъ приказъ разстрѣлять какого-то хорунжаго за ограбленіе ювелирнаго магазина; ни слѣдствія, ни суда, а прямо «приказываю этого негодяя разстрѣлять».

Семеновскій комендантъ Владивостока генералъ Скипетровъ продолжаетъ свои пьяныя оргіи; въ одномъ изъ шантановъ онъ содралъ кожу съ лица и переломалъ ноги штабсъ-капитану Викену, заключивъ этимъ какія-то пьяныя пререканія.

Калмыковъ дошелъ до того, что отдалъ приказъ именовать хабаровскіе офицерскіе курсы Хабаровскимъ собственнымъ его Атамана Калмыкова военнымъ училищемъ. Комиссары до этого еще не докатились.

27 Октября. Европа ликуетъ, а у насъ безпросвѣтный туманъ, сквозь прорывы котораго видна только кровь, грязь, мерзость и свара. Калмыковъ, собравъ войсковой

кругъ изъ своихъ единомышленниковъ, произвелъ себя прямо изъ есауловъ въ генералъ-маіоры.

Газеты сообщаютъ, что во Владивостокѣ должно состояться важное военное совѣщаніе въ составѣ Хорвата, Иванова-Ринова, Семенова и Калмыкова. Нелегко положеніе Хорвата, которому приходится соглашаться на такія совѣщанія; какіе военные совѣты могутъ дать эти полуграмотные, хунхузо-подобные атаманы.

Публика здѣсь не стѣсняется; одинъ изъ хрещатицкихъ орловъ въ пьяномъ видѣ хвастался у Самойлова, что у нихъ на черный день припасено полтора милліона, который они и подѣлятъ при «необходимости отходить въ южномъ направленіи».

28 Октября. Совѣщаются, торгуются и разговариваютъ, но дѣла, пользы и улучшенія нѣтъ и нѣтъ надежды ихъ увидѣть.

Въ Россіи ужасъ положенія увеличивается надвигающейся зимою; къ царю голоду — присоединяется царь холодъ.

Изъ Владивостока разсказываютъ, что Калмыковъ сначала ограбилъ, а потомъ истребилъ проѣзжавшій отрядъ шведскаго краснаго креста; операцію произвели такъ чисто, что даже нашли и убили уцѣлѣвшую отъ первой экзекуціи женщину.

29 Октября. Въ виду сложности сношеній съ союзниками и вообще для упорядоченія дѣла мнѣ предложили мѣсто предсѣдателя мѣстной квартирной комиссіи; согласился, такъ какъ дѣло самостоятельное и можно принести пользу.

Отношенія къ намъ союзниковъ напоминаютъ то души Шарко, то басню о лебедѣ, ракѣ и щукѣ; иногда невозможно понять, чѣмъ вызывается полная несогласованность ихъ дѣйствій; временами же думается, что имъ совсѣмъ не нужна сильная Россія послѣ того, какъ они справились съ Германіей.

30 Октября. Союзники завернули нѣмцамъ такія условія мира, что тѣ закинулись и пытаются продолжать войну. Получили первыя подробныя данныя о красной арміи; держится она, повидимому, въ повиновеніи при помощи особыхъ вполнѣ надежныхъ и преданныхъ красной власти частей, составленныхъ изъ латышей, венгровъ и китайцевъ.

31 Октября. Оффиціально объявлено о назначеніи Хорвата Верховнымъ Уполномоченнымъ Временнаго Сибирскаго Правительства на Дальнемъ Востокѣ. Отнынѣ вся судьба русскаго дѣла зависитъ отъ того, какую линію поведенія приметъ Хорватъ и кто будетъ его главными сотрудниками; если все будетъ продолжать оставаться въ рукахъ той жадной, глупой и нечестной камарильи, что и сейчасъ, то все сведется къ толченью воды въ бюрократическихъ ступахъ и въ безсильномъ болтаніи по теченію.

Оберхунхуза Семенова послали уговаривать унтерхунхуза Калмыкова быть поосторожнѣе по части угробливанія людей и калмыкаціи чужой собственности. Развѣ уговоры могутъ помочь, разъ атмосфера безнаказанности уничтожила всѣ препоны для насилія и преступленія.

1 Ноября. Сколько времени просидѣли на конструкціи власти; высидѣли, наконецъ, какой-то компромиссъ, а жизнь за это время убѣжала далеко впередъ, прибавивъ новыя горы къ прежнимъ громадамъ тяжелѣйшихъ задачъ.

Пока что Калмыковъ, вмѣсто заслуженной имъ петли, получилъ два милліона и разрѣшеніе на общую мобилизацію Уссурійскихъ казаковъ. Одновременно онъ заявилъ, что, до установленія въ Россіи твердаго правительства, онъ никакой власти не признаетъ и, будучи во Владивостокѣ, не пожелалъ имѣть никакого дѣла съ находившимся тамъ Ивановымъ-Риновымъ.

Его политика совершенно ясна; имѣя деньги, онъ разсчитываетъ пріобрѣсти симпатіи казачества, раззадорить казаковъ идеею полной автономіи и возвращенія имъ земель надѣла Духовскаго, и сразу ошарашить казаковъ выдачей имъ всего, на что они заявляютъ претензіи за прошлое время; въ этомъ отношеніи онъ отлично учитываетъ любовь казаковъ къ деньгамъ и понимаетъ, что тотъ, кто первый удовлетворитъ казачьи жалобы, получитъ авторитетъ и ихъ поддержку; одновременно онъ учитываетъ свою силу, небольшую, но состоящую изъ отчаянныхъ и хорошо оплачиваемыхъ головорѣзовъ.

Кулака, который былъ бы сильнѣе его и могъ его пристукнуть, пока что не видно, потому атаманишка и пользуется удачно сложившейся для него обстановкой.

Свѣдѣнія съ Волги очень неважныя; слишкомъ много ссорились и спорили и слишкомъ много подарили времени комиссарамъ; тѣ оправились и начинаютъ тѣснить сибирскую армію, сводя постепенно на нѣтъ всѣ лѣтніе успѣхи.

2 Ноября. Изъ Омска сообщаютъ изъ агентурныхъ источниковъ, что прибывшій туда Колчакъ при помощи офицерскихъ организацій устроилъ тамъ какой-то переворотъ, смѣстилъ всѣхъ министровъ и объявилъ себя диктаторомъ. Если это вѣрно, то изъ того, что онъ показалъ здѣсь, очевидно, что это будетъ очень скверный диктаторъ — для диктатуры одной импульсивности и вспыльчивой рѣшительности очень недостаточно.

На насъ рычатъ всѣ; на дняхъ японцы пригрозили даже нападеніемъ на личный конвой Плѣшкова за то, что начальникъ конвоя отнялъ у японскихъ солдатъ избиваемаго ими русскаго. Американскіе солдаты на станціи Пограничной избили нашего коменданта; итальянцы разграбили товарный поѣздъ . . . Недурны первые цвѣточки дружеской интервенціи. Vae victis!

Забайкальскіе хунхузы отличились черезчуръ уже громко: богатый иркутскій золотопромышленникъ Шумовъ, выѣхавшій на бронированномъ поѣздѣ Семенова съ большимъ грузомъ золота, найденъ въ рѣкѣ Селенгѣ съ простреленной головой. И все это сходитъ безнаказанно.

3 Ноября. Телеграфъ на западъ не работаетъ, но слухи о какихъ-то событіяхъ въ Омскѣ ползаютъ по городу.

У насъ несомнѣнно идетъ объединеніе атамановъ въ одинъ разбойничій кооперативъ. Хорватъ самъ уговариваетъ Семенова проѣхать въ Хабаровскъ и Благовѣщенскъ для свиданья съ тамошними атаманами, не понимая, что покорность Семенова временная и что тотъ только и думаетъ, какъ бы свернуть Хорвата и усѣсться на его мѣсто; болтливые, особенно въ пьяномъ видѣ, сподвижники атамана говорятъ, что единственный законный кандидатъ въ намѣстники Дальняго Востока это ихъ Григорій Михайловичъ.

4 Ноября. Пріѣхавшіе только что изъ Западной Сибири разсказываютъ невеселыя вещи про прочность тамошняго положенія; къ власти выбились случайные люди; ихъ «случай» возбудилъ зависть многихъ аспирантовъ на такія же амплуа и на этой почвѣ идетъ глухая грызня, подкопы, сманиваніе на свою сторону вооруженной силы, попытки переворотовъ и пр. и пр.

Нѣкоторые представители власти сдѣлались смѣшными вслѣдствіе попытокъ изображать изъ себя важныхъ гран-сеньеровъ; другіе чувствуютъ непрочность своего положенія и ничего не дѣлаютъ; настроеніе населенія дѣлается враждебнымъ власти.

Калмыковъ развернулся во всю. Всеволожскій мнѣ разсказалъ сегодня, что сюда пріѣхалъ бывшій у Калмыкова офицеръ Дроздовъ и заявилъ, что тамъ не офицерская организація, а гнусная шайка самыхъ отборныхъ негодяевъ и форменныхъ разбойниковъ, учиняющихъ надъ населеніемъ невѣроятныя насилія.

На дняхъ Калмыковъ приказалъ разстрѣлять свой «юридическій отдѣлъ», завѣдывавшій арестами, обысками и калмыкаціями; кара разразилась за то, что атаманъ узналъ, что чины отдѣла брали не по чину и мало сдавали начальству изъ получаемой добычи; передъ разстрѣломъ чинамъ отдѣла отдали на изнасилованіе захваченныхъ развѣдкой дѣвушекъ, обвиненныхъ въ большевизмѣ; послѣднее было обычнымъ пріемомъ для добыванія себѣ женщинъ, которыя по минованіи надобности выводились въ расходъ.

5 Ноября. Харбинъ осчастливленъ прибытіемъ самого атамана Григорія Михайловича, конечно, на трехъ бронированныхъ поѣздахъ; раскатываетъ по улицамъ съ какой-то дѣвкой, облѣпленной бриллiантами, владѣльцы которыхъ вѣроятно тамъ, идежѣ нѣсть ни болѣзнь, ни воздыханіе; сіи бриллiанты должны изображать кристаллизованную любовь къ отечеству.

Состоялось мое назначеніе предсѣдателемъ междувѣдомственной квартирной комиссіи.

6 Ноября. Гнилая Австрія подъ гнетомъ военныхъ неудачъ лопнула и развалилась. Союзники ликуютъ, а мы купаемся въ морѣ ужасовъ; пріѣхавшіе съ запада говорятъ, что сейчасъ районъ между Волгой и Ураломъ разгромленъ такъ, какъ не было и во времена Пугачева.

Что дѣлается въ Омскѣ, остается неизвѣстнымъ.

7 Ноября. Получилъ предложеніе Флуга занять должность начальника штаба дальне-восточнаго военнаго округа; при этомъ Флугъ предупредилъ, что онъ вѣроятно уйдетъ, такъ какъ Омскъ не согласился на его назначеніе помощникомъ Хорвата по военной части, и назначаетъ на это мѣсто генерала Артемьева. По словамъ Флуга, онъ дѣлаетъ все, чтобы уничтожить атаманщину; первая очередь за Калмыковымъ и, хотя его и поддерживаютъ японцы, но нынѣ собраны многочисленныя документальныя доказательства того, что Калмыковъ квалифицированный военный преступникъ, и это будетъ предъявлено союзникамъ для обузданія японскаго сочувствія; для ликвидаціи же Калмыкова въ Хабаровскъ будутъ двинуты изъ Забайкалья части 8 стрѣлковой дивизіи.

Съ Семеновымъ дѣло труднѣе, но его думаютъ обезопасить, перемѣстивъ его на чисто почетную должность походнаго атамана дальневосточныхъ казачьихъ войскъ.

Я высказалъ Флугу, что при условіи ликвидаціи атамановъ я готовъ идти на любое мѣсто, но только при условіи работать съ нимъ; идти же въ начальники штаба къ незнакомому генералу Артемьеву, да еще при извѣстной мнѣ обстановкѣ Хорватовскаго антуража — я уклоняюсь.

Акинтіевскій читалъ письмо своего товарища по академіи капитана Сумарокова, посланнаго въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба въ Читу для сформированія тамъ настоящихъ штабовъ.

Сумароковъ пишетъ, что творимые у Семенова безобразія и грабежи не поддаются никакому описанію; за двѣ недѣли застрѣлилось семь офицеровъ; разстрѣлы идутъ сотнями и начальники состязуются въ числѣ разстрѣлянныхъ; про порку и говорить нечего, это обычное занятіе.

Здѣсь, въ Харбинѣ атаманъ и его прихвостни дивятъ харбинцевъ своими расходами и кутежами, оплачиваемыми десятками тысячъ рублей, нарочно афишируя эту расточительность расплатами такъ, чтобы видѣла остальная публика.

Союзники грызутся и интригуютъ; на дняхъ у Флуга былъ французскій капитанъ Пелліо (одинъ изъ поддерживателей Семенова) и заявилъ, что генералъ Ноксъ самозванецъ, что никто не разрѣшалъ ему начинать русскія формированія и что единственный законный уполномоченный союзниковъ это генералъ Жаненъ.

8 Ноября. Не было ни гроша, а вдругъ алтынъ; получилъ предложеніе и на должность начальника отдѣла охранной стражи; своего рода embarras d'engagements.

Въ 12 часовъ въ соборѣ торжественное молебствіе по поводу именинъ Хорвата; зачѣмъ это лакейское подлизываніе? Всѣ тѣ, которые опоздали на панихиду о Государѣ, сегодня явились заблаговременно.

9 Ноября. Зашелъ въ штабъ россійскихъ войскъ, до сихъ поръ благополучно существующій; много народу, много сутолоки; со стороны можно повѣрить, что кипитъ серьезная работа, такъ какъ всѣ что-то пишутъ и суетятся; въ дѣйствительности же работа сводится къ освѣдомленію и контръ-развѣдкѣ, обратившейся въ охранку, да еще къ цензурѣ.

Говорилъ съ начальникомъ штаба генераломъ Хрещатицкимъ; многоглаголивая и сладкоглаголивая бестія, по своему содержанію замѣчательно подошедшая къ Харбинскому болоту.

Неизвѣстно почему, сталъ поддѣлываться подъ мои взгляды, нещадно ругалъ атамановъ и яростно выражалъ мнѣніе о необходимости ихъ ликвидировать; я смотрѣлъ на него не безъ удивленія, такъ какъ зналъ про всѣ его связи съ этими же самыми атаманами; разсказалъ мнѣ сказку для грудныхъ дѣтей о томъ, что Американцы предлагали Хорвату безвозвратную ссуду за то, чтобы онъ согласился на введеніе въ составъ Управленія нѣсколькихъ американцевъ. Особенно сладко пѣлъ о проектѣ созданія русской арміи при помощи японцевъ, причемъ распластывался въ восхваленіи честности и незаинтересованности японцевъ, которые де только и думаютъ о томъ, чтобы возстановить Россію, нещадно ругалъ генерала Нокса, называя его провокаторомъ, желающимъ спасти Англію русской кровью; пришелъ въ священный ужасъ и усугубилъ свое доказательное рвеніе, когда я высказалъ свое сомнѣніе въ безкорыстности японскихъ симпатій.

Вообще, японцы не даромъ потратили деньги, пріёнивъ къ себѣ этого ловкаго и жаднаго проныру, сладенькаго, вкрадчиваго, внѣшне отлично вылощеннаго, а внутри химически чистаго отъ принциповъ порядочности; знавшіе его раньше говорятъ, что такимъ онъ сдѣлался только здѣсь подъ вліяніемъ увлеченія политикой, сильнаго честолюбія и любви къ кутежамъ и женщинамъ.

10 Ноября. Газеты полны перечисленіемъ разныхъ высокихъ персонажей, отдѣльно и группами текущихъ съ запада во Владивостокъ, Японію и Америку со всевозможными явными и тайными миссіями и порученіями; миссіи и порученія въ огромномъ большинствѣ фиговые листы, прикрывающіе желаніе удрать отъ тяжелой работы, а также быть подальше отъ неопредѣленной, а подчасъ небезопасной атмосферы разныхъ Уфъ, Самаръ, Омсковъ и Томсковъ.

Поднялъ вопросъ о необходимости возстановить почтовыя сношенія съ югомъ Россіи, воспользовавшись тѣмъ, что союзниками занятъ Константинополь; это установитъ связь съ дѣйствующими на югѣ организаціями и облегчитъ и наше и ихъ положеніе. Получилъ отвѣтъ, что со мной согласны, но исполненіе очень трудное; проклятая наша дряблость, ищущая только причинъ, чтобы уклониться отъ работы, и отпихивающая отъ себя все, что требуетъ лишняго напряженія и борьбы сверхъ обычной росписи по отбыванію номерковъ.

11 Ноября. Нѣмецкіе парламентеры прибыли къ фронту; разъ нѣмцы на это пошли, то значитъ всѣ средства сопротивленія исчерпаны и войнѣ конецъ; для насъ это очень плохо; ибо о насъ теперь забудутъ, а займутся дѣлежомъ шкуры побѣжденныхъ и зализываніемъ собственныхъ ранъ. А, быть можетъ, правы тѣ пессимисты, которые считаютъ что при сокрушенной Германіи Европѣ совершенно не нужна сильная Россія съ ея колоссальными рессурсами и идеальнымъ стремленіемъ объединенія славянства; при сокрушеніи Германіи огромный интересъ пріобрѣтаетъ Малая Азія, Мессопотамія, частью Балканы и все это пріятнѣе скушать, не отдавая Россіи слѣдуемой ей по праву порціи. Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, спасъ Европу отъ тевтонскаго кулака, и больше его не требуется; лѣчить его и ставить на ноги совсѣмъ невыгодно.

Если мы и нужны кому, то только Японіи въ ея будущемъ столкновеніи съ Китаемъ, но японскіе руководители внѣшней политики этого не понимаютъ и идутъ, повидимому, по пути временныхъ успѣховъ, мѣстнаго вліянія и поддержки разныхъ, по сущности, сепаративныхъ теченій.

12 Ноября. Союзники объявили условія, на которыхъ они согласны заключить миръ; условія драконовскія, направленныя къ тому, чтобы сдѣлать для Германіи невозможнымъ повтореніе новой войны. Это то, что я всегда говорилъ офицерамъ и солдатамъ на фронтѣ: «мы должны дать родинѣ такую побѣду и такой миръ, чтобы наши дѣти и внуки не думали уже о войнѣ, и могли напречь всѣ усилія на улучшеніе своей жизни».

Съ запада сообщаютъ, что въ Томскѣ и Маріинскѣ были военные бунты, прямой результатъ несвоевременнаго и неподготовленнаго призыва; сейчасъ еще рано начинать новыя формированія, ибо собранныя, — и собранныя по принужденію, — толпы крестьянской и городской молодежи, душевно больной и взъерошенной всѣми революціонными эмоціями и переживаніями, являются готовымъ и воспріимчивымъ матерьяломъ для любой пропаганды и для выступленій противъ власти. Вдохновители разныхъ мобилизацій и наборовъ не учитываютъ совершенно настроенія и обстановки и продолжаютъ жить по старымъ указкамъ: приказать, тащить, заставить, экзекуцировать, цыкнуть и т. п., забывъ, что за всѣмъ этимъ не стоитъ уже ни стараго авторитета, ни прежнихъ силъ и средствъ для принужденія.

Трудно понять для чего собирать парней, которыхъ затѣмъ боятся такъ, что не даютъ имъ винтовокъ и держатъ послѣднія подъ сильными офицерскими, при пулеметахъ, караулами. Здоровой силы не получаютъ, но, собирая молодежь въ большія скопленія, облегчаютъ ихъ общеніе, организацію и дѣлаютъ ихъ опасными для самихъ себя. Въ училищѣ у насъ былъ комическій разсказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что «идіотизмъ бываетъ простой и концентрированный», въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло несомнѣнно со второй разновидностью.

13 Ноября. Третьяго дня въ пять часовъ утра на европейскомъ фронтѣ заключено перемиріе. Императоръ Вильгельмъ отрекся отъ престола и, судя по газетамъ, въ Германіи началось что-то похожее на нашу мартовскую революцію.

Плохо теперь наше дѣло, ибо исчезла висѣвшая надъ союзниками смертельная опасность нѣмецкаго бронированнаго кулака; какъ обидно, что споры и ссоры, торговля за власть и мелкій эгоизмъ не позволили намъ использовать союзную помощь и стать на свои ноги, пока еще шла война.

14 Ноября. Акинтіевскій получилъ записку изъ Читы о томъ, что присланные туда на штабныя должности офицеры генеральнаго штаба были арестованы; сначала ихъ хотѣли предать военно-полевому суду за пренебрежительное отношеніе къ имени атамана, но затѣмъ смилостивились и, достаточно поиздѣвавшись, въ арестантскомъ вагонѣ отправили въ Иркутскъ, посовѣтовавъ передать Омску, что Чита въ чужакахъ не нуждается.

Хрещатицкій и Ко. лижутся во всю съ японцами и гонятъ во всю русско-японскія формированія, желая обогнать Нокса; занятіе должно быть очень выгодное, такъ какъ у причастныхъ къ формированію лицъ прежде въ карманахъ была аравійская пустыня, а сейчасъ они швыряются пачками пятисотрублевыхъ.

15 Ноября. На союзномъ фронтѣ небывалое ликованіе, а мы сидимъ во мракѣ и въ тоскѣ. Сибирскія вѣсти мало утѣшительны: военные успѣхи прекратились, государственное строительство не налаживается, внутри страны идутъ волненія; не видно сильной и здоровой власти.

16 Ноября. Въ побѣжденныхъ странахъ начался развалъ; солдаты разбѣгаются съ фронта и грабятъ; особенно плохо въ Австріи.

Изъ Омска сюда пріѣхалъ генералъ Степановъ, помощникъ адмирала Колчака по должности Военнаго и Морского Министра; эта комбинація мало утѣшительна, ибо самъ адмиралъ абсолютно ничего не понимаетъ въ военносухопутномъ дѣлѣ, а Степановъ, котораго я знаю еще съ Училища, очень милый, но безцвѣтный и малоодаренный человѣкъ, съ очень ограниченнымъ служебнымъ стажемъ, абсолютно негодный къ такой должности, да еще въ такое время, когда все надо создать заново.

Не нравится мнѣ и его пріѣздъ сюда; работа тамъ, а не здѣсь; такія никчемушнія поѣздки — это только отлыниваніе.

17 Ноября. Здѣсь великое ликованіе среди многочисленной польской колоніи; экспансивные паны собираются уже праздновать Пасху въ Варшавѣ; у большинства это только трескучія фразы, ибо мало кто собирается промѣнять благодѣтельный и спокойный Харбинъ на то неизвѣстное, что будетъ представлять изъ себя Польша, лежащая между пылающей Россіей, гніющей Австріей и разваливающейся Германіей.

Вообще экспансивность поляковъ можетъ имъ сильно напортить; они уже сейчасъ мечтаютъ о возстановленіи крулевства въ границахъ наибольшаго историческаго распространенія, со включеніемъ Литвы, Восточной Пруссіи; все это можетъ помрачить тѣ счастливыя ауспиціи, кои начертываются для Польши побѣдой союзниковъ.

Хорватъ борется съ Омскомъ по поводу назначенія себѣ помощника по военной части; ему отказываютъ въ назначеніи Флуга, а онъ не находитъ въ себѣ твердости, чтобы поставить вопросъ ребромъ и настоять на своемъ; при его положеніи онъ можетъ потребовать отъ Омска согласія на свою кандидатуру. Все это очень печально, такъ какъ Флугъ, по всей совокупности данныхъ, единственный здѣсь человѣкъ, который можетъ повести, какъ слѣдуетъ, военную часть управленія краемъ.

18 Ноября. Въ Харбинъ пріѣхалъ Гондатти; въ скромномъ, пожиломъ человѣкѣ трудно узнать бывшаго блестящаго администратора и гражданской главы Дальняго Востока; по его словамъ Омскъ усердно старался добиться соглашенія съ Хорватомъ, потому что думалъ, что здѣсь много войскъ и денегъ; теперь все это оказалось пуфомъ и Омскъ очень разочарованъ и считаетъ, что проторговался при соглашеніи.

19 Ноября. Въ Австріи и Германіи сильные безпорядки на почвѣ голода и военнаго краха; думаю, что это относится больше къ разношерстной Австріи; нѣмцы разумнѣе, патріотичнѣе и не станутъ разрушать Фатерланда.

Послѣ обѣда обнародованъ указъ о назначенiи адмирала Колчака Верховнымъ Правителемъ; это раскрываетъ скобки надъ тѣмъ, что происходило послѣднiе дни въ Омскѣ. Суть переворота пока мало ясна; самые перевороты теперь не трудны, ибо власть слаба, не опирается на реальную силу, и, какъ власть, не угодна населенiю, отвыкшему отъ принужденiя.

Охотниковъ кувыркать власть и садиться на ея мѣсто теперь очень много. Но что будетъ дальше? то, чѣмъ выявилъ себя Колчакъ здѣсь въ Харбинѣ, не даетъ никакихъ основанiй надѣяться на то, что мятущаяся Россiя нашла голову и твердую руку. Обыкновенный типъ адмирала, очень взбалмошный и непривыкшiй сдерживаться, узкiй морякъ, наполненный морскими традицiями и предразсудками, абсолютно незнакомый съ военнымъ дѣломъ и съ администрацiей; положительныя качества — искренность, идейность борьбы за Россiю, кристальная честность, ненависть къ беззаконiю — все это очень мало для возглавленiя верховной власти въ такое время.

Всеволожскiй, вернувшiйся съ западной вѣтки, разсказываетъ, что, проѣзжая черезъ Хайларъ, видѣлъ стоявшiй Семеновскiй поѣздъ; на вагонѣ атамана красовалась надпись: «безъ доклада не входить, а то выпорю», по истинѣ казацко-разбойничье остроумiе.

По разсказу того же В. военный слѣдователь, отправленный на станцiи Маньчжурiя и Даурiя для производства слѣдствiя о разграбленiи семеновцами вагоновъ и грузовъ, былъ встрѣченъ комендантомъ, который порекомендовалъ ему немедленно убираться во свояси, предупреждая, что въ противномъ случаѣ ему придется «прогуляться въ сопки».

20 Ноября. Агентура изъ Омска сообщаетъ, что переворотъ былъ произведенъ правыми военными организацiями, и что правительство согласилось признать совершившiйся фактъ, изъ боязни кровопролитiя. Директорiя арестована; Колчакъ произведенъ правительствомъ въ адмиралы (смѣшно и неудачно) и назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Мѣстные защитники адмирала кричатъ, что имя его извѣстно всей Россiи, и способно всѣхъ объединить; опять аберрацiя при употребленiи выраженiя «вся Россiя», очень любимаго, но совершенно невѣрнаго; вся Россiя знала только Царя; отдѣльныхъ же лицъ знала интеллигенцiя, читающая газеты публика и только. Во время войны кричали, что вся Россiя знаетъ Брусилова, Корнилова и пр., но это было не вѣрно, т. к. половина солдатъ не знала, кто они такiе, и Корниловъ сдѣлался общеизвѣстенъ только послѣ своего выступленiя, да и то, какъ какой-то страшный жупелъ реакцiи и отнятiя у товарищей всѣхъ ихъ вольностей.

Для той Россiи, которую надо привлечь на свою сторону и безъ которой нельзя возстановить всю Россiю, имя адмирала Колчака такой же пустой звукъ, какъ и сотни иныхъ болѣе громкихъ именъ.

Очень печально слiянiе въ одномъ лицѣ Верховной власти и Верховнаго Командованiя; одно гипертрофируется въ ущербъ другого или на оба не хватитъ мозговъ, нервовъ и энергiи; вѣдь, все равно, быть Верховнымъ Главнокомандующимъ въ настоящемъ значенiи этого слова Колчакъ не можетъ, и получится, что тотъ, кого онъ изберетъ начальникомъ штаба, будетъ безотвѣтственнымъ распорядителемъ.

Хорватъ поступилъ благородно и государственно, пославъ адмиралу телеграмму съ поздравленiемъ по поводу его рѣшенiя; что бы тамъ ни было, но нельзя сейчасъ продолжать тянуть въ разныя стороны, ибо сiе на пользу красныхъ и на гибель нашего дѣла.

Изъ Владивостока получена телеграмма Флуга о расформированiи Штаба Главнокомандующаго россiйскими войсками.

Видѣлъ одного изъ помощниковъ Хрещатицкаго, который, по свойственной ему глупости, хвастался, что, если пройдетъ проектъ его принципала, то всѣ они будутъ получать отъ японцевъ хорошее содержанiе въ iенахъ; когда я сказалъ этому мѣдному лбу, чтобы онъ по крайней мѣрѣ постѣснялся объ этомъ публично разглашать, то онъ меня не особенно понялъ.

Въ развѣдкѣ охранной стражи есть неоспоримыя данныя, что японцы работаютъ на нашъ развалъ; имѣются также свѣдѣнiя о работѣ въ Китаѣ тайныхъ японскихъ эмиссаровъ, которые стараются возбудить среди китайцевъ чувства солидарности всѣхъ желтыхъ

расъ и сознаніе необходимости объединенія для сокрушенія разваливающагося бѣлаго міра, сдѣлавшаго желтымъ много зла, учинившаго надъ ними много насилій, а нынѣ истощеннаго великой войной и неспособнаго сопротивляться неистощимымъ силамъ желтаго союза.

Слава Богу еще, что японцы учинили надъ китайцами насилій и надруганій много больше, чѣмъ бѣлые, и нужно долгое время, чтобы это забылось; иначе желтый союзъ дѣйствительно могъ бы сокрушить всю Европу.

21 Ноября. Изъ Омска сообщаютъ, что начальникъ тамошняго гарнизона полковникъ Волковъ и другіе участники незаконнаго ареста министровъ преданы военно-полевому суду. Надо радоваться такому удачному началу, долженствующему положить предѣлъ покушеніямъ разныхъ кандидатовъ въ переворотчики и атаманы; надо надѣяться, что у адмирала есть сила, чтобы поддержать начатый правильный курсъ.

Очень туманны фигуры министровъ новаго состава; успѣхъ работы зависитъ отъ ихъ способности уйти сразу отъ партійности и стать на чисто дѣловую почву.

22 Ноября. Семеновъ въ самой рѣзкой формѣ потребовалъ, чтобы адмиралъ немедленно отмѣнилъ свой приказъ о преданіи суду Волкова, Красильникова и Ко., угрожая, при неисполненіи его требованія, самыми рѣшительными мѣрами; пока же, остановилъ всякое сообщеніе востока съ Омскомъ и прекратилъ работу телеграфа.

Это уже открытое возстаніе, поднимаемое кучкой разбойныхъ негодяевъ, недовольныхъ Колчакомъ за время его командованія въ Харбинѣ и понимающихъ, что съ утвержденіемъ адмирала у власти имъ предстоитъ конецъ. Они идутъ ва-банкъ, поднимая бунтъ въ тылу Омска, переживающаго тяжелые дни внутренней неурядицы и внѣшнихъ неуспѣховъ.

Правъ я былъ, когда считалъ ихъ бѣлыми большевиками, работающими только на потѣху собственной жадности, распущенности, разврату и общей нравственной мерзости. Въ ихъ пьяныхъ башкахъ, ошалѣвшихъ отъ безнаказанности, видимо, не способна шевельнуться мысль, какую мерзость они дѣлаютъ противъ той родины, которую хвастаются защищать; трясясь за свою шкуру, за свою вольную и разбойную жизнь, они замахиваются на непріятную для нихъ фигуру адмирала, а бьютъ по всему дѣлу возстановленія государства.

Что же смотрятъ японцы, весьма помпезно представленные около атамана; трудно повѣрить, чтобы они не знали о посылкѣ этого омерзительнаго ультиматума.

А Гришкины хвалители разливались, увѣряя въ его умѣ, государственности и любви къ родинѣ; да развѣ есть хоть на грошъ мозга въ той пустой башкѣ, которая пошла на такое дѣло, развѣ есть хоть капля любви къ родинѣ въ сердцѣ, которое не дрогнуло, когда рождался, подписывался и посылался такой преступный документъ. Каковъ бы ни былъ Колчакъ, но Омская обстановка выдвинула его къ власти, къ власти, ведущей смертный бой съ большевизмомъ, и сто разъ проклятъ тотъ, кто возстаетъ на него и этимъ помогаетъ большевикамъ. Всѣ, въ комъ есть честь, любовь къ родинѣ, обязаны сплотиться около адмирала и своимъ трудомъ, своими достоинствами покрыть его недостатки.

Къ открытому бунту поданъ подлый соусъ въ видѣ заступничества за казаковъ, для пріобрѣтенія популярности въ качествѣ защитника казачьихъ льготъ.

Обнаглѣвшихъ читинскихъ разбойниковъ надо двинуть такъ, какъ заслуживаетъ ихъ подлая измѣна, тѣмъ болѣе подлая, что все ее основаніе въ личной ненависти атамана и его своры къ адмиралу.

23 Ноября. Вернувшійся изъ Владивостока полковникъ Симоновъ разсказалъ, что тамъ творится: Флугъ по должности помощника Хорвата по военной части отдаетъ одобренныя Хорватомъ распоряженія, а генералъ Хрещатицкій разсылаетъ по штабамъ телеграммы, чтобы распоряженія Флуга не исполнялись, причемъ дѣлаетъ это тоже съ доклада Хорвату. Флугу объ этомъ не сообщается и онъ узнаетъ объ этомъ черезъ нѣкоторое время. Только при Хорватѣ возможны такіе факты; но подобная политика была хороша при одурачиваніи китайцевъ и при созданіи себѣ популярности среди служащихъ, но она явно преступна въ государственной и военной дѣятельности; вѣдь только лакеи, прохвосты и безразличные наемники способны служить при такомъ недостойномъ на-

чальникѣ. Честный, знающій, работящій Флугъ попирается ради виляньи передъ людьми типа Хрещатицкаго и ради нежеланія обидѣть милую бездарность и никчемушность Плѣшкова расформированіемъ его опереточнаго штаба.

Проѣхалъ назадъ въ Омскъ Ивановъ-Риновъ, нагруженный контрабандой и разными товарами; говорятъ, что онъ поспѣшилъ оставить Владивостокъ, потому что открыто рѣзко отозвался о Калмыковѣ, а тотъ пообѣщалъ явиться во Владивостокъ и выпороть И.-Р-ва. Тотъ уѣхалъ; а теперь приходится сидѣть въ Харбинѣ и ждать, пропуститъ ли его черезъ Читу Семеновъ. Веселенькая восточная часть сибирской магистрали съ разсѣвшимися по ней атаманами.

24 Ноября. Здѣсь получены подробности объ убійствѣ Царской семьи; нѣтъ такихъ мукъ на свѣтѣ, какимъ достойны тѣ отвратительныя исчадія краснаго ада, которыя это совершили.

Омскій военный судъ оправдалъ Волкова и Ко. на томъ основаніи, что слѣдствіе установило, что члены Директоріи что-то замышляли и поэтому дѣйствія подсудимыхъ были самозащитой. Это оправданіе большая ошибка, ибо нарушеніе закона и насиліе не могутъ быть оправданы въ бѣлую, могли быть смягчающія обстоятельства, но, если оправдывать въ такихъ дѣлахъ, то лучше и не предавать суду.

Сообщается, что члены директоріи испросили разрѣшеніе уѣхать за границу и дали подписку, коей обязуются больше не вмѣшиваться въ дѣла русской политической жизни; видимо, положеніе было настолько скверное, что пришлось согласиться на политическое самоубійство.

Отправка ихъ за границу крупная ошибка, такъ какъ въ ихъ лицѣ Омская власть получитъ группу крайне озлобленныхъ людей, у которыхъ извѣстныя революціонныя имена, и которые могутъ ей здорово напортить, особенно теперь, когда всѣ демократіи начали поднимать свои головы.

25 Ноября. Замѣщалъ генерала Плѣшкова въ комиссіи по празднованію побѣды союзниковъ и заключенія мира; добился исключенія изъ программы манифестаціи учащихся, убѣдивъ, что это выходитъ у насъ жалко или по шутовски; кромѣ того преступно гонять по морозу бѣдно-одѣтыхъ дѣтей; зато, настоялъ на включеніи панихиды по убитымъ на войнѣ.

26 Ноября. Былъ на почтѣ; все помѣщеніе занято толпой юркихъ спекулянтовъ, отправляющихъ на западъ сотни почтовыхъ посылокъ; всѣ посылки предѣльнаго вѣса и размѣра, одинаково укупорены и завязаны (для укупорки образовались особыя конторы).

На этихъ посылкахъ наживаются цѣлыя состоянія, а наше почтовое вѣдомство не раскачалось до сихъ поръ поднять почтовую таксу и беретъ тѣ гроши, которые полагались до войны. Лежимъ мы плотно, потому подъ насъ вода и не течетъ.

Говорилъ съ пріѣхавшимъ изъ Забайкалья казачьимъ офицеромъ; по его словамъ, отряды держатся только офицерами, офицерскими сотнями и пулеметными командами; среди казаковъ уже были возстанія, подавленныя разстрѣлами.

Здѣсь Семеновцы кричатъ во всю, что ихъ атаманъ приказалъ Колчаку въ 24 часа сложить съ себя власть, и что, если это не будетъ исполнено, то они разворотятъ весь Омскъ; Ивановъ-Риновъ говорилъ по этому поводу по прямому проводу съ адмираломъ и заявилъ, что ничего подобнаго Семеновымъ не предъявлялось.

Отъ Плѣшкова узналъ, что японцы и ихъ наймитъ Хрещатицкій уже начали формировать русскія части; условія самыя для насъ унизительныя; даже начальникъ штаба формированій будетъ японецъ (японскій хозяинъ Хрещатицкаго маіоръ Араки).

Плѣшковъ разсказываетъ, что, по вычисленію начальника коммерческой части Слауты, Семеновъ зарабатываетъ сейчасъ до трехъ милліоновъ рублей въ день плюсъ званіе благодѣтеля населенія; онъ продаетъ харбинскимъ купцамъ наряды на вагоны, а они обязаны давать атаману 20 процентовъ чистой прибыли, но не имѣютъ права сами наживаться выше такихъ же процентовъ.

Въ результатѣ довольны всѣ: и купцы, и Семеновъ, и населеніе.

27 Ноября. Провезли на югъ членовъ директоріи; воображаю, какъ они распишутъ насъ за границей и какую аттестацію дадутъ Омску; при ихъ революціонномъ стажѣ это будетъ имѣть очень невыгодныя для Омска послѣдствія.

28 Ноября. Въ Іокогамѣ англичане не допустили русскихъ въ комитетъ по празднованію мира на томъ-де основаніи, что Россія предала союзниковъ. Это подлый поступокъ, мало похожій на англичанъ; обидно то, что среди живущихъ въ Іокогамѣ союзниковъ не нашлось никого, кто доказалъ, что такое обвиненіе — наглая ложь. Своей кровью и своимъ бытіемъ мы спасли весь міръ, а въ томъ, что дѣлается въ Россіи сейчасъ, не Россія виновата.

Временное Правительство объявило, что отвѣчаетъ за всѣ долговыя обязательства Россіи, очевидно, ходъ этотъ сдѣланъ, чтобы разсѣять опасенія союзниковъ и ихъ держателей русскихъ цѣнностей. Помогай Богъ исполнить это нелегкое обѣщаніе.

29 Ноября. Вечеромъ былъ на панихидѣ по всѣмъ погибшимъ на войнѣ; обставлено было очень прилично и у всѣхъ создалось замѣчательно сильное и трогательное настроеніе. Перенесся мыслями въ прошлое, пережилъ всѣ бои, побѣды и неудачи, вспомнилъ фронтовыя панихиды, особенно послѣднюю послѣ боевъ въ іюлѣ 1917 года. Длинной цѣпью прошли призраки погибшихъ товарищей, подчиненныхъ — маленькихъ по должности, но великихъ по духу, и сѣрыхъ героевъ, свинцовымъ сномъ спящихъ въ лѣсахъ и болотахъ Восточной Пруссіи, Литвы и Польши. Что-то теперь съ ихъ могилами!

30 Ноября. День празднованія вышелъ накрахмаленный, не было настроенія; номеровъ было очень много и поэтому распорядители жарили на скорость. На торжество пріѣхалъ почему-то Хорватъ; говорятъ, что въ этомъ заключается какой-то политическій трюкъ; я въ политикѣ не силенъ, но думаю, что ему слѣдовало бы быть во Владивостокѣ и добиться на празднествѣ позиціи, достойной представителя Россіи.

Антихорватовцы инсинуируютъ, что антуражъ Хорвата удалилъ его изъ Владивостока для безопасности, такъ какъ происшедшее на дняхъ убійство арестованныхъ большевистскихъ главарей Суханова и Мельникова создало тамъ обостренное настроеніе; это инсинуація, ибо и враги должны отдать Хорвату справедливость въ томъ, что онъ лично храбръ и опасности не боится.

Поздравленія въ Собраніи вышли слабы, толпа стояла въ сильномъ чаду отъ кухни и слушала, какъ консула по бумажкѣ читали свои привѣтствія. Хорвата я слышалъ публично первый разъ и думалъ, что онъ можетъ сказать глубже, ярче и эффектнѣе.

1 Декабря. Сидимъ два дня безъ телеграммъ, не зная ничего, что дѣлается внѣ полосы отчужденія. Празднуемъ, — а что празднуемъ? Развѣ намъ до праздника?

2 Декабря. По части продажи вагоновъ, Харбинъ далеко превзошелъ ту знаменитую вакханалію, которая царила здѣсь по этой части въ 1905 году, когда вагонами оплачивалась и карьера, и любовь, и разныя тайныя услуги, и даже удачно выбритый подбородокъ высокихъ чиновъ, выдававшихъ вагонные наряды.

Сейчасъ, имѣть нарядъ на вагонъ въ западномъ направленіи — равносильно маленькому состоянію. Старшій контролеръ дороги разсказывалъ мнѣ, что сегодня по коридорамъ коммерческой части носилась барышня и разыскивала нѣкоего Полетику по спѣшному дѣлу продажи вагона за 50 тысячъ рублей, дѣлая это совершенно открыто.

Удачнѣе всѣхъ торгуютъ вагонами семеновскія конторы; тамъ надежнѣе всего, ибо въ дальнѣйшемъ вагоны идутъ безопасно отъ семенизаціи и дополнительныхъ взятокъ.

Хорошо торгуютъ чехи; японцы цѣпляютъ частные грузы своихъ купцовъ къ воинскимъ эшелонамъ.

3 Декабря. Союзныя эскадры пришли въ Севастополь — радостное для насъ извѣстіе; теперь есть надежда, что ремонтъ развалившейся русской храмины начнется съ нѣсколькихъ концовъ. На западѣ начались еврейскіе погромы; страдаетъ неповинная, нищая еврейская бѣднота за грѣхи и преступленія кучки представителей своего народа. Поговариваютъ, что безобразія атамановъ на линіи желѣзной дороги привлекли, наконецъ, вниманіе союзниковъ и что въ Владивостокѣ были по сему какія-то совѣщанія. Давно пора.

4 Декабря. Омскъ разразился глупѣйшимъ и нелѣпѣйшимъ приказомъ о воспрещеніи населенію носить всякое военное и даже перекрашивать защитное сукно въ иные цвѣта.

Написано не въ мѣру рѣшительно, съ угровой полевымъ судомъ даже за перекраску сукна. Сугубо нелѣпо, сугубо глупо, сугубо вредно и сугубо безцѣльно. Сейчасъ три четверти населенія Сибири ходитъ въ старой военной одеждѣ и раздѣть ихъ среди суровой зимы не по плечу даже самымъ рѣшительнымъ комиссарамъ.

Безконечно печально, что возможенъ выпускъ такихъ приказовъ, отъ которыхъ ноль пользы, но за то моря злобы, критики, насмѣшекъ и улюлюканья, да еще одинъ лишній случай начихать на распоряженія начальства. Печально, ибо показываетъ, что около слѣпого по всѣмъ такимъ вопросамъ адмирала засѣли какіе-то головотяпы аракчеевскаго толка и угрюмъ-бурчеевской рѣшительности.

Калмыковъ продолжаетъ свои разбойничьи похожденія; недавно его разъѣздные палачи увезли и убили старшаго уссурійскаго казака войскового старшину Шестакова и его сына, инвалида великой войны, только за то, что Шестаковъ и поддерживавшій его Полтавскій станичный округъ не признавали Калмыковской власти.

5 Декабря. Полученъ приказъ Верховнаго Правителя объ отрѣшеніи Семенова отъ должности командира корпуса и о направленіи въ Читу особаго отряда Волкова для ликвидаціи тамошней атаманщины; одновременно генералу Самойлову съ частями охранной стражи приказано выдвинуться къ станціи Маньчжурія и не допустить ухода Семенова въ Китай. По истинѣ хочется сказать «нынѣ отпущаеши . . .»; наконецъ-то нашли рѣшимость справиться съ этой ядовитой гангреной.

6 Декабря. Сообщенія съ Читой прерваны; мѣстные семеновцы то хорохорятся, то ходятъ задумчивыми. Никакого сопротивленія семеновцы не окажутъ, а когда придется плохо, то сгребутъ своего атамана и сами представятъ его по начальству.

Получена телеграмма, что вмѣсто Флуга помощникомъ Хорвата и командующимъ войсками приамурскаго округа назначается проѣзжавшій здѣсь Ивановъ-Риновъ; печальное назначеніе, не обѣщающее ничего хорошаго и скверно характеризующее мозги и намѣренія Омска. Ивановъ-Риновъ былъ и остался бравымъ полицейскимъ, сдѣлавшимъ административную карьеру на жестокости усмиренія Пешпекскаго возстанія; въ военномъ дѣлѣ безграмотенъ, и, какъ казакъ, тяготѣетъ къ атаманамъ; ему по настоящему дисциплинарнымъ батальономъ командовать, а ему дали для возсозданія огромный военный округъ.

7 Декабря. Хорватъ приказалъ пріостановить подвозъ продовольствія Читѣ; въ отвѣтъ на это семеновскій оберъ-хунхузъ Баронъ Унгернъ захватилъ бывшаго на станціи Маньчжурія начальника военныхъ сообщеніи полковника Всеволожскаго и увезъ его къ себѣ въ Даурію.

8 Декабря. Проѣхалъ въ Японію послѣдній членъ директоріи и недолгій Главковерхъ генералъ Болдыревъ; онъ спрашивалъ при свиданіи моего мнѣнія, правильно ли онъ поступилъ, покорившись перевороту безъ борьбы; по его словамъ онъ въ нѣсколько дней справился бы съ Омскомъ, противъ котораго былъ фронтъ, но не считалъ себя въ правѣ начинать междоусобную войну.

Выступленіе Колчака, по мнѣнію Болдырева, вызвало распадъ начавшагося уже объединенія областныхъ правительствъ и сглаживанія партійныхъ несогласій; при Колчакѣ такого объединенія быть уже не можетъ. На мой вопросъ, что такое Омское Правительство, онъ отвѣтилъ «Омское Градоначальство и не болѣе, авторитетъ котораго идетъ не дальше города Омска и его слободъ».

Переворотъ произведенъ мѣстнымъ гарнизономъ, обиженнымъ тѣмъ, что его хотѣли вывести изъ Омска. Сибирская армія, по словамъ Б., въ приличномъ состояніи, но политиканство честолюбивыхъ начальниковъ, постоянные конфликты и частые перевороты очень волнуютъ солдатъ; появилось недовѣріе и подозрительность къ офицерамъ, которыхъ красная пропаганда обвиняетъ въ реакціонныхъ намѣреніяхъ и удачно подкрѣпляетъ эти обвиненія ссылками на текущія событія.

Помоги намъ союзники лѣтомъ, сибирскія арміи, по мнѣнію Болдырева, были бы уже въ Москвѣ. Иванова-Ринова онъ охарактеризовалъ, какъ честолюбиваго интригана, готоваго на все для карьеры; назначили его къ Хорвату только ради того, чтобы избавиться отъ его интригъ и подкоповъ и удалить его возможно дальше отъ Омска. Это

очень похоже на правду, а тогда это не только гнусность, но даже преступленіе со стороны тѣхъ, кто провелъ такое назначеніе.

9 Декабря. Японцы остановили отрядъ Волкова, посланный для ликвидаціи Семенова и пригрозили при неповиновеніи примѣнить оружіе; въ Никольскѣ же заставили вернуть оружіе разоруженной калмыковской сотнѣ. Это уже хуже чѣмъ невмѣшательство, это открытая помощь бунтовщикамъ и прямой ударъ по образующейся русской власти.

Неужели же союзники и Соединенные Штаты не вмѣшаются и не осадятъ назадъ зарвавшихся япошей и не укажутъ имъ, что они не имѣютъ права мѣшаться въ операцію усмиренія бунтовщика и пособника большевикамъ.

Состоялся Георгіевскій парадъ; изъ гражданскихъ, желѣзно-дорожныхъ и дипломатическихъ чиновъ не было ни одного человѣка; боятся замарать свои демократическія ризы прикосновеніемъ къ старому режиму; по жалкой трусости не способны сообразить, что это парадъ людей, наиболѣе отличившихся на поприщѣ защиты родины отъ внѣшнихъ враговъ и прославившихъ русскую доблесть и русское имя. Жалкіе людишки, достойные того, чтобы надъ ними поцарствовалъ какой-нибудь красный хамъ!

Молебенъ отслужили карьеромъ, выбросивъ половину, пѣвчіе пѣли какую-то рубленную капусту; знай это раньше, я бы настоялъ, чтобы заплатить попамъ вдвое или втрое, но чтобы служили прилично.

Въ газетахъ характерная телеграмма начальника читинскихъ мастерскихъ на имя начальника забайкальской желѣзной дороги о томъ, что работы мастерскихъ пріостановлены на два дня, такъ какъ рабочіе по приказанію Семенова перепороты и не въ состояніи выйти на работы. Пришибленный отъ страха начальникъ проситъ начальство оградить отъ повторенія, такъ какъ это «отражается на продуктивности работъ»; на иной протестъ бѣдняга не рѣшился; помирать скоропостижно — кому охота?

10 Декабря. Готовая уже ликвидація атамановъ сорвана японцами; не вмѣшайся они, теперь уже не существовало бы этихъ гнойниковъ и можно было бы радоваться возможности приступить къ созидательной работѣ внѣ кулака, плетки и петли этихъ бѣлыхъ разновидностей комиссаровъ.

Хрещатицкій и его клика тоже стараются во всю, чтобы спасти атамановъ отъ законнаго возмездія, такъ какъ очень боятся Колчака, который еще здѣсь грозился всѣхъ ихъ разогнать и котораго они весьма лягали, когда онъ былъ смѣщенъ; кромѣ того они знаютъ, что адмиралъ, сидя въ Харбинѣ, познакомился съ здѣшними персонажами и ихъ дѣлами и увезъ весьма скверныя воспоминанія.

Калмыковъ пытался захватить поѣздъ Хорвата и арестовать Флуга, но это у него сорвалось. Флугъ окончательно порвалъ съ Хорватомъ и отказался съ нимъ работать послѣ того, какъ тотъ, не сказавъ ему ни слова, отмѣнилъ по уговору Хрещатицкаго уже утвержденныя распоряженія о расформированіи штаба Плѣшкова и другихъ ненужныхъ учрежденій. Когда Флугъ попросилъ увольненія и объяснилъ причину, то Хорватъ прикинулся удивленнымъ, что Ф. обижается «изъ за такихъ пустяковъ» и предложилъ ему оставаться на должности помощника по гражданской части. Флугъ категорически отказался, заявивъ, что настолько расходится во взглядахъ на основныя положенія отношеній, что взаимная работа не возможна.

Давно надо было думать, что дѣльному, честному и болѣющему за Россію Флугу не мѣсто среди той безцвѣтной слякоти, что сидитъ подъ видомъ разныхъ отдѣловъ Управленія на Эгершельдскихъ путяхъ; одному праведнику не очистить Содома и Гоморры.

11 Декабря. Японцы воспретили движеніе всѣхъ отрядовъ, двинутыхъ для ликвидаціи Семенова. Неизвѣстно, что дѣлаетъ Омскъ для остановки этого возмутительнаго вмѣшательства; говорятъ, что всѣ сообщенія съ Омскомъ прерваны Читой, телеграммы не пропускаются и остановлены всѣ поѣзда, идущіе на западъ. Происходитъ очевидное возстаніе Читы противъ Омска и послѣдній долженъ биться на два фронта. Японцы раскрыли свои карты: имъ не нужно воскресшей Россіи, разъ они поддерживаютъ столь рѣшительно гнойный, развратный Читинскій прыщъ.

12 Декабря. Затяжка Семеновскаго инцидента дѣлается тревожной; союзники безмолвствуютъ. Сегодня получены свѣдѣнія, что японцы разоружили сибирскія части, двинутыя для ликвидаціи Читы; это уже вѣнецъ позора и вмѣстѣ съ тѣмъ патентъ на званіе Іуды Гришкѣ Семенову, который ради спасенія своей блудливой фигуры направилъ друзей японцевъ на русскія войска.

13 Декабря. Не понимаю, какимъ образомъ такіе представители нашей арміи, какъ Плѣшковъ и Ко. могутъ продолжать лобызаться съ японцами; вѣдь разоружены русскія войска, посланныя Верховнымъ Главнокомандующимъ, признаннымъ всей Сибирью и Хорватомъ; можно было имѣть извѣстные «но» и неудовольствія на вице-адмирала А. В. Колчака, но все это должно быть спрятано по отношенію къ Верховному Правителю адмиралу Колчаку.

14 Декабря. Газеты увѣряютъ, что Семеновскій инцидентъ оконченъ и что Чита согласилась признать власть адмирала; мѣстные семеновцы хвастаются, что ничего подобнаго быть не можетъ, такъ какъ за ними стоятъ японцы, которые никому не позволятъ пальцемъ тронуть ихъ атамана. Вся карьера Семенова проходитъ за чьей-нибудь спиной — то за китайской, то за Хорватовской, а теперь за японской.

15 Декабря. Хорватъ утвердилъ назначеніе Хрещатицкаго инспекторомъ японскихъ формированій; этимъ кладется начало объяпоненію нашей арміи, ибо невозможно даже и думать, чтобы инспекторъ и состоящіе при немъ япоруссы были бы способны защищать русскіе интересы. Совпаденіе этого утвержденія съ Семеновской исторіей дѣлаетъ его еще болѣе печальнымъ.

16 Декабря. Ночью ограбили коммерческое собраніе; когда туда явилась полиція, то въ одной комнатѣ нашла гостей, продолжавшихъ отъ страха сидѣть съ поднятыми вверхъ руками. Говорятъ, что грабители — выгнанные изъ разныхъ организацій офицеры.

17 Декабря. Флугъ уѣхалъ на Западъ, онъ хочетъ побывать въ Омскѣ и, смотря по обстановкѣ, пробраться къ Деникину; было бы хорошо, если бы его использовалъ Омскъ, — такъ какъ у него большой военный и административный опытъ и онъ привыкъ работать на отвѣтственныхъ постахъ.

18 Декабря. Сообщеніе съ Забайкальемъ остается прерваннымъ; Семеновъ, опредѣленно и крѣпко поддерживаемый японцами, продолжаетъ занимать непримиримое положеніе; союзники продолжаютъ безмолвствовать и разрѣшать этимъ японцамъ творить ихъ злое дѣло; никакихъ оправданій у японцевъ быть не можетъ, ибо они превосходно знаютъ, что такое представляютъ изъ себя атаманы; они дѣлаютъ то-же, что дѣлали до сихъ поръ въ Китаѣ, разводятъ ссоры и грязь, чтобы ловить рыбку въ мутной водѣ.

Говорятъ, что изъ Харбина ѣздила для уговоровъ Семенова какая-то англофранцузская депутація, но обнаглѣвшій атаманъ отказалъ ей въ пріемѣ; депутаты запамятовали, что такихъ нахаловъ надо бить ихъ же собственнымъ оружіемъ, т. е. дубьемъ.

19 Декабря. Въ церкви охранной стражи была панихида по Государѣ, было много простыхъ людей. Здѣсь всѣ помѣшались на сіонскихъ протоколахъ, какъ будто бы нѣтъ болѣе полезныхъ занятій.

20 Декабря. Видѣлъ утвержденную Хорватомъ инструкцію инспектору формированій; Хорватъ вывернулся изъ непріятнаго положенія мастерски, сохранилъ всю внѣшнюю форму, но сведя почти на нѣтъ права инспектора.

Здѣсь идетъ сильное украинское движеніе, формируются украинскіе курени; на мѣсто гетмана дальневосточныхъ украинцевъ пытался пролѣзть тотъ-же Хрещатицкій.

Семеновская авантюра продолжается. Союзники полувмѣшались, но въ пользу атамана; сдѣлано это семеновскимъ пріятелемъ и прихлебателемъ, французскимъ капитаномъ Пелліо, который обошелъ пріѣхавшаго французскаго генерала Жанена, настроилъ его въ пользу Семенова, и теперь Жаненъ работаетъ, чтобы свести все на нѣтъ. Значитъ, здоровый и нужный для утвержденія авторитета Омска исходъ становится почти безнадежнымъ, ибо противъ него не только японцы, но и главный военный представитель союзниковъ.

Невѣроятно печально наше положеніе, когда жизненнѣйшіе вопросы нашего существованія рѣшаются японскими, французскими и иными капиташками, прикормлен-

ными и припоенными тароватымъ по этой части атаманомъ; тамъ за ними ухаживаютъ, ублаготворяютъ ихъ чѣмъ угодно, до женщинъ включительно, и получаютъ за это заступничество и радужныя донесенія.

Въ Харбинѣ появились семеновскіе вербовщики и сманиваютъ молодежь на службу къ атаману, рисуя соблазнительныя картины вольной, бездѣльной и не знающей удержа жизни; одному изъ артиллерійскихъ офицеровъ такъ и говорили: «жремъ до отвала, пьемъ до безъ просыпа, препятствій никакихъ, а служба одно удовольствіе».

Съ прекращеніемъ войны на западѣ чехи бросили Уральскій фронтъ и ушли въ тылъ; въ Омскѣ появилась уже прочная эсеровская организація, работающая противъ власти Адмирала; вотъ уже воистину безплатные старатели для большевиковъ. Здѣсь много говорятъ о необходимости передать званіе Верховнаго Правителя генералу Хорвату, оставивъ адмирала военно-морскимъ министромъ.

21 Декабря. Вступилъ въ исполненіе обязанностей предсѣдателя междувѣдомственной квартирной комиссіи; дѣло не сложное, но очень запутанное, а, главное, перемѣшанное съ разными вліяніями; какъ и вездѣ, сильное засилье японцевъ, передъ которыми всѣ присѣдаютъ и заискиваютъ; меня хотѣли тоже поставить на эти рельсы, но я немедленно огрызнулся и заявилъ, что ни въ японизаціи, ни въ іенизаціи не нуждаюсь, останусь всегда русскимъ генераломъ, буду высоко держать русскій флагъ и, пока въ силахъ, показывать, что мы здѣсь хозяева, — какъ ни скверно наше положеніе, не намъ ухудшать его прибѣдниваніемъ и заискиваніемъ.

22 Декабря. Въ хорватовскихъ кругахъ поговариваютъ объ его уходѣ вслѣдствіе неладовъ съ Омскомъ, который де держитъ несоотвѣтственный по отношенію къ Верховному Уполномоченному тонъ. Отъ Омска это станется; тамъ, видимо, зародились свои юпитеры.

Самъ Хорватъ не поссорится изъ-за пустяковъ, а, если его цукаютъ, то поступаютъ глупо и негосударственно; имъ самимъ со всѣмъ не управиться, почему и слѣдуетъ высоко поддерживать такихъ исключительныхъ по своему значенію лицъ, какъ правитель всего дальняго востока; они знаютъ хорошо, до чего сложно положеніе Хорвата при наличіи на его шеѣ атамановъ.

24 Декабря. Штабъ россійскихъ войскъ расформировывается; Плѣшкову выдумали новое амплуа подъ названіемъ Главноначальствующаго въ полосѣ отчужденія, что куда больше къ нему подходитъ; былъ мучимъ разговорами бывшаго жандарма полковника Барона Корфъ, болтающагося здѣсь по разнымъ прикомандированіямъ; онъ увѣряетъ, что состоитъ при штабѣ американскихъ войскъ для информаціи; если это вѣрно, то надо быть идіотомъ, чтобы дать такое назначеніе этому простодушному, ограниченному и не въ мѣру болтливому толстяку, считающему себя великимъ дипломатомъ и хитрецомъ; сегодня онъ два часа засыпалъ меня разными тайнами, надъ которыми можно было только хохотать.

25 Декабря. Хорватъ объявилъ призывъ всѣхъ офицеровъ до 45 лѣтъ; говорятъ, что рѣшено формировать офицерскіе отряды для борьбы съ большевиками; затѣя неудачная, ибо кто хотѣлъ борьбы, тотъ самъ уже пошелъ, а собирать и тащить на поприще гражданской войны всѣхъ упирающихся и прятавшихся совершенно безполезно; лучше уже ихъ употребить на внутреннюю службу, на возстановленіе полиціи и на административныя должности и по другимъ вѣдомствамъ; тамъ многіе изъ нихъ будутъ очень полезны своей добросовѣстностью и привычкой къ работѣ.

26 Декабря. Страшно тянетъ на Уральскій фронтъ; просилъ еще Флуга сказать въ Омскѣ, что я съ удовольствіемъ пойду на любую должность по генеральному штабу, но только въ строевомъ штабѣ; но надежды мало, такъ какъ говорятъ, что тамъ старшихъ чиновъ не любятъ, ибо молодежь боится конкурренціи; я написалъ, что готовъ идти подъ флагомъ отставного съ допускомъ для исполненія должности хотя бы старшаго адъютанта по службѣ генеральнаго штаба.

27 Декабря. Семеновскій возъ застрялъ; въ него впутались союзные миротворцы съ Жаненомъ во главѣ, а Омскъ съ выпученными глазами ожидаетъ рѣшенія званыхъ и незваныхъ акушеровъ. Адмиралу слѣдовало бы собрать хорошій отрядъ и самому по-

вести его на Читу; дряблое не можетъ быть прочнымъ и долговѣчнымъ; надо поставить союзникамъ ультиматумъ: Россія или Чита, Колчакъ или Семеновъ.

28 Декабря. Здѣсь гоняются за подлежащими призыву офицерами, ловятъ ихъ и отправляютъ въ Никольскъ, а тамошнее строевое начальство чертыхается, такъ какъ не знаетъ, что съ присланными дѣлать, такъ какъ у него нѣтъ ни войскъ, ни солдатъ, ни казармъ.

Наши полуграмотные верхи знаютъ жупельныя слова «мобилизація», «поголовный призывъ», но примѣняютъ ихъ на манеръ медвѣдя въ Крыловской баснѣ.

Пока что, среди взбаламученнаго офицерства поднялась острая волна недовольства, такъ какъ сорвали съ мѣста сотни несчастныхъ семейныхъ офицеровъ, измученныхъ, изголодавшихся, увидавшихъ хоть какой-нибудь просвѣтъ въ найденномъ мѣстѣ и вдругъ этого лишенныхъ. Въ Никольскѣ настроеніе очень возбужденное; открыто ругаютъ глупое начальство, сыпящее такими распоряженіями, и указываютъ, что нельзя мучить людей только за то, что они офицеры.

29 Декабря. Изъ Никольска пишутъ, что тамъ нѣтъ ни казармъ, ни квартиръ, ни войскъ, ни снаряженія, ни продовольствія, ни одежды и сапогъ; многіе офицеры не имѣютъ теплой одежды; приходится жить въ домахъ съ выбитыми стеклами и, такъ какъ топлива нѣтъ, то топятъ разбираемыми заборами, запасной мебелью и т. п.

Для чего же было собирать офицеровъ? Вѣдь, нельзя же отдавать такія распоряженія думая тѣмъ мѣстомъ, которое назначено человѣку для сидѣнья.

Такъ можно и самаго дисциплинированнаго крайняго праваго заставить полѣзть на начальство съ кулаками.

30 Декабря. Первое засѣданіе комиссіи; пришлось столкнуться съ записочками разныхъ высокихъ лицъ, прежде вліявшими на очередь квартиръ.

Отвергъ сіе самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Телеграмма изъ Омска сообщаетъ о разгромѣ красныхъ подъ Пермью и занятіи этого города; сообщеніе несомнѣнно прикрашено, ибо всѣ мы великолѣпно знаемъ, что крупныхъ операцій и большихъ боевъ нельзя вести въ морозы больше 20 градусовъ и при тѣхъ глубокихъ снѣгахъ, которые тамъ лежатъ. Признаюсь, что я съ большей радостью прочиталъ бы о занятіи сибирскими войсками Читы и о разоруженіи семеновцевъ.

31 Декабря. Не могу добиться автомобиля для членовъ комиссіи, коимъ надо объѣхать сотни квартиръ и провѣрить правильность занятія. Зато у Главноначальствующаго съ супругой ихъ нѣсколько, у Хрещатицкаго съ компаніей тоже. Рекомендовали просить у японцевъ, которые де по этой части очень любезны, — конечно, отказался.

Читалъ издаваемую въ Омскѣ газету Русскій Воинъ; впечатлѣніе вынесъ безотрадное; жалкое подражаніе Русскому Инвалиду, но только вмѣсто славословій Государю лакейская угодливость по отношенію къ Верховному Правителю; очевидно, платное мыловареніе въ ходу при всѣхъ режимахъ.

Провожавшіе въ Омскѣ ѣдущаго на ны Иванова-Ринова разразились посылкой привѣтственной телеграммы вору, убійцѣ и покровителю всякой мерзости атаману Калмыкову, тому самому, который обѣщался выпороть сибирскаго военнаго министра; острятъ, что это сдѣлано, чтобы задобрить рѣшительнаго атамана и этимъ гарантировать тѣлесную неприкосновенность новаго командующаго войсками.

Грустно и тревожно то, что телеграмма подписана предсѣдателемъ совѣта министровъ Вологодскимъ и начальникомъ штаба Верховнаго полковникомъ Лебедевымъ (откуда-то явленный вундеркиндъ). Можно напиваться, конечно, до любого градуса, но не во всякомъ званіи, и, напившись, нельзя ставить своей подписи на любой телеграммѣ.

1919 годъ.

1 Января. Что-то принесетъ этотъ годъ, уже третій съ тѣхъ поръ, какъ надъ Россіей разразилась небывалая бѣда, застлавшая ее краснымъ туманомъ, покрывшая ее ужасомъ. Смотрю впередъ мрачно, ибо здѣсь эгоизмъ, мерзость, чисто приходскіе интересы, а въ Омскѣ тоже что-то пестрое, дряблое и импотентное. Нѣтъ порыва къ подвигу, нѣтъ спо-

собности къ самоотреченію и, видимо, уже неоткуда имъ придти; и нѣтъ тутъ пессимизма; это только трезвый, безпристрастный, аналитическій выводъ изъ суммы тѣхъ фактовъ, наблюденій и данныхъ, кои я вижу, слышу и узнаю.

2 Января. Мучусь въ своей, оказавшейся довольно безпокойной, комиссіи; особенно одолѣваютъ дамы, среди которыхъ есть и немогущія подписать фамилію; теперь при демократизаціи попадаются самыя неожиданныя «офицерши».

Сплетенъ и жалобъ море; слишкомъ жгучъ и шкуренъ квартирный вопросъ, разверзающій всѣ бездны женскаго краснорѣчія, выворачивающаго все грязное бѣлье конкуррентовъ, сосѣдей и пр. и пр.

3 Января. На Русскомъ Островѣ во Владивостокѣ уже работаетъ русско-англійская школа, назначенная для окончанія подготовки недоученныхъ прежде молодыхъ офицеровъ; тамъ установленъ порядокъ и офицеровъ заставляютъ учиться и работать весь день. Это какъ разъ то, что сейчасъ и надо, но разболтавшимся экземплярамъ это очень не нравится и оттуда жалуются, что ихъ третируютъ, какъ юнкеровъ.

Не зная, что дѣлать съ призванными въ Никольскѣ офицерами, ихъ зачисляютъ на условный учетъ и отпускаютъ домой. Для чего же было огородъ городить?

4 Января. По словамъ Самойлова отдѣлы охранной стражи предположено развернуть въ дивизіи и тогда мнѣ можно будетъ разсчитывать на полученіе одной изъ нихъ; перспектива очень пріятная, такъ какъ попаду въ свое дѣло и увѣренъ, что сумѣю получить хорошіе результаты.

Испугавшись мобилизаціи и Русскоостровской школы, многіе готовы улизнуть изъ нашихъ странъ; здѣсь идетъ запись желающихъ ѣхать на Кавказскій фронтъ; охотниковъ не мало, такъ какъ предстоитъ новое ничегонедѣланіе во время долгаго переѣзда.

Выпускъ членовъ директоріи за границу уже принесъ свои печальные результаты; товарищи директоры, отставленные отъ власти, не обладаютъ такими качествами, чтобы спрятать свою обиду, и не мѣшать тѣмъ, кто хорошо ли, или дурно, но борется съ большевиками. Они подъ орѣхъ расписали Омскъ въ своихъ заграничныхъ интервью, и дѣло съ реальной помощью союзниковъ сразу сѣло — нельзя же помогать такимъ крутымъ реакціонерамъ. Трудно судить отсюда, что такое Омскъ, но у союзниковъ есть право и возможность поставить твердыя рамки той власти, которой они будутъ помогать, заставить ее проводить опредѣленную нереакціонную программу.

Отпустивъ заграницу отставленныхъ соперниковъ и партійныхъ камбалъ по односторонности, Омскъ сдѣлалъ большую ошибку; ихъ надо было нѣсколько попридержать.

5 Января. Оффиціально объявлено, что половина японскихъ войскъ уходитъ домой. Газеты сообщаютъ потрясающія подробности тѣхъ звѣрствъ, которыя совершались красными при отходѣ отъ Перми. Военныя подробности подтверждаютъ мое мнѣніе, что Пермь была взята налетомъ и крупныхъ боевъ тамъ не было; большевики не ожидали нападенія, распоясались и кейфовали, а наши ихъ и накрыли.

Въ Омскѣ сформировано морское министерство; сіе уже, какъ говорится, отъ лукаваго; если это слабость Правителя, то предсѣдатель совѣта министровъ обязанъ былъ доложить, что не надо дѣлать смѣшныхъ поступковъ.

6 Января. Былъ на обѣдѣ, устроенномъ управляющимъ дорогой въ честь японскаго генерала Такеучи; мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ японцемъ, хорошо говорившимъ по-русски, и я ему очень откровенно высказалъ свой взглядъ на ихъ поведеніе по отношенію къ дѣлу возстановленія у насъ порядка. Было противно смотрѣть, какъ наши высокіе военные представители орали до хрипоты «банзай» и лобызались съ японцами; можно быть вѣжливымъ, но нельзя терять достоинства, особенно когда присутствуешь, какъ оффиціальное лицо.

7 Января. Харбинъ веселится и кутитъ; сообщеніе съ западомъ подбодрило торговыя дѣла; спекулянты наживаютъ цѣлыя состоянія; погоня за вагонами идетъ во всю; особенно цѣнятся наряды на вагоны на югъ и на востокъ, необходимые для вывоза бобовъ и зерна; въ собраніи, не стѣсняясь говорятъ, что начальники нѣкоторыхъ станцій платятъ распредѣлительной Харбинской инстанціи по 200—500 рублей за вагонъ и, получивъ его, продаютъ экспортерамъ по 5000 р. и болѣе въ мѣстномъ сообщеніи и за десятки тысячъ

въ случаѣ возможности отправить западнымъ транзитомъ; въ комнатѣ для азартныхъ игръ начальники хлѣбныхъ и бобовыхъ станцій швыряютъ тысячами, а послѣ въ кабакахъ прокучиваютъ за ночь десятки тысячъ рублей.

Оппозиція прямо называетъ, кто изъ старшихъ агентовъ дороги съ какимъ изъ экспортеровъ находится въ компаніи и кому сколько платится.

8 Января. Ивановъ-Риновъ двигается сюда съ бронированными поѣздами; послѣдніе, какъ говорятъ, для того, чтобы имѣть возможность попасть въ свою штабъ-квартиру Хабаровскъ и выкурить засѣвшаго тамъ Калмыкова.

Хорватъ сидитъ въ полномъ безсиліи на Эгершельдѣ и производитъ въ слѣдующіе чины весь свой антуражъ, подписывая приказы заднимъ числомъ, когда онъ числился Временнымъ Правителемъ и по собственному толкованію могъ производить въ любые чины.

Судя по разсказамъ чиновъ штаба Главноначальствующаго, Хрещатицкій сейчасъ на побѣгушкахъ у японцевъ.

9 Января. Опять меня упрекаютъ въ пессимизмѣ; да откуда же мнѣ набраться оптимизма и розовыхъ надеждъ; вѣдь, у меня нѣтъ ничего личнаго ни противъ Колчака, ни противъ Хорвата и другихъ персонажей нашего кавардака. Я беру факты, какъ они есть, я представляю себѣ задачи, которыя надо осуществить, и смотрю, что дѣлается и есть ли надежда, что данные люди ихъ выполнятъ.

Я дѣлаю то, что мы военные дѣлаемъ передъ всякой операціей; кромѣ того, я стараюсь быть максимально снисходительнымъ ко всѣмъ актерамъ происходящихъ трагедій, комедій, оперетокъ и фарсовъ, понимая, что идеальныхъ людей не было никогда, а война и революція многое потрепала и разложила.

Мои грустные выводы только результатъ формулы, составленной изъ данныхъ живыхъ фактовъ, и не мой пессимизмъ виноватъ въ томъ, что они печальны и мрачны.

10 Января. Съ Урала неважныя вѣсти; красными взята Уфа и они двигаются на Челябинскъ; чехи причинили намъ не мало зла, уйдя съ фронта.

Товарищъ Троцкій долженъ горячо поблагодарить товарища Семенова за то, что онъ въ самое нужное время устроилъ въ тылу Омска свое пронунціаменто; Омску очень нужны были на фронтѣ отряды Волкова, части Семенова, Калмыкова и т. п., безцѣльно для дѣла параллизовавшіе другъ друга въ тылу.

11 Января. Былъ въ расформировываемомъ штабѣ россійскихъ войскъ, пытаясь получить какое-либо оборудованіе для своей комиссіи; оказалось, что все захвачено уже Хрещатицкимъ, который передъ сдачей выписалъ на секретные расходы милліонъ рублей.

12 Января. Харбинъ веселится; рестораны торгуютъ еженощно на многіе десятки тысячъ рублей; бутылки вина стоимостью въ сотни рублей выпиваются безъ счета; на дѣло же спасенія родины даютъ немногіе, а остальные не дадутъ и рубля.

Пріятно извѣстіе, что на Сибирской магистрали оказалось много разнаго добра, и это нѣсколько облегчаетъ положеніе Омска до тѣхъ поръ, пока союзная помощь приметъ опредѣленныя формы; безъ боевыхъ припасовъ и военнаго снабженія нельзя разсчитывать добраться до Москвы и побѣдить несомнѣнно отчаянное сопротивленіе красныхъ въ послѣдней борьбѣ за власть.

13 Января. Нѣтъ признаковъ, чтобы власть крѣпла; напротивъ все за то, что анархія расползается. Разъ не справились съ атаманщиной въ Читѣ, то не справятся съ ея отростками, которые вылѣзаютъ всюду, во всѣхъ отрасляхъ управленія и жизни. Мрачно и во всемъ мірѣ. Клемансо былъ правъ, когда сказалъ, что было легче покончить съ войной, чѣмъ будетъ завоевать прочный миръ.

Наши, сидящіе заграницей, пустобрехи Львовъ, Лебедевъ и иные вѣщаютъ, что русскій народъ усталъ отъ большевизма и готовъ съ нимъ расправиться; это неправда и говорящіе не знаютъ русскаго народа; большевизмъ пока еще пожираетъ буржуевъ, народа не трогаетъ и ему даже частично мирволитъ; спихнуть большевиковъ онъ, быть можетъ, и радъ, но не ради какихъ либо высокихъ принциповъ. Лозунгъ всеобщей борьбы съ большевизмомъ еще не занялся надъ тѣмъ моремъ земли, которое два года тому назадъ именовалось Русской Имперіей, а нынѣ стало Царствомъ Краснаго Ужаса.

14 Января. Вечеромъ пришли неожиданно полковники Бурлинъ и Кондрашевъ, ѣдущіе въ Омскъ; по ихъ словамъ формированіе новыхъ частей въ Приморской Области стало въ мертвую; въ 9-й Сибирской дивизіи на лицо одни офицеры, да и тѣ разбѣгаются сманиваемые атаманскими вербовщиками. Въ Хорватѣ разочаровались всѣ круги, видя, что, при его безволіи и при одіозномъ подборѣ руководящаго имъ антуража, ничего не выйдетъ.

15 Января. Правленіе дороги отказало въ кредитахъ на содержаніе штата Главноначальствующаго, указавъ, что частной дорогѣ нѣтъ никакого дѣла до такихъ учрежденій. До сихъ поръ на счетъ дороги относилось много постороннихъ расходовъ, такъ какъ, съ прекращеніемъ неослабнаго надзора Петербургскаго Контроля Правленія дороги, Хорватъ сдѣлался самостоятельнымъ расходчикомъ.

Передалъ Бурлину, который назначается помощникомъ Лебедева, то впечатлѣніе, которое производятъ здѣсь шалые и непродуманные приказы Омска.

16 Января. Былъ на обѣдѣ, устроенномъ китайскими властями въ честь Хорвата; внѣшность европейская, меню китайское, а поведеніе нѣкоторыхъ напившихся сановниковъ свинское, съ тыканіемъ, хлопаніемъ другъ друга по пузу и разсказами пошлыхъ сальностей.

17 Января. Семеновскій инцидентъ перешелъ въ какое-то хроническое затвердѣніе; заставы въ Читѣ сняты и сообщеніе возстановлено, но остальное въ прежнемъ положеніи. Пріѣхавшіе изъ Владивостока разсказываютъ о какихъ-то желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, обѣщанныхъ компаніи изъ Слауты (начальникъ коммерческой части) и Бенуа (родственникъ M-me Хорватъ). Неужели Хорватъ не сознаетъ огромнѣйшаго вреда, причиняемаго такимъ непотизмомъ тому дѣлу, успѣшнымъ выполненіемъ котораго онъ могъ создать себѣ вѣчную славу.

18 Января. Прибылъ проѣздомъ на востокъ Ивановъ-Риновъ; онъ долго просидѣлъ въ Читѣ и снюхался тамъ съ Семеновымъ; тѣ данныя, которыя имѣются въ мѣстной контръразвѣдкѣ, убѣдительно показываютъ какую огромную ошибку сдѣлалъ Омскъ, сплавивъ на Дальній Востокъ этого честолюбиваго интригана и, вдобавокъ, еще казака. Глупость Омска дошла до того, что за Ивановымъ-Риновымъ сохранили званіе командующаго Сибирской арміей спеціально для того, чтобы сдѣлать его независимымъ отъ Хорвата, который не въ милости у Омска. Не знаю, какой эпитетъ примѣнить къ тѣмъ людямъ, которые, сидя на высокихъ постахъ управленія, позволяютъ себѣ дѣлать такія гнусныя комбинаціи; у большевиковъ этого навѣрное нѣтъ.

Ни у кого не зазрила совѣсть сплавить на важнѣйшую и деликатнѣйшую окраину опаснаго интригана, ненасытнаго честолюбца и Держиморду только ради собственнаго спокойствія; ни у кого не шевельнулось чувство гадливости, утверждая посылку завѣдомаго и особо забронированнаго антагониста и несомнѣннаго подкопщика того лица, которому довѣрили постъ Верховнаго Уполномоченнаго. Напрашивается вопросъ, — что это, глупость или измѣна?

19 Января. Бѣженцы, прибывающіе съ Волги, сообщаютъ, что вся власть сейчасъ въ рукахъ большевиковъ, которые безпощадно давятъ всякое сопротивленіе; офицеры и всѣ опасные элементы взяты на учетъ и лишены всякой возможности сорганизоваться. Для усиленія своего положенія большевики не стѣсняются пользоваться услугами самыхъ темныхъ и преступныхъ элементовъ. Принципы, сдерживающіе человѣка-звѣря, разсосались; былые запоры сломаны, и наиболѣе хищные звѣри вылѣзли наверхъ.

Прибывшій изъ Хабаровска коммерсантъ разсказывалъ, какъ, по занятіи ихъ города, Калмыковъ разстрѣливалъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ большевизмѣ, причемъ разстрѣливаемыхъ ставили на берегу обрыва Амура, около памятника Муравьева, съ тѣмъ, чтобы раненые летѣли внизъ и разбивались; какимъ гнуснымъ извергомъ надо быть, чтобы додуматься до такого сверхсадизма.

20 Января. Объявлено о прибытіи въ Харбинъ американскихъ войскъ; въ управленскихъ кругахъ это объясняютъ необходимостью компенсировать слишкомъ сильное вліяніе японцевъ; мнѣ дана нелегкая задача обезпечить американцевъ казармами, а для этого надо потѣснить японцевъ и китайцевъ, которые захватили всѣ лучшія казармы.

Ивановъ-Риновъ своими сообщеніями хочетъ затмить Хлестакова; изъ него такъ и лѣзетъ отовсюду расторопный полицейскій, привыкшій всегда докладывать о благополучіи; онъ хвастался, что сейчасъ въ Сибири самая твердая власть; слушатели не догадались спросить, въ чемъ же состоитъ ея твердость и насколько твердость сія сказалась въ Семеновскомъ инцидентѣ; тутъ опять полицейская психологія, которая твердостью считаетъ возможность выпороть любого обывателя, разстрѣлять дюжину захваченныхъ большевиковъ и т. п.

21 Января. Семеновъ семенизировалъ кабинетскіе пріиски и передалъ ихъ для эксплоатаціи своей правой рукѣ есаулу Барону Унгерну, спеціалисту по поркѣ и разстрѣламъ. Унгернъ сидитъ обыкновенно въ своемъ застѣнкѣ станціи Дауріи и чинитъ тамъ расправу; когда онъ выѣзжаетъ изъ дома, то всѣ, издалека его опознающіе, моментально прячутся, ибо, если онъ не въ духѣ, то такая встрѣча можетъ кончиться арестомъ, поркой, а иногда и разстрѣломъ. Онъ рѣзко отличается отъ семеновскихъ сателитовъ своей храбростью и безкорыстіемъ; онъ мститъ за свою семью, убитую революціонерами, и для себя лично ничего не ищетъ; въ этомъ отношеніи, онъ несравненно симпатичнѣе всей остальной атаманской своры.

Одновременно Семеновъ наложилъ лапу и на доходы Маньчжурской таможни. Идетъ отъявленный грабежъ, разворовывается государственное достояніе, а японцы ничего не видятъ, союзники воздерживаются, Жаненъ миротворствуетъ и грабителямъ потворствуетъ. Недурная компанія радѣтелей по возстановленію Россіи. Непонятно, почему Омскъ не аппелируетъ въ Парижъ, Лондонъ и Вашингтонъ; мнѣ думается, что тамъ не знаютъ настоящей правды.

22 Января. Ивановъ-Риновъ разсказываетъ, что у него (онъ остался номинально командующимъ Сибирской арміей) превосходная армія, и наобѣщалъ массу реформъ; все это дѣлается въ кругу старшихъ начальниковъ; спрашивается, ради чего онъ всѣхъ обманываетъ; сейчасъ, какъ никогда, надо знать правду и не сомнѣваться, что верхи не боятся высказывать истину. Мы имѣемъ уже десятки лицъ, прибывшихъ изъ арміи; мы читали десятки сообщеній изъ Западной Сибири о бунтахъ и безпорядкахъ; наконецъ, мы не грудныя дѣти и знаемъ, изъ чего состоитъ сибирская армія и въ какомъ она состояніи.

Нахохлившись, какъ павлинъ, въ величіи своего положенія, Ивановъ-Риновъ возвѣстилъ, что его опытъ убѣдилъ его въ томъ, что и сейчасъ призывы даютъ отличныхъ солдатъ; въ своемъ брехологическомъ усердіи, онъ уже забылъ, что его отборный конвой, привезенный имъ въ первый сюда пріѣздъ, два раза бунтовался и Самойлову стоило большихъ трудовъ, чтобы сплавить его обратно въ Сибирь.

23 Января. Возвѣщено, что атаманъ Семеновъ прибудетъ въ Харбинъ лечиться послѣ тяжелыхъ трудовъ; его представители объявили, что онъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ, и что все происшедшее приказано считать результатомъ слишкомъ горячей любви къ родинѣ. Разъ Омску помѣшали расправиться съ Атаманщиной, то теперь все равно какой исходъ будетъ найденъ для выхода изъ создавшагося конфликта; атаманщина, какъ ракъ или саркома, все равно все сожретъ.

По даннымъ развѣдки съ укрѣпленіемъ здѣсь Иванова-Ринова надо готовиться къ объединенію его съ атаманами и установленію здѣсь казачьей гегемоніи; покажутъ намъ станичники, гдѣ живетъ la mère de Kouzka.

Къ намъ и на Владивостокъ двигаются деташементы уполномоченныхъ и заготовителей съ запада; сегодня по городу ходилъ взводъ какого-то атамана Анненкова въ огромныхъ папахахъ съ висячими шлыками, на которыхъ намалеваны огромные черепа съ костями.

Уполномоченные и заготовители привезли съ собой наряды на вагоны и къ нимъ присосались мѣстные спекулянты; деньги льются рѣками; когда одному изъ такихъ заготовителей, мальчишкѣ подпоручику выразили удивленіе, что онъ платитъ по счетамъ въ ресторанахъ десятки тысячъ рублей, то онъ дерзко отвѣтилъ, «а я чѣмъ хуже Семенова, который, празднуя свою свадьбу съ Машкой Шарабанъ, заплатилъ за ужинъ 40 000 рублей».

Другой подпоручикъ явился къ Самойлову съ жалобой на коменданта станціи за то, что тотъ не даетъ ему вагоновъ на перевозъ въ Курганъ 12 тысячъ пудовъ груза, купленнаго имъ для его авіоотряда.

Самойловъ потребовалъ донесенія изъ чего состоитъ грузъ, сколько стоитъ и откуда у отправителя деньги (грузъ стоилъ больше нѣсколькихъ милліоновъ рублей). Грузъ оказался мануфактурой и товаромъ, причемъ деньги на него, по докладу подпоручика, были даны взаймы какимъ-то китайцемъ.

Юный рвачъ не постѣснялся лѣзть къ начальнику гарнизона за содѣйствіемъ въ явно мошеннической продѣлкѣ.

24 Января. Былъ мучимъ десятками просительницъ по части квартиръ; здѣсь ввели систему уплотненія, но при осуществленіи не разбирали класса вселяемыхъ и получилось часто сожительство совершенно несходныхъ между собою элементовъ и начались внутренніе скандалы. Все это тащится въ комиссію и выкладывается со всѣми печатными и непечатными подробностями; дамы сейчасъ весьма рѣшительныя; одна, недовольная членомъ комиссіи ротмистромъ Ласковичемъ, дама хватила ему: «за такія дѣла порютъ». Ротмистръ, желая отыграться отъ этой дерзости шуткой, отвѣтилъ ссылкой на равноправіе женщинъ; тогда собесѣдница повернулась, приподняла юбки и предложила ротмистру «попробовать ее выпороть».

25 Января. Видѣлъ Плѣшкова, который, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, что Ивановъ-Риновъ ему хвастался, что, когда Колчакъ однажды возвысилъ на него голосъ, то Ивановъ-Риновъ приказалъ адмиралу замолчать, пригрозивъ, что ему стоитъ нажать кнопку и отъ адмирала не останется и слѣда. Это же, но еще въ болѣе рѣшительной формѣ я слышалъ изъ семеновскихъ круговъ. Какъ это характерно для личности Иванова-Ринова; прежде всего это, конечно, ложь, ибо Колчакъ, не какъ правитель, а какъ человѣкъ, такихъ словъ не стерпѣлъ бы и двинулъ бы Иванова-Ринова чѣмъ попало бы подъ руку; затѣмъ, эта ложь муссируется и распространяется однимъ изъ виднѣйшихъ представителей Омска, очевидно, съ цѣлью придать себѣ вѣса и унизить ту власть, представителемъ которой онъ самъ является; самая фраза о кнопкѣ и исчезновеніи заимствована изъ разсказовъ о великихъ юпитерахъ прошлаго, завѣтныхъ образцахъ для достиженія для бывшаго полицейскаго; онъ дожилъ до возможности хлестко отчеканить эту фразу, о чемъ такъ часто прежде мечталъ, и онъ ее произноситъ, прилгавъ ее для важности къ особѣ Верховнаго Правителя.

И такую гнусную слякоть прислали быть старшимъ военнымъ начальникомъ Дальняго Востока; какъ же тутъ не быть самымъ чернымъ пессимистомъ!

26 Января. Старшій контролеръ разсказалъ про эпопею съ голодными бобами, на которой организовавшая ее компанія заработала до десяти милліоновъ рублей. Дошлые харбинскіе дѣльцы совокупно съ нѣсколькими китайскими сановниками, подъ видомъ спасенія голодающихъ въ южномъ Китаѣ, получили внѣ очереди наряды вагоновъ для отправки туда бобовъ, погрузили бобы и отправили ихъ въ Дайренъ. Голодающіе китайцы были только предлогомъ для полученія вагоновъ, которые въ нормальномъ порядкѣ даются по записи еще 1917 года, т. к. на дорогѣ лежатъ колоссальные запасы бобовъ урожаевъ, кажется, трехъ лѣтъ, всего до 20 милліоновъ пудовъ. Бобы, погруженные въ вагонъ, цѣнятся на 4—5 рублей дороже лежащихъ на землѣ; послѣдніе же портятся и поэтому всякій готовъ заплатить съ пуда эти 4—5 рублей за внѣочередной вагонъ.

Говорятъ, что такимъ образомъ отправлено до двухъ милліоновъ пудовъ; обнаружено это контролемъ, но приказано замять, такъ какъ это «задѣваетъ дружескія отношенія съ Китаемъ и дискредитируетъ замѣшанныя въ этомъ дѣлѣ китайскія власти. Доказательства того, что бобы не попали въ Китай (гдѣ, кстати сказать, люди бобовъ не ѣдятъ) были любезно доставлены японской южноманьчжурской желѣзной дорогой. При стараніи замять дѣло фигурировало даже добытое отъ мѣстнаго интендантства удостовѣреніе, что бобы пригодны для пищи людей.

Слушалъ интересные разсказы про текущія засѣданія мѣстнаго биржевого комитета, на которыхъ видные коммерсанты кричатъ о «царящемъ на дорогѣ взяточничествѣ сверху до низу». Дѣйствительно взяточничество прекратило нормальную службу дороги и такъ придавило купцовъ, что тѣ завыли; раньше они платили, но молчали, ибо дѣло кое какъ ползло и можно было терпѣть, а теперь стало уже не въ моготу. Вопросъ о бобахъ не былъ допущенъ къ обсужденію, ибо предсѣдателю была прислана записка Хорвата съ вос-

прещеніемъ говорить о бобахъ, такъ какъ это касается китайскихъ властей. Но о безвастѣнчивой продажѣ вагоновъ кричали всѣ; мукомолъ Кулаевъ прямо спросилъ уполномоченнаго министра Продовольствія, почему онъ купилъ муку по 4 р. за пудъ тогда, какъ она стоитъ всего лишь 3 р. 30 к. Другой коммерсантъ Кабалкинъ заявилъ, что наряды того же уполномоченнаго продаются въ кондитерской Зозунова (негласная спекулятивная биржа) совершенно открыто.

На станціи Маньчжурія чешскій комендантъ задержалъ подозрительные вагоны, при чемъ оказалось, что они проданы какимъ-то спекулянтамъ чешскимъ командованіемъ во Владивостокѣ по 40 000 р. и по 60 000 р. за вагонъ.

Подтвердилось, что всѣ доходы маньчжурской таможни переведены Семеновымъ въ его распоряженіе. Обнаружилось это такъ: нѣсколько дней тому назадъ коммерческая часть дороги получила увѣдомленіе этой таможни, что отнынѣ всѣ пошлины должны вноситься наличными деньгами, а не фактурами, какъ-то было до сихъ поръ. Считая это распоряженіемъ Омска, дорога заявила протестъ и получила отвѣтъ, что Омскъ никакихъ распоряженій не отдавалъ. Въ это время въ Харбинъ прибылъ пробравшійся сюда тайкомъ чиновникъ таможни съ документами, установившими, что Семеновъ приказалъ: а) всѣ доходы таможни должны взиматься наличными и сдаваться его коменданту; б) пошлины можно платить только на станціи Маньчжурія, а оплаченныя въ другихъ мѣстахъ не признаются; в) товары, владѣльцы коихъ съ этимъ несогласны, конфискуются.

Читинскій Соловей Разбойникъ шагаетъ все шире и шире и его грабительскіе инстинкты все расширяются. Союзники безмолвствуютъ, японцы ничего не видятъ, Жаненъ миротворствуетъ, японскіе компаньоны атамана богатѣютъ, а у насъ послѣдніе клочья чубовъ трещатъ. Миленькая картинка дружеской интервенціи и безкорыстной помощи союзной Россіи.

Бѣдный начальникъ таможни подалъ въ отставку, но, пока находился въ предѣлахъ атаманскихъ лапъ, то не посмѣлъ написать почему, и выставилъ непонятную для незнающаго въ чемъ дѣло причину «ввиду нарушенія кассовыхъ правилъ» (какія тамъ правила, когда и самая касса оказалась семенизированной!).

27 Января. Вчера Харбинцы были осчастливлены лицезрѣніемъ въ опереткѣ забайкальской атаманши изъ безшабашныхъ шантанныхъ шансонетокъ Машки Шарабанъ, залитой брилліантами и въ сопровожденіи адъютантовъ и чиновъ для порученій; харбинцы могли воочію видѣть результаты разныхъ семенизацій и убѣдиться, что изъ пламени любви къ отечеству и борьбы за идею выкристаллизовываются дорогіе кусочки углерода, величиною чуть ли не въ булыжникъ.

Самъ Семеновъ только что вернулся изъ Монголіи, гдѣ украсился княжескимъ титуломъ и обширными концессіями.

На Уралѣ дѣла плохи — красные взяли Оренбургъ, Міассъ и Пермь; вотъ тебѣ и риновскія похвальбы о 150 тысячахъ отборныхъ солдатъ, объ образцовой арміи; будь все это правдой, не красные брали бы Пермь, а сибиряки должны были брать Вятку, Пензу и приближаться къ Москвѣ.

28 Января. Версальское совѣщаніе подъ давленіемъ Вильсона отказалось отъ «вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи»; вмѣстѣ съ тѣмъ родилась нелѣпѣйшая идея предложить борящимся въ Россіи сторонамъ прислать на Принцевы острова по три представителя для соглашенія. Дорого обойдется міру этотъ архиидіотскій проектъ; можно ли такъ далеко уйти отъ дѣйствительности и такъ упорно не понимать того ужаса, который совершается въ Россіи и надъ Россіей? Намъ рекомендуютъ «соглашеніе» съ тѣми, которые пропяли Россію, которые покрыли позоромъ русское имя, которые своими жестокостями превзошли все, что дѣлалось по этой части съ сотворенія міра. Да развѣ можетъ быть между нами соглашеніе! Да развѣ можетъ кто либо изъ насъ встрѣтиться съ этими красными іудами и палачами Россіи безъ того, чтобы не попытаться перегрызть имъ горло!

Горе міру, если его судьбы попадаютъ въ руки заоблачныхъ утопистовъ, разведенныхъ на сиропѣ миротворцевъ, ничего, кромѣ своего носа и теорій, не видящихъ!

По словамъ вернувшагося изъ Владивостока Акинтіевскаго, тамъ полный сумбуръ; новоявленный командующій войсками побиваетъ всѣ рекорды важности, недоволенъ, что

его встрѣтили съ недостаточной помпой, заявилъ, что всѣ надежды возлагаетъ только на истинныхъ спасителей Россіи — атамановъ-героевъ Семенова и Калмыкова (хорошенькаго довѣреннаго послалъ глуповатый, скажемъ, Омскъ для завѣдыванія здѣсь своими военными дѣлами).

Уже намѣченъ съѣздъ въ Хабаровскѣ Иванова-Ринова и обоихъ атамановъ; туда же примазывается и христопродавецъ Хрещатицкій, оставшійся не у дѣлъ и ищущій гдѣ бы прикормиться; на съѣздѣ будетъ обсуждаться вопросъ о выдѣленіи Дальняго Востока въ автономную область подъ протекторатомъ Японіи; считаютъ, что на съѣздѣ должны будутъ столкнуться честолюбія Иванова-Ринова и Семенова, каждый изъ которыхъ хочетъ стать во главѣ.

Во всѣхъ предварительныхъ разговорахъ Хорвата называли «старой лисой Юаньшикаемъ» — достойная награда за выводъ на большую дорогу всей этой сволочи.

Харбинъ смакуетъ во всю сообщеніе о томъ, что семеновская Машка купила себѣ дюжину рубашекъ за $7^1/_2$ тысячъ рублей.

29 Января. Газеты жуютъ предложеніе о совѣщаніи на Принцевыхъ островахъ, противно даже читать.

Получилъ нѣсколько писемъ изъ Владивостока — тамъ дѣла совсѣмъ неважны, такъ какъ недовольство безсильной, безполезной и временами нечистой властью начинаетъ охватывать даже консервативные круги населенія. Расхватываніе хорватовцами послѣднихъ запасовъ земель, выдвиженіе вверхъ самыхъ сомнительныхъ и опозоренныхъ въ прошломъ людей плюсъ халатная беззаботность къ наисущественнѣйшимъ вопросамъ жизни вызываютъ общее негодованіе; помощникъ Хорвата по гражданской части потѣшаетъ Владивостокъ пьяными скандалами и возможностью наблюдать, какъ его въ видѣ мертваго тѣла лакеи вытаскиваютъ изъ ресторана; близкія ко власти и къ капиталу лица, имѣвшія сыновей, подлежащихъ призыву, пристроили ихъ на разныя тыловыя должности, въ конвой къ начальствующимъ лицамъ, въ телефонныя и автомобильныя команды и пр., и пр.

Однимъ словомъ, во Владивостокъ перенесены всѣ Харбинскія привычки устраивать родственниковъ и пріятелей, создавать для нихъ теплыя мѣстечки и презирать все не свое и мелкое; все это, перенесенное на почву Владивостока въ масштабѣ, почти уже государственномъ, не можетъ не вызывать негодованія, ибо здѣсь къ такимъ нравамъ и къ такой безцеремонности не привыкли.

Появленіе держимордовой фигуры Иванова-Ринова и его оріентація на атамановъ усугубляютъ мрачный пессимизмъ населенія Приморья.

30 Января. Дорога доѣхала до кризиса съ топливомъ; принимаются какія-то героическія мѣры, чтобы спастись отъ катастрофы, которая, какъ говорятъ, еще лѣтомъ была предсказана начальникомъ матерьяльной службы. Яркое доказательство хозяйственной разрухи громаднаго желѣзнодорожнаго предпріятія, руководители котораго заняты политикой и собственными дѣлами, при чемъ послѣднія очень часто идутъ не въ пользу интересамъ дороги. Всѣ кричатъ о геніальности администраціи и хозяйства Хорвата, а по моему акціонерамъ давно уже слѣдовало выгнать его вонъ или даже привлечь къ отвѣту за изъ рукъ вонъ плохое хозяйство. Во время войны дорога могла равняться доходомъ съ богатѣйшими брилліантовыми копями, а сведена почти что къ банкротству; вмѣсто усердной работы — на ней политика; вмѣсто безпартійныхъ служащихъ — какіе-то глики и цики; вмѣсто честныхъ служащихъ — господство взяточниковъ, господство экспортеровъ, состоящихъ компаніонами старшихъ агентовъ дороги, и, какъ выразились въ биржевомъ комитетѣ, взяточничество сверху до низу. И все это извѣстно.

Сейчасъ безпристрастные служащіе говорятъ, что осталось мало такихъ, кто думаетъ о дѣлѣ; духъ наживы и спекуляціи овладѣлъ большинствомъ; низы видятъ, какъ воруютъ и наживаются верхи, и тянутся вслѣдъ за ними; нѣкоторые идутъ на стезю взятокъ исключительно вслѣдствіе невозможности существовать на получаемое содержаніе, о чемъ олимпійскія высоты, обезпеченныя огромными окладами и дополнительными доходами, не думаютъ и думать не хотятъ.

Работай дорога полнымъ ходомъ, она могла бы дать служащимъ полное обезпеченіе и, удаливъ воровъ и взяточниковъ, обезпечить себѣ идеальный контингентъ служащихъ;

но для этого надо было имѣть другіе верхи, а, прежде всего, не имѣть директоромъ распорядителемъ Хорвата.

31 Января. Развѣдка подтверждаетъ, что Ивановъ-Риновъ дѣйствительно мечтаетъ объ отдѣленіи Дальняго Востока и передачѣ его подъ протекторатъ Японіи со всѣми вкусными для послѣдней послѣдствіями; маіоры и капитаны, прикармливаемые Семеновымъ, въ восторгѣ отъ такой пріятной для нихъ комбинаціи, но къ ихъ и къ атамановъ прискорбію для рѣшенія столь щекотливаго вопроса мало только ихъ желанія, а нужно сначала одобреніе Японскаго Правительства, часто несогласнаго съ джингоистическими проектами своей военной молодежи, а затѣмъ нужно согласіе Америки, т. е. то, чего никогда не будетъ. Атаманы, Риновъ и ихъ японскіе друзья этого не понимаютъ, и ради своего често- и корыстолюбія творятъ злое центробѣжное дѣло.

Риновъ оскорбленъ удаленіемъ изъ Омска, ненавидитъ адмирала, и какъ мелкій честолюбецъ, готовъ ради мести на всякую гадость; ку, а объ атаманахъ и говорить нечего, ибо Россія для нихъ только фиговый листъ.

1 Февраля. Положеніе съ дровами грозное; хороша администрація, которая не успѣла или прозѣвала обезпечить дорогу прочнымъ запасомъ топлива; сегодня много разговоровъ объ очередномъ скандалѣ, выразив шемся въ томъ, что, при повѣркѣ отправки вагоновъ съ дровами, обнаружено, что изъ 800 вагоновъ, значащихся отправленными съ разныхъ станцій съ дровами, по назначенію прибыли только единицы; остальные пропали безслѣдно и, какъ говорятъ, проданы подъ вывозъ бобовъ и пшеницы.

Воровать уже перестали бояться, ибо верхи не любятъ гласности и самое большое, что уволятъ, ну, а съ хорошими деньгами увольненіе не страшно.

2 Февраля. Въ Хабаровскѣ взбунтовались казаки, находившіеся въ отрядѣ Калмыкова; очевидно, даже и казаки не выдержали каторжно-разбойничьей обстановки подъ ферулой своего атамана.

Этотъ бунтъ только подтвержденіе моего убѣжденія, что пока еще невозможно формированіе прочныхъ войсковыхъ частей; элементъ для формированія глубоко боленъ, въ немъ бродятъ буйныя и заразныя начала и вы можете ихъ на время загнать во внутрь разными прижиганіями, но когда-нибудь они вылѣзутъ на верхъ или вызовутъ внутреннюю гангрену. Сейчасъ, всякое вооруженное соединеніе это вѣчный источникъ безпокойства, выступленій, бунтовъ и переворотовъ.

3 Февраля. По свѣдѣніямъ штаба охранной стражи, никакого бунта у Калмыкова не было, а часть казаковъ и офицеровъ, не выдержавъ невѣроятно гнусной обстановки и каторжно-рабскаго режима, рѣшила уйти изъ отряда; раньше уходили по одиночкѣ, но ихъ ловили и разстрѣливали. Тогда рѣшили уйти всѣ сразу и ушли въ расположеніе американскихъ войскъ, прося защиты и содѣйствія.

Калмыковъ, при первомъ извѣстіи объ уходѣ казаковъ, удралъ въ кадетскій корпусъ и тамъ спрятался; когда же узналъ, что опасности нѣтъ, то наполнился мщеніемъ и готовъ всѣхъ растерзать; не будь американцевъ, онъ несомнѣнно привелъ бы сіе въ исполненіе.

4 Февраля. Былъ приглашенъ на засѣданіе новоявленной комиссіи по борьбѣ съ дороговизной; близкіе къ Плѣшкову круги убѣдили его, что онъ, какъ Главноначальствующій, обязанъ заботиться о населеніи и подтолкнули его на созывъ такой комиссіи. Дѣло благое, но не слѣдовало ему самому браться за предсѣдательство; было обидно за военныхъ, глядя на предсѣдателя, совершенно не оріентировавшагося въ темѣ совѣщанія и только поддакивавшаго всѣмъ ораторамъ; конфузу добавилъ одинъ изъ видныхъ военныхъ членовъ совѣщанія, выпалившій совершенно изувѣрскую рѣчь съ предложеніемъ споить весь народъ и отобрать у него назадъ всѣ деньги. Умнѣе всѣхъ оказался предсѣдатель биржевого комитета, выпукло обрисовавшій причины дороговизны: спекуляція, разстройство транспорта и низкій курсъ рубля; надо бороться съ этими бѣдами и тогда вопросъ разрѣшится самъ собою. Старшіе представители дороги показали, что они очень не умны, очень ретроградны и не способны возвыситься до серьезности положенія; всѣ ихъ доводы сводились къ доказательствамъ невозможности что либо сдѣлать; съ такими отрицательными полюсами далеко не уѣхать, тѣмъ болѣе, что всѣ ключи къ осуществленію въ ихъ рукахъ. Ничтожное само по себѣ засѣданіе очень ярко охарактеризовало

наши общіе недостатки: неспособность разныхъ классовъ къ координаціи дѣйствій на общую пользу; боязнь всего новаго и рѣшительнаго, склонность избѣгать дѣйствія, прячась за препятствія, большей частью воображаемыя или притягиваемыя за волосы для вящаго оправданія; сплюснутость и безцвѣтность старшихъ агентовъ власти.

Поговорили, попили чаю съ печеньемъ, устали и рѣшили назначить второе засѣданіе, поручивъ кое кому собрать необходимые «матерьялы» (обычные похороны по первому разряду для всякаго живого дѣла; наслѣдіе нашихъ канцелярій и комиссій).

5 Февраля. Семеновъ и его японскіе вдохновители изощряются въ проектированіи разнаго рода политическихъ комбинацій, выгодныхъ Японіи и лестныхъ для честолюбиваго атамана; развѣдкой штаба охранной стражи добыты документальныя данныя о томъ, что недавняя поѣздка Семенова въ Монголію была связана съ детализаціей проекта объединенія Монголіи и Бурятъ въ самостоятельное государство во главѣ съ королемъ Григоріемъ I и, конечно, подъ протекторатомъ Японіи; кадрами для арміи новаго королевства должны были послужить Забайкальскіе казаки.

Выходитъ, что Ивановъ-Риновъ очень ошибается, мечтая сдѣлать атамановъ ступеньками для своего личнаго возвышенія; сибирская дока нарвалась на забайкальскую, и борьба неравная, ибо за послѣдней японскіе друзья и японскіе интересы.

6 Февраля. Видѣлъ Флуга, проѣхавшаго изъ Омска на востокъ; онъ направляется къ Деникину и говоритъ, что въ Омскѣ еще хуже, чѣмъ во Владивостокѣ; власть въ рукахъ кучки темныхъ дѣльцовъ, авантюристовъ и военной атаманщины; чище, честнѣе, идейнѣе всѣхъ Колчакъ, но онъ безсиленъ что-либо сдѣлать, мечется во всѣ стороны, дѣлаетъ ошибки и вызываетъ жалость къ его положенію; онъ много безпомощнѣе Хорвата, такъ какъ у него нѣтъ ни знанія людей, ни административнаго опыта. Всѣ назначенія въ рукахъ овладѣвшей властью кучки. Неужели же гибель всему? неужели мы такъ сгнили, что даже и въ Сибири не найдется нѣсколькихъ десятковъ честныхъ и идейныхъ людей, чтобы спасти погибающую родину? А меня ругаютъ пессимистомъ!

7 Февраля. Разбирая вѣдомости зданій, обнаружилъ, что часть казенныхъ зданій перваго отдѣла охранной стражи продана Семеновцами въ частныя руки; продано даже офицерское собраніе въ Хайларѣ. Весь день въ мрачномъ настроеніи отъ того, что узналъ отъ Флуга объ Омскѣ; его отзывамъ можно вѣрить, такъ какъ онъ очень уравновѣшенный, опытный и наблюдательный человѣкъ, не ищущій для себя лично ничего и думающій только о родинѣ и ея спасеніи. Выходитъ, что адмирала схватила кучка Омскихъ дѣльцовъ, выпихнула его на верхъ, и подъ его флагомъ упражняется въ любительствѣ по государственной части.

8 Февраля. Здѣсь ликованіе вслѣдствіе полученнаго радіо, что войска генерала Юденича заняли Петроградъ,

Зато у насъ въ Приморской и Амурской области уже начались мелкія возстанія, какъ реакція противъ атаманщины. Населеніе ждало отъ новой власти закона, порядка, возстановленія торговли, привоза предметовъ первой необходимости и получило Хорватовщину вверху, атаманщину на своей спинѣ и углубленіе безпорядковъ, увеличеніе дороговизны и свистопляску спекуляціи со всѣхъ сторонъ. Эти возстанія не пробольшевистскія, а взрывъ противъ наличной дряблой, безполезной, а въ многомъ вредной для населенія власти.

9 Февраля. Говорятъ, что генералъ Жаненъ, недовольный тѣмъ, что дѣлается въ Омскѣ, сказалъ, что лучше имѣть дѣло съ хитрой лисицей Хорватомъ, чѣмъ съ сумасшедшимъ адмираломъ. Вмѣсто того, чтобы это всюду разбалтывать, Жанену слѣдовало бы добиться, чтобы союзники поставили Омску ультиматумъ, отчеканили бы свои требованія и условія, какъ sine qua non своей дальнѣйшей помощи, заявивъ, что иначе они уходятъ.

Программу можно выработать въ Парижѣ при участіи честныхъ и идейныхъ русскихъ людей, отбросивъ рѣшительно всѣ намеки на реакцію и реваншъ.

Иначе глупо помогать, ибо помощь идетъ не на пользу Россіи, а на гибель, на затяжку безнадежной борьбы, на истребленіе лучшихъ русскихъ людей, на обнищаніе Россіи. Надо кончать быстро, ибо каждый потерянный день плюсъ для красныхъ и минусъ

для начавшихъ уже гнить бѣлыхъ. Намъ нужна острая и спѣшная дезинфекція, чтобы остановить это гніеніе, и, къ великому горю, только союзники могутъ намъ помочь.

Нелѣпые призывы и мобилизаціи подняли противъ начальства все населеніе; призываемые уходятъ въ сопки, и отъ нихъ пухнутъ и усиливаются партизанскіе отряды; изъ Владивостока пишутъ, что этимъ путемъ краснымъ дали втрое больше добровольцевъ, чѣмъ сами получили новобранцевъ; идіотизмъ распоряженій усугубленъ тѣмъ, что начальство сидитъ и не знаетъ, что дѣлать съ призванными; не знаетъ, но мало этимъ озабочено, ибо распорядительность показало, новыя должности накроило, насадило на нихъ всякую пріятельскую рвань и слякоть, ну а до остального имъ мало дѣла.

10 Февраля. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ японцевъ начали открыто высказывать свое недовольство Семеновымъ за его расточительный образъ жизни и афишированіе своей незаконной связи; въ штабѣ этотъ поворотъ объясняютъ тѣмъ, что Семеновъ, обсчитанный японцами, завелъ какія-то тайныя отъ японцевъ сношенія съ американцами, и японцы объ этомъ узнали; нѣкоторые харбинскіе семеновцы на запросъ пріятелей, правда ли, что они переходятъ на американскую оріентацію, отвѣтили: «а намъ что! доллары лучше іенъ».

Мѣстные монархисты не унимаются; на дняхъ они начали распространять слухи о скоромъ прибытіи сюда Великихъ князей Михаила Александровича и Дмитрія Павловича, для охраны которыхъ Семеновъ посылаетъ сюда охранную роту. О томъ, что Семенову надо для чего-то ввести въ Харбинъ своихъ башибузуковъ извѣстно уже давно, но китайцы этого не позволяютъ.

11 Февраля. Куча мелкихъ свѣдѣній съ разныхъ концовъ, одно другого хуже. Омскъ, Владивостокъ, Харбинъ, Чита, Хабаровскъ — это какія-то кошмарныя пятна, застилающія всякую надежду; всюду подняты святыя знамена, но подъ ними копошатся гады, черви и накопляется гной, — по истинѣ, гробы повапленные.

Интервью Авксентьева, распространенное всюду телеграфомъ, очень повредило Омску.

Семеновскіе вербовщики шныряютъ всюду, пытаясь сманивать къ себѣ кадровыхъ офицеровъ; предлагаютъ двойные противъ здѣшнихъ оклады и высокія должности; мѣстные старшіе офицеры охранной стражи заявили, что они не нанимаются за деньги, но, если ихъ назначутъ законнымъ приказомъ, то они готовы идти туда, гдѣ нужны.

12 Февраля. Въ своей комиссіи я принялъ по отношенію къ иностранцамъ тонъ хозяина одинаково справедливаго ко всѣмъ; до сихъ поръ всѣмъ командовали здѣсь японцы, но теперь этому положенъ конецъ.

Вести эту линію мнѣ одному не легко; сегодня пытался убѣдить Главноначальствующаго генерала Плѣшкова принять такой же тонъ и сдѣлать все, чтобы заставить признать въ насъ законныхъ хозяевъ Харбина и полосы отчужденія. Плѣшковъ все время поддакивалъ, но отъ рѣшительныхъ шаговъ въ видѣ оффиціальнаго обращенія къ представителямъ всѣхъ союзниковъ уклонился.

13 Февраля. Изъ Омска тянутся вереницы гастролеровъ; противно смотрѣть на эту публику, убѣгающую отъ работы подъ предлогами осмотровъ, ознакомленія, инструктированія на мѣстахъ и т. п. Развѣ есть теперь для этого время? Теперь, когда каждая минута должна идти на работу! Сейчасъ поздно учиться и позорно оставлять свое мѣсто. Адмиралъ уѣхалъ на фронтъ для поднятія настроенія; какъ это все старо и какъ пахнетъ прежнимъ очковтирательствомъ; бѣдный Колчакъ, конечно, и понятія не имѣетъ о томъ, что поднятіе настроенія и въ былыя времена существовало только въ воображеніи разныхъ штабныхъ засѣдателей и присяжныхъ славослововъ. Послѣднее время даже и Царскій пріѣздъ не вызывалъ радости, пріѣздъ же иного начальства вызывалъ всегда чертыханіе по его адресу, ибо ничего кромѣ безпокойства и непріятностей не приносилъ.

Настроеніе поднимается иными путями: общимъ успѣхомъ, хорошей погодой, отдыхомъ, заботливостью начальства о подчиненныхъ, удаленіемъ отъ войскъ зѣло одолѣвшихъ ихъ тяготъ или непріятностей. Видимо, въ Омскѣ нѣтъ никого, кто бы прямо сказалъ это адмиралу, который, какъ морякъ, истины не знаетъ, и вѣритъ, что ему надо ѣхать на фронтъ; кромѣ того антуражу адмирала лестно изображать царскую свиту, наслаждаться дешевымъ фиміамомъ торжественныхъ встрѣчъ.

14 Февраля. Хорватъ опять явился въ Харбинъ, какъ будто у него нѣтъ срочнаго дѣла во Владивостокѣ; одновременно и его супруга и разные сановники продолжаютъ носиться на экстренныхъ поѣздахъ между Харбиномъ и Владивостокомъ; желѣзнодорожные тузы всегда были привычны смотрѣть на дорогу, какъ на собственныя вотчины, но тогда былъ все же какой-то контроль и удержъ; теперь все забыли и думаютъ, что дорога только и существуетъ для того, чтобы по ней кататься, ломая и безъ того искалѣченный графикъ.

Много харбинскихъ военныхъ потянуло въ Читу, за послѣднiй прiѣздъ Семенова имъ куплено здѣсь немало ждавшихъ, кто дастъ выгодную цѣну.

15 Февраля. Въ районѣ Красноярска возстанiе; части перебили офицеровъ и ушли къ сидящимъ вдали отъ дороги большевикамъ; надежность движенiя по сибирской магистрали этимъ очень скомпрометирована. Досвистались безграмотные экспериментаторы по созданiю армiи изъ завѣдомо негоднаго больного матерьяла; они стараются только создать побольше генеральскихъ и архигенеральскихъ должностей, для чего и формируютъ части, годныя только для бунтовъ.

Изъ омскихъ сообщенiй ясно, что навѣянное, какъ говорятъ, англичанами наступленiе въ сѣверномъ направленiи черезъ Пермь обрекло на съѣденiе большевикамъ наиболѣе прочныя антибольшевистскiя казачьи войска — Уральское и Оренбургское. Вмѣсто того, чтобы двинуть всѣ силы на Самару и Царицынъ для соединенiя съ Красновымъ и Деникинымъ, омскiе стратеги поперли на Пермь и этимъ погубили всю операцiю.

16 Февраля. Видѣлся у Плѣшкова съ Гондатти, высказалъ ему въ бесѣдѣ свои взгляды на текущее положенiе; Гондатти отвѣтилъ, что вполнѣ раздѣляетъ мой пессимизмъ.

Говорятъ, что въ Красноярскѣ погибло очень много офицеровъ; кровь ихъ на совѣсти тѣхъ, которые приказали формировать новыя части, не учтя современной обстановки.

Одинъ изъ коммерсантовъ разсказалъ мнѣ, что видѣлъ какъ отправляли на западъ военный аэропланъ; его погрузили на двухъ платформахъ и шести вагонахъ; при этомъ въ вагонъ клался моторъ, а остальное докладывалось частными товарами; въ другой поставили два ящика, а остальное догрузили товарами какого-то еврея.

17 Февраля. Много хлопотъ съ устройствомъ казармъ для американскихъ войскъ; управленiе дороги желаетъ дать хорошiя казармы, а японофильствующiе военные круги всячески препятствуютъ. Противно слышать, какъ iенизированные господа при одиночномъ разговорѣ съ американцами ругаютъ японъ и увѣряютъ, что только Америка можетъ спасти насъ отъ японскаго засилья; при этомъ забываютъ про мое присутствiе и про то, что еще недавно при мнѣ же они лебезили передъ японцами и не стѣснялись въ выраженiяхъ и ругательствахъ по адресу Соединенныхъ Штатовъ. Подличаютъ и неизвѣстно для чего; такова уже долголѣтняя практика и привычка варить мыло.

18 Февраля. Получилъ письма изъ Владивостока; сообщаютъ, что формированiе новой дивизiи поставлено въ ужасныя условiя; начальникомъ дивизiи назначенъ генералъ К., физическая и служебная развалина, извѣстный у подчиненныхъ подъ именемъ мощей Бѣлаго Орла (этотъ орденъ генералъ всегда носитъ на шеѣ).

Полковымъ адъютантомъ одного полка состоитъ нѣкiй Встовскiй, служившiй платнымъ агентомъ во Владивостокскомъ охранномъ отдѣленiи и находящiйся подъ слѣдствiемъ по обвиненiю въ убiйствѣ собственнаго сына съ цѣлью полученiя наслѣдства.

Къ хозяйству полковъ пробрались пронырливые люди и набиваютъ себѣ карманы; очевидно, при такомъ начальникѣ, какъ К., надзора и контроля никакого.

Старые офицеры стонутъ и просятъ помочь; ну, что я могу сдѣлать? Писать въ Омскъ — тоже довольно безцѣльно.

19 Февраля. Нелегкое положенiе Хорвата усугублено присылкой во Владивостокъ изъ Омска безчисленныхъ уполномоченныхъ разныхъ министерствъ; военное же министерство прислало еще уполномоченныхъ отъ всѣхъ главныхъ управленiй; всѣ эти посланники совершенно самостоятельны и творятъ все, что имъ угодно.

При отводѣ казармъ для американцевъ, мнѣ пришлось столкнуться съ дѣятельностью уполномоченнаго Главнаго Артиллерiйскаго Управленiя полковника Маринича; этотъ гусь, одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Хрещатицкаго, открылъ здѣсь казенныя мастер

скія, въ которыхъ казеннаго только названіе и расходуемыя на нихъ казенныя деньги; работаютъ они только частные заказы, а казеннаго сдѣлали только четыре печныхъ вьюшки; я это обнаружилъ совершенно случайно, явившись внезапно въ помѣщеніе мастерскихъ и потребовавъ книги.

Японцы, видимо недовольные перемѣной направленія въ работѣ комиссіи, прислали мнѣ, какъ предсѣдателю, очень невѣжливую бумагу съ разными совѣтами. Я имъ послалъ чрезвычайно рѣзкій отвѣтъ.

20 Февраля. Во избѣжаніе открытаго разрыва съ японцами пришлось идти на обѣдъ, устроенный генераломъ Сики въ честь назначеннаго въ Читу полковника Куросава. Сначала я отказался, но японцы до того взволновались, что меня уговорили пойти. Интересно было только еще разъ убѣдиться въ подхалимствѣ своихъ соотечественниковъ и полюбоваться ихъ дружбой съ японцами; основной темой бесѣды была ругань по адресу американцевъ, особенно Вильсона; высокій, русскій генералъ зарапортовался по этой части до того, что накрахмаленный Куросава началъ морщиться.

21 Февраля. У Самойлова встрѣтился съ выгнаннымъ изъ Читы начальникомъ семеновскаго штаба генераломъ Вериго; много нужно было натворить, чтобы выгнали изъ такой помойницы, несмотря на то, что жена Его Превосходительства состоитъ въ качествѣ завѣдывающей дворомъ при атаманской наложницѣ.

Вериго скрываетъ, что выгнанъ, и явился къ Самойлову съ какими-то проектами всеобщаго объединенія; славословилъ атамана, увѣряя, что послѣдній одаренъ необычайными талантами, кои проявилъ уже будучи полковымъ адъютантомъ; всѣ темныя стороны Читы валилъ на Барона Унгерна (по настоянію котораго его выгнали) и на ближайшихъ совѣтниковъ атамана. Въ отвѣтъ на это я, не стѣсняясь, высказалъ свой взглядъ на атаманщину и на ея гибельное вліяніе на молодежь, на что Вериго очень важно заявилъ, что Атаманъ смотритъ на молодежь, какъ на пушечное мясо, и считаетъ, что она должна погибнуть, но прежде должна погубить большевиковъ. Я очень изумился такому наполеоновскому взгляду и высказалъ, что если мы будемъ строить будущее Россіи на такомъ гною, который разведенъ въ Читѣ и Хабаровскѣ, и пустимъ къ этому дѣлу нечистыя руки, то такъ запакостимъ самую идею спасенія Родины, что отъ насъ шарахнутся всѣ порядочные люди.

По словамъ Самойлова положеніе Семенова сейчасъ очень жалкое; японцы зажали карманы, грабить уже некого и нечего, это и привело къ тому, что Семеновъ пытается заигрывать съ американцами.

22 Февраля. Офицеръ изъ бывшаго штаба Хрещатицкаго полковникъ Николаевъ разъяснилъ мнѣ любовь своего бывшаго принципала къ частымъ поѣздкамъ во Владивостокъ; въ каждую поѣздку вагоны набивались водкой въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ бутылокъ, причемъ, при продажѣ во Владивостокѣ, бутылка давала больше 10 руб. чистаго дохода. На охранѣ вагоновъ ставились дикіе часовые туземнаго полка, что обезпечивало отъ таможни. При возвращеніи въ Харбинъ провозился прибывающій моремъ индійскій опіумъ, что тоже давало доходы.

Въ болотѣ Харбинской грязи это ничтожный комокъ, но все это очень характерно для обрисовки тѣхъ лицъ, которыя присосались къ дѣлу спасенія Россіи; вѣдь уже годъ, какъ этотъ спиртовозъ играетъ одну изъ виднѣйшихъ здѣсь ролей, во все путается и всячески интригуетъ.

23 Февраля. Обнаруживается обратная тяга въ Харбинъ публики, устремившейся было въ Читу, Омскъ, Иркутскъ и Благовѣщенскъ; считаютъ, что здѣсь безопаснѣе и дальше отъ всякихъ политическихъ осложненій и сопровождающихъ ихъ сюрпризовъ.

На 15-е Марта Владивостокомъ назначенъ призывъ новобранцевъ двухъ послѣднихъ годовъ; на этомъ настоялъ Ивановъ-Риновъ, несмотря на то, что для пріема людей ничего не готово и весь край частью въ волненіи, частью въ открытомъ возстаніи. Уроки недавнихъ сибирскихъ возстаній въ вновь формируемыхъ частяхъ ничему не научили.

24 Февраля. Получены подробныя свѣдѣнія о бунтѣ казаковъ у Калмыкова; бунтъ, или вѣрнѣе сказать, массовый уходъ былъ вызванъ звѣрскимъ отношеніемъ привиллегированныхъ Калмыковцевъ къ остальнымъ казакамъ и офицерамъ, которыхъ били бичами,

били кулаками и держали въ положеніи каторжныхъ; за мѣсяцъ до этого выступленія въ отрядѣ разстрѣляли безъ суда 63 человѣка.

Говорятъ, что Хорватъ хотѣлъ обратиться къ союзному командованію и передать ему всѣ документы, обвиняющіе атамана въ сотняхъ преступленій, но этому помѣшалъ Ивановъ-Риновъ, заявившій, что Калмыковъ это геніальная личность, вся вина которой въ томъ, что она выше ненужныхъ условностей и непонятна для слабыхъ людей, пугаемыхъ излишкомъ Калмыковской рѣшительности.

25 Февраля. Второе засѣданіе комиссіи борьбы съ дороговизной; просидѣли нѣсколько часовъ въ безполезной болтовнѣ, ибо никто не можетъ справиться съ тѣми основными причинами зла, которыя указалъ прошлый разъ Водянскій; спекуляція за это время разрослась еще больше, взяточничество усилилось, транспортъ еще болѣе завялъ, а рубль катится внизъ безостановочно. Дорогѣ надо взять твердый курсъ, прекратить гонянье экстренныхъ поѣздовъ и продажу военными чинами нарядовъ на вагоны, потребовать оставленія себѣ части вагоннаго парка и графика для экспорта на Чаньчунь и Эгершельдъ, потребовать оплаты всѣхъ воинскихъ перевозокъ и пр. и пр. — однимъ словомъ, стать въ позицію частной желѣзной дороги, а не Хорватовской вотчины. И такая позиція будетъ не измѣной русскому дѣлу, а спасеніемъ, ибо сбережетъ Россіи дорогу и накопитъ деньги.

Всѣ детальныя предложенія помочь служащимъ путемъ кредита кооперативамъ разбились объ упрямство представителей дороги. Разошлись опять безъ пылинки какой-нибудь реальной пользы.

26 Февраля. Противно читать правительственныя сообщенія о поѣздкахъ Верховнаго Правителя по фронту съ славословіями по поводу его мудрости, съ восторгами по случаю украшенія зданій вензелями А. К., съ описаніями энтузіазма войскъ и населенія. Хотятъ показать, что продажныя перья не перевелись на Руси, и что они найдутъ примѣненіе своимъ бутербродньмъ способностямъ при любомъ режимѣ; это извѣстно и безъ доказательства.

Неужели же при Адмиралѣ некому указать, что дѣлается за его счетъ, и посовѣтовать положить этому предѣлъ; то, что говорятъ о Колчакѣ даже враждебно настроенныя лица, заставляетъ думать, что онъ не изъ тѣхъ, кого бы тѣшила эта наемная лесть.

27 Февраля. Проходитъ зима, которая должна была быть временемъ творческой работы возстановленія военнаго и гражданскаго аппарата, накопленія силъ для предстоящей весной тяжелой борьбы съ оправившимся и усиленнымъ нашими ошибками врагомъ.

Но ни у насъ, ни въ Омскѣ ничего прочнаго не сдѣлано; зато испущено много вредныхъ распоряженій, отшатнувшихъ населеніе отъ и безъ того подозрительной для него бѣлой власти. Атаманы, полицейскій режимъ Иванова-Ринова, дряблость и непотизмъ Хорвата, спекуляція, взяточничество, торговля вагонами, торговля родиной и ея интересами, насилія, отсутствіе заботъ о населеніи, безцѣльные призывы и мобилизаціи — вотъ все что дала зима краю, осторожно присматривающемуся, что несетъ ему смѣнившій комиссаровъ старый режимъ.

Китайскія власти, всюду проявляющія свое недовольство японскимъ засиліемъ, стараются показать свое американофильство; это особенно видно въ текущемъ сейчасъ вопросѣ объ отводѣ американцамъ казармъ; мѣстный дюинь Фу опредѣленно сталъ на сторону американцевъ.

28 Февраля. По всей Сибири и у насъ разливается мелкая пока волна возстаній; съ наступленіемъ весны все это вспыхнетъ заревомъ; сейчасъ зима и снѣгъ сдерживаетъ наиболѣе безпокойные районы. Положеніе власти очень тяжелое: населеніе почти все противъ нея, а кромѣ того всюду начинаетъ чувствоваться подпольная работа эсеровъ, забывшихъ, повидимому, о большевикахъ и направившихъ весь свой натасканный по этой части аппаратъ противъ бѣлой власти; эти товарищи мечтаютъ, что, сваливши насъ, они сдѣлаются господами положенія и забываютъ и 17 годъ, и всѣ послѣдующіе исходы ихъ борьбы съ большевиками; неужели они не поняли, что большевики имъ не по плечу, всегда сумѣютъ свернуть имъ шею и никогда съ ними властью не подѣлятся, ибо большевики по всей своей сущности деспоты, охлократы и смотрятъ на всѣ соціалреволюціон-

ныя бредни посвирѣпѣе, чѣмъ смотрѣлъ на нихъ царскій режимъ; да и по части отбиванія охоты къ подкопу подъ красную власть, большевики куда опаснѣе: они однимъ махомъ выводили, да и будутъ выводить въ расходъ опасную для нихъ эсеровщину въ размѣрахъ, превосходящихъ все то, что было ликвидировано за всю борьбу эсеровъ противъ русской монархіи.

Продолжается однимъ словомъ литье эсеровской водицы на большевистскую мельницу; большевички должны быть имъ очень признательны, ибо для насъ эсеровщина, сидящая въ городахъ, въ управленіяхъ и среди интеллигенціи, значительно опаснѣе простого большевизма, частью наноснаго, а частью каторжнаго.

1 Марта. Владивостокъ острить, что съ занятіемъ хорватовскими поѣздами запасныхъ путей на Эгершельдѣ туда перемѣстился «Гнилой Уголъ», изъ котораго тянетъ постоянно туманомъ и гнилой сыростью, — грустная для дѣла острота, но вѣрная.

Сообщаютъ о рѣшеніи союзниковъ установить международный контроль надъ нашими желѣзными дорогами и образовать для этого особый междусоюзный комитетъ.

Интересно знать, дадутъ ли этому комитету войска для того, чтобы поддерживать на дорогѣ полный порядокъ; интересно также, получитъ ли комитетъ право бороться съ внутренними злоупотребленіями и взяточничествомъ, смѣнять личный составъ и т. п. Безъ войскъ и безъ права устраненія разной гнили комитетъ будетъ только лишнимъ этажемъ.

2 Марта. Вѣсти объ учрежденіи междусоюзнаго комитета всколыхнули Харбинъ сверху до самаго дна; въ верхахъ смятеніе, ибо боятся потрясенія основъ, смѣщеній и разлуки со многими вкусными вещами; подрядчики и экспортеры невидимо, но пріятно связанные съ желѣзнодорожными Юпитерами и Вулканами, трясутся въ опасеніи потерять на дорогѣ свои преимущества и огромные доходы; зато, обездоленные мелкіе служащіе радуются въ ожиданіи, что, быть можетъ, новый баринъ вникнетъ въ ихъ безотрадное положеніе и приметъ давно необходимыя мѣры по его улучшенію. Спокойны только тертые калачи, ибо знаютъ, что «всякое бывало», какъ говорилъ мудрецъ Бенъ Акиба, да кромѣ того и реальные результаты ихъ «опытности» даютъ имъ право спокойно взирать на будущее.

3 Марта. Бывая въ управленіи дороги, слушаю судаченье служащихъ о начальствѣ; мнѣ кажется, что при экономномъ и разумномъ хозяйствѣ число служащихъ въ управленіи можно было бы сократить вдвое — очень уже много ихъ слоняется по корридорамъ, сидитъ на подоконникахъ, болтаетъ и судачитъ.

Увѣряютъ, что Хорватъ никогда не отказываетъ самъ просителямъ, предоставляя это подчиненнымъ; для этого у него существуютъ, яко-бы, особые значки, указывающіе правителю канцеляріи или другому лицу, какъ надо понимать его туманныя, но радостныя для просителя резолюціи на его прошеніи или запискѣ. Практическая дѣятельность Хорвата дѣлаетъ эти разсказы похожими на правду.

Весь Сучанскій районъ въ полномъ возстаніи; это вполнѣ понятно, такъ какъ огромный процентъ тамошняго населенія составляютъ охотники-таежники, контрабандисты и спиртоносы, народъ вольный, рѣшительный, привыкшій на насиліе отвѣчать тѣмъ же. Говорятъ, что для усмиренія туда отправили конный полкъ Враштеля, всего около 400 человѣкъ. Это не только безполезно, но подольетъ масла въ огонь; ничтожный отрядъ потонетъ въ томъ морѣ горъ и лѣсовъ, которымъ является Сучанъ, окажется безсильнымъ и только усилитъ дерзость возставшихъ; но что хуже всего — несомнѣнно отрядъ займется караніемъ и при великой неуравновѣшенности его состава все обратится въ безшабашныя экзекуціи и надъ виноватымъ и надъ правымъ.

4 Марта. Отдавалъ визитъ японскому генералу Сики; оказалось, что онъ говоритъ по-французски, что дало мнѣ возможность высказать ему свой взглядъ на политику союзниковъ, видимо ничего не понимающихъ, что у насъ дѣлается, и на гибельное значеніе поощряемой его коллегами атаманщины.

Одинъ изъ коммерсантовъ разсказывалъ мнѣ, что къ нему являлся какой-то прибывшій съ запада полковникъ и предлагалъ купить бронированный отъ всякихъ случай-

ностей нарядъ на 40 вагоновъ до самаго Омска за $2^1/_2$ милліона рублей; коммерсантъ отвѣтилъ, что такими грязными дѣлами не занимается.

Очевидно, l'appetit vient en mangeant и скоро вагоны будутъ продавать многими сотнями.

5 Марта. Одинъ изъ чиновъ контроля разсказывалъ мнѣ про эпопею съ раздачей въ Харбинѣ земельныхъ участковъ; все лучшее разбирается ближайшими къ Хорвату лицами внѣ всякихъ правилъ, скрывается отъ торговъ и затѣмъ отводится, кому надо, журналами правленія, въ которомъ на лицо два члена, самъ Хорватъ и начальникъ коммерческой части Слаута.

По рукамъ служащихъ ходитъ планъ съ отмѣткой всѣхъ участковъ, попавшихъ въ руки родныхъ, пріятелей и услужающихъ Хорвата; служащіе съ горечью это показываютъ, говоря, что простому смертному сіе недоступно. Возмущаются также и тѣмъ, что сынки хорватовскаго антуража и желѣзнодорожной знати убѣжали отъ воинской повинности путемъ фиктивнаго зачисленія въ конвой Уполномоченнаго и въ разныя телефонныя команды; увѣряютъ, что сейчасъ у каждаго телефоннаго аппарата на Эгершельдѣ сидитъ нѣсколько спасающихся.

Все сіе въ совокупности идетъ на пользу большевикамъ, эсерамъ и всѣмъ, желающимъ Россіи побольше развала.

Творящіе сіе до того обезпардонились, что въ ихъ куриные мозги не залѣзаетъ даже мыслишка о томъ, какое зло они приносятъ.

6 Марта. Распространился слухъ, что китайцы предлагаютъ выкупить у Россіи Китайскую Восточную желѣзную дорогу и полученныя деньги передать союзникамъ на погашеніе русскихъ долговъ и обязательствъ; деньги на это имъ даетъ, какъ будто бы, Америка.

Замыселъ заманчивый и можетъ очень понравиться союзникамъ, которые грустно посматриваютъ на цифры россійскихъ долговъ и на то, что вѣроятность ихъ полученія уносится куда-то въ заввѣздныя сферы.

Въ Владивостокѣ показываетъ всѣмъ «la mère de Kouzka» спеціалистъ по этой части — Ивановъ-Риновъ, старающійся создать здѣсь свой боевой фронтъ.

7 Марта. Владивостокцы готовы обратиться къ союзникамъ и просить ихъ вмѣшаться въ наши порядки; по письмамъ оттуда контръ-развѣдка побила всѣ рекорды старыхъ схранокъ и давно уже выравнялась съ чрезвычайными комиссіями комиссаровъ.

Невѣроятно ругаютъ Иванова-Ринова и удивляются, что Хорватъ спокойно смотритъ, какъ этотъ держиморда измывается надъ населеніемъ; въ отвѣтъ на возстанія посылаются микроскопическіе карательные отряды, безсильные подавить возстаніе, но достаточные, чтобы поднять новыя возстанія тамъ, гдѣ они прошли.

8 Марта. Ѣду во Владивостокъ прокатиться и посмотрѣть, что тамъ дѣлается, воспользовавшись приглашеніемъ вызваннаго туда же Самойлова. Пріѣхавшій изъ Владивостока генералъ Тыртовъ разсказывалъ, что дѣлается во Владивостокѣ; между прочимъ, онъ имѣлъ въ рукахъ документы объ израсходованіи Ивановымъ-Риновымъ 200 тысячъ рублей на два устроенные имъ банкета. Зато солдаты оборваны, офицеры голодны и на дѣло трясутся надъ копѣйками. Всюду атаманщина въ разныхъ формахъ, видахъ и дозахъ; неужели же finis Rossiae!

Движеніе по дорогѣ ничтожное; пассажирскіе поѣзда блещутъ грязью и запущенностью, на станціяхъ немногочисленные чины охранной стражи тонутъ среди массы китайскихъ и японскихъ солдатъ.

9 Марта. Во Владивостокскихъ газетахъ приказъ Враштеля о сдачѣ населеніемъ Сучана всего оружія и приказъ о мобилизаціи всѣхъ унтеръ-офицеровъ; за неисполненіе, конечно, смертная казнь. Первое только на пользу большевикамъ и каторжнымъ, ибо сдадутъ оружіе только смирные крестьяне и потеряютъ послѣднюю возможность защищать себя и свое достояніе отъ разноцвѣтныхъ рыцарей тайги и сопокъ; безпокойные элементы оружія не отдадутъ и уйдутъ съ нимъ на усиленіе партизанъ.

Второй приказъ основанъ, очевидно, на надеждѣ, что унтеръ-офицеры болѣе лойяльны, а потому безопаснѣе для призыва; тоже крупная ошибка и незнаніе арміи; старыхъ унтеръ-

офицеровъ котъ наплакалъ, а молодежь — унтеръ-офицеры только по нашивкамъ; кромѣ того, все это только что вернулось съ фронта, устало, жаждетъ поправки разстроеннаго за отсутствіе хозяйства; очевидно, что такой приказъ ничего кромѣ озлобленія или ухода въ тѣ же сопки не вызоветъ.

Прочиталъ телеграмму Иванова-Ринова казачьему кругу, въ которой онъ отборными выраженіями клеймитъ казаковъ, возставшихъ противъ Калмыкова, именуя ихъ Іудами, прельстившимися на сребренники (читай «американскіе доллары», такъ какъ Калмыковъ, не стѣсняясь, кричитъ, что бунтъ былъ устроенъ на американскія деньги).

Не узналъ Владивостока — до того онъ грязенъ и похожъ на помойную яму; отъ прежняго чистенькаго, принаряженнаго портоваго города нѣтъ и помину.

10 Марта. Посѣтилъ старыхъ знакомыхъ; всѣ стонутъ отъ безвластія; Хорватомъ недовольны, но его жалѣютъ, обвиняя неудачныхъ помощниковъ. Ивановъ-Риновъ ведетъ опредѣленную политику противъ Хорвата, желая сѣсть на его мѣсто; въ своемъ кругу онъ не стѣсняется и честитъ Хорвата, ругая всѣ его распоряженія; затѣмъ онъ не стѣсняется открыто ругать американцевъ, такъ что даже японцы попросили его быть сдержаннѣе.

Станціи Владивостокъ, какъ станціи, почти не существуетъ, такъ какъ на путяхъ подъ русскимъ и союзнымъ начальствомъ стоитъ 410 классныхъ вагоновъ (у одного Иванова-Ринова 49 пульмановъ). Зато пассажирскіе поѣзда состоятъ изъ разной рвани и теплушекъ. Владивостокскія казенныя помѣщенія расхватаны союзниками и чехами, такъ что Верховному Уполномоченному нѣтъ квартиры.

11 Марта. Ѣздилъ на 26 версту, возвращаясь обратно, сидѣлъ, спасаясь отъ вѣтра, за вагономъ, гдѣ помѣщается все управленіе разъѣзда, и слушалъ разговоръ телеграфиста съ мужиками пассажирами; какой-то очень рѣшительный ораторъ проклиналъ всѣ бывшія и наличныя власти и выражалъ желаніе, чтобы черти отдали ему на полчаса Колчака, Хорвата, Гондатти, Толмачева (бывшій еще въ 1917 году приморскій губернаторъ), Медвѣдева (эсеровскій предсѣдатель Управы), Фарева (революціонный городской голова), да по горсточкѣ японцевъ и чеховъ; онъ сгребъ бы ихъ всѣхъ въ мѣшокъ и давилъ бы между жерновами, да чтобы не сразу издохли, а денька черезъ три. Вотъ каково настоящее настроеніе деревни, освирѣпѣвшей противъ всякой власти!

Видѣлъ членовъ комиссіи, посланной Ивановымъ-Риновымъ на Сучанъ по разслѣдованію обвиненій Земской Управы о насиліяхъ, чинимыхъ тамъ карательными отрядами; обвиненія не подтвердились, но, по мнѣнію весьма правыхъ членовъ комиссіи, надо немедленно увести оттуда карательные отряды и тогда все успокоится; отряды ведутъ себя очень сносно, но уже вѣсть объ ихъ движеніи поднимаетъ все боязливое населеніе, которое цѣлыми деревнями уходитъ въ тайгу и попадаетъ подъ власть красныхъ вожаковъ, во время не изловленныхъ. Агитація всячески пугаетъ населеніе, распуская слухи, что идутъ калмыковцы.

Въ общемъ общественное настроеніе здѣсь злое; надежды на наличную власть нѣтъ и спасеніе Россіи ожидаютъ съ юга, отъ Деникина.

12 Марта. Хорватовская агентура получила телеграфную записку изъ Хабаровска, что Калмыковъ, арестованный казаками на засѣданіи 6 казачьяго круга, пытался застрѣлиться. Отъ души порадовался этому извѣстію, дающему право надѣяться на разрѣшеніе одного гнойнаго нарыва.

Всѣ лучшія зданія украшены иностранными флагами; адмиральскій домъ занятъ чехословаками, которые наотрѣзъ отказались его очистить, и вообще ведутъ себя побѣдителями, проявляя много схожаго съ австрійскими лейтенантами.

Спасшая всю эту мразь Россія корчится въ мукахъ; русскіе обращены въ какихъ-то едва терпимыхъ паріевъ.

13 Марта. Отправился въ обратный путь въ достаточно мрачномъ настроеніи, ибо убѣдился, что сообщенія моихъ Владивостокскихъ корреспондентовъ были очень близки къ истинѣ; консервативное по сущности населеніе Приморья ушло отъ власти и послѣдняя виситъ въ воздухѣ, спасаясь пока тѣмъ, что еще не кристаллизовались силы, способныя ее спихнуть

Хорватъ, имѣющій тайнаго врага въ лицѣ своего ближайшаго помощника по военной части, не Верховный уполномоченный, а, какъ назвалъ его кто-то изъ Владивостокцевъ, какой-то апендиксъ, призракъ власти, призракъ дряблый, безсильный, замаранный непотизмомъ, и приближеніемъ къ себѣ разныхъ лицъ, по своему прошлому, непріемлемыхъ для населенія.

14 Марта. Остановились на станціи Пограничной, представляющей смѣшеніе всѣхъ военныхъ языковъ; на послѣднемъ мѣстѣ, конечно, мы — русскіе. Присутствовалъ при повѣркѣ Самойловымъ карауловъ и постовъ охранной стражи; впечатлѣніе самое грустное, люди заброшены и живутъ въ какихъ-то логовищахъ типа таежныхъ зимовьевъ; какъ и слѣдовало ожидать, никто изъ начальства здѣсь никогда не бывалъ.

Какъ и вездѣ, причина всего — харбинская привычка сажать на хорошія мѣста всякую слякоть изъ старыхъ пріятелей; дѣло созданія новой охранной стражи при исключительно тяжелыхъ условіяхъ поручили начальникамъ отдѣловъ изъ совершенно выдохшихся рамолисменовъ, жаждущихъ покоя и привыкшихъ служить, сидя въ канцеляріяхъ и подписывая бумажки.

Хозяйство стражи попало въ руки весьма сомнительныхъ элементовъ, связавшихся съ еще болѣе сомнительными поставщиками; всѣ заказы дѣлаются въ Японіи и тамъ же живутъ пріемщики. Яхонтовъ мнѣ разсказывалъ, какъ эти пріемщики заготовляли сапоги по тройной цѣнѣ.

15 Марта. Ѣздилъ по подъѣздной дрововозной вѣткѣ подрядчика Ковальскаго; присутствовалъ при смотрѣ стоящей здѣсь 15 роты; здѣсь очень хорошій ротный командиръ и, благодаря ему, все въ порядкѣ, люди хорошо размѣщены, одѣты, имѣютъ строевой, подтянутый видъ, что показываетъ, что дѣло въ людяхъ, а не въ трудностяхъ обстановки.

На станціи Имяньпо разсказывали, что станціонный буфетчикъ снялъ вагонъ ресторанъ при поѣздѣ генерала Нокса и за поѣздку въ Омскъ заработалъ 250 тысячъ рублей только на провозѣ туда, подъ видомъ запаса, разныхъ продуктовъ, консервовъ и вина; говорятъ, что буфетчики при другихъ союзныхъ юпитерахъ зарабатываютъ этимъ путемъ милліоны.

Вечеромъ по дорогѣ прошла телеграмма, что съ ночи дорога переходитъ подъ международный контроль.

16 Марта. Вернулись въ Харбинъ; здѣсь сидитъ Семеновъ, совсѣмъ безъ денегъ, отставшій отъ японцевъ и не приставшій къ американцамъ; онъ хочетъ вернуться въ кредитное лоно Хорвата, но тотъ не желаетъ его видѣть.

Видѣлъ у Плѣшкова письменный протестъ подписанный начальникомъ штаба 2 дивизіи Средне-Сибирскаго корпуса по поводу порядковъ, царящихъ въ корпусѣ генерала Пепеляева, который, если вѣрить всему изложенному въ письмѣ, такой-же атаманъ, какъ и нашъ Гришка, но только все же дерущійся на фронтѣ.

Интересно указаніе, что взятіе Перми, раздутое 27 лѣтнимъ генераломъ въ огромную побѣду, обошлось намъ въ 2 убитыхъ и 13 раненыхъ; трудность была въ погодѣ, а боя, собственно говоря, и не было, такъ какъ при появленіи сибиряковъ красные въ паникѣ бѣжали.

17 Марта. Былъ у меня Хрещатицкій, сидѣлъ очень долго, обвинялъ Омскъ въ непониманіи цѣлей его русско-японскихъ формированій, но увѣрялъ, что теперь все разъяснено и онъ уже назначенъ инспекторомъ этихъ формированій. Я ему наговорилъ въ очень любезной формѣ такихъ колкостей, что онъ не зналъ, какъ уйти; не стѣсняясь въ выраженіяхъ, далъ оцѣнку тѣмъ русскимъ мерзавцамъ, которые продались разнымъ иностранцамъ, и высказалъ свой взглядъ на атамановъ и присосавшихся къ нимъ негодяевъ, которые, подъ видомъ спасенія Россіи, набиваютъ карманы и преслѣдуютъ личные интересы.

18 Марта. Пріѣхалъ Хорватъ, все время откладывавшій свой пріѣздъ, чтобы не встрѣчаться съ Семеновымъ; положеніе послѣдняго таково, что ему нельзя вернуться къ своимъ войскамъ безъ денегъ, а ихъ у него нѣтъ, такъ какъ послѣднія уплочены за февраль.

Опять у Хорвата всѣ данныя, чтобы прикончить съ этой гнилью, и опять онъ сдрейфитъ и пойдетъ на какое нибудь дряблое, половинчатое рѣшеніе.

Сегодня въ собраніи перечисляли харбинскихъ офицеровъ, отбывшихъ по найму къ Семенову; чуть не поголовно всѣ — или удаленные по суду офицеровъ, или судимые за растраты, или находящіеся подъ слѣдствіемъ, или замаранные въ спекуляціяхъ. Называли въ видѣ курьеза назначеніе директоромъ Дарасунскихъ минеральныхъ водъ находившагося здѣсь самозванца авантюриста, именовавшаго себя барономъ Остенъ-Сакеномъ и обвинявшагося въ цѣлой серіи военныхъ и уголовныхъ преступленій самаго грязнаго характера.

19 Марта. По городу бродятъ развинченные и хунхузообразные типы изъ свитъ Семенова и Калмыкова (послѣдній тоже прибылъ сюда за даяніями). При рѣшительности было бы легко сразу покончить съ атаманщиной, особенно съ Калмыковымъ, за которымъ преступленій на 10 смертныхъ приговоровъ. На Хорвата насѣли Плѣшковъ и заинтересованные въ сохраненіи атаманщины Харбинцы; у него все время идутъ какія-то совѣщанія по устройству атамановъ.

20 Марта. По словамъ вездѣсущаго и всюду нюхающаго барона Корфа, здѣсь стараются какъ-нибудь устроить Семенова, который на все соглашается и готовъ на примиреніе съ Омскомъ. Въ дѣло вмѣшался мѣстный комитетъ партіи кадетъ, увѣряющій, что Семеновъ сталъ на стезю закона, и напирающій на Хорвата, чтобы тотъ его пригрѣлъ; при этомъ повторяется обычная ложь о наличіи у Семенова 25 тысячъ отличныхъ войскъ (на дѣлѣ нѣтъ и $1/5$ и, притомъ, всякаго сброда) и объ его обаяніи среди Забайкалья (которое почти все въ состояніи возстанія противъ Семенова). Все идетъ къ тому, чтобы вызволить изъ бѣды издыхающую атаманщину.

Верховный Уполномоченный обязанъ, собственно говоря, арестовать обоихъ атамановъ и предать суду — одного за измѣну и бунтъ, а другого по всей совокупности учиненныхъ имъ преступленій. Вмѣсто этого — любезности, совѣщанія, торговля . . .

21 Марта. Хорватъ окончательно семенизировался, перетащенъ на сторону атамановъ и старается имъ помочь; это хуже дряблости; это какая-то импотентная хамелеонщина; король Хорватіи оказывается безнадежно голымъ, съ какой стороны къ нему ни подходи.

Вечеромъ ко мнѣ явился, назвавшій себя бывшимъ адъютантомъ генерала Корнилова, полковникъ Завойко въ сопровожденіи другого офицера; просидѣлъ у меня два часа, оказался большимъ хвастуномъ и много говорилъ о своихъ заслугахъ и значеніи, подчеркивалъ перенесенныя страданія и испытываемыя преслѣдованія, заставляющія его путешествовать подъ чужимъ именемъ.

Облилъ меня потокомъ комплиментовъ, и въ концѣ концовъ огорошилъ вопросомъ, не соглашусь ли я пойти начальникомъ штаба къ Семенову при исполненіи той политической комбинаціи, которая здѣсь разрабатывается. Я отвѣтилъ, что считаю Семенова хулиганомъ, дряблой тряпкой, командуемой бандой отборныхъ негодяевъ и жуликовъ; японскимъ попыхачемъ, ослѣпшимъ отъ честолюбія и губящимъ дѣло спасенія Россіи на выгоду японцамъ и на спасеніе большевикамъ; съ такими господами мнѣ не по пути, и, хотя я готовъ ради родины на любыя испытанія, но только не на службу съ этой сворой.

Завойко очень опѣшилъ, пытался доказать лойяльность Семенова, повторялъ басни о 25 тысячномъ отрядѣ и пр. и пр., и въ концѣ концовъ разъяснилъ, что предполагается выдвинуть Семенова на должность командующаго войсками всего Дальняго Востока, а меня назначить къ нему помощникомъ. Я вновь отвѣтилъ, что отъ какой либо совмѣстной работы съ атаманами отказываюсь, ибо они губятъ Россію такъ же, какъ большевики; въ ихъ эволюцію я совершенно не вѣрю, и дальнѣйшій разговоръ на эту тему считаю безцѣльнымъ.

22 Марта. Семенову дали вздохнуть и онъ началъ уже хорохориться; сегодня онъ взгромоздился въ роль защитника украинцевъ и прислалъ Главноначальствующему заносчивый протестъ по поводу отвода для американскихъ войскъ казармы, гдѣ помѣщалась временно украинская школа. Протестъ передали мнѣ; я просилъ Плѣшкова наложить резолюцію «возвратить съ наддраніемъ и предложить не озорничать», но сіе не прошло.

23 Марта. Завойко съ таинственнымъ видомъ укатилъ на западъ — въ Читу и Омскъ, что-то устраивать; здѣсь онъ оставилъ впечатлѣніе мелкопробнаго революціоннаго выкидыша.

Повстанцы Амурской Области поколотили японцевъ, при этомъ погибла цѣлая японская колонна; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ японскія войска не пріучены къ дѣйствіямъ малой войны въ нашей тайгѣ.

24 Марта. По разсказу Корфа, совѣщанія въ старомъ Харбинѣ выработали проектъ окончанія «ссоры» между Читой и Омскомъ; по этому проекту Семеновъ остается Походнымъ Атаманомъ всѣхъ дальневосточныхъ казачьихъ войскъ, а весь инцидентъ предается забвенію. Въ основаніе такого рѣшенія положено-де то, что въ распоряженіи Семенова находятся громадныя военныя силы (теперь уже выросшія до 70 000 человѣкъ) и то, что онъ монгольскій князь съ огромнымъ вліяніемъ среди монголъ и бурятъ.

Семеновъ все еще торгуется и требуетъ назначенія себя командующимъ войсками Дальняго Востока.

Все это безъ какихъ либо комментарій передано Хорватомъ въ Омскъ; быть можетъ, тамъ найдется кто нибудь, кто подумаетъ о Россіи; здѣсь о ней забыли; здѣсь думали только, какъ раздѣлаться съ непріятнымъ для всѣхъ инцидентомъ и преимущественно въ пользу Семенова.

25 Марта. Утромъ получилъ изъ Омска телеграмму отъ помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго генерала Бурлина съ предложеніемъ занять должность Главнаго Начальника Снабженій при ставкѣ. Отвѣтилъ согласіемъ, такъ какъ отказъ можетъ быть принятъ за нежеланіе служить общему дѣлу, т. е. какъ разъ противно моимъ надеждамъ и стремленіямъ. То, что извѣстно до сихъ поръ объ Омскѣ, заставляетъ сознавать, что, давъ согласіе, принимаю на себя тяжелый крестъ, работа предстоитъ грандіозная и въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ; должность Главнаго Начальника Снабженій всегда была очень тяжела; что же должно быть теперь при разстроенномъ транспортѣ, безъ организованныхъ запасовъ и при страшномъ упадкѣ служебной исполнительности и пониженіи моральнаго уровня; вѣдь все то, что считалось гнусностью, подлостью, мерзостью и даже преступленіемъ въ прежнее дореволюціонное время, теперь считается нормальнымъ, естественнымъ и даже не всегда скрывается. Отзвуки того, что дѣлается по части снабженій, слышны здѣсь въ Харбинѣ; очевидно, что придется начать безпощадную борьбу съ тѣми жадными и темными элементами, которые стаями обложили всѣ довольствующія и заготовляющія учрежденія. Чувствую, что просижу тамъ недолго, и на вопросъ жены, на сколько времени меня собирать и снабжать, отвѣтилъ; «въ общемъ на срокъ отъ четырехъ до шести недѣль, больше я едва ли тамъ удержусь».

26 Марта. Вечеромъ получилъ телеграмму изъ Омска, что мое назначеніе утверждено, и что начальникъ штаба Верховнаго очень проситъ меня поспѣшить прибытіемъ.

Чувствую, что 28 лѣтніе кандидаты въ Наполеоны запутались въ снабженіяхъ и въ устройствѣ тыла и рѣшили искать спасенія въ опытѣ тѣхъ старыхъ служакъ стараго режима, которыхъ до сихъ поръ не подпускали къ работѣ, сдали въ архивъ, заявивъ, что теперь, при гражданской войнѣ, нужны молодость и рѣшительность; знаніе же дѣла, опытъ и пр., и пр., это все старые предразсудки.

27 Марта. Сдалъ дѣла квартирной комиссіи, явился по начальству; откланялся, кому слѣдуетъ. Меня всюду поздравляютъ; надо же жалѣть, а не поздравлять, такъ какъ на меня ложится такая тяжесть, которая едва-ли подъ силу моимъ уставшимъ нервамъ, да еще въ Омскихъ условіяхъ; придется все создавать изъ ничего въ кипящей обстановкѣ, когда ни ждать, ни опаздывать не полагается.

По приказамъ Ставки пытался разобраться въ той организаціи, въ которую вылилась структура сибирскихъ армій, но ничего не добился; каша и путаница въ приказахъ невѣроятная, напоминаетъ работу неопытныхъ штабныхъ писарей; несомнѣнно только, что арміи содержатся по типу отдѣльныхъ армій, а тогда я не понимаю, что же будетъ дѣлать Главный Начальникъ снабженій, необходимый при неотдѣльныхъ арміяхъ и совершенно немыслимый при арміяхъ отдѣльныхъ, ибо при послѣднихъ есть свои началь-

ники снабженій, сносящіеся прямо съ Военнымъ Министромъ и Главными Управленіями.

Пріятно было узнать, что помощникомъ Военнаго Министра по части снабженій состоитъ генералъ Суринъ; онъ имѣлъ по этой части большой опытъ и выказалъ себя дѣльнымъ, добросовѣстнымъ и нешаблоннымъ работникомъ.

28 Марта. Сходилъ въ междусоюзный желѣзнодорожный совѣтъ къ нашему тамъ представителю инженеру Данилевскому, чтобы ознакомиться съ проектами и намѣреніями этого совѣта въ дѣлѣ улучшенія нашего транспорта; для меня сейчасъ это самое важное, ибо сносное снабженіе возможно только при налаженномъ транспортѣ; наши же дороги пришли въ такое разстройство, что временами кажется, что онѣ наканунѣ полной остановки. Надѣюсь, что вмѣшательство желѣзнодорожнаго контроля позволитъ ослабить то грандіозное взяточничество, которое свило прочное гнѣздо во всѣхъ отрасляхъ желѣзнодорожной службы, и сократитъ ту спекуляцію по продажѣ вагоновъ, которая развилась въ Харбинѣ и Владивостокѣ и далеко затмила тѣ безобразія, которыя видѣлъ Харбинъ въ 1904—1905 годахъ во время Русско-Японской войны.

Данилевскій мнѣ сообщилъ, что междусоюзный комитетъ только-что налаживаетъ свою работу; пока же, наступленіе теплаго времени естественно улучшитъ работу всѣхъ желѣзныхъ дорогъ; есть полная надежда за лѣто осуществить цѣлый рядъ намѣченныхъ реформъ и къ глубокой осени довести оборотъ всѣхъ сибирскихъ дорогъ до 7—8 паръ сквозныхъ поѣздовъ; ожидается прибытіе изъ Америки 350 паровозовъ и четырехъ тысячъ вагоновъ, что сильно подниметъ состояніе истрепаннаго вагоннаго парка. Часть матерьяловъ, остро необходимыхъ для мастерскихъ и для службы движенія, уже получена, а часть находится въ пути. Будетъ улучшена, составленная очень неумѣло, шкала оплаты труда и установлены здоровыя сдѣльныя платы.

Ушелъ съ довольно хорошимъ впечатлѣніемъ, что, если хоть часть словъ претворится въ дѣло, то транспортъ наладится достаточно сносно. Главное, чтобы подумали о младшихъ служащихъ и улучшили ихъ матерьяльное положеніе, которое сейчасъ невозможно плохо. Высшая желѣзнодорожная администрація глуха ко всему и всѣ униженныя просьбы и петиціи младшихъ служащихъ остаются даже безъ разсмотрѣнія и отвѣта. Трудно понять тактику управленія дороги; похоже на то, что верхи мстятъ низамъ за тотъ страхъ и трепетъ, которые верхи пережили за короткое время владычества здѣсь большевиковъ въ Ноябрѣ прошлаго года.

Наплывъ богатыхъ бѣженцевъ создалъ въ Харбинѣ острый квартирный кризисъ, выгналъ мелкихъ служащихъ изъ дешевыхъ квартиръ и обрекъ ихъ на жалкое существованіе въ приспособленныхъ подъ жилье лѣтнихъ кухняхъ, сараяхъ и въ пригородныхъ поселкахъ. А юпитеры и юпитеришки занимаютъ огромные дома и сдаютъ лишнія комнаты богатымъ бѣженцамъ и иностранцамъ за невѣроятно высокія цѣны.

Продовольственная помощь служащимъ въ самомъ жалкомъ положеніи; для приличія существуетъ продовольственный комитетъ, но служащіе говорятъ, что пользуются имъ только потому, что тамъ можно получать въ кредитъ, но что продукты хуже чѣмъ въ частной торговлѣ, а цѣны значительно выше.

При такомъ матерьяльномъ состояніи служащихъ трудно требовать отъ нихъ усердной и честной работы. Недохватъ бюджета возмѣщается у менѣе стойкихъ нравственно взятками, воровствомъ и прочими нелегальными путями; честное же меньшинство голодаетъ, ведетъ нищенскую жизнь и копитъ злобу на тѣхъ, которые не хотятъ о нихъ подумать и имъ помочь.

Послѣ обѣда былъ въ биржевомъ комитетѣ, бесѣдовалъ съ предсѣдателемъ Водянскимъ (умный, дѣльный, очень нешаблонный человѣкъ); онъ меня познакомилъ съ состояніемъ мѣстной торговли и транспорта и просилъ обратить вниманіе на то, что до сихъ поръ ни одна сдѣлка по заготовкамъ министерства снабженія не прошла черезъ биржу, гдѣ все проходитъ документально и съ минимальными расходами на комиссію; ясно, что всѣ эти сдѣлки боятся свѣта и совершаются по дутымъ цѣнамъ.

Онъ высказалъ, что биржевые комитеты съ удовольствіемъ возьмутъ на себя цѣлый рядъ военныхъ заготовокъ и проведутъ ихъ дешево, но добавилъ, что не

надѣется на возможность осуществленія такой реформы, вслѣдствіе «посторонних причинъ».

Я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ находится сейчасъ Военный Министръ къ Министерству Снабженія, но нельзя не согласиться, что необходимы самыя крупныя мѣры, чтобы искоренить темныя и подлыя злоупотребленія, и что борьба съ ними вызоветъ самый энергичный отпоръ со стороны тѣхъ жадныхъ и сплоченныхъ своръ и жульническихъ бандъ, которыя со всѣхъ сторонъ присосались къ военнымъ поставкамъ и которыя дешево не отдадутъ тѣ сотни милліоновъ, которыя онѣ крали и крадутъ и которыя онѣ считаютъ уже своими.

Еще до революціи упрощенные порядки заготовокъ и слабость контроля, связаннаго иногда жупеломъ военной необходимости, развязали руки опытнымъ дѣльцамъ, особенно по части заграничныхъ заказовъ, но тогда былъ страхъ закона, опытный контроль, надзоръ со стороны общества; теперь все дѣлается въ обстановкѣ исключительной спѣшности, военной неотложности и очень часто утрированной секретности; здѣсь такой просторъ злоупотребленіямъ и разгулу жадныхъ апетитовъ заказчиковъ и подрядчиковъ!

Сколько мелкихъ подробностей, характеризующихъ всѣ эти поставки, я упустилъ зарегистровать, узнавая про нихъ мелькомъ изъ разговоровъ въ собраніи!

Водянскій разсказалъ мнѣ, что агентъ министерства финансовъ, какой-то финансовый молокососъ купилъ, —конечно, самостоятельно и помимо биржи, — нѣсколько милліоновъ пудовъ сахара, причемъ въ условіяхъ совершенно не были оговорены кондиціонныя условія и качества сдаваемаго продукта, а затѣмъ цѣна была указана въ іенахъ по курсу дня сдачи. Поставщики сдали партію сахарнаго песку съ Зондскихъ или какихъ-то другихъ острововъ, страшно впитывающаго въ себя влагу и теперь изъ всѣхъ вагоновъ течетъ густой сиропъ; отсутствіе же фиксированной при сдѣлкѣ цѣны заставляетъ теперь уплачивать вдвое больше рублей. Какъ квалифицировать такой заказъ? что это профессіональная безграмотность, бюрократическое ротозѣйство или просто на просто стачка съ подрядчиками на пользу своего и ихъ кармана?

Вообще же, всѣ министерства стараются заготовлять и заготовляютъ самостоятельно; Харбинъ и Владивостокъ наполнены особо уполномоченными и просто уполномоченными, заготовляющими, заказывающими и отправляющими агентами разныхъ министерствъ и учрежденій, создающими невѣроятный хаосъ на и безъ того взвинченномъ рынкѣ, что такъ на руку мѣстнымъ дѣльцамъ и спекулянтамъ; немало агентовъ торгуетъ вагонами за счетъ данныхъ имъ въ Омскѣ нарядовъ.

Разсказывали, что какой-то не то директоръ департамента, не то начальникъ канцеляріи, нарочито прибывшій сюда изъ Омска для покупки канцелярскихъ принадлежностей, такъ набилъ товарами предоставленные ему вагоны, что, когда привезли злополучныя принадлежности, то для нихъ не оказалось мѣста, и ихъ сдали коменданту станціи для отправки его попеченіемъ.

29 Марта. Рѣшилъ до отъѣзда въ Омскъ проѣхать во Владивостокъ, гдѣ сосредоточена вся дѣятельность особо уполномоченнаго отъ Министра Снабженія и Продовольствія Циклинскаго, и тамъ ознакомиться съ положеніемъ главныхъ заготовокъ. Объ этомъ Циклинскомъ говорятъ много; на засѣданіи биржевого комитета ему прямо бросили обвиненіе въ томъ, что, когда пшеница стоила 3 р. 30 к. пудъ, его агенты скупали ее по полуторной цѣнѣ; въ томъ же засѣданіи называли покупщика, пріобрѣтшаго наряды на 50 вагоновъ, выданные Циклинскимъ для казенныхъ грузовъ.

Циклинскій на эти нападки отвѣта не даде.

Думаю узнать во Владивостокѣ многое; судя по нѣкоторымъ дошедшимъ до меня случайно мелочамъ, тамъ вакханалія взяточничества и спекуляціи почище Харбинской.

Выѣхалъ во Владивостокъ вмѣстѣ съ Самойловымъ, въ его вагонѣ; ѣдемъ съ конвоемъ, такъ какъ стоящіе на линіи китайскіе солдаты сильно обнаглѣли и еще вчера на станціи Дуйциншань избили кондукторскую бригаду пассажирскаго поѣзда. Интересно поведеніе восьми семеновскихъ офицеровъ, ѣхавшихъ съ этимъ поѣздомъ: на мольбы одного изъ кондукторовъ помочь и заступиться, они отвѣтили отказомъ, заперлись въ своемъ вагонѣ и приняли мѣры по обезопасенію себя отъ пуль на случай, если откроется стрѣльба;

такіе господа очень храбры и стремительны при поркѣ беззащитныхъ или при осмотрѣ поѣздовъ, но жалкіе трусы передъ лицомъ опасности, иногда самой ничтожной.

30 Марта. Двигаемся на востокъ; читаю очень интересную брошюру Батранцева «Что такое соціализмъ, анархизмъ и атаманщина»; книга напечатана по заказу бывшаго недавно въ Харбинѣ военнаго министра генерала Степанова; первая часть написана неважно (списана и компилятивна), но атаманщина обрисована очень выпукло; особенно удачно проведена параллель между идеологіей и пріемами Емельки Пугачева и современныхъ атамановъ. Пиши, не пиши, а вліяніе атаманщины расползается все шире и шире и дѣлается все вреднѣе и вреднѣе. Пищитъ отъ нихъ родившій и вскормившій ихъ Хорватъ, ежится его сѣрый кардиналъ Колобовъ и его Фуше — Арнольдъ. Хотѣли родить «кулачки» для расшатыванія большевизма, а родили атаманскіе кулачищи себѣ на заботу и устрашеніе, а Россіи и бѣлой идеѣ на гибель, ну, а большевикамъ только на пользу; дали имъ драгоцѣнную возможность кричать и кричать, опираясь на факты, что «гидра контръ-революціи опять подняла свою окровавленную голову».

Не будь атаманщины, сибирская деревня занималась бы своимъ дѣломъ, деревенская молодежь не уходила бы въ сопки и большевизмъ питался бы только каторжнымъ уголовнымъ элементомъ и отбросами городского пролетаріата.

Безъ искусственнаго возбужденія глубокій большевизмъ здѣсь въ Приамурьѣ немыслимъ, ибо основное населеніе деревень настолько зажиточно и даже богато, что его не совратишь никакими соціалистическими бреднями. По статистическому обслѣдованію Приамурья, произведенному въ 1908—1909 годахъ общеземской организаціей Львова, выяснилось, что расходный бюджетъ здѣшняго крестьянина въ шесть разъ превосходитъ таковой же бюджетъ крестьянина европейской Россіи.

Приходившіе изъ Россіи новобранцы, попадая впервые въ здѣшнія деревни, шалѣли отъ удивленія при видѣ крестьянской зажиточности и говорили, что у нихъ въ Россіи и паны такъ не живутъ.

Иначе и быть не могло при старыхъ стодесятинныхъ надѣлахъ и при существовавшей до войны системѣ сдачи почти всего урожая безъ всякихъ посредниковъ-скупщиковъ прямо въ склады интендантства. Не было здѣсь и остраго рабочаго вопроса, ибо при крайне слабомъ развитіи промышленности здѣсь не было сильнаго рабочаго класса, а китайская конкурренція не давала возможности русскимъ рабочимъ особенно капризничать.

31 Марта. Утромъ пріѣхалъ во Владивостокъ; рѣшилъ посѣтить всѣ существующіе здѣсь лагери, чтобы изъ первоисточниковъ выяснить наличную обстановку.

Началъ съ коменданта крѣпости полковника Бутенко, онъ является ставленникомъ земства, сохранился со временъ перваго переворота и поддерживается союзниками, которые до сихъ поръ сносятся съ нимъ, какъ съ законно ими признаннымъ русскимъ оффиціальнымъ лицомъ. Случайно залетѣвъ на высокій и при наличной обстановкѣ очень колючій постъ, Бутенко сидитъ между двумя стульями; онъ былъ очень хорошимъ начальникомъ разныхъ полковыхъ командъ, былъ хорошимъ командиромъ; неглупый, храбрый, искренній, но въ политикѣ смыслитъ очень мало. Видъ у него совсѣмъ растерянный; съ назначеніемъ помощникомъ Хорвата знаменитаго омскаго интригана Иванова-Ринова положеніе Бутенко стало еще сложнѣе. Ивановъ-Риновъ дѣлаетъ здѣсь, что хочетъ; альянсъ трехъ атамановъ сибирскаго, забайкальскаго и уссурійскаго въ полномъ цвѣту, и они кутятъ во всю, причемъ Ивановъ-Риновъ отличается исполненіемъ какихъ-то особенныхъ частушекъ.

Возстаніе на Сучанѣ разрастается; посланные туда карательные отряды по своей малочисленности не могли справиться съ образовавшимися въ этомъ районѣ бандами, остатками большевиковъ, усиленными мѣстнымъ каторжнымъ и уголовнымъ элементами и ушедшей къ нимъ отъ призыва и мобилизаціи молодежью. Какъ говорятъ, карательные отряды поусердствовали по части порки, при чемъ пострадали наименѣе опасные элементы, а кромѣ того оказалось не безъ грѣха по части насилій надъ мѣстнымъ населеніемъ женскаго пола; въ общемъ это были единичные случаи, ибо присутствіе въ войскахъ такихъ достойныхъ командировъ какъ полковники Смирновъ,

Волковъ, Круковскій и др. гарантировало отъ возможности проявленія насилій en masse; но пропаганда раздула все это, и завязалась кровавая петля, которая неизвѣстно, чѣмъ кончится. Зато за Ивановымъ-Риновымъ останется черной памяти слава, что онъ своимъ полицейскимъ усердіемъ растравилъ большевизмъ въ здѣшней деревнѣ и довелъ пассивное и безопасное населеніе до необходимости броситься въ объятія большевиковъ и начать гвоздить топоромъ и винтовкой по всѣмъ органамъ власти, всегда очень нелюбимой, а теперь ненавистной. Очевидно, кровавые лавры, пріобрѣтенные Риновымъ при усмиреніи имъ когда-то возстанія туземцевъ въ Пишпекѣ, требуютъ освѣженія.

Зашелъ къ другому старому знакомому бывшему Владивостокскому городскому головѣ, а нынѣ Управляющему Приморской Областью И. И. Циммерману; это назначеніе я считалъ очень удачнымъ, такъ какъ Циммерманъ человѣкъ очень умный, съ характеромъ, ничѣмъ въ прошломъ не запятнанъ, обладаетъ гражданскимъ мужествомъ (качество нынѣ очень рѣдкое) и пользуется авторитетомъ среди Владивостокскихъ жителей.

По словамъ Ц. положеніе его очень тяжелое, ибо, помимо его желанія, у него установились очень натянутыя отношенія съ Хорватомъ и съ Ивановымъ-Риновымъ.

Пользы отъ наводнившаго край начальства ни области, ни населенію никакой; разумныхъ указаній или реальной помощи онъ ни отъ кого не получаетъ, ну, а что касается методовъ управленія, то онъ расходится съ Хорватомъ и Ивановымъ Риновымъ въ разныя стороны.

Особенно вреденъ, по его отзыву, Ив.-Риновъ, который все время бряцаетъ мечомъ и хочетъ скоропалительно и безъ особыхъ трудовъ покорить все подъ-нози, донести о семъ, кому слѣдуетъ, и получить за сіе полагающійся по старымъ порядкамъ тріумфъ; ну, а какъ на зло, покорять-то нечѣмъ, а само населеніе не только не хочетъ идти подъ-нози и покоряться, но научилось уже колотить высылаемыя противъ него горсточки офицерскихъ отрядовъ.

По словамъ Ц. въ Сучанскомъ и Ольгинскомъ уѣздахъ сейчасъ идетъ настоящее крестьянское возстаніе; закваску ему дали тѣ большевики, которые ушли въ эти районы послѣ разгрома ихъ чехами подъ Никольскомъ и послѣ воцаренія Калмыковщины въ Хабаровскѣ.

Принципы большевизма не могли имѣть успѣха среди зажиточнаго населенія этихъ мѣстъ, но, какъ на зло, большевикамъ помогъ приказъ Омска объ отобраніи у всего населенія форменной солдатской одежды, а затѣмъ крайне несвоевременныя распоряженія о призывѣ на службу всѣхъ унтеръ-офицеровъ и призывѣ новобранцевъ.

Всѣ эти мѣры, проводимыя Ив.-Риновымъ въ жизнь съ чисто аракчеевскимъ усердіемъ, взбаламутили все населеніе области, дали отличную почву для большевистской пропаганды и заставили часть населенія стать въ нелегальное отношеніе ко власти и взяться за оружіе.

Посылки малыхъ, безсильныхъ отрядовъ только дразнили и ухудшали положеніе, ибо воочію показывали населенію, что власть маломочна, призрачна; что перуны ея не страшны и что посылаемыя ею войска очень легко бить, причемъ все это сходитъ безнаказанно.

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ показать толпѣ свою слабость.

Сложность обстановки усугубляется тѣмъ, что въ области совершенно отсутствуетъ здоровая информація. Что такое Омскъ и правительство, что тамъ хотятъ и что дѣлаютъ, — никто не знаетъ; зато провокація и сплетня работаютъ во всю и мутятъ и безъ того нервно настроенное населеніе.

Отношенія между Циммерманомъ и земствомъ сносныя и строго законныя; онъ неуклонно держится своихъ законныхъ правъ, настаиваетъ на исполненіи земствомъ возложенныхъ на него закономъ обязанностей и постепенно этого добивается; тактика совершенно правильная и единственно возможная послѣ полуторалѣтней разрухи.

Формированіе капитальнѣйше важнаго органа всякой администраціи — полиціи или по современному милиціи находится въ безнадежнѣйшемъ состояніи, ибо нельзя найти охотниковъ идти въ стражники на 225 р. жалованья, да еще и безъ квартиры; ссылаются на недостатокъ денежныхъ средствъ, не желая понять, что, вмѣсто директоровъ,

правителей канцелярій и чиновниковъ, сидящихъ на Эгершельдѣ, полезнѣе было бы имѣть нѣсколько сотенъ порядочныхъ и преданныхъ дѣлу стражниковъ. Да и пенсіонное обезпеченіе чиновъ милиціи должно быть поставлено особенно высоко и особо надежно обезпечено отъ всякихъ политическихъ переворотовъ, хотя бы страховкой ихъ въ иностранныхъ страховыхъ обществахъ.

На призывъ новобранцевъ, объявленный Ивановымъ-Риновымъ вопреки желанію Хорвата, Циммерманъ смотритъ очень скептически, въ чемъ онъ совершенно правъ даже съ точки зрѣнія штатскаго человѣка.

Все гражданское Управленіе, созданное Хорватомъ и развитое непомѣрно широко въ смыслѣ штатовъ и окладовъ, Ц. считаетъ только вреднымъ тормазомъ для живого дѣла, ибо неотложные и жизненные для области вопросы валяются тамъ безъ разрѣшенія цѣлыми мѣсяцами. «Та-же ночь, и тѣ же пѣсни, тотъ-же самый мѣсяцъ свѣтитъ . . .», что и въ довоенныя времена. Неужели же «такъ было, такъ и будетъ».

На мой вопросъ о возможности возстановленія въ области государственнаго аппарата Ц. отвѣтилъ, что все это возможно, но только новыми средствами и въ новыхъ формахъ.

Къ сожалѣнію, этого не понимаютъ ни Хорватъ, ни особенно Ивановъ-Риновъ, обладающій всѣми замашками случайнаго побѣдителя военнаго переворота, и въ этомъ-то непониманіи вся трудность и безысходность положенія. Революція ничему не научила наши верхи, а изъ сквернаго стараго они ничего не забыли, и, какъ только немного полегчаетъ по части краснаго утѣсненія, сейчасъ же тянутся къ прежнему, не понимаютъ, упорно не понимаютъ, что нынѣ на атаманщинѣ государства не создать и порками и разстрѣлами порядка не поддержать; прошли безвозвратно тѣ времена, когда съ нѣсколькими десятками тысячъ вооруженныхъ профессіоналовъ можно было держать въ ежовыхъ рукавицахъ цѣлыя страны.

Встрѣтилъ стараго офицера 10 Сиб. Стр. полка полковника Круковскаго, рѣдкаго по служебнымъ и нравственнымъ качествамъ офицера; онъ только что вернулся изъ Сучанскаго района и не скрываетъ, что возстаніе распространяется и распространяется вслѣдствіе беззаконныхъ и насильственныхъ дѣйствій карательныхъ отрядовъ и фальшивыхъ донесеній дѣйствующихъ тамъ начальниковъ, желающихъ потрафить держимордовскимъ тенденціямъ Иванова-Ринова и на дешевку отличиться (наша давнишняя и затяжная болѣзнь, погубившая многое въ большую войну и грозящая и нынѣ самыми скверными послѣдствіями).

1 Апрѣля. Былъ у Хорвата; въ пріемной части его вагона большая толчея; впервые увидѣлъ здѣсь Иванова-Ринова — типъ, морда и манеры распорядительнаго урядника; вертѣлся здѣсь же и инспекторъ «персидскихъ формированій» генералъ Хрещатицкій съ своимъ японскимъ начальникомъ штаба, маіоромъ Араки.

Хорватъ встрѣтилъ меня очень любезно и, зная мое отрицательное отношеніе къ атаманщинѣ, по своей привычкѣ говорить съ собесѣдниками на пріятныя для послѣднихъ темы, разсказалъ мнѣ, — не особенно негодуя, — что на дняхъ Калмыковскіе агенты схватили въ помѣщеніи кинематографа и увезли съ собой зачинщика хабаровскаго возстанія въ средѣ калмыковскихъ казаковъ казака Шлынгина, и что, когда на дняхъ онъ, Хорватъ, спросилъ у Калмыкова, пріѣхавшаго къ нему по какому-то дѣлу, когда же будутъ судить Шлынгина, то Калмыковъ отвѣтилъ, что въ судѣ не встрѣчается надобности, такъ какъ Ш. по его приказу удавленъ его адъютантами.

Возмущенный, я спросилъ Хорвата, почему же онъ не арестовалъ этого откровеннаго убійцу и не предалъ его немедленно суду, но Хорватъ только усмѣхнулся въ свою длинную бороду и перевелъ разговоръ на другія темы. По сущности всей дряблой натуры Хорвата, заданный мной вопросъ былъ ребяческимъ.

Просилъ Хорвата помочь въ дѣлѣ объединенія здѣсь военныхъ заготовокъ, ибо сейчасъ идетъ сплошное безобразіе, приносящее огромные убытки казнѣ. Хорватъ обѣщалъ и добавилъ, что уже давно идутъ некрасивые слухи о дѣятельности Циклинскаго и другихъ агентовъ омскихъ министерствъ.

На путяхъ станціи стоятъ бронированные поѣзда Семенова и Калмыкова, прибывшихъ сюда для выработки условій примиренія съ Омскомъ при помощи Иванова-Ринова;

говорятъ, что соглашеніе уже состоялось и по этому вчера была грандіозная атаманская попойка съ участіемъ неизмѣнныхъ покровителей и спасителей атаманщины — японцевъ.

Благодаря помощи японцевъ, атаманы сейчасъ хозяева положенія на Дальнемъ Востокѣ; Хорватъ только миражъ власти, а его окружающіе трясутся за свою безопасность; комендантъ Хорватовскаго поѣзда подполковникъ Спицынъ разсказалъ мнѣ, что когда поѣздъ ихъ проходилъ черезъ станцію Гродеково, на которой стоялъ бронированный поѣздъ Калмыкова, то ближайшій хорватовскій антуражъ очень боялся, что неистовый атаманъ ихъ всѣхъ арестуетъ; въ вагонахъ Хорватовскаго поѣзда были заготовлены особыя засады на случай атаманскаго нападенія; дѣлалось это, однако, безъ вѣдома Хорвата, который лично храбръ и внѣшней опасности не боится.

Однако, прошли благополучно; Калмыковъ въ сопровожденіи вооруженныхъ до зубовъ тѣлохранителей явился къ Хорвату, испросилъ разрѣшенія прицѣпить свой вагонъ къ хорватовскому поѣзду, послѣ чего послѣдній двинулся дальше на Харбинъ, имѣя впереди Калмыковскій вагонъ съ торчащими изъ оконъ пулеметами, съ вензелями К и желтыми флагами; встрѣчавшее по станціямъ Хорвата желѣзнодорожное начальство шарахалось въ сторону при видѣ перваго вагона, а по линіи даже пустили слухъ, что Калмыковъ арестовалъ Хорвата и везетъ его съ собой въ видѣ презента «старшему брату, атаману Семенову».

Сегодня на Эгершельдскихъ путяхъ вытянулись бронированные поѣзда и вагоны пяти атамановъ и кандидатовъ на эти амплуа: Семенова, Калмыкова, Иванова-Ринова, Маковкина и Хрещатицкаго; на шоссейномъ проѣздѣ, идущемъ вдоль станціоннаго забора, стоятъ вереницы атаманскихъ автомобилей, причемъ, для краткости сообщеній, станціонные заборы противъ атаманскихъ вагоновъ сломаны.

2 Апрѣля. Хорвата усиленно приглашаютъ пріѣхать въ Омскъ; его пріятели и агенты изъ Омска настойчиво сообщаютъ, что пріѣздъ необходимъ, такъ какъ въ совѣтѣ министровъ накопилось много неудовольствій противъ нѣкоторыхъ распоряженій Хорвата

Приходилъ ко мнѣ Хрещатицкій; разливался соловьемъ, описывая свою дружбу съ японцами и свою освѣдомленность въ японскихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ; увѣрялъ, что японцы очень настроены противъ американцевъ и ихъ мѣстной, смахивающей на пробольшевистскую, политики, но надѣются справиться съ этимъ безболѣзненно.

Спросилъ Хрещатицкаго, насколько прочна и продолжительна видимая покорность Семенова. Хрещатицкій сначала ничего не отвѣтилъ, свернулъ на другія маловажныя темы, но затѣмъ разговорился и повѣдалъ, что атаманскій вопросъ ликвидированъ благополучно: Калмыковъ въ роли бригаднаго командира отправляется на фронтъ, Семеновъ же остается въ безцвѣтной роли походнаго атамана дальневосточныхъ казачьихъ войскъ, причемъ для того, чтобы обезвредить его въ дѣловомъ отношеніи, при Хорватѣ создается казачій отдѣлъ, который и будетъ фактически распоряжаться казачьимъ населеніемъ.

Не люблю такихъ половинчатыхъ рѣшеній; прежде всего, чѣмъ провинились тѣ войска, которыя будутъ включены въ бригаду, получающую въ командиры разбойника, достойнаго висѣлицы; затѣмъ, совершенно не согласенъ съ «безцвѣтностью» роли походнаго атамана.

Ивановъ-Риновъ, по мнѣнію Хрещатицкаго, черезчуръ горячъ и стремителенъ; за послѣднее время онъ такъ третировалъ американцевъ, что даже японцы просили Хрещатицкаго передать Ринову ихъ дружескій совѣтъ быть посдержаннѣе.

По словамъ Х—го несвоевременный призывъ новобранцевъ произведенъ приказомъ Ринова вопреки опредѣленнаго желанія Хорвата; срокъ призыва не былъ назначенъ Омскомъ и былъ предоставленъ Верховному Уполномоченному въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Хорватъ, понимая настроеніе населенія, всячески оттягивалъ призывъ, несмотря на настоянія Ринова; тогда послѣдній отдалъ приказъ о призывѣ и назначилъ его на 15 марта, такъ какъ ему нужны войска для усмиренія.

Вообще, очевидно, Хрещатицкій и Риновъ чего-то не подѣлили и это и даетъ первому поводъ рѣзко и неодобрительно отзываться о второмъ.

Послѣ обѣда я былъ у Иванова-Ринова, чтобы узнать у него о состояніи войскъ округа и ихъ нуждахъ; ничего не добился, такъ какъ командующій изъ бывшихъ

полицейскихъ этимъ мало интересуется; онъ весь наполненъ политикой, тайнами, соглашеніями и пышетъ усмирительнымъ пыломъ. Общее впечатлѣніе — бравый, честолюбивый, по уши залѣзшій въ политиканство урядникъ съ девизомъ «тащить и не пущать»; надутъ какъ индѣйскій пѣтухъ, брыжжетъ самовлюбленностью и упивается высотой своего положенія.

По поводу атамановъ онъ заявилъ, что, въ силу данныхъ ему адмираломъ полномочій, онъ выработалъ условія соглашенія и уже телеграфировалъ ихъ въ Омскъ.

При мнѣ какой-то чиновникъ лакейско-полицейскаго вида докладывалъ Ринову о результатѣ осмотра частныхъ квартиръ Бринера и Бабинцева, которыя облюбовала для себя супруга Его Превосходительства, и которыя Его Превосходительство приказалъ реквизировать и выгнать хозяевъ; чинуша обиженно и съ науськиваньемъ докладывалъ «слово и дѣло» о томъ, что подлежащіе эксфенестраціи хозяева встрѣтили его очень не дружелюбно и упрекали, что такія насильничанья надъ жителями возстанавливаютъ противъ власти самое лойяльное населеніе; особенно горячился, по докладу реквизитора, Бабинцевъ, указывавшій, что онъ старый городской дѣятель, и что даже большевики не выгоняли никого изъ квартиръ.

Услышавъ сіе, Риновъ принялъ видъ оскорбленнаго, но снисходительнаго Юпитера и повелѣлъ объявить Бабинцеву, что, если тотъ недоволенъ, то можетъ идти къ большевикамъ, въ каковомъ случаѣ Риновъ разрѣшаетъ выдать ему даже винтовку. Несомнѣнно, онъ пародировалъ одного изъ нашихъ Императоровъ, который, по полученіи донесенія объ отказѣ нѣсколькихъ студентовъ принять присягу, приказалъ спросить, подданными какой страны хотятъ тѣ быть, и отправить ихъ туда за Его счетъ.

При мнѣ начальникъ Владиміро-Александровскаго отряда, полковникъ Волковъ, докладывалъ Ринову о перехваченной въ отрядѣ телеграммѣ, устанавливавшей яко бы дружескія отношенія американцевъ съ большевистскими главарями въ Сучанскомъ районѣ

Риновъ очень шумно обрадовался и заявилъ, что этой телеграммой онъ «взорветъ» американцевъ; жалкая и мелкая полицейская психологія случайнаго прыща, непригодная и невозможная въ широкихъ международныхъ отношеніяхъ; пискъ синицы, хваставшейся зажечь море.

3 Апрѣля. Утромъ заходилъ ко мнѣ полновластно здѣсь работающій особоуполномоченный министерства Продовольствія и Снабженія (или, какъ здѣсь говорятъ, «Удовольствія и Самоснабженій») Циклинскій, рыжій субъектъ, очень вертлявый и скользкій; много и сладко говоритъ; оправдывается, что безсиленъ что либо сдѣлать, ибо не даютъ валюты, а на сибирскія деньги ничего купить нельзя; а сегодня мѣстные комерсанты разсказывали мнѣ, что первый ударъ по сибирскимъ деньгамъ сдѣлалъ самъ же Циклинскій, который назначилъ имъ дизажъ въ два процента; спекулянты и игроки на курсахъ это подхватили и вчера дизажъ доходилъ уже до 12 и даже до 17%.

Жаловался на недостатокъ вагоновъ, что вѣрно; китайская дорога, нуждаясь въ вагонахъ для мѣстныхъ болѣе выгодныхъ для нея и ея агентовъ перевозокъ и для транзита на югъ, очень неохотно пропускаетъ вагоны на Владивостокъ; мелкіе агенты дороги всячески этому помогаютъ, ибо отъ вагоновъ, уходящихъ на востокъ и проходящихъ обратно подъ казенными грузами, имъ не очищается никакой выгоды, а вагоны мѣстнаго, Харбинскаго и южнаго направленій отлично оплачиваются и даютъ доходы цѣлой арміи разныхъ движущихъ, осматривающихъ, пропускающихъ и лечащихъ больные вагоны мелкихъ сошекъ.

Изъ распредѣленія недѣльнаго наряда вагоновъ, даваемыхъ намъ междусоюзнымъ совѣтомъ, узналъ, что изъ 14 поѣздовъ около половины попадаетъ союзникамъ и чехамъ, а изъ остальной половины два поѣзда назначаются обязательно въ распоряженіе Семенова для подвоза довольствія его «арміи»; это было разрѣшено Хорватомъ и остается до сихъ поръ въ силѣ, такъ какъ при первой попыткѣ прекратить этотъ возмутительный нарядъ Семеновъ пригрозилъ остановить все движеніе на западъ.

Эти поѣзда нужны Семенову, а, главное, состоящей при немъ жульнической русско-японской сворѣ, для открытой торговли вагонами, продающимися въ семеновскихъ конторахъ въ Харбинѣ (гостинница Оріантъ) и въ Чань Чунѣ; за эти вагоны платятъ бѣше-

ныя деньги, такъ какъ они идутъ подъ семеновскимъ флагомъ, а иногда и подъ конвоемъ, что обезпечиваетъ имъ безопасное прослѣдованіе черезъ наиболѣе грозный районъ забайкальскихъ владѣній атамана.

Хороша власть, которая вынуждена терпѣть такія безобразія и платить такую позорную дань, обездоливая всю Сибирь и армію ради обогащенія разбойничьей банды. Былъ у предсѣдателя недавно образованной Дальневосточной Комиссіи по снабженію арміи генерала Роопа; изъ бесѣды съ нимъ выяснилъ, что все дѣло снабженія находится въ невѣроятно хаотическомъ состояніи, ибо чуть ли не всѣ министерства, арміи, корпуса и многоразличныя отдѣльныя учрежденія послали сюда своихъ агентовъ и уполномоченныхъ, мнящихъ себя своего рода атаманами и не желающихъ ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ считаться; огромное большинство думаетъ только о томъ, чтобы подольше здѣсь побездѣльничать и пожуировать на валютныхъ суточныхъ, и въ то же время успѣшнымъ, — не взирая ни на что, — выполненіемъ возложеннаго порученія снискать благоволеніе пославшаго начальства.

Разрозненность дѣйствій, дѣловая неумѣлость, а иногда и нравственная неустойчивость этихъ господъ произвели на здѣшнемъ рынкѣ невообразимый сумбуръ и создали необычайно благопріятную обстановку для самой оголтѣлой спекуляціи. Конечно, къ подрядамъ и поставкамъ присосались разные мошенники и проходимцы, обволокли своей грязью заготовщиковъ-гастролеровъ и сдѣлались для нихъ необходимыми людьми.

О деньгахъ и объ экономіи всѣ эти заказчики не думаютъ и не заботятся, ссылаясь на то, что сейчасъ срочность удовлетворенія порученныхъ ихъ заботамъ нуждъ важнѣе всего. Это создаетъ вакханалію ажіотажа и вздутія цѣнъ, такъ какъ эти заготовительные младенцы перебиваютъ другъ у друга партіи товаровъ, гонятъ цѣны вверхъ, платятъ отступное, даютъ огромные куртажи и пр., и пр.

Необходимо положить этому предѣлъ; послалъ въ Омскъ телеграмму, въ которой вкратцѣ изложилъ обстановку и настойчиво указываю необходимость немедленно объединить всѣ заказы и заготовки въ одномъ органѣ и поставить все дѣло на здоровую почву.

Семеновскій сподвижникъ Вериго назначенъ Семеновымъ начальникомъ гарнизона города Хабаровска и полосы отчужденія Уссурійской желѣзной дороги; титулъ самый несуразный и назначеніе самое нелѣпое, но цѣль его ясна: нужно всюду посадить атаманскихъ ставленниковъ и ихъ цѣпью связать весь Дальній Востокъ для дальнѣйшаго развитія дѣятельности атаманскаго союза.

4 Апрѣля. Хорватъ подъ разными предлогами откладываетъ свой отъѣздъ въ Омскъ; говорятъ, что его ближайшіе совѣтники усиленно отговариваютъ его отъ этой поѣздки.

И напрасно это дѣлаютъ, ибо ничто такъ не разсѣиваетъ разные туманы и недоразумѣнія, какъ личное свиданіе и разговоры; говорятъ, что поѣздка тормозится тѣми персонажами, которые по добротѣ Хорвата выдвинуты имъ на высокія и отвѣтственныя мѣста и теперь боятся, что въ Омскѣ вопросъ ихъ назначенія будетъ поставленъ ребромъ.

Хорватъ по дипломатичности сдастъ и имъ придется разстаться со своими синекурами.

Знакомился съ положеніемъ транспорта; оказалось, что по воинскимъ перевозкамъ царитъ полный хаосъ, такъ какъ распоряжаются всѣ, кому не лѣнь; на первомъ мѣстѣ перевозки для союзниковъ и чеховъ, а на самомъ хвостикѣ мы.

Штаты военныхъ сообщеній раздуты такъ же, какъ и всѣ остальные; отсутствіе знаній и добросовѣстности пытаются возмѣстить числомъ работниковъ; когда въ 1900—1901 гг. я былъ старшимъ адъютантомъ дорожнаго отдѣленія управленій военныхъ сообщеній Округа, то у насъ во всемъ управленіи было семь офицеровъ, да на станціяхъ и пристаняхъ сидѣло восемь комендантовъ; при этомъ составѣ воинское движеніе было поставлено образцово и мы по точнымъ планамъ перевозили сюда десятки тысячъ новобранцевъ и увозили столько же запасныхъ; при этомъ ежегодно передѣлывались всѣ мобилизаціонные графики, ибо мобилизаціонное расписаніе мѣнялось въ Округѣ каждый годъ.

Сейчасъ въ управленіи военныхъ сообщеній Округа въ восемь разъ больше офицеровъ; на станціяхъ болтаются многіе десятки комендантовъ съ еще болѣе многочисленными помощниками, а дѣло перевозокъ въ самомъ отчаянномъ положеніи. Работоспособность и добросовѣстность упали у насъ много ниже курса нашего рубля.

Вечеромъ былъ въ комиссіи по распредѣленію вагоновъ; выяснилъ полную несогласованность и узкій вѣдомственный эгоизмъ въ распоряженіяхъ разныхъ министерствъ, главныхъ управленій и разныхъ учрежденій; переболѣлъ еще разъ чувствомъ горечи отъ нашего забитаго союзниками положенія; прослушалъ чтеніе перехваченной Омской контръ развѣдкой телеграммы изъ Семипалатинска въ Харбинъ, въ коей Владивостокскій купецъ Цой сообщаетъ своему компаньону пикантныя подробности полученной имъ поставки товаровъ въ Сибирь подъ видомъ военнаго снабженія сибирскаго атамана Анненкова, работающаго гдѣ то въ Семирѣчьѣ; товары идутъ въ Ново-Николаевскъ, какъ военный грузъ, а тамъ поступаютъ въ распоряженіе Цоя, который пятую часть всего привезеннаго отдаетъ въ распоряженіе мѣстнаго атаманскаго агента.

Вагоны подъ этотъ грузъ были уже разрѣшены комиссіей, такъ какъ явившійся въ нее представитель Анненкова билъ себя въ грудь, терзалъ свой мундиръ и патетически вопіялъ, что, если эти вагоны будутъ имъ даны, то десятки тысячъ вооруженныхъ киргизъ, доблестныхъ потомковъ Чингисхана обрушатся на большевиковъ.

Узналъ, что пробѣгъ экстреннаго поѣзда изъ Владивостока въ Омскъ стоитъ 580 000 рублей. Думаютъ ли объ этомъ тѣ разнообразные, разноцвѣтные и разноплеменные юпитеры, которые все время гоняютъ по магистрали; о нашей-же вѣткѣ Харбинъ — Владивостокъ и говорить нечего, ибо здѣсь даже для высокопоставленныхъ дамъ гоняютъ экстренные поѣзда; въ своей вотчинѣ чего же стѣсняться? комендантъ Хорватовскаго поѣзда разсказалъ мнѣ, между прочимъ, что на дняхъ пріобрѣтенная М-me Хорватъ для ея молочной фермы корова отправлена въ Харбинъ по воинскому предложенію литера А. подъ видомъ порціоннаго скота конвоя Верховнаго Уполномоченнаго: вѣдь, если верхи опускаются до такихъ откровенныхъ залѣзаній въ казенный сундукъ, то можно перестать удивляться тому, что дѣлается въ низахъ.

Видѣлъ ревизора движенія, который мнѣ сообщилъ, что станція Владивостокъ, какъ таковая, уже не работаетъ, такъ какъ всѣ пути заняты вагонами и поѣздами нашего и союзнаго начальства; всего стоитъ до 600 пассажирскихъ вагоновъ и до 400 товарныхъ и теплушекъ.

5 Апрѣля. Отъѣздъ Хорвата въ полной неопредѣленности; непонятно, какъ такое крупное лицо не можетъ рѣшить ѣхать или не ѣхать; въ городѣ уже говорятъ, что боятся ѣхать, опасаясь не вернуться уже назадъ.

Въ атаманскихъ поѣздахъ ликованіе; увѣряютъ, что по соглашенію Иванова-Ринова съ Семеновымъ сюда идутъ изъ Забайкалья три семеновскихъ полка и тогда Риновъ въ сотрудничествѣ съ Калмыковымъ наведутъ порядокъ и справятся со всѣми непокорными.

Очевидно, все дѣлается для того, чтобы создать новый внутренній фронтъ и дать возможность Ринову показать свои полководскіе и усмирительные таланты.

Самойловъ обѣдалъ у стариннаго пріятеля своего покойнаго брата, японскаго генерала Хагино, который ему высказалъ, что Японія не можетъ поддерживать омское правительство, такъ какъ за нимъ не стоятъ широкія народныя массы. Совсѣмъ сіе непонятно; почему же они тогда такъ энергично поддерживаютъ Читинскую помойную яму?

Вечеромъ, случайно, прошелъ по Свѣтланской улицѣ; безобразія, учиняемыя союзными солдатами, напомнили мнѣ Александровскій паркъ въ началѣ 1918 года — та же пьяная, разнузданная толпа, тѣ же пѣсни и визги, еще болѣе безшабашное гоняніе за женщинами; русскія женщины, къ стыду нашему, очень интернаціональны, когда дѣло касается долларовъ и иныхъ валютныхъ знаковъ.

Японцевъ въ этой толпѣ нѣтъ; ихъ внѣшняя дисциплина безупречна и на улицѣ ихъ можно встрѣтить только въ служебныхъ нарядахъ.

6 Апрѣля. Зашелъ въ коммерческое собраніе; тамъ разговоры объ атаманскомъ засильи и о необходимости установленія твердой и честной власти; всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что мѣстныя возстанія вызваны неудачными распоряженіями мѣстныхъ военныхъ властей; очень удивляются безразличію, съ которымъ Хорватъ взираетъ на всѣ безобразія атамановъ и атаманствующихъ; говорятъ это спокойно, безъ обычной подковырки начальству, но въ сознаніи, что отъ происходящаго страдаютъ обывательскіе интересы.

Я молчалъ, ибо не могъ сказать, что и Омскъ, и Хорватъ одинаково безсильны справиться съ атаманщиной, за спиной которой стоятъ японцы, или вѣрнѣе, японская военная партія, которая видимо надѣется использовать наши безпорядки въ своихъ національныхъ интересахъ.

Видѣлъ полкъ Февралева; вокругъ него группируются всѣ войсковые казачьи элементы, не выносящіе Калмыковскаго режима; онъ сообщилъ, что надѣется, что въ ближайшемъ будущемъ удастся собрать полный войсковой кругъ въ обстановкѣ, обезпечивающей депутатовъ отъ насилій Калмыкова, и тогда пѣсня этого разбойника спѣта; оба послѣдніе круга собирались только изъ приспѣшниковъ атамана и въ такой обстановкѣ, которая отбивала охоту ѣхать туда тѣмъ депутатамъ, которые хотѣли говорить или голосовать противъ Калмыкова.

Февралевъ приговоренъ Калмыковымъ къ смерти, спасается въ поѣздѣ у Хорвата, выходитъ только днемъ; всѣ это знаютъ и терпятъ.

Видѣлъ младшаго Скидельскаго; въ разговорѣ по поводу валюты для заграничныхъ заказовъ, онъ указалъ, что правительству слѣдовало бы купить сейчасъ всѣ запасы бобовъ, которые милліонами пудовъ лежатъ и портятся на станціяхъ Китайской дороги, и организовать ихъ вывозъ заграницу; частныя лица сдѣлать этого не могутъ, такъ какъ не въ состояніи получить вагоновъ. Телеграфировалъ эту мысль въ Омскъ Военному Министру, добавивъ, что слѣдовало бы скупить всѣ лежащіе на станціяхъ запасы зерна, крупы и зерноваго фуража; отсутствіе транспорта сдѣлало ихъ очень дешевыми, а лишними они никогда не будутъ, ибо и мы, и весь міръ безконечно далеки отъ установленія правильнаго хозяйства и правильнаго товарооборота.

При успѣхахъ на фронтѣ и продвиженіи за Волгу намъ понадобятся огромнѣйшіе запасы зерна, чтобы подкормить голодающее населеніе занятыхъ губерній, а, если, чего Боже упаси, будетъ неуспѣхъ и намъ придется глубоко отступать и терять сибирскіе хлѣбородные районы, то маньчжурскіе запасы явятся спасительнымъ резервомъ. Сверхъ того, имѣя у себя на балансѣ нѣсколько милліоновъ пудовъ хлѣба и зерноваго фуража, мы будемъ властными распорядителями хлѣбныхъ и фуражныхъ цѣнъ на всѣхъ ближайшихъ и внутреннихъ рынкахъ. Говорилъ по этому поводу съ Циклинскимъ, просилъ снестись съ Омскомъ и, по возможности, апрофондировать и осуществить эту мысль; надо только сдѣлать все это умѣло и въ тайнѣ, чтобы мѣстные дѣльцы не пронюхали.

7 Апрѣля. Снѣжная пурга съ дождемъ заблокировала меня въ вагонѣ; разбирался въ своихъ Владивостокскихъ наблюденіяхъ; несомнѣнно, что дѣло снабженія арміи поставлено здѣсь хаотично, воровато, и своевременное обезпеченіе арміи виситъ на волоскѣ.

Въ Крѣпостномъ Инженерномъ Управленіи случайно увидѣлъ нѣсколько контрактовъ на поставку инженернаго имущества для арміи; поставщики изъ числа расплодившихся здѣсь во множествѣ спекулянтовъ; по контрактамъ вся отвѣтственность лежитъ только на казнѣ, со стороны подрядчиковъ ни гарантій, ни залога, ни неустойки; выходитъ, что подрядчикъ дѣлаетъ великое благодѣяніе, принимая на себя подрядъ. Условія платежей для казны самыя тяжелыя: 40% въ золотыхъ іенахъ при заключеніи договора, 20% при погрузкѣ въ Японіи и 40% франко бортъ парохода во Владивостокѣ, и всѣ накладные расходы на счетъ казны. Всѣ условія подогнаны такъ, чтобы пріемка происходила въ Японіи, что обезпечиваетъ для заказчиковъ командировку заграницу и облегчаетъ пріемку всякой дряни.

Во многихъ контрактахъ нѣтъ даже техническихъ условій, коимъ должны удовлетворять поставляемые предметы. Мнѣ разсказали, что недавно одинъ изъ поставщиковъ спекулянтовъ доставилъ заказанные ему предметы, но къ моменту поставки оказалось, что часть предметовъ очень поднялась въ рыночной цѣнѣ; тогда онъ заявилъ, что этихъ предметовъ у него нѣтъ и отъ поставки онъ отказывается (ни штрафа, ни неустойки въ контрактахъ нѣтъ); онъ сдалъ только то, что ему было выгодно, а черезъ нѣсколько дней его агентъ продалъ крѣпостному управленію удержанные предметы по вольной цѣнѣ, наживъ на этой операціи нѣсколько тысячъ процентовъ. Увѣряютъ, что такіе фокусы повторяются здѣсь постоянно; иногда съ вѣдома и при участіи начальства заказывающихъ

учрежденій; особенно много и скверно говорятъ про взяточничество и казнокрадство начальника инженеровъ крѣпости полковника Федорова.

Изъ всѣхъ контрактовъ ясно, что подрядчики являются только посредниками комиссіонерами, занимающимися сводничествомъ между русскими заказчиками и иностранными, преимущественно японскими фирмами; посредники наживаются съ двухъ сторонъ и отъ заказчика и отъ поставщика; въ биржевомъ комитетѣ мнѣ говорили, что 40% вносимыхъ при заключеніи контракта составляютъ настоящую цѣну поставки, а все остальное это лихвенная прибыль, комиссіонный куртажъ, взятки, смазки и т. п.

Грабежъ идетъ самый откровенный при совершенно непонятномъ попустительствѣ контроля и мѣстной государственной власти; вотъ куда слѣдовало бы засунуть свой носъ Хорватовской развѣдкѣ.

Всѣ свои наблюденія сообщилъ Циклинскому и генералу Роопу; послѣдняго просилъ обдумать способы избавиться отъ посредниковъ и перейти къ заказамъ и пріобрѣтенію изъ первыхъ рукъ, непосредственно отъ производителей.

Конечно, и здѣсь, какъ и въ Харбинѣ, всѣ сдѣлки совершаются келейно и помимо биржи; только такимъ путемъ и могутъ проходить заказы котловъ по пятерной ихъ стоимости и заказы кабеля по четверной. Большія старыя фирмы и прежніе порядочные подрядчики совершенно отошли отъ этихъ грязныхъ операцій, не желая марать своей торговой и дѣловой операціи.

Въ крѣпостномъ же Управленіи случайно наткнулся на длинные списки товаровъ, матерьяловъ и машинъ, лежащихъ уже два года въ складахъ таможни; такихъ завалей тамъ около восьми милліоновъ пудовъ стоимостью теперь на милліарды рублей; однихъ машинъ и станковъ свыше двадцати тысячъ ящиковъ, часть которыхъ валяется на открытомъ воздухѣ.

Все это забронировано ссылкой на то, что не вышли какіе-то установленные сроки, послѣ которыхъ таможня имѣетъ право продать ихъ съ аукціона. Существуетъ даже особая комиссія, вѣдающая регистраціей этихъ предметовъ; комиссія ежемѣсячно подписываетъ эти кладбищенскіе списки и только. Рядомъ съ этимъ кладбищемъ милліардовъ сидятъ Хорватъ, высокотитульные контролеры, генералъ Роопъ съ своей комиссіей, Циклинскій и многочисленные представители разныхъ министерствъ и ни у кого нѣтъ проницательности и совѣсти, чтобы завопить на всю Сибирь, что глупо и преступно тратить сейчасъ безумныя деньги на новыя покупки тѣхъ предметовъ, которые гноятся тутъ же подъ бокомъ. То, что молчатъ болѣе близко знакомые съ этими складами лица, вполнѣ понятно, такъ какъ имъ выгоднѣе снимать жирныя пѣнки съ новыхъ заказовъ.

Я поднялъ по этому дѣлу цѣлую бучу, говорилъ съ Хорватомъ, съ Риновымъ, Роопомъ и Циклинскимъ, настаивая на самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ къ использованію для нуждъ арміи и страны этихъ погибающихъ запасовъ; указалъ, что по частнымъ свѣдѣніямъ огромныя залежи такого же сорта имѣются въ Харбинѣ, Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ и Срѣтенскѣ (было и на станціи Маньчжуріи, но слопано Семеновскими реквизиторами).

Отзывчивѣе другихъ отнесся къ моему заявленію Ивановъ-Риновъ, взявшій всѣ справки и обѣщавшій принять всѣ мѣры; хочется надѣяться, чтобы хоть въ этомъ случаѣ полицейская расторопность и бурная стремительность Ринова поставили на колеса это крайне важное дѣло.

Молчаніе крѣпостныхъ управленій и представителей главныхъ Управленій относительно этихъ драгоцѣнныхъ залежей вполнѣ понятно, ибо отъ использованія этихъ безхозяйныхъ запасовъ путемъ реквизиціи въ казну, имъ никакой выгоды не очистится; совсѣмъ иное дѣло при новыхъ заказахъ черезъ удобныхъ и покладистыхъ посредниковъ или при молчаливой продажѣ этихъ остатковъ на сторону въ иностранныя руки; здѣсь, напримѣръ, опредѣленно говорятъ, что, при продажѣ японцамъ огромнаго запаса селитры артиллерійскаго вѣдомства, причастные къ этому дѣлу лица, во главѣ съ представителемъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, заработали около милліона рублей, при чемъ селитры de facto продано вдвое больше, чѣмъ показано.

8—9 Апрѣля. Отъѣздъ Хорвата отложенъ окончательно; совѣтчики отговорили; не придется ли Хорвату потомъ объ этомъ пожалѣть, ибо нельзя работать, не сговорившись откровенно съ Омскомъ и не выяснивъ всѣ накопившіяся и постоянно наростающія недоразумѣнія.

Утромъ уѣхалъ въ Харбинъ почтовымъ поѣздомъ, чѣмъ премного удивилъ станціонное начальство, не привыкшее къ тому, чтобы такое большое по новому положенію начальство ѣхало простымъ пассажиромъ въ обыкновенномъ поѣздѣ. Со мной въ купе ѣхалъ корреспондентъ Таймса; по его словамъ, онъ давно здѣсь болтается и считаетъ совершенно необходимымъ, чтобы союзники помогли Россіи временной окупацiей наиболѣе тревожныхъ районовъ, такъ какъ сейчасъ идетъ борьба не съ идеями, а съ кучками бандитовъ, захватившихъ власть надъ страной. Онъ опредѣленно согласился со мной, что многое изъ того, что произошло въ Сибири за послѣдніе полтора года, должно быть поставлено въ вину мѣстнымъ консуламъ союзныхъ державъ, которые ничего не знали, не понимали совершенно характера и послѣдствій происходившихъ здѣсь событій, не могли и не сумѣли своевременно и правильно оріентировать свои Правительства и указать имъ правильный методъ дѣйствій. Еще хуже было то, что нѣкоторые изъ консуловъ, упоенные важностью рѣшавшихся вопросовъ и случайной выдвинутостью своего положенія, повели весьма рѣшительно свою собственную политику, иногда не безъ вліянія нѣкоторыхъ русскихъ политическихъ и общественныхъ круговъ, которые въ партійныхъ интересахъ своей информацiей и своей обрисовкой положенія еще болѣе искажали ихъ пониманіе.

10 Апрѣля. Пріѣздъ въ Харбинъ и сборы въ предстоящее путешествіе въ Омскъ; возстановилъ военную форму. Харбинъ оставляю въ состояніи тревоги за будущее, такъ какъ отношенія китайцевъ становятся все болѣе и болѣе враждебными и заносчивыми; на дняхъ китайскій генералъ Тао написалъ дорогѣ чрезвычайно дерзкую бумагу, въ коей сообщенныя ему отдѣломъ по сношенію съ китайскими властями свѣдѣнія называетъ прямо «ложью»; вѣроятно, это первый случай за двадцать лѣтъ нашего здѣсь пребыванія.

Досталъ, что могъ по части географическаго и статистическаго описаній Урала, Поволжья и Центральной Сибири; надо пріѣхать въ Омскъ хотя бы съ книжнымъ знаніемъ средствъ Уральскаго и Среднесибирскаго районовъ; вѣдь, прежде и во снѣ не могло присниться, что придется вести военныя дѣйствія въ этихъ мѣстахъ.

11 Апрѣля. Произошло событіе, могущее имѣть самыя печальныя послѣдствія для нашего финансоваго положенія; Омское Правительство разразилось совершенно неожиданно проектомъ изъятія изъ обращенія керенокъ, выплативъ за нихъ половину стоимости съ записью остальной половины въ долгъ въ видѣ безпроцентнаго займа на двадцать лѣтъ. Это грозитъ создать гибельную катастрофу нашего денежнаго обращенія. Хочется думать, что принесшая это извѣстіе телеграмма освѣдомительнаго агентства является какой-то гнусной мистификацiей, и что омская власть не способна родить такой шедевръ финансовой безграмотности и государственнаго идіотизма. Безпросвѣтно глупа, профессіонально идіотична и практически чрезвычайно опасна самая идея возможности допустить теперь критику, опороченіе, сомнѣніе въ цѣнности какихъ бы то ни было русскихъ денежныхъ знаковъ.

Мы должны притаиться и радоваться, что иностранцы до сихъ поръ боятся тронуть этотъ деликатный вопросъ и молча принимаютъ деньги всѣхъ разношерстныхъ республикъ и правительствъ, появившихся на территоріи поваленной великой Россіи, какъ грибы и паразитные лишаи на стволѣ рухнувшаго могучаго дуба. Наши кредиторы боятся заглянуть за покрывало нашей финансовой Изиды, и это держитъ еще кое какъ нашъ курсъ; всѣ вѣрятъ въ наши колоссальные естественные ресурсы и надѣются, что настанетъ время, когда россійская дойная корова поправится и вновь начнетъ кормить заграницу.

И въ это время Омскъ додумался до такой галиматьи, чтобы самому начать дискредитировать наиболѣе ходкія сейчасъ въ Сибири и на Дальнемъ Востокѣ русскія деньги. Это рекордъ нелѣпости.

Объяснительная часть телеграммы ссылается на то, что страна наводнена керенками; въ отношеніи Дальняго Востока это невѣрно, такъ какъ здѣшній рынокъ жаждетъ средней

размѣнной монеты, каковой и являются очень привившіяся здѣсь керенки. Въ прошломъ году Хорвату пришлось принимать рѣшительныя мѣры, чтобы заставить китайцевъ принимать эти необычныя для нихъ деньги, и это ему удалось только послѣ того, какъ дорога объявила, что въ ея кассахъ всѣ платежи принимаются только керенками; послѣднія въ концѣ концовъ даже понравились китайцамъ, такъ какъ онѣ емки, портативны, выносливы и болѣе или менѣе обезпечены отъ простой поддѣлки; въ техническомъ отношеніи онѣ несравненно выше сибирскихъ денегъ, сдѣланныхъ изъ какой-то плакатной бумаги.

Сибирскія шлютъ сюда купюрами въ 1000 р. и въ 500 р., такъ что съ изъятіемъ керенокъ Дальній Востокъ лишается размѣнныхъ бумажныхъ денегъ.

Самое же худшее это то, что омскіе финансовые недоноски совершенно не понимаютъ той гнетущей и повелѣвающей зависимости, въ которой въ настоящее время и Сибирь, и армія находятся у Дальневосточнаго и специфически китайскаго рынка; здѣсь помѣщаются всѣ заказы и производятся всѣ покупки; здѣсь пріобрѣтается вся валюта и здѣсь господствуетъ темное царство безудержной спекуляціи и опытной, многолѣтней, прочно организованной и искусной игры на курсахъ разныхъ денегъ.

Развѣ можно было давать этой игрѣ новые способы и новые пути, чтобы еще больше валить нашъ курсъ.

Адмиралу финансовыхъ тонкостей знать не полагается, но что же думаетъ совѣтъ министровъ и что смотрятъ сидящіе въ Омскѣ высокіе комиссары, которымъ не можетъ быть безразлично, что творится финансовыми грудными младенцами, царящими повидимому въ Омскомъ градоначальствѣ.

12 Апрѣля. Хорватъ рѣшилъ въ Омскъ не ѣхать; крупная ошибка: многія нужды края повиснутъ на воздухѣ, а туманы, стоящіе между Хорватомъ и правительствомъ, останутся неразсѣянными. Съ Омскими государственными и политическими младенцами надо считаться: они живутъ свой медовый мѣсяцъ власти; очень обидчивы, особенно въ отношеніяхъ со старшими чинами прежняго режима; пріѣхавшіе изъ Омска разсказываютъ, что даже до переворота многіе министры держали себя, какъ заправскіе индѣйскіе пѣтухи.

Идіотскій проектъ изъятія керенокъ, оказавшійся не мистификаціей, уже произвелъ свое дѣйствіе: цѣны поднялись на 25%, а съ понедѣльника объявлено повышеніе еще на 50%; китайскіе торговцы принимаютъ керенки только за полцѣны, а китайскія власти телеграфировали въ Пекинъ съ просьбой добиться полной гарантіи сохраненія интересовъ китайскихъ держателей керенокъ; послѣднихъ же въ Фудзяданѣ на сотни милліоновъ рублей.

Я не теряю увѣренности, что этотъ дурацкій проектъ не пройдетъ, но уже одна возможность появленія столь нелѣпыхъ и опасныхъ идей въ средѣ правительства заставляетъ мрачно смотрѣть на будущее.

Нелѣпѣе всего то, что и замѣнить извлекаемыя изъ оборота керенки сейчасъ нечѣмъ, такъ какъ сибирскія бутылочныя этикетки здѣсь совсѣмъ не ходятъ, и у нихъ нѣтъ мелкихъ купюръ. Затѣмъ поднимаются вопросы: гдѣ найдутъ омскіе финансисты милліарды хорошихъ денегъ для обмѣна керенокъ, гдѣ они найдутъ средства, чтобы въ добавокъ ко всѣмъ непомѣрно растущимъ расходамъ оплачивать еще погашеніе второй половины изъятыхъ керенокъ?

Да, наконецъ, развѣ можно никѣмъ еще не признанному правительству, занимающему небольшую часть русской территоріи, размахиваться на такую грандіозную финансовую реформу. Оправдываются, что керенки печатаются красными, и не хотятъ видѣть, что сибирскія деньги можетъ печатать любая литографія.

На южномъ фронтѣ большевики заняли Херсонъ и Николаевъ; союзники на Мурманѣ и въ Архангельскѣ тоже попискиваютъ; вотъ къ чему приводятъ половинчатыя рѣшенія при желаніи и демократическую невинность соблюсти, и буржуйный капитальчикъ сохранить.

Хорватъ очень недоволенъ тѣмъ, что флюгарчатый Плѣшковъ слишкомъ заигрываетъ съ Семеновымъ и Ивановымъ-Риновымъ, и поручилъ Самойлову передать веселому гене-

ралу, что, если это не прекратится, то ему придется искать себѣ другое мѣсто жительства и разстаться съ Харбиномъ.

Сегодня мнѣ разсказывали про послѣднее письмо прапорщика Шульце, убитаго большевиками подъ Никольскомъ; онъ попалъ въ конно-егерскій полкъ Враштеля и умолялъ отца устроить переводъ въ другую часть, такъ какъ у нихъ въ полку безпросыпное пьянство и развратъ; какъ примѣръ, онъ указываетъ, что послѣ получки 20 Марта жалованья большинство офицеровъ куда-то исчезло и вернулось черезъ два дня въ опухшемъ отъ кутежей видѣ. Развѣ можно съ такими полками возстанавливать государственность?

13 Апрѣля. Харбинъ колышется отъ послѣдствій удара по керенкамъ; цѣны поднялись вдвое и всѣ прибавки къ жалованью, сдѣланныя за послѣднее время, ушли въ неизмѣримые карманы китайскихъ ходей и пристанскихъ спекулянтовъ.

Союзники продолжаютъ смѣхотворную политику полупомощи намъ въ борьбѣ съ большевизмомъ и въ то же время боятся признать Омское Правительство. Вѣроятно, ни у кого изъ союзниковъ нѣтъ особеннаго желанія, чтобы царящая на Руси красная каша продолжалась до безконечности и гноила все вокругъ себя; а разъ кончать, то надо кончать скорѣе и опредѣленнѣе, а для этого надо ясное, безъ экивоковъ и фиговыхъ листовъ рѣшеніе и твердое, не взирая ни на какіе вопли, исполненіе.

Разъ признаютъ большевизмъ опаснымъ и тратятъ деньги и людей, оказывая помощь борющимся съ этой красной гидрой, то надо открыто въ этомъ сознаться и признать ту власть, которая возглавляетъ эту борьбу. Тогда все становится ясно и просто; тогда возможны всякія политическія и финансовыя соглашенія.

14 Апрѣля. Видѣлся съ Гондатти и долго съ нимъ говорилъ; онъ того же, какъ и я, мнѣнія о происходящихъ событіяхъ и о томъ, что Омскіе градоначальники какъ будто нарочно стараются, чтобы изъ сквернаго стало еще хуже; очень хочется въ этомъ ошибаться, но горькая дѣйствительность не даетъ на это права.

Меня упрекаютъ, что я вижу только мрачныя стороны, но гдѣ же хорошія? Ихъ нѣтъ ни во Владивостокѣ, гдѣ сидятъ дряблый и виляющій хвостомъ Хорватъ, усмирительный держиморда Ивановъ-Риновъ и каторжный Калмыковъ; ихъ нѣтъ и въ Харбинѣ, этомъ спекулятивномъ болотѣ, гдѣ ослѣпшее отъ политики желѣзнодорожное начальство усердно заколачиваетъ въ гробъ русскую желѣзную дорогу и губитъ послѣдніе остатки огромной государственной работы двухъ десятилѣтій; ихъ нѣтъ и въ томъ гноилищѣ русской молодежи, которое называется Читой, и въ которомъ подъ грязнымъ подоломъ Машки Шарабанъ и въ кругу бѣлокомиссарскихъ прихвостней, жуликовъ, воровъ и палачей жирѣетъ и усиливается атаманъ Григорій Распутинъ 2-й; ихъ нѣтъ, повидимому, и въ Омскѣ, способномъ пока отливать одни глупыя и вредныя распоряженія.

Есть, правда, и честные, идейные борцы за бѣлую идею, но ихъ капли среди моря общей грязи; есть и свѣтлыя рѣшенія и хорошія дѣла, но они соринки среди кучи общаго мусора. Я смотрю на все, въ широкомъ раккурсѣ, и потому нѣтъ оптимизма въ моемъ обиходѣ, и оттого такъ гадко на душѣ и такъ безпросвѣтно будущее.

15 Апрѣля. Не попалъ на недѣльный экспрессъ и осужденъ еще недѣлю сидѣть въ Харбинѣ; пока что вытащилъ всѣ книжки по администраціи, по желѣзнымъ дорогамъ и освѣжаю всѣ старыя знанія, чтобы явиться въ Омскъ готовымъ къ новой работѣ; подсчиталъ, что при разумномъ использованіи того малаго числа поѣздовъ, которое намъ перепадаетъ, все же будетъ возможно наладить подвозъ боевого, техническаго и вещевого довольствія; надо только заставить узловыя станціи работать какъ слѣдуетъ, особенно же станцію Маньчжурія.

16 Апрѣля. Всюду разговоры о керенкахъ; іена сразу махнула на двѣнадцать рублей; мелкій и средній служащіе пищатъ отъ поднявшихся цѣнъ и ругательски поносятъ Омскъ. Зато спекулянтамъ великое раздолье.

На Сибирской магистрали неблагополучно, начались возстанія вблизи самой дороги на участкѣ Тайшетъ Красноярскъ и нападенія на поѣзда; движеніе производится только днемъ и подъ охраной броневыхъ поѣздовъ.

17 Апрѣля. Видѣлъ нѣсколькихъ Благовѣщенцевъ, недавно оттуда пріѣхавшихъ; по ихъ разсказамъ Амурскіе безпорядки созданы неумѣлыми и безтактными распоряженіями мѣстной администраціи, чѣмъ немедленно воспользовались попрятавшіеся, но не уничтоженные большевики. Когда свергли большевиковъ, то новыя власти стали разсчитываться за прошлое, начались порки, и немедленно поднялось крутое сопротивленіе буйнаго населенія области; тогда мѣстная администрація и кружки мѣстныхъ реакціонеровъ воспользовались непониманіемъ японцами сложившейся обстановки и натравили на большевиковъ японскія войска; японцы разошлись до того, что приказали населенію сдавать имъ большевиковъ, пригрозивъ за неисполненіе сжиганіемъ непослушныхъ деревень; я увѣренъ, что эти распоряженія продиктованы русскими совѣтниками.

Вскорѣ японцы нарвались, и красные ихъ жестоко поколотили; тогда японцы стали жечь деревни и подняли противъ себя всю область и сейчасъ ихъ положеніе тамъ настолько неважно, что, какъ говорятъ, они очищаютъ Область и предоставляютъ ее самой себѣ.

18 Апрѣля. Вчера состоялось засѣданіе биржевого комитета для обсужденія кризиса, созданнаго изъятіемъ керенокъ; всю вину за паденіе рубля возложили почему-то на японскихъ коммерсантовъ и кто-то предложилъ бойкотировать японскіе товары. Считалъ коммерсантовъ умнѣе, ибо бойкотъ и глупъ и неосуществимъ; глупъ потому, что въ паденіи рубля виноваты также и свои спекулянты, и китайцы, и омская глупость, а неосуществимъ потому, что никакихъ товаровъ кромѣ японщины здѣсь нѣтъ; торговля же, да еще китайско-еврейская по преимуществу, совершенно интернаціональна и будетъ брать что выгодно, не разсматривая марки происхожденія.

19 Апрѣля. На всей территоріи Западной и Средней Сибири стали вспыхивать мелкія возстанія, частью большевистской, частью эсеровской закваски. Послѣ чешскаго выступленія, большевики разметались въ стороны отъ магистрали, успѣли сорганизоваться и опять показываютъ зубы. Признаки это плохіе, такъ какъ борьба съ ними трудна особенно тѣмъ, что при ней нельзя не задѣвать остальное населеніе, которое, страдая отъ насъ, перекидывается на противоположную сторону, чѣмъ узелъ завязывается все туже и получается затяжная и очень опасная для неокрѣпшаго государственнаго организма болѣзнь; игнорировать ее нельзя, а леченіе можетъ вызвать общее распространеніе, особенно тогда, когда всѣ наши усмирительныя средства атаманскаго и башибузукскаго пошиба.

Очень непріятно извѣстіе о занятіи большевиками Одессы, тѣмъ болѣе, что тамъ намъ помогали союзники; это означаетъ, что лѣвый флангъ южнаго бѣлаго движенія окончательно ликвидированъ. Неужели же и тамъ все такъ же плохо, какъ и у насъ здѣсь!

20 Апрѣля. На пасхальномъ пріемѣ въ желѣзнодорожномъ собраніи начальникъ Пекинской духовной миссіи произнесъ слово на тему о необходимости головѣ не забывать о ногахъ и напомнилъ старую истину, что организмъ можетъ быть здоровымъ и жизнерадостнымъ только при благополучіи всѣхъ его органовъ. Говорятъ, что высокопоставленной публикѣ это очень не понравилось.

А сказано очень кстати, ибо здѣсь головы совсѣмъ забыли о ногахъ и это губитъ все русское дѣло.

Работая въ квартирной комиссіи, близко соприкоснулся съ порядками охранной стражи; и здѣсь надъ нами какой-то злой рокъ, сгноившій и эту организацію, которая могла бы охранить здѣсь порядокъ и наши права; была полная возможность набрать отборный составъ и зарекомендовать себя образцовой службой, а вмѣсто этого получилась какая-то сѣрая, безобидная, но гибельная своей безобидностью слякоть.

21—22 Апрѣля. Ѣду скорымъ поѣздомъ на новую службу и новыя переживанія. Кончился годовой, сѣрый, бездѣльный Харбинскій періодъ моей жизни и начинается Омскій. Предчувствія у меня невеселыя. Въ поѣздѣ грязно, безалаберно, персоналъ распущенъ и погруженъ въ заботы и расчеты по провозу обильной контрабанды и разныхъ ходкихъ товаровъ. Вмѣстѣ ѣдетъ генеральнаго штаба полковникъ Акинтіевскій, вызванный на службу въ Омскъ. Онъ разсказалъ мнѣ о двухъ обѣдахъ, устроенныхъ Семеновымъ и Семеновцами въ честь Гондатти; очевидно, были попытки заманить въ свою

орбиту столь крупную административную величину, но Гондатти слишкомъ уменъ, чтобы пойти на такую авантюру.

Акинтіевскій вращался близко около атаманщины и считаетъ что самъ Григорій безгласная пѣшка въ рукахъ окружающей его банды, которая совершенно обнаглѣла отъ безнаказанности; сейчасъ эта банда очень недовольна слабостью атамана, принявшаго условія примиренія съ Омскомъ, и бахвалится, что все равно они не допустятъ выполненія атаманомъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ.

За послѣднее время японцы нѣсколько охладѣли къ Семенову, что по мнѣнію Акинтіевскаго является результатомъ назначенія въ Читу полковника Куросава вмѣсто капитана Куроки.

Сейчасъ въ Приморской Области подъ негласнымъ главенствомъ Иванова-Ринова идетъ оживленная дѣятельность по украинскому движенію и по формированію украинскихъ куреней; этимъ И.-Р. думаетъ создать свою собственную силу, которая поставитъ его наравнѣ съ атаманами. Хорватъ не разрѣшилъ этихъ куреней, но когда И.-Р. допустилъ ихъ формированіе, то Хорватъ уклонился отъ какихъ-либо дѣйствій, отговорившись, что всѣ «формированія» входятъ въ самостоятельную сферу дѣйствій его помощника по военной части.

Интересны разсказы Акинтіевскаго про семеновскихъ прихвостней и ихъ ссоры за благоволеніе атамана; одинъ изъ этихъ прихвостней Вериго самымъ нелестнымъ образомъ отзывался объ антуражѣ атамана и называлъ ихъ прохвостами и мошенниками; другой, Малиновскій въ равноцѣнныхъ выраженіяхъ отзывался о Вериго, а самъ атаманъ столь же нелестно отзывался о вышеуказанныхъ своихъ сподвижникахъ, что не мѣшало ему держать ихъ на высокихъ мѣстахъ и вершить за его счетъ всякія дѣла.

Характеренъ также разсказъ о томъ, какъ на какой-то кутежкѣ, пьяный Малиновскій жаловался атаману на обиды, учиненныя ему Вериго, когда тотъ былъ семеновскимъ начальникомъ штаба, и какъ атаманъ тутъ же пожаловалъ его за претерпленное чиномъ Полковника. Очень напоминаетъ производство Пугачевымъ въ «фить маршалы» какого-нибудь Хлопуши или Чики.

23 Апрѣля. Въ Маньчжуріи мучили таможеннымъ досмотромъ, но ѣхавшихъ рядомъ спекулянтовъ самаго жульническаго вида даже не побезпокоили; говорятъ, что это дѣло налажено и что досмотръ получаетъ инструкціи, какія купе не надо трогать; зато у проводника вагона нашли шелка тысячъ на шестьдесятъ; проводникъ этимъ не особенно огорченъ; говорятъ, что сейчасъ на эти мѣста идутъ дѣльцы съ огромными деньгами.

Проѣхали станцію Даурію, застѣнокъ знаменитаго барона Унгерна, знаменитый своими сопками, надъ которыми невидимо рѣетъ мрачная надпись «оставь надежду всякъ сюда идущій». Сейчасъ здѣсь стало тише, хотя разстрѣлы продолжаются.

Къ намъ въ вагонъ сѣло нѣсколько офицеровъ, вышедшихъ встрѣтить меня и Акинтіевскаго и просившихъ какъ-нибудь выручить ихъ изъ этого ужаса; они подтвердили, что Унгернъ поретъ офицеровъ, что раньше тутъ примѣнялись самыя средневѣковыя пытки, замучивали людей на смерть, жгли и варили; но зато всѣ подтвердили, что Унгернъ взбалмошно храбръ и лично безкорыстенъ, живетъ нищимъ анахоретомъ и ненавидитъ Читу за ея безобразную жизнь.

Хуже всего здѣсь контръ-развѣдка, куда собрались отбросы жандармовъ, охранныхъ агентовъ и разнузданная молодежь самаго садическаго типа.

Въ нашемъ поѣздѣ половина пассажировъ очевидные спекулянты, несущіеся на западъ, чтобы наблюдать за продажей ранѣе отправленныхъ туда товаровъ.

Въ поѣздѣ ѣдетъ жена бывшаго командующаго сибирской арміей и организатора сибирскаго возстанія Гришина Алмазова; по ея словамъ послѣдніе безпорядки въ Омскѣ это дѣло рукъ Иванова-Ринова, который считаетъ, что Колчакъ узурпировалъ принадлежащее по праву только ему, И.-Р. мѣсто, и который готовъ на все, чтобы свалить Адмирала.

По разсказу той же Гришиной, жена Иванова-Ринова, сопровождавшая его при первой поѣздкѣ на Дальній Востокъ привезла въ Омскъ даромъ и безъ пошлины массу разныхъ товаровъ, на открытой продажѣ которыхъ заработала нѣсколько сотъ тысячъ рублей;

потребность въ товарахъ была такъ велика, что покупатели сломали крыльцо дома, въ которомъ жили Риновы.

Хорошенькая для населенія иллюстрація честности, порядочности и безкорыстности тѣхъ, которые взгромоздились на троны его руководителей и начальниковъ.

24—25 Апрѣля. Миновали Семеновщину; надо признать, что съ внѣшней стороны Забайкальская желѣзная дорога въ порядкѣ, даже полотно и верхнее строеніе пути въ исправности; доказательство того, что всякая система даетъ свои результаты; не думаю, чтобы кто нибудь особенно заботился о томъ, чтобы дорога была по внѣшности въ порядкѣ, но режимъ вдоль дороги жестокій, и всякая сошка дѣлаетъ свое дѣло такъ, какъ дѣлала его прежде, когда былъ порядокъ.

Во Верхнеудинскѣ свирѣпые субъекты, контролировавшіе поѣздъ, усумнились въ моей личности, такъ какъ имъ было непонятно, какъ генералъ, да еще главный начальникъ снабженій, ѣдетъ не экстреннымъ поѣздомъ и безъ броневиковъ; меня выручило свидѣтельство Акинтіевскаго, удостовѣрившаго подлинность моей личности.

Впереди пугаютъ Тайшетскимъ участкомъ, гдѣ большевики засѣли въ лѣсахъ недалеко отъ желѣзной дороги и съ успѣхомъ спускаютъ поѣзда подъ откосы.

Ѣдемъ по дорогѣ, гдѣ охрана въ рукахъ чехо-словаковъ; жирные и надутые они важно разгуливаютъ по станціоннымъ платформамъ, окруженные русскими дѣвицами; одѣты, какъ женихи, причемъ я узнаю наши владивостокскіе сапоги на ихъ ногахъ и наше сукно на ихъ шинеляхъ.

26 Апрѣля. Всю ночь стояли, такъ какъ на этомъ участкѣ работаютъ повстанческія красныя банды и за послѣднюю недѣлю произвели нѣсколько нападеній на станціи и нѣсколько крушеній поѣздовъ. Сейчасъ всѣ станціи заняты чехословаками.

Въ Тайшетѣ стоятъ партизаны отряда атамана Красильникова, весьма разболтанные и достаточно разбойнаго вида; мѣстный комендантъ станціи старый подполковникъ жаловался, что пьянство идетъ гомерическое, а противъ большевиковъ ходить не любятъ, сначала отговаривались тѣмъ, что въ тайгѣ много снѣга, а теперь выходитъ, что снѣгъ таетъ и очень топко; однако же, большевикамъ ни снѣгъ, ни грязь не мѣшаютъ подходить къ линіи и крушить наши поѣзда.

Пришлось видѣть, какъ охраняется дорога: какъ только солнце стало склоняться, по линіи пошли броневики, которые сняли охрану и привезли на станцію; ночью охрана боится стоять на пути.

Нелѣпа идея охранять дорогу, сидя на ней, но не занимая близкіе къ ней населенные пункты и не охраняя подходящіе къ ней и очень немногочисленные пути. Чехи отлично устроились въ захваченныхъ ими вагонахъ и имъ нѣтъ никакой охоты идти въ грязныя деревни, терпѣть разныя неудобства и еще чѣмъ-то рисковать; они уцѣпились за то, что охраняютъ дорогу, и сидятъ на ней à cheval. Говорятъ, что съ большевиками у нихъ свой modus vivendi.

На перегонѣ 1241 будки нашъ поѣздъ былъ спасенъ отъ гибели путевымъ сторожемъ, обнаружившимъ лопнувшій рельсъ и остановившимъ насъ сигналомъ; скорость была большая, на крутомъ закругленіи и на высокой насыпи; вообще, было много шансовъ возвеселить красныя сердца. Я предложилъ пассажирамъ собрать для этого сторожа, нашего несомнѣннаго спасителя, нѣкоторую сумму денегъ; собрали около тысячи рублей, причемъ большую часть дали офицеры, а спекулянты, проѣдающіе въ вагонѣ ресторанѣ тысячи рублей заразъ, или отказались, или отдѣлались 3—5 рублями.

27 Апрѣля. Ночь шли съ остановками; вся Енисейская губернія охвачена частичными возстаніями какого-то анархическаго характера, т. к. у возставшихъ чисто анархическіе лозунги «долой земство, милицію и налоги».

Русскій анархизмъ (не ученье, а оголтѣлое, оптомъ, отрицаніе всякой власти, принужденія и обязанностей) при полной свободѣ внутренняго человѣческаго звѣря начинаетъ вылѣзать изъ всѣхъ норъ. Новая власть упустила драгоцѣнное время, не сумѣла укрѣпить минутное настроеніе первыхъ мѣсяцевъ послѣ сверженія большевизма, ей вообще благожелательное; она не сумѣла выявить себя сильной, честной и полезной; населеніе вновь убѣдилось, что толку отъ власти никакого, но зато непріятностей и ущемле-

ній сколько влѣзетъ. Честную, сильную, разумную, заботящуюся о населеніи власть таковое несомнѣнно признало бы, ну, а съ той безсильной и кусательной только слякотью, что далъ ей Омскъ, оно начало разсчитываться по сибирски, съ сильной примѣсью каторжныхъ традицій и таежнаго ухарства.

Карательныя мѣры безсильны что-либо сдѣлать въ данной обстановкѣ; единственный исходъ — это приближеніе органовъ власти къ мятущемуся населенію, умѣнье разобраться въ причинахъ возстанія и отдѣлить большевистско-каторжные нарывы отъ законнаго недовольства, принявъ немедленныя мѣры къ устраненію причинъ послѣдняго.

Проѣзжаемъ рядъ станцій переполненныхъ чехословаками, распухшими отъ бездѣлья и жирной кормежки. Скорѣе бы ихъ увозили домой, ибо пользы отъ нихъ почти никакой; настоящей охраны дороги они не несутъ, подъѣдаютъ наши и безъ того жидкіе запасы продовольствія, забиваютъ своими поѣздами транспортъ и тащутъ все русское на правахъ спасителей. Кромѣ того, у нихъ несомнѣнныя тенденціи поддержать русскую «демократію» противъ реакціи и ихъ политиканы весьма охочи вмѣшиваться въ наши дѣла.

При общемъ бездѣльѣ, при нервности, вызываемой стихійнымъ стремленіемъ домой, при неизбѣжной и злой критикѣ всѣхъ нашихъ язвъ и недостатковъ, такое настроеніе чеховъ можетъ создать для насъ въ концѣ концовъ тяжелыя затрудненія. Сейчасъ подъ ихъ властью вся наша магистраль, весь подвозъ и случайное воспаленіе этой артеріи можетъ насъ погубить. Поведеніе чеховъ и ихъ командного состава въ Харбинѣ и Владивостокѣ показываетъ достаточно ярко, что эти практическіе нѣмецкіе метисы отлично учли свое теперешнее значеніе и его выгоды; они понимаютъ, что немедленно имъ уѣхать домой нельзя, и не теряютъ времени, чтобы съ наибольшей пользой использовать это временное здѣсь сидѣнье, отъѣсться, отдохнуть и возможно больше обогатиться; они самымъ эгоистическимъ образомъ преслѣдуютъ только свои чешскіе интересы.

Трудно было выдумать болѣе вредную для насъ комбинацію, какъ охрана магистрали этими случайными войсками.

Въ чехословацкихъ эшелонахъ погруженъ отличный, совершенно новый обозъ изъ нашихъ двуколокъ; на проводкѣ видѣлъ отличныхъ лошадей; подъ жилье взяты лучшіе пассажирскіе вагоны и новые, недавно прибывшіе изъ Америки, товарные на 3000 пудовъ грузоподъемности. Всюду довольство, избытокъ всего и благоустройство. А впереди на русскомъ фронтѣ нищета, полуголодное существованіе, нѣтъ одежды, обоза, лошадей и пр., и пр.

Посадили намъ въ тылъ прожорливаго спрута и думаютъ, что оказываютъ помощь. Вѣдь то, что дѣлается на Красноярскомъ участкѣ, убѣдительно показываетъ, что чешская охрана это миѳъ, и, что, если бы ихъ тутъ не было, то не было бы особенно хуже.

28 Апрѣля. Проѣхали Ново-Николаевскъ. По Сибирской дорогѣ всюду грязь и безпорядокъ; чехословаки очень хорошо и аккуратно обставили свои стоянки, но очень равнодушно смотрятъ на все то, что дѣлается на станціяхъ и путяхъ. Въ общемъ внѣшняя сторона немного лучше, чѣмъ годъ тому назадъ.

Здѣсь въ поѣздъ сѣлъ Эйлеръ, начальникъ управленія неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ; я ему разсказалъ всѣ таможенные порядки на востокѣ, всѣ уловки контрабандистовъ, спекулянтовъ и просилъ дать таможнямъ реальную силу, чтобы производить досмотры высокопоставленныхъ экстренныхъ поѣздовъ и союзныхъ эшелоновъ.

Ближе къ Омску на охранѣ дороги стоятъ поляки; одѣты щегольски, видъ здоровенный; тоже показываютъ, что насъ спасаютъ, а на самомъ дѣлѣ укрываются отъ фронта. Рядомъ наши желѣзнодорожныя части щемятъ сердце своимъ оборваннымъ, нищенскимъ видомъ и изможженными зелеными лицами; они ютятся въ какихъ-то грязныхъ логовищахъ, питаются впроголодь, и несутъ самую тяжелую службу.

Письмо въ редакцію

Милостивый Государь!

Ознакомившись съ содержаніемъ воспоминаній С. П. Бѣлецкаго, помѣщенныхъ въ томѣ XII издаваемаго Вами Архива Русской Революціи, я прошу Васъ не отказать въ любезности помѣстить нижеслѣдующее: въ началѣ главы восьмой означенныхъ воспоминаній авторъ ихъ между прочимъ упоминаетъ, что А. Н. Хвостовъ «провелъ Наумова на постъ Министра Земледѣлія вмѣсто Кривошеина»... и этимъ ограничивается, совершенно опуская всю ту дѣйствительную обстановку, при которой состоялось въ концѣ концовъ мое назначеніе, несмотря на настойчивый мой отказъ отъ таковаго, дважды Государю заявленный — сначала въ письменной формѣ, а затѣмъ устно на аудіенціи у Его Величества.

Считаясь съ фактической невозможностью нынѣ выступать съ какими либо опроверженіями личнаго свойства, при создавшемся положеніи вещей — отсутствіи въ живыхъ и Хвостова, и самого автора Бѣлецкаго, оставляя въ виду этого на совѣсти послѣдняго допущенное имъ по поводу моего назначенія выраженіе, я вмѣстѣ съ тѣмъ, во избѣжаніе несоотвѣтствующихъ оцѣнокъ и заключеній, не считаю возможнымъ молчать и постараюсь, хотя бы вкратцѣ, воспроизвести событія такъ, какъ таковыя сопутствовали времени призыва меня Государемъ на постъ Министра Земледѣлія.

Начну съ того, что вся моя почти четверть-вѣковая дѣятельность прошла въ условіяхъ выборной службы, сначала въ Самарскомъ Земствѣ и Дворянствѣ (пять трехлѣтій предводительства), а затѣмъ, съ 1908 года я, въ качествѣ выборнаго отъ того же Земства, принималъ участіе въ работахъ Государственнаго Совѣта. Въ августѣ 1915 года былъ Государемъ привлеченъ какъ представитель выборной группы Членовъ Государственнаго Совѣта къ участію въ работахъ Верховной Слѣдственной Комиссіи, образованной для выясненія обстоятельствъ, послужившихъ причиною несвоевременнаго и недостаточнаго воинскаго снаряженія арміи. Работа была огромная, напряженная и отвѣтственная — мнѣ было поручено обслѣдованіе дѣятельности артиллерійскихъ заводовъ и въ концѣ октября, имѣя намѣреніе вмѣстѣ съ Ген. А. А. Маниковскимъ лично на мѣстѣ осмотрѣть Царицынскій заводъ для болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ его дѣятельностью, я, получивъ соотвѣтствующую командировку отъ Верховной Комиссіи, долженъ былъ по дѣламъ заѣхать проѣздомъ сначала въ городъ Самару, гдѣ двадцать восьмого октября была получена мною телеграмма слѣдующаго содержанія: «Прошу срочно прибыть въ Петроградъ по дѣлу исключительной важности. Статсъ-Секретарь Горемыкинъ». Вернувшись 1 ноября въ Петроградъ, я былъ тотчасъ принятъ И. Л. Горемыкинымъ, который мнѣ сообщилъ о Высочайшей волѣ назначить меня Министромъ Земледѣлія вмѣсто А. В. Кривошеина. Результатомъ нашего свиданія была моя настойчивая просьба передать Государю мой категорическій отказъ. Въ виду отсутствія Его Величества и пребыванія Его на фронтѣ, Горемыкинъ предложилъ мнѣ написать письмо Государю Императору съ моимъ отказомъ, каковое онъ обѣщалъ послать по принадлежности въ экстренномъ порядкѣ. Въ тотъ же день — 1 ноября мною было написано и передано И. Л. Горемыкину соотвѣтствующее письмо Его Величеству съ мотивированнымъ отказомъ (основныя соображенія: неподготовленность, крайняя сложность и неопредѣленность Кривошеинскаго продовольственнаго наслѣдія, несоотвѣтствіе моихъ общественно-государственныхъ взглядовъ съ идеологіей нѣкоторыхъ членовъ Совѣта Министровъ, желаніе завершить возложенную на меня Государемъ отвѣтственную работу въ Верховной Слѣдственной Комиссіи). Десятаго того же ноября Горемыкинъ вручилъ мнѣ отвѣтъ Государя, написанный Имъ собственноручно на моемъ же письмѣ въ видѣ резолюціи, подтверждающей мое назначеніе Управляющимъ Министерствомъ Земледѣлія. Тогда я просилъ И. Л. Горемыкина тотчасъ по возвращеніи Государя съ фронта дать мнѣ возможность лично представить Его Величеству свой докладъ о невозможности принятія на себя обязанности Министра Земледѣлія, что и было имъ исполнено. Вскорѣ Государь дѣйствительно меня принялъ, и мнѣ удалось подробно изложить всѣ тѣ соображенія общаго и личнаго характера, по коимъ я горячо настаивалъ передъ Его Величествомъ объ освобожденіи меня отъ занятія Министерскаго Поста, прося оставить тѣмъ, чѣмъ я былъ, т. е. Губернскимъ Предводителемъ, Членомъ Государственнаго Совѣта и Членомъ Верховной Слѣдственной Комиссіи. За все время моего доклада Государь не проронилъ почти ни одного слова и лишь на прощаніе сказалъ: «итакъ, прошу васъ бывать у Меня съ докладами по понедѣльникамъ, сегодня же подайте заявленіе о выбытіи вашемъ изъ состава Верховной Слѣдственной Комиссіи»... Пришлось подчиниться и съ сознаніемъ предстоящей жуткой отвѣтственности вступить невольно въ тотъ періодъ моей жизни, который я въ силу объема и условій работы не иначе могъ бы назвать, какъ «каторгой мозга и духа».

Заканчивая свою справку, я считаю умѣстнымъ коснуться нашихъ отношеній съ А. Н. Хвостовымъ: до назначенія меня Министромъ я съ А. Н. встрѣчался лишь въ 1908 году во время очередныхъ засѣданій Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства при обсужденіи Столыпинской уѣздной и губернской реформы — въ то время Хвостовъ былъ, если не ошибаюсь, Вологодскимъ Губернаторомъ. Послѣ сего встрѣтился я съ нимъ уже, будучи назначеннымъ Управляющимъ Министерствомъ Земледѣлія, за общимъ столомъ засѣданія Совѣта Министровъ, и съ первыхъ же шаговъ пришлось встать съ нимъ на путь кореннаго расхожденія въ области продовольственной политики, о чемъ вѣроятно еще живы воспоминанія у моихъ коллегъ и сотрудниковъ по Министерству.

Примите увѣреніе въ моемъ къ Вамъ уваженіи и совершенной преданности

Александръ Наумовъ.

Содержаніе

Документы и дневники

Исправленія:

Въ томѣ XII Архива Русской Революціи вкрались слѣдующія ошибки:
на стр. 293, 14 строка сверху, отпечатано: Тимофеевскій, слѣдуетъ читать: Постниковъ,
на стр. 294, 12 строка сверху, отпечатано: Оберъ-Прокурора Сената, слѣдуетъ читать: Оберъ-Секретаря Сената.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ
АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

BINDING SECT. JUN 12 1967

P HSlav A
Arkhiv Russkoi Revolyutsii
13(1924)

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY